

11-8/14
АКАДЕМИИ
НАУК
СССР

В 10

КРИТИКА

НОВЕЙШЕЙ
БУРЖУАЗНОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ

11-
А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
И Н С Т И Т У Т   И С Т О Р И И
Л Е Н И Н Г Р А Д С К О Е   О Т Д Е Л Е Н И Е
Т Р У Д Ы .   В Ы П У С К   1 0

КРИТИКА НОВЕЙШЕЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД
1 9 6 7

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

О. Л. Вайнштейн (ответственный редактор), Р. Ш. Ганелин,
В. С. Дакин, В. П. Рутенбург, В. А. Шишкин

295579

Центральная научная
БИБЛИОТЕКА
Академии наук Киргизской ССР

ОТ РЕДАКЦИИ

За пять лет, прошедших со времени выхода в свет первого сборника Трудов ЛОИИ АН СССР, посвященного критике новейшей буржуазной историографии,¹ наша историческая наука сделала заметные успехи в решении поставленных перед нею задач — в актуализации тематики конкретно-исторических работ, усилении внимания к проблемам методологии, к творческой разработке марксистско-ленинской теории истории, в дальнейшем развитии серьезной, настойчивой, строго научной критики антимарксизма и антикоммунизма в буржуазной историографии. Эти успехи стимулировались решениями руководящих органов нашей партии, прежде всего самой Программой КПСС и вытекающими из нее постановлениями последних пленумов ЦК КПСС и XXIII съезда партии об усилении идеологической работы, в том числе на историческом фронте. Как известно, эти постановления сопровождались рядом организационных мероприятий, таких, как Всесоюзное совещание историков в конце 1962 г., прошедшие за последние годы дискуссии по проблемам методологии истории, установление более тесных контактов между историками, философами и представителями других общественных наук, создание в составе Института истории АН СССР сектора методологии, проведение в 1964 г. сессий гуманитарной секции Президиума АН СССР в Москве и Ленинграде, на которых вопросы методологии и историографии занимали доминирующее место, и т. д.

¹ Труды ЛОИИ АН СССР, вып. 3, Критика новейшей буржуазной историографии, М.—Л., 1961.

В связи с этими мероприятиями заметно оживилась исследовательская работа в области теории истории и историографии, о чем свидетельствует резко возросший объем литературы, опубликованной в виде монографий, сборников и журнальных статей за последние годы, достаточно просмотреть приложенную к настоящему сборнику библиографию, хотя и выборочную, т. е. весьма неполную, но все же дающую представление об основных темах советских работ по теории истории.

Теоретическим вопросам посвящен и первый раздел настоящего сборника. В статье О. Л. Вайнштейна отмечаются еще существующие неясности и нечеткость в определении теоретических дисциплин истории и подвергается критике стремление буржуазных теоретиков растворить методологию истории в технике исторического исследования, т. е. лишить методологию руководящего принципиального и решающего значения для конкретной исторической работы. В статье В. И. Рутенбурга рассматривается историческое развитие теории прогресса, в связи с чем подвергается критике современная буржуазная теория «единого индустриального общества», равно как и попытки возрождения реакционных теорий цикличности. И. С. Кош подверг в своей статье глубокому анализу работы немецкого философа Дильтея, который поставил едва ли не все вопросы, дискутируемые ныне в буржуазных трудах по философии истории, чем оказал большое влияние на историческую мысль современного капиталистического Запада. Статья Г. Л. Соболева знакомит с проблемой общественной психологии в историческом исследовании, причем марксистско-ленинская позиция в отношении этой проблемы обосновывается с помощью анализа развития психологии масс в период от февраля к октябрю 1917 г.

Легко видеть даже из этой краткой характеристики, что все теоретические статьи нашего сборника содержат весьма значительный историографический элемент. В такой же мере и чисто историографические статьи двух следующих разделов имеют, так сказать, заметную методологическую окраску. Подвергая критике ошибочные взгляды или фальсификации буржуазных ученых по ряду конкретно-исторических вопросов, авторы этих статей стремятся вскрыть не только отдельные ошибки и извращения, но и показать их методологические предпосылки, их обусловленность неверной теоретической позицией. Так, И. П. Ша-

скольский, останавливаясь в своей статье на вопросе о происхождении имени «Русь» в истолковании современных норманистов, показывает с помощью лингвистического анализа лорочность методологических принципов, положенных ими в основу своих изысканий. Статья А. Л. Гольдберга представляет систематическую критику концепции русского исторического процесса в работах А. Тойнби. Анализ показывает религиозно-мистическую подкладку этой концепции и ее резко антимарксистскую направленность, объясняющую необычайный успех А. Тойнби в США и некоторых других странах. Следующая затем статья В. И. Биллика, в которой подвергнуты обстоятельной критике работы главным образом западнонемецких историков по истории Великой Октябрьской революции, интересна особенно выяснением одной присущей им тенденции — преувеличением особенностей развития России, делающих ее исторический опыт якобы непригодным для других стран, а также попыткой решить важную для буржуазии проблему: была ли Октябрьская революция неизбежной, нельзя ли было ее предотвратить. В. И. Кардашов вскрывает тенденцию буржуазных авторов, изучающих движение сопротивления, реабилитировать гитлеровцев, совершавших на Советской земле чудовищные преступления, и представить, сверх того, партизанское движение как организованную советским военным командованием «незаконную» форму ведения войны. Это тоже особый методологический прием извращения фактов, носящий особенно подлый характер ввиду его цели — оправдать действия, давно осужденные и преданные проклятию всем прогрессивным человечеством.

Статья А. Д. Люблинской «О методологии исследования истории народных масс и социальных отношений эпохи абсолютизма», открывающая раздел сборника «Проблемы историографии всеобщей истории», показывает, какие вопросы конкретно-исторического и методологического характера были выдвинуты в связи с дискуссией, вызванной во Франции книгой Б. Ф. Поршнева «Крестьянские восстания перед Фрондой», и подчеркивает — в противоположность французским историкам, — что народные движения XVI—XVII вв. были проявлениями классовой борьбы и что только марксистское определение класса может быть критерием научного определения общественной структуры страны. Точно так же В. С. Дякин выступает против популярной среди

буржуазных историков концепции «века масс», подчеркивает ненаучность любой попытки отвергнуть классовый подход к анализу массового движения. А. А. Фурсенко в своей статье об эволюции капитализма в США подвергает острой критике историков так называемой «школы истории бизнеса», показывая, что в теориях этой школы попытки опровержения марксизма сочетаются с заимствованием некоторых марксистских идей, но в фальсифицированном виде. Наконец, небольшая статья А. М. Носкова об историографии истории норвежского сопротивления представит для советского читателя интерес ввиду почти полного отсутствия литературы на русском языке по этому вопросу.

Выпуская в свет настоящий сборник, Редакция выражает надежду, что некоторая внешняя пестрота его тематики не заслонит от глаз читателя его внутреннего единства, характеризующегося сочетанием во всем сборнике и в каждой отдельной статье двух на первый взгляд различных, а в действительности органически связанных направлений — теоретико-исторического и конкретно-историографического.

О. Л. ВАЙНШТЕЙН

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ ИСТОРИИ

Кризис буржуазной исторической мысли чрезвычайно обострился за последние два-три десятилетия. Независимо от того, в чем видят современные буржуазные теоретики проявления кризиса и как они его объясняют, никто из них не отрицает самого факта. Они говорят не только о «глубоком методологическом кризисе историографии», не только утверждают, что историческая наука «зашла в тупик»,¹ но некоторые доходят до требования «порвать со старой методологией истории», которая «изжила себя», и создать «совершенно новую методологию», имея в виду, конечно, такую, которая сумела бы противостоять марксизму.²

Методологический кризис распространился и на смежные науки — историю философии, историю литературы, искусства и т. д., но наиболее яркое выражение он получил не в конкретно-исторических («эмпирических») трудах, а в философской, теоретической литературе.³ Антимарксистский и антикоммунистический характер всей этой литературы почти всегда отчетливо выступает наружу, тем не менее она представляет интерес не только как объект полемики в нашей борьбе за марксистско-ленинскую идеологию и методологию, но и как стимул к более активной творческой разработке теоретического наследия классиков марксизма.

¹ См., например: Othmar F. Anderle. 1) *Teoretische Geschichte. Hist. Zeitschr.*, 1958, Bd. CLXXV, SS. 1—54.; 2) *Die Geschichtswissenschaft in der Krise.* Baden-Baden, 1958; Georg G. Iggers. *The Idea of Progress in recent Philosophy of History.* *Journ. Modern History*, 1958, v. XIX, № 3; Report of the Committee of hist. analysis of the Social Sciences Research Council, ed. by L. Gottshalk. Chicago, 1963; G. Barraclough. *History in Changing world.* Oxford, 1956.

² См.: G. Weiler. Fritz Mautner as an Historian. *History and Theory*, 1964, № 1. Мютнера, буржуазного историка атеизма, Вейлер упрекает в том, что он был «не способен порвать со старой методологией и создать новую».

³ Большая (но не исчерпывающая) библиография трудов по теории истории за 1945—1962 гг. приложена к сб.: Report of the Committee of hist. analysis. . .

Наши «эмпирические» историки, как правило, мало заботятся теоретическими проблемами своей науки, довольствуясь унаследованным и органически усвоенным методом исторического материализма и предоставляя философам задачу оттачивать и совершенствовать это могучее орудие познания. На Всесоюзном совещании историков в декабре 1962 г. в докладе акад. Б. Н. Пономарева, в выступлениях академиков Е. М. Жукова, М. В. Нечкиной, П. Н. Федосеева, П. Н. Поспелова и многих других представителей советской общественной науки отмечалась исключительная важность теоретических вопросов истории, отставание на этом участке исторического фронта и необходимость участия самих историков в их разработке.⁴ После совещания в этом деле намечались некоторые сдвиги, но еще явно недостаточные, притом затронувшие главным образом философов, но не историков.

Одним из препятствий, стоящих на пути «эмпирического» историка, стремящегося углубить свои теоретические знания, приблизиться к разработке методологических проблем и принять активное участие в критике современных направлений буржуазной теоретической мысли, является присущая нашей философско-исторической литературе неразработанность и подчас ненужная усложненность терминологии, а также противоречия в определении предмета, содержания и границ различных теоретических дисциплин истории и их отношения к основным разделам марксистской философии (гносеологии, диалектической логике, историческому материализму).

Наши философы, следуя в данном случае плохому примеру буржуазных теоретиков, до сих пор не договорились между собой об однозначном определении и применении таких понятий, как «методология истории», «философия истории», «теория истории», «социология», «логика исторического исследования», «эпистемология» и т. д. Так, например, в одной и той же книге — в сборнике «Марксизм и буржуазная социология» — даются противоречивые определения «социологии» и «социологической теории» как якобы отличной от «теории истории», причем исторический материализм рассматривается то как «социология», то как «метод

и теория социологии», то как «основа общей методологии социологии».⁵ Нетрудно также заметить проявляющуюся у разных авторов сборника тенденцию приписать социологии даже функции конкретной исторической науки («Социология — наука об общих законах и конкретных формах развития общества»⁶). Результатом смешения «эмпирической» и «теоретической» социологии и неясности их границ с исторической наукой является странное противопоставление «исторического метода в социологии» «социологическому методу в истории».⁷ Содержание и задачи социологии как науки трактуются многими так широко, что она фактически поглощает и методологию, и философию истории.

Такая же неясность в понимании содержания и задач ряда теоретических дисциплин истории обнаружилась при обсуждении доклада акад. П. Н. Федосеева и акад. Ю. П. Францева на заседаниях гуманитарной секции Президиума АН СССР в январе 1964 г.⁸ В самом докладе «О разработке методологических вопросов истории» имеется много ценных для историков соображений, но в последовавшей затем дискуссии выяснилось, что каждый из ее участников вкладывает в понятия «методология истории», «философия истории», «социология» и т. д. различное содержание, по-своему понимает отношение этих дисциплин к исторической науке и друг к другу.

Б. М. Кедров утверждает, что «никакой марксистской социологии нет и незачем ее придумывать» (История и социология, стр. 119), так как «исторический материализм — это и есть марксистская социология» (там же, стр. 121). Акад. М. В. Нечкина, памятуя слова В. И. Ленина, что Маркс «впервые поставил социологию на научную почву», считает «выражение марксистская социология приемлемым», но не видит никакой разницы между марксистской социологией и марксистской философией: для нее это «синонимы». Вместе с тем Нечкина отвергает как ненужный термин «философия истории» (там же, стр. 225). Философ Г. Е. Глезерман, наоборот, жалеет о том, что «вместе с философией истории мы похоронили и некоторые ее проблемы» (там же, стр. 132). Он забыл добавить, что первыми «похоронили» филосо-

⁴ См.: Всесоюзное совещание историков. М., 1964. Б. Н. Пономарев: «Развитие исторической науки в свете новой программы КПСС требует усиления внимания к вопросам методологии, к философии истории» (там же, стр. 24); Е. М. Жуков: «Необходимо восстановить примат теории в исторических исследованиях» (там же, стр. 56); М. В. Нечкина отметила «глубокий разрыв между историком и методологией его науки. Методология исторического материализма отошла к философам. Они могут судить и судят об этом достаточно абстрактно» (там же, стр. 82); П. Н. Федосеев: «Одной из важнейших проблем... является проблема методологии истории, ибо в ней ключ к развитию истории, к решению важнейших актуальных задач, стоящих перед исторической наукой» (там же, стр. 191); ср.: там же, стр. 256, 370 сл., 385.

⁵ Марксистская и буржуазная социология сегодня. М., 1964, стр. 35, 131, 291—295, 311, 339. Ср.: Вопр. филос., 1964, № 8, стр. 135 сл.: «Исторический материализм — это марксистская социология»; «Исторический материализм есть наука об обществе в целом» (там же, стр. 137); «Исторический материализм есть философия марксизма» (с ссылкой на Энгельса; там же, стр. 140); «Исторический материализм — это 1) мировоззрение марксизма, 2) метод исследования в общественных науках» (в сб.: «Исторический материализм», М., 1962, стр. 354).

⁶ Марксистская и буржуазная социология сегодня, стр. 131.

⁷ В таком духе М. Т. Попчук говорил на Всесоюзном совещании историков о «социологических исследованиях истории советского общества», что, видимо, следует отличать от исторических исследований того же общества.

⁸ См.: История и социология. М., 1964.

фию истории современные буржуазные философы (см. ниже, стр. 16 и сл.). Еще один участник дискуссии, Ц. А. Степанян, смешивает философию не с социологией, как это делает М. В. Нечкина, а с методологией (там же, стр. 181 сл.). У историка В. П. Данилова свой подход: он включает социологию в состав методологии (там же, стр. 254), тогда как М. Я. Гефтер включает методологию в историю («методология истории — это теоретическая дисциплина внутри исторической науки»; там же, стр. 150).

Вся эта разногласия, по-видимому, вызвана тем, что одни считают исторический материализм только философией истории, другие — только или преимущественно социологией, третьи — методологией. Таким образом, мы в сущности недалеко ушли от формулы С. Н. Быковского, автора первого советского учебника по методике исторического исследования, который ставил знак равенства между методологией, социологией и философией истории, полностью отождествляя эти дисциплины.⁹ Ближе всех подошли к пониманию комплексного характера исторического материализма А. Вербин и А. Фурман,¹⁰ которые в своей книге дают следующее определение: «... исторический материализм является одновременно и философией, и социологией». Однако, как мы увидим ниже, и такое определение недостаточно, во-первых, потому, что в нем забыта методология истории, во-вторых, потому, что в нем отсутствует представление об историческом развитии самого исторического материализма как науки, заключающей в себе все теоретические дисциплины истории в *неразрешенном виде*, но в настоящее время в связи с усложнением научных знаний обнаруживающей тенденцию к их выделению и обособлению в качестве самостоятельных наук.

В последнее время советские философы стали уделять много внимания еще одной теоретической дисциплине истории — «логике исторического исследования» или «познания». Б. А. Грушин, один из первых советских философов, специально занявшихся этим предметом,¹¹ отметил прежде всего «серьезные трудности терминологического порядка», вызывающие необходимость создания «новой терминологии» наряду с использованием «старой». Однако уже при определении задач «логической структуры способов исследования», примененных Марксом в «Капитале», Грушин, вопреки своему же положению, что «существующая в ло-

⁹ С. Н. Быковский. Методика исторического исследования. ГИИМК, Л., 1931, стр. 9: «Тем отделом научного знания, задачей которого является установление... основных особенностей течения исторического процесса, ... служит методология истории, или, иначе, социология, или же, наконец, по неудачной старинной терминологии (!), философия истории» (курсив наш, — О. В.).

¹⁰ А. Вербин и А. Фурман. Место исторического материализма в системе наук. М., 1965.

¹¹ Б. А. Грушин. Очерки логики исторического исследования (процесс развития и проблемы развития его научного воспроизведения). М., 1961.

гике символика, созданная для изображения связей типа конъюнкции, импликация и т. д., непригодна для... оперирования мыслительными зависимостями» в области сложнейших отношений общественного развития, пошел по пути нагромождения символики и абстрактных понятий, заимствованных из математической логики. Его попытка на основе анализа «Капитала» дать «общую характеристику логических закономерностей мышления, направленного на воспроизведение процессов развития объекта» (Очерки логики исторического исследования, стр. 36) вряд ли может способствовать более углубленному пониманию исследовательского метода Маркса.

Другие авторы — П. В. Копнин, П. В. Таванец, Л. Б. Хоруж, Г. М. Андреева, М. А. Барг¹² — претендуют, подобно Грушину, на то, чтобы «путем создания логики научного исследования», «оказать влияние на ход научного знания... помочь специалистам различных областей науки решать стоящие перед ними задачи». Однако подобная заявка еще очень далека от реализации, по крайней мере в области исторической науки. Перед специалистами-историками во всяком случае эта теоретическая дисциплина выступает прежде всего как темный лес терминологических излишеств вроде «формальной импликации», «материальной», «каузальной» и пр. «импликаций», вроде «экспликаций», «экспликандов» и «экспликаторов», вроде схоластического различия «категорий» логики научного исследования (проблема, факт, система, теория) и «понятий» той же логики (концепция, идея, интуиция, гипотеза)¹³ или вроде названий мнимых дисциплин «социология познания», «эпистемология».¹⁴

По тому же пути широкого применения абстрактных понятий математической логики идет историк-медиевист М. А. Барг в статье «Структурный анализ в историческом исследовании».¹⁵ Исходя из признания «принципиальной идентичности логической

¹² П. В. Копнин. Логика научного исследования. Вопр. филос., 1964, № 3; П. В. Таванец. Логика научного познания. Там же; Л. Б. Хоруж. Критика теоретических основ буржуазной «социологии познания». Там же; Г. М. Андреева. Методологическая роль теории на разных этапах социального исследования. Вопр. филос., 1964, № 7; М. А. Барг. Структурный анализ в историческом исследовании. Вопр. филос., 1964, № 10.

¹³ П. В. Таванец (Логика научного познания) утверждает, что «без выработки сознательной позиции в области логики и методологии науки немислимо серьезное и творческое исследование в науке», что верно в отношении методологии, но сомнительно в отношении «классической экстенциональной логики», будет ли она «модальной» или еще какой другой. Ср.: Alan W. Donagan. Historical explanation. History and Theory, 1964, № 1.

¹⁴ Л. Б. Хоруж (Критика теоретических основ..., стр. 114 сл.) критикует буржуазную «социологию познания», но не различает, каково содержание марксистской «социологии познания». А ведь «социология познания» — это выдумка буржуазных социологов и философов-идеалистов Э. Дюргейма, К. Мангейма и М. Шеллера! Об «эпистемологии» см. стр. 29.

¹⁵ Вопр. филос., 1964, № 10.

природы общественных и естественных наук», он переносит в суждения о логике исторического исследования терминологию, применяемую в работах по кибернетике, — «модель», «структура», «сочленение» и «вычленение», «авторегуляция системы» и пр. Много ли поймет или узнает историк, прочитав у Барга, что «общество — это сочленение элементов связей и зависимостей внутри и между множеством самостоятельных систем — в рамках самодвижущихся и саморегулирующих, в рамках одного механического движения формации. . .», или из более короткого определения общества как «субстрата определенным образом сочлененных связей и зависимостей», образующих «скрытый от взора механизм общественной жизни». Если еще можно понять смысл словосочетания «динамика общественного развития» (хотя о статике развития говорить не приходится), то очень трудно представить себе (даже встав на позицию Дильтея насчет «структуры сознания»), что такое «структура самой исторической динамики». Нагромождение таких абстрактных формулировок М. А. Барг называет «дальнейшей структуризацией. . . исторического метода Маркса и одним из плодотворнейших путей. . . его осмысления». Но невозможно понять, что означает «структуризация метода» и почему метод Маркса дуждается в «осмыслении».

В связи с увлечением некоторых теоретиков истории кибернетикой и ее терминологией нельзя не вспомнить о таком же увлечении философов XVII—начала XVIII в. терминологией математики и механики в период быстрых успехов этих наук. Помимо такого общезвестного примера, как «Этика» Спинозы и другие философские произведения XVII в., изложенные «modo geometrico», в строго математической форме, сошлюсь еще на малоизвестный трактат английского ученого Крэга «Правила доказательств в исторических трудах» (Craig, «Rules of historical evidence», 1699).¹⁶ Наряду с математическими терминами здесь широко применены сложные алгебраические формулы и вычисления для обоснования самых тривиальных положений. С этими формулами и уравнениями почти 270-летней давности удивительное внешнее сходство имеют уравнения современных американских социологов-неопозитивистов, по сравнению с которыми логические схемы и графически выраженные формулы Грушина выглядят элементарными. Увлечение математической символикой сказало и на весьма спорном утверждении И. С. Кона, который «одним из главных показателей методологической зрелости» считает то, «насколько та или иная наука может количественно (т. е. в математических формулах, — О. В.) выразить

¹⁶ Это произведение издано на латинском языке оригинала с английским переводом в Приложении к № 4 журнала «History and Theory» за 1964 г.

свои закономерности»,¹⁷ что, впрочем, не мешает ему признать многие сложные формулы (например американского социолога Рашевского) ненужными, не дающими знания. Во всяком случае с этой точки зрения исторической науке, вероятно, никогда не суждено достигнуть зрелости, ибо ее важнейшие закономерности не поддаются сведению к математическим формулам.

Ни в одной из известных мне советских теоретических работ не поднимается вопрос о соотношении логики исследования (или познания) и методологии науки. Часто обе дисциплины отождествляются, например у В. П. Садовского, который определяет методологию науки как «совокупность гносеологических проблем, . . . имеющих своей целью специальный анализ научного знания».¹⁸ П. В. Коппин присоединяет к этому определению еще «круг вопросов, относящихся к. . . постижению общих закономерностей развития науки»,¹⁹ но и для него логика познания составляет почти все содержание методологии. В таком смешении задач обеих дисциплин наши теоретики мало оригинальны: уже Кант, введший в философию термин «методология» (до него употребляли только слово «метод»), отождествлял ее с логикой. В новейших зарубежных энциклопедиях методология либо рассматривается как «часть логики»,²⁰ либо, наоборот, логика является (как и у Коппина) частью методологии, либо логика исследования и методология целиком и полностью совпадают.²¹

В специальных трудах по методологии истории «методология», или «исторический метод», тесно увязывается с философией истории и определяется (например у Бернгейма), с одной стороны, как дисциплина, ставящая «основные проблемы о сущности, задачах и принципах исторической науки», с другой — как совокупность правил сбора источников, их внутренней и внешней критики «для установления фактов и познания связей между ними».²² Точно так же и крупнейший русский буржуазный теоретик истории акад. А. С. Лаппо-Данилевский отмечает, что методология истории ставит себе две задачи: «она стремится дать теорию

¹⁷ И. С. Кон. Позитивизм в социологии. Л., 1964, стр. 174. Когда Маркс говорит, что наука достигает совершенства там, где ей удастся пользоваться математикой, он имеет в виду отнюдь не исторические законы, а использование статистических данных, допускающих применение математики (теории вероятностей и т. д.).

¹⁸ В. П. Садовский. Проблемы методологии дедуктивной теории. Вопр. филос., 1963, № 3, стр. 64.

¹⁹ Вопр. филос., 1964, № 3, стр. 61.

²⁰ Например, в «Dizionario di cultura universale» (v. IV, ed. 2, 1958—1959, s. v. Metodologia).

²¹ См. Enciclopedia Italiana s. v. Metodologia.

²² E. Bernheim. Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. Leipzig, 1908; ср.: A. Meistert. Methodik, Grundzüge der historischen Methode. Leipzig—Berlin, 1923 (сюда входит и написанная проф. Отто Брауном глава «Geschichtsphilosophie», в которой методология обозначается как «формальная философия истории»).

исторического знания и вылестить методы исторического изучения. Первая задача носит философский, гносеологический характер, вторая — источниковедческий. На этом основании Лаппо-Данилевский предлагает различать в историческом методе методологию исторического построения и методологию исторического источниковедения.²³ Такова же и позиция А. Малевского и Ю. Топольского, двух польских авторов книги «Исследования по методологии истории».²⁴ Широкое понимание задач методологии получило отражение и в БСЭ (изд. 2), где отмечаются как два основных раздела методологии «учение о методе познания мира» и «совокупность приемов исследования, примененных в какой-либо науке».

Этому противостоит новое господствующее в буржуазной литературе узкое понимание методологии истории только как собрания правил анализа источников и построения исторической работы. Еще Ланглуа и Сеньобос в своем известном «Введении в изучение истории», которое буржуазные теоретики ныне ironically называют «библией позитивистской историографии», интересовались исключительно техникой исторического исследования и пренебрежительно отзывались о философско-исторической части книги Бергейма как о «метафизике».²⁵

Такая же позиция характеризует новейшие учебники по методологии и так называемые «Введения в историческую науку». Их авторы — Л. Альфен, Л. Готшалк, П. Кири, И. Вансина, В. Люси и др. — посвящают свои работы главным образом или исключительно технике исторического исследования. Так, например, Вансина определяет исторический метод как «совокупность высказываний и нормативов, необходимых для получения новых знаний»; для Люси «исторический метод есть совокупность правил и действий, имеющих целью разыскание всевозможных свидетельств, их критическую оценку, проверку фактов в их причинной связи и изложение этого упорядоченного знания». Точно так же в недавно вышедшем французском коллективном труде «История и метод» (под ред. Ш. Самарана) читаем: «Исторический метод — это совокупность постоянно совершенствуемых технических операций, которые эрудиция ставит в распоряжение историка».²⁶ Многие социологи, смешивая свою науку с методо-

логией, считают ее единственной задачей разработку техники эмпирического исследования в общественных науках.²⁷ Нельзя считать случайным и то, что в томах, которыми открываются отчеты международных исторических конгрессов, например в 1955 и 1960 гг., и которые носят название «Методология и вспомогательные науки истории», мы находим главным образом доклады по вопросам вспомогательных наук.

У классиков марксизма-ленинизма мы не найдем специального определения методологии истории, которую они называют «историческим методом» или «исторической теорией». Несомненно, как отмечалось выше, исторический материализм как теория диалектического развития общества, заключающая в себе и философию истории, и социологию, и метод исследования, являлся в представлении Маркса, Энгельса и Ленина совокупностью всех этих теоретических дисциплин в неразчлененном виде. Они подчеркивали то социологическую, то философско-историческую сторону своего учения, то его гносеологическую основу. В. И. Ленин в работе «Что такое друзья народа...» отмечает: «Диалектическим методом... Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, сводящийся к тому, чтобы рассматривать социальную эволюцию как естественно-исторический процесс развития общественно-экономических формаций» (Соч., т. 1, стр. 165); в статье «Карл Маркс» Ленин пишет: «А диалектика, в понимании Маркса... включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией» (Соч., т. 26, стр. 54—55). Точно так же у Г. В. Плеханова подчеркиваются «в историческом методе» Маркса и философско-историческое, и социологическое его содержание, и его гносеологическая основа. В его работе «Основные вопросы марксизма» хорошо показано, что «материалистическое объяснение истории имело прежде всего методологическое значение» и что оно вместе с тем является «социологией» (см.: Избранные философские произведения, т. III, стр. 146 сл., 184, 192—193; ср.: там же, т. I, стр. 172).

Все эти и многие другие аналогичные высказывания не оставляют сомнений в том, что марксистско-ленинская методология не включает как раз того, что буржуазные теоретики считают в ней важнейшим, — техники исторического исследования.

И это вполне понятно. Техника исторического исследования, как и всякая техника, приобретает определенную идеологическую, классовую окраску лишь в зависимости от того, какому классу она служит. Подобно тому, как одна и та же машина в капитали-

1951; P. Kirn. Einführung in die Geschichtswissenschaft. Berlin, 1959; I. Vansina. De la tradition Orale. Essai de la méthode historique. Fesvurn, 1961; W. L. Lucy. History: Methods and Interpretation. Chicago, 1958; L'Histoire et ses méthodes. Sous la direction de Ch. Samaran. Paris, 1961, Préface.

²⁷ Цит. в сб.: Марксистская и буржуазная социология сегодня, стр. 391 сл.

²³ А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории, вып. 1. Пгр., 1923, стр. 6—7.

²⁴ A. Malewski, J. Topolski. Studia z Metodologii Historii. Warszawa, 1960.

²⁵ Ch. - V. Langlois et Ch. Seignobos. Introduction aux études historiques. Ed. 3. Paris, 1905; см. русский перевод с изд. 1. 1898 г. (Ш. - В. Ланглуа и Ш. Сеньобос. Введение в изучение истории. СПб., 1899): «Бергейм пространно толкует о метафизических (?) вопросах, которые мы считаем лишними всякого интереса» (стр. 9).

²⁶ L. Halphen. Introduction à l'histoire. Paris, 1948; L. Gottshalk. Understanding of history. A primer of historical method. N. Y.,

стическом обществе работает на капитализм, а в социалистическом — на коммунизм, так и буржуазная, столетиями совершенствовавшаяся техника исторического исследования может служить и историку-марксисту для его позитивной работы в борьбе с буржуазным, идеалистическим пониманием исторического процесса, и историку — апологету капитализма. Ведь мы нередко говорим о высокой исследовательской технике какого-нибудь видного буржуазного историка (Петрушевского, Ключевского и т. д.) независимо от его политических и идейно-философских взглядов.²⁸ Оставляем здесь без рассмотрения вопрос о влиянии методологии на технику исторического исследования. Несомненно, применение марксистско-ленинской методологии способствует совершенствованию исследовательской техники, вводя в операции внешней критики источника (выяснения его происхождения, личности создателя, датировки и пр.), а тем более в операции внутренней критики понятие органической связи источника со средой, временем его создания, с классовыми и партийными интересами создателя, т. е. общие принципы марксистско-ленинской методологии.

Некоторые резко враждебные марксизму теоретики, как бы стремясь подчеркнуть органическую связь техники исторического исследования с идеалистической концепцией истории, пытаются первую растворить во второй. Этим, нам кажется, можно объяснить недавние попытки создать «новую», «синтетическую» дисциплину — «теоретическую историю», или «формальную философию истории». По мысли главных защитников новой дисциплины Яна Ромейна и Отмара Андерле она должна заниматься, во-первых, чисто теоретическими проблемами (объективность истории, причинность, законы развития, «ритм истории» и периодизация, движущие силы исторического процесса и т. д.), во-вторых, — проблемами истории, «которые специально не рассматриваются в обычной историографии», как, например, диктатура, революция, рост могущества государства, «общественная функция исторических мифов, призраков и схем», в-третьих, — историей самой историографии, в-четвертых, — техникой исторического исследования.²⁹ Задачами теоретической истории яв-

²⁸ А. И. Данилов ставит технику исторического исследования в зависимость от «каждого нового направления в исторической науке», что так же неправильно, как смешению независимости техники от идеологии с ее идеологической «нейтральностью». См.: А. И. Д а н и л о в. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии. М., 1958, стр. 8—9. Еще резко это выражено в статьях: В. И. Д а н и л о в и С. И. Я к у б о в с к а я. Источниковедение и изучение истории советского общества. Вопр. истории, 1961, № 5, стр. 3—12; Г. М. И в а н о в. Своеобразие процесса отражения действительности в исторической науке. Вопр. истории, 1962, № 12, стр. 26 сл.

²⁹ Впрочем, здесь у Ромейна и Андерле расхождение: первый исключает из «теоретической истории» «технику извлечения исторической истины»,

ляются проверка и систематизация теорий о сущности и значении исторических явлений, логика образования общих понятий типа «феодализм», «капитализм», «реформация» и т. д., установление принципов критики наших знаний, выработка новой «методологии» исторической науки, наконец, создание «всемирно-исторической картины», или, по терминологии Андерле, «снупсиса» (греч. *synopsis* — общий обзор). Необходимость такой «синтетической» дисциплины мотивируется «банкротством» старой историографии, ее неспособностью ответить на новые требования, выдвинутые новыми условиями современности, особенно тем, что крайняя специализация и «бесплодный профессионализм историков» сделали их исторические труды недоступными и неинтересными для широкой публики, жаждущей от исторической науки «совета, успокоения, ободрения», словом, «здорового оптимизма» в отношении перспектив развития капитализма.

С наигранным оптимизмом Андерле заканчивает обоснование «теоретической истории» словами: «Кризис истории — это кризис развития, трудности — это трудности рождения новой фазы, юность нашей науки — это гарантии ее будущего».

Однако составленная им широкая программа «теоретической истории» вместе с завершающим ее «снупсисом» представляет собой не что иное, как попытку использовать структуру марксистской теории — исторического материализма, включающего и социологию, и методологию истории, и философию истории как единое, связанное целое, и создать по этому образцу «синтетическую» теорию буржуазной идеалистической историографии. Такая переупаковка марксизма, впрочем, не получила признания со стороны наиболее консервативных теоретиков. Известный голландско-американский историк Питер Гейл и некоторые другие участники XI Международного философского конгресса в Брюсселе (1953 г.) высказались отрицательно о проекте «теоретической истории».³⁰ Вместо нее было предложено разработать «критическую философию истории», противостоящую «философии истории Кондорсе, Гегеля и Маркса», или «догматической философии истории», которую, как замечает воинствующий антимарксист Марру, «все историки (!) единодушно проклинают, видя в ней отрицание подлинной исторической науки». Но Марру относится весьма скептически и к новой попытке выхода из тупика, видя в «критической философии истории» только «рассуждения», напоминающие «обыкновенную философию истории в худшем смысле слова», другой французский философ — Э. Калло,

второй не видит для этого оснований. См.: J. R o m e i n. Theoretical history. Journ. Hist. of Ideas, 1948, v. IX; O. F. A n d e r l e. A plea for theoretical history. History and Theory, 1964, № 1. Цит. по англ. переводу.

³⁰ См.: Actes du XI Congrès International de philosophie, v. VIII, pp. 10—14.

прямо заявил, что из всех подобных предложений возникают только «мрак и путаница».³¹

Предшествующее изложение имело целью показать, что для дальнейшей разработки марксистско-ленинской теории истории необходимо предварительно выявить круг входящих в нее отдельных дисциплин, задачи каждой из них и границы между ними. В этом отношении, как мы уже могли убедиться, не только в буржуазной, но и в советской философской литературе имеется еще немало неясностей и путаницы. Нам нужна, как справедливо отмечает И. С. Кон в цитированной выше статье, «фронтальная критическая проверка и разработка — на базе марксизма-ленинизма — всего комплекса понятий и методов общественно-исторических наук». Здесь может быть небесполезной и предлагаемая попытка определить характер и упорядочить классификацию теоретических дисциплин истории.

Среди этих дисциплин центральной по значению и наиболее сложной по содержанию является методология истории.

Методология (нем. Methodenlehre) этимологически — «учение о методе или методах». Но что такое метод? В новейшей работе по историческому материализму находим следующее определение: «Метод — это познание закономерности и особенности действительности, используемые как руководство для дальнейшего познания».³² Таким образом, некие закономерности были научно установлены, «познаны» (неизвестно, каким путем) еще до возникновения метода. А ведь как доказано еще в XVI в. Петром Рамусом, без метода не может быть и науки. Нам представляется поэтому, что более правильным и притом более емким является такое определение: метод — система тех принципов, исходя из которых познается предмет науки, и совокупность нормативов, описывающих природу и последовательность действий, необходимых для получения новых знаний об этом предмете (способы приобретения уже ранее накопленных знаний мы обозначаем словом «методика», о которой см. ниже, стр. 24).

Из данного определения следует, что исторический метод — это способ извлекать из исторического материала новое знание об исторических фактах и связях между ними, о процессах и их закономерностях, словом, обо всех элементах, образующих историческую действительность (ибо задача истории, как и любой науки, есть познание объективной действительности).

³¹ H. Y. Marrou. L'Histoire et les historiens. Second chronique de Methodologie historique. Revue historique, 1957, t. CCXVII, avril—juin, pp. 287 ss; E. Callot. Ambiguités et antinomies de l'histoire et de sa philosophie. Paris, 1962, pp. 10, 22, 26. Цит. в ст.: И. С. Кон. О современной буржуазной философии истории. Научн. докл. в высш. школе, Филос. науки, 1965, № 2, стр. 77.

³² А. Вербни и А. Фурман. Место исторического материализма в системе наук, стр. 76; ср.: там же, стр. 106 (курсив наш, — О. В.).

Однако термин «метод» применяется подчас очень широко и в сочетании с такими определяющими понятиями, которые сами требуют раскрытия и классификации. Если отбросить такие прилагательные, как «научный», «точный», «революционный», «надежный» и т. п., которые дают лишь общую оценку, но не суть метода, можно будет предложить следующую классификационную схему методов, когда-либо применявшихся историками и социологами.

1. Методы, зависящие от философского (онтологического) принципа подхода к исторической действительности, «анализа структуры и динамики общественного развития». Они делятся в основном на две группы.

1. Методы материалистические, высшим и единственно научным представителем которых является диалектико-материалистический метод, а общей чертой — научно обоснованное (в марксизме) признание объективно существующих фактов, явлений, связей между ними и открываемых историком закономерностей общественного развития. Диалектико-материалистический метод в марксистско-ленинской теории называется *всеобщим методом познания*, без которого невозможны ни общественные, ни естественно-математические науки.

2. Разновидности идеалистического метода, например: а) исходящее из неокантианского учения о принципиальном различии естественных и общественных наук представление, согласно которому первые пользуются номотетическим, а вторые — идиографическим, или индивидуализирующим, методом исследования; б) позитивистский метод, возникший из эклектического соединения идеализма с элементами материализма при помощи теории «равноправных факторов» истории; в) чисто идеалистический метод «понимания» (Verstehen), опирающийся на «интуицию» и на «симпатию» к изучаемым явлениям, действиям исторических личностей, и т. п., — метод, который Жорж Лефевр определяет как попытку внести в методологию истории «метафизику экзистенциализма».³³

К числу методов, применяемых и естественными, и общественными науками, относится *индуктивно-дедуктивный метод*. В идеалистической теории индукция и дедукция — два различных и противоположных метода, в диалектическом материализме они нераздельно связаны. Как заметил уже Г. В. Плеханов, метод Маркса в «Капитале» одновременно и дедуктивный, и индуктивный. То же справедливо и в отношении ленинского «Развития

³³ G. Lefebvre. H. I. Marrou. De la connaissance historique. Paris, 1956. Revue historique, 1957, fasc. 2, p. 335 ss. О методе «понимания» см.: G. Simmel. Vom Wesen des historischen Verstehens. Leipzig, 1918; J. Wachs. Das Verstehen, Bd. I—III. Tübingen, 1926—1933. Известно, что принципы «интуиции», «сопереживания», «понимания» впервые попытался обосновать В. Дильтей.

капитализма в России» и вообще ряда основополагающих историко-экономических трудов классиков марксизма-ленинизма. Для естественных наук необходимость сочетания обоих методов была уже в XVII в. доказана Галилеем. Отметим в связи с этим контрверзу о применении индукции и дедукции, возникшую в неопозитивистской философской литературе. Применение индуктивно-дедуктивного метода рассматривается более специально в логике исторического исследования, составляющей часть общей теории познания.³⁴

II. Методы, зависящие от задач, которые ставит себе историк. Сюда относятся следующие.

1. Метод *прагматический*, связанный с представлением о назидательном характере истории и приносимой ею практической пользе; отсюда исключительное внимание прагматиков к истории государства и вообще к политической истории. Вряд ли нужно подчеркивать, что прагматизм Фукидида, Полибия или историков XIX в. находится лишь в очень отдаленном родстве с субъективно-идеалистической англо-американской философией прагматизма.

2. Метод *генетический*, сущность которого состоит в особом внимании к зародышам, истокам, происхождению изучаемого явления, процесса, учреждения и пр. Генетический метод является одним из важнейших признаков историзма.

3. Метод *генерализующий* (называемый теперь преимущественно социологическим методом), применяемый при более или менее широких обобщениях, например при установлении закономерностей развития на определенном отрезке времени, у одного или нескольких народов. Социологический метод рассматривают обычно как метод особой науки социологии. Но это также метод исторической науки, употреблявшийся задолго до возникновения философии позитивизма и выделения социологии как особой дисциплины.

4. То же можно сказать о *философско-историческом* методе, возникшем с появлением интереса к всемирной истории и размышлениями о сущности, направлении, смысле и цели всемирно-исторического процесса, т. е. задолго до появления самого термина «философия истории» (впервые у Вольтера, в середине XVIII в.); методе, который ныне буржуазные теоретики относят к «догматической» философии истории.

III. Методы, зависящие от способов получения элементов для построения исторической картины. Среди них нужно различать научные методы, обеспечивающие получение реальных, объек-

тивных данных, и ненаучные, чисто субъективные методы, связанные с идеалистическим мировоззрением.

1. *Ретрогрессивный* метод, иногда называемый методом «обратных заключений», методом «переживания». Этот метод позволяет восполнить недостаточность или отсутствие прямых указаний в источниках путем анализа пережитков прошлого в лучшей известную более позднюю эпоху или же на основании позднейших социальных отношений, обычаев, прав, учреждений и пр., делать заключения или объяснять характер отношений в отдаленном прошлом. Его спорадически применяли уже древние историки, например Фукидид и Аристотель, им широко пользовался Маркс, которому проникновение в сущность современного ему промышленного капитализма помогло понять роль торгово-ростовщического капитала в древности и в середине века, а проникновение в сущность капиталистической земельной ренты помогло глубоко понять характер ренты феодальной. Во Введении к работе, опубликованной в 1939 г. под названием «Очерки критики политической экономии» (Соч., т. 12, стр. 731) Маркс писал: «Буржуазное общество есть наиболее развитая и наиболее многосторонняя историческая организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения... дают вместе с тем возможность проникновения в организацию и производственные отношения всех отживших общественных форм; из обломков и элементов которых оно строится, частью продолжая влачить за собой непреодоленные остатки, частью развивая до полного значения то, что имелось лишь в виде намёка... Буржуазная экономика, таким образом, дает нам ключ к античной и т. д.». Вот почему в I т. «Капитала» анализ капиталистического производства не начинается, а заканчивается историей первоначального накопления.

2. С ретрогрессивным методом, составляя с ним диалектическое единство, связан «прогрессивный» метод восхождения от ранних и более простых к более поздним и сложным явлениям и процессам с целью более глубокого понимания последних, что роднит его с генетическим методом. Так, Маркс для построения картины развитого капиталистического общества и выявления его структуры в I т. «Капитала» обращается к анализу зародышевых и простейших элементов капиталистической экономики в рамках докапиталистических форм хозяйства, таких, как товар, стоимость, деньги и т. д.

3. Метод *сравнительный*, позволяющий путем сопоставления явлений и процессов у народов, живущих в приблизительно одинаковых условиях, восполнять недостающие звенья в истории одного из этих народов. В логике такой принцип выражен формулой: если *A* и *B* имеют одинаковые признаки *a*, *b*, *c*, *d*, ..., причем известно, что *A* обладает еще признаком *e*, то мы вправе считать, что и *B* при отсутствии всяких противопоказаний обладает тем же признаком. Предпосылкой правильного применения

³⁴ См. в книге советского философа Н. Кона (I. S. Kon: Die Geschichtsphilosophie des 20 Jahrhunderts, Bd. I, Berlin, 1964, SS. 300—324) раздел о «логике исторического объяснения», где дана марксистская критика неопозитивистских теорий Хемпеля, Пошера, Гардинера.

этого метода является установление *однотипности* сопоставляемых явлений.

4. Со сравнительным методом часто смешивают метод *аналогий*. Между тем под методом аналогий нужно понимать суждение историка о мотивах или причинах действий личностей, партий, классов и т. д. в прошлом на основании данных личного опыта или социально-политического опыта своей эпохи либо, обратно, использование данных исторического опыта, отложившегося в источниках, для понимания настоящего. Так, Энгельсу опыт германской революции 1848 г. помог глубоко понять причину поражения помещиков крестьян в XVI в., а Ленин часто применял к объяснению событий и действий лиц и партий в период от февраля к октябрю 1917 г. метод аналогии с событиями времен Великой французской буржуазной революции («якобинство» большевиков, «бонапартизм» Керенского) или революции 1848 г. («люблановщина») и т. д. Поэтому утверждение акад. П. Н. Федосеева и акад. Ю. П. Францева в их докладе 3 января 1964 г., что «методом аналогии Ленин никогда не пользовался» и что «это поверхностный метод буржуазного параллелизма», представляется нам следствием неопределенности термина «аналогия» (см.: История и социология, стр. 17).

5. Усиленно популяризуемый ныне на Западе «психоаналитический» метод, опирающийся на псевдонаучную теорию Зигмунда Фрейда. Яркие образчики применения этого метода мы находим в сборнике «Психоанализ и история», вышедшем под редакцией американского профессора Брюса Мэзлина в 1963 г.³⁵

6. Методы «интуиции», «оживления», «сопереживания», упоминавшиеся выше, и близкий к ним «имажинационный» метод, т. е. требующий от историка творческого воображения. Всё это способы постижения исторической действительности иррациональным путем, в лучшем случае — путем догадки, имеющей в основе неосознанный или осознанный личный опыт историка.³⁶

³⁵ Psychoanalysis and history, ed. and with Introduction by Bruce Mazlish, N. Y., 1963. См. в этом сборнике, например, статью Флюгеля (I. C. Flugel), On the character and married life of Henry VIII, в которой сделана попытка объяснить английскую реформацию сексуальной извращенностью Генриха VIII, одержимого фрейдовским «эдиновым комплексом».

³⁶ Классическим примером применения всех этих методов являются исторические труды Жюль Мишле, например его «История Франции» в 17 тт. В связи со значением, придаваемым многими буржуазными историками интуиции, следует отметить отрицательное отношение к этому методу со стороны ряда историков, выступавших на историческом симпозиуме в Гарвардском университете в июне 1961 г. Во введении к опубликованным материалам симпозиума (History and Theory, 1963, № 1) проф. Рейнц Любан оценивает следующим образом позицию «интуитивистов»: «Притязание, что интуиция это особый и даже высший метод исторического знания... должно быть отвергнуто всеми, кто стремится к истине». С этим можно согласиться, поскольку имеется в виду претензия на систематическое обращение к интуиции как

7. Наконец, сюда следует причислить такие донаучные или антинаучные методы, как «схоластический», «цитатный», «компилятивный», которые характеризуются тем, что самостоятельная обработка исторических источников подменяется либо ссылками на авторитеты, либо заимствованием и механическим соединением материалов из чужих произведений.

IV. В зависимости от приемов обработки материала источников различаются методы: а) фактологический, б) риторический, в) аналитический, с которым тесно связан г) метод синтетический, д) каузальный.

Сущность каждого из этих методов дается самим наименованием и не требует пояснений. Все они встречаются в различных сочетаниях, например фактологический метод вполне совместим с риторическим, аналитико-синтетический — имеет своей предпосылкой метод каузальный, и т. д.

V. Методы, обозначаемые в зависимости от использования специфических методов какой-либо из смежных с историей наук. Сюда относятся: а) метод филологический, б) географический, в) юридический, г) статистический, д) этнографический, е) экономический, ж) психологический или социально-психологический, который не нужно смешивать с психоаналитическим методом Фрейда.

Здесь не назван метод морфологический, выдвинутый К. Лампрехтом в противовес юридическому методу.³⁷ Самый термин заимствован из позитивистской социологии, представители которой широко пользовались терминологией и приемами естественных наук, в особенности биологических. Несмотря на то что Шпенглер и вслед за ним Тойнби пытались ввести морфологический метод в изучение истории культуры, он в настоящее время не встречает поддержки ни со стороны «эмпирических» историков, ни в буржуазной теоретической литературе. Что касается филологического, географического, статистического и прочих названных здесь методов, то они рассмотрены в цитированной выше польской работе Малевского и Топольского (A. Malewski, J. Topolski, «Studia z Metodologii Historii»), а критические замечания об их применении в буржуазной литературе — в книге И. С. Кона «Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли» (М., 1959, стр. 390—392).

Итак, рассмотренные здесь методы являются либо специфически историческими, либо общими у истории и ряда других общественных наук, либо всеобщими, т. е. лежащими в основе

методу познания. Вряд ли можно, однако, оспаривать роль, которую иногда играет интуиция, подсказывая ученому путь к решению какого-нибудь частного вопроса.

³⁷ Karl Lamprrecht. 1) Alte und neue Richtungen in der Geschichte. Berlin, 1896; 2) Zum Unterschiede der älteren und jüngeren Richtungen in der G. Wissenschaft. Hist. Zeitschr., Bd. LVII, 1896, SS. 257—261.

всех вообще наук. Незачем снова подчеркивать, что в любой исторической работе мы всегда найдем комбинацию нескольких методов. Описание, анализ и критика методов, которыми пользуются историки, и образуют основную теоретическую дисциплину исторической науки — методологию истории. Это определение расходится с обычным представлением о методологии как философской основе или принципах науки, представлением, особенно отчетливо выступающим в широко применяемых сочетаниях «марксистско-ленинская методология», «буржуазная», «идеалистическая методология» и т. п. В таком духе Вербин и Фурман в работе «Место исторического материализма в системе наук» (стр. 87) пишут: «Методология науки — это философские вопросы науки», как будто другие теоретические дисциплины — логика исторического исследования, философия истории, социология — не содержат философских вопросов. С другой стороны, среди методов, рассматриваемых в методологии истории, имеются и находящиеся в непосредственной связи с философией, с общим мировоззрением, и стоящие ближе к технике исследования, например ретрорегрессивный и прочие методы, названные на стр. 21. Да и сами Вербин и Фурман вынуждены сделать к своему определению оговорку: «Однако, пожалуй (!), нельзя сказать, что все философские вопросы данной науки — это методологические вопросы».

С методом нередко смешивают методику — термин, имеющий собственное значение. Методика представляет собой совокупность технических приемов и правил выявления, собирания, систематизации и формального изучения источников («методика источниковедения») и правила обучения какому-нибудь предмету («методика преподавания»). Первая, как и всё источниковедение в целом, принадлежит вместе с исторической библиографией, архивоведением, палеографией и пр. к вспомогательным дисциплинам истории, вторая является частью педагогики.³⁸

Наряду с методологией истории и в тесной связи с нею в теоретических работах по истории рассматривают социологию как общественную науку, имеющую собственные методы. Следует, однако, иметь в виду, что так называемый социологический метод — это не особый метод социологии, а как уже отмечалось, один из методов, применяемых историком, который не довольствуется описанием единичных событий и явлений в их причинной, хро-

³⁸ Вербин и Фурман в работе «Место исторического материализма в системе наук» (стр. 106) дают совершенно неприемлемое определение методики, они пишут: «... методика создается на основе того материала, который используется историком», забывая, что «на основе» этого материала создается историческое исследование, а не методика исследования.

пологической или иной связи, а поднимается до обобщений и установления закономерности общественного развития народов, учреждений или любого другого изменяющегося объекта исторического исследования.

В марксистско-ленинской науке история и социология неразрывно связаны. В основе социологических обобщений основоположников этой науки лежат их собственные конкретные исторические и экономические исследования. Однако в наш век крайней специализации в области исторической науки, неизбежной ввиду грандиозного объема имеющихся и вновь поступающих новых материалов, обобщения и закономерности, выводимые «конкретным» историком-исследователем на основе им самим добытых фактов, носят по необходимости ограниченный характер; в тех случаях, когда историк хочет обнаружить закономерность исторического процесса, далеко выходящую его за рамки его узкой специальности, он вынужден опираться и на чужие конкретно-исторические труды. При этом он не перестает быть историком и не становится социологом. Хотя в своих обобщениях историк, подобно социологу, производит логические операции, отбрасывая случайное, единичное, выделяя общее, повторяющееся, он не отрывается от исторической действительности: в историческом процессе логическое и конкретно историческое объективно присутствуют и тесно связаны. Поэтому мы полагаем, что И. С. Кош не совсем прав, когда он говорит о «методологической и логической специфике», отличающей историю от социологии. «Социология, — пишет Кош, — как общая теория исторического развития, как наука о структуре общественной жизни и закономерности ее развития, является теоретической дисциплиной. Ее основным методом является *теоретический, логический метод*».³⁹

Но такого специфического метода нет в природе. Любой вид рационального исторического метода предполагает осознанную или неосознанную теоретическую позицию и требует известных логических операций, изучаемых логикой исторического исследования. Если под теоретическим или логическим методом понимать вместе с Кошем абстрагирование общих, повторяющихся черт явления или процесса от единичных и особенных, то ведь без такого абстрагирования не может обойтись ни один историк, разрабатывающий более или менее широкую тему. В марксистской историографии граница между конкретной историей и социоло-

³⁹ И. С. Кош. Философский идеализм. . . , стр. 307 сл. (курсив наш, — О. В.). Приведенное определение социологии было бы понятнее, если бы автор показал, чем же оно отличается от определения философии истории как теоретической дисциплины. Между тем в статье 1965 г. «О современной буржуазной философии истории» (стр. 83 сл.) он пишет, что «историки с пользой для себя замечают некоторые методы и исследовательскую технику, применяющуюся в социологии», т. е. смешивают теоретическую социологию с эмпирической, которая действительно имеет свои методы и технику, используемые историками.

гней постепенно размывается, чисто описательная история для советского читателя утрачивает характер научности, социолог, игнорирующий источники истории, рискует оказаться в зависимости от чужих ошибок.

Следует заметить, что социология, о которой здесь идет речь, именовалась прежде «исторической», а ныне называется «теоретической». Именно к ней относится мое утверждение об отсутствии у нее в настоящее время своего специфического метода. Для марксиста она и не может быть не чем иным, как органической частью исторической науки, пользующейся такими специфическими методами истории, как сравнительно-исторический метод, методы аналогии, причинности, генерализующий, генетический и т. д.⁴⁰

Другое дело конкретная, или эмпирическая, социология, зародившаяся еще в середине прошлого столетия, но лишь в последние годы выдвигавшаяся как важная отрасль общественной науки со своими задачами и методами. Эта дисциплина изучает современное состояние общества — его структуру, общественное мнение, общественные движения, условия труда в определенных профессиях, географических пунктах, в отдельных крупных предприятиях. Она опирается на результаты общих переписей, частных обследований, на конкретные данные, опросы и т. п., причем все материалы обрабатываются статистико-математическим методом и становятся основой для социологических обобщений. В США, Англии и Франции, где эмпирическая социология получила особенно большое развитие, она находится на службе как правительственных учреждений, так — в особенности — монополий и крупнейших капиталистических корпораций. В социалистических государствах в связи с их плановой экономикой роль конкретно-социологических исследований возрастает с каждым годом.⁴¹

От эмпирической социологии в ходе ее дальнейшей дифференциации отделилась в качестве особой дисциплины политиче-

⁴⁰ Определения теоретической социологии, которые давались на протяжении XX в. поколениями буржуазных ученых, еще менее убедительны. Так, Де-Роберти (Социология и психология, Новые идеи в социологии, сб. второй, СПб., 1914, стр. 7—9) считает, что задачей социологии является изучение «глубоких причин внешних перемен в отношениях между людьми, их действий и их поведения». «Социология... справедливо и очень точно определяется как наука... о причинах, о факторах культуры в широком смысле слова». Она «всцело основана на психологии и истории как на двух отраслях эмпирического или чисто описательного знания» (там же, стр. 18), и т. д.

⁴¹ Немецкий социолог Ф. Теннисес (Ferdinand Tönnies, ум. 1936) подразделяет социологию на «чистую», «прикладную» и «эмпирическую». Но то, что он понимает под чистой и прикладной социологией, представляет собою теоретическую социологию. В работе И. С. Кона «Позитивизм в социологии» (стр. 102—106) отмечается так называемая типологическая теория Теннисеса и развитие на ее основе «аналитической» социологии. В аналитической социологии, по нашему мнению, нет ничего, кроме той же теоретической социологии, но только особенно широко пользующейся аналитическим методом.

ская наука (political science). Американские теоретики определяют ее как «общественную науку... которая наблюдает, описывает, объясняет, анализирует политические явления — государство, власть, право, законодательную систему, суды, политические партии, международные отношения и организации».⁴² В сущности эта дисциплина включает в свою программу изучение вопросов, которые рассматриваются частью исторической, частью юридической и экономической науками, частью эмпирической социологией. Политическая наука приобретает в последнее время «право гражданства» и у нас,⁴³ что объясняется как практическими потребностями, так и естественной растущей специализацией в области марксистско-ленинской общественной науки. Однако ни своего особого метода, отличного от методов исторической науки и эмпирической социологии, ни своей специфической техники исследования политическая наука не имеет.

Перейдем теперь к рассмотрению старейшей из всех теоретических дисциплин — философии истории, которая (в смысле общей концепции исторического процесса) родилась, можно сказать, почти одновременно с интересом к прошлому своего и других народов и с несколько позже возникшим интересом к будущему человечества в целом.

Уже в представлении древних греков о «золотом веке» позади и о непрерывном ухудшении условий жизни, об изменчивости «фортуны», о круговороте истории государств и их политического строя имелись элементы философского рассмотрения истории. Затем следует богословская концепция библейских пророков и «Государство божье» Августина, сменившиеся оптимистической верой гуманистов XVI в. и, особенно, просветителей XVIII в. в непрерывный прогресс культуры; далее учение Сен-Симона о стадиях развития, позитивизм Конта, диалектико-идеалистический синтез исторического процесса, предложенный Гегелем, — всё это важнейшие вехи на пути развития философско-исторической мысли, прежде чем она достигла своей вершины в научном коммунизме и в материалистической концепции истории.

Все более обогащаясь по мере роста исторических знаний и исторического опыта, по мере прогресса естественных и гуманитарных наук, философия истории постепенно утратила и прежнюю определенность содержания. Помимо общих законов движения истории человечества, теорий прогресса либо круговорота и связанных с ними вопросов исторической периодизации, помимо проблем свободы, детерминированности и случайности, роли личности

⁴² W. L. Lucey. History... p. 5. «Политическая наука» в США отделилась от социологии и истории еще в конце XIX в. См.: J. W. Burgess. Political science and History. Amer. Hist. Rev., 1897, №2, pp. 401—408. Тогда же появился и особый журнал «American Political Science Review».

⁴³ См.: Ф. Бу р л а ц к и й. Политика и наука. «Правда», 10 января 1965, стр. 4.

и массы, соотношений человека и географической среды, личности и общества, личности и государства, наконец, помимо обобщенной картины всемирно-исторического процесса, в философию истории были включены и теоретико-познавательные вопросы: значение и ценность исторического знания, его истинность или познаваемость, сущность понятия «исторический факт», принципы отбора фактов и критерии оценок, объективности или субъективности связей, устанавливаемых историком, и т. п. В конечном счете когда в философию истории были втянуты и проблемы логики исторического исследования и вся обширная область методологии, понятие философии истории стало тождественно понятию теории исторической науки, т. е. лишилось своей специфики как одной из теоретических дисциплин истории. Свидетельством такого широкого, всеобъемлющего понимания философии истории является, к примеру, содержание двухтомного труда Н. С. Кона («Die Geschichtsphilosophie des 20. Jahrhunderts»), где предметом критического анализа являются как философско-исторические, так и социологические, методологические и гносеологические проблемы буржуазных теорий истории.

Расширение содержания философии истории за счет смежных теоретических дисциплин, идущее вразрез с естественным процессом дифференциации и специализации в любой науке, завершилось расчленением выше проектами создания «теоретической истории», «критической философии истории» и «формальной философии истории».⁴⁴

В советской философской литературе, наоборот, подчеркиваются прогрессивный характер специализации и ее неизбежность. Отсюда, в частности, господствующая у нас тенденция рассматривать проблемы логики исторического исследования не как одну из тем философии истории (или методологии), а как отдельную теоретическую дисциплину истории, ближе всего стоящую к общей логике и теории познания.

Логика исторического исследования, или познания, изучает логический процесс мышления историка (или социолога), вопросы диалектико-логической природы исторической действительности — диалектической связи между общим, особенным и единичным, вопросы образования общих понятий, таких, как «класс», «эксплуатация», «развитие», «эволюция», «капитализм» и т. п.,

⁴⁴ См. стр. 16—17. Вряд ли нужно повторять, что в основе такого разбухания философии истории за счет логики исторического исследования лежит отвлечение буржуазных теоретиков к марксистской философии истории. Раньше других и наиболее откровенно сформулировал причину этой антимарксистской позиции историк атеизма Фриц Маутнер: «Сен-Симон верил в исторические законы и таким образом заложил основы живой концепции истории, которую Огюст Конт так извратил фантастическими построениями, а позже, с появлением учения Маркса, это повело к уверенности в необходимости мировой революции» (Fr. M a u t n e r. Geschichte des Atheismus, Bd. IV. Berlin, 1923, S. 111).

и вообще роль абстрагирования в процессе исторического исследования, т. е. вопросы типизации, моделирования, различных оснований объяснения в истории в плане применения к исторической науке марксистско-ленинской теории отражения. При этом, разумеется, учитывается, что логическое отражение действительности не есть просто пассивное отображение ее, а, как говорил Энгельс, «исправленное», очищенное от случайного и несущественного.⁴⁵ Таким образом, содержание и задачи этой теоретической дисциплины отличны от содержания и задач философии истории.

Следует решительно отвергнуть попытку ряда новейших буржуазных теоретиков ввести в круг теоретических дисциплин истории так называемую эпистемологию. В последнем издании американской энциклопедии ей посвящена обширная статья, автор которой пытается весьма неубедительно обосновать ее право на существование. Эпистемология, т. е. теория знания, в сущности является неким гибридом методологии истории и гносеологии. Согласно пояснениям защитников этой мертворожденной дисциплины, ее содержанием должно быть происхождение, природа, классификация научных знаний вообще, в частности — методы и специфика исторической науки, проблемы истины, роль гипотез, «процесс интуиции» и прочих видов движения мышления, имеющих целью достижение новых результатов. Замечу, что в эпистемологии логика научного мышления совершенно оторвана от проблемы онтологии, которая рассматривается как чуждая знанию «метафизика». Логическое здесь не стоит ни в какой связи с историческим и отнюдь не является его «очищенным» отражением.

В итоге нашего рассмотрения мы можем выделить из *единой теории истории, т. е. из марксистско-ленинского диалектико-исторического материализма*, следующие четыре теоретические дисциплины истории:

- 1) методология истории;
- 2) теоретическая социология, утрачивающая самостоятельное значение по мере того, как в конкретных марксистско-ленинских исторических трудах все шире применяется социологический метод исследования;
- 3) философия истории (без всяких идеалистических добавлений «формальная», «теоретическая» и т. п.);
- 4) логика исторического исследования, познания, мышления.

Что касается таких дисциплин, как эмпирическая социология и политическая наука, которые занимают особое место в классификации общественных наук, то они не являются теоретическими дисциплинами истории.

⁴⁵ См.: М. Розенталь. О категориях исторического и логического. Коммунист, 1956, № 7, стр. 93.

В. И. РУТЕНБУРГ

ПРОГРЕСС И ЕГО ПРОТИВНИКИ

Человеческое общество представляет собой постоянно развивающийся организм: античное рабство сменили феодальные порядки, буржуазные революции покончили со средневековьем и привели к новым, более прогрессивным формам общественных отношений, основанным на еще более интенсивной и изощренной эксплуатации трудящихся. XX век принес качественно новый скачок в истории общества: в результате социалистических революций появились и развиваются государства, в которых социально-экономические отношения основываются не на эксплуатации одного человека другим, а на свободном труде всех граждан. Полвека существует, крепнет и развивается великий Союз Советских социалистических республик, где создается коммунистическое общество.

Все это вновь подтверждает марксистско-ленинскую теорию о прогрессивной смене социально-экономических формаций, которую на протяжении многих десятилетий пытались опровергнуть буржуазные мыслители, доказывавшие извечность капитализма. К проблеме прогресса человеческого общества по-разному подходили и мыслители докапиталистических формаций.

В исторической науке проблема прогресса играет роль стержня: весь смысл исторических исследований, если они являются подлинно научными, состоит в том, чтобы отразить и объяснить объективный ход прогрессивного развития человечества и показать его конкретные формы; отрицание или непризнание прогресса в истории низводит исторические изыскания в разряд беспредметных; хотя порой и любопытных эскизов о прошлом человечества.

В нашем небольшом очерке мы не ставим цели хотя бы в какой-то мере исчерпать проблему прогресса в ее эволюции от античности до наших дней — один перечень нашей и зарубежной литературы по этому вопросу занял бы немало страниц, поэтому ограничимся лишь беглыми заметками, имеющими отношение к ее наиболее показательным сторонам.

Историография вопроса имеет не отвлеченное узкоакадемическое значение, она актуальна в широком смысле слова, поскольку буржуазные мыслители стремятся оживить теории прошлого, чтобы в их свете объяснить всю историю человечества.

АНТИЧНЫЕ ТЕОРИИ ВЕЧНОГО КРУГОВОРОТА

Античная историография не признавала прогресса в истории. Это относится и к древнейшим ее периодам — вавилонскому, египетскому, индийскому, — где в разных формах признавалась лишь периодическая смена социальных циклов от совершенства к гибели. Идея вечного круговорота была одним из элементов статических воззрений, выраставших на почве замедленного развития древних государств. История человечества начиналась для древних с «золотого века», и в процессе «непрерывного ухудшения» вела к «веку железному», являя собой, таким образом, картину регресса.

С точки зрения античных авторов, все явления, происходящие во всех сменяющих друг друга государствах, повторяются по принципу циклического развития, при котором за расцветом неизбежно следует упадок. Таким образом, античной историографии было свойственно пессимистическое представление об истории человечества.

Это не исключало, однако, появления интересных и ценных мыслей, догадок, тех или иных теорий развития человеческого общества на отдельных его этапах. В качестве примера укажем, в частности, на греческую философию, в которой содержались почти все позднейшие мировоззрения.

Так, например, у Демокрита дана картина становления первобытного общества: нужда толкала людей к освоению пещер в зимнее время, научила их запасать впрок плоды, добывать и использовать огонь, организовываться в коллективы соплеменников. Известны также классификации различных форм государства у Сократа и Платона: низшие формы государства являются у последнего результатом «порчи» высшей его формы. Аристотель наблюдал эволюцию человеческого общества от семьи до государства, исходя из своего широко известного положения о человеке как общественном животном, которому присуще стремление к улучшению жизни.

Эпикур создает теорию образования человеческого общества на основе своеобразного «общественного договора» о ненападении взаимного вреда.

Римская философия в лице Лукреция Кара углубляет эту идею и пытается определить движущую силу, лежащую в основе исторического процесса. Он приходит к смелому выводу о том, что человек — не творение бога, а результат действия сил природы, и рисует конкретные этапы прогрессивного развития че-

ловечества: периоды собирательства и охоты, открытия огня и основания жилища, использования палки, камня, бронзы. Семью, как и Аристотель, он считал исходным пунктом человеческого общества, после чего следует род, племя и, наконец, государство, объединяющее людей на договорных началах.

Несмотря на некоторые чрезвычайно ценные для своего времени обобщения, это — не научные теории, а гениальные догадки о единстве исторического процесса и развитии общества как необходимого процесса. Обычно считали, что «древние не могут считаться родоначальниками идеи поступательного движения общества, даже в ограничительной сфере — изменения его политического строя».¹ Подобная формула звучит несколько категорично, некоторые элементы учения о прогрессе можно найти и у античных писателей.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ТЕОРИИ ПРОГРЕССА

Феодально-христианская историография порывает с идеей цикличности и приходит к рассмотрению исторического процесса как прогрессивного. Идея прогресса, хотя и в чисто богословско-идеалистическом аспекте, была сформулирована уже на заре средневековья Августином в сочинении «О государстве божьем». Исходя из богословских предпосылок, он выдвинул также идею всемирно-исторического процесса; идея всемирной истории отражалась в средневековой формуле *signicon mundi*; в феодально-христианской историографии была создана схема четырех мировых монархий: ассиро-вавилонской, мидо-персидской, греко-македонской и римской. Августин же устанавливал шесть эпох в истории человечества, причем последняя, шестая эпоха началась у него с Христа и заканчивалась страшным судом. Этим собственно завершалась история «земного государства» и начиналось «государство божье». Создав легенду о безвозвратно потерянном рае в прошлом и иллюзию царства божьего в будущем, христианские теоретики отводили земной истории человечества промежуточную роль, более того, они, как писал Энгельс, «отказывают действительной истории во всякой внутренней значимости и признают эту значимость только за своей потусторонней, абстрактной и к тому же еще вымышленной историей»;² признание прогрессивности исторического процесса в эпоху феодализма было неотделимо от признания божественного провидения как его причины и движущей силы. Эта теологическая концепция истории, освещавшая феодальные порядки, не имела ничего общего с научной, однако родоначальниками идеи прогресса в истории человечества были мыслители средневековья.

¹ М. М. Ковалевский. Социология, т. I. СПб., 1910, стр. 126.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 592.

Выступления против традиционной концепции Августина носили богословский по форме, но революционный по сути характер. Первые из них известны уже в конце XII в. в Италии, где города очень рано стали господствовать над деревней, подрывая чисто феодальные отношения. Иоахим Флорский первым отверг тезис Августина о «государстве божьем» и объявил результатом прогрессивного развития истории совершенный строй на земле, вырастающий на обломках уничтоженных феодального государства и аппарата церкви. Эта историческая концепция имела еще одну интересную сторону: характеризуя три последовательно сменяющие одна другую фазы человеческого общества, Иоахим считал, что новое вырастает из старого..

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ИДЕОЛОГОВ РАННЕЙ БУРЖУАЗИИ

Гуманистическая историография XVI в., отражавшая мировоззрение ранней буржуазии, открыто выступила против феодально-христианской теории развития общества, испровергая схему мировых монархий (Боден), проводя водораздел между античным миром и средними веками (Флавио Бьондо), провозглашая эру новой истории, зачинателями которой гуманисты считали себя. Однако вплоть до XVII в. не были до конца преодолены некоторые черты церковно-феодальных представлений об историческом развитии. С другой стороны, разрыв с феодальным мировоззрением привел гуманистов к естественному контакту с античной культурой и мировоззрением античной эпохи. Отсюда возрождение элементов циклизма, воссоздание теории о круговороте политических форм государства (монархия—олигархия—демократия), проявлявшейся даже у наиболее крупных и оригинальных писателей вплоть до Макиавелли или Кампанеллы. У этих писателей позднего Возрождения также появляется мысль о закономерном развитии общества.

В начале XVIII в. итальянский буржуазный мыслитель Вико, используя гуманистическую идею о разделении истории на древнюю, среднюю и новую, создал стройную теорию закономерного развития общества. Этот единый для всех народов закон прогрессивного развития состоит, по Вико, в том, что общество проходит три основных этапа: первобытность (детство человечества, или божеский период), феодализм (юность, или век героев) и, наконец, буржуазный строй (зрелость, или человеческий период), при котором ликвидируются сословные привилегии и устанавливается формальное равенство. Далее начинается распад общества и возвращение к начальной стадии. Эта теория цикличности, с его точки зрения, не противоречит прогрессу истории, так как новый цикл происходит на более высокой ступени развития.

Вторая половина XVIII в. принесла важные открытия в области философии истории. Они были связаны с бурным развитием капиталистических отношений во Франции, приведшим ее к революции. Идеологи поднимающейся буржуазии — просветители — были окрылены оптимистическим восприятием жизни, чему способствовали неуклонное развитие нового уклада и сопутствующие ему успехи техники и науки. Просветители считали, что в истории человечества происходит и будет происходить неуклонное движение от низшего к высшему, от худшего к лучшему, к «золотому веку» разума. Идея прогресса была для просветителей орудием борьбы с феодальными порядками за новое общество, которое рисовалось им идеальным.

Один из выдающихся французских просветителей, Кондорсе, вслед за Вольтером считал, что рост знания ведет к прогрессу, который он представлял как безграничное усовершенствование человека и общества, историю же общества он рассматривал как следствие человеческого разума. Он разработал теорию прогресса, сыгравшую революционную роль в условиях ломки феодальных порядков и способствовавшую возникновению теорий утопического социализма.

В тесной связи с теорией прогресса в этот период обосновывались идеи о единстве всемирно-исторического прогресса, о значении социальной и географической среды для развития человека и общества, о многоплановости истории. Они связаны с именами таких крупных мыслителей, как Руссо, Монтескье, Гердер.

Теории просветителей оказали значительное влияние на развитие исторической науки, но их открытия и идеи носили на себе печать абстрактности и иллюзорных мечтаний. Французские просветители, как и итальянские гуманисты отрицали положительное значение средневековья, рассматривая его как эпоху сплошного варварства. Антиисторический подход к прошлому фактически дополнялся у них таким же отношением и к будущему: теория прямолинейного прогресса объявляла конечной целью истории новые буржуазные порядки, воспринимавшиеся их носителями как воплощение общечеловеческих идеалов. Французские просветители не смогли дать правильной характеристики исторической закономерности: на историю они смотрели как на постепенное осуществление своих идей, на место действительных причин ставились таинственное провидение или абстрактный разум.³ Передовые для своего времени идеи просветителей искали из идеалистического источника.

Для своей эпохи идеалистическая философия истории была естественным этапом. Высшей точкой идеалистической философии истории была, как известно, теория Гегеля. Он считал филосо-

фию истории теоретическим обобщением исторического процесса, а историю — внутренне закономерным процессом. Признавая исторический процесс, Гегель справедливо говорил об ограниченности каждого исторического периода. Однако вся история у Гегеля — лишь бесконечное саморазвитие идеи, торжественное шествие мирового разума. Именно поэтому В. И. Ленин говорил, что в области философии истории Гегель «...устарел и антиквирован».⁴

БУРЖУАЗНЫЕ ТЕОРИИ ПРОГРЕССА В ТУПИКЕ

Идеи прогресса, непрерывного движения вперед высоко котировались у буржуазии, когда она только вступала на историческую арену. В первой половине XIX в. успехи развивающегося капиталистического общества служили идеологам буржуазии лучшим подтверждением теории прогресса. Идея прогрессивного развития общества, техники, культуры была самой модной идеей этого времени, ее прославляли в науке и литературе. Однако победившая буржуазия, на словах исповедуя ее, принципиально меняет к ней отношение. Для революционной буржуазии прогресс — будущее, для буржуазии господствующей — настоящее. Начиная со второй трети XIX в. буржуазные теории прогресса обращаются к настоящему больше, чем к будущему, так как утверждение буржуазных порядков воспринимается их авторами как предел прогресса. Марксизм пугал буржуазию, и ее идеологи стали искать выход в составлении собственных квазинаучных построений. Наиболее показательным в этом плане является учение Конта, отца позитивизма. Он рассматривал человеческое общество как подобие природы, развитие которого происходит по законам естествознания. Первоначально позитивистская историография в определенной степени способствовала поискам общих законов развития, изучению единого исторического процесса. Однако еще Конт провозгласил безосновательным тщеславием предполагать, что «социальной динамикой» свойственно безграничное совершенствование, поэтому понятие прогресса он заменяет термином «развитие». Так как, согласно Конту, наступила «позитивная» стадия развития общества, главным является не вопрос о дальнейшем прогрессе, а вопрос о порядке.

Революция 1848 г., в еще большей степени Парижская коммуна стали переломным моментом в истории буржуазной мысли: напуганная революционными событиями буржуазия почувствовала непрочность капиталистических порядков и стала бояться прогресса. «Идеи прогресса и эволюции, — писал Поль Лафарг, — имели чрезвычайный успех в течение первых лет XIX века. Но к середине XIX в. буржуазным философам, историкам, моралистам пришлось умерить свой безудержный энтузиазм.

³ Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. М., 1944, стр. 40.

⁴ В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 226.

«Появление пролетариата на политической арене породило в душе буржуазии беспокойство, — и прогресс потерял в ее глазах свое очарование».⁵ Одним из ранних показателей этого поворота является творчество такого крупного историка, как Ранке, выступившего еще после июльской революции 1830 г. во Франции против каких-либо нарушений «исторически сложившейся системы», против прогресса и определившего роль исторической науки как силы, оказывающей сдерживающее, консервативное влияние на политику.⁶

О прогрессе продолжали еще говорить, лишь обращаясь к успехам науки и техники, надеясь, что они являются ключом к разрешению социальных проблем. Вскоре сторонникам этой теории пришлось пережить горькое разочарование: развитие производительных сил капитализма, как известно, лишь крайне обострило противоречия, свойственные буржуазному строю. Поэтому в последние десятилетия XIX в. идеологи буржуазии отворачиваются и от казавшейся им недавно спасительной идеи научно-технического прогресса, а затем начинают относиться к ней с открытой враждебностью. Это находит широкий отклик и в буржуазной историографии, которая начинает прославлять «старые добрые порядки», когда без высокой техники жизнь была якобы лучше и спокойнее, а производство товаров — более высококачественным. Примером тому может служить книга французского историка Фаньеза, вышедшая еще в 1877 г. Автор внимательно изучает историю промышленности в XIII—XIV вв., с симпатией относится к трудящимся, но, критикуя современные ему капиталистические порядки, идеализирует средневековье, находя в нем в отличие от эпохи капитализма «серьезность, искренность и совершенство», «гармонию духа и организации».⁷ Итак, будущее — беспросветно, «золотой век» — в прошлом.

Таким образом, буржуазные теории прогресса оказались в тупике.

ОТРИЦАНИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ В ИСТОРИИ

Обострение противоречий в эпоху империализма привело буржуазных теоретиков на еще более реакционные позиции: от неверия в возможность прогресса, который их пугал, они перешли к открытой борьбе с теориями, обосновывающими законы развития общества.⁸ Еще за столетие до этого идеологи

⁵ П. Лафарг. Экономический детерминизм Маркса. Л., 1924, стр. 53.

⁶ О. Л. Вайнштейн. Леопольд фон Ранке и современная буржуазная историография. Труды ЛОИИ АН СССР, вып. 3, Критика новейшей буржуазной историографии, М.—Л., 1961, стр. 113—140.

⁷ G. Fagniez. Etudes sur l'industrie et la classe industrielle a Paris en XIIIe et en XIVe siècle. Paris, 1877, pp. 275—276.

⁸ См.: Е. М. Жуков. Понятие прогресса в мировой истории. Вестн. АН СССР, 1961, № 2; Н. С. Кош. 1) Философский идеализм и кризис бур-

буржуазии пытались разрешить проблему закономерности в истории, внутреннего единства мировой истории; ныне, как в свое время реакционные мыслители из феодального лагеря, они пополнили ряды противников научного подхода к исследованию вопросов общественного развития. Такой подход явился источником их антинаучного вывода о невозможности обобщений в историческом исследовании, о рациональности изучения только частных явлений, специфики, в лучшем случае — отдельных обществ и культур или отдельных личностей.

Отрицание объективной исторической закономерности буржуазной историографией проистекает из того, что законы развития общества действуют не в пользу буржуазии. С другой стороны, идеологи буржуазии неосновательно подкрепляли свои доводы об отсутствии законов истории тем, что после революции в физике, начавшейся с конца XIX в., пошатнулись законы классической физики, которой были присущи элементы механицизма. Это не могло не оказать влияния на исторические воззрения, как писал В. И. Ленин, обращаясь к взаимосвязи естественных наук с общественными.⁹ Как только законы механики потеряли абсолютность и неизменность, было объявлено о том, что в природе нет никаких объективных законов. Вскоре эта сомнительная истина была перенесена в область общественных явлений и в буржуазной историографии в значительной степени воцарился субъективный идеализм. «Отчаяние в возможности научно разбирать настоящее, отказ от науки, стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких „законов“ исторического развития, загородить лес — деревьями, вот классовый смысл...»¹⁰ отрицания закономерности в историческом процессе.

Не менее несостоятельным является отрицание общих принципов объективного изучения явлений в природе и обществе, которое обосновывали представители выдвинутой еще философом конца XIX—начала XX столетия Дильтеем «социологии понимания». Эта школа придерживалась мнения, что в отличие от естествознания науки об обществе не могут находить причин социальных явлений, но лишь способны объяснить их путем интуитивного «понимания». Такого же типа теории выдвигали неокантианцы Риккерт и Виндельбад, настаивавшие на том, что естествознание дает материал для обобщения, а история — лишь для рассмотрения единичных явлений. Один из приверженцев этой школы, Ксенополь, писал: «Фактами историческими являются только факты индивидуальные... факты повторяющи-

жужаной исторической мысли. М., 1959, стр. 258—315; 2) Страх перед законами истории. М., 1958.

⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 176.

¹⁰ Там же, стр. 179.

еся — универсальны».¹¹ Повторяющиеся факты, согласно Ксенополю, — объект лишь естественных наук.

Если XIX в. еще был для буржуазной историографии эпохой поисков закономерностей в истории — целый ряд буржуазных ученых стремился создать науку об обществе, хотя эти попытки и не были удачными, — то эпоха империализма привела ее к отрицанию закономерной истории. Пороки вульгарного социологизма, подобно порокам механического детерминизма в точных науках, привели буржуазную историографию к отрицанию научного изучения истории, к субъективизму и мистике. Орудием познания провозглашается интуиция,¹² отрицается зависимость деятельности исторической личности от объективных условий, история воспринимается как случайное скопление событий, понятие прогресса объявляется бессмысленным и даже опасным,¹³ выдвигается абсурдный тезис о несовместимости исторической закономерности с сознательным творчеством людей,¹⁴ отрицается возможность научной теории истории,¹⁵ провозглашается фактический отказ от научной периодизации истории.¹⁶ «Изгнание законов из науки есть на деле лишь протаскивание законов религии»,¹⁷ — говорил В. И. Ленин о буржуазном скептицизме; это приложимо и к современной буржуазной историографии.

Отрицание закономерностей в истории, единства мирового исторического процесса ведет к отказу от признания исторического прогресса.

ИСКАЖЕНИЕ ПОНЯТИЯ ПРОГРЕССА

Отрицание прогресса буржуазными историками имеет источником бесперспективность капитализма, страх перед будущим. Борьба с научной теорией прогресса не всегда ведется открыто, нередко она принимает наукообразные формы трактовки понятия прогресса, которые извращают его суть или выхолащивают его содержание. Этот процесс происходит по нарастающей кривой с самого начала XX в.

Так, в «Кембриджской новой истории», вышедшей в Нью-Йорке в 1902 г., прогресс признавался, но уже трактовался не как закономерность, а как гипотеза, объясняющая стремление

¹¹ А. - Д. Хэнополи. La théorie de l'histoire. Paris, 1908, p. 93.

¹² P. Brunton. The Spiritual Crisis of Man. N. Y., 1953.

¹³ A. Novins. The Gateway to History. N. Y.—London, 1938; F o y. The idea of Progress. American Historical Review, 1947; № 2.

¹⁴ M. Weber. Karl Marx's Interpretation of History. Cambridge, Mass., 1948.

¹⁵ K. P. Porper. Misère de l'historicisme. Paris, 1956.

¹⁶ Y. Renouard. La notion de génération en histoire. Rev. hist., 1953, t. CCIX, I—III.

¹⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 182.

человека к совершенству: «Мы склонны к предположению, — говорилось во Введении, — что научная гипотеза, на основе которой должна писаться история, — это прогресс в человеческих свершениях. Этот прогресс должен иметь определенную цель».¹⁸

Накануне первой мировой войны марксистская теория прогресса тревожила умы идеологов буржуазии, беспокойных атмосферой предреволюционной бури и лихорадочно изыскивавших пути ее умеренной локализации.

В 1912 г. неопозитивист Де-Роберти в докладе, названном «Идея прогресса», который он прочел в Риме на Международном конгрессе по социологии, заявил: «Понятие об абсолютном прогрессе, включенное некоторыми социалистическими школами в свой общественный символ веры, без сомнения уступит место понятию о существенно относительном прогрессе».¹⁹ Прогресс, согласно Де-Роберти — «особый вид движения», или «эволюция, социологически квалифицированная».²⁰ Колле признавал эволюцию как «объективное описание последовательных превращений явлений», а прогресс рассматривал лишь как «субъективную оценку значения этих превращений».²¹ Правда, он соглашался с тем, что существует общественный прогресс, но ограничивал его прогрессом нравственности. Вебер провозглашал, что нет ничего более обманчивого, чем уроки истории, когда речь идет о доказательствах прогресса, и что теории прогресса имеют отношение не к науке, а к верованию.²² Де-Роберти хвалил Вебера за критику им позитивизма, но отвергал его прагматизм, его ненаучный подход к истории: различая в «ритмах прогресса» периоды технические и периоды созерцательные, Вебер, рассматривая, например, всю историю древнего Востока и Египта как период технический, считал, что за ним следует созерцательный период греко-римской цивилизации, который охватывал все средневековье и даже эпоху Возрождения.²³ Такие «ритмы прогресса» ведут к рассмотрению истории человечества как беспредметной схемы.

В. Освальд определял прогресс человечества как все более широкую утилизацию «свободной энергии, распространенной на поверхности земли».²⁴ Бюиссон считал идею прогресса абстрактной, но признавал политический прогресс, который составляет, как он доказывает, из таких элементов буржуазной демократии,

¹⁸ Cambridge Modern History, t. I. N. Y., 1902, p. 4.

¹⁹ Е. В. Де-Роберти. Идея прогресса. В сб.: Новые идеи в социологии, Сб. III, Что такое прогресс, I, СПб., 1914, стр. 9.

²⁰ Там же, стр. 17.

²¹ P. Caulliet. Éléments de Sociologie. Paris, 1913, p. 335.

²² L. Weber. Le rythme du progrès. Paris, 1913.

²³ Е. В. Де-Роберти. По поводу теории Вебера о ритме прогресса. В сб.: Новые идеи в социологии, стр. 91—96.

²⁴ В. Освальд. Энергетика общих законов прогресса. Там же, стр. 18—21.

как провозглашение «суверенитета», «равенства», «свободы совести», наличие «международного арбитража».²⁵ Эта эмпирико-социологическая схема для своего времени (1913 г.) была скорее программой, чем теорией. Свообразную программу прогресса выдвигал также русский капиталист Новиков, ставший французским социологом. Прогресс он видел в равновесии, а последнего можно достичь, как он считал, пониманием истины, что якобы «прибыль капиталиста может быть и не связана с эксплуатацией рабочего». Такое понимание, по Новикову, должно привести к прекращению антагонизма между трудом и капиталом, а это в свою очередь — к ускорению производства богатств. И, наконец, Новиков предлагал установление мировой политической федерации: «... тогда наступит день, в который наши потомки начнут быстро подниматься по ступеням прогресса».²⁶

Эта своеобразная утопия капиталиста могла бы рассматриваться в качестве любопытного эпизода, если бы незадолго до Новикова в буржуазной политэкономии не возникла теория Кларка, целью которой было доказать, что капитализм не эксплуатирует труд рабочего и, таким образом, якобы не имеет эксплуататорской сущности.²⁷ Этой бездоказательной теории суждено было послужить источником существующей и поныне в качестве господствующей школы вульгарной буржуазной политэкономии, которая, что видно на примере наиболее известного пособия такого рода — книги Самуэльсона,²⁸ занимается исследованием проблемы «прогресса» современного капитализма.

Различные теории, возникшие еще полвека назад, в начальный период империализма, и извращающие понятие прогресса, были подхвачены и развиты в последующий период, что привело в ряде случаев к созданию целых «школ», как произошло, например, с теорией Кларка—Новикова. Буржуазная историография, выступая под «прогрессивным» девизом борьбы против старых позитивистских догм объективной истории, пытается опровергнуть марксизм, используя сомнительной ценности философско-социологический багаж неопозитивистов типа Поппера, прагматиков типа Дьюи, экзистенциалистов типа Ясперса, неогегельянцев типа Кроче и иные с ними. Так, Кроче считал идею развития продуктом новой мифологии, извращающей действительность, и обосновывал этот тезис в специальной работе «Теория и история историографии», вышедшей в 1915 г.

В 1919—1920 гг. в так называемой Свободной академии духовной культуры в Москве проповедовал пресловутый Бердяев,

²⁵ Ф. Бюиссон. К вопросу о политическом прогрессе. Там же, стр. 97—102.

²⁶ Я. А. Новиков. Сущность прогресса. Там же, стр. 55, 57, 68 сл.

²⁷ J. B. Clark. 1) The Distribution of Wealth. N. Y., 1899; 2) Essentials of Economic Theory. N. Y., 1909.

²⁸ П. Самуэльсон. Экономика. М., 1964.

доказывавший в книге «Смысл истории», что развитие — чисто эсхатологический термин и что истории человечества свойствен не прогресс, а чередование великих драм.²⁹ Признавая, что «идея прогресса составляет стержень метафизики истории», Бердяев искажает смысл ее научного понимания: прогресс он противопоставляет эволюции и заявляет, что «XIX век исповедовал религию прогресса, чтобы заменить ею христианскую веру», что прогресс якобы требует «мессианского финала»; что это «обожествление будущего», «утопия земного рая». За все им же изобретенные пороки теории прогресса от Бердяева достается Гегелю, Конту, Спенсеру и, конечно, Марксу.

Бердяев присоединяется к положению Ранке о замкнутом развитии отдельных обществ, стран, поколений. «Религия прогресса, — пишет он, — рассматривала все человеческие эпохи не как завершение самих себя, а как инструмент, служащий построению будущего. Это противоречие делает неприемлемой теорию прогресса». Приписав научной теории прогресса искусственное противоречие, извратив научное понятие прогресса, он объявил его вне закона, расправившись таким легковесным способом с идеей прогресса, которую он именуется иллюзией, порожденной итальянским Возрождением, иллюзией, питавшей умы вплоть до XIX века. Он дает свое толкование смысла истории: оказывается, история — «вечная борьба добра и зла, света и тьмы, бога и дьявола», в которой «тесно сплетаются небесное и земное»; история, — вещает ниспровергатель научных истин, — не представляет собой бесконечного развития, она не имеет закономерности явлений природы именно потому, что она есть судьба, вечное чудо духа».³⁰ Такой религиозно-мистической мешанине мог бы позавидовать средневековый проповедник от католицизма. Искажение Бердяевым термина и идеи прогресса представляет интерес не столько per se, сколько как образец историко-социологической литературы, которой в борьбе с идеей прогресса буржуазия пользуется до наших дней.

Искаженное толкование термина «прогресс» продолжается в буржуазной историографии и в наши дни. В сборнике «Наука и социальные изменения», вышедшем в Вашингтоне в 1939 г. под редакцией Торнтона, рассматривается проблема прогресса. В статье Спюера в отрыве от всей проблемы изучается вопрос о природе прогресса в науке.³¹ Догерти в работе «Парадокс социального прогресса» подходит к проблеме с позиций индивидуальной психологии и считает источником прогресса новые точки зрения, а главным противоречием, присущим ему, — труд-

²⁹ N. Berdiaeff. Le sens de l'histoire. Paris, 1948, pp. 35, 170—171. В 1923 г. вышло русское, а в 1936 г. — английское издание этой книги.

³⁰ N. Berdiaeff. Le sens de l'histoire, pp. 169—187.

³¹ H. A. Spöhr. The Nature of Progress in Science. Science and social change compiled by J. E. Thornton. Washington, 1939.

ность восприятия этих взглядов сложившимся рассудком зрелого человека.³²

Бюри в работе «Идея прогресса», вышедшей в 1932 г. и переизданной через 20 лет, считает эту доктрину весьма относительной, а сам термин «прогресс» оптимистическим названием, не совпадающим с действительным течением разных периодов цивилизации.³³

Бейли, дающий подробный обзор теории прогресса от элликов и стоиков до Маркса, подобно Бердлеву, считает идею прогресса религиозной по своей сущности, так как она якобы рисует будущее истории «детерминированным, конечным и неизбежным». Упростив и исказив, таким образом, научное понимание проблемы, он объявляет идею прогресса ошибочной и в равной степени свойственной «христианам, персам, иудеям, мусульманам и марксистам». Особенно не нравятся ему «коммунистические взгляды», которые он сравнивает с учением миллионеров и христианской идеей о конечном воздаянии. Извращая и отвергая идею прогресса, пытающую научную теорию о путях человечества к будущему, он признает лишь изменения в истории отдельных стран, происходящие на протяжении больших отрезков времени, например во Франции — за тысячелетие от раннего средневековья до XVIII в.³⁴ Глубокий кризис философии истории за последнее десятилетие, ведущий к искажению понятия прогресса, рисует Иггерс.³⁵

Один из современных авторов, Лучини, продолжает эту печальную традицию. Он трактует понятие прогресса как эвентуальную возможность реализации человеческих проектов и предположений. Отвергая научное понимание прогресса, автор фактически объясняет исторический ход событий случайностью: «Человек действия (политик, герой и т. п.) толкает историю вперед, в то время как философ может лишь осветить положение вещей». Будущее он рассматривает как абстрактную категорию, которая лишь примысливается человеком: «Только благодаря нам самим история имеет свое будущее, связь с ним создается людьми, которые отслаивают в своем сознании прошлое».³⁶ Итог всех этих антинаучных измышлений как бы подводит американский философ Мандельбаум, который считает любую попытку сформулировать законы исторического развития теоретически несостоятельной затеей. С ним можно согласиться, если обратить

его положение к методам и доказательствам вышеперечисленных буржуазных историков и социологов, строящих свои теории на зыбкой почве идеализма и эклектики.

ЭВОЛЮЦИЯ ВМЕСТО ПРОГРЕССА

Лихорадочное стремление к сохранению капиталистических порядков и боязнь социальных потрясений, сознательные или интуитивные, приводят многих историков и социологов Запада, не объявляющих себя противниками развития, к такой антинаучной операции, как растворение прогресса в эволюции и отрицание революционных скачков в истории общества. Еще в 20-е годы нашего столетия это было достаточно четко выражено одним из крупных французских историков Сэ. «Так как мы, — писал он, — не придерживаемся революционной точки зрения, мы остаемся на точке зрения эволюционной».³⁷ Эта формулировка столь же откровенна, сколь научно не обоснована: Де-Роберти в 1913 г., также придерживаясь эволюционной точки зрения, все же допускал, что процесс изменения, протекающий в социальной среде — прогресс,³⁸ хотя бы формально признавая разные виды изменения.

Если в 1913 г. буржуазные эволюционисты признавали еще термин «прогресс», в 1926 г. подчеркивали, что эволюция исключает революцию, то в 40-х годах они отрекаются не только от термина «прогресс», но и от понятия «общественное развитие». В американской «Энциклопедии социальных наук» вводится новая формула — «социальные изменения», причем поясняется, что эти изменения не являются закономерными, а значит, и поддающимся научному изучению.³⁹ Наряду с формулой «социальные изменения» в буржуазной литературе фигурируют и такие, как «социальное развитие» и «социальная эволюция»,⁴⁰ хотя многие авторы пытаются вообще обойти молчанием вопрос о «социальных изменениях» в обществе, а всякое революционное выступление охарактеризовать как «социальную дезорганизацию» и «социальное отклонение», предметом которых должна заниматься социальная психопатология.

Направленность буржуазных исследований, авторы которых занимаются вопросами «социальных изменений», не преследует цели изучить истинные условия, причины трансформации и возможную перспективу развития капиталистического общества, так как в таком случае они неизбежно пришли бы к выводам

³² R. E. Donerty. The Paradox of Social Progress. Там же, стр. 524.

³³ J. B. Burg. The Idea of Progress. N. Y., 1955.

³⁴ E. R. A. Bailey. National ambitions. Oxford, 1958, pp. 42—43, 141, 192.

³⁵ G. G. Iggers. The Idea of Progress in Recent Philosophies of History. Journ. Modern History, 1958, v. XXX, № 3.

³⁶ G. Lucini. Elementi di filosofia sociale. Pavia, 1960, pp. 127—129.

³⁷ H. Sée. La division de l'histoire en périodes. Rev. Synthèse historique, 1926, t. 62, p. 66.

³⁸ П. Сорокин. Обзор теорий и основных проблем прогресса. В сб.: Новые идеи в социологии, стр. 153.

³⁹ Encyclopedia of the Social Sciences, v. III, pp. 33—34; v. XII, p. 499.

⁴⁰ См.: Г. В. Осипов. Современная буржуазная социология. (Критический очерк). М., 1964, стр. 255—317.

о коренных социальных изменениях и в итоге — к бесперспективности его. Поэтому они заняты поисками таких «социальных изменений», которые якобы улучшают капитализм, превращают его в «народный», «демократический», «плановый».

Авторы этих работ рисуют социальную эволюцию как постепенный процесс социальных изменений чисто количественного порядка, который не приводит к решающим сдвигам и переменам. Историография и социология, рассматривающие процесс развития таким образом, отбрасывают теорию истории к догегелевскому периоду. Отказываясь от исследования коренных социальных изменений, они намеренно изучают только отдельные стороны социальной жизни: Росс рассматривает вопросы роста иммиграции, эмансипации женщин и т. п., Мак Кланг Ли — изменение структуры отдельных социальных институтов.⁴¹ Основой социальных изменений буржуазные авторы считают влияние экономики и техники (Огборн, Уайли и др.), или культурных процессов (Парсонс, Сорокин и др.), или действие структуры власти и т. п.

Естественно, что в нашу эпоху особое внимание уделяется технике, которая рассматривается в качестве важного, а иногда и главного фактора эволюции общества. Этой проблеме посвящена, например, интересная работа Феррарио «Машины в современной жизни», вышедшая в 1957 г.⁴² Суть технического прогресса, считает автор, заключается в росте автоматизации и повышении скоростей; социальным итогом технической эволюции является свободное и справедливое общество... или гибель человечества. Автор верит в творческие силы человека больше, чем в его мудрость.⁴³

Таким образом, Феррарио колеблется при определении места и роли техники в эволюции общества, не без основания заключая, что от той или иной направленности при использовании ее зависит результат воздействия техники на судьбы человечества. Многие же буржуазные теоретики крайне односторонне, а нередко и принципиально неверно определяют роль техники в истории современного буржуазного строя. Критика подобных теорий нашла уже место в советской литературе.⁴⁴

В буржуазной литературе возник миф о своего рода перманентной «капиталистической революции», якобы обновляющей и укрепляющей силы капитализма.⁴⁵

Ход рассуждений в этом плане таков. «Второй промышленный переворот», начавшийся с последней четверти XIX в., представ-

⁴¹ Там же, стр. 257.

⁴² A. Ferrario. *Le macchine nella vita moderna*. Milano, 1957.

⁴³ Там же, стр. 330.

⁴⁴ Г. В. Осипов. 1) *Техника и общественный прогресс*. М., 1959, 2) *Современная буржуазная социология*; В. А. Денисов. *Критика современных буржуазных теорий о будущем обществе*. М., 1961.

⁴⁵ H. Pasdermadjan. *La deuxième Revolution industrielle*. Paris, 1959.

ляет собой продолжение английской технической революции XVIII в.; ядерная энергия, электроника и кибернетика открывают эру «третьего технического переворота». Сущность «второго технического переворота» заключается, согласно теории Пасдермаджана, не только в переходе к научной организации производства в условиях высокой механизации, но и в изменении социальной структуры капиталистического общества, главным результатом этого процесса является якобы нивелировка положения различных слоев населения. Итак, в руках идеологических эквилибристов типа Пасдермаджана капитализм превращается из общества эксплуататоров и эксплуатируемых в некое подобие социального рая на земле. Вместо закономерного противоречия между ростом производительных сил и старыми капиталистическими производственными отношениями, приводящими к их ликвидации, изобретается теория мирного их сосуществования, которое якобы гарантирует не только продление, но и вечное развитие капитализма. При помощи терминологической комбинации искажается само понятие революции, сменяются такие явления, как технический процесс и социальная революция. Собственно под термином «революция» или «переворот» в этих изысканиях понимается не что иное, как процесс развития техники.⁴⁶

Провозглашение процесса промышленной революции вовсе не равнозначно признанию революционных скачков в истории: вторая «промышленная революция», как считают авторы этой теории, органически вытекает из первой, третья — из второй. С их точки зрения это по сути дела — эволюционный процесс, плавный и без потрясений изменяющий и совершенствующий существующий порядок. На деле теория «капиталистической революции» оказывается мечтой о мирном, бесконфликтном существовании капитализма, в то время как в действительности рост техники при капитализме лишь обостряет присущие ему противоречия.⁴⁷

Теория эволюционного развития капиталистических отношений нашла отражение в пресловутой доктрине «народного капитализма», которая была основой буржуазной идеологии в 50-е годы. Предсказанная Марксом и изученная Лениным империалистическая стадия капитализма изображалась авторами теории «народного капитализма» как эпоха благоденствия «всех членов общества». Опровергнутая в теории и в жизненной практике, эта доктрина основывалась на тезисе об эволюционном развитии общества, который отрицает истинный прогресс в истории, переход от одной формации к другой и ведет к провозглашению меняющихся, но якобы вечно существующих капитали-

⁴⁶ См.: В. А. Денисов. *Критика современных буржуазных теорий*... стр. 25—26.

⁴⁷ Г. В. Осипов. 1) *Техника и общественный прогресс*, стр. 98—124; 2) *Современная буржуазная социология*, стр. 262—268.

стических порядков. Теория «народного капитализма» потерпела крах, хотя за нее еще цепляются современные реформистские защитники капитализма.

В 60-е годы империалистические идеологи выдвинули доктрину «единого индустриального общества», дополненную общесоциологическим учением о «стадиях роста», принадлежащим американскому экономисту и социологу Росту, возглавляющему Совет планирования политики госдепартамента США. Авторы теории «народного капитализма» доказывали, что эволюционное развитие привело к изменению сущности капитализма. В концепции «единого индустриального общества» провозглашается сенсационный тезис об исчезновении капиталистического общества, о замене его благодаря непрерывному эволюционному развитию техники «обществом индустриальным», соответствующим, согласно Росту, «периоду зрелости» человечества, когда формы собственности и общественных отношений якобы не играют уже никакой роли, существует единство капиталистических стран и всего человеческого общества.⁴⁸ В этом плане, например, Батенбург говорит о «единстве всего земного шара» в недалеком будущем.⁴⁹

Ложная доктрина «единого индустриального общества», согласно которой фактор научно-технического прогресса, независимо от социального строя, порождает высокий уровень жизни, уже ныне переживает кризис, как и вся теория мирного эволюционного развития капитализма, в принципе отрицающая истинный исторический прогресс, смену одной формации другой, неизбежную гибель капиталистического строя и революционную замену его строем социалистическим.

ПРИЗЫВ К РЕГРЕССУ

Теория эволюционного развития капитализма, антинаучный тезис об эволюции вместо прогресса нередко приводили буржуазных теоретиков к отставанию и теоретическому оправданию застоя. Отсюда один шаг к проповеди регресса.

Развитие производительных сил капитализма, вопреки учениям об эволюционном, бесконфликтном его совершенствовании, не только не ликвидировало, но и, как уже сказано, чрезвычайно обострило основные противоречия капиталистического общества. В результате среди части капиталистических идеологов уже с конца XIX в. появились теории, направленные против научно-технического прогресса. Представителей мелкобуржуазного миропонимания пугает развитие производительных сил, они видят

⁴⁸ М. Б. Митин и В. С. Семенов. Движение человечества к коммунизму и буржуазная концепция «единого индустриального общества». Вопр. филос., 1965, № 5.

⁴⁹ Th. B a t e n b u r g. La marche fantastique des hommes. [Paris, 1961].

в нем причину обострения противоречий капитализма и источник его гибели. Они запугивают человечество жупелом технического прогресса и призывают его к торможению и возвращению к «добрым» старым временам. Панические голоса ретроградов особенно были слышны в период экономического кризиса 30-х годов; ныне эта концепция не занимает видного места среди буржуазных идеологов, но она существует и свидетельствует о том, что даже среди сторонников капитализма находятся мыслители, примыкающие к мнению о беспочвенности теорий эволюционного совершенствования капитализма, о невозможности гармоничного развития техники в империалистическом мире.

Одна из своеобразных теорий, направленных против развития техники, принадлежит французскому философу Бергсону, который еще в 30-х годах призывал бороться с «деспотизмом машины» за «освобождение человеческой души» от их влияния при помощи мистики.⁵⁰

В 40-х годах появились работы профессора международного университета в Женеве Рэнке, который, будучи противником революций, в том числе и французской буржуазной революции XVIII в., считал, что современное общество должно пойти по пути депролетаризации, превращая промышленных рабочих в мелкую буржуазию.⁵¹ Он доказывал, что общественный прогресс невозможен, что следует говорить лишь о пользе или вреде отдельных сторон общественной жизни (формы государства, прессы и т. д.).⁵² Некоторые буржуазные ученые подчеркивали безрезультатность прогресса человечества вообще и научно-технического прогресса в частности. Так, например, Ритчи писал: «Процесс эволюции человечества состоит лишь в том, что люди из обыкновенной и небольшой орды превратились в большую механизированную орду».⁵³

Сторонником регресса является французский социолог Барде, автор книги «Завтра 2000-й год!». Он выступает с парадоксальным призывом: «Вперед... ко временам Ликурга... На землю, на землю!». Барде признает, что технический прогресс при капитализме не способствует духовному росту человека, более того, «Запад себя уже чувствует плохо», поэтому, чтобы его спасти, нужно «рубить с плеча», т. е. перейти к «организации тотальной борьбы против машины», идти по пути «прогрессизма» к «республике Платона», пользуясь при этом «словом святых отцов». Безрезультатная попытка Барде вернуть человечество к патриар-

⁵⁰ A. B e r g s o n. Les deux sources de la morale et de la religion. Paris, 1932; См. о нем в кн.: Г. В. О с и н о в. Техника и общественный прогресс, стр. 125—126.

⁵¹ W. R ö p k e. La crise de notre temps. Neuchâtel, 1945.

⁵² W. R ö p k e. Civitas humana ou les questions fondamentales de la Réforme économique et sociale. Paris, 1946.

⁵³ A. D. R i t c h i e. Science and Politics. N. Y., 1947, p. 22.

хальным порядкам связана с его мечтой ликвидировать городские центры, а вместе с ними и пролетариат, чтобы можно было беззаботно «существовать и молчать».⁵⁴

Если Барде надеется на спасение капитализма на путях регресса, то целая плеяда философов и социологов не видит никакого выхода из положения, объявляет, что человечество якобы вступило в век отчаяния и самоубийства, духовной и моральной катастрофы. Такой мрачной философией заполнены рассуждения Ясперса, Хаутона, Марселя, Жиллуэна, Камю и др. Они уже видят картину мира, подобную финальной сцене «Острова пингвинов» Анатоля Франса, где показано, как Пингвиния, достигнув всеобщей продажности и разложения при хозяйствовании финансовой олигархии, пришла к краху: «... цивилизация исчезла с этих мест. ... Они сделались бесплодными и нездоровыми; территория, на которой кормились миллионы людей, стала сплошной пустыней. На склоне холма, в саду форта Св. Михаила, дикие козлы щипали сочную траву». В отличие от Пингвинии, в образе которой Анатоль Франс показал судьбу капиталистического государства, неизбежную обреченность капитализма, философия отчаяния рисует мир в виде абсолютной пустыни, лишенной животного мира и растительности.

Абсолютное неверие в будущее человечества, отрицание какого-либо выхода исходит из условий бесперспективности современного буржуазного общества, неизлечимые язвы которого с резким сатирическим блеском вскрыты в нашумевшем английском памфлете «Закон Паркинсона, или пути прогресса», где показаны истоки «исчезновения интереса», «крушения надежд» и «органический паралич» буржуазного общества.⁵⁵

Однако проповедь безысходности не является лейтмотивом философии регресса. Как мы уже видели, призывы, обращенные в прошлое, исходят из весьма определенного классового источника: все голоса этого хора принадлежат защитникам капитализма, противникам революционных потрясений, каковыми являются Барде, Рэнке и им подобные. Наиболее четко определяется сущность призывов к регрессу у авторов, обращающихся к конкретным сторонам эволюции современного капиталистического общества. Выступая за возвращение ко временам домонополистического капитализма, призывая к восстановлению свободного предпринимательства, теоретики отступления выступают в качестве идеологов мелкобуржуазных слоев. Однако они недалеки от апологетов империализма, так как пытаются спасти его от

«скрытой социалистической революции».⁵⁶ Так, например, Л. Келсо и М. Адлер в пресловутом «Капиталистическом манифесте» выступают против вмешательства государства в экономику, рассматривают его действия как часть этой «скрытой революции»,⁵⁷ выступают за «идеальный» капитализм, без «высокой степени концентрации капитала»,⁵⁸ вопреки экономическим закономерностям эволюции капитализма. Таким образом, буржуазные теоретики регресса сочетают в своих творениях проповедь безысходности, объявляющую бессмысленной всякую попытку борьбы против капитализма, с разработкой программ, имеющих целью защитить и спасти капитализм, правда, с помощью малоэффективных мер, игнорирующих экономические законы, неизбежно подводящие империализм к преддверию революционной замены старых производственных отношений новыми.

СНОВА ЦИКЛИЗМ

Попытка сторонников регресса спасти капитализм на заброшенных путях прошлых веков представляется маловероятной и неубедительной большей частью идеологов буржуазии. Отказываясь от последовательной теории прогресса и понимая безосновательность теории регресса, они ищут выхода в компромиссе, обращаясь к новому изданию теории циклизма, к возрождению теорий исторического круговорота и даже к эсхатологической мистике.⁵⁹ Новый этап циклизма объясняется также реакцией буржуазной историографии начала XX в. на метафизичность, однолинейность старых буржуазных теорий прогресса и представляет собой попытку объяснить сложность и многоплановость исторического процесса разных эпох и стран.⁶⁰ Теория цикличности, выдвинутая Вико еще в XVIII в., как уже говорилось, была попыткой установления закономерностей в истории. Вико подчеркивал такую реально существующую сторону исторического процесса, как прерывистость и своеобразная повторяемость, в противоположность просветительской теории прямолинейного поступательного прогресса, представляющей собой другую сторону реальной исторической эволюции.

Авторы современных теорий цикличности, выступая под знаменем борьбы с европоцентризмом, скатываются к отрицанию

⁵⁴ Б. А. Денисов. Критика современных буржуазных теорий. ... стр. 37—38.

⁵⁷ L. O. Kelso a. M. J. Adler. The capitalism manifesto. N. Y., 1958.

⁵⁸ Там же, стр. 169.

⁵⁹ Ф. Л. Баумер. Апокалиптика 20-го столетия. Пгр., 1916; Е. С. Маркарян. Концепция общественного круговорота в философии истории. Вестн. истории мировой культуры, 1957, № 2.

⁶⁰ И. С. Кош. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли, стр. 339.

⁵⁴ G. Bardet. Demain, c'est l'an 2000! Paris, 1952, pp. 151, 153—157, 305.

⁵⁵ С. Н. Паркинсон. Закон Паркинсона, или пути прогресса. Иностранная литература, 1959, № 6.

прогресса в целом и антиисторическому провозглашению кризиса цивилизации вообще, независимо от ее буржуазного характера. Справедливо отрицая европоцентризм и однолинейность исторического развития, сторонники циклизма отказывают ему (развитию) в единстве, поступательности и преемственности.

Шпенглер, автор шумевшей книги «Закат Европы», отрицает историю как единый процесс, рассматривал ее как сосуществование отдельных замкнутых культур, имеющих не только определенное число циклов, но и одинаковое содержание и длительность: «каждая культура, ее начало, подъем и падение, каждая из ее обязательных стадий включает в себя определенную, всегда одинаковую, всегда с символическим значением повторяющуюся длительность».⁶¹ Он считает не только возможным, но и закономерным перенесение последовательности циклов развития культуры прошлого в сферу культуры современной. В древнем мире он находит прообраз европейской истории средневековья и нового времени — готику, Ренессанс и даже империализм. Шпенглер абсолютизирует прерывность исторического процесса, полностью отвергая его поступательность, снимает всякую специфику исторических эпох, превращает их в абстрактный символ, отвергает возможность объективного изучения мира.⁶² «Как бы ни хныкали по этому поводу Шпенглеры... — писал Ленин, — этот упадок старой Европы означает лишь один из эпизодов в истории падения мировой буржуазии».⁶³ Шпенглер же возвел факт неизбежной гибели капиталистических порядков в степень закономерности прошлого и будущего исторического процесса.

Кроме Шпенглера, столпами новой теории циклизма в буржуазной историографии являются Данилевский (последователем которого считал себя сам Шпенглер), Сорокин, Тойнби, Бердяев, Шубарт. Они в разной форме выступают против эмпирико-рационального метода изучения истории, считают его неадекватным историческому процессу, отрицают всякую возможность философских обобщений в истории. Так, например, Сорокин подвергает критике отдельные положения Данилевского, Шпенглера, Тойнби.⁶⁴ Однако сам он стоит на позициях идеалистического «исторического метода», предложенного им на конгрессе социологов в 1962 г., где он резко выступал против эмпиризма.

⁶¹ O. Spengler. Der Untergang des Abendlandes, Bd. I. München, 1926, S. 147. О мировоззрении Шпенглера см.: В. Ф. Асмус. Маркс и буржуазный историзм. М.—Л., 1933. О влиянии Н. И. Данилевского на Шпенглера см.: Мас-Мастер. Danilewsky and Spengler. Journ. Modern History, 1954, v. XXVI.

⁶² O. Spengler. Der Untergang des Abendlandes, Bd. II. München, 1927, SS. 63—65.

⁶³ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 313.

⁶⁴ P. A. Sorokin. Social and Cultural Dynamics, vv. 1—4. N. Y., 1937—1941; P. Deyl, A. Toynbee, P. A. Sorokin. The Pattern of the Past: Can We Determine it? Boston, 1949; P. Goyl. Debats with Historians. N. Y., 1956.

Подобно Майеру, находившему в древнем мире исторические циклы феодализма и капитализма с повторением циклов после крушения Римской империи, теорию круговорота в наши дни возродил бельгийский историк Жак Пиренн, автор «Великих течений всеобщей истории». Он рассматривает всю историю как обязательное чередование повторяющихся циклов. В древнем Египте он находит «древнюю аристократию» и «новую буржуазию», а во все эпохи — «цивилизацию континентальную» с авторитарным режимом и «морскую» с либеральным правлением, способствуя этой сомнительной теорией обоснованию реакционной идеи «атлантической цивилизации».⁶⁵

Тойнби, один из крупнейших сторонников теории циклизма, насчитывает 26 самостоятельных цивилизаций истории человечества, каждая из которых проходит стадии рождения, расцвета и разложения. Подобно Шпенглеру, он рассматривает каждую цивилизацию как замкнутое явление, циклическое движение цивилизаций приводит, согласно Тойнби, к прогрессу и совершенствованию религиозного чувства.⁶⁶ Этому «прогрессу» особого рода уделяет внимание не один Тойнби. Проблеме прогресса и религии посвящена огромная литература.

КЛЕРИКАЛЬНЫЕ ПРОТИВНИКИ ПРОГРЕССА

Религиозные концепции общественной жизни, эволюции в той или иной форме используются многими буржуазными теоретиками развития общества. Это объясняется тем, что религиозные восприятия оказываются в буржуазном обществе наиболее живучими, а религиозная идеология — наиболее универсальной формой общественного сознания. Проблема религиозной философии истории представляет специальный вопрос,⁶⁷ здесь уместно остановиться лишь на наиболее характерных чертах собственно клерикальных теорий прогресса.

Прежде всего следует сказать о том, что клерикалы претендуют на монопольное владение истиной в отношении исторической науки, более того, весь исторический процесс рассматривается ими как отражение и результат воли божьей, толкователями и проводниками которой они себя считают. Для подтверждения этого положения достаточно обратиться к работам таких клерикальных авторов, как Баттерфилд, Бортолазо, Жильсон, Маритен,

⁶⁵ J. Pirenne. Les grands courants de l'histoire universelle, Neuchâtel, 1944.

⁶⁶ А. Тоунбее. A study of history. London—N. Y.—Toronto, 1957, p. 267. См. также: Е. А. Косминский. Историософия Арнольда Тойнби. Вопр. истории, 1957, № 1; Г. Д. Чесноков. Несостоятельность концепции А. Тойнби о прогрессе. Филос. науки, 1965, № 6.

⁶⁷ Н. С. Кон. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли, стр. 195—204.

Ольджати, Шип, или к речам главы католической церкви, являющимся выражением официальной точки зрения клерикалов.

«Все события, — говорил папа Пий XII в речи, обращенной к участникам X Международного конгресса историков, — развиваются в соответствии с волей божественного провидения. . . , бог осуществляет в истории свои предначертания».⁶⁸

«Христианство, — пишет в книге „Христианство и проблемы истории“ американский представитель клерикального лагеря философ истории Шип, — является ярко выраженной исторической религией, как и все теории социального прогресса, исходящие из ее принципов».⁶⁹

Английский теолог Баттерфилд, как бы дополняя Шипа, поясняет, на каких путях следует искать решения проблемы прогресса: «Действительный прогресс человечества может быть найден только в том случае, если мы сосредоточим внимание на созерцании путей бога в человеке и в истории, а не на положении человека в природе».⁷⁰

Проблемы прогресса нередко находят место на страницах католического теоретического органа «Чивильта каттолика», где подвизаются иезуитские философы, социологи и историки. Так, например, Фагоне производит детальное рассмотрение проблемы прогресса и развития в произведениях социологов и историков XIX и XX вв., от Гегеля до Кроче, анализируя идеи «материалистического рационализма» и «идеалистического историзма».⁷¹ Анализ этой проблемы подводит католических исследователей к апологетическим выводам по отношению к христианскому мировоззрению и социальной теории и практике церкви, хотя выражены они намеренно туманно: «Дело Христа, — пишет Бреше, — изначально учреждение христианства, не принадлежит лишь к прошлому, как и эсхатологическому будущему, но и постоянно служит земным успехам. Традиция — это не только прошлое. Нужно смотреть не только в прошлое, но на настоящее, а особенно на будущее. . . Направим наш взор на новое, которое мы должны создавать».⁷² Новое, согласно социальной программе католицизма, заключается не в ликвидации капиталистических порядков, а в применении к новой обстановке «народного капитализма», демагогической популяризации которого занята клерикальная теоретическая и экспериментальная социология. «В настоящем сто-

⁶⁸ Discours de sa Sainteté le Pape Pie XII au X-ème Congrès international des sciences-historiques. Cité du Vatican, 1955, p. 8.

⁶⁹ R. L. Shinn. Christianity and the Problems of History. N. Y., 1953, p. 29.

⁷⁰ H. Butterfield. Christianity and History. N. Y., 1949, p. 11.

⁷¹ V. Fagone. Storicismo e romanticismo. Civiltà cattolica, 1964, № 4.

⁷² R. Bréchet. Tradizione e tradizioni. Civiltà cattolica, 1964, № 1.

летия, как и в прошедшем, — сказано в обращении папы, — церковь успешно способствовала решению вопросов социального порядка».⁷³

Обращаясь к проблеме прогресса, иезуитские покровители человечества больше всего боятся марксистского атеистического мировоззрения и пытаются опорочить марксистскую теорию и практику прогресса. «Марксистский атеизм, — пишет иезуит Бортолазо, — который содержит в себе всё рационалистическое направление современного мышления, пытается ныне загасить саму проблему существования бога, рисуя проекты будущего общества в виде миража счастливого человечества, пытаясь реализовать собственные желания и не ощущая какой-либо нужды в боге, доказывая, что в конечном итоге можно быть господином собственной судьбы».⁷⁴

Понимая, что марксистское решение проблемы прогресса — далеко не мираж, что целые народы идут без бога через все пороги и препятствия старого мира, клерикалы злобствуют, пытаются опровергнуть научные теории прогресса и опорочить их смысл. Католическая литература о прогрессе издается под девизом «Без бога ни до порога». Даже там, где признаётся термин «прогресс», его сущность выхолащивается. Неотомист Маритен говорит, что прогресс и свобода исходят не из истории, и не от мира, а от бога. Что же касается любых теоретических открытий, то, согласно Маритену, все они принадлежат томизму.⁷⁵

Католические теоретики Доусон, Рибар, Барончи признают, что в мире происходит непрерывный процесс научных и технических открытий, рост автоматизации, облегчающей труд человека, однако не считают эту сторону прогресса заслуживающей внимания и поощрения.⁷⁶ «Прогресс есть процесс единый и беспредельный, — пишет Барончи на страницах официальной «Католической энциклопедии», — но некоторые, в том числе также и католики, в целях защиты цивилизации считают необходимым решительно выступать против прогресса».⁷⁷ Одной из причин такой реакционной позиции является, как поясняет автор, «противоречие между прогрессом в области науки и прогрессом в области морали», однако это звучит как малоубедительное оправдание. Более существенным и более убедительным является другой аргумент: католического автора пугает то, что научно-технический прогресс ведет к «разобщению и усиливает дух борьбы», что в свою очередь приводит к «неправильному рассмотрению так называемых со-

⁷³ Discours de sa Sainteté le Pape Pie XII. . . , p. 11.

⁷⁴ G. Bortolaso. Significato delle prove per l'esistenza di Dio. Civiltà cattolica, 1965, № 2.

⁷⁵ J. Maritain. Scholasticism and Politics. N. Y., 1941.

⁷⁶ C. Dawson. Progrès et religion. Paris, 1935; A. Ribard. La prodigiosa storia dell'umanità. Torino, 1950; M. Baronci. Progresso. Enciclopedia cattolica, t. X. Città del Vaticano, 1953.

⁷⁷ Там же, стр. 108.

циальных и политических проблем как главных. . . , пробуждает аппетит раньше, чем появляются средства, удовлетворяющие его», «прогресс становится источником борьбы, простодушного энтузиазма и жестоких иллюзий; лишь универсальный прогресс, признанный благородным и разумным человеколюбием, может спасти равновесие и мир».⁷⁸

Яснее не скажешь: пусть прекратится прогресс, лишь бы не было нарушено сомнительное равновесие капиталистического строя и сохранился бы классовый мир. Таковы классовые и политические основы католических противников прогресса.

От них не отступают протестантские коллеги, проповедующие примирение классов и осуждающие прогресс, — Раушенбуш, Мамби, Барт, Метсон, Тиллих, Нибур и др. Так, например, автор нескольких работ по философии истории Нибур заявляет, что «история не в состоянии разрешить своих собственных загадок, бесконечный ход истории лишь увеличивает антиномии добра и зла».⁷⁹ Он отвергает возможность превращения человека из объекта истории в господина, считает утопичным равенство и демократию и, исходя из этого, призывает к примирению со «сносным обществом», т. е. с существующим капиталистическим порядком вещей, который несет «в определенной степени сбалансированную справедливость». Что же касается прогресса, то Нибур считает, что «история исключает возможность какого-либо смысла в прогрессе».⁸⁰

Протестантских и католических противников прогресса объединяют общие классовые и политические позиции, в основе реакционные. Нельзя отказать в реакционности и православным противникам прогресса, открыто провозглашающим свое безразличие к социальному устройству общества. Так, например, А. Шишкин, редактор богословского «Журнала Московской патриархии», подвизающийся в качестве православного историка, заявляет: «Православная церковь не может выступать за тот или иной общественный строй, ибо нельзя прикладывать печать абсолютного и вечного Христова учения к социально-экономическим и политическим доктринам».⁸¹ Общественный строй является, согласно православной теории, лишь внешней оболочкой, не имеющей отношения к сущности человеческой природы, для которой главными представляются так называемые вечные проблемы, а их никакое общественное преобразование не в состоянии разрешить: человек, учит Шишкин, должен «понять полную свою немощь и бессилие вернуть себе вечную блаженную жизнь».⁸² Эти положения по своей сути являются отрицанием общественного прогресса, но только завуалированным туманом христианской мистики.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ R. Niebuhr. Faith and History. N. Y., 1949, p. 264.

⁸⁰ Там же, стр. 27.

⁸¹ Журн. Моск. патриархии, 1961, № 6, стр. 79.

⁸² Там же.

Таковы позиции клерикальных теоретиков, которых объединяют общая идеалистическая основа мировоззрения и страх перед прогрессивным развитием человечества, все более освобождающегося от религиозного наследия прошлых веков.

В наш век, когда в мире возник и все более укрепляется лагерь социализма, а космические корабли прокладывают путь к другим планетам, нельзя не только приостановить прогресс, но и отрицать его. И с этим не могут не считаться буржуазные философы, социологи и историки.

ПРОТИВНИКИ ПРОГРЕССА... ЗА ПРОГРЕСС

Все попытки буржуазных идеологов опорочить идею прогресса или исказить научные теории прогрессивного развития человеческого общества терпят неминуемый крах. Все хитросплетения буржуазной мысли в конечном итоге разбиваются о гранитную стену фактов, мир капитализма теряет одну позицию за другой, мир социализма укрепляется и растет. Этот закономерный прогрессивный процесс протекает в жестокой борьбе, и в ней не последнее место принадлежит идеологическому фронту.

Наиболее дальновидные идеологи буржуазии понимают, что отрицание прогресса, неминуемой замены капитализма новым, более совершенным строем грозит полной потерей влияния в массах. Отсюда явление, которое может показаться парадоксальным: сторонники сохранения капиталистического строя, противники прогресса вынуждены согласиться с неизбежностью и необходимостью отказа от некоторых принципов капиталистической системы. Элементы такой концепции можно встретить в «технократических» теориях, но научной основе и путем реализации беспочвенных и, как правило, реакционных, демагогических, декларирующих замену капитализма не социализмом, а правлением «технократов». Эти теории крайне характерны именно признанием того, что капитализм как таковой себя изжил и его должна заменить новая, более прогрессивная система. Американский экономист Веблен рекомендовал изъять руководство промышленностью из рук бизнесменов, изгнав их из сферы политической деятельности.⁸³ Бернхем считает главной целью общества «технократов» устранение противоречий, свойственных капитализму и даже... отмирание капиталистического хозяйства.⁸⁴

«Технократы», будучи сторонниками сохранения капиталистической частной собственности, пришли к мысли о неизбежности прогресса, и прежде всего о необходимости изменения, если не замены, капиталистической системы хозяйства какой-либо иной системой. «Технократизм» рисует общество будущего ни как капиталистическое, ни как социалистическое.

⁸³ T. Veblen. The Engineers and the Price System. N. Y., 1934.

⁸⁴ J. Bernham. The Managerial Revolution. N. Y., 1941.

Сторонники другой теории — теории «синтеза», считают, что общество будущего будет «гибридизацией» капитализма и социализма, что якобы уже ныне происходит «встречное развитие» капиталистической и социалистической экономики.⁶⁵ Паллиативное решение проблемы будущего не требует специальных пояснений, однако сам факт появления теорий, признающих необходимость оздоровления капитализма при помощи социалистических методов, свидетельствует о том, что в стремлении сохранить капитализм в любом виде буржуазные идеологи вынуждены признать неизбежность и необходимость прогресса.

Подтверждением этого является признание английского исследователя проблем автоматизации Лилли: «Невозможно игнорировать тот факт, что капитализм, хорошо функционировавший в свое время, не представляет собой экономическую структуру, соответствующую рациональному использованию развитой техники наших дней и еще более развитой техники завтрашнего дня. . . Как бы мы ни старались, в конечном счете нет другого пути для движения вперед, кроме изменения всего экономического строя капитализма и построения системы социализма».⁶⁶

Прогрессивное развитие человеческого общества совершается в обстановке непрерывной борьбы, в которой не последнее место принадлежит науке. Ее роль хорошо охарактеризована в работах японского философа Янагида: «Рассматривая прогресс человечества в целом, мы можем вслед за Марксом утверждать, что он является процессом достижения свободы. . . Свобода состоит не в воображаемой независимости от естественных и социальных сил, а в овладении ими, именно поэтому свобода есть познания необходимость. Если естественные науки имеют своей целью освобождение человека от господства стихийных сил природы, то целью общественных наук является освобождение его от несправедливостей классового общества. Следовательно, цель общественных наук, пожалуй, даже в большей степени, чем естественных наук, заключается в достижении свободы».⁶⁷

⁶⁵ F. Poulhac. Structures et perspectives économiques du XX-ème siècle. Paris, 1957.

⁶⁶ S. Lilliey. Automation and Social Progress. London, 1957, p. 213.

⁶⁷ К. Янагида. Наука и проблема свободы. Наука и жизнь, 1962, № 9. Библиографию трудов классиков марксизма-ленинизма, в которых рассматриваются проблемы прогресса, см. в журнале «Историк-марксист», 1940, № 10 (86), стр. 128, 129, 132, 133, а также в кн.: Ю. Н. Семенов. Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии. Критический очерк американских и английских теорий. М., 1965, стр. 290—292. Исследование Ю. Н. Семенова вышло после написания этой статьи, в нем дан глубокий анализ социальной философии А. Тойнби, П. Сорокина, У. Ростоу и др., завершающая глава посвящена марксистско-ленинской теории прогресса (там же, стр. 221—289). Интересный материал содержит также недавно вышедшая кн.: Г. Г. Аслаяни. Идея прогресса в буржуазной философии истории. Ереван, 1965.

И. С. КОП

ВИЛЬГЕЛЬМ ДИЛЬТЕЙ И ЕГО «КРИТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗУМА»

Историки единодушно характеризуют конец XIX—начало XX в. как переломный, кризисный период. В социальном плане — конец относительно мирного периода развития капитализма, вступление его в эпоху империализма, в политическом — поворот буржуазного государства и буржуазной идеологии к реакции. С точки же зрения развития исторической мысли этот период характеризуется как период «кризиса историзма». Мы уже имели возможность подробно осветить социальные и гносеологические корни этого кризиса буржуазной исторической мысли.¹ В данной статье мы хотели бы более подробно рассмотреть его философские истоки.

Что характерно для буржуазной философии этого периода? Историки философии часто характеризуют конец XIX в. как период антипозитивистской реакции и появления неоромантизма. Такое определение отчасти справедливо. Критика позитивизма в эти годы действительно в философии занимает центральное место. Но с кем и по каким вопросам разворачивалась полемика? Понятие позитивизма никогда не было достаточно определенным и в ходе своей исторической эволюции стало лишь еще более расплывчатым. Не было ясности и у тех авторов, которые в конце XIX—начале XX в. яростно его критиковали. Как правильно замечает Г. Хьюз, «они пользовались словом „позитивизм“ почти как синонимом для обозначения целого ряда философских доктрин, которые они рассматривали с таким же неодобрением, — „материализм“, „механицизм“ и „натурализм“».² С одной стороны, это была справедливая критика вульгарного механицизма, натурализма и плоского эволюционизма в общественных науках. С дру-

¹ См.: И. С. Коп. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959; I. S. Kop. Die Geschichtsphilosophie des 20. Jahrhunderts. Kritischer Abriss, Bd. 1—2. Berlin, 1964.

² H. S. Hughes. Consciousness and society. (The Reorientation of European Social Thought: 1890—1930). N. Y., 1958, pp. 37—38.

той стороны, что особенно важно иметь в виду, — идеалистическая реакция, направленная против исторического материализма.

Антипозитивистская, а по сути дела антиматериалистическая, реакция в буржуазной философии началась сразу с нескольких сторон, затрагивая широчайший круг проблем. Атаке подвергся не только сам позитивизм, но и вся рационалистическая традиция в истории философии. Применительно к философии истории это прежде всего означало сведение счетов с Гегелем.

«Традиционная философия истории, — пишет Р. Арон, — находит свое завершение в системе Гегеля. Новая философия истории начинается с отказа от гегельянства. Отброшена мечта разом определить значение человеческого становления, философ больше не считает себя хранителем тайн провидения. „Критика чистого разума“ похоронила надежду на то, чтобы найти истину интеллигибельного мира, поэтому критическая философия истории отказывается от стремления постичь последний смысл эволюции. Анализ исторического познания по отношению к философии истории — то же самое, что кантовская критика — по отношению к догматической метафизике».³

В своих предшествующих работах, анализируя характерные черты «критической философии истории», мы подчеркивали тот факт, что в отличие от классической философии она выдвигает на первый план не онтологическую, а гносеологическую и методологическую проблематику. Это положение, в общем виде правильное, требует, однако, серьезного уточнения.

Философия истории, как и вообще всякая философия, всегда выполняет критическую функцию: опираясь на достигнутый уровень эмпирического знания, она стремится выйти за его пределы, вскрыть его ограниченность и противоречивость. Но характер и объекты этой критики могут быть различными. Домарксовская философия истории была прежде всего критикой самого исторического процесса: постулировав цель, движущие силы и смысл истории, она тем самым критиковала существующие общественные отношения и пыталась наметить (пусть иллюзорно) пути дальнейшего развития. Она сама была непосредственным выражением исторического сознания своей эпохи и поэтому, в частности, она так пренебрежительно относилась к его эмпирическим формам (историографии в собственном смысле слова). Методика исторического исследования и теория исторического познания были здесь целиком подчинены онтологии и метафизике.

В XIX в. положение существенно изменилось. Онтологическая проблематика — анализ структуры и динамики общественного развития — мало-помалу отошла к социологии, которую позитивизм стремился максимально эмансипировать от философии;

³ R. Aron. La Philosophie critique de l'histoire. Ed. 2. Paris, 1950, p. 15.

философия истории постепенно превращается в гносеологию, методологию и логику исторического исследования. В этом выражается не только процесс развития самой философской мысли, но и определенные идеологические потребности буржуазного общества. По своему смыслу слово «позитивизм» противоположно понятию «негативизм»: Но негативизм в социальной философии означает именно социальную критику. Отказ от негативизма, требование исходить из признания необходимости существующих отношений как нельзя лучше соответствовали умонастроению господствующей буржуазии, уверенной в прочности своего господства. Отсюда и рассуждения о «конце всякой философии истории» и неисторичность позитивистской социологии.

В конце XIX в., когда эта уверенность рухнула, интерес к философии истории снова оживает. Но сама проблема истории ставится принципиально иначе, чем у классиков. Дело не только в том, что сама гносеология становится другой.

История повернулась против капитализма, поэтому она кажется его идеологам трагической и иррациональной. «Мы чувствуем, что нас осаждают события, которые кажутся не только враждебными и неумолимыми, но и неожиданными. Мы не знаем, как предвидеть события, которые может принести нам будущее; или как объяснить то, что уже произошло. И самое будущее таково, что мы смотрим в него уже не с надеждой, а с неопределенными опасениями и чувством беспомощности», — пишет американский социолог Р. Хейлброуер.⁴ Страх перед будущим мешает выявлению закономерности и в событиях настоящего и прошлого. «Если будущее представляется нам каким-то преддверием ада, скопием бесконечных неожиданностей, — продолжает Хейлброуер, — то это происходит потому, что мы больше не видим в нем естественного завершения прошлого, растущего элемента настоящего. Наша дезориентация перед лицом будущего больше, чем что бы то ни было другое, обнаруживает потерю нами своей исторической индивидуальности, неспособность понять наше историческое положение».⁵

Эта «неспособность понять свое историческое положение» сказывается не только в оценках современности и перспектив развития, но и в постановке самых общих философско-исторических проблем. Американский философ А. Стерн в книге «Философия истории и проблема ценностей» правильно критикует субъективно-идеалистическую концепцию о «фиктивности» исторической реальности. Но как он доказывает объективность исторической реальности, ее независимость от исторического сознания? «Мы приобре-

⁴ R. L. Heilbroner. The future as history. The historic currents of our time and the direction in which they are taking America. N. Y., 1960, p. 14.

⁵ Там же, стр. 15.

таем это убеждение в существовании исторической реальности, — утверждает он, — путем обращения к субъективности, своего рода патетическому *cogito*, которое можно выразить в следующих словах: я страдаю от нее, или я пострадал от нее — следовательно, историческая реальность существует». «Ценой великих жертв мы понимаем теперь, что история — это быстрая, бурная река, текущая из прошлого через настоящее в будущее и увлекающая нас с собой вопреки нашей собственной воле».⁶

Сторн прав, конечно, в том, что объективность процесса яснее всего ощущается тогда, когда он развертывается вопреки нашей собственной воле. Но это только часть истины. И как характерно «переживание» истории как страдания и насилия! Разве могло бы сложиться такое представление об истории у идеолога революционного класса, воспринимающего исторический процесс как собственное свершение, как реализацию собственного социального призвания?

Общепризнано, что философия истории XX в. является по преимуществу критической философией. Но что, собственно, значит «критическая философия истории»? Понятие это имеет по меньшей мере два значения. Во-первых, в понятие «критической философии истории» входят гносеология и методология исторического познания в отличие от теории исторического процесса, которую называют спекулятивной⁸ или догматической⁹ философией истории, причем «критический» характер философии истории конституируется исключительно ее проблематикой, независимо от ее содержания. Во-вторых, «критической философией истории» называют специфическое течение философской мысли, утверждающее, что «историческое исследование стремится к такому роду понимания, который совершенно отличается от того, что характерно для естественных наук».¹⁰ Такое определение явно исключает работы, написанные в духе позитивизма или натурализма, и связано с идеалистической философской традицией.

Речь идет не просто об изучении гносеологических предпосылок исторического познания, но о специфическом подходе, подчеркивающим его зависимость от субъекта, его жизненного опыта, его психологической природы. Этот подход, столь отличный от рационализма классической философии с ее стремлением к объективности, сложился не сразу. Уже Шопенгауэр, признавая, что «история для человеческих поколений — то же, что разум

для индивида»,¹¹ в то же время в противоположность Гегелю отказывает историческому самосознанию человечества в научной объективности. Всемирно-историческая точка зрения гегелевской философии истории сменяется у Шопенгауэра крайним индивидуализмом, а «разумное самопознание человеческого рода» замыкается в узкую сферу моральной воли.

Кьеркегор резко противопоставляет свободу морального выбора необходимости исторического процесса. Пусть внешняя жизнь человека зависит от многих объективных условий, зато «внутренняя, душевная жизнь индивидуума принадлежит ему одному, и никакая история, в частности, никакая всемирная история вообще не должна касаться этой области, составляющей на радость или на горе его вечную и неотъемлемую ответственность».¹² И именно эта внутренняя, неисторическая жизнь должна быть положена в основу философии человека.

Наконец, Ницше в блестящем очерке «О пользе и вреде истории для жизни», подвергая убийственной и во многом справедливой критике пороки исторического объективизма, означающего «приспособление прошлого к современной тривиальности»,¹³ открыто берет под защиту «неисторическое», иррациональное, постулируя вместо исторического прогресса «вечное возвращение», а вместо объективной истины — «волю к власти».

Все это, однако, были только отдельные атаки на объективно-рационалистический подход к проблеме истории. Будучи откровенно антиисторическими, они не могли на первых порах оказать заметное влияние на историческое мышление. Это были, так сказать, подходы извне. Задачу взорвать позиции философско-исторического рационализма изнутри, методом, подобным кантовской критике, взял на себя немецкий философ Вильгельм Дильтей (1833—1911), который по праву считается родоначальником критической философии истории.

Сын пастора, В. Дильтей получил историческое и философское образование в Гейдельбергском и Берлинском университетах, преподавал философию последовательно в Базеле, Киле и Бреслау, в 1882 г. сменил Лотце на кафедре Берлинского университета.¹⁴ Типичный академический философ, Дильтей не принимал непосредственного участия в политической борьбе, хотя и не скрывал своих либерально-националистических убеждений. Однако

⁶ A. Stern. Philosophy of history and the problem of values. The Hague, 1962, p. 26.

⁷ Там же, стр. 12.

⁸ См.: W. H. Druy. Philosophy of history. N. Y., 1964, p. 2.

⁹ См.: E. Callot. Ambiguïtés et antinomies de l'histoire et de sa philosophie. Paris, 1962, pp. 22—26.

¹⁰ W. B. Gallie. Philosophy and the historical understanding. N. Y., 1964, p. 11.

¹¹ A. Schopenhauer. Die Welt als Wille und Vorstellung. In: Schopenhauer's sämtliche Werke in fünf Bänden, Bd. 2. Leipzig, o. J., S. 1220.

¹² С. Кьеркегор. Наслаждение и долг. СПб., 1894, стр. 245.

¹³ Ф. Ницше. О пользе и вреде истории для жизни. Полн. собр. соч., т. II, М., 1909, стр. 133.

¹⁴ Собрание сочинений Дильтея в 12 тт. опубликовано в 1914—1936 гг.: W. Dilthey, Gesammelte Schriften, Bd. I—IX, XI, XII, Leipzig—Berlin, 1914—1936; Bd. X, Stuttgart, 1958. Отдельные тома неоднократно переиздавались.

его философские исследования были тесно связаны с идеологическими потребностями буржуазного общества.

Интересы Дильтея всегда были связаны с историей. Он оставил ряд крупных работ по истории философии и общественно-политической мысли, а как философа его больше всего занимали вопросы теории общественных наук. Но история прошлого занимает его не сама по себе. Уже в 1859 г. он писал, что «не стоило бы быть историком, если бы это не было единственным способом познания мира».¹⁵ Исходный пункт всех исследований Дильтея — очевидный кризис философского мировоззрения. «Ибо системы метафизиков рухнули и тем не менее воля снова и снова стремится к устойчивым целям, чтобы направлять жизнь индивида и руководить обществом».¹⁶ Дильтея с горечью констатирует в современной философии «боль пустоты», «сознание анархии во всех глубоких убеждениях», «неуверенность относительно ценностей и целей жизни».¹⁷ Он стремится найти «средства преодолеть грозящую прорваться анархию убеждений».¹⁸ «Значение наук о духе и их теории может состоять лишь в том, что они помогают нам увидеть, что мы должны делать в мире, что мы можем сделать сами с собой и что мы можем предпринять с миром и он — с нами».¹⁹

Дильтея прямо связывал свою деятельность с идеологическими задачами господствующего класса. «В такие времена, — писал он в 1892 г. своему ближайшему другу графу Йорку фон Вартебург, — вдвойне чувствуется, что только из философского осознания может прийти усиление высших классов. Вы служите этому больше непосредственно путем обоснования более религиозного отношения к жизни. У меня это направлено прежде всего на то, чтобы поднять самостоятельную силу наук о духе, а благодаря этому большее признание получит также и самостоятельная роль нравственно-религиозных мотивов».²⁰

Сочинения Дильтея посвящены разным вопросам, и сам он отнюдь не был систематическим мыслителем. Однако главным делом его жизни был план «критики исторического разума», или «обоснования наук о духе». Как правильно указывает Ходжес,²¹ Дильтея шел к этой цели двумя путями. С одной стороны,

¹⁵ Der junge Dilthey: ein Lebensbild in Briefen und Tagebüchern 1852—1870. Leipzig—Berlin, 1933, S. 81.

¹⁶ W. Dilthey. Über das Studium der Geschichte der Wissenschaften vom Menschen, der Gesellschaft und dem Staat. Ges. Schr., Bd. V, 3 Aufl., S. 11.

¹⁷ W. Dilthey. Zur Weltanschauungslehre. Там же, т. VIII, стр. 198.

¹⁸ Там же, т. V, стр. 9.

¹⁹ W. Dilthey. Plan der Fortsetzung zum Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. Там же, т. VII, стр. 276.

²⁰ Briefwechsel zwischen Wilhelm Dilthey und dem Grafen Yorck von Wartenburg, 1877—1897. Halle, 1923, SS. 156—157.

²¹ H. A. Hodges. The philosophy of Wilhelm Dilthey. London, 1952. p. IV.

он подходил к своей главной теме через ряд частных проблем (работы по этике, эстетике, психологии, истории философии и т. д.). С другой стороны, он все время лелеял план написать всеобъемлющую «критику», которая давала бы целостное изложение его взглядов. В качестве первого тома подобного труда Дильтея в 1883 г. опубликовал «Введение в науки о духе», обещая вскоре его завершить. Однако выполнить свое намерение он так и не смог. В конце жизни он начал этот труд сначала, по новому плану, опубликовав в 1910 г. статью «Построение исторического мира в науках о духе», но смерть прервала работу, и она осталась лишь серией фрагментов, опубликованных в седьмом томе сочинений философа. Поскольку Дильтея интересует нас не сам по себе, а как родоначальник известного идейного течения, мы не будем рассматривать эволюцию его взглядов, а подвергнем анализу его систему в целом.²²

Философская концепция Дильтея сложилась под влиянием трех весьма противоречивых идейных течений — кантианства, англо-французского позитивизма и немецкого романтизма. С Кантом Дильтея связывает прежде всего понимание философии как «критики познания». Своей задачей Дильтея считал как бы повторение «критики чистого разума», распространение ее на общественно-историческое познание. Однако подход Дильтея существенно отличается от кантовского и еще больше — от неокантианского.

Прежде всего Дильтея отвергает кантианское разграничение между «эмпирическим» и «трансцендентальным» субъектом. Познающий субъект для него — тот же самый человек, с которым мы имеем дело в обыденной жизни. «Мы должны покинуть чистый, прозрачный воздух кантовской критики разума, чтобы отдать должное совершенно иной природе исторических объектов».²³ Вместо того чтобы основать познание на фактах нашего повседнев-

²² Специальная литература о Дильтея очень велика. Кроме уже упомянутой книги Ходжеса, назовем следующие: L. Landgrebe. Wilhelm Diltheys Theorie der Geisteswissenschaften. (Analyse ihrer Grundbegriffe). In: Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. Bd. 9. Halle, 1928, SS. 237—366; D. Bischoff. Wilhelm Diltheys geschichtliche Lebensphilosophie. Leipzig—Berlin, 1935; R. Aron. La philosophie critique de l'histoire. Essai sur la théorie de l'histoire dans l'Allemagne contemporaine. Ed. 1, Paris, 1938; Ed. 2, Paris, 1950, chap. I; O. F. Bollnow. Dilthey. Eine Einführung in seine Philosophie. Aufl. 1, Leipzig—Berlin, 1936; Aufl. 2, Stuttgart, 1953; P. Rossi. Lo storicismo tedesco contemporaneo. Torino, 1956, parte I; J. F. Suter. Philosophie et histoire chez Wilhelm Dilthey. Essai sur le problème de l'historicisme. Basel, 1960; H. Diwald. Wilhelm Dilthey. Erkenntnistheorie und Philosophie der Geschichte. Göttingen, 1963. Из советских работ см.: Н. И. Орехов. «Философия жизни» Вильгельма Дильтея как иррационалистическая реакция на материалистическое понимание истории. В кн.: Современный капитализм и буржуазная социология. М., 1965.

²³ Ges. Schr., Bd. VII, S. 278.

ного опыта, кантианцы апеллируют к сверхэмпирическому субъекту, который проявляется в индивидуальном сознании. Но эта процедура, замечает Дильтей, необоснованна, и «создание этого трансцендентального метода — смерть для истории, поскольку он исключает как раз проникновение в указанные реальности с помощью плодотворных исторических понятий».²⁴ Возможность исторического познания коренится не в изоляции познающего субъекта от исторического процесса, а наоборот, в том, «что я сам являюсь историческим существом, что исследует историю тот же самый субъект, который ее творит».²⁵

Вместе с трансцендентальным субъектом рушится и идея об априорности познавательных категорий. Категории, по Дильтею, не «накладываются» на опыт извне из чистой логики, а органически вырастают из самого опыта. Мысль не диктует своих законов жизни, а лишь фиксирует в определенной форме жизненные отношения. А отсюда гносеология перестает быть «чистой» наукой и становится эмпирическим исследованием реального познавательного процесса, опираясь в особенности на психологию. Задача теории познания не в том, чтобы априорно устанавливать познавательные возможности наук (они существуют независимо от философии), а в том, чтобы исследовать их реальные познавательные процессы. Кантовскому разграничению теоретического и практического разума Дильтей противопоставляет принцип единства познания и жизни.²⁶

Критика кантианства с позиций более последовательного эмпиризма явно связана с влиянием позитивизма, и Дильтей сам признавал это влияние. Ему особенно импонировал психологизм позитивистской социологии. Для него психология так же является фундаментом общественных наук, как математика — наук естественных. Дильтей сравнивает психологию с механикой.²⁷ Но экспериментальная психология не дает таких бесспорных заключений, как математика. Психология, замечает Дильтей, и в отношении психологии XIX в. это в основном справедливо, ограничивается формальным анализом духовных процессов, не замечая их зависимости от пережитого опыта субъекта. «Психологические законы суть чистые законы формы; они имеют дело не с содержанием человеческого духа, а с его формальным поведением и расположением. Если принять человеческий дух за стихотворение, то он является, так сказать, его языком, синтаксисом и размером».²⁸ Но содержательная, «реальная» психология (Inhaltspsychologie, Realpsychologie) не ограничивается изучением рацио-

нальной стороны познавательного процесса. Она должна признать, что явления воли и чувства не сводимы к представлениям и идеям. Кроме того, ее главной единицей должен быть не абстрактный индивид, предшествующий обществу, как у Милля, а исторический субъект, сама психологическая природа которого является социальной. «Объясняющая психология», которая черпает свои элементы и принципы вне самих данных, из определенных гипотез, не может быть основой других наук, так как ее собственные предпосылки требуют проверки. Такую роль может выполнить лишь «описательная психология», которая не базируется на общих гипотезах, а различает и систематизирует простейшие компоненты опытных данных и наблюдает отношения между ними.

Дильтей критикует не только психологическую концепцию позитивизма, но и его гносеологию. Он упрекает Конта за то, что его классификация наук произвольно подчиняет науки о духе естествознанию, а Милля — за искусственное ограничение научного метода логикой естественнонаучного объяснения.²⁹ С уважением отзываясь о гносеологии Локка, Юма и Канта, Дильтей в то же время решительно осуждает ее рационалистичность. «В жилах познающего субъекта, сконструированного Локком, Юмом и Кантом, течет не реальная кровь, а разжиженный сок разума, в смысле простой мыслительной активности».³⁰ Позитивистскому «сциентизму» и недооценке философии он противопоставляет идею единства научного эмпирического исследования и философии, образцом которого он считает немецкую историческую школу (Гумбольдт; Савиньи, Гримм и др.).

Уже в своих юношеских работах о Гаманне, Шлейермахере и позже о Новалисе и Гельдерлине Дильтей обнаруживает живой интерес к культуре романтизма, в которой он усматривает попытку «примирить идеал с жизнью» и преодолеть противоречие между конечным и бесконечным, поместив бога не вне, а внутрь самой реальности. Дильтею привлекает у романтиков акцент на индивидуальности исторического бытия, которое не может быть исчерпано никакими общими формулами, принцип несводимости воли и чувства к проявлениям разума. Из историков XIX в. Дильтей выше всех ставит Ранке, Карлейля и Токвиля. «Если Ранке — весь зренье и живет в объективном мире, то карлейлевская историография покоится на борьбе с проблемой внутренней жизни; таким образом оба дополняют друг друга, как два направления в поэзии, из которых одно отправляется от объективного мира, а другое — от собственного бытия поэта».³¹ Из философов прош-

²⁴ Там же, стр. 285.

²⁵ Там же, стр. 278.

²⁶ См.: Н. Diwald. Wilhelm Dilthey, S. 8.

²⁷ W. Dilthey. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. Ges. Schr., Bd. VII, SS. 116—117.

²⁸ Там же, т. VI, стр. 43.

²⁹ См.: Там же, т. V, стр. 54—55; см. также: W. Dilthey. Einleitung in die Geisteswissenschaften. Versuch einer Grundlegung für das Studium der Geschichte der Gesellschaft. Там же, т. I, стр. XVI—XVII (Vorrede).

³⁰ Там же, стр. XVIII.

³¹ Там же, т. VII, стр. 103, 104.

лого Дильтею более всего близок Шлейермахер (1768—1834), особенно его метод герменевтики, о котором речь пойдет дальше.

Но как справедливо замечает П. Росси,³² Дильтей заимствовал у немецкого романтизма только интерес и общий подход к изучению духовного мира человека в его исторических проявлениях, а не романтическую концепцию мира в целом.

«Жизнь — вот основной факт, который должен служить отправной точкой философии»,³³ — утверждает Дильтей в противовес каштовскому априоризму. Всякое познание не только вырастает из жизненного опыта, но и не может выйти за его пределы. Мы представляем и осмысливаем мир постольку, поскольку он переживается нами, становится нашим непосредственным переживанием (Erlebnis). Процесс переживания может быть совершенно неосознающим, знание и представление лишь оформляет непосредственное переживание, в котором не существует различия субъекта и объекта, наблюдателя и наблюдаемого. Следует не мышлением доказывать реальность существования (декартовское cogito ergo sum), а, наоборот, рассматривать мышление как производное от непосредственного бытия. Это переживание всегда конкретно и современно, переживаться может только «момент жизни» (Erlebnismoment). «Принцип непосредственного переживания» (Erlebnissatz) означает, что «все, существующее для нас, существует только как некое данное в настоящем. Даже когда существование прошло, оно существует для нас только как данность в современном непосредственном переживании».³⁴

Это не означает солипсизма, а подчеркивает лишь относительность разграничения субъективного и объективного.

Разделение «Я» и «объекта» существует лишь в противоположающих актах сознания. «Я» лишь постольку существует для нас, поскольку оно различается от внешнего мира, а слова «внешний мир» имеют лишь тот смысл, что отделяют его от «Я».³⁵ Само это разграничение связано с реальным процессом жизни, коренится в волевой природе деятельности: сопротивление его волевым импульсам предупреждает индивида об его ограниченности и наличии чего-то независимого от его власти; таким путем возникает сознание различия между «Я» и внешним миром, включая и других людей. Но такое различие не абсолютно, в нём нет ничего трансцендентного. «Внешний мир» есть содержащееся в жизни отношение давления, вытекающее из отношения между импульсом и сопротивлением. Его реальность лежит только в этом жизненном отношении».³⁶

³² P. Rossi. Lo storicismo tedesco contemporaneo, p. 31.

³³ Ges. Schr., Bd. VII, S. 261.

³⁴ Там же, стр. 230.

³⁵ W. Dilthey. Beiträge zur Lösung der Frage vom Ursprung unseres Glaubens an die Realität der Aussenwelt und seinem Recht. Там же, т. V, стр. 90.

³⁶ Там же, т. VII, стр. 332.

Это не означает отрицания онтологической реальности внешнего мира, как часто утверждается в нашей литературе (в том числе в моих предшествовавших работах). Даже говоря о гуманитарных науках, Дильтей признает, что «природа является основой наук о духе. Природа — не только арена истории; физические процессы, заключенные в них необходимости и исходящие из них влияния образуют основу для всех отношений, для деятельности и страдания, действия и противодействия в историческом мире; физический мир формирует также материал для всей области, в которой дух выражает свои цели, свои ценности, свою сущность».³⁷ Говоря, что любые предметы существуют для меня только как факты сознания, Дильтей имеет в виду лишь то, что мое осознание этих предметов предполагает предварительно их освоение в акте непосредственного переживания.

Индивид, в переживании которого Дильтей находит исходную точку философии, тоже есть не «чистое сознание», а исторический субъект. «Не через интроспекцию познаем мы человеческую природу. Это было громадное заблуждение Ницше. Поэтому он и не мог понять значение истории».³⁸ Для Дильтея жизнь и история тождественны. «В каждой точке истории есть жизнь. И из жизни всех видов в самых различных отношениях состоит история. История — это только жизнь, рассматриваемая с точки зрения целого человечества, которое образует взаимосвязь».³⁹ Она не сводится к опыту отдельного индивида. «Жизнь в этом смысле простирается также на весь объем объективного духа, насколько он доступен через переживание».⁴⁰

Как видим, Дильтей ставит серьезные вопросы. Он правильно отмечает созерцательность классической философии и отсутствие исторического взгляда на процесс и сами категории познания. Маркс еще в «Гезисах о Фейербахе» показал, что исходным пунктом философии должен быть не отвлеченный субъект и не «внешний мир», а практика, в ходе которой, по отношению к которой формируются и приобретают смысл любые человеческие понятия. Познание есть лишь момент, аспект, сторона практической деятельности и не может быть понято в отрыве от последней. Но «практика» Маркса принципиально отличается от «жизни» Дильтея.

Прежде всего Маркс выделяет основную сторону практической деятельности — труд. Именно в труде, созерцая продукты своей деятельности, человек впервые получает возможность различать себя как деятеля от самого процесса деятельности и его результатов. Вся жизнь человеческого общества является «по существу

³⁷ Там же, стр. 119.

³⁸ Там же, стр. 250.

³⁹ Там же, стр. 256.

⁴⁰ Там же, стр. 261.

практической». ⁴¹ Поэтому ключ к пониманию «человеческого мира» лежит прежде всего в исследовании конкретных черт материального производства. «Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством — совпадает как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят. Что представляют собой индивиды — это зависит, следовательно, от материальных условий их производства». ⁴²

Маркс задолго до Дильтея выражал неудовлетворенность существующей психологией, которая «не может стать содержательной и реальной наукой». ⁴³ Но в отличие от Дильтея Маркс видит главный порок современной ему психологии (как и других общественных наук) в том, что она абстрагируется от реальной стороны дела, от процесса развития материального производства. «Что вообще думать о такой науке, которая *высокомерно* отвлекается от этой огромной части человеческого труда и не чувствует своей собственной неполноты, когда все это богатство человеческой деятельности ей не говорит ничего другого, кроме того, что можно выразить одним термином „*потребность*“, „*обиденная потребность*“?». ⁴⁴

Но именно эту сторону дела полностью игнорирует Дильтей. Как справедливо замечает Н. И. Орехов, «„*философия жизни*“, игнорируя практику как синтезирующую деятельность, как воплощение, реализацию чувственного и рационального, конкретного и абстрактного, знает лишь мыслимый, а не реальный синтез. Поэтому тождество „*жизни*“ и „*истории*“ и оказывается лишь тождеством субъективного переживания, не знающим действительной (практической) жизни и действительной (естественной) истории». ⁴⁵

Дильтей призывает к конкретности. Но само его понятие жизни остается крайне расплывчатым. По мнению А. Либерта, ⁴⁶ у Дильтея имеется пять различных значений понятия «жизнь»: 1) органическое, связанное с виталистской натурфилософией, 2) психологическое — жизнь — как непосредственное переживание, 3) историческое — жизнь как история, 4) метафизически-романтическое — жизнь как иррациональное первоначало всего существующего, 5) универсально-диалектическое — жизнь как некий творческий синтез. Но главной тенденцией Дильтея всегда было

⁴¹ К. Маркс. Тезисы о Фейербахе. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 3.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. 3, стр. 19.

⁴³ К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года. К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 595.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Н. И. Орехов. «Философия жизни» Вильгельма Дильтея. ... стр. 319—320.

⁴⁶ См.: А. Liebert. Wilhelm Dilthey. Berlin, 1933, S. 55.

сведение жизни к непосредственному переживанию и к человеческой деятельности, проявляющейся во взаимоотношениях индивидов. ⁴⁷

Но эта концепция является субъективистской и не позволяет правильно понять взаимоотношение природы и человеческой истории. В самом деле, с одной стороны, история человеческого общества есть продолжение истории природы. С другой стороны, Маркс пишет о «становлении природы человеком», ⁴⁸ имея в виду, во-первых, промышленность, и, во-вторых, зависимость наших представлений о природе от нашего социального опыта. Из этой двусторонней связи Маркс делает вывод, что «впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же степени, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет *одна наука*». ⁴⁹ К противоположным выводам приходит Дильтей.

Влияния природы на историю Дильтей, как мы видели, не отрицает, но и не исследует, принимая его просто как факт. Второй же аспект проблемы — влияние человека на природу — он рассматривает не в контексте материально-производственной деятельности, а лишь как феномен индивидуального переживания. Но реальная история при этом терится. Наши непосредственные переживания неизбежно ограничены. Дильтей видит ключ к человеческому миру «во внутреннем опыте, в фактах сознания». ⁵⁰ «Наша картина всей природы есть только тень, которую отбрасывает скрытая от нас действительность; например, реальность, как она есть, мы схватываем только в данных нам во внутреннем опыте фактах сознания. Анализ этих фактов является задачей наук о духе». ⁵¹ Отсюда — типичное для Дильтея противопоставление естественных и гуманитарных наук.

Дильтей правильно отмечал, что ни позитивистский натурализм, ни объективно-идеалистическая философия истории не отображают специфики общественной жизни и общественных наук. «В конце средних веков, — писал он в своем „Введении в науки о духе“, — началось освобождение специальных наук. Однако те из них, которые имеют своим предметом общество и историю, еще долго, вплоть до прошлого столетия, оставались в старом подчинении у метафизики. Теперь же они попали в новое рабство, не менее тяжкое, чем старое, к быстро растущим наукам о природе». ⁵²

⁴⁷ См.: O. F. Bollnow. Wilhelm Dilthey. Eine Einführung in seine Philosophie. Leipzig—Berlin, 1936, SS. 31—39; P. Rossi. Lo storicismo tedesco contemporaneo, pp. 103—104.

⁴⁸ К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года. К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 596.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Ges. Schr., Bd. I, S. XVII.

⁵¹ Там же, стр. XVIII.

⁵² Там же, стр. XV.

Дильтей не отрицает того, что человек представляет собой определенное психофизическое единство, которое может быть расчленено только в абстракции. В этом смысле как естественные, так и гуманитарные науки изучают одну и ту же человеческую жизнь. Но естественные науки прослеживают, каким образом ход естественных событий воздействует на положение человека, тогда как общественные науки суть науки о духе (Geisteswissenschaften), изучающие свободную деятельность человека, преследующего определенные цели.

Физические вещи, изучаемые естествознанием, известны нам лишь опосредствованно, как явления. Люди и их отношения, изучаемые науками о духе, напротив, «действительные реальности» (reale Realitäten), данные нам в непосредственном переживании (Erlebnis). В естествознании и в истории мы имеем не только разные объекты познания, но и разные формы опыта. Природа нема для нас, и в естественнонаучном познании мы имеем дело лишь с «внешним» опытом. Данные наук о духе, напротив, берутся из внутреннего опыта, из непосредственного наблюдения человека за самим собою, за другими людьми и отношениями между ними. Отсюда и различный характер самого познавательного процесса.

«Социальные факты понятны изнутри. Мы можем до известной степени воспроизвести их в себе, на основе наблюдения наших собственных состояний, и, понимая их, мы оживляем это воспроизведение исторического мира любовью и ненавистью, всей игрой наших аффектов. Природа же нема для нас. Только сила нашего воображения проливает на нее отблеск жизни и интимности. . . Она для нас нечто внешнее, не внутреннее. Общество же — это наш мир».⁵³

Первичным элементом наук о духе является, по Дильтею, непосредственное внутреннее переживание (Erlebnis), в котором представление, чувство и воля слиты воедино и в котором человек непосредственно сознает свое существование в мире. Такое непосредственное переживание по своей природе сугубо индивидуально. Дильтей считает принципиально невозможным и неправомерным существование философии истории или социологии, претендующих обобщить ход исторического процесса как целого. «Всякая формула, в которой мы выражаем смысл истории, это лишь отражение нашего собственного оживленного жизненного чувства. . . Из этих формул, претендующих на то, чтобы выражать смысл истории, нельзя почерпнуть никакой плодотворной истины. Сплошной метафизический туман».⁵⁴

Философия истории и социологии пытается абстрагировать общее от особенного и единичного. Но это, подчеркивает Дильтей,

невозможно без разрушения живой ткани исторической реальности. Философия истории на всем протяжении своего развития сохраняет следы религиозного происхождения. Даже когда она сбрасывает старые теологические формы (Тюрго, Гердер, Гегель), ее содержание по-прежнему остается религиозно-метафизическим. К тому же попытка Гегеля при помощи одной формулы определить и значение, и причину социальной эволюции порождает противоречия и натяжки.⁵⁵ Что касается позитивистской социологии, то хотя она и выступает против старой философии истории, она сама вырождается в «натуралистическую метафизику истории», поскольку игнорирует специфику духовных явлений и делает невозможным внутреннее, интуитивное познание.⁵⁶

Какова же, по Дильтею, структура исторического мира? Дильтей возражает против механического противопоставления общества и индивида, утверждая, что индивид должен изучаться лишь как элемент общества, а общество — как выражение межличностных отношений. «Именно посредством этого взаимодействия отдельных индивидов, их страстей, их гордости, их интересов реализуется необходимая телеологическая система человеческой истории».⁵⁷ Межличностные отношения конституируют системы культуры, права, философии и т. д., которые переживают самих индивидов и образуют устойчивый костяк социальной структуры. Для обозначения этих явлений, имеющих, по его мнению, духовную природу, но выходящих за рамки индивидуального человеческого существования, Дильтей использует заимствованное у Гегеля понятие объективного духа. Но он придает ему смысл, весьма отличный от гегелевского. «Объективный дух» не является у Дильтея, как у Гегеля, одним из моментов развития «Абсолютной идеи», а лишь выражением психической целостности исторической жизни. «Объективный дух» есть совокупность выражений духовной жизни, отличающихся устойчивостью, постоянством и в своей целостности образующих то, что мы называем социальной средой. Дома, дороги, нивы, сады, книги, картины, обычаи, системы взглядов — все это различные выражения человеческой активности, создавшей наш мир. Именно в них объективирован человеческий дух, и только через них он может быть исторически познан.

«Индивидуум — только точка пересечения культурных систем, организаций, в которые вплетено его существование».⁵⁸ Поэтому не они могут быть поняты, исходя из него, а, наоборот, индивид должен быть понят исторически. Дильтей анализирует с разной степенью обстоятельности несколько таких структурных категорий. Так, он говорит о «культурных системах», включая

⁵³ Там же, стр. 98—99.

⁵⁴ Там же, стр. 105—106.

⁵⁷ Там же, стр. 33.

⁵⁸ Там же, т. VII, стр. 251.

⁵³ Там же, стр. 36.

⁵⁴ Там же, стр. 97, 112.

слода воспитание, экономическую жизнь, право, политические функции, религию, искусство, философию, каждая из которых выполняет какую-то определенную функцию, и о «социальных организациях» (имеется в виду прежде всего государство и, особенно, национальное государство). Кроме понятий, обозначающих отдельные стороны и функции социального целого, Дильтей выделяет, так сказать, хронологические общности — поколения, эпохи, исторические периоды. Они представляют собой не просто хронологические деления, а определенные социально-исторические целостности. Так, признак исторической эпохи состоит в том, что люди и народы, живущие в это время, имеют некоторые общие идеи, ценности и цели, которые все они преследуют. В этом смысле говорят о духе определенной эпохи, скажем, духе средних веков или Просвещения, который объективируется в специфическом образе мыслей, искусстве, законодательстве и т. п.

Подобные рассуждения сами по себе могли бы и не вызывать возражений. Но Дильтей всячески подчеркивает духовный, идеальный характер этих «динамических целых».

Если природа — царство необходимости, то история — царство свободной воли, где ничто не совершается механически, само собой. Как человеческий мир в целом, так и каждый отдельный сектор его представляет собой некую «динамическую целостность» (*Wirkungszusammenhang*), обладающую собственной структурой и имеющую центр в самой себе. «Эта динамическая целостность отличается от причинной взаимосвязи природы тем, что она, в соответствии со структурой психической жизни, создает ценности и реализует цели. . . Историческая жизнь творит. Она постоянно занята тем, что создает блага и ценности, и все соответствующие понятия лишь являются рефлексамми этой ее активности».⁵⁹

Общественная жизнь, таким образом, предстает как нечто духовное, психическое. Вместе с тем каждое историческое явление оказывается замкнутым в своей индивидуальности. Дильтей всячески подчеркивает индивидуальность актов исторического творчества, утверждая, что «каждое духовное единство сосредоточено в самом себе. Как индивидуум, так и каждая культурная система, каждое общество имеет свой центр в себе самом».⁶⁰ Каждая историческая эпоха в свою очередь ограничена своим специфическим духовным складом. Все идеи, учреждения и отношения эпохи внутренне связаны друг с другом и не могут быть поняты в отрыве от целого. Задача исторического исследования в том и состоит, чтобы «в конкретных целях, ценностях, образах мысли открыть общее соответствие», характерное для этой эпохи.⁶¹

Но как же проникнуть в сокровенный «дух эпохи»? Отразить его в общих понятиях и каузальных закономерностях Дильтей считает невозможным. Отмечая заслугу Гегеля, который увидел в действительности непрерывный поток становления, Дильтей считает, что Гегель совершил ошибку, когда он попытался объяснить факты этого потока жизни и выразить его в виде ряда общих категорий. Не видя объективной закономерности общественного развития, Дильтей приходит к выводу, что история — такая область опытного знания, которая целиком (и по своему происхождению, и по своим материалам) лежит в пределах «внутреннего переживания», принципиально отличного от «внешнего мира» природы. «И поскольку никто не утверждает, что он в состоянии вывести и объяснить содержание страсти, поэтических образов, интеллектуальных порывов, которые мы обозначаем как жизнь Гёте, из строения его черепа и особенностей его тела, — невозможно оспаривать самостоятельное положение этой науки».⁶²

Субъектами наук о духе являются «социально между собой связанные индивидуальные единицы. Таковы, прежде всего, отдельные личности. Движения, слова, действия — таковы их проявления. Задача гуманитарных наук сводится к тому, чтобы их заново пережить и понять».⁶³ Поскольку индивиды связаны между собою сложными отношениями (семья, нация, государство и т. п.), Дильтей признает, что история не может обойтись без понятийного элемента, без некоторых общих воззрений. «Ни одно понятие не исчерпывает, однако, содержания этих индивидуальных единиц: многообразие данного в них может быть только пережито, понято и описано. Их влечение в исторические процессы также остается единственным в своем роде и не может быть исчерпано мыслью».⁶⁴

Исходным пунктом исторического познания, как и всех общественных наук, должно быть, согласно Дильтею, то же самое непосредственное переживание, которое лежит в основе всей духовной жизни.

Чтобы понять переживания другого человека, мне вовсе не нужны общие понятия, силлогизмы и т. п., без которых не обходится предметное знание. Простое созерцание, например, выражения скорби на лице другого человека уже вызывает во мне аналогичное чувство. Следуя за выражением другого, я заново переживаю его чувство в своем собственном сознании, и в этом, с точки зрения Дильтея, состоит главная специфика гуманитар-

⁵⁹ Там же, т. 1, стр. 9.

⁶⁰ W. Dilthey. Das Wesen der Philosophie. Там же, т. V, стр. 340. Русск. пер.: В. Дильтей. Сущность философии. В сб.: Философия в систематическом изложении В. Дильтея, В. Оствальда и др., СПб., 1909, стр. 2.

⁶¹ Ges. Schr., Bd. V, S. 341; В. Дильтей. Сущность философии, стр. 3.

⁵⁹ Там же, стр. 153.

⁶⁰ Там же, стр. 154.

⁶¹ Там же, стр. 155.

ного знания, в котором «воспроизведение... есть также и сопереживание».⁶⁵

Однако Дильтей прекрасно понимал, что даже индивидуальное самопознание личности не может основываться только на интроспекции. Непосредственное переживание слишком скоротечно, и его можно охватить только в его многообразных выражениях, «объективациях». Тем более необходима какая-то экспрессия для познания духовной жизни другого человека. Здесь нет непосредственного знания в буквальном смысле слова. Дильтей подчеркивал, что «человек познает себя только в истории, а не через интроспекцию».⁶⁶ Интроспекции было бы достаточно, если бы человек существовал совершенно изолированно, но он одновременно является автономным существом и живет в постоянном общении с другими людьми и внешним миром. Как же возможно познание на этом более высоком уровне?

Дильтей отвечает на этот вопрос своей теорией «понимания» (Verstehen). Понимание, по Дильтею, — специфическое средство познания в науках о духе, противостоящее естественнонаучному причинному объяснению. «Мы объясняем природу, но мы понимаем духовную жизнь», — вот главный тезис Дильтея.⁶⁷ Понимание — мыслительный акт, при помощи которого мы схватываем сами факты сознания или их значения. Понимание чужой душевной жизни, рассуждает Дильтей, всегда покоится на интуиции и непосредственном переживании познающего субъекта, проецирующего себя на другого. Всякая интерпретация человеческого мира неизбежно будет субъективной. «Эту субъективность не может преодолеть даже величайший поэт. Желание Ранке устранить собственное Я, чтобы видеть вещи, какими они были сами по себе, для поэта еще более неосуществимо, чем для историка».⁶⁸ В то же время Дильтей пытается избежать открытого, грубого субъективизма. Чужие переживания, которые мы стремимся понять, каким-то образом внешне выражены, объективированы вовне. И только внутреннее тождество объекта и субъекта делает возможным понимание этих переживаний.

С одной стороны, «сопереживание» как основа понимания представляет процесс духовной деятельности познающего субъекта и не существует вне ее. С другой стороны, оно, по Дильтею, является не личным ответом индивида на непосредственно затрагивающие его обстоятельства, а лишь отражением чужих переживаний. Я сначала должен, на основе каких-то внешних выражений, воспроизвести в собственном сознании переживание,

⁶⁵ W. Dilthey. Über vergleichende Psychologie, Beiträge zum Studium der Individualität, Ges. Schr., Bd. V, S. 277.

⁶⁶ Там же, т. VII, стр. 279.

⁶⁷ W. Dilthey. Ideen über eine beschreibende und zergliedernde Psychologie. Там же, т. V, стр. 144.

⁶⁸ Там же, стр. 281.

чувство другого человека (Nacherleben, Nachfühlen). Лишь после этого я могу почувствовать что-то подобное тому, что чувствует он (сопереживание, сочувствие — Miterleben, Mitfühlen). «Понимая чужое переживание, я как бы открываю себя в другом человеке, внутренняя жизнь которого идентична моей собственной». «Понимание — это обнаружение «я» в «ты»; дух находит себя во все более высоких уровнях отношений; это тождество духа в «я», в «ты», в каждом субъекте общения, в каждой системе культуры и, наконец, в целостности духа и во всеобщей истории делает возможным сочетание различных операций в науках о духе. Субъект познания здесь идентичен своему объекту, и последний является одним и тем же на всех этапах своей объективации».⁶⁹

Но даже при абстрактном сопоставлении «я» и «ты» мы, как пишет Дильтей, сталкиваемся с колоссальным многообразием человеческих эмоций и переживаний, которые доступны индивиду в разной степени. Уже на этом уровне приходится признать, что «сопереживание», лежащее в основе понимания, является очень индивидуальным и избирательным. Дильтей подчеркивает, что понимание всегда бывает связано с «вчувствованием» и «симпатией». Как правило, чтобы понять кого-то, надо ему «симпатизировать», т. е. нужно, чтобы мои собственные переживания были аналогичны переживаниям другого и с ними связаны. Например, чтобы понять радость другого человека, надо обязательно радоваться вместе с ним. Исключение здесь, по словам Дильтея, составляет инструментальная музыка, допускающая понимание без сопровождающей его симпатии.

Процесс понимания, рассуждает Дильтей, — сложный процесс, и чем больше и значительней предмет, тем сложнее «пережить и понять» его. Грусть, написанную на лице друга, очень легко (это делается совершенно произвольно) воспроизвести в своем сознании. Но там, где речь идет о больших событиях (например, в истории), простое воспроизведение невозможно. Нить событий, охватывающих месяцы или даже годы, нельзя удержать в воображении иначе, чем с помощью обобщения, которое опускает все несущественное и концентрирует большое в малом. Неизбежно возникает вопрос: какова будет руководящая нить при таком отборе?

На помощь Дильтею приходит герменевтика. До начала XIX в. герменевтика была лишь особым методом классической филологии, позволяющим истолковывать, раскрывать смысл памятников древней литературы. Шлейермахер расширил ее применение, превратив ее в важнейший метод историко-культурного исследования вообще. Дильтей продолжает эту линию, рассматривая герменевтику как философский метод. «Ее задача в том, чтобы, вопреки продолжающимся нападкам на историю романтического

⁶⁹ Там же, т. VII, стр. 191.

произвола и скептической субъективности, обеспечить теоретическое обоснование универсальной значимости интерпретации, от которой зависит всякая устойчивость в истории. Будучи включена в систему эпистемологии, логики и методологии гуманитарных наук, эта теория интерпретации становится важным звеном между философией и историческими исследованиями, необходимым элементом «Обоснования наук о духе».⁷⁰

Дильтей признает значение и необходимость всех существующих методов исторического анализа и критики. Верной, с его точки зрения, окажется только та интерпретация человеческого деяния, которая принимает в расчет все имеющиеся свидетельства и превращает их во внутренне единый и согласный с человеческой природой рассказ. В процессе сбора свидетельств, восполнения неизбежных пробелов в источниках и в самой их «интерпретации» большую роль играют, конечно, причинные рассуждения, законы логики и др. Но критическое мышление, научное объяснение и т. д. имеют, по Дильтею, только подсобное, методическое значение. Главную роль в процессе понимания играют не они, а творческое воображение, которое одно только в состоянии построить стройное здание из обрывков материала. Мы всегда понимаем больше, чем мы знаем, и переживаем больше, чем понимаем. Понимание — самый субъективный и поэтому единственно надежный метод познания. «Внешние данные» суть только повод для работы творческого воображения, которому нельзя научиться и которое не подчинено никаким объективным законам.

Дильтей всячески подчеркивает этот интуитивный элемент гуманитарного познания. «Понимание здесь никогда не может быть переведено в рациональные понятия. Напрасно желанно понять героя или гения в терминах различных обстоятельств. Самый подходящий подход к нему — наиболее субъективный».⁷¹ «Понимание» Дильтей ставит выше знания, а искусство — выше науки. Искусство, учит Дильтей, выражает понимание живой, спонтанной жизни, оно предшествует научному знанию и не может быть сведено к последнему.

Однако человек не довольствуется спонтанным знанием, он стремится осмыслить свое прошлое и будущее, систематизировать свой опыт и свои переживания. Отсюда и возникают науки о духе, в которых человек открывает «смысл», т. е. единство и определенное направление своих переживаний.

Первым выражением стремления человека осмыслить свое прошлое и будущее является *автобиография*, в которой объектом исследования является сам индивидуальный субъект. Дильтей высоко ставит автобиографию как познавательную форму. Но он не может не признать ее существенных недостатков, главный

из которых состоит в том, что автобиограф имеет о себе хотя и глубокие, но зато весьма односторонние представления. Над односторонностью поднимаются только люди исключительно широких интересов, которые настолько глубоко входят в жизнь окружающих людей, что история этих людей становится частью их собственной автобиографии. В той мере, в какой это осуществляется, автобиография становится историей эпохи жизни своего автора.

Следующим этапом является *биография*, предмет которой составляет жизнь великих людей. Здесь в отличие от автобиографии мы имеем уже сочетание двух различных методов. С одной стороны, биограф должен дать максимум понимания и нарисовать своего героя как можно ближе к тому, каким тот себя представлял. С другой стороны, биограф не сливается полностью со своим героем и, глядя на него с известного расстояния, может рассматривать его объективно, как один из элементов общего исторического процесса, в связи с другими людьми и силами его эпохи. Индивидуальное самосознание личности должно быть дополнено самосознанием историческим, отсюда переход к истории, которая одна только даст нам ключ к познанию подлинной действительности.

Задачей *историографии*, по Дильтею, является изучение «объективного духа» или различных «объективаций духа».

Дильтей чрезвычайно высоко оценивает роль историографии, ставит ее на первое место в ряду наук о духе. Он полагает, что поскольку в потоке индивидуального становления трудно разграничить целое и части, не может быть научного знания о настоящем. Только при ретроспективном, историческом рассмотрении духовная жизнь приобретает свое истинное значение, и только через историю человек может познать самого себя. Настоящее реализует лишь одну из возможностей нашего бытия, но такая возможность не единственная. Изучая прошлое, человек узнает другие, нереализованные свои потенции, и в этом смысле историография, по крайней мере идеально, освобождает нас, снимая ограничения, навязанные нам условиями жизни.⁷² Дильтей поясняет это следующим рассуждением: религиозный опыт современного человека очень узок и ограничен. Никто сейчас не может непосредственно пережить тот религиозный экстаз, тот накал страстей и энергии, который одушевлял в свое время Лютера. Но перечитывая послания Лютера и другие документы, «выражающие» религиозные чувства людей того времени, «оживаясь» в эту эпоху, современный историк обогащает тем самым свое индивидуальное «Я» и через опыт Лютера все-таки «переживает» то, в чем отказала ему современная история.⁷³

Дильтей много говорит об историчности человеческого существования. Человек историчен не только потому, что он сам есть

⁷⁰ Там же, т. V, стр. 331.

⁷¹ Там же, стр. 278.

⁷² См.: там же, т. VII, стр. 252, 259.

⁷³ Там же, стр. 215—216.

становление, но и потому, что он живет в историческом мире, усваивая и наследуя все то, что было создано предшествующими поколениями. В каждом человеке скрыто присутствует объективный дух, и именно благодаря тому, что он воплощает в себе культурные и социальные системы прошлого, человек в состоянии постичь всеобщее в истории. Прежде чем изучать историю, мы сами являемся историческими существами, только потому, что мы являемся таковыми, мы и можем постичь историю. «Первое условие возможности исторического познания состоит в том, что я являюсь историческим существом и что исследует историю тот же самый субъект, который ее творит».⁷⁴ Тождество объекта и субъекта становится, таким образом, фактом самой истории.

Каковы гносеологические корни дильтейсовской критики «исторического разума»? В двух словах можно сказать, что это абсолютизация субъективного фактора в истории. Историю общественного развития невозможно понять без учета сознательной, целенаправленной, волевой и эмоциональной деятельности людей. В. И. Ленин подчеркивал, что существуют «2 формы объективного процесса: природа (механическая и химическая) и целенаправляющая деятельность человека».⁷⁵ Изучение этой целенаправляющей деятельности имеет свои особенности и специфические трудности.

Мы можем с естественнонаучной точностью констатировать сдвиги в общественном бытии, в условиях производства, в технике, в быту и т. п., короче, в явлениях материального порядка. Гораздо сложнее обстоит дело, когда мы обращаемся к изучению идеологических течений, прошлого, художественных стилей, побудительных мотивов исторических деятелей и др. Игнорировать эту субъективную сторону исторического процесса историк не может. Но, с другой стороны, такая точность, как при анализе материальных отношений, здесь невозможна.

Что хотел выразить Гойя своими «Капричос»? Какое содержание вкладывал Аристотель в понятие «интелехии»? Какие чувства испытывали древние греки, слушая трагедии Софокла и Эсхила? Современному мышлению кажется странным и непонятным многое из того, что было вполне естественно в прошлом. Явления культуры постоянно требуют истолкования, переосмысления. Без этого не может быть ни истории литературы, ни истории искусства, ни истории философии. Но чтобы хотя приблизительно верно истолковать содержание культурных ценностей прошлого, а не рассматривать их в духе вульгарного социологизма, как простой рефлекс материальных отношений, историк должен на основе всей совокупности известных ему фактов попытаться «выкиться» в исследуемые им мысли, проникнуться в какой-то мере настро-

⁷⁴ Там же, стр. 278.

⁷⁵ В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 62.

ниями изучаемой эпохи и изучаемого автора, понять их внутреннюю связь (а не только их социальную обусловленность). Такое «переосмысливание» (а другого пути познания духовной жизни не существует: «понять» чужую мысль значит «присвоить» ее, воспроизвести ее в своем собственном сознании) неизбежно содержит много субъективного, недаром столь по-разному воспринимаются людьми одни и те же произведения искусства.

Историк культуры или биограф не могут ограничиться описанием и причинным анализом тех обстоятельств, которые обусловили возникновение у данного мыслителя, поэта, художника и т. д. определенных идей, настроений или эмоций. Эти глубоко субъективные, интимные мотивы представляют интерес не только в связи с породившими их объективными обстоятельствами, но и сами по себе. Понимание внутреннего мира другого человека ограниченно связано с богатством внутреннего мира самого исследователя. Я могу понять творческое волнение художника, испытываемое им чувство радости жизни или страха смерти лишь в той мере, в какой эти чувства и связанные с ними переживания знакомы мне самому. Коль скоро предметом познания становится духовная жизнь человека, а она отнюдь не сводится к одной только логике, было бы нелепо отрицать значение эмоционального момента в самом познавательном процессе.

Для историка культуры не может быть ничего страшнее, чем уподобиться диккенсовскому мистеру Грэндрейду с его убеждением, что «ум мыслящего животного можно образовать только при помощи фактов, ничто иное не приносит ему пользы». Никакое нагромождение фактов не заменяет жизненного опыта, интуиции и творческого воображения. И хотя бедная девочка Сесси Джуп не может дать точного определения лошади, она знает о ней гораздо больше, чем старательный мальчик Битцер, уверенно перечисляющий все лошадиные зубы. Тем более велико значение творческого воображения и интуиции, опирающихся на пережитый опыт исследователя, когда перед ним стоит задача воссоздать целостность человеческой жизни.

Известный советский историк философии М. В. Серебряков справедливо писал о задачах исторической биографии: «Чтобы биография удовлетворяла и автора и читателя, необходимы два условия: любовное и в то же время критическое отношение к исторической личности, которой она посвящается. Жизнеописание может изобиловать фактами, интересными подробностями, документами и тому подобными аксессуарами, но без любви оно неизбежно будет сухо, холодно, педантично и лишено интимности, без которой нельзя ни проникнуть во внутреннюю жизнь исторического деятеля, ни воспроизвести его подлинный и правдивый образ. С другой стороны, некритическое отношение столь же неизбежно превратит живого человека с его страстями, увлечениями, колебаниями или преувеличениями в иконописный

лик, а самого исследователя — в какого-то суадалского бога-маза». ⁷⁶

Что историческое исследование не может обойтись без какого-то субъективно-эмоционального момента, этого никто и никогда не отрицал. Больше того, поскольку домарксовская историография по преимуществу занималась именно изучением мотивов и побуждений исторических деятелей, оставляя в стороне объективные социальные процессы, многие историки задолго до Дильтея говорили о субъективном «понимании» как главном средстве исторического познания, что особенно касается немецкой романтической историографии и школы Ранке. ⁷⁷

Так, например, еще Вильгельм фон Гумбольдт писал, что историк не может обойтись только с помощью интеллекта, поскольку всякое историческое понимание покоится на отождествлении исследователя с предметом исследования, а это предполагает, что историк должен заранее, до исследования, понимать интересующий его предмет. ⁷⁸ В 50-х годах XIX в. в противовес натуралистическим концепциям историков-позитивистов эти идеи горячо пропагандировал И. Г. Дройзен. Их отчасти разделяли и историки позитивистской школы. ⁷⁹

Дильтей, который интересовался именно историей культуры и биографиями деятелей прошлого, хорошо видел трудность исторического (и вообще гуманитарного) познания. Своей теорией он стремился объяснить и обосновать определенную историографическую практику. В этом и лежит источник влияния его идей на последующее историческое мышление. Однако рассуждая с позиций философского идеализма, он не только абсолютизировал отмеченную выше специфику исторического процесса и гуманитарных наук, но и дал ей глубоко ошибочное истолкование.

⁷⁶ М. В. Серебряков. Фридрих Энгельс в молодости. Л., 1958, стр. 8.

⁷⁷ Дильтей сам занимался в семинаре Ранке и очень высоко ценил его (см.: Der junge Dilthey, S. 30).

⁷⁸ См.: W. von Humboldt. Über die Aufgabe des Geschichtsschreibers (1821). In: W. von Humboldt. Werke in fünf Bänden. Bd. I. Schriften zur Anthropologie und Geschichte. Berlin, 1960, SS. 595—597.

⁷⁹ См., например, Г. Моно: «Рассказ об исторических событиях должен иметь задачей познакомить нас со способами жить, мыслить и чувствовать людей различных эпох. Акты суть только жесты. А эти жесты интересны лишь внутренней жизнью, которую они передают». При отборе и оценке этих фактов «недостаточно никаких правил, а важен личный талант историка, важна даже иногда своего рода интуиция, с помощью которой можно проникнуть глубже, чем с помощью размышлений и рассуждений» (Г. Моно. История. В сб.: Метод в науках, СПб., 1911, стр. 290, 289).

Не удивительно, что неокантианец Э. Кассирер, взгляды которого в этом вопросе весьма близки к концепции Дильтея, замечает, что противоположность Тэна и Дильтея вовсе не так велика, как могло бы показаться на первый взгляд. Психологизм Тэна, резюмирует он, «великолепно согласуется с тем взглядом на историю, который мы пытались излагать и защищать выше. Но если этот взгляд правлен, то невозможно «свести» историческую мысль к методу научной мысли» (E. Cassirer. Essay on Man. New Haven, 1945, p. 195).

С точки зрения Дильтея, детерминизм и свобода воли — понятия несовместимые и, следовательно, коль скоро значение в истории воли неоспоримо, в ней не может быть никакого детерминизма. Но его положение совершенно неверно. Признание свободы воли и сознательной деятельности людей несовместимо не со всяким, а только с механическим детерминизмом. Напротив, исторический материализм легко разрешает это противоречие.

Все общественные отношения, учреждения и порядки представляют собой не что иное, как объективацию определенных человеческих действий, именно в таком смысле В. И. Ленин писал, что сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его. ⁸⁰ Каждое человеческое поколение застаёт определенный наличный уровень материального производства и сложившиеся формы общественных отношений, которые оно затем изменяет своей деятельностью. Но сама эта деятельность, ее направление и ее возможности детерминированы объективными условиями. Назревшие потребности общественного бытия, преломляясь в сознании людей, порождая у них заинтересованность в тех или иных переменах, побуждают их к деятельности, которая и реализует эти потребности и задачи.

Речь идет здесь не о внешней детерминации человеческих поступков. Подчеркивая зависимость деятельности людей и их сознания от объективных условий, истолковывая свободу как познанную необходимость, марксизм вместе с тем отвергает абстрактное противопоставление человека как субъекта сознательных действий объективным условиям. Действия отдельного человека, а равным образом и деятельность масс, классов, политических партий, не predetermined заранее. Воздействие объективных экономических условий выражается лишь в том, что они создают возможность определенных действий, вызывая у людей соответствующую заинтересованность. Человеческая деятельность одновременно и детерминирована, и свободна, ибо закономерный ход событий осуществляется не помимо воли и сознания людей, а через их посредство. Решение, принимаемое человеком как субъектом действия, само является звеном объективного хода событий. Как справедливо замечает С. Л. Рубинштейн, «кажущаяся несовместимость свободы человека и необходимости как детерминированности хода событий возникает как раз из-за того, что утверждая, с одной стороны, детерминированность действий человека, с другой стороны, самого человека, субъекта этих действий, его решения продолжают мыслить вне этого детерминированного хода событий; детерминированность хода событий, действий человека представляется их predeterminedностью помимо него именно потому, что сам человек представляется стоящим вне закономерного хода событий, не включен-

⁸⁰ В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 184.

ным в него, не включенным в детерминацию того, что в нем совершается, даже в детерминацию собственных действий».⁸¹

Нельзя понять исторический процесс без учета субъективного фактора, без изучения идеологических течений данной эпохи, ее политических программ, ее художественных ценностей, ее религиозных и нравственных идеалов. Но, с другой стороны, сами эти идеологические явления можно понять только в связи с породившей их общественно-исторической практикой, в связи с реальными общественными отношениями, которые они отражают и на которые воздействуют. Никакая внешняя сила не толкала французских революционеров XVIII в. на штурм Бастилии и свержению абсолютизма. Их побуждали к борьбе не только материальные тяготы, но и выработанные просветителями идеалы свободы, равенства, братства, в осуществлении которых они не сомневались. Без этих идей и связанных с ними настроений масс Французская революция была бы невозможна. Но сами идеи и настроения были порождены не чем иным, как материальными потребностями общества.

В результате преемственной деятельности человеческих поколений образуется объективная, не зависящая от воли людей структура общественных отношений, которая детерминирует общее направление хода истории. И эта структура может и должна изучаться объективными научными методами.

Никакое «понимание» (в дильтеевском смысле) интеллектуальных течений прошлого не может объяснить нам, как и почему происходит смена общественных формаций, чем обусловлены известные социальные революции, и т. п. Дильтеевское «понимание» не объяснит нам даже того, почему в данный период господствуют одни мысли, а в другой период — другие. Только рассмотрение истории общества как естественноисторического процесса позволяет представить историческое развитие как нечто единое и целостное. Если же игнорировать объективную закономерность истории, то и «история духа» окажется не историей, а только рядом индивидуальных комплексов или даже серией биографий отдельных мыслителей. В этом, между прочим, выражается внутренняя связь субъективизма и идиографизма.

В дильтеевской теории понимания важную роль играет понятие значения (Bedeutung). «Связь переживания в его конкретной действительности лежит в категории значения».⁸² Эта категория является центральной и в историческом познании. Именно в ней фиксируется отношение части к целому. «Рассказчик добивается эффекта, выделяя значительные моменты процесса. Историк характеризует людей как значительных, поворотные пункты жизни — как исполненные значения; в определенном влиянии

произведения или человека на общий ход процесса он раскрывает их значение».⁸³ «Понимание» и должно находить значение конкретных проявлений жизни (Lebensäußerung).

Но что, собственно, значит слово «значение»? Как и многие другие философские термины, оно многозначно. Во-первых, под значением понимается (в частности в семиотике) воплощенная, фиксированная и выраженная в каком-либо знаке информация об обозначаемом им предмете.⁸⁴ «Это идеальная, духовная форма кристаллизации общественного опыта, общественной практики человечества. Круг представлений данного общества, наука, язык существуют как системы соответствующих значений».⁸⁵ В этом смысле значение принадлежит не к индивидуальной психике, а к миру объективно-исторических явлений. Отдельный индивид находит уже готовую, сложившуюся систему значений («треугольник», «мораль», «государство») и овладевает ею так же, как он овладевает материальными орудиями.

Но слово «значение» употребляется и в другом смысле, выражая отношение одного явления или предмета к другому; когда историк говорит, что данное событие имело историческое значение, это значит, что оно было существенным, необходимым звеном в описываемом ряду. Значение выступает здесь как объективное отношение взаимозависимости явлений.

Наконец, слово «значение» употребляется еще и в третьем смысле, обозначая отношение мотива человеческого поступка к его осознанной цели (иначе это называют личностным или жизненным смыслом действия).⁸⁶

Действие имеет смысл для нас лишь постольку, поскольку мы осознаем его мотивы и цели. В противном случае мы говорим о «бессмысленности» поступка, даже если все его объективные связи нам известны. «Смысловое содержание предполагает наличие „акта, сообщающего смысл“, благодаря которому человек ставит эту вещь в связь со своим микрокосмосом».⁸⁷

Разграничение значения и субъективного смысла психологически весьма существенно. «Можно отчетливо знать, например, то или иное историческое событие, отчетливо понимать значение той или иной исторической даты, но эта историческая дата может, вместе с тем, иметь для человека разный смысл: один — для юноши, еще не покинувшего школьной скамьи, другой — для того же юноши, выпавшего на поля сражений защищать свою родину, отдать за нее свою жизнь».⁸⁸ Тем более различен будет

⁸¹ Там же, стр. 234.

⁸⁴ См.: Л. О. Резников. Гносеологические вопросы семиотики. Л., 1964, стр. 9.

⁸⁵ А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики. Изд. 2. М., 1965, стр. 287.

⁸⁶ См.: там же, стр. 289—291.

⁸⁷ Философский словарь. Пер. с нем. М., 1961, стр. 357.

⁸⁸ А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики, стр. 291.

⁸¹ С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. М., 1957, стр. 285.

⁸² Ges. Schr., Bd. VII, S. 237.

этот смысл для людей, стоящих по разные стороны баррикады. Расшифровка субъективного смысла весьма существенна для гуманитарных наук, что и акцентировал Дильтей. Но немецкий философ неоправданно свел проблему значения к проблеме «жизненного смысла»: Отсюда субъективизм его концепции, и в частности категорическое противопоставление «понимания» «объяснению».

Любая интерпретация историком прошлого основана, по признанию самого Дильтея, на исследовании определенных материальных объектов, выступающих в роли исторических источников. В этом исследовании в полную меру действует принцип причинности. Но он сохраняет силу и на следующем этапе познания, в ходе истолкования полученных данных. Познать прошлое не значит ограничиться констатацией того, какие цели ставил перед собой данный политический деятель или мыслитель. Субъективные намерения и цели должны быть сведены к объективным причинам, которыми эти цели и намерения были детерминированы. «Разве научный анализ противоречий, оставаясь строго объективным „расчетом“, не дает именно твердой основы для понимания „чувств, потребностей и страстей“ и притом страстей не „людей“ вообще, . . . а людей определенных классов?»⁸⁹ — спрашивал В. И. Ленин. Кроме того, даже если остаться в пределах «чистой субъективности», нельзя «понять» логическую связь идей, не объяснив их причинно-следственной зависимости.

Разумеется, если само человеческое сознание рассматривать как нечто принципиально иррациональное, в котором мысль, понятие является лишь внешней оболочкой чувства, эмоции, то выводы, подобные дильтеевским, будут неизбежны. Но эти выводы — только результат неверного и произвольного постулата.

Дело не только в том, что применяемый Дильтеем психологический подход к истории философски ошибочен. Ошибочны и сами психологические принципы немецкого философа. Материалистическая психология, опирающаяся на теорию отражения, не отрицает ни относительной автономии «внутреннего мира» человека, ни правомерности самонаблюдения как метода психологического исследования. Но она исходит из того, что люди сплошь и рядом оказываются не такими, какими они себе представляют. Отсюда необходимость постоянного соотношения переживаний субъекта — все равно, касаются ли они внешнего мира или внутренней душевной жизни человека, — с объективными обстоятельствами, с реальной ситуацией, в которой он находится, и с его собственными поступками, составляющими часть этой ситуации. «Отвергая и преодолевая субъективизм, мы не отвергаем, а утверждаем субъекта и субъективное — субъективный, личный, „вну-

⁸⁹ В. И. Ленин. К характеристике экономического романтизма. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 200, прим.

трений мир» человека в его истинном понимании. Речь идет лишь о том, чтобы вывести его из уединения, которое его обедняет, преодолеть обособление, от которого он неизбежно оскудевает, раскрыть и сделать доступными, близкими для субъективности человека дали и горизонты мира, укрепить связь «внутреннего мира» индивида с большим миром человечества, вселенной. (Лирика — подлинная, сокровеннейшая стихия душевной жизни человека — это, в сущности, и есть не что иное, как глубочайшая, интимнейшая субъективность, способная, выходя из своего уединения, — в лице, прежде всего, другого человека — обнять весь мир).⁹⁰

Психологический интроспекционизм, к которому принадлежит Дильтей, наоборот, рассматривает психику как первичную, непосредственную данность, имеющую сугубо личностный характер. Каждому субъекту непосредственно даны только явления его собственного сознания, которые вместе с тем принципиально недоступны другому наблюдателю. Таким образом, возможность объективного познания чужой психики, которое могло бы быть только опосредованным, отпадает. Но при этом становится невозможным объективное познание психики даже самим переживающим ее субъектом, ибо «чистую» интроспекцию невозможно ни опровергнуть, ни доказать. К такому выводу приходит и Дильтей, хотя, как было показано выше, его «понимание» не тождественно простой интроспекции. «Во всяком понимании, — писал он, — есть нечто иррациональное, ибо сама жизнь является такой; она не может быть выражена никакими формулами, выработанными логикой. И последняя, хотя и совершенно субъективная, достоверность, заложенная в этом сопереживании, не может быть заменена никакой проверкой познавательной ценности выводов, в которых может быть выражен процесс понимания».⁹¹

Тем самым исторические построения вообще выводятся из-под контроля и проверки разума, разум не может ни доказать, ни опровергнуть субъективное «понимание» историка, потому что «жизнь невозможно привести перед судилище разума».⁹²

Дело, следовательно, не в том, что Дильтей вообще признает интуицию средством исторического познания,⁹³ а в том, что

⁹⁰ С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание, стр. 68; см. также: С. Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии. М., 1959, стр. 144—177.

⁹¹ Ges. Schr., Bd. VII, S. 218.

⁹² Там же, стр. 261.

⁹³ «Интуиция — это не мистика. Это размышление, чрезвычайно сжатое в сроках и поэтому имеющее несколько другую форму. Оно почти полностью образное, а не словесное, схватывающее ситуацию разом, а не в деталях. Интуиция происходит после большого предварительного опыта или размышления в минуту особой свежести и работоспособности мозга», — писал, например, известный советский психолог Б. М. Теплов. (В. М. Теплов. К вопросу о практическом мышлении. Ученые записки МГУ, Психологии, т. I. М., 1945, стр. 206).

он, во-первых, пытается основать на интуиции весь познавательный процесс, а во-вторых, мистифицирует само понятие интуиции. Отсюда и вытекает невозможность объективной проверки исторического «понимания». Да и самый процесс «сопереживания» и «понимания» кажется каким-то таинственным. «Должен ли психиатр быть хотя бы частично сумасшедшим, чтобы успешно изучать душевные болезни? Можно ли сказать, что эмоционально устойчивые ученые неспособны понять причины и следствия массовой истерии... или социальные проявления патологической жажды власти? Обязательно ли нужно быть каннибалом, чтобы понимать каннибализм?» — язвительно спрашивает в этой связи американский философ Э. Нагель.⁹⁴

Подобная концепция неизбежно порождает релятивизм и скепсис в возможности исторического познания. Субъективно Дильтей был противником релятивизма и всячески стремился избежать «скептицизма, бессильной субъективности»,⁹⁵ которые так и выжирали из его философии. «Нож исторического релятивизма... изрезавший в куски всякую метафизику и религию, — писал он, — должен вместе с тем принести исцеление. Нам нужно только быть последовательными... Мы должны самую философию сделать предметом философского исследования».⁹⁶

Дильтей всячески подчеркивал необходимость и возможность объективного познания общественной жизни. «Науки о духе стремятся к объективному познанию своего предмета... Объективное познание общества, истории, человека всегда составляет их цель. Возможность такого познания — их общая предпосылка».⁹⁷ Но релятивизм вырастает изнутри самой концепции Дильтея. С одной стороны, согласно учению Дильтея, все творения духа бесконечно трансформируются, причем и сам человек, и его идеи в каждую данную эпоху образуют совершенно индивидуальные и неповторимые ансамбли, с другой стороны, историческая наука, как все создания интеллекта, является частью некоего ансамбля, который тоже принадлежит истории. Спрашивается, как можно совместить эти изменяющиеся значения вещей и понятий? «Но если мы не обладаем теорией, если мы погружаемся в поток истории и можем преодолеть время только в психологических обобщениях, то у нас нет другого убежища, кроме акта веры. Нельзя ни утверждать, ни доказать недоступную истину».⁹⁸

⁹⁴ E. Nagel. *Logic without metaphysics, and other essays on the philosophy of science*. Glencoe, 1956, p. 365. Ср.: N. Rotenstreich: *Between past and present. An essay on history*. New Haven, 1958, pp. 249—250.

⁹⁵ W. Dilthey. *Zur Weltanschauungslehre*. Ges. Schr., Bd. VIII, SS. 231—367.

⁹⁶ Там же, стр. 232.

⁹⁷ Там же, т. VII, стр. 313—314.

⁹⁸ R. Aron. *La Philosophie critique de l'histoire*, p. 107.

Дильтей был прав в своей критике традиционной метафизики, и его лозунг об историчности всякой философии и ее связи с жизнью звучал весьма радикально. Но субъективистская трактовка жизни и философский иррационализм приводят к новым противоречиям. Дильтей пишет: «Что такое жизнь, — должна научить история. А последняя зависит от жизни».⁹⁹ Дильтей пытается ограничить субъективизм своей исходной позиции посредством апелляции к «объективному духу». Но это не спасает положения. «Мы ищем душу... но каким путем найдем мы душу там, где нет единичной души?».¹⁰⁰

Рассматривая «объективный дух» с абстрактно-антропологических позиций, Дильтей склонен признать человеческую природу неизменной.¹⁰¹ Но такая точка зрения несовместима с историзмом. С другой стороны, в полемике против просветительной философии истории Дильтей утверждает, что тип человека меняется в ходе истории.¹⁰² Но тогда неизбежен релятивизм, ибо каждый историк будет «переживать» исторический процесс по-своему.

Не разрешает Дильтей и проблему соотношения индивидуума и общества, составляющую, по его мнению, тайну истории.¹⁰³ С одной стороны, он тяготеет к всеобщей истории, к описанию больших социально-культурных комплексов. С другой стороны, в качестве классической формы историографии он берет биографию, поскольку личность — это непосредственная и высшая ценность, и подход к эпохе через биографию человека кажется ему наиболее плодотворным.¹⁰⁴ Но признание единства общего и единичного не освобождает от решения вопроса, следует ли рассматривать единичное в свете общего или же общее, наоборот, представлять интерес только в связи с единичным.

Полемизируя с феноменалистическим подходом к истории, Дильтей подчеркивает, что категории исторического разума, используемые науками о духе, не являются априорными формами интеллекта, а выражают структуру самого человеческого мира.¹⁰⁵

Но такая постановка вопроса не снимает конкретных трудностей исторического познания, которое осуществляет не абстрактный «объективный дух» как выражение жизни вообще, а исторически реальный индивид-историк. Он сам по себе является историческим существом, и он рассматривает историю прошлого

⁹⁹ Ges. Schr., Bd. VII, S. 262.

¹⁰⁰ Там же, стр. 282.

¹⁰¹ «Природа людей всегда одна и та же». (См.: Ges. Schr., Bd. V, S. 425, Anmerkungen).

¹⁰² См.: там же, стр. XCI, Vorbericht des C. Misch.

¹⁰³ Там же, т. I, стр. 100.

¹⁰⁴ Там же, стр. 33—34; т. V, стр. 225—226; т. VII, стр. 212. См.: R. Aron. *La Philosophie critique de l'histoire*, pp. 107—108.

¹⁰⁵ Этот вопрос подробно рассмотрен П. Рози, см.: P. Rossi. *Lo storicismo tedesco contemporaneo*, pp. 100—106.

в свете своего личного опыта. «Первичный элемент исторического мира, — подчеркивает Дильтей, — это переживание, в котором субъект находится в активном жизненном взаимодействии со своей средой. Эта среда воздействует на субъекта и испытывает воздействие с его стороны».¹⁰⁶ Следовательно, суждение историка будет обусловлено прежде всего его собственным «Я», его настоящим, его непосредственным переживанием. Но непосредственный жизненный опыт у разных людей различен, и, следовательно, так же различны будут и исторические концепции. Отрицая объективную закономерность исторического процесса и абсолютизируя индивидуальность и «самоцентричность» социальных явлений, Дильтей не может найти объективный критерий для отбора и систематизации исторических фактов.

Дильтей хорошо понимает, что историография зависит от философии. Поэтому от критики исторического разума он переходит к исторической критике разума, распространяя идею историчности жизни на самое философию как выражение жизни. Отвергая идею «вечной» философии, Дильтей доказывает, что философия является столь же историчной, как и науки о духе и изучаемая ими реальность. Философия всегда связана с определенной жизненной ситуацией и не может претендовать на универсальную значимость. Никакие философские понятия не имеют смысла вне породивших их жизненных условий. Развитие философской системы всегда коренится в последнем счете в «личном элементе, в образе жизни и мышления, который был присущ именно этому гению».¹⁰⁷ Здесь не может быть закономерного процесса, который рисовался при взгляде на историю философии Гегелю. Исследование исторического разума, с точки зрения Дильтея, еще более радикально, чем спор между разными системами, подрывает веру в универсальную значимость какой бы то ни было философии, которая хотела бы выразить мировые связи в строгой системе понятий.¹⁰⁸ Всякая философия есть выражение жизни, и следовательно, исторична и относительна, а история философии есть лишь самосознание философии, позволяющей ей понять собственное значение.

В рамках дильтеевской философии жизни нет места для объективной истины. Мировоззрение выступает у него как нечто самодовлеющее, донаучное, иррациональное. «Всякое подлинное мировоззрение, — подчеркивает он, — есть интуиция, которая возникает из внутреннего бытия жизни».¹⁰⁹ Анализируя структуру различных мировоззрений, Дильтей подразделяет их на три основных типа — натурализм, идеализм свободы и объективный

идеализм. Но каждый из них охватывает лишь одну какую-то сторону жизни. Типы философского мировоззрения, с точки зрения Дильтея, являются «самодовлеющими, недоказуемыми и неразрушимыми».¹¹⁰ Они стоят рядом друг с другом, не сливаясь, и «мы не в состоянии рассматривать эти стороны вместе. Мы можем увидеть чистый свет истины только в по-разному преломленных лучах».¹¹¹

Что же получается в итоге?

Различие между философскими системами Дильтей сводит к простым результатам различий в психологической структуре жизни. Но этот способ рассмотрения предмета приводит к абсурду, так как исчезает основная проблема: какая же философия все-таки остается истинной?¹¹² Иррационализм в трактовке «исторического разума» явно смыкается здесь, несмотря на все оговорки Дильтея, с философским релятивизмом.

Отвергая теологическое понятие трансцендентного «смысла» истории, Дильтей утверждает, что все ценности и нормы сами являются историческими, возникая, развиваясь и погибая не вне, а внутри истории.¹¹³ Но с позиций иррационализма философии жизни невозможно найти устойчивую шкалу, которая бы позволила как-то систематизировать и анализировать эти ценности. Мало того, сами ценности предстают лишь как выражение эмоций и воли индивида. «Ценность для меня есть то, что я переживал в чувстве как нечто ценное или чему я могу сопереживать. Благо, в строгом смысле, есть только то, что моя воля может поставить себе как цель».¹¹⁴

Прогресс в обществе касается только отдельных конкретных культурных систем и общественных организаций.

Риккерт справедливо связывает фрагментарность и незаконченность работы Дильтея с положенным в основу ее «принципом отсутствия принципиальности». Как ни важно для познания «историческое чутье», оно не в состоянии заменить систематическое философское мировоззрение. Между тем сам дух дильтеевской философии противится всякой системности и определенности. «Правда, — замечает Риккерт по поводу дильтеевской типологии мировоззрений, — можно считать мировоззрением и тот взгляд, что мир — только объемистый альбом снимков, перелистывать которые и служит единственным достойным человека занятием. Но это не может считаться философским мировоззрением. По поводу жизни исторического философ должен поставить вопрос, не известный историку, почему в прошлом были существен-

¹⁰⁶ Ges. Schr., Bd. VII, S. 161.

¹⁰⁷ Там же, т. VIII, стр. 136.

¹⁰⁸ W. Dilthey. Die Typen der Weltanschauung und ihre Ausbildung in den metaphysischen Systemen. Там же, стр. 77—78.

¹⁰⁹ Там же, стр. 99.

¹¹⁰ Там же, стр. 86.

¹¹¹ Там же, стр. 222.

¹¹² H. G. Collingwood. The Idea of History. Oxford, 1946, p. 173.

¹¹³ См.: Ges. Schr., Bd. VII, S. 290.

¹¹⁴ Там же, стр. 297.

ными как раз те, а не другие образования из всех существовавших и почему исторический «мир» сложился как раз из таких, а не иных составных частей».¹¹⁵

Дильтеевская «критика исторического разума» сама была симптомом глубокого внутреннего кризиса буржуазной философии, с одной стороны, жадно стремившейся к выработке какого-то общего мировоззрения, которое поднималось бы над уровнем «технической», профессиональной философии и которое можно было бы противопоставить успехам марксизма, а с другой стороны, чувствовавшей неспособность к созданию позитивного, научного мировоззрения. Как остроумно заметил Р. Арон, Дильтей пытался дать ответ на вопрос: что делать, если человек является профессором философии и не верит больше в философию.¹¹⁶ Этим ответом был философский иррационализм с «исторической» ориентацией.

В характерной для него фрагментарной форме Дильтей поставил едва ли не все основные вопросы, которыми живет современная философия истории: проблему специфики исторического познания и его соотношения с познанием естественнонаучным, проблему соотношения истории и философии, вопрос о природе историко-культурных ценностей и возможности объективного знания общественных явлений. В этом отношении он оказал громадное влияние на всю последующую западную философско-историческую мысль.¹¹⁷ Но он дал поставленным им проблемам неверное, идеалистическое и иррационалистическое решение.¹¹⁸

¹¹⁵ Г. Риккерт. Философия жизни. Пб., 1922, стр. 48.

¹¹⁶ См.: R. Aron. La Philosophie critique de l'histoire, p. 109.

¹¹⁷ Нельзи, однако, согласиться с утверждением Н. П. Орехова («Философия жизни» Вильгельма Дильтея. . . , стр. 355), будто идеи Дильтея объединили «под своим знаменем всю буржуазную социальную философию» и тем более, что они стали «теоретическим обоснованием» эмпирической социологии. Это явное недоразумение. Философия Дильтея явилась знаменем антипозитивистской реакции в буржуазном обществоведении, она не имела никакого непосредственного отношения к рождению эмпирической социологии, которая во многом была ее антиподом.

¹¹⁸ «После Дильтея, — пишет С. Хьюз, — историкам уже не нужно было извиняться за „ненаучный“ характер их дисциплины: они поняли, почему ее методы никогда не могут быть точно такими же, как методы естествознания» (H. S. Hughes. Consciousness and society, p. 200). Философия Дильтея, пишет профессор Марбургского университета Фриц Вагнер, «не могла очиститься от смутного витализма, и чем сильнее он хотел закрепиться в посяторности данного мира, тем больше он прибегал к помощи метафизического объективного духа, который проявляется в важнейших исторических явлениях и, тем не менее, недоступен подлинному познанию. . . В его одностороннем историческом миропонимании и его субъективном образе мысли жил скепсис, который он сам сознавал» (F. Wagner. Geschichtswissenschaft. München, 1951, S. 316).

Г. Л. СОБОЛЕВ

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Отражение общественного бытия в сознании людей происходит как в форме общественной психологии, т. е. совокупности чувств, настроений, переживаний, иллюзий, интересов, вкусов, потребностей, привычек, традиций, нравов и обычаев, возникающих стихийно в процессе повседневной, будничной жизни, так и в форме общественной идеологии, т. е. совокупности идеологических систем, взглядов, научных знаний и т. д.

Общественная психология исторически была первой и в течение длительного времени единственной формой общественного сознания. «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии». — Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей».¹ Идеология как особая форма духовной деятельности общества возникает позднее, имея своим источником развитую общественную психологию.

В реальной жизни идеология и общественная психология, тесно переплетаясь, не существуют в чистом виде. В отличие от идеологии общественная психология находится в более непосредственной зависимости от изменений в системе социальных условий и отношений, для ее формирования особое значение имеет жизненный опыт масс, характерно преобладание элементов стихийности.² Идеолог теоретически подходит к тем выводам, к которым стихийно стремится класс в своих потребностях, интересах и чаяниях.³ Идеи, воспринятые массами, порождают новые чувства, придают новое содержание уже имеющимся, оказывают,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 24.

² Б. Д. Парыгин. К вопросу о предмете социальной психологии. Вопр. психол., 1962, № 5, стр. 109.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 148.

таким образом, влияние на характер общественной психологии. Поэтому судить о сознании определенной исторической эпохи нужно на основании анализа как ее идеологии, так и психологии.

Между тем до недавнего времени у нас наблюдалась тенденция изучать общественное сознание главным образом в его идеологических формах, разработка же проблем общественной психологии по существу не велась. Такое положение объяснялось во многом тем обстоятельством, что социальная психология, изучаемая в капиталистических странах с порочных методологических позиций, использовалась и используется по сей день в реакционных политических целях; по этой причине среди части советских ученых в течение длительного времени бытовало мнение, что социальная психология несовместима с марксизмом. Однако, что правильно теперь отмечается в нашей литературе, социальная психология как наука не сводится к совокупности идеологических приемов, используемых в интересах буржуазии, ее возникновение связано с потребностями развития научного знания и с интересами не только реакционных, но и прогрессивных классов.⁴

Хотя истоки многих идей, развитых впоследствии в буржуазной психологии, мы находим еще у Платона и Аристотеля, а затем у Мальбранша, Вико, Гельвеция, Фейербаха, Гегеля и др., возникновение социальной психологии относится ко второй половине XIX в. Именно в этот период проблемы общественной психологии становятся одной из ведущих тем в исследованиях лингвистов, этнографов, археологов, историков, правоведов, психологов, психиатров и представителей других отраслей науки.

В 1860 г. немецкие ученые филолог Г. Штейнталь и философ М. Лацарус начали издавать журнал «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft», в первом номере которого они выдвинули программу изучения психологии народов на основе анализа языка, мифологии, религии, фольклора, обычаев, нравов и т. д. Они объявляли народный дух такой же реальностью, как и индивидуальная душа. Хотя обращение Г. Штейнтала и М. Лацаруса к проблемам психологии народов в значительной мере определялось необходимостью изучения психологии колониальных народов, которая трактовалась ими с реакционных идеалистических позиций, тем не менее такая постановка вопроса явилась толчком к возникновению новой отрасли науки. Создание психологического направления в языкознании принято считать началом возникновения социальной психологии вообще.⁵

⁴ Б. Д. Парыгин. Социальная психология как наука. Л., 1965, стр. 10.

⁵ В. М. Хвостов. Социология, ч. I. М., 1917, стр. 278—282; Е. С. Кузьмин. К вопросу о социальной психологии. В сб.: Проблемы общей и индустриальной психологии, Л., 1963, стр. 141; Б. Д. Парыгин. Социальная психология как наука, стр. 15—16.

Во второй половине XIX в. исследование исторических форм сознания человека стало одной из ведущих тем в антропологии, этнографии и археологии (труды Тейлора, Моргана, Леви-Брюля и др.). Проблемы социальной психологии заняли видное место в работах многих представителей буржуазной исторической науки.⁶ В конце XIX в. немецкий историк К. Лампрехт выдвинул тезис «История сама в себе — не что иное, как прикладная психология». Поэтому предметом исторической науки, по его мнению, должна была стать «общественная душа».⁷

Горячим сторонником изучения общественной психологии выступил видный русский историк Н. И. Кареев. «К сожалению, эта сторона коллективной психологии — психическое действие человека на человека, единицы на массу и массы на единицу, — писал он, — совсем не разработана, и никто не мог бы быть компетентнее историка в решении общих и частных вопросов, касающихся этого предмета».⁸ Правильно подчеркивая важность исследования историком духовной культуры, формирования представлений, верований, настроений, чаяний и т. д., Н. И. Кареев, однако, видел во всем этом лишь результат психологического взаимодействия людей, выступал против марксистской теории исторического процесса, против определяющей роли экономики в жизни общества.

Работы психологов Болдуина, Мак-Дауголла, Вундта и Рибо положили начало социально-психологическому направлению в самой психологической науке. Выдвигув положение о том, что психология народов опирается на индивидуальную психологию и что в ней нет законов, принципиально отличных от законов психологии личности, В. Вундт сделал попытку нарисовать психологическую историю человечества, которая в его интерпретации имела сходство с историей психологии отдельного человека.⁹

Происхождение социальной психологии в психиатрию связано с именами В. М. Бехтерева и З. Фрейда. Исследуя роль внушения в массовом психозе, В. М. Бехтерев пришел в 90-х годах XIX в. к выводу, что внушение во всех его формах есть «психический микроб», который является одним из важных социальных факторов в жизни человека и всего общества. «Благодаря этому взаимовнушению, — писал он, — отдельные члены как бы наэлектризовываются и те чувства, которые испытывают отдельные лица, нарастают до необычной степени напряжения, делают толпу

⁶ Необходимо отметить, что отдельные вопросы общественной психологии освещались некоторыми историками, изучавшими массовые народные движения, задолго до возникновения психологического направления в исторической науке.

⁷ К. Lamprrecht. Moderne Geschichtswissenschaft. Berlin, 1920, SS. 16—17.

⁸ Н. И. Кареев. Историко-философские и социологические этюды. СПб., 1895, стр. 53.

⁹ В. Вундт. Проблемы психологии народов. М., 1912.

существом могучим, сила которого растет вместе с возвышением чувства отдельных ее членов. Только этим путем, путем самовнушения, и можно себе объяснить успех тех знаменательных исторических событий, когда нестройные толпы народа, воодушевленные одной общей идеей, заставляли уступать хорошо вооруженные и дисциплинированные войска, действовавшие без достаточного воодушевления.¹⁰

Австрийский психиатр З. Фрейд выдвинул в корне порочный тезис о решающем влиянии полового влечения на поведение человека и всю жизнь общества. Разработанная им теория психоанализа, которая имеет широкое хождение и поныне, объясняет содержание и смысл классовой борьбы, войн и революций коллективным неврозом, массовой истерией, вышедшей из глубин подсознательного.¹¹

С одной стороны, возникновение социальной психологии вытекало из потребности развития отдельных общественных наук, с другой стороны, оно было связано с образованием в 90-е годы XIX в. психологического направления в буржуазной социологии.¹² Виднейшими представителями нового направления были Л. Уорд — в США, Г. Тард и Г. Лебон — во Франции, С. Сигеле — в Италии, Н. К. Михайловский и Н. А. Рожков — в России. Психологизация буржуазной социологии, находившейся в этот период в состоянии глубокого кризиса, была реакцией на пробуждение классового сознания трудящихся, на распространение идей научного коммунизма, на утверждение материалистического понимания истории, данного марксистской теорией. В предисловии к русскому переводу книги Г. Лебона «Психология социализма» ее издатель писал, что книга «может принести большую пользу в борьбе с социализмом и революционизмом».¹³

Однако сам факт обращения буржуазной социологии к психологии масс свидетельствовал одновременно о признании ею важности массовых движений в историческом процессе. «Вступление народных классов на арену политической жизни, т. е. в действительности их постепенное превращение в руководящие классы, представляет одну из наиболее выдающихся характерных черт нашей переходной эпохи», — горько сетовал Г. Лебон, для которого это вступление означало «один из последних этапов цивилизации

¹⁰ В. М. Бехтерев. Роль внушения в общественной жизни. СПб., 1898, стр. 49.

¹¹ См.: Ф. В. Бассин. Фрейдизм в свете современных научных дискуссий. Вопр. психол., 1958, №№ 5—6; Г. Уэллс. Павлов и Фрейд. М., 1959; Е. В. Шорохова. Фрейдизм. В кн.: Современная психология в капиталистических странах. М., 1963, и др.

¹² В вопросе об основных факторах возникновения буржуазной социальной психологии советские философы, социологи и психологи придерживаются разных точек зрения. См.: Б. Д. Парыгин. Социальная психология как наука, стр. 5—21.

¹³ Г. Лебон. Психология социализма. СПб., 1908, стр. 1.

Запада».¹⁴ Отметив определенную роль традиций, идей, чувств, иллюзий, политических и социальных институтов в жизни каждого народа, он пытался на этом основании утверждать, что историей народа руководят в гораздо большей степени умершие поколения, чем живущие. Лебон уловил некоторые признаки совместного поведения людей, податливость к внушению, импульсивность и изменчивость коллективного настроения, но, объявив эти свойства раз и навсегда данными, он видел в «толпе» преобладание бессознательного элемента.¹⁵ Давая оценку книги Лебона «Психология народов и масс», известный русский психолог П. Каптерев писал: «С ловкостью и легкостью француз Лебон набросал несколько интересных соображений по интересному сюжету, но этим и ограничился». Основные же идеи Лебона о поведении толпы представлялись П. Каптереву «весьма сомнительными».¹⁶

Несколько иначе подходил к объяснению поведения людей другой видный французский социолог того времени Г. Тард, который в основу всех социальных явлений положил подражание. По его мнению, именно подражание объединяет людей в общество и придает фактам социальное значение. Так как в обществе всегда имеется несколько образцов для подражания, под которыми Тард понимал прежде всего великих людей, то исходящие от них подражательные лучи, скрещиваясь, вступают в самые различные отношения. Они могут совпадать, и тогда получаются союзы идей, но могут и противодействовать друг другу. В этом случае в голове людей происходит борьба образов подражания, а когда выбор сделан, борьба происходит уже на социальной почве, она превращается в соперничество народов, социальных групп, партий. Так возникают войны, конкуренция, партийные, религиозные и научные споры.¹⁷

Тардовская теория объяснения социальной жизни, реакционная по своей сущности, сегодня выглядит несколько наивной, да и его современники относились к ней достаточно критически. Если бы теория Тарда была верна, замечал русский социолог и историк В. М. Хвостов, «то человечество давно превратилось бы в однородную массу, и в конце концов, подражать было бы нечему».¹⁸

В социологической концепции Н. К. Михайловского подражание и внушение играли роль механизма, посредством которого осуществлялись связи «героя» с «толпой». «Героем, — пояснял он, — мы будем называть человека, увлекающего своим примером

¹⁴ Г. Лебон. Психология народов и масс. СПб., 1896, стр. 155.

¹⁵ Там же, стр. 13, 29, 167.

¹⁶ Образование, 1896, № 9, стр. 57—58.

¹⁷ Г. Тард. 1) Социальные законы. СПб., 1901, стр. 14—17; 2) Личность и толпа. СПб., 1903, стр. 30—32.

¹⁸ В. М. Хвостов. Теория исторического процесса. М., 1919, стр. 284.

массу на хорошее или дурное, благородное или подлейшее, разумное или бессмысленное дело. Толпой будем называть массу, способную увлекаться примером, опять-таки высоко благородным, или инстинктом, или нравственно безразличным». ¹⁹ Незрелость общественного сознания, затемнение общественной психологии предрассудками дали повод Н. К. Михайловскому говорить о господстве над массой «душевной заразы», «таинственной силы». ²⁰

Итальянский криминалист С. Сигеле в своих попытках понять поведение народной массы не поднялся выше утверждений о преступности толпы, о ее скрытом стремлении к жестокости. Мнение большинства для него в сущности есть мнение великих людей, поэтому деспотизм большинства обращается в деспотизм великих идей, когда последние созрели и их применение стало своевременным. ²¹

Если в конце XIX—начале XX в. предметом социальной психологии, как мы видели выше, было изучение психологии народов, масс, социальных слоев, толпы и т. д., то в последующие годы интересы буржуазных ученых сосредоточиваются на исследовании психологии малых групп, их структуры, при этом они опираются в своих работах как на старые теории общей и социальной психологии, так и на вновь созданные (труды Э. Богардуса, Г. Олпорта, Дж. Морено, К. Янга и др.). ²²

Для буржуазной социологии XX в. характерны психологизация всех сторон общественной жизни, стремление свести на нет роль социально-экономических отношений. Теория «социального поведения», виднейшими представителями которой являются Р. Макавайер, П. Сорокин, Т. Парсонс и др., отрицает влияние объективных условий на поведение людей независимо от их субъективных желаний. Представители современной буржуазной социологии пытаются убедить читателя, что социальные изменения вызываются в первую очередь социальной психологией, культурой, но только не изменениями способа производства. П. Сорокин видит непосредственную причину революции в ослаблении инстинктов большинства общества, в результате чего человеческое поведение начинает определяться только биологическими факторами. ²³ Как утверждает Ростоу, в основе развития человеческого общества лежат субъективные устремления, что же касается экономики и экономических интересов как мотивов

¹⁹ Н. К. Михайловский. Герои и толпа. Соч., т. 2, СПб., 1896, стр. 98.

²⁰ Там же, стр. 112.

²¹ С. Сигеле. Преступная толпа. СПб., 1893, стр. 22, 43, 116.

²² Подробно об этом см.: Н. С. Мансуров. Современная буржуазная психология. М., 1962, стр. 132 и сл.; Е. С. Кузьмин. К вопросу о социальной психологии, стр. 142; Б. Д. Парыгин. Социальная психология как наука, стр. 29—35.

²³ P. Sorokin. The Sociology of revolution. Philadelphia—London, 1925, pp. 367—372.

деятельности человека, то они, по его мнению, не имеют определяющего значения. ²⁴ «Человеческая природа со свойственными ей импульсами страха, любопытства, приключения, нового опыта, драчливости, гнева, стадности, пола, общительности мало изменилась по сравнению с самой седой древностью», — пишет другой видный представитель современной буржуазной социологии, Огборн. Обуздать эту природу способна только цивилизация, которую он считает орудием борьбы против дезорганизации общества. ²⁵

Многие представители современной буржуазной социологии видят в сотрудничестве психологии и истории новые возможности для объяснения поведения людей. В пропагандируемой ими концепции психосоциальных циклов историческое развитие общества рассматривается как процесс, альтернативно определяемый психологическими и социальными факторами. ²⁶ Английский социолог Дж. Барбу считает, что для выяснения закономерности исторических событий историк должен обратиться прежде всего к изучению психической деятельности людей, в особенности коллективных эмоций. Именно глубокое расстройство, чувства неуверенности и протеста, вызванные у рабочих их отношениями с предпринимателями, утверждает Барбу, привели в XIX в. к массовому революционному движению. ²⁷ С его точки зрения, опыт истории показал, что «ни индустриализация, ни внутренние противоречия в системе производства, ни даже классовая борьба не являются необходимыми условиями для развития коммунизма. Однако в основе всех коммунистических движений есть общий элемент — это широко распространенное недовольство и тревога среди членов общества». ²⁸

Итак, буржуазная социальная психология, поставив своей задачей изучение психологии народов, масс, толпы, больших и малых групп людей, всем своим развитием доказала полную неспособность научно решить эту задачу, она оказалась не в состоянии выяснить правильное соотношение экономики, политики, идеологии и психологии, их роль в жизни общества. Антиисторический подход к проблемам общественной психологии, игнорирование ее классового характера, субъективизм и иррационализм в объяснении явлений коллективной, массовой психологии являются характерными чертами буржуазной социальной психологии.

²⁴ W. Rostow. The Stages of economic growth. Cambridge, 1960, pp. 148—149.

²⁵ W. Ogborn. Social change with respect to culture and original nature. N. Y., 1950, p. 287.

²⁶ J. Barbu. Problems of historical psychology. N. Y., 1960, pp. 14—15.

²⁷ Там же, стр. 47—48.

²⁸ J. Barbu. Democracy and dictatorship. Their psychology and patterns of life. N. Y., 1950, p. 173.

Подлинно научное объяснение поведения и деятельности человека, социальных групп и классов дали основоположники марксизма. В 1843 г., т. е. еще до возникновения буржуазной социальной психологии, К. Маркс в одной из своих первых работ («К критике гегелевской философии права») писал, что человек не есть абстрактное существо: «Человек — это мир человека, государство, общество».²⁹ Г. В. Плеханов правильно отметил, что для К. Маркса проблема истории являлась в определенной степени психологической проблемой.³⁰

Марксизм впервые обосновал решающее значение социальной среды и в первую очередь материальных условий для формирования общественного сознания. «Над различными формами собственности, над социальными условиями существования, — писал К. Маркс, — возвышается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, образов мысли и мировоззрений. Весь класс творит и формирует все это на почве своих материальных условий и соответственных общественных отношений».³¹

Подчеркивая определяющую роль материального производства в образовании различных форм общественного сознания, основоположники марксизма отнюдь не считали экономику единственной активной силой в истории. Они видели задачу исследователя в том, чтобы выяснить те исторические факторы, которые отражаются в сознании людей в форме тех или иных чувств, мыслей, настроений, представлений и т. п. «Исследовать движущие причины, которые ясно или неясно, непосредственно или в идеологической, может быть, даже в фантастической форме отражаются в виде сознательных побуждений в головах действующих масс и их вождей, так называемых великих людей, — писал Энгельс, — это единственный путь, ведущий к познанию законов, господствующих в истории вообще и в ее отдельные периоды или в отдельных странах».³²

К. Маркс и Ф. Энгельс дали не только ключ к пониманию общественной психологии различных исторических эпох, но и блестящую психологическую характеристику классов, сословий и групп — пролетариата и буржуазии, феодалов и крестьян, торговцев и ремесленников и т. д. Они указали на основные психологические черты пролетариата — решительность, смелость, революционность, ненависть к эксплуататорам, чувство товарищества и коллективизма.³³ Рабочий только в союзе с товарищами начинает чувствовать силу, и этот психологический фактор придает пролетариату уверенность в своей окончательной победе.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 414.

³⁰ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. II, М., 1956, стр. 170—171.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 145.

³² Там же, т. 21, стр. 308.

³³ Там же, т. 2, стр. 357.

Маркс отмечал, что общественная сила рабочих не тождественна механической сумме сил отдельных рабочих, как не тождественна сила нападения эскадрона кавалерии или сила сопротивления полка пехоты сумме сил отдельных кавалеристов и пехотинцев.³⁴ Выражая тенденцию, заложенную в основе социального бытия рабочего класса, Маркс и Энгельс начертали на его знамени призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Основоположники марксизма неоднократно подчеркивали, что развитие капитализма, с одной стороны, окончательно превратило рабочих в придаток машин, лишив их последних остатков самостоятельности, с другой стороны, дало огромный толчок развитию их общественного сознания, заставило их думать и «добиваться положения, достойного человека».³⁵ Подходя к изучению психологии пролетариата исторически, они показывали незрелость сознания рабочих на первых этапах революционной борьбы. Характеризуя участие рабочих в венском восстании 1848 г., Ф. Энгельс писал в работе «Революция и контрреволюция в Германии»: «Рабочие, окруженные недоверием, безоружные, неорганизованные, едва выбившиеся из того духовного рабства, в котором их держал старый режим, едва пробудившиеся для того, чтобы еще не осознать, а только инстинктом почувствовать свое общественное положение и целесообразную для них политику, могли проявлять себя лишь в шумных демонстрациях; нельзя было ожидать, чтобы они могли справиться со всеми трудностями момента».³⁶ Однако Маркс и Энгельс твердо верили в историческую миссию пролетариата, который в процессе своего развития освободится от иллюзий и предрассудков, осознает свою роль в обществе и станет полноправным хозяином своей судьбы.

Дальнейшее развитие материалистического понимания общественной психологии мы находим в трудах многих выдающихся марксистов. Большой вклад в разработку проблем марксистской социальной психологии сделал Г. В. Плеханов. Понимая под общественной психологией «преобладающее настроение чувств и умов в данном общественном классе данной страны и данного времени», он писал, что без ее внимательного изучения и понимания «невозможно материалистическое объяснение истории идеологий».³⁷ Историческая наука, подчеркивал Г. В. Плеханов, не может ограничиваться только экономической анатомией общества, она должна охватить всю совокупность явлений, прямо или косвенно обусловленных экономикой, до работы воображения включительно.³⁸ В своей работе «К психологии рабочего движения»

³⁴ Там же, т. 23, стр. 337.

³⁵ Там же, т. 2, стр. 245.

³⁶ Там же, т. 8, стр. 68—69.

³⁷ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. II, стр. 247.

³⁸ Там же, стр. 247—248.

Г. В. Плеханов анализирует особенности психологии пролетариата, показывает ее влияние на сознание отдельного рабочего.³⁹

Огромное значение изучению психологии, в первую очередь политических настроений классов и различных социальных групп, придавал В. И. Ленин. Рассматривая наличие передовой общественной психологии как одно из необходимых условий для победы революций, он писал в 1907 г., что «народ, не сознавший революционных задач, не может оказаться достаточно силён для победы в решительном бое над реакцией».⁴⁰ В. И. Ленин на протяжении всей своей жизни внимательно изучал психологию рабочего класса, постоянно боролся за внесение в нее революционной сознательности. Отмечая, что идеология пролетариата формируется на основе его положения в обществе, В. И. Ленин писал, что социал-демократы встречаются в пролетариате «инстинктивное влечение к социализму», а это является необходимым условием для формулирования ясных классовых лозунгов.⁴¹

В своих работах В. И. Ленин показал всю сложность формирования революционного сознания рабочих в условиях отсталой России, дал характеристику основных этапов развития пролетарской психологии.⁴² Исключительно важной представляется мысль В. И. Ленина о том, что совместная работа сотен и тысяч рабочих сама собой приучает рабочих к совместному обсуждению своих нужд, к совместному действию, наглядно показывая одинаковость положения и интересов всей массы рабочих.⁴³

Для утверждения материалистического понимания общественной психологии много сделал видный итальянский марксист А. Лабриола. Выступая в 90-х годах XIX в. против отождествления исторического материализма с экономическим материализмом, он писал, что только любовь к парадоксам, к которым так охотно прибегают популяризаторы всяких новых теорий, могла зародить мысль о том, что для исторического исследования достаточно выявить лишь экономический момент, а все остальное сбросить на землю, как ненужную ношу.⁴⁴ А. Лабриола впервые ввел в марксистскую литературу термин «социальная психология», дав его материалистическое толкование. В статье «Исторический материализм» (1895) он отмечал, что «для перехода от экономического базиса к общей конфигурации исторического процесса необходима помощь того комплекса знаний, который можно назвать, за отсутствием другого термина, социальной психологией. Я не намекаю этим на фантастическую возможность существования социальной души или на идею мнимого коллектив-

ного духа. . . Нет, я говорю о вещах более скромных и прозаических, т. е. о конкретных и определенных умонастроениях, которые раскрывают перед нами — чем были в действительности римские плебеи определенной эпохи, флорентийские ремесленники того периода, когда вспыхнуло восстание чомпи, или французские крестьяне, когда среди них, по выражению Тэна, в 1789 году самопроизвольно зародилась анархия. . .»⁴⁵

Таким образом, основоположники марксизма и их последователи дали материалистическое объяснение общественной психологии, правильно определили ее роль в жизни общества. Рассматривая в своих работах психологию классов и социальных групп различных эпох и периодов, они показали блестящий пример того, как надо подходить к изучению общественной психологии.

Не останавливаясь подробно на развитии социальной психологии в СССР,⁴⁶ отметим, что первые попытки осветить вопросы общественной психологии с позиций марксизма, предпринятые у нас еще в 20-е годы, не были успешными. Сказалось влияние буржуазной социальной психологии, а также отсутствие в марксистской литературе разработанных приемов исследования этой сложной проблемы. Отсюда в концепции психолога К. Н. Корнилова марксистские положения уживались с идеями бихевиоризма.⁴⁷ Правовед М. А. Рейснер пытался соединить марксизм с фрейдизмом, хотя сам неоднократно отмечал, что для построения марксистской социальной психологии нельзя заимствовать буржуазные теории.⁴⁸ Журналист и литературный критик Л. Н. Войтоловский сочетал в «Очерках коллективной психологии» материалистическое толкование вопросов общественного сознания с принципами так называемой органической школы в психологии. Поэтому он не смог дать научного объяснения психологии масс и общественных движений, хотя в отдельных случаях Л. Н. Войтоловский правильно подметил характерные особенности психологии массовых движений (9 января 1905 г. в Петербурге, восстание в Севастополе в 1905 г. и др.), а также указал на сложность процесса формирования массового настроения.⁴⁹

Встретившиеся на пути развития советской социальной психологии трудности оказались в условиях культа личности непреодолимыми, существование этой важной в научном и полити-

³⁹ Там же, стр. 68.

⁴⁰ См. об этом подробно: Е. С. Кузьмин. Основная линия развития советской психологии. Вестн. ЛГУ, 1957, № 23, сер. экон., филос. и права, вып. 4; Б. Д. Парыгин. Социальная психология как наука, стр. 45—54.

⁴¹ К. Н. Корнилов. Психология и марксизм. В кн.: Психология и марксизм. Л., 1925.

⁴² М. А. Рейснер. Проблемы социальной психологии. Ростов-на-Дону, 1925, стр. 138—139.

⁴³ Л. Н. Войтоловский. Очерки коллективной психологии. Ч. 1. Психология масс. М.—Л., 1924; ч. 2. Психология общественных движений. М.—Л., 1925.

³⁹ Там же, т. V, стр. 510—511.

⁴⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 15, стр. 59.

⁴¹ Там же, т. 11, стр. 386—387.

⁴² Там же, т. 2, стр. 83—110; т. 40, стр. 317—319.

⁴³ Там же, т. 2, стр. 91—92.

⁴⁴ А. Лабриола. Исторический материализм. Л., 1926, стр. 67.

ческом отношении дисциплины было поставлено под сомнение. Психология простых советских людей, подлинных строителей социализма, роль которых отнюдь не сводилась к функции «вспитиков», в течение длительного времени почти не изучалась ни психологами, ни философами, ни социологами. Только после XX съезда КПСС были созданы все предпосылки для подлинно научной разработки марксистской социальной психологии.

Обратившись в последние годы к интенсивному изучению социальной психологии, советские философы, социологи, психологи достигли первых результатов в определении ее предмета, структуры и места среди других общественных наук, наметили основные теоретические проблемы.

Вопрос о предмете марксистской общественной психологии находится в центре внимания советских исследователей. Часть из них видит объект социальной психологии в изучении социально-исторических типов личности, другие — в выявлении психологических особенностей различных социальных групп, слоев и классов общества.⁵⁰ По мнению психолога В. Н. Колбановского, «главным звеном общественной психологии служит рассмотрение совместной психологической деятельности людей, которая связана с их практической коллективной деятельностью и в значительной мере влияет на формирование и развитие взаимоотношений индивидуумов в коллективе».⁵¹ Историк А. Я. Гуревич считает, что социальная психология должна заниматься, во-первых, изучением обусловленности психики индивида его принадлежностью к обществу, классу, группе и, во-вторых, исследованием групповых, общественных норм поведения, психологических реакций группы или массы людей.⁵² Наиболее полным и правильным представляется определение, данное Б. Д. Парыгиным, согласно которому предметом социальной психологии являются «как особенности групповой, коллективной и массовой психологии, проявляющиеся в совокупной деятельности людей, их совместном поведении, переживаниях и способах психологического общения друг с другом, так и особенности поведения и психического состояния индивида в группе, коллективе и массе».⁵³

С вопросом о предмете марксистской общественной психологии тесно связано выяснение основных элементов ее структуры. При анализе явлений социальной психологии советские исследователи разделяют их на три большие группы: первая — психический

склад (нации, народности, класса, социальной группы и т. д.), включающий волевые качества, привычки, обычаи, традиции, устойчивые вкусы, нравы, склад характера; вторая — эмоциональные и интеллектуальные отражения экономических, производственных, бытовых, политических и природных условий в виде социальных потребностей, интересов, чувств, настроений, идеалов, чаяний; третья — явления социально-психологического общения людей в форме убеждения, внушения, подражания и т. д.⁵⁴

На каждой из этих групп следует остановиться более подробно. Проблемы психического склада наций относятся к числу наименее изученных проблем социальной психологии. Национальные особенности психики формируются в результате длительного исторического развития, в них отражается влияние географической среды, хотя определяющим фактором являются все же социальные условия, исторически сложившийся способ производства, материальная и духовная культура, общность языка, нравов и обычаев.⁵⁵ Основоположники марксизма, подчеркивая в первую очередь классовый характер психологии людей, не отрицали при этом значение национального характера, показывали как положительные, так и отрицательные его черты. Ф. Энгельс называл английский пролетариат «хранителем лучших сторон английского национального характера. . .».⁵⁶ Выяснить, какими путями идет складывание национальных особенностей психики, какова роль тех или иных исторических факторов в становлении национального характера, — чрезвычайно трудная задача, которую можно решить лишь совместными усилиями психологов, философов, социологов, этнографов, лингвистов, историков и других представителей общественных наук.

Огромный научный интерес представляет изучение природы и функций таких элементов психического склада, как традиции и привычки. Способность человеческого сознания сохранять установившиеся представления и образовывать привычки связана с действием не только социальных факторов, но и законов психологии.⁵⁷ Социальная функция традиций состоит в сохранении существующих порядков. Не случайно Ф. Энгельс характеризовал традицию как «великий тормоз»; как «силу инерции в истории».⁵⁸ Отмечая роль традиций в историческом процессе, К. Маркс писал: «И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще

⁵⁴ См., например: А. И. Горячева. О некоторых категориях социальной психологии. В кн.: Проблемы общественной психологии. Ред. В. Н. Колбановский и Б. Ф. Поршнев. М., 1965, стр. 198.

⁵⁵ В. Н. Колбановский. В. И. Ленин и проблемы социальной психологии. Там же, стр. 80—81.

⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. произв., М., 1948, стр. 105.

⁵⁷ Г. М. Гак. Учение об общественном сознании в свете теории познания. М., 1960, стр. 31.

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 318—319.

⁵⁰ См. подробно: Б. Д. Парыгин. Социальная психология как наука, стр. 61—64.

⁵¹ В. Н. Колбановский. Некоторые актуальные проблемы общественной психологии. Вопр. филос., 1963, № 12, стр. 17.

⁵² А. Я. Гуревич. Некоторые аспекты изучения социальной истории (общественно-историческая психология). Вопр. истории, 1964, № 10, стр. 51.

⁵³ Б. Д. Парыгин. Социальная психология как наука, стр. 64.

небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории.⁵⁹ Однако социальная роль традиций не сводится только к сохранению существующего строя. Общеизвестна, например, революционная роль передовых традиций, которые наследуют из поколения в поколение борющиеся за свое освобождение пролетариат и крестьянство, велико также воспитательное значение традиций.

Большое научно-практическое значение имеет изучение таких элементов общественной психологии, как социальные потребности, интересы, настроения, чувства, идеалы, чаяния и т. д. Будучи, с одной стороны, отражением природных, экономических и политических условий, они, с другой стороны, сами выступают в качестве активной силы в жизни общества. Человеческие потребности оказывают глубокое влияние на развитие способа производства, на поведение людей. «Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того чтобы объяснять их из своих потребностей. . .»,⁶⁰ — писал Ф. Энгельс. Борьба за удовлетворение социальных потребностей народных масс лежит в основе всех классовых сражений. Неудовлетворенные потребности выступают как один из важнейших факторов социальной революции. По выражению Ф. Энгельса, революции являются «непреодолимым выражением нужд и потребностей народов — потребностей, доходивших до сознания с большей или меньшей ясностью, но ощущавшихся весьма отчетливо различными классами каждой страны. . .».⁶¹ Осознание людьми своих потребностей происходит в форме социальных интересов и устремлений. Социальные потребности и интересы выступают, таким образом, как побудительная сила, доминанта поведения людей. «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, — писал В. И. Ленин, — пока они не научатся за любимыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов».⁶²

Социальные настроения представляют собой наиболее массовидное явление общественной психологии, они определяют духовное состояние общества в целом, отдельных классов, групп и коллективов. Не случайно В. И. Ленин так пристально изучал настроения широких народных масс, постоянно подчеркивал, что наличие прилива революционных настроений является необ-

⁵⁹ Там же, т. 8, стр. 119.

⁶⁰ Там же, т. 20, стр. 493.

⁶¹ Там же, т. 8, стр. 6.

⁶² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 47.

ходимым условием революционной ситуации. «Лозунг восстания, — писал он в 1905 г., — есть лозунг решения вопроса материальной силой, — а таковой в современной европейской культуре бывает лишь военная сила. Этот лозунг нельзя выставлять до тех пор, пока не назрели общие условия переворота, пока не проявились определенно возбуждение и готовность масс к действию, пока внешние обстоятельства не привели к явному кризису».⁶³ В трудах В. И. Ленина раскрываются динамика общественных настроений, причины их возникновения, устанавливаются важнейшие закономерности образования, изменения и развития настроений (подвижность, колебания, приливы, отливы и т. д.).⁶⁴

Определенные успехи в изучении общественного настроения достигнуты советскими исследователями Б. Д. Парыгиным и др.⁶⁵ Однако многие теоретические вопросы формирования общественных настроений нуждаются в дальнейшей разработке.

Весьма важной и вместе с тем малоизученной является проблема социально-психологического общения. Хорошо известно, что само общение людей в коллективе порождает эмоциональный подъем и уверенность в себе, но иногда человек может чувствовать себя в коллективе подавленным и одиноким — все зависит от того, какой это коллектив и какое отношение имеет к нему данный человек. Маркс писал в «Капитале», что «. . . при большинстве производительных работ уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии, увеличивающее индивидуальную производительность отдельных лиц. . .».⁶⁶

Взаимовлияние людей в процессе общения происходит главным образом путем сообщения. Профессор А. Г. Ковалев указывает на три вида сообщения — информацию, убеждение и внушение.⁶⁷ Если информация означает простую передачу определенных сведений от одного лица к другому как путем непосредственного контакта, так и через различные каналы массовых коммуникаций и не имеет часто целью направленное воздействие на психику человека, то убеждение предполагает, что передаваемая

⁶³ Там же, т. 11, стр. 367.

⁶⁴ См. подробно: Б. Д. Парыгин. В. И. Ленин об общественных настроениях. Вести. ЛГУ, 1959, № 17, сер. экон., филос. и права, вып. 3; Б. Д. Парыгин. В. И. Ленин о формировании настроений масс. Автореф. дисс. Л., 1961.

⁶⁵ Б. Д. Парыгин. 1) Общественное настроение как социологическая категория. Вести. ЛГУ, 1963, № 5, сер. экон., филос. и права, вып. 1; 2) Общественная психология как социальное явление. Научн. докл. высш. школы, Филос. науки, 1964, № 6; 3) Общественное настроение, его природа и динамика. В кн.: Проблемы общественной психологии; 4) Общественное настроение. М., 1966 и др.

⁶⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 337.

⁶⁷ А. Г. Ковалев. Взаимовлияние людей в процессе общения и формирование общественной психологии. Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 254, 1964, стр. 11.

другому человеку информация не только им понята и осознана, но и разделяется. В этом случае, подчеркивает А. Г. Ковалев, «огромное значение имеет логическая структура убеждений, соотношение теоретических знаний с фактами действительности».⁶⁸ В отличие от убеждения внушение рассчитано на некритическое восприятие информации, которая передается одним лицом другому или группе лиц. Тем не менее внушение и влияние выдающейся личности, как правильно отмечается в нашей литературе, нельзя рассматривать только как приемы и методы идеологического воздействия, это сложный идеологический и социально-психологический процесс.⁶⁹ Внушение основано на некритическом восприятии информации, но оно одновременно связано с социальным опытом, с эмоциями социального контакта и влияния. В самом деле, массы идут не за любимыми лозунгами, а лишь за теми, которые выражают их чаяния, стремления, а порой и заблуждения.

Помимо различных видов сообщения, социально-психологическое общение протекает в форме действия (пример, мода, поощрение, припуждение, наказание, порицание, запрещение и т. д.).

Все отмеченные выше способы влияния и взаимовлияния в процессе общения могут отражаться двояким образом: либо это критическое отношение к внешнему воздействию (скептицизм, негативизм, максимализм), либо доверчивое отношение (подражание, психическое заражение и др.).⁷⁰ В. И. Ленин указывал на силу примера в забастовочном движении, на нравственное, по его выражению, влияние стачек, когда по примеру одной фабрики прекращалась работа и на других предприятиях, на заразительное влияние забастовщиков на остальные слои рабочих.⁷¹

Отношение человека или группы людей к полученной информации во многом зависит от ее значимости для данного человека или группы. В том случае, когда ожидается какое-либо общественное событие, любое известие о его приближении или наступлении принимается за истинное, на этом нередко основаны явления энтузиазма, паники, страха. Человек становится более легковерным и принимает без рассуждения советы другого лица, если он хочет во что бы то ни стало найти выход из создавшегося положения.⁷²

Явления подражания и психического заражения необходимо всегда рассматривать исторически, ибо элементы подражания и подчинения масс во многом есть результат длительного господства эксплуататорского строя. Не требует пояснения, например, тот факт, что некритическое отношение к внешнему воздействию

⁶⁸ Там же, стр. 11—12.

⁶⁹ Б. Д. Парыгин. Социальная психология как наука, стр. 139—140.

⁷⁰ Там же, стр. 143.

⁷¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 288—298.

⁷² А. Г. Ковалев. Взаимовлияние людей. . . , стр. 12—13.

больше характерно для ранних периодов истории, чем для сегодняшнего времени.

В свете рассмотренной в общих чертах структуры общественной психологии представляется настоятельно необходимым изучение комплекса проблем, намеченного советскими социальными психологами:⁷³

- 1) особенности проявления индивидуальной психологии в коллективе и массе людей;
- 2) формы психической общности и структурно-психологические особенности различных социальных групп;
- 3) способы общения и социально-психологического взаимовлияния индивидов внутри группы и группы между собой;
- 4) особенности механизма мотивации поведения индивида в группе и в совокупной деятельности членов различных групп;
- 5) особенности психологического механизма отражения социальной среды и ее воздействий членами различных социальных групп и массой людей;
- 6) закономерности группового и коллективного поведения;
- 7) законы динамики и формирования общественной психологии социальных групп, слоев и классов общества.

Названные выше проблемы чрезвычайно сложны, требуют всестороннего рассмотрения, и их разработкой должны заниматься все общественные науки, поскольку каждое социальное явление, изучаемое любой из этих наук, имеет свою социально-психологическую сторону. Обращая внимание на важность выявления психического содержания жизни общества, И. П. Павлов еще в начале XX столетия призывал естественные науки объединить усилия с искусством, литературой, философией и историей, «чтобы бросить луч света в этот мрак».⁷⁴

Пока у нас делаются только первые шаги. Однако уже сам факт обращения представителей различных гуманитарных наук к проблемам социальной психологии имеет важное значение для дальнейшего развития этих наук. В нашей литературе справедливо отмечается, что без изучения общественной психологии теперь уже невозможна научная история общественной мысли, философии, этики, искусства.⁷⁵

Развитие социальной психологии имеет большое значение для исторической науки, в которой вопросы общественной психологии относятся к числу наименее разработанных проблем. В силу целого ряда причин советские историки в течение длительного времени занимались главным образом изучением истории мате-

⁷³ Б. Д. Парыгин. Социальная психология как наука, стр. 65.

⁷⁴ И. П. Павлов. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных. 1904, стр. 40.

⁷⁵ Э. Х. Степанин. Развитие общественного сознания и взаимодействие его форм. В кн.: Взаимодействие форм общественного сознания. М., 1964, стр. 45.

риальной культуры и экономических отношений, проблем хотя и кардинальных, но еще недостаточных для полного понимания конкретно-исторической эпохи. Вопросы же общественно-политической и духовной жизни освещены в нашей литературе довольно бедно.⁷⁶ Нельзя не согласиться с мнением А. Я. Гуревича о том, что психология людей прошлого «изучена слабо и недостаточно; при этом делается упор на рассмотрение тех идей, которыми жило общество. Но эти идеи воздействовали не только, а подчас и не столько на разум человека, сколько на его чувства».⁷⁷

Сведение общественного сознания к одной лишь идеологии обедняет анализ духовного состояния общества любой исторической эпохи. К. Маркс и Ф. Энгельс постоянно указывали на сложность исторического процесса, на необходимость изучения не только деятельности людей, но и ее отражения в сознании людей, поскольку «... в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели».⁷⁸

Чтобы понять, почему люди в определенную историческую эпоху поступали так, а не иначе, еще недостаточно раскрыть экономические, политические и идеологические условия, в которых протекала их деятельность. Задача состоит в том, чтобы проследить, как эти факторы воздействуют на сознание людей в их повседневной жизни, как исторически развивается психология различных социальных групп, классов и общества в целом, как изменяется соотношение ее отдельных элементов. Объясняя исторические события, исследователь должен выяснить не только те причины, которые определили эти события в конечном итоге, но и самые непосредственные, воссоздать социально-психологический климат эпохи. Он должен посмотреть на изучаемые им события не только глазами бесстрастного летописца, но и активного участника. Народные массы — основной объект исследования историка — должны быть показаны как живые люди, действующие в повседневной обстановке, живущие будничными заботами, интересами, увлечениями, страстями, судьбами революции. Историк должен уловить те незаметные на первый взгляд факторы, которые определяют поведение людей в конкретно-исторической ситуации.

На состоявшемся в январе 1964 г. заседании Секции общественных наук Президиума Академии наук СССР, посвященном методологическим проблемам исторической науки, в докладе П. Н. Федосеева и Ю. П. Францева, в выступлениях В. Г. Тру-

хановского и В. Ф. Поршнева было обращено внимание на необходимость изучения историками социальной психологии. В. Г. Трухановский, в частности, отмечал, что историки в своих работах часто игнорируют вопрос о моральном состоянии общества, как будто оно не играет никакой роли.⁷⁹

Было бы неправильно утверждать, что проблемы социальной психологии в исторических исследованиях совсем не затрагиваются. Ученые, занимающиеся изучением истории общественных и революционных движений, в той или иной мере касаются этих вопросов, но, как правило, они останавливаются только на отдельных элементах общественной психологии, причем на более подвижных и более легко улавливаемых, таких, как настроения, чувства, слухи. Формирование же общественной психологии в целом, взаимодействие ее отдельных элементов, роль экономики, политики и идеологии в определении духовного состояния общества и обратное влияние общественной психологии на характер исторических событий, а также многие другие проблемы остаются малоисследованными.

В качестве примера удачной работы можно назвать книгу Б. А. Романова «Люди и нравы древней Руси», основная цель которой, по словам ее автора, состояла в том, чтобы показать, как жили люди на Руси в XI—XIII вв. «и чем кто дышал, сообразно своей социальной принадлежности и тому капризу своей судьбы, какой удается подметить в памятнике, если пристально в него всмотреться».⁸⁰ Если попытки восстановить социально-психологический климат эпохи возможны на основе изучения «Русской правды» и «Слова о полку Игореве», то для более позднего времени эта задача существенно облегчается. В книге В. Ф. Поршнева «Феодализм и народные массы» рассматриваются формы отражения классовой борьбы в сознании народных масс, психология крестьянства в период феодализма (роль обычаев, традиций, верований, бунтарского духа, воздействие церкви и государства на психологию народных масс).⁸¹

В монографии А. Д. Люблинской «Франция в начале XVII века» показаны наиболее характерные черты психологии французской буржуазии, ремесленников, рабочих и крестьян в начале XVII в.⁸² А. Д. Люблинская подчеркивает такую особенность психологии народных масс, как преобладание роялистских иллюзий, которые «были настолько сильны, что не только в своей агитации, но и во

⁷⁹ История и социология. Совещание Секции общественных наук Президиума АН СССР по вопросам методологии истории. М., 1964, стр. 135—136.

⁸⁰ Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси. Л., 1947, стр. 5.

⁸¹ В. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М., 1964, стр. 309—317.

⁸² А. Д. Люблинская. Франция в начале XVII века (1610—1620 гг.). Л., 1959, стр. 84—102.

⁷⁶ См. об этом: М. В. Нечкина, М. П. Ким. В. И. Ленин о роли народных масс в истории. История СССР, 1960, № 2, стр. 17.

⁷⁷ А. Я. Гуревич. Некоторые аспекты изучения социальной истории, стр. 59.

⁷⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 306.

всех официальных актах гранды должны были выступать от имени короля, за короля и против дурных министров».⁸³

В исследовании В. И. Рутенбурга о народных движениях в городах Италии XIV—начала XV в. рассматривается психология восставших чомпи. Анализируя программу флорентийских чомпи, В. И. Рутенбург видит в ней отражение устремлений и методов поведения наемных рабочих, отмечает, что они не настаивали на ликвидации старых порядков, учреждений и законов, на полном уничтожении эксплуататоров и захвате власти, но хотели коренного улучшения своего материального и политического положения. Выдвинутое в программе требование отмены наказаний за совершенные ранее разграбления справедливо связывается с боязнью восставших наказания за прошлые действия.⁸⁴ В книге отмечается роль революционных традиций в движениях народных масс, указывается, в частности, на тот факт, что знамя восставших 40-х годов XIV в. воодушевляло борющихся чомпи и в 70-х годах XIV в.⁸⁵

Разработка проблем социальной психологии имеет особое значение при изучении истории революционных движений, которые, по выражению В. И. Ленина, тем и отличаются «... от обыкновенных, будничных, подготовительных исторических моментов, что настроение, возбуждение, убеждение масс должны проявляться и проявляются в *действии*».⁸⁶ В нежелании низов жить по-старому, в их экстраординарной активности В. И. Ленин видел один из важнейших признаков революционной ситуации.⁸⁷

Богатейшие возможности для выявления закономерностей формирования общественной психологии в переломные периоды истории дает изучение революционных событий в России в 1917 г. Величайший практик и теоретик революции В. И. Ленин в период подготовки Октябрьской революции постоянно интересовался политическими настроениями трудящихся масс и, учитывая их, боролся с присущей ему энергией за перелом общественного настроения. В устных и печатных выступлениях В. И. Ленина в 1917 г. содержится характеристика психологии различных социальных групп, определены основные факторы ее формирования, показаны пути преодоления мелкобуржуазного влияния на пролетариат, намечена тактика большевиков в борьбе за массы и т. д. Все эти ленинские идеи чрезвычайно важны для понимания общественной психологии в России в 1917 г.

Советские историки достигли больших успехов в изучении роли народных масс в победе Октябрьской революции, в показе

процесса их революционного перевоспитания. Политические настроения трудящихся России в 1917 г. рассматриваются в той или иной степени почти в каждой работе по истории Октябрьской революции. Не имея никакой возможности остановиться на их сколько-нибудь подробной характеристике, отметим недавно опубликованную книгу О. Н. Знаменского об июльском кризисе 1917 г., в которой исследуется настроение и поведение различных социальных групп и классов в июльские дни,⁸⁸ книгу З. В. Степанова о петроградских рабочих в 1917 г., в которой показаны революционное влияние петроградских рабочих на солдат и крестьян, перелом в настроении масс Петрограда в августе 1917 г., и др.⁸⁹

Однако настроения рабочих, солдат, крестьян, буржуазии и т. д. в 1917 г. рассматриваются в нашей литературе, как правило, в связи с другими проблемами, они не стали еще предметом специального исследования. При изучении настроений народных масс в 1917 г. не раскрываются закономерности и механизмы их формирования, причины преобладания тех или иных настроений, недостаточно показывается, как различные политические партии учитывали общественные настроения в своей агитационно-пропагандистской деятельности. Определяя в период революции психологию общества, политические настроения вместе с тем еще не дают возможности судить о всей сложности психологического состояния общества. Поэтому изучение всех элементов (революционных, консервативных, обыкательских) психологии различных классов и групп позволит воссоздать более полную картину социально-психологической жизни в России в 1917 г.

Не изучая общественной психологии в целом, взаимодействия различных ее элементов нельзя получить полное представление о том переломе в сознании рабочих, солдат и крестьян, который происходил в России в 1917 г. Осмысление массами политических событий, восприятие ими новых идей и лозунгов происходило в процессе повседневной будничной жизни, в борьбе со старыми представлениями, обычаями и традициями. Умонастроение народа, активность и энергия различных социальных классов, групп, политических партий и их лидеров во многом определяли направление развития революции. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы проследить, как в условиях России 1917 г. экономические, политические и идеологические факторы воздействовали на формирование психологии трудящихся и как последняя оказывала влияние на характер тех или иных исторических событий, политику различных классов, групп и партий в период подго-

⁸³ Там же, стр. 180—181.

⁸⁴ В. И. Рутенбург. Народные движения в городах Италии XIV—начала XV века. М.—Л., 1958, стр. 174—175.

⁸⁵ Там же, стр. 155.

⁸⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, стр. 58.

⁸⁷ Там же, т. 26, стр. 218, 379.

⁸⁸ О. Н. Знаменский. Июльский кризис 1917 года. М.—Л., 1964.

⁸⁹ З. В. Степанов. Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. М.—Л., 1965.

товки Октябрьской социалистической революции, как жили, о чем думали и к чему стремились простые люди в этот героический период.

Большой научный интерес представляет рассмотрение в психологическом аспекте борьбы трудящихся России в 1917 г. за удовлетворение социальных потребностей и интересов (осуществление рабочими явочным порядком 8-часового рабочего дня, захват крестьянами помещичьих земель и т. д.). Февральская революция не разрешила основных требований народных масс, и это стало важнейшей предпосылкой дальнейшего развития революции. «... никакая свобода, — писал В. И. Ленин в марте 1917 г., — не удовлетворит массы, терпящие голод от недостатка припасов, от дурного распределения их, а главное от захвата их помещиками и капиталистами».⁹⁰

Продолжающееся ухудшение материального положения трудящихся, экономическая политика Временного правительства, стоявшего на страже интересов буржуазии, подводили массы к сознанию необходимости социалистической революции как единственного выхода из создавшегося положения.

Весьма важно также показать влияние волевых качеств, привычек, обычаев, традиций различных социальных классов и групп на развитие революционных событий в России в 1917 г. Как и почему массы окончательно утратили веру в старый государственный строй, насколько сильны были элементы царистской психологии в сознании народа, какова была роль революционных традиций, особенно традиций революции 1905—1907 гг., в победе Февральской революции, как повлияло свержение самодержавия и уничтожение старых институтов власти на умонастроение народных масс, как происходила ломка прежних представлений в религии, морали, быту — все эти вопросы нельзя обойти при анализе духовного состояния классов и групп в России в 1917 г.

Необходимо выяснить, как политическая жизнь России в 1917 г. воздействовала на взгляды, убеждения, иллюзии, переживания и настроения людей, показать, как массы приобщались к политической деятельности, как изменялось соотношение элементов стихийности и сознательности в их психологии и поведении. При исследовании процесса революционного перевоспитания масс в период подготовки Октябрьской революции важно проанализировать отношение рабочих, солдат и крестьян к Временному правительству, к империалистической войне на различных этапах развития революции. Неискушенные в политике массы в первое время видели во Временном правительстве новую власть, которая поддерживалась к тому же авторитетом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, что, безусловно, оказывало определенное психологическое воздействие на решение

⁹⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 4.

местных рабочих и крестьянских организаций, союзов, предприятий и учреждений о поддержке Временного правительства. Не случайно В. И. Ленин подчеркивал в апреле 1917 г., что в условиях бессознательно-доверчивого отношения масс к Временному правительству его нельзя свергнуть обычным способом.⁹¹ «Только при осведомлении самых широких масс населения и организации их, — отмечал В. И. Ленин, — обеспечена полная победа следующего этапа революции и завоевание власти рабочим правительством».⁹² Постепенное изжитие массами иллюзий положило конец политике обмана, которую проводили Временное правительство и мелкобуржуазные соглашательские партии.

В связи с этим встает еще одна важная проблема — роль политических партий в формировании общественной психологии, методы, средства и способы воздействия на сознание различных социальных классов и групп России в 1917 г. Огромное значение в революционном воспитании масс имела деятельность большевистской партии, которая, выражая самые насущные требования трудящихся, указывала пути к их достижению, порождала в рабочих уверенность в своих силах, в окончательной победе над буржуазией. Но большевики не только направляли деятельность масс, но и постоянно учились у них, обогащая тем самым свою теорию и практику. Как отмечал В. И. Ленин, революция гораздо богаче содержанием, чем воображают «... самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов. Это и понятно, ибо самые лучшие авангарды выражают сознание, волю, страсть, фантазию десятков тысяч, а революцию осуществляют, в моменты особого подъема и напряжения всех человеческих способностей, сознание, воля, страсть, фантазии десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов».⁹³

Почти не исследованной остается проблема социально-психологического общения и взаимовлияния различных классов, групп и коллективов в период Октябрьской революции. При рассмотрении таких массовых движений, как апрельский, июньский и июльский кризисы, борьба с корниловщиной и др., исследователи обращают внимание главным образом на их политическую и идеологическую стороны. Социально-психологический характер этих движений, закономерности и особенности поведения масс изучены еще недостаточно. Историк должен не только констатировать сдвиги в настроениях масс в период массовых движений, но и раскрыть роль в формировании общественной психологии таких факторов, как демонстрации, митинги, собрания и т. д. Он должен показать многоплановость психологического взаимовлияния классов и групп, учесть роль таких факторов,

⁹¹ Там же, стр. 147.

⁹² Там же, стр. 5.

⁹³ Там же, т. 41, стр. 80—81.

как численность, состав, степень организованности, солидарности того или иного класса и группы, территориальное размещение и т. д.

Сила психологического влияния пролетариата России на другие классы и группы в 1917 г. объяснялась его широчайшей революционной практикой, постоянно расширявшимся общественным кругозором, организованностью, коллективизмом, сплоченностью и т. д. Постоянное общение петроградских рабочих с солдатами гарнизона, например, оказало огромное влияние на настроение солдатских масс Петрограда, которые вместе с рабочими стали активными участниками Октябрьского вооруженного восстания. Вместе с тем нельзя не учитывать, что пролетариат России составлял в 1917 г. еще небольшую часть населения страны, и потому он не мог не испытывать на себе влияние других слоев населения. «Гигантская мелкобуржуазная волна, — писал В. И. Ленин в апреле 1917 г., — захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т. е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику».⁹⁴ Наиболее ярким проявлением мелкобуржуазного влияния на рабочих в первые месяцы после Февральской революции В. И. Ленин называл революционное оборочество.⁹⁵

Таковы некоторые из основных вопросов социально-психологического аспекта изучения истории Октябрьской социалистической революции.

Разработка проблем общественной психологии в период Октябрьской революции имеет важное значение для борьбы с реакционной буржуазной историографией, которая и поныне продолжает объяснять успех революции в России в 1917 г. насилием народной воли, пробуждением темных инстинктов толпы, массовой стабильностью и дикостью, сумасшествием народа в результате войны и голода, бессознательным чувством общности и другими «врожденными мистическими чертами» русского народа.

Возникновение псевдонаучного психологического направления в зарубежной буржуазной историографии Октябрьской революции во многом связано с именем русского социолога — белоэмигранта П. А. Сорокина, который в книге «Социология революции», опубликованной в 1925 г., задался целью дать психологический анализ революции в России в 1917 г.

Одну из главных причин революции Сорокин видит в «примитивизме психологической жизни революционного общества», которое в определенные периоды «вдруг забывает все свои традиции, представления, идеи и порывает с прошлым».⁹⁶ Рефлексы подчи-

нения, рассуждает Сорокин, в период революции постепенно угасают, как, например, случилось в России накануне Февральской революции. Что же касается самой Февральской революции, то она, по Сорокину представляет собой не что иное, как «разрушение рефлексов повиновения авторитету императора».⁹⁷ Революционное население, продолжает далее Сорокин, никогда не способно осмыслить и правильно понять происходящие события. «Иллюзии кажутся ему реальностями. Оно начинает жить не в реальном мире, а в фантастическом царстве».⁹⁸ Характерной чертой психологии народа Сорокин считает желание жить за счет других, в результате чего наступают резкое уменьшение трудовой способности революционного общества, разрушение экономической жизни, науперизм и голод. В подтверждение этого насквозь лживого тезиса он ссылается на введение в России в 1917 г. явочным порядком 8-часового рабочего дня.⁹⁹

В концепции П. А. Сорокина отчетливо прослеживаются влияния идей об иррациональности психологии общества, выдвинутых, как мы видели выше, буржуазной социальной психологией еще в XIX в. Это иррационалистическое, по Сорокину, начало в общественной психологии он приводит в качестве универсальной причины революции в России в 1917 г.

Еще менее оригинальны взгляды современных буржуазных социологов и историков, пытающихся объяснить победу Октябрьской революции незрелостью общественного сознания в России в 1917 г. Профессор социологии Бруклинского колледжа Ф. Гросс пишет, что большевики, воспользовавшись растущим недовольством и усталостью масс, захватили власть, сами же массы были в целом «пассивными и сбитыми с толку».¹⁰⁰ Причина бурных революционных событий в России после Февральской революции, по мнению другого американского профессора, Т. Лауэ, заключалась в предоставлении народу демократических свобод, вследствие чего в русском обществе «произошел раскол, воцарилось насилие, и Временное правительство пало».¹⁰¹ Как отмечают составители американской публикации документов о Временном правительстве Р. П. Браудер и А. Ф. Керенский, негодование и радикальные настроения рабочих «представляли собой взрывчатые силы, которые невозможно было легко и быстро утихомирить, особенно в стремительной обстановке революции и неожиданной свободы».¹⁰² Итак, преобладание анархических и стихий-

⁹⁷ Там же, стр. 119—121.

⁹⁸ Там же, стр. 184.

⁹⁹ Там же, стр. 103—104.

¹⁰⁰ F. Gross. The Seizure of power. N. Y., 1958, p. 188.

¹⁰¹ T. Laue. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of russian revolution. 1900—1930. N. Y., 1964, p. 125.

¹⁰² The Russian Provisional Government. 1917. Documents. V. II. Stanford, California, 1961, p. 482.

⁹⁴ Там же, т. 31, стр. 156.

⁹⁵ Там же, стр. 159.

⁹⁶ P. A. Sorokin. The Sociology of revolution, p. 179.

ных элементов в психологии народных масс в России — вот что во многом определило, по мнению реакционных буржуазных ученых, победу Октябрьской революции в России.

Особое место в зарубежной литературе по истории Октябрьской революции всегда занимали революционные события в Петрограде, борьба большевиков за подготовку и проведение Октябрьского вооруженного восстания. Объясняя этот исключительный интерес, составитель американской хрестоматии по истории русской революции Р. Макнил пишет: «Важной характеристикой борьбы за политическое господство в России была географическая концентрация революции. В целом правильно думать, что контроль над столицей мог привести к господству над остальной частью империи. Эта концентрация имела громадное воздействие на роль различных классов в борьбе, так как в Петрограде находилась значительная часть рабочего класса — социальной группы, за которую боролись большевики».¹⁰³

В самом деле, Петроград сыграл громадную роль в победе Октябрьской революции. «Петербург — географический, политический, революционный центр всей России, — говорил В. И. Ленин в мае 1917 г. — За жизнью Петербурга следит вся Россия. Всякий шаг Петербурга является руководящим примером для всей России».¹⁰⁴ Петроградский пролетариат был одним из самых передовых отрядов рабочего класса России. К началу 1917 г. численность рабочих Петрограда достигала около 400 тыс. человек,¹⁰⁵ более 80% всех рабочих трудилось на предприятиях с числом рабочих свыше 500.¹⁰⁶ Во главе наиболее передовых слоев петроградского пролетариата шли большевики. Наблюдавший Петроград в 1917 г. прогрессивный американский публицист Альберт Рис Вильямс отмечает: «Влияние этого бастиона неотразимо. Петроград был подобен огромной дожде-революции, в которой перегорает всякое равнодушие и косность».¹⁰⁷ Но столица России представляла собой в 1917 г. и крупный очаг контрреволюции: здесь сосредоточивались виднейшие русские финансисты, промышленники, крупные предпринимательские организации, военщина, чиновники и т. д. Поэтому борьба сил революции и реакции носила в Петрограде такой ожесточенный и открытый характер.

Однако вместо конкретно-исторического анализа этой борьбы представители реакционной буржуазной историографии предпочи-

тают развивать в различных вариантах старый тезис об узурпаторах большевиках, обманувших незрелые в политическом отношении трудящиеся массы. Профессор русской истории Лондонского университета Г. Сетон-Уотсон прямо заявляет, что ленинский план захвата власти был рассчитан на сотрудничество политически подготовленной и хорошо организованной партии большевиков и невежественных и доверчивых масс.¹⁰⁸ Американский историк С. Пейдж видит весь корень зла в том, что «массы Петрограда не доверяли Временному правительству с самого начала и благодаря влиянию большевиков их недоверие оставалось и постоянно росло даже после того, как в правительство вошли социалисты».¹⁰⁹ Одна из главных причин социальной дезорганизации в Петрограде в 1917 г., настаивает Ф. Гросс, заключалась в радикализме и агрессивности столичных рабочих, поощряемых и руководимых большевиками.¹¹⁰

Это стремление буржуазной историографии противопоставить трудящиеся массы Петрограда большевикам отчетливо заметно в освещении ею каждого поворотного этапа в развитии революции, начиная от Апрельских тезисов В. И. Ленина и кончая Октябрьским вооруженным восстанием.

Будучи не в силах отрицать, что выдвигнутая В. И. Лениным в апреле 1917 г. программа дальнейшего развития революции нашла широкую поддержку рабочих и солдат, буржуазные историки дают этому свое объяснение. Для Г. Сетона-Уотсона ленинские требования прекращения войны, передачи всей власти Советам и др. — не более чем демагогия, к которой прибегли большевики для завоевания власти.¹¹¹ По словам С. Пейджа, ленинские тезисы были для «возбудимых и нетерпеливых масс мешаниной идей», но они были восприняты положительно, так как содержали призыв к непосредственному действию.¹¹² Профессор Гарвардского университета А. Алэм видит в Апрельских тезисах отождествление революционного марксизма с анархизмом.¹¹³

Особенно показательно в этом отношении освещение буржуазной историографией июльских событий в Петрограде. Г. Лауэ, отмечая, что в июле 1917 г. рабочие и солдаты Петрограда имели причины быть недовольными, тем не менее называет июльское выступление «безрассудным взрывом».¹¹⁴ Для американского историка Д. Тредголда «беспорядки и насилие» в Петрограде 3—4 июля есть результат сдерживаемого до поры до времени нетерпения

¹⁰³ R. McNeal. The Russian revolution. Why did bolsheviks win? N. Y., 1959, p. 4.

¹⁰⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 32, стр. 225.

¹⁰⁵ З. В. Степанов. Рабочие Петрограда. . . , стр. 29.

¹⁰⁶ Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. Пр., 1922, стр. 40, 50.

¹⁰⁷ Альберт Рис Вильямс. О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960, стр. 108.

¹⁰⁸ H. Seton-Watson. The Pattern of communist revolution. N. Y., 1960, p. 30.

¹⁰⁹ S. Page. Lenin and world revolution. N. Y., 1959, p. 49.

¹¹⁰ F. Gross. The seizure of power, p. 226.

¹¹¹ H. Seton-Watson. The Pattern of communist revolution, pp. 30—34.

¹¹² S. Page. Lenin and World revolution, p. 39.

¹¹³ A. Ulam. The unfinished revolution. N. Y., 1960, p. 190.

¹¹⁴ T. Laue. Why Lenin? Why Stalin? pp. 124—125.

«петроградской толпы», которое разрядилось после неудачи наступления на фронте.¹¹⁶ Как пишет английский историк Д. Футман, в июльские дни в Петрограде был такой момент, когда казалось, что Временное правительство будет сметено толпой матросов, солдат и вооруженных рабочих во главе с большевистской партией. Но затем наступил отлив, так как выяснилось, что большинство воинских частей еще не хотели свергать Временное правительство, а рабочие устали демонстрировать и разошлись по домам.¹¹⁶

Вряд ли нужно доказывать, что подобное вторжение буржуазных историков и социологов в область исследований общественной психологии в России в 1917 г., основанное главным образом на субъективной и тенденциозной оценке лишь некоторых фактов и явлений, а иногда и просто на произвольных «аксиоматичных» утверждениях, не имеет ничего общего с научным изучением проблемы. Между тем даже многие представители буржуазной социальной психологии признают, что только обращение к историческим источникам позволит составить более или менее правильное представление о духовном состоянии исторической эпохи. По мнению известного французского психолога И. Мейерсона, «изобилие исторических фактов должно дать возможность улавливать действительность вместо того, чтобы конструировать некое ее подобие.»¹¹⁷

Если социолог в своем исследовании обращается не только к анализу статистических данных, документов официального и личного происхождения, но и к социальному эксперименту, моделированию, устным и письменным опросам, внешнему и внутреннему наблюдению и т. д.,¹¹⁸ то историку при рассмотрении общественной психологии того или иного периода приходится иметь дело только с теми источниками, которые оставила интересующая его эпоха.

В каждом историческом источнике, будь то предметы материальной культуры, памятники письменности, идеологии, нравов, обычаев, языка, искусства, религии, мифологии и т. п., запечатлено в объективной форме материальное и духовное творчество людей прошлого. Задача историка состоит в том, чтобы, изучая источники в совокупности, в многократном сравнении данных, отличающихся характером происхождения и степенью обобщенности, обнаружить в них проявление различных элементов обще-

ственной психологии — представлений, традиций, привычек, настроений, интересов, потребностей и т. д.

Основным источником для изучения общественного сознания исторической эпохи являются письменные источники. Строго говоря, все они — законодательные памятники, делопроизводственные документы, статистические данные, периодическая печать, письма, дневники, мемуары, художественная литература и др. — в определенной степени отражают духовное состояние общества. Запимаясь на основе исследования этих источников изучением общественной психологии, историк, как и во всех других случаях, должен выяснить условия и характер происхождения источника, его политическую направленность и классовую сущность, решить вопрос о его репрезентативности и правомерности использования его данных для установления какой-либо тенденции или закономерности.

Чтобы получить, например, представление о психологии революционных масс Петрограда в 1917 г., исследователь обязан рассмотреть возможно более широкий круг источников, исходящих от различных классов и партий, в первую очередь такие, как протоколы и резолюции общих собраний фабрик, заводов и воинских частей, документы правительственных учреждений, письма, дневники и воспоминания рабочих, солдат, представителей интеллигенции, документы политических партий и их лидеров, периодическая печать и др.

Выше уже отмечалось значение письменных и устных выступлений В. И. Ленина и других руководителей большевистской партии в 1917 г. для изучения психологии рабочих и солдат Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции. В протоколах Шестого съезда РСДРП(б), Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) и петроградских общегородских конференций большевиков, в протоколах ЦК РСДРП(б), в переписке Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями, протоколах ПК РСДРП(б) и других документах большевистской партии содержатся ценные сведения для изучения психологии революционных масс Петрограда в 1917 г., дается оценка настроений различных социальных групп в период политических кризисов, рассматривается тактика большевиков в борьбе за перелом общественного настроения, показано огромное революционизирующее влияние петроградских рабочих на другие слои населения.

Ценным источником для изучения психологии революционных масс Петрограда в 1917 г. служат листовки большевистских организаций.¹¹⁹ Чтобы оказать воздействие на массы в нужном направлении, эти листовки должны были учитывать основные

¹¹⁹ Листовки петроградских большевиков. 1917—1920. Т. 3. Л., 1957.

¹¹⁶ D. Treadgold. Twentieth century Russia. Chicago, 1959, pp. 139—140.

¹¹⁷ D. Footman. The Russian revolution. London, 1962, p. 66.

¹¹⁸ О. М. Тутунджян. Прогрессивные тенденции в исторической психологии Иньеса Мейерсона. Вопр. психол., 1963, № 3, стр. 119.

¹¹⁹ Г. В. Осипов, Ю. Н. Козырев, В. В. Колбановский, М. С. Айвазян. Социология и социальные исследования. В кн.: Социальные исследования. М., 1965, стр. 34.

чорты психологии класса, группы, коллектива, к которым они были обращены. Анализ большевистских листовок, выражавших в самой доходчивой форме коренные интересы и чаяния трудящихся, дает возможность проследить, как сложно и мучительно проходил процесс изживания массами иллюзий по основным проблемам революции, как большевики, учитывая общественное настроение, боролись за его перелом.

Большой интерес для анализа настроений рабочих и солдат, для выявления роли агитации и пропаганды на их революционное воспитание представляют журналы учета проведенных большевиками митингов, лекций и докладов на заводах, фабриках и в воинских частях Петрограда.¹²⁰ В них отражены сведения не только о количестве и тематике проведенных большевиками митингов, лекций и докладов, но и об отношении масс к большевистским лозунгам на разных этапах развития революции, о поведении рабочих и солдат на этих митингах и собраниях. Так, из отчета о докладе по текущему моменту, с которым выступил А. И. Слущкий 5 августа 1917 г. в Рождественском трампарке, видно, что настроение присутствовавших на докладе было сначала колеблющимся, но по окончании доклада большевистская резолюция была принята единогласно.¹²¹ 13 августа на Обуховском заводе выступили Г. К. Орджоникидзе и В. Володарский с докладом о Московском государственном совещании, о котором в журнале была сделана следующая запись: «Очень успешно. Несомненный перелом настроения в нашу пользу».¹²² Между тем еще в июле в журнале заказов на ораторов от большевистской партии мы читаем: «Обуховский завод. Митинг всех партий до кадетов включительно. Просят посильней, так как не дают говорить».¹²³ Сводки состоявшихся митингов, лекций и докладов отражают перелом в настроении трудящихся Петрограда накануне вооруженного восстания. «Большинство в последнее время переходит к нам. Настроение за нас. Оборонцы молчат»,¹²⁴ — такая запись сделана в журнале после митинга на Трубочном заводе 19 сентября 1917 г.

Богатейший материал для изучения психологии революционных масс Петрограда дают документы массовых рабочих и солдатских организаций, их выборных органов. Принимаемые на общих собраниях и митингах резолюции вырабатывались при активном участии масс и горячо ими обсуждались, в них отражались интересы, настроения, убеждения и иллюзии масс, чем в значительной мере пользовались эсеро-меньшевистские лидеры. Однако

¹²⁰ ЛПА, ф. 1, оп. 1, дд: 20—23.

¹²¹ Там же, д. 21, лл. 18—19.

¹²² Там же, лл. 26—27.

¹²³ Там же, лл. 13—14.

¹²⁴ Там же, д. 22, лл. 32—33.

классовое чутье брало верх, и массы освобождались от заблуждений, в конечном счете принимали решения, выражавшие их коренные интересы.

Анализ протоколов и резолюций общих собраний и митингов заводов, фабрик и воинских частей в 1917 г. показывает невиданную до этого времени тягу трудящихся масс к политической жизни, их горячую заинтересованность в дальнейшем развитии революции, рост классовой солидарности. Даже самые отсталые элементы петроградских трудящихся поднимали голос в защиту революции. В резолюции общего собрания домашней прислуги отмечалось: «Хотя мы и слабо разбираемся в новых для нас словах: буржуи, кадеты, социалисты, демократы, но зато сама жизнь отпечатала в нас неизгладимую заповедь, смысл которой таков: „Богатые капиталисты — наши всегдашние враги, а угнетенные рабочие — нам всегда братья и друзья“. Мы будем всегда с ними и за ними последуем...».¹²⁵

Документы массовых рабочих и солдатских организаций позволяют рассмотреть сложный процесс изживания массами оборонческих и других мелкобуржуазных настроений, коренной перелом в сознании трудящихся после открытого выступления контрреволюции в августе, усиление большевистского влияния на массы. Чрезвычайно показательны также и лозунги, с которыми выступали рабочие и солдаты в демонстрациях и манифестациях 1917 г. Эти лозунги, если не вырабатывались, то, как правило, обсуждались на общих собраниях. Например, накануне демонстрации 18 июня на объединенном заседании представителей запасного батальона Литовского полка были рассмотрены лозунги, с которыми батальон должен был выступить в демонстрации («Да здравствует мир всего мира», «Полное доверие Советам рабочих и солдатских депутатов», «Да здравствует Учредительное собрание», «Да здравствует порядок, законность и свобода» и др.). На заседании было принято решение, что «в манифестации принимают участие все желающие и присоединяются к лозунгам по желанию». Предложенные плакаты-лозунги были одобрены и приняты всеми ротами и командами батальона, за исключением четвертой роты эвакуированных,¹²⁶ которая вынесла на обсуждение новый лозунг — «Долой 10 министров-капиталистов!». Однако другие роты отказались принять этот лозунг, в связи с чем четвертая рота заявила, что не выйдет без упомянутого лозунга на демонстрацию. На заседании батальонного комитета было постановлено удовлетворить желание четвертой роты, так как «каждая рота или команда может высказывать свои взгляды и убеждения».¹²⁷

¹²⁵ Рабочий и солдат, 1 августа 1917.

¹²⁶ Так назывались солдаты-фронтовики, получившие ранения и после излечения направленные в запасные части.

¹²⁷ ЛГАОРСС, ф. 6276, оп. 269, д. 126, лл. 197—200.

Определенный интерес для изучения общественной психологии в России в 1917 г. представляют документы правительственных учреждений, контрреволюционных буржуазных и военных организаций, фабрично-заводской администрации и др. Безусловно, содержащаяся в них оценка революционной деятельности трудящихся отличается крайней тенденциозностью. Так, в докладе Совету Московского совещания общественных деятелей прямо утверждается, что «в образовавшемся хаосе идей, программ и обещаний устойчиво лишь то «пугачевское» настроение, которое составляет в настоящее время общую духовную основу народной жизни, — настроение, не заключающее в себе никаких положительных, ни культурных, ни государственных элементов».¹²⁸ Тем не менее такие документы, как материалы Петроградского охранного отделения о положении в Петрограде перед Февральской революцией, полицейские сводки сведений «О ходе рабочих беспорядков» в феврале 1917 г., материалы созданной Временным правительством Особой следственной комиссии для расследования июльских событий в Петрограде, донесения политического отделения штаба Петроградского военного округа о моральном состоянии гарнизона накануне Октябрьского вооруженного восстания и др., дают богатый фактический материал о настроениях и поведении рабочих и солдат Петрограда в 1917 г.

Официальные документы Временного правительства дают представление о том арсенале средств идеологической обработки трудящихся, к которым оно прибегало в своей политике. Устами П. Н. Милюкова Временное правительство лицемерно заявило о необходимости «преобразовать старую систему управления массой». «Политика, — говорил П. Н. Милюков в одном из своих выступлений, — это стремление руководить сознанием масс. Сущность политики — то же точное знание человеческой природы, точнее говоря, знание законов коллективной психики. Но только в разное время истории применение политики различно в зависимости от изменяющегося соотношения между подсознательными и сознательными элементами психики. Когда масса темна и не может в политике разобраться, тем самым она способствует безнаказанной деятельности правителей. Таковой была политика старого порядка».¹²⁹ Крах Временного правительства, не желавшего считаться с интересами и настроениями рабочих, крестьян и солдат, свидетельствовал о том, что эта «масса» достаточно разбиралась в политике и уже не хотела мириться с безнаказанной деятельностью представителей буржуазии.

¹²⁸ ЦГАОР, ф. 3529, оп. 1, д. 31, л. 1.

¹²⁹ См.: Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук. Речь и приветствия, произнесенные на трех публичных собраниях, состоявшихся в 1917 г. 9 и 16 апреля в Петрограде и 11 мая в Москве. Пгр., 1917, стр. 70.

Весьма ценным источником для анализа общественной психологии в России в 1917 г. служат письма, которые огромным потоком поступали в Исполком Петроградского Совета и ВЦИК, в редакции «Известий», «Правды» и других газет от революционно настроенных рабочих, крестьян, солдат, интеллигенции, обывателей и даже служителей культа. Они дают представление о том, чем жили и как мыслили народные массы в это великое время. Они выражают самые сокровенные желания и чаяния более прямо и непосредственно, чем протоколы и резолюции общих собраний. «Гоните за шиворот на фронт тех, кто кричит „до победы“. На фронте небось скажут „долой войну“. А если кто из посидевших в окопах и кричит теперь о победе, значит он забыл, как сам ведомым голосом ревел, что дай нам миру»,¹³⁰ — вот основная мысль многих солдатских писем.

Характерно, что авторы многих писем пытаются осмыслить настроение различных социальных классов и групп. Питерский рабочий ставит вопрос о связи революции с разрешением коренных нужд трудящихся. «Товарищи, время не ждет, настроение Петрограда уныло. . . Не забудьте, товарищи, что столица дает тон стране, так пусть этот тон не будет унылым»,¹³¹ — предупреждает он еще в мае 1917 г. В письмах заметно стремление осознать новое общественное положение различных групп, показать тлетворное влияние самодержавного строя на психологию людей. «От старых порядков, от старого уклада жизни, при котором страна задыхалась в невежестве и темноте, — читаем мы в одном из писем, — остались гнилостные следы. Трудно сразу излечиться от болезни, многие из нас не привыкли к общественной деятельности, потому что царское правительство везде ее давило. Многие не привыкли связывать свои личные интересы с интересом обществу».¹³²

Письма рабочих, крестьян и солдат наглядно показывают, как революция повлияла на психологию масс, как после долгой политической спячки они проснулись и потянулись к политике. Полуграмотный рабочий Обуховского завода Т. И. Апенкин в письме, адресованном в «Исполнительный комитет рабочих и солдатских депутатов Государственной думы» (1), требует обратить внимание на вопиющую незаконность, которая, по его мнению, творится в деревне: по полученным им от своих земляков сведениям помещики продолжают рубить лес, который им уже больше не принадлежит.¹³³ 18-летний рабочий Выборгской стороны А. Олехнов обращается в связи с предстоящими выборами в районные думы Петрограда к большевикам с вопросом: «. . . что

¹³⁰ Известия, 21 июля 1917.

¹³¹ ЛГАОРСС, ф. 7384, оп. 9, д. 150, л. 65.

¹³² Известия, 24 марта 1917.

¹³³ ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 1, д. 22, лл. 119—119 об.

мне делать, куда обратиться, чтобы мне дали права на выборы? . . . Разве это равные выборы, что как защищать свои интересы, то нас исключают, как воевать идти защищать капиталиста — и мы годны 18-летние. Прошу, дайте ответ, где найти правду». ¹³⁴

Бесправные и забытые в прошлом массы связывали с революцией возможность коренного улучшения своего положения и потому не хотели мириться с теми условиями, в которых они продолжали оставаться. «Просим вашей милости, депутаты, — писали в Петроградский Совет железнодорожные рабочие станции Остров. — Обратите внимание, и не оставьте нашей просьбы, и не оставьте без внимания рабочих железной дороги. Просим Вас выехать для нового режима». ¹³⁵ Даже монахи Александровской лавры обратились в марте 1917 г. к Петроградскому Совету «как справедливому оплоту правды» с просьбой об удалении из монастыря «изверга, тирана, заместника Лавры архимандрита Филарета, развратника и пропойцы». ¹³⁶

Изучая письма, можно наблюдать, как происходили в России в 1917 г. ломка и изменение привычек, обычаев, нравов, представлений, традиций и верований. За годы длительного господства самодержавия настолько себя скомпрометировало, что свержение царской власти было встречено в народе с огромной радостью. Почти безграмотный солдат присылает в газету стихи о том, как «отняли власть мошенники простые мужики, отняли власть у Коленки, и да хоть в пастухи». ¹³⁷ Однако самодержавие, опираясь на насилие, поддерживалось вековыми традициями подчинения, и преодолеть их сразу и полностью было чрезвычайно трудно. Тем не менее даже вера в бога обретает в умах многих простых людей после свержения царизма новое содержание. В письме в Петроградский Совет один из верующих сообщает, что проповедь, прочитанная 26 марта 1917 г. в церкви Военно-медицинской академии, «действует на массу разрушающе», так как в ней содержится «укор Великой революции». Он возмущается тем, что поданная им записка за упокой павших борцов за свободу была оставлена без внимания, в то время как «имя государя императора называли». ¹³⁸ «Русский народ так много страдал и молился за кого прикажут, — пишет другой верующий. — Теперь он добыл свободу, он уже не должен молиться за кого ему прикажут. . . Русской церкви сначала должно упоминать за свободный русский народ. . .». ¹³⁹

¹³⁴ Переписка секретариата ЦК РСДРП (б) с местными партийными организациями (март—октябрь 1917 г.). М., 1957, стр. 127.

¹³⁵ ЛГАОРСС, ф. 7384, оп. 9, д. 176, л. 249.

¹³⁶ Там же, д. 148, лл. 1—2.

¹³⁷ Там же, оп. 7, д. 11, л. 38 об.

¹³⁸ Там же, оп. 9, д. 148, лл. 46—47.

¹³⁹ Там же, д. 150, л. 110.

Ценным источником для изучения общественной психологии являются мемуары, отражающие способность человеческой памяти улавливать и сохранять такие моменты и черты исторических событий, которые в других источниках часто не удается обнаружить. Характеризуя значение мемуаров, М. Н. Покровский писал, что «в особенности ценными являются всякого рода воспоминания, дающие тот психологический фон и ту связь, без которой имеющиеся в наших руках отдельные документы могут оказаться непонятными или понятыми неправильно. Непосредственные свидетели возникновения документа могут лучше истолковать его букву, нежели люди, подходящие к документу через ряд лет». ¹⁴⁰

Мемуары требуют не только тщательного исторического и источниковедческого анализа, но и психологического. Действительно, насколько правильно и точно отражает память различные стороны исторических событий, в особенности те, которые нельзя проверить другими источниками? Если мы обратимся к воспоминаниям участников Октябрьской революции, написанных по прошествии даже небольшого отрезка времени, то при сравнении с другими документами мы обнаружим в них ошибки и неточности в передаче фактов, в особенности цифрового материала, дат событий, фамилий и т. д. Но какова достоверность восприятия этих событий, что в мемуарах является результатом памяти, а что привнесено автором позднее из других источников или придумано? Исследования психологов показывают, что человек сохраняет в течение продолжительного времени в своей памяти события, производящие на него большое впечатление. Видный советский психолог А. А. Смирнов отмечает, что «как положительно, так и отрицательно окрашенные эмоциональные переживания оказывают значительное влияние на успех запоминания, они существенно повышают прочность сохранения в памяти всего, что связано с более или менее сильными чувствами, по сравнению с тем, что не вызвало к себе никакого определенного чувства». ¹⁴¹

Восприятие и запоминание человеком исторических событий теснейшим образом связано с его взглядами и убеждениями, формирующимися в определенных исторических условиях. Наиболее значительные и важные для себя события человек запоминает в первую очередь и наиболее правильно и точно. ¹⁴² Известный психолог П. П. Блонский провел после Октябрьской революции интересный опыт с группой лиц, различных по социальному происхождению и политическим взглядам. Они ежедневно прочитывали весь отдел телеграмм в «Известиях» и раз в неделю рассказывали о прочитанном. «Получились чрезвычайно любопыт-

¹⁴⁰ Пролетарская революция, 1921, № 1, стр. 8—9.

¹⁴¹ А. А. Смирнов. Психология запоминания. М.—Л., 1948, стр. 14.

¹⁴² Там же, стр. 9—10.

ные результаты, — писал П. П. Блонский. — Несмотря на то, что читали они одно и то же, ярко проявилось различие того, что запомнилось ими. Их память как бы подбирала соответствующий материал.¹⁴³

Избирательность человеческой памяти, ее способность сохранить наиболее сильные впечатления и самые значимые события ярко проявляется при анализе воспоминаний участников революционных событий в Петрограде в 1917 г. Явные признаки нарастания катастрофы накануне свержения самодержавия, поведение и настроение масс в период Февральской революции, апрельского, июньского и июльского кризисов, в дни подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания и другие этапные события развития революции в России в 1917 г. описаны в воспоминаниях с наибольшей степенью полноты и достоверности.

Мы рассмотрели некоторые из письменных источников, на основании которых можно непосредственно изучать различные элементы психологии революционных масс Петрограда в 1917 г. Однако целый ряд источников, таких, как статистические данные, нормативные акты и др., дают опосредствованное представление о психологии классов и социальных групп в 1917 г. По данным о забастовочном движении, например, можно судить об упадке или подъеме революционного настроения. Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов представляет большой интерес для анализа причин разрыва с прежними, веками установившимися традициями подчинения в царской армии.

На примере Октябрьской революции мы показали важность разработки проблем социальной психологии в исторических исследованиях. Особое значение приобретает изучение революционной переделки сознания классов и групп в процессе развития советского общества. Эта переделка происходила в чрезвычайно сложной обстановке и в течение длительного времени. Как отмечал В. И. Ленин в 1918 г., перелом в условиях жизни и психологии трудящихся только-только начинался. «Рабочие и крестьяне еще недостаточно верят в свои силы, они слишком привыкли, в силу вековой традиции, ждать указания сверху, — говорил он, выступая на III Всероссийском съезде Советов. — Они еще не вполне освоились с тем, что пролетариат есть класс господствующий, в их среде есть еще элементы, которые запуганы, придавлены, воображают, что они должны пройти гнусную школу буржуазии».¹⁴⁴ Не случайно В. И. Ленин увидел в первых коммунистических субботниках начало переворота «более существенного,

более коренного, более решающего, чем свержение буржуазии, ибо это — победа над собственной косностью, распухченностью, мелкобуржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину».¹⁴⁵

Однако в нашей литературе по истории советского рабочего класса и крестьянства процесс превращения трудящихся масс из объекта истории в ее субъект, формирования принципиально новых общественных отношений исследован далеко не достаточно. Психологический аспект таких проблем, как социалистическое соревнование, активность и инициатива трудящихся, повышение производительности труда, исторички, как правило, только затрагивают. Между тем формирование коммунистического сознания немислимо без знания и учета общественной психологии.

Итак, общественная психология должна стать предметом внимательного изучения историков. Их исследования не только обогатят историческую науку, но и «могут оказать и окажут ценную помощь социальным психологам, дадут не только богатый материал для размышления, но и сыграют важную роль в разработке социально-психологической теории».¹⁴⁶ Перед советскими учеными, занимающимися проблемами общественной психологии, стоит сложная задача: раскрыть сущность и изучить механизмы изменений психических свойств социальных групп, слоев и классов, разработать научно обоснованные методы, которые можно было бы использовать в практике коммунистического воспитания. Для этого недостаточно дать эмпирическое описание окружающей нас жизни, необходимо разработать теоретические основы социальной психологии, и здесь, как правильно отмечают советские исследователи, большую помощь могут оказать историки, которые покажут преломление общих закономерностей в различных общественно-экономических формациях, в различных конкретных социальных и политических условиях.¹⁴⁷ Но решить эти задачи историки смогут лишь, если они в свою очередь обратятся к изучению того, что уже сделано социальными психологами, философами, социологами и др. Только на основе глубокого знания принципов, категорий, законов общественной психологии можно более или менее точно нарисовать картину социально-психологической жизни общества определенной исторической эпохи.

¹⁴³ Там же, т. 39, стр. 5.

¹⁴⁶ В. Д. Парыгин. Социальная психология как наука, стр. 70.

¹⁴⁷ История и социология, стр. 155—158.

¹⁴³ П. П. Блонский. Избранные психологические произведения. М., 1964, стр. 434.

¹⁴⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 276; т. 36, стр. 201.

И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ

ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИМЕНИ РУСЬ
В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ НАУКЕ

Вопрос о происхождении слова *Русь*, давшего имя одному из крупнейших народов земного шара, уже два столетия привлекает внимание ученых. Особенно интенсивно занимались этой темой сторонники норманской теории; одним из основных положений норманизма с давних пор является утверждение о скандинавском происхождении имени *Русь*.

До первых десятилетий XX в. норманская теория развивалась почти исключительно в пределах России; на Западе ею занимались в XIX в. всего несколько ученых. С начала XX столетия эту теорию стали все шире развивать и поддерживать ученые разных стран Западной Европы и (несколько позднее) Америки. С конца 30-х годов, когда советскими исследователями была доказана научная несостоятельность норманской теории, ее беспособность дать на уровне современной науки решение проблемы происхождения Русского государства и была разработана марксистская концепция о возникновении государства на Руси в результате внутреннего процесса социально-экономического развития восточнославянских земель, норманизм полностью переместился на Запад, целиком стал течением буржуазной историографии Западной Европы и Америки. Роль норманизма стала с этого времени особенно ответственной и значительной: на буржуазных ученых-норманистов легла задача борьбы против одного из основных положений марксистской науки по истории нашей страны. В результате в 40-е—60-е годы в западных буржуазных странах наблюдается бурный рост норманистской литературы; норманизм пытается перейти в контрнаступление, чтобы любимыми средствами отстоять свои позиции, распатанные исследованиями дореволюционных русских и советских ученых. В многочисленных норманистских статьях и книгах, вышедших в последние два десятилетия, ставятся и общие проблемы норманской теории, и различные частные вопросы; значительная часть этих работ

прямо направлена против советской науки и содержит открытую полемику с трудами советских историков.¹

Большое место в современной норманистской литературе уделяется проблеме происхождения имени *Русь*; этот вопрос рассматривается во многих специальных статьях и почти во всех крупных работах, ставящих общие проблемы норманской теории. Столь значительное внимание к данной проблеме вполне понятно: для норманистов крайне важно в современных условиях отстоять традиционную концепцию о скандинавском происхождении имени *Русь*. Доказывая, что слово *Русь* первоначально было этническим обозначением норманнов, а затем стало названием Древнерусского государства, норманисты стремятся сделать неизбежным вывод, что Древнерусское государство было названо по имени норманнов, так как оно было создано норманнами.²

Поэтому вопрос о происхождении названия *Русь* приобрел важное значение и для норманистов, и для противников норманизма. В марксистской науке за последние два-три десятилетия этот вопрос рассматривался в работах Б. Д. Грекова, В. А. Пархоменко, С. В. Юшкова, М. И. Артамонова, Л. С. Тивернадского, Н. С. Державина, М. Н. Тихомирова, С. П. Толстова, П. Н. Третьякова, Д. С. Лихачева, А. Н. Насонова, Н. В. Пигулевской, Б. А. Рыбакова, В. В. Мавродина, М. В. Левченко, П. Я. Черных, П. Ф. Крапивина.³

¹ Общий обзор и критику современной норманистской литературы см.: И. П. Шаскольский. 1) Норманская теория в современной буржуазной науке. М.—Л., 1965; 2) Норманская теория в современной буржуазной историографии. История СССР, 1960, № 1, стр. 223—236; I. P. Schaskolski. Die Normannentheorie in der modernen bürgerlichen Geschichtsschreibung. Sowjetwissenschaft/Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge, 1960, H. 9, SS. 993—1017.

² Норманисты хотят тем самым доказать, что норманны-русь, создав восточнославянское государство, передали ему свое племенное имя: выражение «государство Русь» будто бы первоначально означало «государство, созданное и руководимое норманнами-русью». См., например, об этом: G. Stökl. Russische Geschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1962, S. 39.

³ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1939, стр. 225—227 (последнее издание: Б. Д. Греков, Избр. труды, т. II, М., 1959, стр. 355—358); В. А. Пархоменко. К вопросу о «норманском завоевании» и происхождении Руси. Историко-марксист, 1938, № 4, стр. 109—111; С. В. Юшков. 1) К вопросу о происхождении русского государства. Ученые записки Московск. юрид. инст., 1940, вып. 2, стр. 38—59; 2) Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 44—63; 3) История государства и права СССР, ч. I, М., 1950, стр. 66—70; М. И. Артамонов. 1) Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси. Краткие сообщения ИИМК, вып. VI. М.—Л., 1940, стр. 12—13; 2) История хазар. Л., 1962, стр. 289—293, 383—384; Л. С. Тивернадский. К вопросу о происхождении Руси в связи с этногенезом славян. Истор. записки, № 13, М., 1942, стр. 40—53; П. С. Державин. Происхождение русского народа. М., 1944, стр. 52—85; М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». Сов. этнография, вып. VI—VII.

В народно-демократической Польше этим вопросом занимался Г. Ловмянский.⁴

Однако полемическая часть работ большинства названных авторов имела существенный недостаток — незнание с современной норманистской литературой по данной теме и, особенно, с работами современных (и не только современных) норманистов-языковедов.⁵ Критикуя норманистскую концепцию происхождения имени *Русь*, наши исследователи представляют себе эту концепцию до крайности упрощенно, в том виде, в каком она излагалась в сочинениях середины и второй половины прошлого века; многочисленные современные норманистские работы (и, шире, норманистские сочинения первой половины и середины XX в.), пытающиеся вновь обосновать и развить традиционную концепцию и заменившие ее простую первоначальную схему большими и сложными научными построениями, оставались до сих пор вне поля зрения наших ученых.⁶ Не удивительно, что критические выступления наших ученых в адрес норманистской концепции не давали полного эффекта: ведь в них обычно подвер-

М., 1947, стр. 60—80; С. П. Толстов. Из предистории Руси. Там же, стр. 39—58; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1948, стр. 108—110; Д. С. Лихачев. Повесть временных лет, т. II. М.—Л., 1950, Комментарий, стр. 238—244; А. Н. Пасонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 9—46; Н. В. Пигулевская. Имя «Рус» в сирийском источнике VI в. н. э. В сб.: Академик Б. Д. Грекову к 70-летию. М., 1952, стр. 42—48; Очерки истории СССР. IX—XIII вв. М., 1953, стр. 76—79; Б. А. Рыбаков. 1) Древние руссы. Сов. археология, XVII, М., 1953, стр. 23—104; 2) Образование древнерусского государства. М., 1955, стр. 38—41; 3) Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, стр. 294—298, 353; В. В. Мавродин. 1) Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М., 1956, стр. 92—94; 2) Происхождение названий «Русь», «русский», «Россия». Л., 1958, стр. 5—26; М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 34—35; П. Я. Черныш. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956, стр. 99—101; П. Ф. Крапивин. Находки на звание «Русь», «Белая Русь», «Черная Русь» и «Красная Русь». Вестн. Академии наук Беларуси ССР, серия грамматик наук, 1956, № 3, стр. 53—57; Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958, стр. 740—748, 754, 755, 763—771, 786, 787 и др. См. также: А. П. Дьяконов. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах. Вестн. древней истории, 1939, № 4, стр. 83—90; М. Я. Сюзюмов. К вопросу о происхождении слов *Rūs*, *Rosia*, *Rossia*. Там же, 1940, № 2, стр. 121—123.

⁴ H. Łowmiański. 1) Zagadnienie roli normanów w genezie państw słowiańskich. Warszawa, 1957, s. 124—161; 2) O znaczeniu nazwy «Rus» w wieku X—XIV. Kwartalnik historyczny, 1957, № 1, ss. 84—101.

⁵ К сожалению, это общий недостаток многих наших работ, посвященных полемике с норманизмом; как правило, в них критикуется «норманизм вообще», понимаемый главным образом в плане норманской теории XIX в., а не конкретная современная норманистская историография.

⁶ Недостаточное знание современной буржуазной литературы принесло нашим авторам и прямой ущерб: они лишены были возможности пользоваться всем арсеналом данных, привлеченных в настоящее время для изучения этой проблемы.

галась критике не современные работы, а то примитивное построение (о происхождении имени *Русь* от названия *Roslagen*), от которого давно отказались сами норманисты.

Давно уже назрела необходимость дать с позиций марксистской науки критический разбор современной буржуазной научной литературы по проблеме происхождения имени *Русь*.

Существующие сейчас в буржуазной науке трактовки данной проблемы можно условно разделить на две группы:

1) основанная на материалах языкознания традиционная концепция о происхождении названия *Русь* от финского «*Ruotsi*» — имени, которым финны называли норманнов, шведов; ее поддерживают и развивают скандинавские лингвисты Экблом, Стендер-Петерсен, Хьерне, Экбу, Мягисте и др.;

2) новые концепции о норманском происхождении имени *Русь*, разработанные зарубежными историками-норманистами Дрейером, Пашкевичем, Смаль-Стоцким, Вернадским.

Все эти авторы сходятся на том, что имя *Русь* являлось первоначально или на определенном этапе обозначением норманнов.

Ниже будут рассмотрены и традиционная концепция происхождения слова *Русь* от финского *Ruotsi*, и все самостоятельные трактовки этой проблемы, выдвинутые за последние два десятилетия.

* * *

Одной из основ норманской теории была концепция о скандинавском происхождении имени *Русь*, возникшая еще в конце XVIII в. и окончательно разработанная в XIX в. «классиками» норманизма А. А. Куником и В. Томсенем. Эта концепция уже более ста лет используется норманистами и всегда считалась одним из наиболее веских и убедительных доказательств норманского происхождения Русского государства.⁷ В настоящее время, в период глубокого кризиса норманизма, когда ученые-норманисты мобилизуют все свои ресурсы для борьбы против марксистской науки, традиционная концепция скандинавского происхождения имени *Русь* ввиду ее кажущейся убедительности оказалась особенно нужна.

Начало этой концепции было положено в 70-е годы XVIII в. И. Тунманом, впервые обратившим внимание на то, что финны и эсты называют шведов именем *Ruotsi*. По мнению Тунмана, славяне впервые узнали о существовании шведов от своих западных соседей, финнов и эстов, и заимствовали от них и название швед-

⁷ В обобщающей статье «Варяжский вопрос» крупнейший современный норманист Стендер-Петерсен назвал эту концепцию «особенным достижением» (mesterstykke) норманской теории (A. Stender-Petersen. Varæger-sporgsmalet. Viking, 1959, Bd. XXIII, s. 46).

ского народа *Ruotsi*, давнее в славянском языке форму *Русь*.⁸ Эта точка зрения была далее развита Шлёцером, обратившим внимание на название шведской приморской области *Roslagen*, от имени которой, по его мнению, могло образоваться финское *Ruotsi* и славянское *Русь*.⁹

Дальнейшая разработка была проведена крупнейшим русским норманистом XIX в. академиком А. А. Куником. В сочинении «Призвание шведских родсов» Куник впервые сформулировал то историко-лингвистическое построение, которое в основных чертах фактически сохранялось в норманистской литературе до настоящего времени.¹⁰ По мнению Куника, финны и эсты Балтийского побережья раньше всего должны были столкнуться с той частью шведского населения, которая жила ближе всего к ним, в расположенной против юго-западной Финляндии и Эстонии шведской прибрежной области *Roslagen*; по имени жителей этой области *Rödhsin (от форм ед. ч. *Rödhs), искусственно реконструируемому Куником,¹¹ финны и эсты стали называть вообще население Швеции. От шведского *Rödhs, по Кунику, произошло финское *Ruotsi* с его диалектными формами *Ruosst*, *Ruohiti*, *Ruotti* и с особенно близкой к *Rödhs эстонской формой *Roots*¹² (все перечисленные формы имеют одно и то же значение 'швед'). От финнов и эстов существовавшее уже в их языках название шведов *Ruotsi* было заимствовано славянами и при переходе в славянский язык (особенно если исходной формой было диалектное восточнофинское *Ruosst*) дало форму *Русь*. Само название *Rödhs, по мнению Куника, произошло от имени существительного *roder* — 'весло', 'гребля'; отсюда название *Rodslagen*, или *Roslagen*, должно было первоначально означать 'община гребцов'.¹³

⁸ J. Thunmann. Ueber einige Gegenstände der Russischen Geschichte. In: J. Thunmann. Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker. I. Leipzig, 1774, SS. 374—378.

⁹ A. L. Schlözger. Nestor, I. Göttingen, 1802, S. 179.

¹⁰ E. Kunik. Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen, I. СПб., 1844, стр. 67—70, 89—96, 163—167.

¹¹ Ни в одном скандинавском письменном источнике не встречается форма *Röds (*Rödhs*) как имя жителей *Roslagen*.

¹² Куник указывает еще (в качестве дополнительного доказательства) на близость эстонской формы *Roots* и греческой *Ρωσ*, а также арабской формы *Rās*, подчеркивал, что во всех трех случаях имелся долгий звук *o* или *u* (E. Kunik. Die Berufung... S. 164).

¹³ Кстати говоря, Тунман, Шлёцер и Куник не были в полном смысле первооткрывателями этой концепции: еще в XVII в. подобную мысль высказал шведский ученый Н. Буреус, который в своем словаре древнешведского языка вводит финское слово *Ruotsolainen* — 'швед', производное от *Ruotsi* — 'Швеция', от древних названий области *Roslagen* *Rohden* и *Rodhslagen*, а эти названия — от *ro* — 'гребля' и *rodher* — 'гребец' (J. Вигон. Götiskt och Gammalsvenskt Lexicon. Рукопись, хранящаяся в Королевской библиотеке в Стокгольме, стр. 356; цит. по: G. Hafström. Roden och Roslagen. Årsbok 1951/1952, utgiven av Seminarierna i slaviska språk vid Lunds universitet. Lund, 1957, s. 123).

Дальнейшее усовершенствование этой концепции было произведено другим «классиком» норманизма XIX в., крупнейшим датским филологом Вильгельмом Томсеном.¹⁴ В отличие от Куника, недостаточно знакомого со скандинавской филологией, Томсен прекрасно сознавал, что в старосведском языке нет такого слова, от которого прямо и с полной очевидностью могла произойти финская форма *Ruotsi*; ему пришлось разработать очень сложное лингвистическое построение, чтобы более или менее убедительно доказать возможность происхождения финского *Ruotsi* от названия области *Roslagen*.

Томсен отметил, что термин *Roslagen* появился сравнительно поздно и финское слово *Ruotsi* могло образоваться лишь от более древней формы названия той же области *Rofer*;¹⁵ собственной имя *Rofer*, по мнению Томсена, произошло от аналогично звучащего слова *rofer* — 'гребля', 'плавание'.¹⁶ От названия *Rofer* или от слова *rofer* Томсен производит слова *rofsmenn, *rofskarlar, *rofsbyggjar,¹⁷ означавшие сперва просто 'гребцы', 'мореплаватели', а впоследствии получившие значение 'жители области

¹⁴ В сочинении «Начало Русского государства», изданном на английском (1877), немецком (1878), шведском (1882) и русском языках; ссылки даются по русскому изданию (М., 1891). Спустя 42 года после первого (английского) издания, пересмотрев некоторые свои положения в свете новейших данных, автор опубликовал свое сочинение в 5-й раз; на датском языке (W. Thomsen. Det russiske Rigets Grundlaeggelse ved Nordboerne. Samlede Afhandlinger, I. København, 1919, ss. 231—414). К страницам сочинения, излагающим его концепцию происхождения названия *Русь*, Томсен сделал для издания 1919 г. лишь несколько несущественных добавлений, сохранив дословно все основное, что было в первоначальном варианте работы (см. там же, стр. 341—348). Он был до конца жизни убежден в правильности своего построения и не считал нужным реагировать на критические замечания, высказанные в 1915 г. шведским лингвистом Эбломом (об этом см. ниже).

¹⁵ В. Томсен. Начало Русского государства, стр. 84—85. *Roslagen* в средневековой Швеции был приморской областью, жители которой в военное время должны были поставлять корабли; новизность по поставке кораблей для морского ополчения во время войн объединила население данной области и отличала *Roslagen* от внутренних шведских земель (там же, стр. 84; S. Tunberg. Till Svearikets äldsta historia. «Fornvännen», 1920, ss. 150—165; G. Hafström. Roden och Roslagen, ss. 114—123; H. Löwmiåla å viki. Zagadnienie roli normanów... s. 138; см. особенно всестороннее исследование истории этой области в раннем средневековье: E. Hjågnе. Roden. Namn och Bygd, 1947, ss. 1—96). Отсюда следует, что образование такой области со специально военной функцией могло произойти только после создания и упрочения государства в Швеции, т. е. не раньше X—XI вв. Поскольку слово *Русь* употребилось уже в первой половине IX в., очевидно, что оно не могло произойти от позднее возникшего названия (точнее, от названия позднее сформировавшейся области) *Roslagen*.

¹⁶ В. Томсен. Начало Русского государства, стр. 84—86.

¹⁷ Слова *rofsmenn; *rofskarlar и *rofsfolk сохранились в современном норвежском языке в несколько изменившихся формах *Rossmann* (*Rorsmann*), *Rosskar* (*Rorskar*), *Rosfolk* (*Rorsfolk*); слово *rofsbyggjar сохранилось в современном шведском языке в форме *Rospiggjar* (W. Thomsen. Det russiske Rigets... ss. 344—345).

Rofer; от первой части какого-то из названных выше составных слов — от *rofs-* (с отпадением второй части этого слова), по мнению Томсена, произошло финское *Ruotsi*.¹⁸

При переходе от финского в славянский язык форма *Ruotsi* должна была, по Томсену, дать форму *Русь* так же, как финское *Suomi* при переходе в славянский язык дало форму *Сумь* (дифтонг *uo* перешел в долгое *u*, конечное *i* дало при переходе мягкий знак).¹⁹

Концепция, разработанная Куником и Томсеном, с тех пор прочно вошла в норманистскую историографию и уже более ста лет пользуется наибольшим влиянием среди историков и языковедов-норманистов. За тот же более чем столетний период было выдвинуто много других норманистских и ненорманистских гипотез о происхождении имени *Русь*, однако все остальные гипотезы и концепции XIX и первых десятилетий XX в. не получили сколько-нибудь заметного признания среди исследователей, в большинстве поддерживались только самими их авторами и представляют лишь историографический интерес. Из всех гипотез и построений XIX в. сохранила значение только концепция Куника—Томсена, использовавшаяся и поддерживавшаяся многими поколениями русских и зарубежных норманистов.²⁰ Это построение пользуется наибольшим признанием в норманистской историографии и в наши дни; в частности, почти все буржуазные историки-норманисты, касавшиеся данного вопроса, целиком

¹⁸ В. Томсен. Начало Русского государства, стр. 84—87. Томсен привел и ряд других примеров, когда при усвоении составного слова из какого-либо языка в финский язык заимствуется лишь первая часть слова, а не все слово полностью (там же, стр. 87).

¹⁹ Там же.

²⁰ В частности, ее признавали А. А. Шахматов (1) Сказание о призвании варягов, СПб., 1904, стр. 56—67; 2) Очерк древнейшего периода истории русского языка, Пгр., 1915, стр. XXI, XXIX; 3) Введение в курс истории русского языка, ч. I, Пгр., 1916, стр. 67—70; 4) Древнейшие судьбы русского племени, Пгр., 1919, стр. 52, М. К. Любавский (Лекции по древней русской истории до конца XVI в., М., 1916, стр. 80), С. Ф. Платонов (Лекции по русской истории, Пгр., 1917, стр. 65—66), А. Е. Пресняков (Вильгельм Томсен о древнейшем периоде русской истории, в кн.: Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти, Л., 1928, стр. 39—46), Ф. А. Браун (Варяги на Руси, Беседа, 1925, № 6—7, Берлин, стр. 321—325) и др. Выражая мнение, господствовавшее в первые десятилетия XX в. среди большинства русских ученых, А. Е. Пресняков в цитированной выше статье (Вильгельм Томсен. . . , стр. 42) писал, что предложенное Томсеном построение (о происхождении имени *Русь*) «остается непоколебленным». К аналогичному выводу (независимо от Преснякова) пришел и В. А. Мошин в докладе о современном состоянии норманистского вопроса на I съезде славянских филологов в Праге в 1929 г. («В вопросе о происхождении русского имени до сих пор остается неизменным. . . воззрение об образовании имени *Русь* из финского термина *Ruotsi*. . .» — см.: В. А. Мошин. Главные направления в изучении варяжского вопроса за последние годы. Sjezd slovanských filologů, I. Praha, 1929, Sborník prací I Sjezdu, Sv. 2, Praha, 1932, стр. 616; ср.: В. А. Мошин. Начало Руси. Норманны в Восточной Европе. Byzantinoslavica, ročník III, Praha, 1931, стр. 35).

или в основном поддерживают концепцию Куника—Томсена.²¹ Чисто языковедческие коррективы, внесенные в данную концепцию Томсеном, учитывались с тех пор преимущественно языковедами; большинство историков-норманистов, использовавших ее в общем плане, не вдаваясь в лингвистические тонкости, продолжало и после Томсена (и продолжает до сих пор) возводить финское *Ruotsi* к шведскому названию *Roslagen* (что, как уже говорилось выше, явно невозможно).

В послевоенные годы с поддержкой традиционной концепции происхождения имени *Русь* выступили самые крупные западноевропейские языковеды, занимающиеся данной проблематикой, — Стендер-Петерсен, Экблом, Фальк,²² а также Хьерне, Хафстрём,

²¹ S. Cross. The Scandinavian infiltration into early Russia. Speculum, 1946, v. XXI, № 4, pp. 510—511; F. Dvornik. The Kiev state and its relations with Western Europe. Trans. Royal Hist. Soc. 1947, IV ser., v. XIX, p. 31; F. Balodis. Handelswege nach dem Osten und die Wikinger in Russland. Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens handlingar, Del 65, 1948, s. 363; F. Dvornik. The Making of Central and Eastern Europe. London, 1949, pp. 63, 313; H. Melberg. Origin of the Scandinavian Nations and Languages. I. Halden (Norway), 1951, pp. 195—197; S. H. Cross and O. Sherbowitz-Wetzor. The Russian Primary Chronicle. Cambridge, 1953, Introduction, pp. 47—49; M. Florinsky. Russia: A History and an Interpretation, v. I. N. Y., 1953, p. 9; F. Dvornik. The Slavs, their Early History and Civilisation. Boston, 1956, p. 194; E. G. Oxenstierna. 1) Die Nordgermanen. Stuttgart, 1957, S. 135; 2) Die Wikinger. Stuttgart, 1959, S. 72; C. Grimberg. Svenska folkskildringens underbara öden, bd. I. Stockholm, 1959, s. 198; S. Carlsson och J. Rosén. Svensk historia. Delen I. Stockholm, 1961, s. 74; J. D. Clarkson. A History of Russia. N. Y., 1961, p. 28; B. Páres. A History of Russia. London, 1962, p. 54; W. Kirchner. A History of Russia. N. Y., 1962, p. 9; G. Stökl. Russische Geschichte. . . , SS. 38—41; A. Henriksón. Svensk historia, Bd. I. Stockholm, 1964, s. 60. Полностью или с оговорками поддерживают эту концепцию и наиболее крупные современные норманисты — А. Стендер-Петерсен (A. Stender-Petersen. 1) The Varangian Problem, в кн.: Varangica, Aarhus, 1953, pp. 7, 12—14, 19; 2) Zur Rus'Frage. Там же, стр. 79—84; 3) Четыре этапа русско-варяжских отношений. Там же, стр. 242—245; 4) Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen. Relazioni del X Congr. Intern. di Sci. Storiche, v. III, Firenze, 1955, S. 178; 5) Russian Studies, Aarhus, 1956, pp. 31—40, глава «The Origin of Russian Ethnic Names»; 6) Runestaven fra Ladoga. Kuml, 1958. Aarhus, 1959, ss. 121—122; 7) Ладожская руническая надпись — свидетельство о доисторической Руси. Kuml, 1958, Aarhus, 1959, стр. 128—131; 8) Varageerspørgsmalet, ss. 46—47; 51; 9) Der älteste russische Staat. Hist. Zeitschr., 1960, Bd. 91, H. 1, SS. 11—13; 10) Ответ на замечания В. В. Похлебкина и В. Б. Вилибахова, Kuml, Aarhus, 1960, стр. 145—146) и Х. Арбман (H. Arbman. 1) Svear i österviking. Stockholm, 1955, s. 20, — указываются в то же время и слабые стороны этой концепции; 2) The Vikings. London, 1961, p. 90). См. также: M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. II. Heidelberg, 1955, s. 551; P. H. Sawyer. The Age of the Vikings. London, 1962, p. 46.

²² См. работы А. Стендер-Петерсена, цит. в прим. 21, а также: R. Ekblom. Roslagen-Rußland. Zeitschr. für slavische Philol., 1957, Bd. XXVI, H. 1, SS. 47—58. К. О. Фальк. Доклад о происхождении имени «Русь» в Филол. обществе в Лунде 1 XI 1956 (не опубликован).

Экбу и Мягисте.²³ Из работ этих исследователей должна быть прежде всего отмечена статья Экбу, подводящая итоги изучению данного вопроса в плане названной концепции за последние годы; в статье содержится обстоятельный и весьма объективный разбор последних лингвистических построений и сделаны весьма любопытные общие выводы, о которых будет речь дальше.

Из перечисленных авторов наиболее категорически настроен Стендер-Петерсен, который считает «вопрос о происхождении термина Русь окончательно решенным».²⁴ Он резко критикует все другие существующие концепции происхождения этого термина (в том числе и принятую большинством советских ученых концепцию о возникновении его на юге России), и «единственно приемлемым с точки зрения строгой филологии» считает традиционное построение Куника—Томсена, выводящее термин *Русь* из шведского языка через посредство финнов.²⁵

Однако и Стендер-Петерсен в трактовке этой проблемы не вполне ортодоксален; он должен был учесть результаты исследования Р. Экблома, еще в 1915 г. выявившего уязвимые стороны построения Томсена.²⁶ Стендер-Петерсен показывает, что обычный вариант традиционной концепции, выводящий имя *Русь* от названия шведской прибрежной области Рослаген, в настоящее время уже не выдерживает строгой языковедческой критики. Согласно старой трактовке, как уже говорилось, термин *Русь* восходил к древней форме названия области Рослаген — к слову *Rōþer*; предполагалось, что от этого слова было образовано название гребцов или моряков с побережья упомянутой области — **rōþs-karlar*, **rōþs-mäen*, **rōþs-byggjar*, а от первой части какого-то из этих слов финны по законам своего языка образовали краткую форму *Ruotsi*.²⁷ Однако, как отмечает (вслед за Экбломом) Стендер-Петерсен, в таком построении есть «один серьезный недочет. Приходится предположить, что в указанных словах типа **rōþs-byggjar* содержится форма род. падежа *rōþ(er)s*, но на деле форма род. падежа от названия *Rōþer* должна бы звучать *Rōþar*. Эта форма никак не совместима с формами типа **rōþs-byggjar*».²⁸

²³ Н. Нj ä g n e. Roden. Namn och Bygd, 1947, ss. 28—60; G. H a f - str ö m. Roden och Roslagen, ss. 120—122; S. E k b l o m. Om ortnamnen Roden och därmed sammanhängande problem. Arkiv nordisk filol., 1958, Bd. 73, H. 3—4, ss. 187—199; J. M ä g i s t e. Fi. Ruotsi, estn. Ruotsi m. m. i de finsk-ugriska språken. Там же, стр. 200—209.

²⁴ А. Стендер-Петерсен. Четыре этапа русско-варяжских отношений, стр. 242.

²⁵ Там же, стр. 244; ср.: там же, стр. 79. Почти столь же решительно настроен и Экблом (R. E k b l o m. Roslagen-Rußland, S. 57).

²⁶ R. E k b l o m. Rus- et varagg- dans le noms de lieux de la région de Novgorod. Archives d'Etudes Orientales, Vol. XI. Stockholm, 1915, p. 9.

²⁷ В. Томсен. Начало Русского государства, стр. 84—87.

²⁸ А. Стендер-Петерсен. Четыре этапа русско-варяжских отношений, стр. 244. Ср.: А. Стендер-Петерсен. 1) Zur Rus'Frage,

Стендер-Петерсен (развивая мысли Экблома) показывает несостоятельность и другого варианта той же концепции, согласно которому исходным словом для форм **rōþs-byggjar* и т. д. было не название области, а слово *rōþer* — 'гребля', 'судоходство', 'плавание'.²⁹ Прежде всего форма род. падежа от слова *rōþer* так же, как и от названия *Rōþer*, будет *rōþar*, а не *rōþ(er)s*, как полагали авторы этого построения. Кроме того, при исходной форме *rōþer* — 'гребля' не могло бы возникнуть составное слово **rōþs-byggjar* (оно должно было бы буквально означать 'гребные жители' или 'жители-гребцы', что совершенно невозможно по смыслу).³⁰

Языковедческая аргументация Экблома и Стендер-Петерсена в обоих случаях настолько убедительна (и настолько убийственна для традиционной концепции), что к ней невозможно что-либо добавить.³¹

Ввиду явной несостоятельности традиционного построения норманистами были предприняты «героические» меры для спасения этой концепции, имеющей столь важное значение для всего здания норманской теории. Языковеды-норманисты принялись искать древнешведское слово с тем же корнем *rōþ-*, которое в род. падеже безусловно имело окончание *-s*, т. е. давало форму **rōþ(r)s-* (из которой только и могло быть выведено финское *Ruotsi*).

Первую попытку найти удовлетворительное решение этой лингвистической задачи и тем самым вывести традиционную кон-

S. 80; 2) Russian Studies, p. 35; Ср. также: R. E k b l o m. 1) Rus- et varagg-... p. 9; 2) Roslagen-Rußland, SS. 49, 54; Н. Нj ä r n e. Roden, s. 32; S. E k b l o m. Om ortnamnen Roden... s. 196.

²⁹ В. Томсен. Начало Русского государства, стр. 84.

³⁰ А. Стендер-Петерсен. Четыре этапа русско-варяжских отношений, стр. 244; А. Стендер-Петерсен. 1) Zur Rus'Frage, S. 80; 2) Russian Studies, p. 35. Ср.: R. E k b l o m. Rus- et varagg-... p. 9.

³¹ Нужно только отметить, что слабые стороны традиционной концепции обнаружались уже довольно давно, вскоре после ее создания, и главный основатель этой концепции А. А. Куник стал вскоре одним из первых ее критиков, а затем совсем отказался от нее, убедившись в ее несостоятельности; см. его Прибавления и сочинению С. А. Геденова «Отрывки из исследований о варяжском вопросе» (Приложено к т. I «Записок Академии наук», 1862, № 3, стр. 122); см. также: А. А. Куник. Дополнения к сочинению В. Дорна «Каспий». Записки Академии наук, 1875, № 1, Приложение к т. XXVI, стр. 54, 437, 441, 670—672. В частности, в последней из названных работ он на основании лингвистического анализа прямо сделал вывод, что «необходимо отказаться от всякой мысли о генетической связи между формой множ. ч. *Rōskarlar*, *Rōdsmaen*, *Ruodspiggana*, *Rōspiggar*... и формой *Rōs* (да финским собирательным именем *Rōts-i*)» (там же, стр. 441). Непрочность данной концепции была видна и другому «классику» норманизма XIX в., В. Томсену (Начало Русского государства, стр. 84—87). Тем не менее она господствовала вплоть до самого последнего времени в норманистской историографии и особенно признанием пользовалась у авторов, не вдававшихся в лингвистические подробности и использовавших лишь основную линию данного построения — выведение слова *Русь* через финское *Ruotsi* от *Roslagen* или *Rōþer*.

цепцию из тулика предпринял в 1915 г. Экблом;³² в предложении им варианте он старался избежать явных столкновений с законами лингвистики, имевшихся в прежних вариантах. В последние годы построение Экблома получило энергичную поддержку со стороны Стендер-Петерсена.³³ С новым обоснованием своего построения выступил через 42 года после опубликования первой статьи на эту тему и сам Экблом.³⁴

По мнению Экблома, исходной формой для финского *Ruotsi* послужило старонорвежское слово *rōþer*³⁵ (соответствующее древнеисландскому *rōðr*), которое в род. падеже давало *rōþers*; *r* в последнем слове формы род. падежа легко отпадало, и получалась форма **rōþ(r)s-*, от которой образовались составные слова **rōþs-byggjar*, **rōþs-maen* и др.³⁶ *Rōþer* означало буквально 'дорога, или путь, где можно грести (плыть на веслах)', 'неглубокое морское пространство', или 'фарватер',³⁷ 'пролив между островами', 'защищенное место для плавания',³⁸ 'район гребного фарватера',³⁹ 'сравнительно открытые прибрежные воды с защищенным выходом в открытое море и с водными путями внутрь страны'.⁴⁰ Соответственно с этим, словами **rofs-byggjar*, **rofs-maen*, согласно данной концепции, называли людей, которые жили в этих *roþrar* или плавали по ним; **rofs-maen* и т. п. названия должны были означать 'люди проливов',⁴¹ а в переносном смысле — 'жители шхер и побережья средней Швеции'.⁴²

³² R. Ekblom. *Rus- et vareg...*, pp. 6—10 (см. также: R. Ekblom. *Ortnamnens vittnesbörd om svenskarnas tidiga förbindelser med slaver och balter. Språkvetenskapliga sällskapet i Uppsala förhandlingar 1940—1942. Uppsala, 1942, s. 149).*

³³ А. Стендер-Петерсен (A. Stender-Petersen). 1) Четыре этапа русско-варяжских отношений, стр. 244; 2) *Zur Rus'Frage*, SS. 80—84; 3) *Russian Studies*, p. 35; 4) *Runestaven fra Ladoga*, s. 121; 5) Ладожская руническая надпись, стр. 128—129.

³⁴ R. Ekblom. *Roslagen-Rußland*, SS. 47—58.

³⁵ Предложенное Экбломом в 1915 г. слово *roþer* и имен. падеже ед. числа писалось так же, как и слово *roþer*, предложенное в свое время Томсеном, но имело другой корень: в первом случае — корень *roþr* (и потому в род. падеже — *roþrs*), во втором случае — корень *roþ-* (и в род. падеже — *roþar*).

³⁶ R. Ekblom. *Rus- et vareg...*, pp. 9—10.

³⁷ Там же, стр. 9; A. Stender-Petersen. *Zur Rus'Frage*, S. 80.

³⁸ А. Стендер-Петерсен. Четыре этапа русско-варяжских отношений, стр. 244.

³⁹ Т. е. 'район фарватера для гребных судов' — *Bezirk eines Ruderfahrwassers* (R. Ekblom. *Roslagen-Rußland*, SS. 47; 53).

⁴⁰ Там же, стр. 55.

⁴¹ По сведениям Экблома, в некоторых местностях северной Норвегии еще в начале XX в. прибрежных жителей и рыбаков называли *rofsfolk*, *rofsmaen* в значении 'жители проливов', 'прибрежные жители' (R. Ekblom. *Rus- et vareg...*, p. 9).

⁴² R. Ekblom. *Roslagen-Rußland*, SS. 48—51, 53. Стендер-Петерсен также считает, что слово **rofs-karlar* (или **rofs-maen*) означало

Вернувшись спустя 42 года к исследованию данного вопроса, Экблом (не оговаривая, что он вносит усовершенствование в свое построение) предложил несколько иную транскрипцию исходной формы: вместо *roþer* (в статье 1915 г.) другую форму того же слова, в имен. падеже ед. числа, — *rōþra*, с тем же корнем *roþr-* и с тем же смысловым значением.⁴³ Все остальное содержание построения Экблома осталось без изменений и было лишь еще более развито и аргументировано.⁴⁴ Экблом твердо считает, что из формы род. падежа **rōþ(r)s* (производимой им теперь от формы *rōþra*) образовалась первая часть составного слова **rōþ(r)s-byggjar*, соответствующего современному шведскому слову *rospiggjar*, и что около начала IX в. из первой части этого составного слова возникло древнефинское **Rōtsi (Ruotsi)*, а из последнего — восточнославянское слово *Русь*. В конце своей второй статьи Экблом выразил глубокое убеждение в том, что его построение дает единственно правильное решение вопроса, что оно не имеет уязвимых мест и что никакого другого решения этого вопроса быть не может.⁴⁵ Его мнение, как уже говорилось, разделяет и поддерживает Стендер-Петерсен.⁴⁶

В отличие от прежнего варианта традиционной концепции происхождения имени *Русь*, несостоятельность которого стала достаточно очевидной, построение Экблома на первый взгляд давало довольно успешное решение сложной и дискуссионной историко-лингвистической проблемы. Однако оно не получило общего признания в среде норманистов; по сведениям самого Экблома, к данному построению, кроме Стендер-Петерсена, присоединился еще только шведский историк Свен Тунберг.⁴⁷ Остальные буржуазные языковеды-норманисты не поддержали построение Экблома, а некоторые из них (Хьерне, Хафстрём) выдвинули самостоятельные варианты решения этого вопроса. Уже сам факт весьма прохладного отношения большинства языковедов-норманистов к построению Экблома свидетельствует о том, что оно даже с норманистских позиций не представляется достаточно убедительным.

'жители проливов' (А. Стендер-Петерсен. Четыре этапа русско-варяжских отношений, стр. 244), или 'люди, живущие на защищенных водных путях' (А. Стендер-Петерсен. Ответ на замечания В. В. Похлебкина и В. Б. Вилинбахова, стр. 151).

⁴³ R. Ekblom. *Roslagen-Rußland*, S. 47.

⁴⁴ Там же, стр. 47—51, 53—58.

⁴⁵ Там же, стр. 57.

⁴⁶ Стендер-Петерсен считает гипотезу Экблома «гениальной» (Ладожская руническая надпись, стр. 129—130). Построение Экблома послужило Стендер-Петерсену исходным пунктом для создания общей исторической концепции о происхождении Руси и Русского государства; критику этой концепции см.: И. П. Шааскольеки и Й. Норманская теория в современной буржуазной науке, стр. 182—206.

⁴⁷ S. Tunberg. *Till Svearikets äldsta historia*, s. 165.

Против гипотезы Экллома выступил в 1947 г. шведский лингвист и историк Хьерне, указавший прежде всего, что трудно предположить, чтобы название какой-то территории сунии (а следовательно, и людей, на ней живущих) могло возникнуть от слова, имевшего значение 'пролив', 'фарватер'.⁴⁸ Кроме того, по словам Хьерне, эта гипотеза совершенно не учитывает то особое положение, которое занимала область Рослаген (Роден) в деле формирования шведского морского ополчения (*leding*).⁴⁹ Хьерне показывает также несостоятельность попытки Экллома обосновать свою трактовку слова *röf(r)* примерами из современного норвежского языка: все приводимые Эклломом современные норвежские слова, по весьма убедительному мнению Хьерне, явно исходят к древненорвежскому *rod(r)* с значением 'гребля'.⁵⁰

Считая гипотетическое построение Экллома неубедительным, Э. Хьерне предложил в 1947 г. другой вариант решения вопроса о происхождении имени *Русь* в плане традиционной норманистской концепции;⁵¹ с лингвистической стороны он близок к построению Экллома. Полностью соглашаясь с произведенной Эклломом критикой конкретного лингвистического построения Томсена,⁵² Хьерне выдвинул новое языковедческое построение, которое, по его мнению, должно спасти общую концепцию Куника—Томсена.

Хьерне считает, что исходной шведской формой для финского *Ruotsi* послужило слово **röf(r)* — '(гребное) судно', '(гребной) корабль', дававшее в род. падеже форму **röf(r)s*.⁵³ В основу своей гипотезы Хьерне положил два древних западноскандинавских текста (исландский XI в. и норвежский XIII в.), в которых содержится слово *rod(r)* в род. падеже; в обоих случаях, по его мнению, это слово имеет значение 'судно', 'корабль'.⁵⁴ Предположив, что то же слово в том же значении могло существовать в древности и в восточной части Скандинавии — в Швеции, Хьерне производит от него уже упоминавшиеся неоднократно составные слова **röf(r)sfolk*, **röf(r)smaen*, **röf(r)skarlar*, означавшие в этом случае буквально 'корабельные люди' (*skeppsfolk*), 'мо-

ряки' и т. п. и прилагавшиеся к шведам, плававшим в Восточную Европу.⁵⁵

От того же **röf(r)* в значении 'судно', 'корабль' Хьерне производит и древнее название области Рослаген — *Röf(r)ln*. Хьерне указывает, что в средневековой Швеции в пределах территории, поставившей морское ополчение (*leding*), словом *skip* — 'судно' обозначался отдельный район, население которого должно было снабдить и снабдить людьми для ополчения одно судно; такой район назывался иначе *skeppslagen*.⁵⁶ По мнению Хьерне, подобный район могли называть и словом **röf(r)* (поскольку это слово, по Хьерне, также значит 'корабль'). Когда прибрежные районы, обитавшие поставлять корабли, стали заметно отличаться от внутренних шведских районов, должно было возникнуть общее для прибрежных районов, проходящее от **röf(r)*, название *Röf(r)ln*, а позднее — название *Röfslaghtln* (*Roslagen*) в значении 'корабельный закон', 'область корабельного закона'.⁵⁷ Соответственно, по мнению Хьерне, названия жителей этой области **röfskarlar*, **röfsmæn*, **röf(s)byggjar* сперва означали *skeppslagskarlar*, *skeppslagsmän*, *skeppslagsbyggjar*, т. е. 'люди [области] корабельного закона', в отличие от жителей внутренних районов, не обязанных поставлять корабли. С упрочением общего для данной области названия *Röf(r)ln* эти термины стали означать 'жители области Роден'.⁵⁸

Последние ступени построения Хьерне уже ничем не отличаются от традиционного построения Томсена: предполагается, что от первой части какого-либо из составных слов **röfskarlar*, **röfsmæn*, **röf(s)byggjar* возникло финское **Rötst* (*Ruotsi*), а на **Rötst* (*Ruotsi*) — восточнославянское *Русь*.

Таким (крайне сложным и заумным) путем Хьерне попытался связать в одной гипотезе и искусственно реконструируемое им слово **röf(r)* — 'корабль', и название области *Röf(r)ln* — *Roslagen*, представив их как исходные формы для финского *Ruotsi* и славянского *Русь*.

Построение Хьерне подверглось основательной критике со стороны Экллома. Прежде всего Экллом весьма убедительно показал ошибочность исходного пункта всего этого сложного построения. Путем филологического разбора обоих западноскандинавских текстов он установил, что в обоих случаях слово *rod(r)* не имеет значения 'судно' (в первом случае *rod(r)* означает 'уключая', во втором — 'гребля'). Кроме того, ни в одном из герман-

⁴⁸ E. Hjärne. Roden, s. 36.

⁴⁹ Там же. *Leding* — своеобразная форма морского ополчения, для его формирования население должно было в случае войны поставлять корабли и воинов-мориков. Во второй статье Экллом постарался учесть замечание и сблизить свою позицию в данном пункте с позицией Хьерне (R. Ekblom. Roslagen-Rußland, SS. 55—56); однако эта часть аргументации Экллома не имеет прямого отношения к его основному построению.

⁵⁰ E. Hjärne. Roden, ss. 34—36; правильность мнения Хьерне подтверждает и Экбу (S. Ekbo. Om ortnamnen Roden. . ., ss. 195, 196).

⁵¹ E. Hjärne. Roden, ss. 28—40.

⁵² Там же, стр. 32—33.

⁵³ Там же, стр. 44, 48—51, 54—57.

⁵⁴ Там же, стр. 44—48.

⁵⁵ Там же, стр. 49—50, 60.

⁵⁶ *Skeppslagen* буквально означает 'корабельный закон', т. е. закон о поставке кораблей; отсюда в переносном смысле возникло название административного района, который должен был по данному закону поставлять один корабль.

⁵⁷ E. Hjärne. Roden, ss. 50—56.

⁵⁸ Там же, стр. 60.

ских языков нет слова, имеющего значение 'судно' и содержащего корень *rōþ-*.⁵⁰

Критикует построение Хьерне и Г. Хафстрём. Он указывает, что гипотетически реконструируемое Хьерне слово **roþr* в значении 'корабль' не известно в пределах древнешведской языковой области.⁶⁰

К аргументам Экблома и Хафстрёма можно еще добавить, что от слова **roþr* в значении 'судно' не могла бы по смыслу образоваться форма **roþs-byggjar*, ибо слово 'судно' не может сочетаться со словом 'жители'. Весьма сомнительной считает гипотезу Хьерне и шведский языковед С. Экбу, не вдающийся в более подробную аргументацию.⁶¹

Еще одну попытку дать оригинальное решение той же лингвистической задачи сделал шведский ученый Г. Хафстрём в статье «Роден и Рослаген».⁶² Хафстрём производит древнее название области Рослаген *Rōþ(r)in* от формы *rōþer* с корнем *roþ-* и считает, что это слово означало первоначально 'водное пространство, через которое выступало в поход [в море] морское ополчение [ледунг]'.⁶³ Гипотеза Хафстрёма была сразу же подвергнута критике со стороны Экблома, указавшего, что, поскольку здесь берется в основу форма *rōþer* с корнем *rōþ-*, автор гипотезы не учитывает достижений современного языковедения и возвращается к состоянию данного вопроса во времена Томсена.⁶⁴

Наиболее осторожный из шведских языковедов, занимавшихся данным вопросом, С. Экбу в отличие от своих коллег не произносил громогласных деклараций о том, что именно им найдено единственно правильное решение, но и он, в цитированной выше статье, дав разбор и критику построений Томсена, Экблома и др., сделал попытку дать собственное толкование той же лингвистической задачи.

По мнению Экбу, если думать, что финская форма *Ruotsi* могла возникнуть из составных слов, происшедших из формы род. падежа *roþs* от слова *roþer*, то можно гипотетически предположить существование еще нескольких составных слов, сходных со словами, используемыми в построениях Томсена, Экблома, Хьерне; это — предлагаемые Экбу слова **roþsaeggjar* — 'гребец', 'воин

гребного плавания', 'спутник', 'товарищ', **roþsaessar* — 'человек, который сидит рядом на гребной скамье', или **roþswear* — 'шведы-гребцы' (возможно, таково было наименование воинов шведского морского ополчения ледунга или шведских викингов). Правда, Экбу трезво оценивает доказательную силу своих предположений и тут же добавляет: «...но мы были достаточно долго в трясине гипотез. Нам неизвестно, существовали ли подобные составные слова в VII или VIII вв., и мы не можем решительно утверждать, что подобные составные слова в это время могли быть переданы через прибалтийско-финское **rōtsi*».⁶⁵

Экбу указывает и на другую возможность (которая ему представляется даже более вероятной) — что прибалтийско-финское **rōtsi* возникло из старейшей формы самого древнешведского слова *roþer* — 'гребля'; при этом можно было бы исходить из реально существовавшего слова, а не из искусственно реконструируемых составных слов. Экбу высказывает предположение, что слово *roþer* — 'гребля' могло ранее иметь и специальное значение — 'морской поход', 'поход ледунга' (морское ополчение) или же 'флот викингов', 'флот ледунга', подразумевая также и участников похода или обладателей флота. Как исходную форму для финского слова Экбу предлагает реконструируемые им древние формы от слова *roþer* — **rōþuz*, **rōþuz*, **rōþuR*, **rōþuR* (**rōþR*), **rōþr*.⁶⁶ Далее в статье приводятся мнения некоторых исследователей фонетики древних скандинавских языков о том, как до IX в., примерно в VI—VIII вв., произносился конечный звук приведенного слова, и делается осторожный вывод, что «если вместе с названными учеными считать, что форма *rōþr* в VII или VIII вв. еще произносилась с конечным *z*, этот звук по-фински, разумеется, должен был бы передаваться через *s*»⁶⁷ (и тогда из *rōþr* при переходе в финский язык получалось **rōtsi*). Данную гипотезу Экбу считает наиболее вероятной из всех существующих гипотез.⁶⁸

Критическая оценка первой из приведенных гипотез была дана самим ее автором. Существование предлагаемых автором составных слов и их смысловые значения слишком гипотетичны, и правильность или вероятность этих предположений ничем не может быть доказана. Особенно натянутой, целиком искусственной конструкцией является мысль о том, что предположительно суще-

⁵⁰ R. Ekblom. Roslagen-Rußland, SS. 52—53. С мнением Экблома по поводу данной гипотезы полностью согласился и А. Стендер-Петерсен (A. Stender-Petersen. Runestaven fra Ladoga, s. 121).

⁶⁰ R. Hafström. Roden och Roslagen, s. 121.

⁶¹ S. Ekbo. Om ortnamnen Roden... s. 196; см. также: там же, стр. 190, 195.

⁶² G. Hafström. Roden och Roslagen, ss. 120—122; под тем же названием вышла его статья в газете «Svenska Dagbladet» от 28 VIII 1956.

⁶³ G. Hafström. Roden och Roslagen, ss. 121—122.

⁶⁴ R. Ekblom. Roslagen-Rußland, S. 50. С его критикой данной гипотезы согласен и А. Стендер-Петерсен (A. Stender-Petersen. Runestaven fra Ladoga, s. 121).

⁶⁵ S. Ekbo. Om ortnamnen Roden... ss. 196—197.

⁶⁶ Там же, стр. 197.

⁶⁷ Там же, стр. 199. В разбор довольно детальных рассуждений автора по вопросам фонетики мы здесь не вдаемся, предоставляя это лингвистам.

⁶⁸ В заключение своей статьи Экбу пишет, что «среди до сих пор предлагавшихся построений, видимо, менее всего придется опираться на почву вводящихся конструкций, если предположить, что слово *roþer* «как самостоятельное слово в его древнейшей форме послужило источником для прибалтийско-финского **rōtsi*...» (там же, стр. 199).

ствовавшее слово *rofswear было наименованием шведских викингов, или воинов шведского морского ополчения — ледунга. Здесь все — сплошной домысел, не подтверждаемый никакими фактами.

Вторая из приведенных гипотез немногим лучше, хотя она с лингвистической стороны обоснована более старательно. Предполагаемые Экбу смысловые значения слова *rofer* — 'морской поход', 'поход ледунга' или 'флот викингов', 'флот ледунга' — чистой воды гипотезы, которые опять-таки не подкреплены (т. е. не могли быть подкреплены) никакими фактами, никакими текстами из источников.⁶⁹ Да и трудно (и даже невозможно) предположить, чтобы название народа или на первом этапе населения какой-то области могло возникнуть от слова, означающего 'морской поход' или 'флот', и что слово *rofer* означало не только 'поход' или 'флот', но и людей, участвующих в данном морском походе или плывущих на флоте. Это насаивание одной гипотезы на другую, притом обе гипотезы являются чисто умозрительными конструкциями автора и совершенно недоказуемы. Кроме того, предлагаемая Экбу этимология слова *rofer* находится в противоречии с историко-фонетической частью данной гипотезы. Экбу предполагает по фонетическим данным, что переход слова *rofer* в древнефинское *rötsi произошел в VI—VIII вв., но в таком случае слово *rofer* не могло иметь значения 'поход ледунга', 'флот ледунга', ибо (как уже выше говорилось) морское ополчение, или ледунг, — явление, по всей видимости, довольно позднее и могло возникнуть лишь в условиях сформировавшегося государства, не ранее IX—X вв.

Фонетические доказательства данного построения тоже весьма уязвимы. От времени до IX в. в Швеции (и в других скандинавских странах) сохранилось небольшое количество письменных памятников — рунических надписей,⁷⁰ и можно лишь предположительно говорить о том, как в VI—VIII вв. произносились те или иные согласные звуки. Мнения исследователей древнескандинавских языков, на которые ссылается Экбу, гипотетичны и не могут быть точно доказаны; впрочем, это ясно и самому Экбу, который и вторую свою гипотезу резюмировал в весьма осторожной и предположительной форме.

Таковы выдвинутые в последнее время буржуазными учеными-скандинавистами лингвистические построения, таковы попытки дать правильное решение основного исходного момента традиционной концепции — найти ту форму старонорвежского языка, от

которой с очевидностью могло произойти прибалтийско-финское *rötsi, в свою очередь давшее в восточнославянском языке форму *Русь*.

Рассмотрение приведенных построений, и в частности критика каждого из построений другими буржуазными учеными-лингвистами, достаточно ясно показывают, что в настоящее время в лингвистическом плане решение данного вопроса представляется не более легким, а все более сложным, чем 80—100 лет тому назад; во времена Куника и Томсена (подробнее общая характеристика и оценка будут даваться ниже).

* * *

Важной составной частью традиционной норманистской концепции является предположение о переходе от некоей исходной формы древнешведского языка в прибалтийско-финскую форму *rötsi (*Ruotsi*) и отсюда — в восточнославянскую форму *Русь*. Сам вопрос о переходе данного слова из шведского языка в финский и из финского в восточнославянский изучался буржуазными языковедами — скандинавистами и финноугроведами. Анализ указанной выше прибалтийско-финской формы во всех ее вариантах производился уже в плане буржуазной финно-угорской филологии.

Лингвист-финноугровед Ю. Мягисте (эмигрировавший в годы второй мировой войны из Эстонии) взял на себя рассмотрение с позиций современного финно-угорского языкознания (точнее, с позиций буржуазной части этого языкознания) формы *Ruotsi*.⁷¹ В своем изложении Мягисте является последователем традиционной концепции, однако он сохранил необходимую меру научной объективности и показал некоторые слабые стороны этого построения.

Мягисте прежде всего отметил, что в отличие от языковедов-скандинавистов, не удовлетворившихся построением В. Томсена и искавших новые пути для доказательства происхождения имени *Русь* из шведского языка через финское *Ruotsi*, лингвисты-финноугроведы были полностью удовлетворены трактовкой, данной В. Томсеном в 70-е годы прошлого века, и повторяли эту трактовку в своих сочинениях.⁷²

Мягисте подробно перечислил все формы в финно-угорских языках, восходящие к форме *Ruotsi* в значении 'швед', 'Швеция'.⁷³

⁷¹ J. Mägiste. *Fi. Ruotsi...*, ss. 200—209.

⁷² E. N. Setälä. *Bibliographisches Verzeichniss der in der Literatur behandelten älteren germanischen Bestandteile in den ostseefinnischen Sprachen. Finnisch-ugrische Forschungen*, 1913, Bd. XIII, S. 444; T. E. Karsten. *Die Germanen*. Berlin, 1928, S. 144, и др.

⁷³ J. Mägiste. *Fi. Ruotsi...*, ss. 201—204. Даю эти формы в сокращенном объеме, указывая только главные.

⁶⁹ Напомним, что автор одного из ранее выдвинутых построений, Э. Хьерне, жестоко раскритикованный Экбу (и Экбломом), по крайней мере пытался (хотя и неудачно) подкрепить свое толкование слова *rofer текстами из источников. Экбу не делает и этого, ибо источники не дают подтверждения его мнению.

⁷⁰ М. И. Стеблин-Каменский. *История скандинавских языков*. М.—Л., 1953, стр. 18.

В прибалтийско-финской группе финно-угорских языков такие формы содержат финский язык: *Ruotsi* — 'швед', 'Швеция', 'шведский народ', 'шведский [язык]'; карельский язык (собственно карельский и ливвиковский диалекты): *Ruottsi* (*Ryotchi*) — 'Финляндия', 'финн';⁷⁴ людиковский диалект карельского языка: *ruofsi* — 'финн', 'лютеранин', 'Финляндия', 'Швеция'; водский язык: *ruottsi* — 'Швеция', 'швед'; эстонский язык: *Roofsi* — 'Швеция', 'шведский'; ливский язык: *rüofšli* — 'швед', *rüofšmõ* — 'Швеция'.⁷⁵ Отсюда Мягисте заключает, что термин *Ruotsi* был древним обозначением для слов 'Швеция' и 'швед' для всей области прибалтийско-финских языков.⁷⁶

Мягисте приводит и производимые обычно от прибалтийско-финского **rōtsi* аналогичные термины, имеющиеся в других финно-угорских языках (принадлежавших народам, соседствовавшим с прибалтийско-финскими народами), — в саамском (лопарском) языке и в пермских языках (коми и удмуртском). Опираясь на знания нескольких буржуазных лингвистов-финноугроведов, Мягисте пытается показать, что анализ этих форм дает некоторые косвенные аргументы в пользу традиционной норманистской концепции происхождения имени *Русь*.

В различных диалектах саамского языка,⁷⁷ родственного прибалтийско-финским языкам, имеется несколько форм, связанных с формой *Ruotsi*. Так, в диалектах саамов Норвегии известны формы *ruoš'sä* — 'русский', *Ruos'sä* — 'Россия', но есть и формы

⁷⁴ В представлении карел, подвластных с древнейших времен Русскому государству, Финляндия и ее население, с XII—XIII вв. подвластные шведам, рассматривались на протяжении многих веков как часть шведского государства, и потому финнов карелы называли *Ruottsi*, т. е. подданными Швеции.

⁷⁵ Правда, в водском и ливском языках одновременно существует и другая форма, происходящая из русского (в водском) и латышского (в ливском) языков: водское *šveta* и ливское *svieder* — 'швед'; однако эта форма имеет более позднее происхождение.

⁷⁶ J. Mägiste. *Fi. Ruotsi*,... s. 201. Неясно лишь, имелась ли подобная форма в вепсском языке (носители которого занимали юго-восточную окраину прибалтийско-финской языковой области). Томсен, основываясь на сведениях, собранных в середине XIX в. финским филологом Альквистом (Kieletär, toimittanut A. Ahlqvist. I. Helsingfors, 1873, ss. 5, 23), приводит соответствующую форму и для вепсского языка: *Ruottš* — 'житель Финляндии', 'финляндец' (В. Томсен. Начало Русского государства, стр. 91, прим. 21). Но в современной лексике вепсского языка, по данным Мягисте (J. Mägiste. *Fi. Ruotsi*,... s. 201), подобной формы нет. Как сообщили нам советский исследователь вепсского языка М. М. Хямляйнен, данные Альквиста (приведенные нами выше) не очень надежны; однако отсутствие подобной формы в современном языке вепсов — народа, имевшего небольшой контакт со шведами лишь много столетий тому назад, в IX—XI вв., не может свидетельствовать, что такой формы вообще не было в этом языке, она могла просто не сохраниться до нашего времени.

⁷⁷ У саамов так и не сложился единый язык, под условным термином 'саамский язык' понимается совокупность ряда диалектов, на которых гово-

ruoŧŧä, ruossä со значением 'шведский язык', 'Швеция'. В диалектах саамов северной Швеции и северной Финляндии имеются формы *rüö.ššä, rüö.ššä* — 'русские', но у саамов северной Швеции есть и форма *russ* — 'русский'. В диалектах саамов СССР (Мурманской области) есть форма *rä'tts* — 'финн'.⁷⁸ По мнению Мягисте, формы *russ, ruoŧŧä, rä'tts* возникли сравнительно позднее и происходят из шведского (форма *russ*⁷⁹), финского (*ruoŧŧä*⁸⁰) и карельского (*rä'tts*⁸¹) языков. Более древней Мягисте считает форму *ruoš'sä*. Мягисте целиком принимает мнение современного финляндского исследователя саамского языка Э. Итконена, согласно которому эта форма происходит от прибалтийско-финского **rōtsi* (*Ruotsi*) и заимствована еще в те времена, когда саамы жили значительно южнее, у Ладожского озера.⁸² Первоначально (приблизительно в IX в.) термином *ruoš'sä* приладожские саамы (по примеру своих тогдашних прибалтийско-финских соседей) называли варягов-шведов, но затем вследствие постепенного ославянивания варягов термины *Ruotsi* = *Русь* и происходящий от них термин *ruoš'sä* приобрели новое значение, сохранный в саамских диалектах до наших дней.⁸³ Иными словами, норвежско-саамская диалектная форма *ruoš'sä*, по мнению Итконена и Мягисте, будто бы является сохранившимся в саамском языке свидетельством о происшедшем в IX—X вв. в Приладожье изменении значения слова **rōtsi* (*Ruotsi*), первоначально бывшего (в финских и саамском языках) племенным названием варягов-шведов,

⁷⁸ J. Mägiste. *Fi. Ruotsi*,... s. 202. См. также: K. Nielson. *Lappisk ordbok*, Bd. III. Oslo, 1938, ss. 337, 340; E. Lagercrantz. *Lappischer Wortschatz*, Bd. II. Helsinki, 1939, ss. 752, 754; T. I. Itkonen. *Koltan- ja Kuolanlappin sanakirja*, I. Helsinki, 1958, ss. 458—459.

⁷⁹ Форма *russ* в диалектах саамов северной Швеции действительно явно происходит от существующей в шведском языке с XIV—XV вв. формы *ryss* — 'русский' и не имеет никакой связи с прибалтийско-финским *Ruotsi*.

⁸⁰ Формы *ruoŧŧä, ruossä* — 'шведский язык', 'Швеция' в диалектах саамов Норвегии действительно скорее всего происходят из финского *Ruotsi*, имеющего те же значения, и явно заимствованы норвежскими саамами у финнов, поскольку норвежские саамы относительно поздно (не ранее XIV—XV вв.) встретились со шведами.

⁸¹ Указываемая в работе Мягисте имеющаяся в диалектах кольских саамов форма *rä'tts*, а также имеющиеся в тех же диалектах формы *rüö'ttsä, rüö'tts (A)* в значении 'финн' (Т. I. Itkonen. *Koltan- ja Kuolanlappin sanakirja*, I, s. 459) действительно скорее всего происходят от карельской формы *Ruottsi*, имевшей то же значение — 'финн', 'Финляндия'; кольские саамы заимствовали у своих более южных карельских соседей представление о финнах как о народе, находящемся в подданстве Швеции. В карельском языке это представление могло возникнуть в XII—XIII вв., в кольских саамских диалектах — соответственно позднее.

⁸² Саамы (лопь) действительно жили в небольших количествах в I и начале II тысячелетия н. э. вокруг Ладожского озера и на всем пространстве современных Карелии и Финляндии до крайнего севера Европы, что подтверждается письменными источниками и топонимикой.

⁸³ J. Mägiste. *Fi. Ruotsi*,... s. 202; E. Itkonen. *Lappalaisten esihistoriaa valaisovia sanoja*. Helsinki, 1946, s. 403.

а позднее, вследствие ославянивания в IX—X вв. варягов и варяжского государства, ставшего названием славянского Русского государства и его населения.

Попытка Э. Итконена и Ю. Мягисте использовать данные саамских диалектов для подкрепления норманской теории не выдерживает сколько-нибудь серьезной критики. В Приладожье и на территории современных Карелии и Финляндии жили в I тысячелетии н. э. разбросанные на огромном пространстве редкие и малочисленные группы саамов, впоследствии ассимилировавшиеся карельским и финским населением. Современные саамы, живущие на Кольском полуострове и на севере Швеции, Норвегии и Финляндии, являются потомками не всего древнего саамского населения Северной Европы (в том числе Приладожья), а в основном лишь древнего саамского населения тех же территорий Крайнего Севера; прямой преемственной связи между саамами южного Приладожья IX—X вв. и живущими севернее на 1000 км (и более) современными саамами Кольского полуострова и Финмаркена скорее всего быть не могло, а следовательно, нельзя всерьез в явлениях современных саамских диалектов искать явления, возникшие на 1000 лет ранее в диалектах приладожских саамов. Формы *ruoš'sä*, *Ruoš'sä* в значении 'русский', 'Россия' в современных диалектах саамов Кольского полуострова и норвежского Финмаркена не надо возводить к далекому Приладожью IX—X вв., а правильнее связывать с исторической действительностью тех же территорий Крайнего Севера более позднего времени. Известно, что все саамское население Кольского полуострова и норвежского Финмаркена с XIII в. платило дань русским данщикам⁸⁴ и с этого времени было хорошо знакомо с понятиями *русский* и *Русь* (позднее *Россия*). Скорее всего именно к XII—XIII вв., ко времени появления русских в северных саамских землях, и надо относить возникновение в диалектах кольских и норвежских саамов слов, обозначающих русских и Русь.⁸⁵

В пермских языках — коми (зырянском) и удмуртском, также имеются формы, производимые лингвистами от прибалтийско-финского *rōtsi. Опираясь на мнение финского буржуазного

лингвиста Уотила,⁸⁶ Мягисте полагает, что формы коми языка *rots*, *rofs* — 'русский' и удмуртского языка *djuŕs*, *djuŕs*, *džuls* с тем же значением происходят от *rōtsi и были заимствованы около 900 г., «когда норманны в России еще назывались прибалтийскими финнами *rōtsi». По приводимому Мягисте мнению Уотила, коми впервые познакомились с норманнами и с обозначающим их словом *rōtsi через посредство вепсов, у которых в городе Белоозеро, согласно летописи, княжил швед Синеус,⁸⁷ из коми языка данное слово затем проникло в удмуртский. Далее предполагается, что после ославянивания норманнов и превращения норманнского государства в славянское имя норманнов было перенесено на восточных славян — русских. Иными словами, и пермские языки, по мнению Уотила и Мягисте, дают косвенное подтверждение, что словом *rōtsi первоначально называли норманнов, пришедших в IX в. из Швеции в земли восточных славян и их прибалтийско-финских соседей.⁸⁸ Сходной точки зрения придерживается и финский лингвист Тойвонен, с той лишь разницей, что, по его мнению, данное слово проникло из прибалтийско-финских в пермские языки не через посредство вепсов, а через посредство карел.⁸⁹

Уязвимой стороной этого построения является используемая в нем датировка: на основе данных современного коми языка (письменности у коми до XIV в. не существовало) совершенно невозможно установить с точностью до столетия, когда именно было впервые заимствовано указанное слово, а построение как раз исходит из того, что заимствование произошло в ограниченный период (вторая половина IX в.), от момента прихода норманнов (якобы создавших Русское государство) до времени их ославянивания. Поскольку же применяемая авторами построения датировка взята совершенно произвольно и никак не может быть доказана, все построение повисает в воздухе. По всей видимости, слово *rots*, *rofs* в коми языке с самого начала было наименованием русских.

Лингвистическая близость форм коми языка *rots*, *rofs* и саамской диалектной формы *ruoš'sä* к прибалтийско-финскому *rōtsi могла быть вызвана тем, что от близких по звучанию, но различных

⁸⁴ И. П. Шаскольский. Договоры Новгорода с Норвегией. Ист. зап., № 14, М., 1945, стр. 52—61.

⁸⁵ Показательно, что эти слова (*ruoš'sä*, *Ruoš'sä*) зафиксированы в диалектах только тех саамских областей Кольского полуострова и норвежского Финмаркена, которые с XIII в. платили дань Руси, и не зафиксированы в саамских диалектах севера Швеции и Финляндии, на которые в XIII—XVI вв. не распространялся сбор русскими дани. Наличие в указанных формах шипящих звуков *š's*, возможно, указывает, что они проникли в саамские диалекты через посредство более южных соседей, карел (для языка которых типично наличие шипящих); формы *ruollä*, *ruossä*, *ru'tts*, напротив, проникли к саамам через посредство финнов, для языка которых типично наличие свистящих согласных.

⁸⁶ Т. Е. Uotila. Lehnwörter des Permischen. Journ. Soc. Finno-ougrienne, 1943—1944, № 52, S. 8.

⁸⁷ Там же; J. Mägiste. Fi. Ruotsi... s. 203.

⁸⁸ Впервые подобная гипотеза была высказана более ста лет тому назад известным финно-угроведом И. А. Шёгреном (J. A. Sjögren. Die Syrjänen. In: J. A. Sjögren. Gesammelte Schriften. Bd I. St.-Petersb., 1861, SS. 416—417); в начале XX в. сходное мнение высказывал Х. Якобсон (H. J a c o b s o n. Die ältesten Berührungen der Russen mit den nordostfinnischen Völkern und der Name der Russen. Nachrichten von der Königl. Gesellschaft der Wiss. Göttingen, Philol.-hist. Klasse, 1918, SS. 309—312).

⁸⁹ Y. H. Toivonen. Syrjännen suhteista länteen. Virittäjä, 1946, s. 397.

по значению и по происхождению форм *rōtsl и *Русь* в среде языков одной и той же финно-угорской языковой семьи могли образоваться весьма сходные по звучанию (хотя и изначально разные по значению) языковые формы.

Специально рассматривается несколькими буржуазными лингвистами вопрос о возможностях перехода из некоей формы древношведского языка в прибалтийско-финское *rōtsl.

В свое время основному создателю традиционной концепции В. Томсену казалось, что подобный переход может быть очень легко доказан. Как уже говорилось, согласно его концепции (поддерживаемой в этой части почти всеми сторонниками данной концепции) исходной формой для прибалтийско-финского *rōtsl послужила первая часть (*rōfs-*) от какого-то из составных древношведских слов (от *rōfsmaen, или *rōfskarlar, или *rōfsfolk и т. д.); вторая часть составного слова при переходе в финский язык отпала. В качестве доказательства Томсен привел несколько шведских составных слов, перешедших в финский язык с аналогичным отпадением второй части слова: из шведского *rlksdaler* — финское *rlkal*, из шведского *hottan* — финское *huovi*, из *hammerman* — *hammer* и из *båtsman* — *puosu*.⁹⁰

Однако, как правильно отметили и Мигисте, и Экбу, все приведенные Томсеном примеры перехода составных слов из шведского в финский язык относятся к значительно более позднему времени и потому не вполне убедительны.⁹¹ Мигисте, правда, тут же старается смягчить этот вполне объективный вывод, так как «нельзя в то же время считать исключенным, чтобы подобная тенденция (к отпадению второй части составного слова при переходе из шведского в финский язык) могла существовать в прибалтийско-финских языках еще в IX в. и даже ранее».⁹² Кроме того (опять-таки ради смягчения своего ранее высказанного мнения), Мигисте высказывает предположение, что из шведского составного слова *rōfsmaen и т. п. могло в прибалтийско-финских языках образоваться первоначально тоже составное слово по типу современного восточного *Roofst-mees* — 'швед' (*mees* — 'человек', 'мужчина'), а затем вторая часть составного слова отпала.⁹³ Однако это предположение, особенно предположение о возможности позднейшего отпадения второй части слова, автором не подтверждалось какими-нибудь конкретными датированными фактами.

Уязвимым местом построения Томсена и его последователей является также наличие в форме *rōtsl конечного звука *l*. Как правильно отмечает Экбу, среди слов финского языка, заимство-

ванных в тот же период из скандинавских языков, нет ни одного, в котором к окончанию имен. падежа, имевшемуся в исходной скандинавской форме, было бы добавлено *l*. Экбу пытается объяснить это обстоятельство тем, что вообще известно мало скандинавских заимствований в финском языке, относящихся к тому же времени — к VII—VIII вв. (большинство заимствований относится или к значительно более раннему, или к значительно более позднему периодам), и потому можно предполагать наличие в то время и других заимствованных слов, оканчивавшихся на *l*, которые могли отмереть или замолчать.⁹⁴ Однако подобное предположение также не может быть подтверждено какими-либо конкретными фактами.

Из соображений по данному вопросу, приведенных и цитированной выше статье Мигисте, можно заключить, что, по его мнению (высказываемому в осторожной форме), заимствованное слово *rōtsl скорее могло проникнуть в прибалтийско-финские языки в более раннее время, а не в VII—VIII вв., как предполагалось до сих пор. Мигисте считает прибалтийско-финскую форму *rōtsl с основой на *l* долейной древней, хотя она и не может быть старше времени около начала нашей эры; подобный тип с основой на *l* можно отнести к прибалтийско-финскому языку, из которого развились все позднейшие прибалтийско-финские языки. Среди многих прибалтийско-финских заимствований из германских языков, произведенных на рубеже и в первые века нашей эры, доминируют слова, полученные в прибалтийско-финском языке основу на *l*; к числу этих слов могло, по-видимому, относиться и *rōtsl. Но желая подчеркнуть расхождение своих лингвистических соображений с традиционным норманистским воззрением о переходе слова *rōtsl из скандинавских в прибалтийско-финские языки в VII—VIII вв., накануне начала варяжских походов в восточнославянские земли, Мигисте осторожно включает, что указанное слово могло принадлежать к германским заимствованным словам в прибалтийско-финских языках периода I тысячелетия н. э.⁹⁵ Но из предшествующего изложения известно, что, по лингвистическим данным, наиболее вероятным представляется заимствование этого слова в первые века нашей эры.⁹⁶

Проявляемая Мигисте осторожность в датировке вполне понятна: для норманистской концепции крайне нежелательно относить заимствование слова *rōtsl в прибалтийско-финские языки

⁹⁰ В. Томсен. Начало Русского государства, стр. 87.

⁹¹ J. Mägiste. Pl. *Ruotsl*, ... в. 205; В. Экбу. Om ortnamnen

⁹² J. Mägiste. Pl. *Ruotsl*, ... в. 205.

⁹³ Там же.

⁹⁴ В прошлом аналогичное мнение о заимствовании финнами слова *Ruotsl* в глубокой древности (а не в VII—VIII вв.) высказывали в своих поздних работах А. А. Куниц (см. А. А. Куниц и др. 1) Дополнения к сочинению Дорна «Восток», стр. 437; 2) Известия Аз.-Вост. о-ва в С.-Петербурге, ч. 2, СПб., 1903, стр. 99).

к более раннему времени, чем VII—VIII в. н. э., ибо большая древность заимствования снижает доказательность всех норманистских построений, связанных с предполагаемым переходом из шведского *rōþsmen, *rōþskarlar и т. п. в прибалтийско-финское *rōtsi и восточнославянское *Русь*.

Имеющиеся трудности в трактовке указанного перехода из форм скандинавских языков в форму *rōtsi вынуждают поставить вопрос о возможности иного решения задачи: не могло ли слово *rōtsi быть исконным финно-угорским словом. Этот вопрос также разбирается в работе Мягисте.

Слово *rōtsi встречается только в прибалтийско-финских языках; в остальных финно-угорских языках оно является очевидным заимствованием. В прибалтийско-финских языках имеется несколько слов с весьма близкими корнями: финское *ruota*, *ruoto* — 'рыбья кость', 'планка', 'стержень', *ruotia*, *ruotsia* — 'чистить рыбу', 'отделять кости'; эстонское *rood*, южноэстонское *roots* — 'твердое, защищающее' изнутри более слабые внешние части', и т. д. Финское *ruota* и эстонское *rood* рассматриваются некоторыми учеными как древнескандинавское заимствование, но данное мнение нельзя считать доказанным, вполне возможно, что это — исконные прибалтийско-финские слова. Мягисте обращает особенное внимание на южноэстонское *roots* и финский глагол *ruotsia*, которые, по-видимому, происходят от корня *rōtsa-*, и считает весьма вероятным, что этот корень с *ts* существовал на довольно ранней стадии в прибалтийско-финских языках. Прибалтийско-финское *rōtsi могло быть, по мнению Мягисте, производным словом от корня *rōtsa*.⁹⁷ Правда, автор в конце оговаривается, что «подобное истолкование все же должно считаться довольно ненадежным, и к нему можно [будет] обратиться лишь тогда, когда со скандинавской стороны будет окончательно отвергнута каждая скандинавская этимология для названия *rōtsi; пока же Мягисте считает по-прежнему более вероятным скандинавское происхождение этого слова».⁹⁸

Процитированные оговорки вполне естественны для буржуазного ученого, лично более симпатизирующего старой норма-

⁹⁷ По мнению Мягисте (J. M ä g i s t e. Fi. *Ruotsi*,... s. 209), прибалтийско-финское *rōtsi могло быть уменьшительным или составным производным словом от корня **rōtsa-* и первоначально иметь значение 'маленькая рыбья кость' и затем 'человек рыбой кости' и т. п. Такое объяснение Мягисте ставит в связь с ранее предложенной Хакулинею трактовкой происхождения слова *Suomi*, *suomalainen* — 'финн' от финского *suomi[s]* — '[рыбья] чешуя' п. отсюда — 'человек рыбой чешуей', 'чешуйчатый'. Как указал нам проф. П. А. Аристе, оба слова могли быть первоначально насмешливыми, ругательными названиями: *rōtsi — 'человек, едящий рыбу', 'рыбод', *suomi* — 'человек, вымазанный рыбой чешуей', и т. п.; словом *rōtsi (с насмешливо-ругательным значением) финны могли первоначально называть шведских рыбаков, с которыми они стали встречаться в шхерах.

⁹⁸ Там же, стр. 207—209.

нистской концепции. И разумеется, значение приведенных выше соображений Мягисте не нужно преувеличивать: прибалтийско-финское происхождение слова *rōtsi не может в данное время считаться доказанным. Но тем не менее чрезвычайно важно, что в статье Мягисте показана объективная возможность выведения слова *rōtsi из самих прибалтийско-финских языков, возникновения данного слова внутри указанных языков. Тем самым Мягисте (разумеется, сам того не желая) по существу нанес удар традиционной норманистской концепции происхождения имени *Русь*, точнее, одной из основных частей данного построения, производящей славянское *Русь* и финское *rōtsi из языка скандинавов-шведов, преимущественно от наименований шведских воинов-мореходов, нападших на восточнославянские и финские земли. И если показанная Мягисте возможность финского происхождения слова *rōtsi весьма гипотетична, то ведь и доказательства происхождения этого слова из разных скандинавских языковых форм тоже все без исключения являются только гипотезами, в большей или меньшей степени допустимыми, но не доказанными.

К изложенным суждениям Мягисте о происхождении прибалтийско-финского *rōtsi необходимо добавить еще одно соображение.

Показав в начале своей статьи наличие во всех прибалтийско-финских языках форм *Ruotsi*, *Roots* и т. д., Мягисте не сделал необходимых общих выводов. Между тем наличие во всех языках одной и той же языковой семьи аналогично звучащих слов с аналогичным значением скорее всего свидетельствует об их общем происхождении. До сих пор вслед за Томсеном предполагалось, что все эти слова восходят к более ранней первоначальной форме *rōtsi, возникшей довольно поздно, в VII—VIII вв., перед самым началом шведских (варяжских) завоевательных походов в Восточную Европу, якобы завершившихся основанием варягами Русского государства. Поскольку к VII—VIII вв. прибалтийско-финские племена уже давно сформировались и расселились по довольно значительному пространству к востоку от Балтики, оставалось думать, что первоначальная форма *rōtsi была заимствована из шведского языка сперва языком какого-то одного прибалтийско-финского племени (скажем, племенным диалектом жившего ближе всего к Швеции племени сумь, населявшего юго-западную Финляндию) и из диалекта данного племени была передана в диалекты остальных прибалтийско-финских племен. Однако при этом совсем не учитывается, что в VII—VIII вв. (и далее, в IX, X и следующих) контакт между отдельными прибалтийско-финскими племенами, разбросанными по огромной, нередко слабо населенной территории, был не так уж велик; во время варяжских походов и набегов VIII—IX вв. контакт между отдельными прибалтийско-финскими племенами был не больше, чем торговые и военные сношения каждого из этих племен с варя-

гами. Можно даже полагать, что фигура варяжского вонна-кунда появилась в землях всех прибалтийско-финских племен (кроме, может быть, отдаленной веси) более или менее одновременно и у каждого племени более или менее в одно время возникла потребность как-то именовать начавших проникать в их земли варягов. Но тогда получается, что различные далеко живущие друг от друга и мало связанные между собой племена почему-то одновременно назвали варягов одним и тем же словом (никак не связанным с самоназванием варягов), что явно невозможно.

Если же отказаться от даты VII—VIII вв., очевидно, предложенной сторонниками и продолжателями концепции Томсена с конкретной целью теснее связать свое объяснение происхождения имени *Русь* со всей норманской теорией,⁹⁹ факт наличия аналогичного слова во всех языках одной и той же языковой семьи получит естественное языковедческое толкование, обычно применяемое в подобных случаях. Остается предположить, что это слово относится к первоначальному общему словарному составу данной языковой семьи, т. е. к словарному составу прибалтийско-финского праязыка, существовавшего во II—I тысячелетии до н. э.¹⁰⁰ и являвшегося общим предком всех прибалтийско-финских языков. В этом случае будет вполне объяснимо, почему во всех прибалтийско-финских языках шведы именуются одним и тем же (лишь по-разному произносимым) термином. Подобное мнение вполне согласуется с приведенными выше данными Мягисте о вероятности сравнительно раннего, около первых веков нашей эры, возникновения в прибалтийско-финских языках слова **rōtsi*, а также с установленной Мягисте возможностью не заимствованного, а местного, прибалтийско-финского его происхождения.

Можно предполагать, что с жителями Швеции прибалтийские финны впервые познакомились на побережье Эстонии или на море еще до начавшегося в первые века нашей эры из Эстонии (где до того времени находился основной массив прибалтийско-финских племен)¹⁰¹ заселения Финляндии и формирования отделив-

⁹⁹ Столь поздняя дата заимствования слова **rōtsi* прибалтийскими финнами из Скандинавии позволила выводить это слово из конкретных явлений шведской действительности так называемой «эпохи викингов», связывать его происхождение с шведскими (варяжскими) морскими походами, в том числе с походами в восточнославянские земли, с морским ополчением — ледунг, и т. п.

¹⁰⁰ П. Аристе. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. В сб.: Вопросы этнической истории эстонского народа, Таллин, 1956, стр. 12.

¹⁰¹ По данным языковедов и археологов, в I тысячелетии н. э. прослеживаются соприкосновения прибалтийско-финского населения Эстонии и германских (скандинавских) племен, они прослеживаются и по древним германским (скандинавским) языковым заимствованиям в прибалтийско-финских языках, и по некоторым археологическим памятникам на западе Эстонии (Х. А. Мора. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. В сб.: Вопросы этнической истории

нихся собственно финских племен; в этом случае общее обозначение **rōtsi* для жителей заморской Швеции (людей, живущих за морем) возникло еще тогда, когда основной массив прибалтийско-финского населения жил совместно и говорил на общем языке.

Если принять предложенное мнение, отпадет значительная часть положений традиционной концепции, содержащих поиски исходной шведской формы, от которой могло произойти финское **rōtsi* и славянское *Русь*, отпадут все предлагавшиеся последователями традиционной концепции различные варианты исходной формы, носившие не только узколингвистическую, но в большинстве своем и вполне определенную смысловую, историческую нагрузку, ибо они должны были косвенно свидетельствовать в пользу норманской теории, — все эти формы **rofsmaen*, **rofskarlar*, **rofsbyggjar*, рассматривавшиеся как наименования людей, участвовавших в варяжских плаваниях и походах на равнинах восточной Европы, как наименования тех варягов, которые в IX в. якобы производили завоевание славянских земель и основание Русского государства. Если полагать, что возникновение слова **rōtsi* в прибалтийско-финских языках надо относить к началу нашей эры, то даже если его считать словом, заимствованным из германских (скандинавских) языков, оно не могло происходить из форм, связанных с существованием шведского морского ополчения ледунг и с названием области Рослаген — Роден, поставлявшей корабли и людей для этого ополчения (и существовавшей именно как область, поставлявшая людей и корабли), ибо, как уже ранее говорилось, формирование морского ополчения — явление, возможное лишь после создания шведского государства, т. е. не ранее IX в. Больше того, если принять указанную датировку, исходной формой не может быть и предложенное Экбу слово *rōðR* со значением 'флот викингов', ибо и викинги, и создание флотилий их судов — тоже явления периода становления классового общества в Скандинавии, т. е. VIII—X вв. И вообще, если заимствование слова **rōtsi* произошло на много столетий ранее, чем обычно предполагалось, т. е. в период, когда еще не существовало скандинавской письменности, от которого не сохранилось никаких письменных памятников, то утрачивают всякий смысл все так старательно производившиеся поиски конкретных шведских форм, от которых могло бы произойти **rōtsi*, ибо для столь раннего времени конкретные формы языка населения Швеции нам неизвестны.

Если же считать, что слово **rōtsi* вообще не было заимствовано из Швеции, а возникло в ходе внутреннего развития древнего

эстонского народа, стр. 95—103; История Эстонской ССР, т. I. Таллин, 1961, стр. 46). В начале нашей эры связи прибалтийских финнов со скандинавскими племенами заметно ослабевают и вновь усиливаются к концу I тысячелетия н. э. (там же).

языка прибалтийских финнов, то тем более отпадают все построения, связанные с поисками для него исходной шведской формы.

О большой древности термина **rōtsi* говорит и то, что это наименование шведов, по всей видимости, возникло и вошло во все прибалтийско-финские языки до того времени, когда прочно утвердилось самоназвание шведов *sveu* (*svear*), т. е. до сформирования шведского народа (IX—XI вв.) и даже до формирования предшественника шведского народа — племени свеев, а следовательно, не позднее первых веков нашей эры. В противном случае, т. е. если бы ко времени установления контактов шведов и прибалтийских финнов уже прочно существовало шведское самоназвание *sveu*, это самоназвание должно было бы отразиться и в прибалтийско-финских языках.¹⁰²

Разумеется, высказанные нами соображения о большой вероятности более древнего происхождения слова **rōtsi* тоже являются только гипотезой, хотя и имеющей довольно вескую аргументацию.¹⁰³ Но и отмеченная выше возможность исконного прибалтийско-финского происхождения указанного слова, и возможность его возникновения путем заимствования из Скандинавии или в результате внутреннего развития прибалтийско-финского праязыка на много столетий ранее, чем предполагалось до сих пор, делают очевидным, что традиционная концепция Куника—Томсена, еще недавно представлявшаяся многим ученым единственно серьезной научной трактовкой вопроса о происхождении имени *Русь*, становится в последнее время все менее убедительной, все более очевидной делается ее тенденциозность.

Нужно сказать, что наиболее объективные представители традиционной концепции сами сознают возрастающую непрочность своих позиций. Так, С. Экбу, заключая детальный разбор всех последних лингвистических построений, вынужден был сделать весьма знаменательное признание: «... нельзя указать

¹⁰² Трудно предположить, чтобы в то время, когда уже прочно существовало самоназвание *sveu*, прибалтийские финны могли дать шведам наименование, происходящее от какого-то совсем другого корня, и чтобы это наименование смогло войти в языки всех мало связанных друг с другом прибалтийско-финских племен и закрепиться во всех этих языках.

¹⁰³ Противники норманской теории (А. Н. Насонов. «Русская земля», стр. 39; М. В. Лерченков. Очерки по истории русско-византийских отношений, стр. 35, и др.) и некоторые наиболее осторожные ее последователи (Н. А. Губин и др. *Svear i österviking*, s. 20) считали уязвимым местом традиционной концепции то обстоятельство, что слово *Ruotsi* (**rōtsi*) точно зафиксировано лишь в финском языке нашего времени (фактически начиная с XVI—XVII вв. более ранних письменных памятников финского языка нет) и неизвестно, существовало ли это слово в финском языке IX—XI вв. Ответом на данный вопрос могут послужить изложенные выше соображения о большой вероятности весьма древнего происхождения слова **rōtsi*, особенно наличие его во всех языках прибалтийско-финской семьи, скорее всего указывающее на его вхождение еще в состав прибалтийско-финского праязыка.

такое скандинавское слово, которое являлось бы бесспорным источником для прибалтийско-финского **rōtsi*. В равной мере не доказано, что финское *Ruotsi* и с ним связанное слово (*Русь*, — II. III.) заимствовано из древнешведского языка.¹⁰⁴ Правда, Экбу затем сиюхватается и говорит, что, «с другой стороны, подобное предположение имеет большую внутреннюю вероятность, и нужно продолжать разрабатывать гипотезы о шведском происхождении до тех пор, пока не возникло абсолютных формальных препятствий для подобной теории».¹⁰⁵ Но и в последнем высказывании, несмотря на внешне оптимизм, заметно проскальзывают пессимистические представления о дальнейших перспективах развития традиционной концепции.

Остается, правда, в лучшем положении еще одна сторона той же концепции Куника—Томсена — трактовка вопроса о переходе из прибалтийско-финского **rōtsi* в восточнославянское *Русь*. В современных зарубежных работах этот вопрос почти не затрагивается, поскольку разработанная Томсеном трактовка перехода из *Ruotsi* в *Русь* вызвала меньшее количество возражений с языковедческой стороны, чем другие стороны той же концепции.

Этого вопроса коснулся только Экблом в своей последней (неоднократно цитированной выше) статье.¹⁰⁶ Экблом повторил мнение Томсена¹⁰⁷ о том, что прибалтийско-финскому долготному *o* (или дифтонгу *uo*), отсутствующему в древнерусском языке, наиболее близко соответствовал русский звук *y*. Смягчающий конечный звук *i* при переходе в древнерусский язык сменился на *ь*, так же как при переходе из финского *Suomi* в древнерусское слово *Сумь*. Наибольшую трудность представляет объяснение перехода *ts* слова **rōtsi* в славянское *с*. По мнению ряда филологов, при переходе слова **rōtsi* в восточнославянский язык *ts* скорее дало бы звуки *ц* или *ч*, а не *с*, т. е. *Русь* или *Ручь*, а не *Русь*.¹⁰⁸ Экблом (вслед за В. Томсеном) решительно отвергает это мнение, считая, что форма *Русь* в древнерусском языке образоваться не могла.¹⁰⁹

¹⁰⁴ S. Ekblom. Om ortnamnen Roden..., s. 199.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ В. Экблом. Roslagen-Rußland, SS. 48—49.

¹⁰⁷ В. Томсен. Начало Русского государства, стр. 87.

¹⁰⁸ А. Л. Погодин. Вопрос о происхождении имени Русь. Сборник в честь на В. Н. Златареки; София, 1925, стр. 271 (ссылается на мнение финского филолога Н. И. Миккола); В. А. Мошин. Главные направления..., стр. 617; Н. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии, стр. 100, и др.

¹⁰⁹ По мнению В. Томсена (Начало Русского государства, стр. 87), форма *Русь*, недопустимая в древнерусском языке, должна была сразу измениться на *Ручь* или *Русть*, «предпочтение, оказавшее именно последней форме, объясняется, может быть, народным словообразованием, сблизившим имя *Русь* с созвучным ему прилагательным *русый*». Добавим, что, по мнению Шахматова, древнерусское *ц* было мягким звуком, не тождественным с финским *ts*, и потому финское *ts* скорее должно было быть передано русским *с* (А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка, ч. I,

Экблом предложил два объяснения перехода *ts* в *c*: могло произойти явление, аналогичное переходу из венского *vepsa* в русское *весь*, т. е. выпадение предыдущего согласного, стоявшего перед последним согласным *c*; ¹¹⁰ могло быть также, что финское *ts* в конце I тысячелетия н. э. произносилось как *fs* ¹¹¹ (такое произношение прослеживается теперь в некоторых диалектах западной Финляндии) и было передано русским *c* (правда, это объяснение представляется Экблomu менее вероятным, ибо диалектное произношение *fs*, по-видимому, возникло позднее). ¹¹²

Первое объяснение, предложенное Экблomu, кажется довольно вероятным, хотя и не абсолютно бесспорным. Переход *ts* в славянское *c* все же остается слабым местом всего построения. Нельзя полностью отрицать, что финское **rötsi* при переходе в древнерусский язык могло дать *Ручь* или *Ручь*; построение о переходе *Ruotsi* (**rötsi*) в *Русь* остается гипотезой, а не бесспорным выводом. ¹¹³

Тем не менее в общем принятая традиционной концепцией трактовка перехода из прибалтийско-финского **rötsi* в восточнославянское *Русь* встречает все же меньше трудностей и подводных камней, чем трактовка перехода из какой-то предполагаемой шведской формы в прибалтийско-финское **rötsi*; с лингвистической стороны переход из **rötsi* в *Русь* представляется возможным. ¹¹⁴

Основным методологическим пороком всех изложенных построений приверженцев традиционной концепции является то,

стр. 67). Однако эти мнения не стали общепризнанными среди русских филологов (см., например: П. Я. Черныш: Очерк русской исторической лексикологии, стр. 100).

¹¹⁰ Экблом приводит еще два примера, но они малоубедительны.

¹¹¹ Древнешведский звук *f* приблизительно соответствует современному глухому английскому звуку *th* в слове *thick*.

¹¹² R. Ekblom. Roslagen-Rusland, SS. 48—49.

¹¹³ Показательно, что именно как гипотезу трактует это построение (и в целом всю традиционную концепцию) наиболее объективный скандинавский историк-норманист Х. Арбийан (*Svear i österviking*, s. 20).

¹¹⁴ Сама по себе возможность возникновения названия *Русь* из неславянского языка не может вызывать принципиальных возражений с позиций советской науки и не может рассматриваться как какое-то ущемление нашего национального престижа. Ведь хорошо известно, что иноязычные происхождение имеют названия ряда европейских стран и народов. Так, Франция и французы получили свое имя от германского племени франков, Англия и англичане — от германского племени англов, Болгария и болгары — от тюркского племени болгар и т. д. При этом французам, англичанам, болгарам не считают подобное происхождение названий недостатком почетным. Более того, существующая в науке другая возможность решения вопроса о происхождении слова *Русь*, пользующаяся большей популярностью у советских ученых (см. стр. 163—164), также выводит это слово скорее всего из неславянских языков. Предлагаемая ниже критика традиционной концепции вызвана не какими-либо ненаучными соображениями, а тем, что она при ее углубленном рассмотрении обнаруживает много слабых мест и в целом не удовлетворяет строгим требованиям современной науки.

что все эти авторы, будучи лингвистами, базируют свои построения только на материалах языкознания.

Между тем вопрос о происхождении названия огромной страны и ее народа, притом названия, получившего уже в IX—X вв. широчайшую известность на больших пространствах Европы и Азии, не может решаться только языковедческим путем, без исторического осмысления. ¹¹⁵ Притом ведь и с языковедческой стороны последователи традиционной концепции, как правильно подчеркнул Г. Ловмянский, смогли лишь доказать возможность происхождения имени *Русь* от *Ruotsi*, но не доказали, что имя *Русь* должно производиться от *Ruotsi*. ¹¹⁶ Как отмечал еще Д. И. Иловайский, никем не доказано, что слова *Ruotsi* и *Русь* были когда-либо тождественны, а не являлись просто созвучием двух различных по значению слов. ¹¹⁷

Итак, общая оценка научной достоверности традиционной концепции в ее современном виде (как концепции уже не Томсена, а Экблома, Хьерне, Экбу, Мягисте и др.) должна производиться не на основании одного языкознания, а на основе всей совокупности исторических и лингвистических данных. Для этого необходимо использовать критику указанной концепции, произведенную во многих работах современных ученых-марксистов (Грекова, Мавродина, Насопова, Рыбакова, Ловмянского и др.), а также критику того же построения, содержащуюся в сочинениях его противников в стане современной буржуазной науки (Г. Вернадского, А. Рязановского), и сохранившие свое значение критические замечания, имевшиеся в произведениях дореволюционных ученых-антинорманистов (Гедеонова, Иловайского, Грушевского и др.).

¹¹⁵ Ср.: Н. Ё о w m i a ñ s k i. Zagadnienie roli normanów... s. 137. В стане буржуазной науки об этом же писали противники традиционной концепции происхождения имени *Русь* Г. Вернадский (G. Vernadsky. 1) Ancient Russia. New Haven, 1943, p. 277; 2) The Origins of Russia. London, 1959, p. 199; 3) Essai sur les origines russes, II, Paris, [1959], p. 330) и Н. Рязановский (N. V. Riasanovskiy. A History of Russia. N. Y., 1963, p. 27).

¹¹⁶ Н. Ё о w m i a ñ s k i. Zagadnienie roli normanów... s. 140. Кстати, для общих выводов о степени достоверности и научной значимости традиционной концепции последняя часть этой концепции — трактовка перехода из **rötsi* в *Русь* — имеет даже большую важность, чем первая — трактовка перехода из некоей шведской формы в прибалтийско-финское **rötsi*; ведь самое главное в концепции Куника—Томсена — утверждение, что имя *Русь* происходит от прибалтийско-финского **rötsi* — 'швед', 'Швеция' и что это имя в восточнославянском языке тоже первоначально прилагалось к норманнам-шведам. В конце концов столь старательно разрабатывавшийся многими филологами вопрос о происхождении прибалтийско-финского **rötsi* из шведского языка нужен норманистам не сам по себе, а как первое звено в общем построении, стремимся доказать, что имя *Русь* первоначально означало 'норманны-шведы'.

¹¹⁷ Д. И. Иловайский. Разыскания о начале Руси. М., 1882, стр. 70.

Прежде всего нужно уточнить, о взаимоотношениях восточных славян с какими именно прибалтийско-финскими племенами и языками должна идти речь.

В прежних норманистских сочинениях (начиная с работы Туимана), в частности, в сочинении Томсена, обычно говорилось о финской форме *Ruotsi*, о заимствовании восточными славянами имени *Русь* из финского языка; такая же трактовка, упрощенная и не вполне точная, вслед за Томсеном обычно дается в исторических трудах, в том числе в большинстве работ советских историков, касающихся данной темы. Между тем в свете современных исторических данных совершенно очевидно, что если даже признавать концепцию Томсена, происхождение слова *Русь* от *Ruotsi*, т. е. из языка собственно финских племен суми и еми, будет как раз не самым возможным, поскольку северная группа восточных славян позднее всего (не раньше X в.) вступила в контакт с жившей в Финляндии емью (и еще позднее — с сумью). Речь может идти лишь или вообще о прибалтийско-финских языках (и об обобщенной прибалтийско-финской форме *rōtsi), или о языке тех прибалтийско-финских племен, с которыми раньше всего вступили в соприкосновение восточные славяне при расселении в бассейне Ильменя и Чудского озера и с которыми восточные славяне стали жить в непосредственном соседстве, т. е. о языке эстов и води.¹¹⁸ Следовательно, речь может идти лишь об эстонской форме *roots* и о водской форме *rōtsi*.¹¹⁹

Поскольку ильменские славяне (словене) и кривичи с VI или VII в.¹²⁰ жили в непосредственном соседстве и во все усиливающемся контакте с эстами и водью, они имели возможность уже достаточно рано узнать от води и эстов о существовании жителей Швеции и об имени, которым води и эсты называли этих заморских жителей. Если бы северные восточнославянские племена действительно восприняли имя *Русь* (сначала в качестве названия населения Швеции) от своих прибалтийско-финских соседей чуди и води, это должно было бы скорее всего произойти задолго до середины IX в., когда началось проникновение варяжских купцов по речным путям внутрь Восточно-Европейской равнины, в земли ильменских славян, кривичей и их восточных соседей. К данному моменту термин *Русь* (как обозначение жителей заморской Швеции) уже должен был давно бытовать в языке словен и кривичей, войти в него прочно, и первоначальное значение этого термина не могло быстро и бесследно исчезнуть. Между тем уже многими истори-

¹¹⁸ Ср.: R. Ekblom. Roslagen-Rußland, s. 49.

¹¹⁹ Предпочтительно даем здесь приводимую Куником (Дополнения к сочинению Дорна «Касний», стр. 672) водскую форму XIX в. *rōtsi* как более достоверную сравнительно с указываемой Мягисте формой середины XX в. *ruotsi*, возможно, образовавшейся под влиянием формы *ruotsi* из языка живущих рядом с водью нингерландских финнов.

¹²⁰ Время расселения кривичей и ильменских славян на их племенной территории археологически установлено лишь приблизительно.

ками отмечалось, что в древнерусских письменных источниках слово *Русь* прилагается только к восточнославянским землям, их народу и государству.¹²¹

Единственные имеющиеся исключения — внесенные составителем «Повести временных лет» при редактировании прежних летописных текстов в нескольких местах (во введении, под 862 и 898 гг.) специальные оговорки о первоначальном тождестве Руси и варягов — являются совершенно очевидными выпадающими из общего контекста редакционными вставками, призванными аргументировать общую политическую концепцию составителя «Повести» о благородном заморском происхождении правящей княжеской династии.¹²² Явно вставным, искусственным характером эти места «Повести временных лет» лишь еще более подтверждают, что в восточнославянских землях было известно только одно этническое и географическое значение термина *Русь* и потому составитель Повести должен был (в угоду своей концепции) несколько раз специально доказывать, что некогда слово *Русь* будто бы означало варягов. С другой стороны, в летописи и других древнерусских письменных источниках имеется только два термина для обозначения норманнов — варяги и свеи.¹²³

Важно также, что никаких следов былого знакомства с существовавшим когда-либо ранее тождеством варягов и Руси не сохранилось, в частности у северных восточнославянских племен словен и кривичей, которые с наиболее раннего времени и в наибольшей степени должны были соприкасаться с варягами.¹²⁴

¹²¹ Д. С. Лихачев. Повесть временных лет, т. II, Комментарий, стр. 239; H. Łowmiański. Zagadnienie roli normanów... s. 139.

¹²² Д. С. Лихачев. Повесть временных лет, т. II, Комментарий, стр. 238—244; В. В. Мавродин. 1) Очерки истории СССР, стр. 92; 2) Происхождение названий «Русь», «русский», «Россия», стр. 10; H. Łowmiański. Zagadnienie roli normanów... s. 139. Д. С. Лихачев (Повесть временных лет, Комментарий, стр. 239, 243) указывает, что из имеющихся в «Повести временных лет» 270 упоминаний термина *Русь* и *Русская земля* всего в пяти случаях летописцем дается (и каждый раз специально оговаривается) отождествление Руси с варягами.

¹²³ H. Łowmiański. Zagadnienie roli normanów... s. 139.

¹²⁴ Там же. Делавшиеся языковедами-норманистами попытки доказать большое распространение в землях новгородских словен и северных кривичей местных названий, происходящих от имени *Русь* и якобы восходящих к тому времени, когда имя *Русь* означало варягов (см.: R. Ekblom. Rus- et varæg... pp. 10, 30, 58; M. R. Vasmer. Wikingerspuren in Russland. Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philol.-hist. Klasse, 1931, XXIV, SS. 656, 659, 661, 666), неубедительны, ибо никак нельзя доказать, что сохранившиеся к нашему времени топонимические названия, происходящие от имени *Русь*, некогда были даны по имени варягов, называвшихся *Русью*. Скорее всего эти названия происходят от слова *Русь* в обычном, известном нам и существовавшем издревле единственном этническом и географическом значении этого слова — «русские», «Русская земля», «Русское государство». См. также об этом: В. В. Мавродин. Очерки истории СССР, стр. 93.

Весьма существенно, далее, что в скандинавских странах в эпоху викингов (в IX—XI вв., да и позднее, до XIII в.) термин *Русь* в значении 'варяги', 'шведы' и в значении 'русские', 'Русская земля' был совершенно неизвестен.¹²⁵ В скандинавских источниках этого времени территория Древней Руси и Древнерусское государство всегда назывались *Gardariki*, или *Gardar*. Показательно, что составитель «Повести временных лет», делая тенденциозные вставки о былом тождестве понятий *Русь* и *варяги*, отлично знал, что в его время никакого племени или народа русь в Швеции не было. Поэтому для спасения своей концепции составитель «Повести» изобразил русь особым варяжским племенем, будто бы жившим некогда в Швеции, и заставил Рюрика с братьями увести с собой в восточнославянские земли из Швеции «всю русь», чтобы было понятно, почему никакой руси в Швеции с тех пор более не существует.¹²⁶

В общем если даже признать утверждение традиционной концепции, что имя *Русь* произошло из шведского языка через прибалтийско-финское *rotsi и первоначально являлось обозначением норманнов-шведов, возникает ряд недоуменных вопросов, требующих объяснения. Так, совершенно непонятно, почему восточные славяне, зная собственное имя норманнов-шведов *свейи* (их самоназвание *svear*) и имея для них же наименование *варяги*,¹²⁷ приняли для норманнов чуждое и славянам, и шведам заимствованное у прибалтийских финнов имя *Русь*. Непонятно, как могли на каком-то определенном этапе одновременно сосуществовать все эти три названия.

Очень мало правдоподобно также, что шведы, придя в Восточную Европу, стали сами называть себя там не собственным именем и не наименованием, которое им дано было славянским населением, а именем, прихваченным по дороге, когда они проезжали через земли финских племен. И если (в соответствии с норманист-

¹²⁵ Е. А. Рыдзевская. К варяжскому вопросу. Изв. Акад. наук СССР, 1934, № 8, стр. 628. Этот факт призывали также В. Томсен (Начало Русского государства, стр. 80), Х. Арбман (*Svear i österviking*, s. 20) и др. Термин *Russla* в некоторых сагах, написанных в основном в Исландии в XIII в. (на основе произведений устного творчества), есть результат воздействия поздней западноевропейской книжной традиции. Термины *rudsar*; *ryssar* — 'русские' — появились в шведском языке сравнительно поздно, не ранее XIII в. (Е. А. Рыдзевская. К варяжскому вопросу, стр. 628).

¹²⁶ С. А. Геденов. Варяги и Русь, ч. II. СПб., 1876, стр. 463—464; М. С. Грушевский. История Украины-Руси, т. I. Львов, 1904, стр. 601—602; А. А. Шахматов. Сказание о призвании варягов, стр. 75; В. В. Мавродин. 1) Очерки истории СССР, стр. 96; 2) Происхождение названий «Русь», «русский», «Россия», стр. 7, и др.

¹²⁷ Термин *сваряги* был в древней Руси обозначением скандинавов вообще, но в IX—X вв. трудно предполагать проникновение на Русь норманнов из более отдаленных стран Скандинавии — Норвегии и Дании. В это время все или почти все норманны, появившиеся на Руси, были выходцами из Швеции, главным образом из средней Швеции, Упланда (что прослеживается по археологическим и лингвистическим данным).

ской концепцией) предполагать, что шведы в восточнославянских землях создали Древнерусское государство, непонятно, почему это государство приняло не собственное имя шведов и не имя восточных славян, а имя, которым шведов называли прибалтийские финны. Трудно понять также, почему имя *Русь* в качестве обозначения шведов совершенно исчезло из восточнославянского языка как раз тогда, когда варяги стали часто ездить в славянские земли и участвовать в процессе создания Древнерусского государства. Совершенно необъяснимо, как могло первоначально существовавшее (если его признавать) тождество понятий *Русь* и *варяги* так быстро полностью исчезнуть из памяти славянского населения, которое ранее этими понятиями пользовалось как равнозначными. Далее, если считать (в соответствии с традиционной норманистской концепцией), что шведы в Восточной Европе приняли имя *русь* и сами стали называть себя *русью*, как могло случиться, что это название — и как название живущих в Восточной Европе шведов, и как название созданного (в соответствии с той же концепцией) ими государства — осталось совершенно неизвестным у них на родине, в Швеции. На все эти вопросы, впервые поставленные еще С. А. Геденовым почти сто лет тому назад,¹²⁸ и неоднократно вновь поднимавшиеся противниками норманнской теории,¹²⁹ приверженцы традиционной норманистской концепции до сих пор не смогли дать сколько-нибудь удовлетворительного ответа.

Особенно важно отметить, что традиционная концепция, настаивающая на северном, норманско-финском происхождении слова *русь*, оказывается в неразрешимом противоречии с многочисленными показаниями источников, свидетельствующими о южном происхождении этого названия. Норманисты никогда не были способны объяснить тот факт, что имя *русь* появляется на юге России задолго до проникновения норманских воинов и купцов в глубь Восточной Европы и что в первые десятилетия IX в., когда в южной России и на Черном море ни по письменным, ни по археологическим данным еще не прослеживается никаких следов норманнов, здесь уже существовало сильное политическое образование по имени *Русь*, совершавшее грозные военные походы на северный и южный берега Черного моря (походы на Сурож, Амастриду, Эгипу). Имеются многочисленные данные о весьма давнем (с первых веков нашей эры) бытовании имени *Русь* в географическом, этническом и политическом его значении в Южной России, особенно в Поднепровье.¹³⁰ Важно также, что наряду

¹²⁸ С. А. Геденов. Варяги и Русь, ч. II, стр. 403—404.

¹²⁹ М. С. Грушевский. История Украины-Руси, т. I, стр. 602; Л. С. Тивернадский. К вопросу о происхождении Руси... стр. 41, и др.

¹³⁰ М. П. Артамонов. 1) Спорные вопросы древнейшей истории славян и Русей, стр. 12—13; 2) История хазар, стр. 289—293; М. Д. Присьелков. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. Уч. зап. ЛГУ, сер. истор. наук, 1941, вып. 8, стр. 233—235;

с широким географическим значением термина *Русь*, охватывавшим все русские земли, по древнерусским источникам ясно прослеживается и его узкое, частное значение, прилагаемое только к среднему Поднепровью, к области Киева, Чернигова и Переяславля.¹³¹ Нельзя не учитывать этого факта, неизбежно наводящего на мысль, что данное узкое значение термина *Русь* могло быть первоначальным.¹³²

По изложенным соображениям марксистским исследователям наиболее вероятным представляется мнение, согласно которому имя *Русь* возникло впервые на юге нашей страны задолго до прихода норманнов в Восточную Европу.¹³³

Традиционная концепция встречает определенные возражения и с лингвистической стороны. Ее сторонники не смогли объяснить, почему при переходе из финского в славянские языки возникли две различные формы — *Русь* и *Рось* — с двумя разными гласными и почему форма с *о*, более близкая к предполагаемой исходной форме — прибалтийско-финскому *rōtsi, возникла у южной части восточного славянства, не имевшей прямого контакта с финскими племенами,¹³⁴ тогда как у соседствовавшей с прибал-

Л. С. Тиввернадский. К вопросу о происхождении Руси... стр. 40—44; М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля», стр. 60—80; А. Н. Насонов. Русская земля... стр. 28—46; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 206—209; Б. А. Рыбаков. Древние русы, стр. 28—104; В. Д. Греков. Киевская Русь. В кн.: В. Д. Греков, Избр. тр., т. II, стр. 358; В. В. Мавродин. Происхождение названий «Русь», «русский», «Россия», стр. 5—26; Очерки истории СССР, III—IX вв., стр. 740—771; см. также: G. Vernadsky. Ancient Russia, p. 278; A. V. Riasanovsky. The Norman theory of the origin of the Russian state: A Critical Analysis. Dissertation Abstracts, v. XX, № 11, Ann Arbor (USA), 1960, p. 4381.

¹³¹ М. Д. Присьелков. Киевское государство... стр. 233—235; М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля», стр. 60—80; А. Н. Насонов. «Русская земля»... стр. 28—33, и др. В дореволюционные годы то же мнение высказывали и аргументировали М. С. Грушевский (История Украины-Руси, т. I, стр. 168—169, 345—346), Д. И. Багалей (Русская история, ч. I, Харьков, 1909, стр. 101—103; Русская история, т. I, М., 1914, стр. 173—178), и др. Этот факт, подтверждаемый показателями многих летописных текстов, вынужден был признать и крупнейший современный норманист Г. Пашкевич (см. стр. 168—169).

¹³² Правда, Д. С. Лихачев (Повесть временных лет, т. II, Комментарий, стр. 239—244) придерживается другой точки зрения. Он считает, что узкое географическое значение термина *Русь* возникло позднее, в XII—XIII вв., а первоначальным было широкое значение — все Русское государство. Однако трудно себе представить, чтобы название, охватывавшее сначала огромную страну, могло затем сузиться до обозначения небольшой области, причем сохранялось в XII—XIII вв. и общее значение слова *Русь*, охватывавшее все русские земли.

¹³³ Разумеется, и это мнение является лишь гипотезой, как и рассмотренное выше мнение о северном, шведско-финском происхождении слова *Русь*.

¹³⁴ В. А. Мошнин. Главные направления в изучении варяжского вопроса за последние годы, стр. 624.

тийскими финнами северной части восточнославянских племен возникла более отдаленная от предполагаемой исходной формы форма *Русь*.

Необъяснимо с позиций традиционной концепции¹³⁵ и образование византийской формы *Ῥῶς*, не склоняемой и совершенно не свойственной греческому языку, формы, которая могла образоваться лишь путем заимствования от другого народа.¹³⁶ В большинстве европейских языков, в частности в германских языках, собирательные народные и племенные имена склоняемы и выступают во множественном числе; источником для несклоняемой греко-византийской формы *Ῥῶς*, видимо, могла быть только собирательная восточнославянская форма (*рось*, *русь*), имеющая лишь единственное число.¹³⁷ Возводить форму *Ῥῶς* к все тому же финскому *Ruotsi* через посредство славянского *рось* — *русь* невозможно и по историческим соображениям.¹³⁸

Противоречит традиционной норманистской концепции и существование венгерского слова *orosz* — «русский», возникшего, по имеющимся данным, из славянского этнического названия *рось* —

¹³⁵ Там же; S. H. Cross and O. Sherbowitz-Wetzor. The Russian Primary Chronicle, pp. 48—49; П. Я. Черных. Очерки русской исторической лексикологии, стр. 100; см. также: F. Klauser. Die russische Nationalname und die indogermanische Urheimat. Indogermanische Forschungen, 1912, Bd. XXXI, S. 81. Томсен хорошо сознавал, что форма *Ῥῶς* не может быть выведена из скандинавского или финского языков, но не смог найти с позиций своей концепции удовлетворительного объяснения этого вопроса и лишь высказал предположение, что форма *Ῥῶς* проникла в греческий язык через посредство какого-то тюркского языка, скорее всего хазарского (В. Томсен. Начало Русского государства, стр. 87). Подобное объяснение было вскоре отвергнуто, ибо ни одно тюркское слово не может начинаться с *р* или *л* (J. Marguarl. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge, Leipzig, 1903, S. 354; S. H. Cross and O. Sherbowitz-Wetzor. The Russian Primary Chronicle, p. 49), да и сам хазарский язык нам почти не известен.

¹³⁶ По словам С. А. Гедесона, греки могли принять неудобную, бесприемную для них форму *Ῥῶς* только по крайней необходимости, т. е. если этого требовало неприменное употребление формы *Ῥῶς* у того народа, который отличал себя этим именем и первый им его передал (С. А. Гедесон. Варяги и Русь, ч. II, стр. 411—412).

¹³⁷ Там же, стр. 412.

¹³⁸ Подобная не свойственная греческому языку форма могла проникнуть и укрепиться в нем только в том случае, если она давно и прочно существует в языке, из которого заимствована. Между тем норманны, появившиеся на юге Восточной Европы не ранее второй четверти или середины IX в., не могли мгновенно распространить свое имя на все восточнославянское население, для этого должно было потребоваться какое-то (и немалое) время. Однако форма *Ῥῶς* впервые упоминается в источниках в более раннее время — в конце VII и в первых десятилетиях VIII в. (Жития Георгия Амастридского и Стефана Сурожского), еще до появления норманнов в Восточной Европе или тогда (Бертинские анналы), когда они только начали появляться в Поднепровье и еще не могли успеть передать свое имя всему местному славянскому населению.

Русь ранее, чем могли появиться норманны в Южной России.¹³⁹

Таким образом, из изложенного выше материала видно, что новейшие языковедческие исследования не смогли разрешить те чисто лингвистические трудности, которые имеются в различных частях традиционной концепции о происхождении имени Русь. Больше того, по мере углубления языковедческой работы количество трудностей не уменьшается, а растет, и (учитывая, что круг лингвистических источников в основном исчерпан) остается все менее вероятно, что сторонники данной концепции когда-либо смогут найти бесспорное решение своей историко-лингвистической задачи. С другой стороны, накапливается все большее количество исторических соображений и фактов, противоречащих этой концепции.

* * *

В отличие от традиционной норманистской концепции происхождения имени Русь, разрабатывавшейся на языковедческом материале многими поколениями лингвистов-норманистов, новые построения, выдвинутые современными норманистами и преимущественно на историческом материале, имеют меньшее значение и поддерживаются только самими их авторами.

В послевоенные годы с самостоятельными концепциями по данной проблеме в зарубежной науке выступили М. Дрейер, Г. Пашкевич, Р. Смаль-Стоцкий и Г. Вернадский.

Ближе всего к положениям традиционной концепции подходит в своих построениях живущий на Аландских островах финляндский историк и археолог (швед по национальности) М. Дрейер. За послевоенные годы Дрейер выдвинул два разных построения по вопросу о происхождении имени Русь.

В первом построении Дрейер вслед за летописцем принимает за реальный факт существование некоего племени русь, полностью переселившегося в середине IX в. из Швеции на равнины Восточной Европы. Областью первоначального обитания этого племени Дрейер считает все ту же давно облюбованную норманистами

¹³⁹ Венгерское слово *orosz*, судя по наличию ударного гласного перед звуком *r*, проникло в венгерский язык не прямо от восточных славян, а через посредство какого-то тюркского языка, следовательно, в то время, когда венгры (угры) еще не имели прямого контакта со славянами. Поскольку в непосредственное соприкосновение со славянами венгры вступили, по имеющимся данным, лишь в первой половине IX в., подвинувшись через Дон в междуречье Дона и Днепра, возникновение слова *orosz* надо отнестись ко времени до IX в., т. е. задолго до того, когда в Поднепровье могли появиться варяги (не ранее второй четверти IX в.). Следовательно, здесь мы имеем еще одно свидетельство того, что имя Русь существовало на юге России — и притом применительно к славянам — до появления варягов и вне зависимости от варягов; см. рец. О. Хорбач (O. Horbatsch) на кн.: I. K n i e s z a. A magyar nyelv szlav jovevenyszavai, I. Budapest, 1955 (Die Welt der Slaven, 1957, H. 1, S. 71).

прибрежную шведскую территорию Рослаген, но расширяет ее географические рамки, включая в нее и Аландские острова. Он признает старую теорию происхождения слова Русь от Рослаген через финское *Ruotsi*, но считает, что Русь было самоназванием и что существовал какой-то «небольшой по-шведски говорящий народ в Восточной Швеции, который принимал активное участие в первых скандинавских торговых поездках на восток» и образовал свое маленькое государство. По мнению Дрейера, народ этот носил название *Rots*, а землей *Rots* были Аланды. Из формы *Rots*, точнее из искусственно реконструируемых Дрейером более древних форм *Rofiz, *Rofoz, *Rofis, должно было, по мнению автора, произойти финское *Ruotsi* и славянское Русь.¹⁴⁰

Таким образом, к бесконечному ряду гипотез о происхождении Руси прибавилась еще одна, выводящая Русь с Аландских островов (подразумевается, что оттуда Русь целиком переселилась в Россию и основала Русское государство). Само возникновение слова Русь Дрейер связывает с красноватым цветом гранитных скал Аландского архипелага: красный — *Röd* на древнешведском языке давал форму *Raufiz, отсюда, по словам автора, прямой переход, к *Rod* — *Rots*.¹⁴¹ Итак, красные скалы Аландских островов дали, оказывается, имя Русь русскому народу и государству!

В данном построении ясно чувствуется типичное для многих провинциальных историков-краеведов стремление возвысить историческую роль своей маленькой области, местности, города. В действительности нет никаких сколько-нибудь убедительных данных, которые позволили бы связать происхождение Руси и термина Русь с Аландскими островами. Предположение Дрейера о том, что Аландские острова некогда входили в состав области Рослаген, никакими данными источников не подтверждается. Больше того, Аландские острова никогда не называли в средневековых источниках терминами *Rots, *Rofiz, *Rofis или каким-либо иным словом, от которого могло бы быть произведено финское *Ruotsi* и славянское Русь. И потому цвет скал Аландского архипелага не имеет никакого отношения к сложнейшей проблеме происхождения названия одного из крупнейших народов мира.

Согласно второму построению Дрейера,¹⁴² исходным моментом для финского слова *Ruotsi* послужили формы древнегерманского языка *Rofoz или *Rodiz с двойным значением 'нововозделанная земля' и 'пахарь', или 'колонист'. В результате выпадения безударного гласного во втором слого в VII в. получилась форма

¹⁴⁰ M. Dreijer. Några tankar om rusernas ursprung. Åländsk odling, 1951, ss. 10—11, 24—27, 44—45; ср.: M. Dreijer. Landet Åland och Fornsvärges ostgräns. Åländsk odling, 1950, ss. 73—75.

¹⁴¹ M. Dreijer. Några tankar. . . s. 25.

¹⁴² M. Dreijer. Häuplinge, Kaufleute und Missionäre im Norden vor Tausend Jahren. Ein Beitrag zur Beleuchtung der Umbildung der nordischen Gesellschaft während der Übergangszeit vom Heidentum zum Christentum. Mariahann, 1960, SS. 29—31, 104, 143—144.

**Rodz.*, давшая при переходе в финский язык *Rots или *Rotsi. *Rots или *Rotsi стало сначала обозначением всех германских народов, затем прилагалось ко всем группам купцов из германских стран, которые начали проникать в балтийские земли и на север Восточной Европы. В Приладожье *Rots встретились с местным финским и славянским населением, которое, как подразумевается из текста Дрейера, стало называть пришельцев *Rotsi и *Русь*. Поскольку, по концепции автора, государство в Поволжье в IX в. было образовано фризами, пришедшим сюда из-за моря одним из германских народов,¹⁴³ именно фризов и называли, в частности, местные финны и славяне словом *Русь*; затем это слово стало обозначением якобы созданного фризами Русского государства.

Предположение о происхождении слова *Rotsi из древнегерманского языка является произвольной догадкой автора, не аргументируется им ни с филологической, ни с исторической стороны. Все последующее построение также является нагромождением безосновательных гипотез и не может выдержать сколько-нибудь серьезной научной критики.

Живущий в Англии польский историк-эмигрант Г. Пашкевич, автор самого крупного произведения современной норманистской историографии,¹⁴⁴ сделал попытку примирить в рамках одного построения несколько существующих трактовок происхождения имени *Русь*. Концепция Пашкевича, носящая компилятивный характер, должна была, по идее автора, дать наиболее убедительное доказательство норманского происхождения Руси. Ради создания этой концепции Пашкевич даже счел пужным пожертвовать одним из главных положений традиционного норманизма — тезисом о возникновении слова *Русь* из древнешведского языка через посредство финского слова *Ruotsi*.

Под явным воздействием работ советских ученых Пашкевич в начале своей первой книги должен был признать, что первоначально термин *Русь* в его географическом и политическом значении прилагался к среднему Поднепровью;¹⁴⁵ собрав и проанализировав большое количество (более 40) летописных текстов, где приме-

¹⁴³ О выдвинутом Дрейером фризском варианте норманской теории происхождения Русского государства (там же, стр. 141—146) см.: И. П. Шакольский. Норманская теория в современной буржуазной науке, стр. 210—211.

¹⁴⁴ H. Paszkiewicz. The Origin of Russia. London, 1954. Разбор и критику этой книги см.: И. П. Шакольский. Норманская теория в современной буржуазной науке, стр. 77—91; В. П. Шухарин. Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964, стр. 248—254. Норманистские построения Пашкевича повторяются и развиваются и в его второй книге, посвященной более широкому кругу вопросов: H. Paszkiewicz. The Making of the Russian Nation. London, 1963.

¹⁴⁵ Как выше говорилось, советские историки уже до Пашкевича доказывали, что под термином *Русская земля* первоначально подразумевалась только территория Киевской, Черниговской и Переяславской земель (см. стр. 163—164).

няется термин *Русь*, Пашкевич делает правильный вывод, что в географическом отношении *Русью* в узком смысле этого слова во времена летописца называли ограниченную область среднего Поднепровья — Киевскую, Черниговскую и Переяславскую земли.¹⁴⁶ Однако это (само по себе достаточно обоснованное) положение он затем связывает со своими норманистскими построениями.

На основании субъективно трактуемых показаний некоторых источников Пашкевич в своей первой книге делает заключение, что термин *Русь* впервые возник в северной части восточнославянских земель, в области, лежащей у верховий Волги, Западной Двины и Днепра, у местного славянского населения в качестве этнического обозначения норманнов.¹⁴⁷ Пашкевич использует и традиционную норманистскую трактовку происхождения термина *Русь* из финского *Ruotsi*, но переворачивает ее «вверх ногами» и высказывает мнение, что не северные славянские племена у финнов, а наоборот, финны у своих славянских соседей заимствовали термин *Русь* для обозначения приезжающих из-за моря норманнов-шведов, т. е. не славянское слово *Русь* возникло из финского *Ruotsi*, а финское *Ruotsi* произошло из славянского слова *Русь*.¹⁴⁸

Пашкевич использует также и одно давнее построение,¹⁴⁹ содержавшее попытку связать происхождение слова *Русь* с этимологией этого слова. В соответствии с данным построением Пашкевич на основании нескольких прямых и косвенных показаний источников пытается доказать, что первоначально термин *Русь* возник из обозначения определенного цвета и означал 'красные', 'рыжие'. Подразумевается, что подобной внешностью обладали в то время норманны.¹⁵⁰

Из изложенных построений Пашкевича не вызывает возражений только первое (о том, что первоначально слово *Русь* в географическом значении было связано со средним Поднепровьем), основанное на многочисленных показаниях источников и совпадающее с мнением большинства советских ученых. Все остальные построения вызвали резкую критику и со стороны марксистских исследователей, и, что особенно примечательно, со стороны ряда буржуазных ученых.

Особенно резкие возражения вызвала попытка Пашкевича воскресить старую трактовку происхождения слова *Русь* из цвета

¹⁴⁶ H. Paszkiewicz. The Origin of Russia, pp. 6—10, 333—335.

¹⁴⁷ Там же, стр. 142—144.

¹⁴⁸ Там же, стр. 144. В своей второй книге он более осторожно говорит о данной гипотезе; см.: H. Paszkiewicz. The Making of the Russian Nation, pp. 121—124.

¹⁴⁹ См.: F. Krug. Forschungen in die ältere Geschichte Russlands, Bd. I. S.-Petersb., 1848, SS. 211, 216 a. oth.

¹⁵⁰ H. Paszkiewicz: 1) The Origin of Russia, pp. 143—144; 2) The Making of the Russian Nation, pp. 119—120.

волос и лица людей данного племени (подразумевалось — норманнов). По справедливому мнению Г. Вернадского, «невозможно себе представить, чтобы все норманны были рыжими, и при помощи подобной трактовки нельзя объяснить, почему они сами восприняли это название и сделали его своим официальным именем и почему другие норманны продолжали называть себя варягами. . .»¹⁵¹ По словам Г. Ловмянского, эта трактовка противоречит и данным языкознания, и историческим данным.¹⁵²

Столь же безуспешной оказалась и попытка Пашкевича дать новую трактовку концепции *Русь* — *Ruotsi*. Выдвинутая им гипотеза о переходе славянского *Русь* в финское *Ruotsi* (*rōtsi) решительно противоречит закомерностям, установленным языковедами: славянский звук *s* не может дать в прибалтийско-финских языках *ts*, славянское *y* не может дать дифтонг *uo* или долгое *o*.¹⁵³

Оказывается несостоятельным и в целом все построение Пашкевича о возникновении слова *Русь* в северной части восточнославянских земель. Оно находится в явном противоречии с приводимыми тем же Пашкевичем вполне достоверными летописными данными о том, что слово *Русь* первоначально прилагалось к южнорусским землям, к среднему Поднепровью.

Компилятивный характер носит и концепция о происхождении слова *Русь*, выдвинутая живущим в Канаде украинским буржуазным ученым Р. Смаль-Стоцким.¹⁵⁴ Автор соединил в традиционное норманистское построение о происхождении слова *Русь* от финского *Ruotsi* и шведского *Roslagen*, и старую гипотезу о происхождении этого имени от цвета волос, и гипотезу, возводящую слово *Русь* к временам древних готв, и мнение о социальном значении слова *Русь*.

По мнению Смаль-Стоцкого, заимствованное у финнов имя шведских викингов *Ruotsi* в его славянизированной форме *Русь*

¹⁵¹ См. рецензию Г. Вернадского (G. Vernadsky) на книгу Пашкевича (Speculum, 1955, v. XXX, № 2, p. 296). В буржуазной историографии подобные построения критикуют также: А. Стендер-Петерсен (A. Stender-Petersen). 1) Четыре этапа русско-варяжских отношений, стр. 243; 2) Russian Studies, pp. 39—40; G. Stöckl. Russische Geschichte. . ., S. 38; R. Ekblom. Roslagen-Rußland, S. 50; A. Soloviev. Le nom byzantin de la Russie. In: Musagetes, 3. The Hague, 1957, p. 12; см. также составленный Д. Оболенским комментарий к описанию Руси в книге Константина Багрянородного: Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, v. II. London, 1962, Commentary, p. 21.

¹⁵² H. Łowmiański. 1) Zagadnienie roli normanów. . ., s. 124, 147; 2) O znaczeniu nazwy «Rus» . . . s. 86.

¹⁵³ H. Łowmiański. Zagadnienie roli normanów. . ., s. 140.

¹⁵⁴ R. Smal-Stocky. The Origin of the Word «Rus». In: Slavica, № 6. Winnipeg, 1949, pp. 5—18. См. также: R. Smal-Stocky. 1) Die germanisch-deutschen Kultureinflüsse im Spiegel der ukrainischen Sprache. Leipzig, 1942, S. 79; 2) Slavs and Teutons. N. Y., 1950, pp. 94—98.

после завоевания норманнами Поднепровья встретилось с уже ранее самостоятельно возникшим здесь в местной славянской среде словом *Русь*, которое было сходно по звучанию и произошло от обозначения цвета волос — *русый*.¹⁵⁵ По мнению Смаль-Стоцкого, в Поднепровье славянское слово *Русь* было социальным термином и прилагалось к высшему, правящему классу, в противовес понятию *Чернь*, обозначающему низший класс населения. В Поднепровье, согласно концепции Смаль-Стоцкого, слово *Русь* впервые возникло еще во времена готского завоевания (III—IV вв. н. э.), когда скандинавы-готы с русыми волосами покорили черноволосых славян и составили господствующий класс — *Русь*, правивший угнетенными славянами — *Чернью*; спустя пять веков поднепровские славяне перенесли имя *Русь* на новых (тоже русоволосых) завоевателей-скандинавов.¹⁵⁶

Отдельные составные части концепции Смаль-Стоцкого не новы (хотя автор не ссылается на своих предшественников). Давно известны в литературе гипотезы о происхождении слова *Русь* из *Ruotsi* и из понятия *русый*, о возникновении слова *Русь* из противопоставления понятий *Русь* и *Чернь* уже ранее писал Л. В. Падалка,¹⁵⁷ мысль о социальном значении термина *Русь* высказывалась несколькими дореволюционными и советскими авторами.¹⁵⁸ Лишь мысль о происхождении слов *Русь* и *Чернь* во времена готского завоевания принадлежит самому Смаль-Стоцкому, но обосновать ее конкретными доказательствами невозможно, поскольку не сохранилось вообще никаких сведений о языке восточных славян III—IV вв. н. э.

Концепция Смаль-Стоцкого вызвала резкую (и вполне справедливую) критику в буржуазной науке. Основная его идея о некогда существовавшем противопоставлении понятий *Русь* и *Чернь* не может быть подтверждена показаниями источников III—IV или IX—XI вв. и потому повисает в воздухе, а с нею и вся концепция оказывается неубедительной, не удовлетворяет требованиям современной науки.

Особняком среди других буржуазных исследователей при изучении рассматриваемого вопроса стоит американский историк-белоземigrant Г. Вернадский. Еще с довоенного времени он придерживается мнения о местном южнорусском происхождении термина *Русь*.

¹⁵⁵ Следует отметить, что из всех разбираемых нами построений это — единственное, производящее слово *Русь* из восточнославянского языка.

¹⁵⁶ R. Smal-Stocky. The Origin of the Word «Rus», pp. 9—14.

¹⁵⁷ Л. В. Падалка. Происхождение и значение имени Русь. Труды Полтавской ученой архивной комиссии, вып. 12, 1915, стр. 26, 34—35.

¹⁵⁸ Там же, стр. 14—15, 22, 26, 29, 34, 35, 38; В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. I. М., 1937, стр. 165—166; С. В. Юшков. К вопросу о происхождении Русского государства, стр. 52—58, и др.

Концепция Вернадского изложена в его книге «Древняя Русь»,¹⁶⁰ а также в других его работах.¹⁶⁰ Вернадский возводит термин *Русь* к изыкам аланских племён (принадлежавших к иранской языковой семье) Северного Причерноморья II—IV вв. н. э. Он использовал опубликованный и комментированный В. Минорским текст из сочинения арабского писателя X в. Ибн-Русте, в котором упоминается аланский род по имени *Dx sas*; поскольку *D* и *R* в арабских рукописях легко смешиваются, Минорский предположительно воспринял это слово как *Rx sas* и сравнил его с древним термином *роксоланы*, полагая, что, поскольку термины *алан* и *ас* в древности были взаимозаменяемы, название *Ruxs-Alan* могло звучать и как *Ruxs-As*.¹⁶¹ Первую часть составных слов *Ruxs-As* и *Ruxs-Alan* Вернадский производит от существующего в современном осетинском языке слова *rukhs* — 'светлый', 'сияющий' и считает, что оба указанных выше названия означали 'светлые асы', 'светлые аланы'.¹⁶² В упомянутом выше тексте из сочинения Ибн-Руста Вернадский нашёл указание на то, что род *Rukhs-As* был наиболее выдающимся среди северокавказских алан.

К тому же корню *Rukhs* Вернадский возводит и упоминаемые в источниках VI в. этнические названия *Rogas* и *росомоны* (у Иордана), *Hros* (у Захария Ритора), а также все другие известные из источников I тысячелетия н. э. в Северном Причерноморье названия с корнем *рос* и *рус*. По мнению Вернадского, аланским родом *Rukhs-As* было подчинено одно из живших по соседству с ним в Приазовье славянских племён, воспринявшее затем и имя завоевателей; аланское *Rukhs* в славянском языке приняло форму *Русь*.

Однако, разработав концепцию о местном, южнорусском происхождении имени *Русь*, Вернадский не смог удержаться на последовательных позициях и при описании возникновения Древнерусского государства соединил свое построение с самым крайним норманизмом.¹⁶³ Путём субъективного толкования нескольких случайно выхваченных данных из разных источников Вернадский пытается доказать, будто уже в середине VIII в. из Швеции

в приазовские степи пришел отряд норманнов, подчинивший местные славянские и аланские племена, воспринявший их имя *Русь* и образовавший здесь древнейшее Русское государство. Позднее, в середине IX в., согласно концепции Вернадского, в современные восточнославянские земли приходит по глаго с Рюриком новая волна норманнов, выходцев из Дании и Фрисландии, в частности из местности Рустринген, по названию своей родной области тоже называвшихся *русью*. Северная (датская) и южная (шведская) *русь* с завоеванием Поднепровья сливаются в одно Русское государство.

В этом построении Вернадский искусственно соединил гипотетическую трактовку Минорским текста из Ибн-Руста, старую идею Ломоносова и Иловайского о происхождении Руси от роксолан, тоже старую гипотезу Хольмана о происхождении слова *Русь* от названия области Рустринген, гипотезу Беллова о датском происхождении Рюрика и рюриковой руси и др.

Построение Вернадского имеет свои достоинства, отличающие его от всех остальных построений буржуазных ученых. Вернадский был долгое время единственным буржуазным исследователем,¹⁶⁴ открыто отказавшимся от традиционной норманистской концепции происхождения слова *Русь* и разработавшим концепцию о местном, южном происхождении этого слова, т. е. стал в данном вопросе на точку зрения, сходную с мнением большинства советских ученых. По сути дела отказ Вернадского от традиционных норманистских воззрений по данному вопросу — от признания северного происхождения термина *Русь* и изначального тождества этого термина с понятиями 'норманны', 'шведы' — является ярким примером отхода современных норманистов от своих старых позиций, их отступления под натиском передовой науки.

Собранные Вернадским с большой полнотой разнообразно сведения источников о бытовании племенных и географических названий с корнем *рос* — *рус* в Южной России на протяжении I тысячелетия н. э. представляют определенный интерес и для советских исследователей. Однако в целом построение Вернадского, объединившее в рамках одной концепции ряд противоречащих друг другу гипотез, вызвало резкую критику и с позиций советской науки,¹⁶⁵ и со стороны буржуазных ученых.¹⁶⁶ Вернад-

¹⁶⁰ G. Vernadsky. *Ancient Russia*, pp. 76, 87—88, 96—98, 105—108, 120, 129, 135, 139, 147, 257—262, 266—286. Критический разбор этой книги привел М. И. Тихомиров (Вопр. истории, 1946, № 4, стр. 124—129), С. П. Толстов (там же, стр. 113—124) и С. А. Покровский (Сов. гос. и право, 1946, № 1, стр. 84—88).

¹⁶¹ G. Vernadsky. 1) *The Origin of the name Rus'*, *Südost-Forschungen*, 1956, Bd. XV, pp. 167—179; 2) *The Origins of Russia*, pp. 33, 63—64, 67, 68, 79, 174—180, 198—200; 3) *Essai sur les origines russes*, Paris, [1959], t. I, pp. 61, 110—112, 116, 117, 134, 135, 169, 170; t. II, pp. 294—353, 402—404; 4) *A History of Russia*, Ed. 5, New Haven, 1961, pp. 22, 27—31. См. также написанную им же главу о древней Руси в издании: *Historia mundi*, Bd. V, Bern, 1956, SS. 260—261, 275—276.

¹⁶² Y. Minorsky. *Hudud al-Alam*, London, 1937, p. 445.

¹⁶³ Современные осетины — потомки древних алан.

¹⁶⁴ G. Vernadsky. *Ancient Russia*, pp. 277—278.

¹⁶⁵ Кроме Вернадского, в буржуазной науке сходную позицию заняли позднее А. В. Рязановский и Н. В. Рязановский, но они не стали создавать самостоятельных концепций, а просто высказали мнение о местном, южном происхождении имени *Русь*, сославшись на общезвестные показания источников (см. аннотацию незаданной диссертации: А. В. Рязановская. *The Norman Theory...*, p. 4381, а также: А. В. Рязановская. *The Embassy of 838 Revisited. Some Comments in Connection with a «Normanist» Source on Early Russian History*, *Jahrbücher Geschichte Osteuropas*, 1962, Bd. 10, H. 1, p. 9; N. V. Riazanovskaya. *A History of Russia*, pp. 27—29).

¹⁶⁶ С. П. Толстов (ук. рецензия, стр. 120—121).
¹⁶⁷ В. Минорский. Рец. на кн. «Ancient Russia. Slavonic and East European Review, 1945, v. XXIII, № 62, p. 551; F. Dvornik. *The Making of Central and Eastern Europe*, pp. 309—311; A. Stender-Pe-

скому было справедливо указано, что положенное им в основу всего построения предположение о содержащемся в тексте Иби-Русе упоминании аланского рода *Rukhs-As* гипотетично и совершенно недоказуемо, и на столь шатком фундаменте нельзя строить большую и сложную концепцию. Да и с лингвистической стороны данное построение сомнительно: из иранской формы *Rukhs* при переходе в славянский язык должно было образоваться не *Русь*, а *рушь*.¹⁶⁷ Столь же сомнительны или вовсе бездоказательны и остальные гипотезы, включенные Вернадским в его концепцию, особенно гипотезы, связывающие его построение с традиционным норманизмом (о норманстве южной и северной руси, о датском происхождении руси, пришедшей с Рюриком в Новгород, и др.); тем самым оказывается сомнительной и вся концепция в целом.¹⁶⁸

* * *

Произведенный выше разбор концепций современной буржуазной науки по рассматриваемому нами вопросу показывает прежде всего, что н о в ы м и эти концепции можно назвать лишь весьма условно. Часть буржуазных ученых, языковеды Экблом, Хьерне, Хафстрём, Экбу, Мягисте и др., действуют в рамках старой традиционной норманистской концепции Куника—Томсена. Другая часть буржуазных ученых, преимущественно историки (Дрейер, Пашкевич, Вернадский, языковед и историк Смаль-Стоцкий), стремится разработать свои собственные оригинальные построения, но все они при ближайшем рассмотрении оказываются эклектичными, состоящими главным образом из различных комбинаций старых, давно существующих в науке гипотез, уже в прошлом не получивших общего признания из-за недостаточной аргументированности. Имеющиеся в рамках этих построений немногие действительно новые предположения оказываются еще более легко-

Letzen. 1) The Varangian Problem, p. 19; 2) Zur Rus' Frage, SS. 84—85; 3) Четыре этапа русско-варяжских отношений, стр. 243—244; 4) Russian Studies, p. 39; H. P a s z k l o w i c z. 1) The Origin of Russia, pp. 110, 129; 2) The Making of the Russian Nation, pp. 118—119;

¹⁶⁷ A. Stender-Petersen. 1) Zur Rus' Frage, S. 85; 2) Четыре этапа русско-варяжских отношений, стр. 243—244; 3) Russian Studies, p. 39.

¹⁶⁸ В то же время следует отметить, что хотя концепция Вернадского и в целом, и в частности не выдерживает строгой научной критики, содержащаяся в ней мысль об иранском происхождении слова *Русь* не следует считать совершенно несерьезной. Ведь если предположить давнее местное южное (в Южной России) происхождение данного слова (а к этому склоняется большинство марксистских ученых), оно могло не быть изначально славянским, поскольку наличие восточнославянского населения на юге нашей страны еще в первой половине I тысячелетия (или в первые века) н. э. вызывает в последнее время серьезные сомнения, а до расселения славян степи юга России были заселены ираноязычными племенами — скифами, сарматами, аланами. Поэтому иранское происхождение слова *Русь* теоретически возможно (хотя, разумеется, сейчас нельзя утверждать, что такое решение является наиболее вероятным).

весными, еще менее аргументированными или являются просто бездоказательными домыслами.

Однако было бы неверно думать, что новые попытки развить старые концепции и гипотезы ничего не дали науке; напротив, они принесли определенную пользу, дали определенный результат, но результат, диаметрально противоположный желанию авторов рассмотренных работ. Повторение старых концепций и отдельных гипотез и новые попытки усилить и углубить их аргументацию еще яснее показали слабые стороны этих построений, их неспособность дать убедительное решение изучаемого вопроса. Вместе с тем повторение и развитие старых гипотез позволило еще более развить и углубить их критику, использующую теперь новые достижения лингвистической и исторической науки. Так, попытки современных языковедов-норманистов найти достаточно аргументированную трактовку традиционной норманистской концепции значительно яснее и глубже, чем ранее, показали ее слабые стороны, и прежде всего чисто языковедческие трудности, из-за которых норманисты оказались до сих пор не в состоянии дать вполне убедительное лингвистическое построение о происхождении слова *Русь* из шведского языка. В равной мере новые попытки развить и обосновать старые гипотезы о возникновении имени *Русь* из цвета волос норманнов или непосредственно из названия племени роксоланов еще отчетливее показали уязвимые стороны этих гипотез, несоответствие их данным современной науки.

Для новых буржуазных концепций, разработанных преимущественно историками (за исключением совсем ненаучных построений Дрейера), характерно также, что их авторы находились под одновременным воздействием двух давно сложившихся различных направлений в изучении данной проблемы — норманистского, связывающего слово *Русь* с норманнами, и противоположного, связывающего его с местным населением юга России. Концепции Вернадского, Смаль-Стоцкого, Пашкевича в разной степени и в разных формах отразили воздействие обоих направлений. Более того, по существу в рассмотренных концепциях нашла новое проявление выдвинутая впервые более 40 лет назад советское проявление выдвинутая впервые более 40 лет назад советским скандинавистом В. Бримом¹⁶⁹ (и поддерживавшаяся одно время несколькими советскими учеными)¹⁷⁰ мысль о двойном происхождении слова *Русь*, о самостоятельном возникновении этого слова и на севере (в качестве обозначения норманнов), и в Южной России, и о слиянии обоих терминов во время прихода норманнов в Поднепровье и образования Древнерусского госу-

¹⁶⁹ В. А. Б р и м. Происхождение термина «Русь». В кн.: Россия и Запад, I. СПб., 1923, стр. 5—10.

¹⁷⁰ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 226—228; В. В. Мавро-д и н. Образование Древнерусского государства. М., 1945, стр. 389—391. Позднее оба автора отказались от этой идеи.

дарства. Идея о двойном происхождении слова *Русь* в разных вариантах разрабатывается и Вернадским (выводящим этот термин на юге от роксолан, на севере — из фриаской области Рустриген), и Смаль-Стоцким (производящим это слово на юге от термина *русий*, на севере — из финского *Ruotsi*). В сущности не так далек от этой идеи и Пашкевич, признававший одновременно и северное происхождение слова *Русь*, и связь его с территорией среднего Поднепровья.

Концепции Вернадского, Смаль-Стоцкого и в значительной мере Пашкевича, использующие богатую аргументацию, накопленную к настоящему времени сторонниками обоих научных направлений, являются безуспешными попытками связать в рамках одного построения две взаимно противоречащие друг другу гипотезы — о южном и о северном происхождении слова *Русь*.

Все рассмотренные построения имеют еще один общий методологический недостаток. Норманисты-языковеды пытаются решить вопрос о происхождении слова *Русь* на одном только лингвистическом материале, совершенно игнорируя исторические данные. Авторы исторических построений пользуются почти исключительно историческими сведениями, не занимаясь всерьез данными языкознания. Между тем рассматриваемый ими вопрос о происхождении названия огромной страны и народа, названия, которое уже в IX—XI в. стало широко известно в Европе и Азии, — вопрос комплексный, его надо изучать и на историческом и на лингвистическом материале и обязательно при условии учета и использования всей суммы имеющихся данных. Все попытки решить его иначе заведомо обречены на неудачу.

То обстоятельство, что буржуазные исследователи вопроса о происхождении имени *Русь* в последние десятилетия возвращаются в порочном кругу старых построений и не могут выдвинуть ни одной серьезно обоснованной новой концепции, свидетельствует о том, что буржуазная наука в данном вопросе все более заходит в тупик и вряд ли когда-либо сможет найти вполне убедительное решение этой сложной и запутанной проблемы.¹⁷¹

¹⁷¹ В настоящей работе, преследующей лишь историографические цели, не предполагалось давать, в противовес критикуемым концепциям, какое-либо новое законченное научное построение. Проведенный в статье разбор концепций буржуазных ученых уже сам по себе должен был показать, сколь ограничен круг источников, сколь сложна эта проблема, сколь значительны трудности, стоящие перед исследователями. Как уже говорилось выше, большинству советских ученых представляется наиболее правильным мнение о местном, южном происхождении слова *Русь*, основывающееся на весьма веских данных источников. Однако это мнение еще нельзя считать окончательно доказанным. Думаем, что прав был Ф. П. Филин, говоря, что нельзя надеяться на быстрое и окончательное разрешение данной проблемы, что она еще в течение немалого времени будет предметом научных споров и дискуссий (Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М., 1962, стр. 292).

А. Л. ГОЛЬДБЕРГ

ИСТОРИЯ РОССИИ В КРУГУ «ЛОКАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ» (КОНЦЕПЦИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ В ТРУДАХ А. ТОЙНБИ)

Современная западная историография не дает читателям цельного представления об историческом прошлом России. Публикуемые на Западе книги и статьи по истории нашей Родины либо носят открыто пропагандистский антисоветский, антинаучный характер, либо имеют сугубо специальное назначение и освещают лишь отдельные факты и эпизоды из истории России. Немногочисленные общие курсы русской истории, как правило, не идут дальше компиляции общеизвестных фактов, не ставят своей задачей найти какую-либо закономерность в происходивших событиях и дать им научное объяснение.

На этом фоне выделяется (во всяком случае на первый взгляд) многотомный труд по всеобщей истории английского профессора Арнольда Тойнби.¹ Хотя история России (как, впрочем, и история любой другой страны) не является для А. Тойнби предметом специального исследования, однако в отличие от прагматических трудов большинства своих коллег он изображает русскую историю как некий закономерный процесс, составляющий в свою очередь одну из частей всемирного исторического процесса, также управляемого определенными законами. Законы эти, по словам А. Тойнби, выведены им «эмпирически», путем изучения истории «цивилизованного человечества» во все времена и во всех странах. Недаром огромный 12-томный труд А. Тойнби озаглавлен «Исследование истории».

Сочинение А. Тойнби, переведенное на многие языки, является в наши дни, пожалуй, самым популярным историческим трудом в странах западного мира.² И причина тут не только в том, что

¹ А. Тойнби. A Study of History, т. 1—12. London, 1935—1961.

² По мнению многих видных историков, это «самая впечатляющая историческая книга нашего времени»; см.: Н. J. Muller. The Uses of the past. Oxford, 1952, p. 8.

зарубежному читателю приелась поистине пища прагматической историографии и его тянет к книгам с более широким кругозором.

Сыграли роль и гигантский размах мысли английского профессора, дерзнувшего выйти за рамки традиционного европоцентризма и посвятившего сотни страниц малозвестным специалистам цивилизациям, и необычная литературная форма его труда (стиль Тойнби действительно весьма своеобразен), и рекламная шумиха, созданная яростной полемикой, развернувшейся вокруг его книг. Немаловажным обстоятельством, способствовавшим популярности А. Тойнби среди определенных кругов западных стран, является их стремление использовать книги Тойнби как идеологическое оружие в борьбе против коммунизма.

Хотя сам Тойнби со свойственными ему резкими колебаниями в ответах на одни и те же вопросы то признает противоположность своих взглядов теории исторического материализма,³ то вдруг утверждает, что он не собирался «создавать диалектическую картину истории, которая должна была бы заменить коммунизм или быть противопоставленной ему»,⁴ суть его позиции говорит сама за себя. Поэтому приверженцы Тойнби, не обращая внимания на словесные экивоки, оценивают его идейную платформу с гораздо большей определенностью.

Так, например, американский историк О. Латтимэр видит главную заслугу Тойнби в том, что «его идеи представляют собой диалектическую теорию, которая может быть противопоставлена марксизму» и являются «философией, способной включить все лучшее и новое, что создано западной цивилизацией, и в то же время исключить марксизм».⁵

Итак, воинствующий антимарксизм — вот тот магнит, который притягивает к сочинениям Тойнби взоры наших идейных противников и придает ему особую ценность в их глазах. Отразилась ли эта особенность взглядов Тойнби в той картине русской истории, которая встает со страниц его трудов?

Прежде чем разобратся в этой картине, надо сказать несколько слов об историко-философской (или историософской) концепции, определяющей содержание книг Тойнби.⁶

³ Theories of history. Ed. by P. Gardiner. Glencoe, 1959, p. 312.

⁴ L'Histoire et ses interprétations. Entretiens autour de A. Toynbee sous la direction de R. Aron. Paris—La Haye, 1961, p. 33.

⁵ L'Histoire et ses interprétations, p. 30—31. Идея Тойнби широко используется современными бошскими «остформерами» в качестве теоретической основы их реванистской историографии, см.: W. Paschuto, W. Sallow. Russland und Europa. In.: Auf den Spuren der «Ostforschung». Leipzig, 1962, S. 13.

⁶ Подробное изложение и критическая оценка взглядов А. Тойнби содержатся в ряде работ советских авторов: Е. А. Косминский. Реакционная историософия А. Тойнби. В сб.: Против фальсификации истории, М., 1959; И. С. Кош. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959, стр. 274—293; Э. А. Араб-Оглы. Концепция исторического круговорота. В сб.: Исторический материализм и социальная

Во многих его сочинениях повторяется мысль о том, что главная задача историка — «понять историю как целое» и тем самым «открыть ее смысл и цель». Тойнби считает, что он решает эту задачу, включая в поле своего зрения историю всех известных и малозвестных человеческих цивилизаций, от глубокой древности и до наших дней. Но несмотря на такой огромный временной и территориальный охват, не оставляющий за пределами внимания исследователя, казалось бы, ни одной исторической эпохи и ни одного уголка земного шара, цельной картины исторического процесса у Тойнби не получается. А происходит это прежде всего потому, что Тойнби категорически отказывается рассматривать историю как единый процесс развития мирового человечества со свойственными ему элементами преемственности, прогресса и т. д.⁷ Декларировав желание понять историю в ее целостном объеме, Тойнби имел в виду чисто внешние рамки исторического прошлого человечества, а не его органическое единство. Такого единства, по его мнению, не существует. Не существует поэтому и единой истории человечества.

В изображении Тойнби путь, пройденный человечеством, представляет собой механическую сумму историй отдельных «локальных цивилизаций». Каждая из этих «цивилизаций» (от шумерской и египетской до юкатанской, полинезийской, западнохристианской и др.) развивалась в пределах определенного географического пространства и включала в свою орбиту те или иные народы. Но связь с территорией и населением и ограничивается, пожалуй, материальная сторона тех «цивилизаций», о которых говорит Тойнби. Эти специфические образования, сложившиеся в разное время и в разных частях земного шара, различаются, по его мнению, прежде всего по своей духовной природе, выражающейся в культурно-религиозной сфере их жизни.⁸

Никакой преемственности между этими цивилизациями, по мнению Тойнби, нет, все они не связаны (или почти не связаны) друг с другом, и каждая из них проходит свой собственный цикл развития.⁹ Однако несмотря на специфическую сущность каждой

философия современной буржуазии, М., 1960; Э. С. Маркрян. О концепции локальных цивилизаций. Ереван, 1962; Г. Д. Чесноков. Критика взглядов А. Тойнби на классы. Научн. докл. высш. школы, Филос. науки, 1964, № 4; Ю. Н. Соменов. Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии. М., 1965; Г. Асланян. Идея прогресса в буржуазной философии истории. Ереван, 1965.

⁷ «В истории нет прогресса: Это — kaleidosкопическая панорама, в которой модели и цвета изменяются с каждым изменением точки зрения смотрящего» (А. Тоунбее. A Study..., v. 12, p. 267).

⁸ «При определении границ цивилизации Тойнби учитывает только сферу культуры, а в экономическом и политическом плане границы сообществ не совпадают у него с границами цивилизаций» (E. Callot. Ambiguïtés et anomalies de l'histoire et de sa philosophie. Paris, 1962, p. 349).

⁹ В заключительном, 12-м томе «Исследования истории» Тойнби вводит понятие «цивилизаций — дочерних по отношению к другим (affiliated to

цивилизации, циклы их развития (по крайней мере до сих пор) совпадают по основным фазам. Именно в цикличности, повторяемости фаз рождения, расцвета, перелома, упадка (а для уже отмерших цивилизаций — и их гибели) Тойнби видит главную закономерность, свойственную истории.

Все цивилизации, когда бы они ни существовали, Тойнби считает эквивалентными, равноценными, и поэтому уход со сцены одних цивилизаций и смена их другими не означает какого-либо прогресса в жизни человечества.

Понятие «прогресс» Тойнби сознательно исключает из лексикона исторической науки. Он оставляет его только для одной сферы — для религии: по мере появления новых цивилизаций человечество, по мнению Тойнби, приближается к «высшей религии», к более совершенным формам общения с богом.¹⁰ Все явления земной жизни — развитие материального производства, переход к более высоким формам социального устройства, достижения культуры — он отказывается признавать свидетельством прогрессивного развития человечества.

В этом и заключается один из главных моментов диаметральной противоположности «тойнбизма» марксизму: марксистскому учению о поступательном ходе истории Тойнби пытается противопоставить старательно подкрашенный «под науку» вариант религиозной проповеди, объявляющей «слияние с богом» главной целью всех людских поколений.¹¹ Вот в чем конечный смысл концепции Тойнби, игнорирующей реальный исторический процесс, игнорирующей смелу общественных формаций и изображающего историю человечества в виде круговорота «локальных цивилизаций».

Казалось бы, выделив «локальные цивилизации» в качестве главных объектов исторического исследования, Тойнби должен был бы четко определить их число. Однако он не раз менял его: в первых 10 томах «Исследования истории» Тойнби говорит о 21 цивилизации, прошедшей все стадии положенного им цикла развития (не говоря о нескольких недоразвившихся, или «оборванных», цивилизациях), в 12-м томе речь идет уже только о 13 цивилизациях; а все остальные объявляются их «спутниками» (сателлитами).¹²

another), т. е. пересматривает свое прежнее мнение об отсутствии преемственности между цивилизациями (A. Toynbee. A Study... v. 12, pp. 546—547).

¹⁰ «Духовная задача Человека состоит в том, чтобы преодолеть свой эгоцентризм и привести себя в гармонию с абсолютной духовной Реальностью, которая является подлинным центром всего в существующем мире» (там же, стр. 533).

¹¹ «С течением времени религия... заняла центральное место в моем мировоззрении» (A. Toynbee. Was ich zu tun versuche. Diogenes, 1956, II, 13, S. 12).

¹² A. Toynbee. A Study... v. 12, pp. 558—561.

Одним из объектов исследований, именуемым то самостоятельной цивилизацией, то «спутником», служит для Тойнби и цивилизация, сложившаяся на территории России.

Следует иметь в виду, что Тойнби отвергает хронологический (по векам, по эпохам) и географический (по странам) принцип изложения, а рассматривает все цивилизации как одновременно существующие и поэтому располагает материал по тем фазам, которые эти цивилизации проходили, независимо от хронологических рамок той или иной фазы. Поэтому чтобы воссоздать картину русской истории, представленную в «Исследовании истории», придется собрать воедино материал, разбросанный по всем его 12 томам. Только тогда мы сможем судить о том, какое место, по мнению Тойнби, занимает Россия в кругу остальных «локальных цивилизаций».¹³

Как уже было сказано, основным признаком, отделяющим одну цивилизацию от другой, является для Тойнби не какой-либо материальный фактор, а общность культуры данной части человечества, причем характер этой культуры определяется религией, распространенной в соответствующем обществе. Таким образом, классификационная схема Тойнби строится на принципе религиозной общности, и в частности цивилизацию, существующую на территории России, он умышленно именуется не «русской цивилизацией», а «русско-православным обществом», «русской ветвью православно-христианской цивилизации».¹⁴

Правда, невольно возникает вопрос: почему Тойнби в нарушение собственных классификационных принципов расчленяет страны с господством христианской религии на «западнохристианскую» и «православно-христианскую» цивилизации.¹⁵ Почему он к тому же отделяет «русское православно-христианское общество» от «православно-христианской цивилизации» вообще?¹⁶ Ведь никаких признаков, разделяющих эти «христианские цивилизации», он не указывает!

Может быть, подобное деление потребовалось Тойнби специально для того, чтобы искусственно выделить Россию из круга других европейских стран? Ведь он распространяет понятие «русско-православная цивилизация» не только на дооктябрьскую,

¹³ «В соответствии с теоретическим замыслом книги Тойнби история цивилизации дается у него фрагментарно, но историк может восстановить историю каждой цивилизации в хронологическом порядке и не столь раздробленном виде» (E. Callot. Ambiguités et antinomies... p. 362).

¹⁴ A. Toynbee. A Study... v. 1, p. 264.

¹⁵ Э. С. Маркарян. О концепции локальных цивилизаций, стр. 79.

¹⁶ J. D. Clarkson. Toynbee on slavic and russian history. Russian Rev., 1956, v. 15, № 3, p. 166.

но и на Советскую Россию, утверждая, что «православно-христианское общество» существует в России до сих пор, несмотря на коммунистический режим, который с 1917 г. пытается его трансформировать.¹⁷ Об этом нарочито стирании границ между старой и новой Россией мы еще скажем далее.

Возникновение «русской ветви православно-христианской цивилизации» (так же как и появление на свет всех остальных цивилизаций) было «ответом» (response) на «вызов» (challenge) со стороны окружающей среды. Игра в «вызовы» и «ответы» — это один из тех неоводинамических элементов концепции Тойнби, которые так нравятся его поклонникам. Используя дарвиновскую терминологию, отражавшую взаимовлияние живых существ и окружающей среды, Тойнби прилагает эти понятия к истории общества.¹⁸

В частности, применительно к вопросу о рождении цивилизаций понятия «вызов» и «ответ» скрывают в себе представление о том, что цивилизации возникают в результате наличия специфических природных условий, постоянного давления со стороны опасных соседей или ударов извне. Кроме благоприятной географической среды (не слишком щедрой, чтобы она не лишила человека стимулов к деятельности, но и не слишком суровой), для возникновения цивилизации необходимо также наличие «творческого меньшинства» (creative minority), которое способно было бы организовать «ответ» общества на брошенный ему «вызов».

В соответствии с этими положениями своей общей схемы Тойнби изображает дело так, будто бы русская цивилизация была порождена «вызовом» со стороны лесов, дождей и морозов, более жестоких, чем те, с которыми имела дело западнохристианская цивилизация.¹⁹ Ясно, что к подобному выводу Тойнби пришел отнюдь не «эмпирическим» путем: он просто облек в наукообразную форму бытующее на Западе обывательское представление об «ужасном русском климате», объясняющем якобы все важнейшие события русской истории вплоть до гибели «Великой армии» Наполеона и поражения гитлеровских войск под Москвой и Сталинградом.²⁰

Столь же далекое от подлинной науки представление лежит в основе рассуждений Тойнби о «творческом меньшинстве», стоявшем у колыбели русской цивилизации. Следует напомнить, что, по мнению Тойнби, решающую роль в создании всех цивилизаций играют не народные массы (которые он пренебрежительно име-

дует «нетворческим» или «инертным» большинством), а «указав группа людей, выделяющихся из общего уровня своим «жизненным порывом» (élan vital). Именно благодаря их усилиям складывается духовный облик данного общества и достигает расцвета его культура. Представители этого «творческого меньшинства» создают важнейшие политические институты соответствующей цивилизации и кладут начало присущей ей религии.

Суждения Тойнби о ранней истории России свидетельствуют, что он по существу отрицает наличие в России собственных творческих сил. Во всяком случае образование Древнерусского государства он изображает делом рук иноземных пришельцев. Некритически следуя традициям «норманской теории», Тойнби пишет, что «Русское государство было основано языческими мореходами, ходившими из Скандинавии через Русь».²¹ Однако вмешательство чужеземных сил оказалось недостаточным. «Скандинавские варвары, вторгшиеся на лесистые окраины Хазарской империи в бассейне Днепра, были бы осуждены на гибель, если бы им не удалось вступить в контакт с какой-либо уже существующей крупной цивилизацией. . . Они были спасены лишь благодаря принятию ими христианства»²² и таким образом «скандинавское государство — наследник Хазарской империи — преобразовалось в члена православно-христианского общества».²³ А поскольку христианская религия тоже была привнесена в Россию чужеземными (в данном случае греческими) элементами, на долю русского народа фактически не остается ничего существенного в создании собственной цивилизации.

Вслед за рождением (genesis) цивилизации наступает, по схеме Тойнби, фаза ее роста (growth). Сущность роста выражается не в каких-либо социальных процессах и тем более не в развитии производительных сил — эти стороны жизни общества Тойнби просто игнорирует, а в духовно-религиозном развитии данной цивилизации, в процессе которого она раскрывает свою душу. Впрочем, этой фазе истории цивилизаций Тойнби уделяет меньше всего внимания, видимо, потому, что, по его утверждению, у большинства цивилизаций период роста занимает ничтожно малое время по сравнению с многовековым процессом спада (desintegration) и гибели (dissolution).

Об истории России в период, когда она переживала рост цивилизации, мы не найдем у Тойнби буквально ни слова. Лишь из его высказываний о последующих этапах русской истории можно понять, что такой «рост» происходил, по его мнению, в X—XI вв.,

¹⁷ А. Тойнби. A Study. . . , v. 1, p. 34; v. 2, p. 79.

¹⁸ «Идея „вызовов-и-ответов“ является ключевой в моей картине развития человечества» (там же, т. 12, стр. 254).

¹⁹ Там же, т. 1, стр. 334.

²⁰ «Русский климат является доказательством того, что русский мир это — антивропа» (G. de Rouvolet. La formation de l'Europe, v. 6, Paris, 1950, p. 33).

²¹ А. Тойнби. A Study. . . , v. 7, 222. Ср. там же, v. 12, стр. 538: «Россия стала частью обширного Скандинавского мира в результате того, что она была открыта для торговли и в нее была внесена политическая организация бандами шведских воинов».

²² Там же, т. 8, стр. 71.

²³ Там же, т. 5, стр. 290.

когда центром социальной жизни Руси был Киев, поддерживавший разносторонние связи со странами западнохристианской цивилизации.²⁴

История этого периода начисто выпала из поля зрения Тойнби, и лишь события конца XI—начала XII в. снова привлекли его внимание. Но они в схеме Тойнби относятся уже к следующей фазе развития русской цивилизации — к ее «перелому».

Термин «перелом», или «надлом» (breakdown), — еще один «диалектический конек» Тойнби, введенный в игру для того, чтобы объяснить причину прекращения «роста» цивилизации и начала ее «разложения». «Перелом» является следствием неспособности «творческого меньшинства» ответить на очередной особо важный «вызов», оставивший перед данной цивилизацией. В результате «перелома» происходит нарушение гармонии в соответствующем обществе, и хотя испытывавшая «перелом» цивилизация еще способна на кратковременные периоды блестящего подъема, однако с этого момента она неминуемо клонится к упадку. Таким образом, судьба цивилизации объясняется, казалось бы, на основе присущих ей самой процессов. Однако на деле объяснение того или иного периода истории «переломным» для данной цивилизации оказывается у Тойнби настолько произвольным, что лишает его схему какой бы то ни было убедительности.

Наглядным доказательством этого является суждение Тойнби о «переломе» русской цивилизации. Он относит ее «перелом» к концу XI—началу XII в., когда «через 100 лет после крещения Руси начал падать авторитет Киева»,²⁵ а затем «православно-христианское общество на Руси» было политически расчленено на ряд отдельных государств и столицей городом вместо Киева стал Владимир.²⁶

Даже если внести поправку в хронологию Тойнби и отодвинуть эту дату еще на 100 лет, когда процесс феодальной раздробленности достиг апогея, вывод английского профессора о том, что с того времени русская цивилизация перевалила через наивысшую точку и склоняется к упадку, выглядит явной нелепостью.²⁷ И тем не менее Тойнби вновь и вновь возвращается к этому выводу, связывая с ним всю свою концепцию дальнейшего развития русской истории.

В результате «перелома», положившего конец «росту» русской цивилизации, она, по словам Тойнби, вступила в новую фазу,

²⁴ Там же, т. 8, стр. 400.

²⁵ Там же, т. 5, стр. 311.

²⁶ Там же, т. 3, стр. 145.

²⁷ Даже один из последователей Тойнби — Г. Муллер — поражен расчленениями Тойнби о том, что в России «было только два века здорового роста (и то под властью иноземных правителей), а вся остальная русская история была лишь несчастливим, нетворческим процессом» (H. J. Muller. The Uses of the past, p. 281).

которую он называет «смутным временем» (the time of troubles).²⁸ Эта первая фаза начавшегося упадка русской цивилизации совпала по времени с периодом татарского ига.

Нападение татаро-монгольских орд и подчинение ими русских земель Тойнби рассматривает как очередной «вызов» русскому «православно-христианскому обществу». Только если в период «роста» подобные «вызовы» порождали «ответы», способствовавшие духовному развитию цивилизации, то теперь, когда русская цивилизация стала клониться к упадку, «ответы», последовавшие за «вызовом», носили уже не духовный, а политический или военный характер.

Одним из таких «военных ответов» на «вызов» татаро-монгольских кочевников явилась начавшаяся через несколько столетий экспансия царской России на Восток, «завоевание земель кочевников и замена кочевых селений оседлыми деревнями».²⁹ Но еще большее значение имел «политический ответ на военный вызов»: татаро-монгольская агрессия привела к тому, что правящие круги русского общества прибегли к заимствованию форм византийского самодержавия³⁰ и только благодаря этому создали аппарат, способный возглавить процесс возрождения национального государства.

Как видим, Тойнби, оставляя без внимания фактическую сторону борьбы русского народа против татаро-монгольских завоевателей, ссылается на события этого времени лишь для того, чтобы подготовить читателя к усвоению распространенного в современной буржуазной литературе взгляда о «константах» русской истории — безудержной внешнеполитической экспансии и византийском деспотизме государственной власти.³¹ Эту же линию проводит Тойнби и при освещении вопроса о создании русского централизованного (или, как он его называет, «универсального») государства.

По схеме Тойнби, вслед за «смутным временем», являющимся первой стадией процесса дезинтеграции, наступает обычно новая фаза, в ходе которой нация, выступающая в качестве главного

²⁸ Период «смутного времени» в России Тойнби датирует 1075—1475 гг. (A. Toynbee. A Study... v. 3, p. 145). Этот интервал определен им в соответствии с его представлением о том, что «смутное время» (т. е. период с момента «перелома» до образования «универсального государства») длится обычно около 400 лет (там же, т. 12, стр. 522). Математические выкладки Тойнби приоткрывают смысл датировки им «перелома» русской цивилизации. Очевидно, Тойнби действовал в данном случае от «обратного»: поскольку образование «универсального государства» в России он относит к 1475—1478 гг., отнимая от 1475 г. 400 лет, он получил дату 1075 г.

²⁹ Там же, т. 2, стр. 156.

³⁰ Там же, т. 8, стр. 470.

³¹ Ср.: «Через всю историю России проходят три постоянных фактора: стремление отгородиться от европейской цивилизации, стремление к экспансии и тоталитарный политический режим» (E. Krawski. Histoire de Russie. Paris, 1954, p. 405).

носителя соответствующей цивилизации, создает новое политическое тело — «универсальное государство».

Образование «универсального государства» не означает, что процесс упадка цивилизации оказался приостановленным или повернутым вспять. Даже если «универсальное государство» и переживает момент процветания, оно все равно не имеет будущего, так как цивилизация, испытавшая «перелом», не способна вернуть себе былую жизненную силу. Успехи «универсального государства» носят чисто внешний характер, и в течение всего периода его существования (а эта фаза бывает очень долгой, гораздо более долгой, чем фаза роста) они чередуются с политическими поражениями или кризисными явлениями в экономике и культуре.

Как же сложилось универсальное государство в России?

Тойнби справедливо отмечает, что не освобождение от татарского ига послужило причиной объединения русских земель, а, напротив, успехи в деле объединения сделали возможной ликвидацию господства чужеземных завоевателей.³² Но тут же, противореча самому себе, Тойнби рассматривает образование русского государства не как процесс, длившийся в течение XIV—XV в., а как единовременный акт, произошедший почти одновременно с уничтожением зависимости Руси от Золотой Орды. Он неоднократно называет датой вступления России в стадию «универсального государства» 1478 г.³³ В этом году, пишет Тойнби, в России, после объединения Москвы и Новгорода, было образовано «туземное» (indigenous) государство.³⁴ «Смутное время» русской цивилизации пришло к концу, и был учрежден Pax Moscoviana — особый мир, противостоящий другим современным ему цивилизациям.³⁵ Чтобы обеспечить свое существование, этот мир нуждался в самодержавном строе, и поэтому московские «эпигоны Рюрика» перестроили все свои местные институты на византийско-монархический лад.³⁶

Вопрос о связях России с византийским миром является для Тойнби одним из главных вопросов русской истории, пожалуй, даже центральным вопросом, поскольку единственная работа Тойнби, специально посвященная русской истории, носит название «Византийское наследие России».³⁷ И начинается эта работа с утверждения, будто бы Россия в течение почти целого тысячелетия была составной частью византийской цивилизации.³⁸ Она

³² А. Тойнби. A Study. . . , v. 4, p. 119; v. 5, p. 312.

³³ Там же, т. 4, стр. 288.

³⁴ Там же, т. 7, стр. 574.

³⁵ Там же, т. 6, стр. 310.

³⁶ Там же, т. 9, стр. 16.

³⁷ А. Тойнби. Russia's Byzantine heritage. Horizon, 1947, v. XVI, № 91.

³⁸ Там же, стр. 83.

носит на себе «дьявольскую печать» (mark of the beast) этой цивилизации, и важнейшие явления русской истории (вплоть до общественных течений и политических институтов XIX—XX вв.) восходят к византийскому корню. Одной из таких частей «византийского наследия» является «русский вариант византийского тоталитарного государства», сохранившийся, по утверждению Тойнби, с XIV—XV вв. до наших дней.³⁹

Так неверная оценка русского государственного строя времен Ивана III и Василия III становится основой для более широких выводов и приводит к смыканию высказываний Тойнби с антикоммунистическим шаблоном современной буржуазной печати. Впрочем, может быть, сама оценка событий пятисотлетней давности сложилась в момент одной из вспышек антикоммунистических настроений почтенного английского профессора?

Византийское влияние в России конца XV—начала XVI в. проявилось, по мнению Тойнби, не только в усвоении «тоталитарных форм» государства, но и в создании нового идеологического оружия, теории «Москва — третий Рим». Рожденная на греческой почве идея всемирной монархии, предназначенной стать олотом «истинного христианства», попав в Россию, приобрела большое историческое значение, и «урожай ее до сих пор еще полностью не снят».⁴⁰

Тойнби упоминает о теории «Москва — третий Рим» почти во всех томах «Исследования истории»: Он уточняет и варьирует оценку ее значения, приводит, демонстрируя свою «объективность», высказывания ученых, оспаривающих его взгляды,⁴¹ но неизменно возвращается к мысли о том, что московское правительство, «воспринимая всерьез или не всерьез (may or may not have taken seriously) эту теорию», считало Россию «святой страной с особым предназначением» и предпринимало соответствующие действия.⁴²

В советской исторической литературе убедительно доказано, что теория «Москва — третий Рим» никогда не была движущей силой Московского государства.⁴³ Хотя в официальных материалах XVI в. встречаются ссылки на слова из посланий старца Филофея о «царствующем третьем Риме», но использовались эти рассуждения главным образом для борьбы с попытками папского

³⁹ «Московское политическое здание дважды — при Петре I и при Ленине — меняло свой фасад, но суть его не изменилась, и нынешний Советский Союз, так же как и Московское великое княжество XIV в., воспроизводит характерные черты средневековой Восточно-Римской империи» (А. Тойнби. Russia's Byzantine heritage, p. 95).

⁴⁰ А. Тойнби. A Study. . . , v. 7, p. 31.

⁴¹ В т. 7 «Исследования истории» цитируется письмо Г. Самнера и Д. Оболенского, упрекающих Тойнби в том, что он преувеличивает значение теории «Москва — третий Рим» в русской истории (там же, стр. 578—579).

⁴² Там же, т. 12, стр. 540.

⁴³ Лихачев Д. С. Национальное самосознание древней Руси. М.—Л., 1945, стр. 101.

престола распространить свое влияние на русские земли или включить Россию в невыгодные для нее союзы.⁴⁴ Таким образом, эта теория служила, в основном, целям церковно-религиозной политики московского самодержавия, и не случайно, что к концу XVII в., когда борьба утратила свою остроту и независимости русской церкви уже ничто не угрожало, интерес к ней падает и она начисто выходит из употребления. Но Тойнби упорно не замечает этого и, продолжая считать теорию «Москва — третий Рим» главной «идеологической константой» русской истории,⁴⁵ умудряется обнаруживать ее существование в наши дни, утверждая, что «современные добровольные ученики Маркса проявляют себя невольными учениками Филофея».⁴⁶

Теория «Москва — третий Рим» — единственное явление русской общественной и политической жизни XV—XVI вв., которому Тойнби уделяет внимание. Вообще история России того времени интересует его лишь в узкой сфере, касающейся отношений между Россией и западной цивилизацией. А в этой сфере теория «Москва — третий Рим» заслоняет для Тойнби, как и для многих других его буржуазных коллег,⁴⁷ все остальные стороны русской общественной мысли и внешней политики, и он вновь и вновь возвращается к мысли о том, что «добровольно и сознательно приняв византийское наследие, русские переняли, среди прочего, и традиционное византийское отношение к Западу».⁴⁸

В отношениях между одновременно существующими цивилизациями Тойнби различает два возможных варианта или, как он их называет, две «противоположные психологические реакции».⁴⁹ Эти реакции он именует «ответом Герода», «геродианизмом» (Herodian answer, Herodianism) и «зелотизмом» (Zealotism), вводя термины, восходящие к истории борьбы Иудеи за освобождение от римского гнета и означающие в первом случае взаимодействие с другой цивилизацией и усвоение ее, а во втором — непримиримую вражду к ней.

По мнению Тойнби, в России до конца XV в. чередовались оба типа реакции, причем в некоторые периоды (Киев X—XII вв., Новгород X—XV вв.) контакты между Россией и Западом но-

⁴⁴ Н. С. Ч а е в. Теория «Москва — третий Рим» в политической практике московского правительства. Истор. зап., т. 14. М., 1945, стр. 10—18.

⁴⁵ Ср.: «Теория третьего Рима — это ключ, который позволяет понять жизнь русского народа в течение нескольких столетий его истории» (E. Denisoff. Aux origines de l'église russe autocéphale. Rev. études slaves, 1947, t. 23, p. 67).

⁴⁶ А. Тоунбее. A Study... v. 7, p. 39. Ср.: Н. Бердяев. Истоки и смысл коммунизма. Париж, 1955, стр. 118: «III Интернационал имеет много черт III Рима».

⁴⁷ См.: С. М. К а ш т а н о в. Об идеалистической трактовке некоторых вопросов истории русской политической мысли в зарубежной историографии. Византийский вестник, т. XI. 1956, стр. 320—321.

⁴⁸ А. Тоунбее. Russia's Byzantine heritage, p. 87.

⁴⁹ А. Тоунбее. A Study... v. 8, p. 589.

сили долговременный и позитивный характер.⁵⁰ Однако уже начиная с XIII в. отношения между Россией и Западной Европой ухудшаются. Первоначальным виновником конфликта Тойнби считает западноевропейские страны, стремившиеся подчинить своему политическому и религиозному влиянию украинские и белорусские земли. «Эта агрессивность западных стран в XIII—XV вв. разрушила доброжелательное отношение русских к Западу».⁵¹ Но еще большую рознь между Россией и Западной Европой внесла «византизация» русского общества, и с конца XV в. «зелотизм» по отношению к западной цивилизации все более вытесняет прежнее «геродианское» доброжелательство.⁵² Соответственно изменилось и отношение к России в западных странах: русские «навлекли на себя вражду Запада, поскольку они упрямо подчеркивали свою роль как наследников иной цивилизации».⁵³ И хотя позднее временами случалось, что «геродианский вариант» снова брал верх, однако конфликт между русской и западной цивилизациями, возникший в XV в., не разрешен, по мнению Тойнби, до наших дней.

Одним из этапов развития этого конфликта Тойнби считает события русской истории XVI—XVII вв., и прежде всего войны России с Польшей и Швецией.

В соответствии с канонами современной буржуазной историографии⁵⁴ Тойнби приписывает Польше и Швеции роль одного из «пограничных районов» (one of the marches) западного мира, сдерживающих «давление» (pressure) со стороны русской православно-христианской цивилизации.⁵⁵ Вместе с тем он признает, что масштабы этого «давления» в западной литературе обычно преувеличиваются, ибо Россия гораздо чаще бывала объектом агрессии, чем источником ее.⁵⁶ В частности, серьезному «давлению» со стороны западного мира Россия подверглась в начале XVII в., когда Запад попытался насильственно подчинить ее своему влиянию.⁵⁷

Упоминая о событиях в Московском государстве начала XVII в., Тойнби говорит лишь о вторжении в Россию польских и шведских войск и об их успехах. Об организации отпора этим войскам мы не найдем у него ни слова, так же как и о сложных социальных столкновениях, сопровождавших военные действия того времени. Для Тойнби весь смысл борьбы русского народа с польско-шведской интервенцией состоит в том, что «московская

⁵⁰ Там же, т. 7, стр. 222, т. 8, стр. 400.

⁵¹ Там же, стр. 403.

⁵² Там же, стр. 589.

⁵³ А. Тоунбее. Russia's Byzantine heritage, p. 85.

⁵⁴ Europa Erbe und Aufgabe. Internationale Gelehrtenkongress. Wiesbaden, 1956, S. 17.

⁵⁵ А. Тоунбее. A Study... v. 2, p. 176.

⁵⁶ А. Тоунбее. Russia's Byzantine heritage, p. 84.

⁵⁷ А. Тоунбее. A Study... v. 4, p. 90; v. 2, p. 157.

символическая была узнана неотразимостью сил Запада и за этим «вызовом» последовали различные по содержанию «ответы».⁸⁸ Одним из таких ответов — «светотетским» — было движение русских старообрядцев, не желавших ни на йоту поменять старые московские обычаи, другим — «городническим» — реформа Петра I.⁸⁹

Как видим, реакцию на события начала XVII в. Тойби обильно описывает лишь в исторических явлениях конца века, опуская все то, что происходило в течение целого столетия, столь знаменательного для русской истории. И социальные движения, и внешнеполитическая борьба, и борьба внутрицерковная, и культурные сдвиги в русском обществе XVII в. не привлекли его внимания. Он оставляет это в стороне, ибо более серьезный анализ русской жизни XVII в. показал бы несостоятельность одной из любимых идей Тойби — идеи о том, что петровские преобразования были непосредственно связаны с событиями начала XVII в. «Вызов Запада» — вот главная причина начавшихся в России перемен, утверждает Тойби, никак не связывая эти перемены с процессами, происходившими в недрах самого Московского государства.

Мы увидим далее, что аналогичное объяснение Тойби дает всем без исключения поворотным событиям русской истории. Вопреки своим декларациям о необходимости изучения каждой цивилизации исходя прежде всего из фактов ее собственной истории, он, обращаясь к материалу современных цивилизаций, ищет причины происходивших и них изменений в том или ином воздействии на них со стороны западной цивилизации, которая, таким образом, оказывается в роли вершительницы судеб всех остальных частей человечества. Эта позиция Тойби приводит к искажению изображаемой им картины прошлого, и исследование истории многих цивилизаций (и в том числе русской) утрачивает объективную основу.

Субъективный подход Тойби к русской истории особенно ярко проявился в его высказываниях, относящихся к петровской эпохе. Об этом периоде исторического прошлого нашей страны он говорит гораздо больше, чем обо всех других вместе взятых. Ни теми в том он возвращается к характеристике петровского времени, настойчиво убеждая читателя, что 1689 г. — год прихода к власти Петра I — был ступенью или вехой для русской истории, как и 1917 год.⁹⁰

Содержанию новой вехи, начавшейся для России при Петре I, Тойби видит в том, что русское общество, переживавшее «период спички» (hibernating society),⁹¹ нашло выход посредством приобщения

к Западу, «вестернизации» (westernization). Произошел этот переход неожиданно: Россия продолжала бы оставаться беззащитной от давления внешних сил, если бы ей не повезло и на престоле не оказался человек, «родившийся на его лот раньше, чем его народ понял необходимость анимирования с Западом».⁹²

Тойби не скупится на похвалы Петру I, он называет его «царем-футуристом» (futurist tsar), устремленным в будущее,⁹³ «западником», явившимся на свет за два века до того, как сам Запад стал порождать подобных людей,⁹⁴ и, наконец, сравнивает его с египетским фараоном Эхнатоном, считая, что в истории человечества не было больше случаев объединения в одном лице гениальных способностей и неограниченной власти.⁹⁵ Таким образом, Петр I превращается под пером Тойби в фигуру почти космического масштаба, и «Магомета русской цивилизации», в одного из немногих вершителей судеб человечества. И поумудрено поэтому, что преобразования в России начала XVIII в. выглядят у Тойби личным делом, «личным подвигом» Петра I.

Тойби отрывает эти преобразования от русской почвы, не связывает их с насущными потребностями русского общества, утверждая, что самый замысел преобразований возник у Петра только во время его пребывания за рубежом, во время его «ухода и возвращения» в Россию. Как и все другие творческие личности, Петр I, по мнению Тойби, должен был оторваться от окружающей его среды, уйти в другую сферу, выносить там свои идеи и лишь затем снова «вернуться к людям», чтобы воплотить эти идеи в жизнь.⁹⁶

Применение формулы «уход и возвращение» (withdrawal-and-return) для объяснения преобразований Петра I предвзвучено у Тойби не только для того, чтобы представить их делом одной творческой личности, но и чтобы низвести значение этих реформ до уровня автоматического «ответа» России на встречу с западной цивилизацией. Для него Петр I — прежде всего «городническая фигура», антиподом которой является «светотетская тень» Петра — царевич Алексей.⁹⁷ Единственный конфликт, присущий, по мнению Тойби, тогдашнему русскому обществу, касался отношений России и Запада и не затрагивал сферы межклассовых отношений в стране.

Вообще представление Тойби о социальном смысле петровских реформ оказывается очень выским: то он справедливо наме-

⁸⁸ А. Тойби. An historical approach to religion. London, 1950, p. 196.

⁸⁹ А. Тойби. A Study... v. 6, p. 103.

⁹⁰ Там же, т. 3, стр. 283.

⁹¹ Там же, стр. 280.

⁹² «Одна из причин социальных перемен состоит в том, что отдельные люди или группы людей уходят из своей общественной среды, пребывают вне ее и в это время накапливают нечто новое» (там же, т. 12, стр. 203).

⁹³ Там же, т. 8, стр. 306.

⁸⁸ Там же, т. 8, стр. 131.

⁸⁹ Там же, стр. 132.

⁹⁰ Там же, т. 12, стр. 537.

⁹¹ Там же, т. 6, стр. 310.

чает, что пошу политической структуры, созданной Петром I, должны были нести крестьяне,⁶⁸ то, игнорируя реальную обстановку феодально-крепостнической России начала XVIII в., утверждает, будто политика Петра I была направлена на то, чтобы «воспринять современный западный путь в его ортодоксальной буржуазной форме (middle-class form)».⁶⁹ Впрочем, все это в конце концов мало интересует нашего историка: Главным для него является вопрос о том, как изменился характер отношений России с Западом в переломный, по его мнению, период русской истории. И как раз этот вопрос остается неясным для читателя, ибо Тойнби дает на него несколько взаимоисключающих ответов.

С одной стороны, мы находим у Тойнби утверждение, что в России со времени Петра I на протяжении 200 лет осуществлялась политика превращения русского православно-христианского универсального государства в одно из рядовых государств западного мира,⁷⁰ в «сочлена современного западного сообщества».⁷¹ В результате этой политики Россия была, по словам Тойнби, принята в западное общество как «прозелит».⁷² В последнем томе своего труда он уже прямо именует послепетровскую Россию «сателлитом западной цивилизации».⁷³

И в том же самом труде настойчиво подчеркивается, что Россия продолжает и после Петра I противостоять Западу как «один из членов незападного мира». Даже в т. 12 наряду с определением России как «сателлита» Запада говорится, что Россия начиная с XVIII в. «была единственной незападной страной, сохранившей свою независимость».⁷⁴ Несмотря на кажущуюся эволюцию взглядов Тойнби по этому вопросу, он остается по существу на позиции, изложенной им в первых томах его сочинения, где мы узнаем, что «Россия никогда не переставала быть православно-христианским обществом, хотя дважды — Петр I и Ленин — одевали ее в модную западную одежду».⁷⁵ Следовательно, тот единственный смысл, который Тойнби видел в петровских преобразованиях и ради которого он так гиперболизировал их значение, оказывается весьма сомнительным.

Если суждения Тойнби о степени влияния петровских реформ на дальнейший ход русской истории во многом противоречивы, то о ближайших последствиях реформ он судит куда определеннее. В частности, он отмечает, что реформы эти очень благоприятно отразились на судьбе русского «универсального государства»:

⁶⁸ Там же, т. 4, стр. 398.

⁶⁹ Там же, т. 8, стр. 339.

⁷⁰ Там же, стр. 133.

⁷¹ Там же, т. 7, стр. 38.

⁷² Там же, т. 1, стр. 38.

⁷³ Там же, т. 12, стр. 561.

⁷⁴ Там же, стр. 537.

⁷⁵ Там же, т. 2, стр. 79.

«первое впрыскивание (infusion) западной цивилизации в тело православного христианства своей струей».⁷⁶ В результате «геродианской революции Петра»⁷⁷ для «универсального государства» в России наступило время нового подъема, «бабье лето» (Indian summer), продолжавшееся до начала XIX в.⁷⁸

Однако подобная временная стабилизация может, по мнению Тойнби, лишь приостановить, но не прервать процесс упадка цивилизации, пережившей «перелом». И одним из признаков этого упадка, одним из свидетельств утраты «оживленной силы» цивилизации является социальный распад общества, разрушение единства составляющих его частей.

История учит нас, что социальная борьба является движущей силой всех перемен, происходящих в обществе, служит главной причиной смены одних общественных форм другими. А у Тойнби классовая борьба оказывается не причиной, а следствием крушения цивилизаций, следствием тех идеальных и недоступных человеческому пониманию изменений, которые претерпевает всякая цивилизация.⁷⁹ Поскольку для него социальный раскол является фактором упадка и разложения общества, он относит его к числу отрицательных явлений и не скрывает своего враждебного отношения ко всем проявлениям классовой борьбы со времен древности до наших дней.

Мы не найдем у Тойнби точной датировки появления в русском обществе антагонистических социальных сил. Во всяком случае из его изложения явствует, что в период «бабьего лета» империи Романовых такие силы уже существовали и давали о себе знать. Силы эти, враждебные «универсальному государству», Тойнби именует «внутренним пролетариатом» (internal proletariat).

В главе «Употребление терминов», включенной в т. 12 «Исследования истории», Тойнби указывает, что он считает пролетариатом «все те социальные элементы или группы, которые находятся в данном обществе, но не принадлежат к нему» («which is „in“ but not „of“ any given society»)⁸⁰ Тойнби намеренно противопоставляет свое понимание этого термина марксистскому определению пролетариата: «... в моем понимании пролетариат включает множество различных людей, которые не являются пролетариями в марксистском смысле этого слова».⁸¹

На протяжении всего «Исследования истории» Тойнби развивает мысль о том, что пролетариат не представляет собой социальной силы, присущей одному лишь капиталистическому обществу, а является вневременной категорией, появляющейся во всех ци-

⁷⁶ Там же, т. 3, стр. 19.

⁷⁷ Там же, т. 8, стр. 138.

⁷⁸ Там же, т. 6, стр. 109.

⁷⁹ Г. Д. Чесноков. Критика взглядов А. Тойнби... стр. 57.

⁸⁰ А. Тоупье. A Study... v. 12, p. 306.

⁸¹ Там же.

цивилизациях, как древних, так и современных, в период их деинтеграции. И критерием принадлежности к пролетариату служит для него характер отношений тех или иных общественных групп с господствующими элементами данной цивилизации: пролетарий — каждый, кто отлучен от общества, наказан им (is penalized) или является неравноправным в экономическом, политическом или социальном отношении.

Будучи во всех случаях силой, враждебной «правлящему меньшинству», «внутренний пролетариат» каждой отдельной цивилизации специфичен по своему составу, ибо в формировании его принимают участие элементы, свойственные именно данной цивилизации и являющиеся непосредственными или побочными продуктами ее развития. Так, например, в России к категории «внутреннего пролетариата» Тойнби относит беглых крестьян («казаков»), политических и религиозных ссыльных, представителей нерусских цивилизаций, проживавших на территории царской империи (народы Прибалтики, Закавказья, Средней Азии), степных кочевников и «первобытные народы арктической зоны».⁸²

Эту многоликую массу сословий, лиц и народов объединяет в глазах Тойнби одна общая черта, одно общее чувство — непреодолимая враждебность к «правлящему меньшинству» и к его «универсальному государству». Враждебность эту Тойнби объясняет лишь тем, что «вестернизированный» правящий класс оказался чуждым массе населения.⁸³

Именно поэтому все выступления «внутреннего пролетариата» в России носили, по утверждению Тойнби, «зелотский» характер и были направлены против «геродианских» мероприятий государственной власти, стремившейся заимствовать более прогрессивные западные порядки.⁸⁴ Каковы бы ни были формы подобных выступлений, какой бы путь ни избрали те или иные фракции «внутреннего пролетариата» — «путь насилия» (violent way) Разина и Пугачева или «благородный путь» (gentle way) различных религиозных сект,⁸⁵ — все эти действия не выходили за рамки «зелотской» реакции. Смысл выступлений «внутреннего пролетариата» Тойнби видит не в стремлении к каким-либо реальным экономическим или социальным целям, а лишь в борьбе за выбор культурно-политической ориентации. Таким образом, «внутренний пролетариат» и «правлящее меньшинство» оказываются в конечном счете течениями, олицетворяющими в первом случае узконационалистическое и во втором — прозападное направление в русском обществе.

Объясняя вражду между «низшими» и «верхами» России их принадлежностью к различным культурным сферам, Тойнби, как и многие другие буржуазные историки,⁸⁶ старается изобразить социальный кризис в русском обществе XIX—начала XX в. специфически русской чертой. Ведь тогда и русскую революцию можно представить как чисто национальное явление, оказавшееся следствием не социальной, а культурно-политической борьбы.

Важным союзником «правлящего меньшинства» в борьбе за «вестернизацию» Руси Тойнби считает интеллигенцию. По его мнению, интеллигенция — «класс чиновников связи (liaison officers), изучивших приемы вторгшейся к ним цивилизации в такой степени, чтобы приспособить их для нужд своего общества. Они превращаются в общественный слой, жизнь которого все больше расходуется с местными традициями и все больше приближается к стилю вторгшейся цивилизации».⁸⁷ Именно эти специфические черты интеллигенции сделали ее главным носителем прозападных тенденций в России. Рассуждения Тойнби о русской интеллигенции отражают весьма распространенное в современной буржуазной литературе стремление противопоставить интеллигенцию трудовым массам России в качестве чужеродной и враждебной им силы. Наиболее отчетливо эта тенденция проявилась у американского историка Р. Пайпса, утверждающего, что «русская интеллигенция как исторический феномен и социальное явление была внутренне связана с процессом вестернизации» и «отличалась от масс народа не только своей образованностью и образом жизни, но и сознанием своего родства с западным культурным сообществом».⁸⁸ С точки зрения сторонников подобных взглядов сила русской интеллигенции состояла как раз в ее изолированности от народа, в «духовной независимости от политических и экономических интересов отдельных сословий и групп»,⁸⁹ и лишь до тех пор, пока интеллигенция удавалось сохранить свою «независимость», она оказывала активное влияние на ход русской истории.

Именно с таких позиций рассматривает Тойнби события начала XIX в., утверждая, что русская интеллигенция разошлась в это время с правящими властями в оценке потребностей страны и стремилась к тому, чтобы заимствования с Запада охватывали

⁸² Ср., например: M. Braun. Europa in russischen Denken. Sammlung, 1950, II, S. 411. — «Когда в XVIII—начале XIX в. западная культура стала социальной привилегией правящего класса, культурная граница, отделявшая Россию от других стран, переместилась внутрь страны и культурное противоречие с Европой стало внутринациональной проблемой».

⁸³ A. Тойнбее. A Study... , v. 5, p. 154.

⁸⁴ R. Pipes. The Historical evolution of the Russian intelligentsia. Daedalus, Summer 1960, pp. 487—488.

⁸⁵ D. Tschizewskij. Russische Geistesgeschichte. II. Russland zwischen Ost und West. Hamburg, 1961, S. 49.

⁸² Там же, т. 5, стр. 103.

⁸³ Там же, т. 7, стр. 222.

⁸⁴ Там же, т. 8, стр. 613.

⁸⁵ Там же, т. 5, стр. 104.

не только военно-техническую и культурную сферу, но и сферу политическую. Стремления эти воплотились в восстании декабристов, цель которого, по мнению Тойнби, состояла в переносе на русскую почву присущего Западу «либерального строя». Вот почему он упорно именует декабристов «либеральными революционерами»,⁹⁰ а восстание на Сенатской площади — «либеральной революцией».⁹¹

Впрочем, понятие «либеральная революция» Тойнби придает весьма широкое значение, употребляя этот термин не только применительно к восстанию 1825 г., но и к Февральской революции 1917 г. В обоих случаях движущей силой «либеральной революции» он считает интеллигенцию, стремившуюся «построить новое государство по западному образцу». Однако, как он считает, необходимых предпосылок для этого в России не было и прежде всего не было главной опоры либерального строя — «зрелого класса буржуазии»,⁹² поэтому русские «либеральные революции» потерпели неудачу.

Как видим, Тойнби на протяжении своей книги не раз упоминает о столкновениях разнородных социальных сил в России XIX—начала XX в. Его высказывания отражают (хотя и в трансформированном, извращенном виде) сложную расстановку классов и социальных групп, которая была характерна для тогдашней России. При всей не любви Тойнби к социальному анализу он не мог пройти мимо этой напряженной, чреватой кризисами ситуации, ставшей, по его мнению, важнейшим симптомом распада империи Романовых, симптомом гибели русского «универсального государства», крайней датой существования которого он называет то конец XIX,⁹³ то начало XX в.⁹⁴

Однако в соответствии со своей схемой развития цивилизаций Тойнби считает это предельное обострение классовых противоречий следствием, а не причиной кризиса «универсального государства». И решающую роль в том переломе исторических судеб России, который наступил в нынешнем веке, он отводит не классовым битвам, а очередному столкновению разноименных цивилизаций. Как и при объяснении всех остальных великих исторических событий, Тойнби переносит центр тяжести из социально-экономической в культурно-политическую сферу и для истолкования событий в России в 1905—1917 гг. снова обращается к своему излюбленному мотиву борьбы России и Запада.

По мнению Тойнби, перемены в общественно-политической жизни России, и в частности все русские революции, «были след-

ствием военных поражений России, следствием неудачных столкновений русской цивилизации с другими цивилизациями».⁹⁵

Это относится и к революции 1905 г., и в особенности к Октябрьской революции 1917 г., явившейся, по словам Тойнби, очередным «ответом» России на «вызов» Запада. Только потому, что полное поражение России в первой мировой войне вскрыло глубокую технико-экономическую отсталость России в сравнении с западными державами, стал, по мнению Тойнби, возможен приход к власти новой силы — большевиков, вознамерившихся сделать то, чего не могли сделать старые правители России: догнать индустриально развитые страны и значительно больше, чем раньше, приобщить Россию к достижениям западного мира.⁹⁶

Тойнби начисто игнорирует социальный смысл великого Октябрьского переворота. Даже когда он указывает, что Октябрьская революция 1917 г. явилась не только «ответом» России на «вызов» Запада, но и «вызовом» России Западу,⁹⁷ он имеет в виду чисто духовный вызов «западному либерализму» со стороны коммунистической идеологии, «сферой действия которой стала огромная „незападная“ страна».⁹⁸ Никакого классового конфликта, никакого прорыва капиталистического фронта Тойнби так и не заметил (или не захотел заметить), предпочитая оставаться в рамках своей окостенелой схемы взаимоотношений между цивилизациями.

Впрочем, анализ отношений между русской и западной цивилизациями после Октябрьской революции оказывается у Тойнби весьма сбивчивым и его рассуждения на этот счет — особенно противоречивыми.

С одной стороны, Тойнби, как уже было сказано, считает «генеральной тенденцией коммунистической революции» усиление «вестернизации» России.⁹⁹ Во многих местах своей книги он отмечает, что при коммунистическом режиме процесс «вестернизации» достиг невиданной ранее степени интенсивности.¹⁰⁰ Развивая эту мысль, Тойнби, следуя своему обычаю сблизать разновременные и разнокачественные явления, именует Советский Союз «политическим наследником империи Петра I» и утверждает, будто в СССР осуществляется тот же самый курс на учение у Запада, который был впервые проложен на рубеже XVII и XVIII вв.¹⁰¹ Поскольку основные принципы политики Советского государства были разработаны В. И. Лениным, то и Ленин в гла-

⁹⁰ А. Тойнби. A Study... v. 8, p. 234.

⁹¹ Там же, стр. 551.

⁹² Там же, стр. 343.

⁹³ Там же, т. 6, стр. 327.

⁹⁴ Там же, т. 7, стр. 222.

⁹⁵ Там же, т. 8, стр. 687.

⁹⁶ Там же, стр. 139.

⁹⁷ Там же, т. 3, стр. 200.

⁹⁸ Там же, т. 12, стр. 536.

⁹⁹ Там же, т. 7, стр. 223.

¹⁰⁰ Там же, т. 6, стр. 343; т. 3, стр. 202.

¹⁰¹ Там же, т. 8, стр. 112.

зах Тойнби — всего лишь продолжатель и «наследник Петра I»,¹⁰² стремившийся довести до конца начатую Петром «вестернизацию» страны.¹⁰³

Казалось бы, позиция Тойнби (при всей ее произвольности) определится достаточно четко: Россия со времен Петра I и до наших дней сперва «прозелит», а затем «сателлит» западного мира, все более сближающийся с ним. Но в «Исследовании истории» и в других работах Тойнби высказывает и прямо противоположное мнение: Ленин предстает под его пером не только «наследником Петра», но и «преемником протопопа Аввакума, староверов и славянофилов»,¹⁰⁴ а Россия, вопреки ранее цитированным утверждениям самого же Тойнби, не только не стремится сблизиться с Западом, но все более отдаляется от него.

Дело в том, что, по мнению Тойнби, специфической чертой русского народа является убеждение в уникальности своего исторического предназначения, в богоизбранности России, и это убеждение русских оказывается чем-то гораздо большим, чем эгоцентрические иллюзии остальных людей и обществ,¹⁰⁵ оказывается гораздо более живучим, чем все то, что Россия восприняла от Запада.¹⁰⁶ Поэтому Россия, несмотря на все происшедшие в ней изменения, сохраняет свое духовное лицо и Советский Союз продолжает оставаться той же... Святой Русью, что и Московское великое княжество XIV в.¹⁰⁷

Эти рассуждения Тойнби ставят его в один ряд с теми многочисленными буржуазными историками, которые упорно именуют нашу социалистическую державу «Святой Русью», вкладывая в этот термин весьма многозначительное историко-философское содержание. Необходимый «фактический материал» для подобной концепции услужливо поставляют эмигрантские литераторы. Один из них, А. В. Соловьев, спекулируя на том, что «ни одну страну, кроме Палестины и России, никогда не называли „святой“»,¹⁰⁸ утверждает, что в этом есть глубокий смысл, и приводит в своей книге целую коллекцию высказываний о «богоизбранности русского народа», извлеченную из сочинений древнерусских авторов (начиная от митрополита Иллариона) и славянофильствующих писателей XIX в. (вплоть до Вл. Соловьева).¹⁰⁹

¹⁰² Там же, т. 12, стр. 537.

¹⁰³ Там же, т. 3, стр. 284.

¹⁰⁴ Там же, стр. 278.

¹⁰⁵ Там же, т. 8, стр. 130.

¹⁰⁶ Там же, т. 12, стр. 541.

¹⁰⁷ А. Тойнби. *Russia's Byzantine heritage*, p. 95. Ср.: Тойнби рассматривает русскую революцию в основном как возвращение русского сознания к идее исключительного предназначения Руси (H. L. Mason: *Toynbee's approach to world politics*. New Orleans, 1958, p. 37).

¹⁰⁸ A. V. Soloviev. *Holy Russia*. s'Gravenhage, 1959, p. 7.

¹⁰⁹ Там же, стр. 10, 54—56.

Подхватывая легенду о «Святой Руси», Тойнби придает ей более современное обличье, указывая, что идеологические формы отстаивания Россией своей национальной исключительности в XX в. существенно изменились. И когда Россия в 1917 г. внезапно сошла с пути «вестернизации» и возобновила свою вековую борьбу с Западом, она, по его словам, действовала «уже не во имя православия, а под знаменем постхристианской ереси европейского происхождения»,¹¹⁰ — так Тойнби именует коммунизм, относя его к числу религиозных движений (!) и объявляя его чисто западной идеей, неосмысленно усвоенной и превратно истолкованной в России.

Но каков бы ни был характер господствующей в России идеологии, суть ее, как утверждает Тойнби, остается неизменной. «Русский коммунизм XX в., русское славянофильство XIX в. и русские претензии на роль вождя православного мира в XV в. являются последовательными проявлениями одного и того же убеждения»,¹¹¹ т. е. веры в исключительность исторической миссии России и в недопустимость ее сближения с Западом.

Как же могут совмещаться в рамках одной и той же цивилизации столь противоречивые тенденции — «вестернизация» и национальная замкнутость? Видимо, в этом сближении внутренне противоречивых феноменов как раз и проявляется та самая «диалектика» Тойнби, которая так нравится некоторым его американским читателям. Правда, Тойнби ставит риторический вопрос: какая тенденция — прозападная или антизападная — победит в России, но сразу же признается в своей неспособности дать на него ответ¹¹² и продолжает поочередно выдвигать на первый план то одну, то другую тенденцию.

Впрочем, даже если бы Тойнби и ответил на этот вопрос более определенно, прогноз его вряд ли имел бы научную ценность. Ведь сама проблема мнимой борьбы двух направлений в русской истории (особенно применительно к советскому периоду) сформулирована у него чисто умозрительно, без всякой связи с реальной действительностью. Весь смысл преобразований, проводимых Советской властью, Тойнби сводит то к «проявлению византийских традиций», то к «реализации вестернистских замыслов». А подлинного содержания происшедших в нашей стране колоссальных перемен как принципиально нового явления в истории он не видит. Создается даже впечатление, что он и не хочет их видеть, предпочитая выдавать их за воспроизведение (хотя бы и в обновленном варианте) процессов, уже ранее присущих русской цивилизации. В России не происходит ничего нового, убеждает читателя Тойнби,

¹¹⁰ А. Тойнби. *A Study...*, v. 8, p. 725.

¹¹¹ Там же, т. 12, стр. 541.

¹¹² Там же, т. 8, стр. 113. Ср. там же, т. 12, стр. 541: «В 1961 г. трудно сказать: останется ли Россия византийским миром или станет окончательно западной».

а просто черты «восточноправославной цивилизации» под влиянием «вестернизации» приняли несколько необычный вид.

Это утверждение об отсутствии принципиальной разницы и о существовании прямой преемственности между Советским Союзом и царской Россией, утверждение, многократно повторяемое и варьируемое в книге Тойнби, является одной из основных «констант» современной буржуазной историографии.

С поразительным единодушием твердят об этом и боннский «остфоршер» В. Маркерт, обнаруживший «преемственность в развитии власти от Московского княжества XIV в. до современного Советского Союза»,¹¹³ и бельгийский, реакционный историк Ж. Пиренн, писавший, что политика России с XVII в. и нынешняя политика СССР «сохраняют один и тот же характер».¹¹⁴ А американский публицист Г. Москоу прямо внушает своим читателям: «Чем дальше, тем яснее — то, что делают или пытаются делать коммунисты, пытались делать в России и раньше».¹¹⁵ Так что взгляды Тойнби на этот счет отнюдь не оригинальны.

И все же продолжая отрицать появление в России новых черт и не признавая того, что в нашей стране построено новое общество, Тойнби не может не отметить значительного усиления роли Советской страны в мировом историческом процессе. Если в первых томах «Исследования истории», написанных в 1920—1930 гг., он еще высказывал сомнения в успехе «русского эксперимента», то в томах, изданных в 1954—1961 гг., он отводит Советскому Союзу (по-прежнему именуемому «страной православно-христианской цивилизации») место в числе ведущих сил современности. Характеризуя обстановку, сложившуюся в мире после 1945 г., Тойнби констатирует, что «монополия Запада на господство в мировой политике, сохранявшаяся с 1683 г. (со времени разгрома турок под Веной), пришла к концу» и что «Россия играет теперь важную роль в определении судеб Запада».¹¹⁶

Какова же эта роль? Как может повлиять на развитие западной цивилизации изменившийся характер ее отношений с восточным соседом?

Отвечая на эти вопросы, Тойнби, как и во многих других случаях, проявляет крайнюю непоследовательность. С одной стороны, противоречия между СССР и ведущей державой Запада, США, Тойнби считает возможным рассматривать как «внутренний спор в западном обществе, открывшем свои двери для России».¹¹⁷ С другой стороны, он продолжает считать Россию «антизападным»,

«внезападным» обществом. И в заключительном, 12-м томе «Исследования истории», в специальном разделе «Место России в истории» Тойнби поворачивает дело так, что само сближение России с Западом оказывается угрозой могуществу и независимости западной цивилизации. Ибо, как он утверждает, Россия, став «сателлитом» западной цивилизации, стремится поменяться с ней ролями и занять главенствующее место, оттеснив Запад на задний план.¹¹⁸ А так как Россия явилась первой «внезападной» страной, нашедшей смелость противостоять современному Западу, она стала примером для остального «внезападного мира» и ее победа в состязании за выход в космос (1957 г.) была встречена всем «внезападным миром» как вдохновляющее и символическое событие.¹¹⁹

Итак, современная Россия предстает в книгах Тойнби как оплот «внезападных» сил, ведущих идеологическое наступление против Запада, занимающего ныне оборонительные позиции.¹²⁰ Однако разделяя все человечество на «Запад» и «остальной мир» (the West and the World), Тойнби с трудом удерживается в рамках своей историософской схемы, согласно которой противоречие между цивилизациями порождается чисто духовными факторами, теми специфическими чертами культуры, которые отличают каждую цивилизацию от других. В частности, при характеристике «Запада» он в своих последних книгах все чаще обращает внимание не столько на духовные, сколько на социально-политические черты западной цивилизации.

Типично в этом отношении замечание Тойнби о том, что современную западную цивилизацию правильнее было бы называть «буржуазной западной цивилизацией» (middle-class west civilization).¹²¹ Не менее характерен состав стран, причисляемых Тойнби к западному миру: наряду с западноевропейскими и американскими государствами он включает в этот список Турцию и Грецию (вероятно, как членов «чисто западного» союза НАТО)¹²² и исключает из него Венгрию, Чехословакию и другие социалистические страны Европы. Таким образом, границы Запада оказываются границами капиталистического мира.

Как видим, сквозь рамки концепции Тойнби прорывается подлинная картина борьбы антагонистических социальных систем, существующих ныне на земном шаре. И будучи активным сторонником одной из этих систем, Тойнби, выходя из сферы исторических исследований в сферу реальной политики, делится своими мнениями о том, какие средства могут укрепить положение капиталистического Запада и предотвратить его крах.

¹¹³ W. Markert. *Russland und die abendländische Welt*. In: *Deutschland und Europa*. Düsseldorf, 1951, S. 293.

¹¹⁴ J. Pirrenne. *Les grands Courants de l'histoire universelle*, v. 3. Neuchâtel, 1948, p. 152.

¹¹⁵ H. Moskow. *Russia under the Czars*. N. Y., 1962, p. 149.

¹¹⁶ A. Тойнбе. *A Study...*, v. 12, pp. 536—537.

¹¹⁷ Там же, т. 8, стр. 112.

¹¹⁸ Там же, т. 12, стр. 539.

¹¹⁹ Там же, стр. 537.

¹²⁰ Там же, стр. 536.

¹²¹ Там же, т. 8, стр. 338.

¹²² Там же, т. 11, стр. 192—193.

Мнения эти целиком зависят от международной конъюнктуры. В период, когда США обладали монополией на атомное оружие, Тойнби привывал к крестовому походу против коммунизма, а теперь, в связи с утратой этой монополии, воинственные кличи Тойнби сменились более миролюбивыми высказываниями.¹²³

В последние годы в статьях и книгах Тойнби все чаще встречаются мысли о том, что атомная война принесет человечеству неминуемую гибель и поэтому существующие противоречия между цивилизациями должны решаться не путем военных столкновений, а мирным путем. Говоря о перспективах развития человечества, Тойнби в своих последних работах исходит из возможности дальнейшего существования капиталистического Запада и коммунистического «внеазиатского мира».

Посмотрев на декларацию о бесплодности исторических прогнозов,¹²⁴ Тойнби не раз пытался заглянуть в грядущее и нарисовать картины будущего «всемирного» (экуменического) общества. По его мнению, эта новая цивилизация начнет развиваться на базе ванадийской цивилизации, но в дальнейшем «впитает в себя все лучшее из наследия всех предшествовавших цивилизаций».¹²⁵ При этом Тойнби допускает, что в создании экуменической цивилизации примут участие и «либеральная» (т. е. буржуазная), и коммунистическая системы и идеологическая борьба, которая сейчас (1961 г.) охватывает почти половину человечества, может стать не более чем академической проблемой в жизни экуменического общества через сто лет.¹²⁶

Так Тойнби присоединяется к позиции тех представителей современной буржуазной идеологии, которые, потеряв надежду испропоргниуть коммунизм с помощью силы, делают ставку на «культурно-социальную интеграцию» капитализма и социализма.¹²⁷ Однако капитализм и социализм противоположны по своей социально-экономической сущности, и расчеты на их «интеграцию» обречены на провал.

Изложенная в т. 12 «Исследования истории» утопическая гипотеза Тойнби (при всей реакционности тех ее черт, которые предполагают самоуправдание коммунизма ради воображаемой гармонии экуменического общества) свидетельствует об отходе его от жесткой схемы неумолимого различия между цивилизациями, определяющей содержание предыдущих томов его труда. Да и глава «Место России в истории» (т. 12) далеко не во всем совпадает с разделом «Современный Запад и Россия», напечатанном

в т. 8. Метаморфозы, происходящие с воззрениями Тойнби, еще больше подчеркивают искусственность его историсофии, и в частности антиисторичность его взглядов о развитии русской цивилизации, высказанных на протяжении «Исследования истории».

Каковы же причины того, что историческое прошлое и настоящее нашей Родины приобрело под пером английского профессора столь фантастический вид и получило такое надуманное и далекое от истины объяснение?

Во-первых, следует упомянуть об общей для реакционных современных буржуазных историков тенденции, которая связана с их антипатией к Советскому Союзу. Эта антипатия стала доминантой, определяющей их суждения не только о современной стране Советов, но и о той исторической среде, в недрах которой созрели силы, осуществившие первую в мире социалистическую революцию.¹²⁸ Находясь под властью подобных настроений, конечно, трудно (а подчас и невозможно) сохранить объективность в суждениях об историческом прошлом СССР.

Во-вторых, сама методология Тойнби исключает возможность создания реальной картины исторического процесса. Положив в основу своего труда искусственную схему, Тойнби насильно подгоняет под эту схему события русской истории. То, что у Тойнби именуется «рождением», «ростом», «переломом» и «дезинтеграцией» русского общества, не имеет ничего общего с подлинными рубежами истории нашей страны.

Руководствуясь своей порочной методологией, Тойнби отбирает из огромного круга исторических явлений и событий только то, что укладывается в рамки его умозрительных конструкций. А так как рамки эти весьма узки и совершенно произвольны, он не останавливается перед искажением фактов, ложной интерпретацией их и прочими приемами, направленными на то, чтобы любой ценой придать историческим событиям желательный для него вид.¹²⁹

Лишь благодаря подобному методу Тойнби удается конструировать те бесконечные параллели, которыми заполнены страницы его книги. Показалось, скажем, Тойнби, что в истории России и Японии есть какие-то совпадающие моменты, и вот на протяжении всей книги он, не считаясь ни с какими фактами, проводит на-

¹²³ С. С. Волк, А. Р. Дзенискович. Лженаучные теории реакционной буржуазной историографии истории СССР. Вопр. истории, 1964, № 1, стр. 59.

¹²⁹ Тойнби применяет насилие по отношению к историческим явлениям, для того чтобы они соответствовали воображаемой формуле или закону» (P. G. O. U. Toynbee's answer. Mededelingen der Nederlandse Akademie van wetenschappen, Nieuwe reeks, Deel 24, № 5, p. 5).

¹²³ Современная философия и социология в странах Западной Европы и Америки. М., 1964, стр. 280.

¹²⁴ Theories of history, p. 317.

¹²⁵ A. Toynbee, A. Study... v. 12, p. 529.

¹²⁶ Там же, стр. 548.

¹²⁷ Ю. Н. Сомов. Общественный прогресс... стр. 93

параллели между всеми этапами развития «русской ветви православно-христианской цивилизации» и «японской ветви дальневосточной цивилизации».

А чего стоит сравнение коммунистической партии с мусульманскими и индуистскими братствами средних веков?¹³⁰ Или сравнение Сталинградской битвы 1942 г. с отражением турецкого вторжения 1569 г., поскольку в обоих случаях «Россия отражала попытку врагов пробиться к сердцу евразийских степей»?¹³¹

Так «Исследование истории» утрачивает исследовательские черты и превращается в бесплодные поиски (или выдумки) параллелей, посягающих такой фантастический характер, что даже хвалесная гибкость ума их автора не в силах их оправдать.

Испытав потрясение при встрече с подобными параллелями, читатель уже менее остро реагирует на многочисленные неточности и фактические ошибки, попадающиеся на страницах книги Тойнби.¹³² Об этих ошибках пишут даже сторонники Тойнби, признавая, что его теории «не выдерживают проверки под микроскопом».¹³³ И хотя вслед за тем они пытаются оправдать его, указывая, что недостаток точности возмещается у Тойнби широтой и масштабностью концепций, однако мы не можем согласиться с ними, ибо каковы бы ни были масштабы теории, если она строится на непроверенных или вымышленных фактах, цена ее равна нулю.

Наконец, в-третьих, порочность «Исследования истории» объясняется специфическим кругом источников, использованных автором при работе над книгой. Конечно, нельзя требовать от Тойнби исчерпывающего знания литературы по истории всех тех народов, о которых он пишет в своем труде. Но во всяком случае ему следовало бы познакомиться с наиболее свежими и квалифицированными исследованиями в каждой из соответствующих областей. Тойнби не придерживался этого правила при изучении истории русской цивилизации.

Среди 20 книг и статей о России, упомянутых на страницах «Исследования истории», преобладают либо давно устаревшие сочинения,¹³⁴ либо архивенциозные по своей антисоветской

¹³⁰ А. Тоунбее. A Study... v. 8, p. 344.

¹³¹ Там же, стр. 225.

¹³² «При чтении высказываний Тойнби о дореволюционной России возникает впечатление, что ряд фактов ему неизвестен, а его конструкции часто бывают произвольными» (I. Neander. Russland in Toynbee's «Studie zur Weltgeschichte» Finanzarchiv. Neue Folge 1951—1952. Bd. 13, H. 2, s. 170. «Факты у Тойнби это не факты, а субъективные представления о фактах» (P. Goyl. Toynbee's answer, p. 8).

¹³³ R. Gaillouis. Vorwort zum A. Toynbee — Sonderheft. Diogenes, 1956, H. 13, S. 3).

¹³⁴ A. Brückner. Peter der Grosse. Berlin, 1879; D. M. Wallace. Russia. London, 1877; E. Ravenstein. The Russians on the Amur. London, 1861; C. Mettig. Die Europäisierung Russlands im 18 Jahrhundert. Gotha, 1913.

направленности творения западных буржуазных авторов¹³⁵ и русских белоэмигрантов.¹³⁶ Ни с одним исследованием, напечатанным за последние 40 лет в СССР, Тойнби не знаком, хотя многие из них переводились на известные ему языки или реферировались в зарубежных изданиях.

Естественно поэтому, что многотомный труд Тойнби не является научным вкладом в разработку вопроса о месте России в кругу других стран. Книга эта, воспроизводя ряд распространенных в буржуазной литературе штампов и мифов о русской истории, сама кладет начало новым мифам, уже подхваченным современными буржуазными историками.

Знакомясь с отражением в книге Тойнби русской истории, мы получаем представление о наиболее ходячих на Западе взглядах в данной области, уясняем их генезис, социальные и методологические корни и взаимосвязь. Тем самым мы увеличиваем возможность более прицельной и эффективной борьбы с фальсификаторами истории нашей страны и терпеливого рассеивания тех заблуждений относительно СССР, которые существуют у западных читателей и преодолению которых должны способствовать наступательные действия советской историографии.

¹³⁵ W. Weidlb. La Russie absente et présente. Paris, 1949; H. Kohn. Dostoevsky's Nationalism. Journ. Hist. Ideas, 1945, v. 6, № 4.
¹³⁶ D. Doroshenko. History of the Ukraine. Edmonton, 1939; N. Zernov. Moscow the third Rome. London, 1944; N. Berdyayev. The Origin of Russian communism. London, 1937; G. Fedotov. The Russian religious mind. Cambridge, Mass. 1946.

В. И. БИЛЛИК

ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРИЧИНЫ ПОБЕДЫ
ФЕВРАЛЬСКОЙ И ВЕЛИКОЙ
ОКтябрьской СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИЙ В РАБОТАХ НЕМЕЦКИХ
БУРЖУАЗНЫХ И РЕФОРМИСТСКИХ ИСТОРИКОВ
ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА (1946—1963 ГГ.)

Позиция буржуазных и реформистских историков по вопросам, указанным в заглавии настоящей статьи, представляет большой интерес, поскольку сведения и объяснения по проблемам революции в России, которые читатели в капиталистических странах могут почерпнуть из издающейся там литературы, оказывают немалое влияние на формирование их политических взглядов и мировоззрение. Несомненный интерес представляют и методологические установки буржуазных авторов, их подход к данной проблеме, круг вопросов, на которых они сосредоточивают свое внимание.¹

Мы стремились к тому, чтобы наш критический анализ представлял собой объективную и полезную информацию для советских читателей и чтобы наши критические замечания были убедительными также и для тех читателей, которым рассматриваемые нами книги предназначены.

Для достижения этой цели важно показать, что антикоммунизм, в той или иной мере характеризующий позицию большинства буржуазных историков,² препятствует им, вопреки часто встре-

¹ Тематически и в части подхода к критике буржуазной историографии настоящая статья примыкает к двум нашим предыдущим статьям: Некоторые вопросы истории Советского общества 1917—1920 гг. в освещении немецких буржуазных историков. В сб.: Рабочие Ленинграда в борьбе за победу социализма, М.—Л., 1963, стр. 289—332; К вопросу об освещении предпосылок и причин победы Октябрьской революции в буржуазной историографии. В сб.: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, М., 1964, стр. 435—447.

² Говоря о буржуазной историографии, мы имеем в виду одновременно и большинство случаев и реформистскую историографию, ибо позиция бур-

жазными широкообещательным обещаниям, прийти к объективным выводам в своих работах. При этом надо показать, что некоторые неверные, необъективные выводы и утверждения буржуазных авторов в ряде случаев вступают в противоречие с фактическими данными, приведенными в их же собственных работах, или опровергаются выводами других буржуазных историков.

Важно установить, что в трудах буржуазных историков встречаются положения и выводы, свидетельствующие об известном влиянии на них марксизма, чему в наших работах о буржуазной историографии зачастую не уделяется должного внимания, а это приводит к упрощениям в трактовке взглядов наших противников. Вопрос о предпосылках и причинах победы революции в России объективно и обстоятельно освещен в марксистской литературе, но, мы полагаем, краткое изложение (в ряде случаев словами самих авторов) того, что, по нашему мнению, соответствует или приближается к истине в рассматриваемых нами трудах буржуазных историков, представляет определенный интерес для советских читателей, которые только таким путем могут получить конкретное и живое представление об этих трудах и об их авторах. С тем чтобы лучше достигнуть поставленной цели, мы сосредоточили внимание лишь на нескольких работах.

Но если для советских читателей выявление позитивной стороны в рассматриваемых работах важно лишь для полноты и объективности информации, то для западногерманских читателей оно имеет несомненное положительное познавательное значение, поскольку объективные данные и заключения, которые содержатся в этих работах, зачастую затемняются и отодвигаются на задний план неверными рассуждениями и необъективными выводами.

На рубеже 40-х и 50-х годов, когда в Западной Германии возобновилось в широких масштабах «изучение Востока» («остфоршунг»), авторы некоторых из появившихся тогда работ, пытались объяснить решающую роль Советского Союза в разгроме гитлеровской Германии, вынуждены были сделать поутешительные для всего предшествующего «остфоршунга» выводы. Так, Артур Юст, автор изданной в 1949 г. книги «Россия в Европе» (этим названием Юст хотел возразить «отлучающим» Россию от Европы), и Евгений Лемберг, политическая ориентация которого также видна из заглавия его вышедшей в 1950 г. книги «Восточная Европа и Советский Союз. История и проблемы мира за желез-

жазными и реформистских историков по рассматриваемым в настоящей статье вопросам не зависит от принадлежности того или иного автора к реформистской партии.

ным завесом», сошлись на том, что «немцы... по настоящему Востока не знали».³

Юст уточнял, что в Германии не поняли необходимости хороших отношений с СССР, а Лемберг добавлял, что в незнании России — «причина катастрофы, которая достигла немцев». Однако, хотя Лемберг и претендует в своем труде ни много, ни мало как на продолжение дела Гердера в области изучения истории славянства,⁴ претензия эта оказывается явно несомнительной. Отстаивая идеалистическую «концепцию» национального характера» в качестве основы познания хода истории, Лемберг противопоставляет с подобных позиций Россию не только Западу, но и Средней Европе (Ostmitteleuropa), которую он выделяет в «историческую индивидуальность».

Следует, однако, отметить, что ряд реакционных буржуазных историков, в том числе и те, о которых идет речь в настоящей статье (Г. Штёкль, К. Рупфман, О. Анвайлер), обходятся без идеалистической концепции Лемберга, а Анвайлер в рецензии на книгу Лемберга пишет, что «человек Востока», противостоящий «человеку Запада», не существует в действительности».⁵

Немецкий историк-марксист Е. Винтер правильно указывает, что неудачная попытка Лемберга объяснить с позиции противопоставления Востока Западу основные события истории России и СССР отнюдь не случайна: идея противопоставления Средней Европы и Западу и России всегда использовалась немецкими правящими классами в экспансионистских целях, а другими империалистами Запада — для того, чтобы вбить клин между Германией и Россией.⁶ Вместо «заполнения бреши в познании Востока» книга Лемберга, вопреки призывам автора к взаимопониманию, способна лишь дезориентировать немецких читателей.

В последующие годы в Западной Германии было опубликовано и в настоящее время продолжает публиковаться большое число работ, в которых рассматриваются проблемы истории России и СССР. Время от времени вновь и вновь раздаются самокритичные голоса, признающие, что «немцы в ФРГ находятся в опасности недооценить значение того, что произошло в России и в других

³ E. L e m b e r g. Osteuropa und die Sowjetunion. Geschichte und Problemen. Aufl. 2. Wiesbaden, 1956, S. 12 (во втором издании в заглавии не упоминалось о «железном завесе»). Е. Лемберг считается в ФРГ одним из крупнейших специалистов по истории Восточной Европы. Ср. также: А. J u s t. Russland in Europa. Gedanken zum Ostproblem der Abendländischen Welt. Stuttgart, 1949, S. 19. А. Юст — многолетний корреспондент ряда германских газет в Москве.

⁴ E. L e m b e r g. Osteuropa und die Sowjetunion, SS. 12, 15. Лемберг считает, что со времени выхода в свет труда И. Гердера «Идеи к философии истории человечества» в германской историографии была брешь в изучении славянства. Лемберга не смущает, что подобной оценкой он перечеркивает весь «остфоршунг».

⁵ См.: Neue Politische Literatur, 1958, № 2, S. 166.

⁶ См.: Deutsche Aussonpolitik, 1957, № 11, SS. 1015—1018.

странах с 1917 года», — как сказано в изданном в 1961 г. методическом пособии Г. Биндера⁷ по новой и новейшей истории. В обширной методологической статье В. Кампман «Предистория русской революции», опубликованной в официальном еженедельнике Боннского правительства «Из политики и современной истории», высказывается сожаление, что в немецкой школе истоки французской революции XVIII в. изучаются значительно глубже, чем предпосылки и причины революции в России.⁸ Автор призывает к тому, чтобы хорошо изучить русскую историю XIX в., которая имеет такое же значение для понимания последующей истории России, как Ренессанс для Италии, XVI в. для Испании, XVII и XVIII вв. для Франции.

Нельзя сказать, чтобы вопрос о предпосылках и действительных причинах победы Февральской и Великой Октябрьской революций игнорировался в буржуазной историографии,⁹ хотя «примеры» подобного игнорирования и нередки: чрезвычайно скупо говорится о социально-экономических предпосылках революции в России в книге по новой и новейшей истории (1789—1945 гг.) видного западногерманского историка Г. Херцфельда,¹⁰ в научно-популярной «Краткой истории России» И. Бирнбаума,¹¹ в широко распространенном школьном учебнике О. Мюллера¹² и даже в упомянутой «Современной истории» Г. Биндера, вопреки призыву автора глубже изучать «красную революцию». Разумеется, полностью игнорируются предпосылки революции в России и не освещаются причины ее победы в «научно-популярной» литературе типа многотомной «всемирной истории» О. Цирера¹³ и в некоторых публицистических статьях.¹⁴

Не претендуя на исчерпывающее освещение методологии буржуазной историографии революции в России, отметим прежде всего, что в той мере, в какой буржуазные авторы касаются вопроса об объективных предпосылках революции, подавляющее

⁷ G. B i n d e r. Lebendige Zeitgeschichte. Handbuch und Methodik. München, 1961, S. 124.

⁸ W. K a m p m a n n. Die Vorgeschichte der russischen Revolution. Eine Unterrichtsmodell. Aus Politik und Zeitgeschichte, 1963, Bd. 19, S. 14.

⁹ См. об этом также наши статьи, упомянутые выше.

¹⁰ H. H e r z f e l d. Die Moderne Welt. 1789—1945. T. 2. Braunschweig, 1952.

¹¹ J. B i r n b a u m. Kleine Geschichte der Sowjetunion. Frankfurt am Main, 1960.

¹² O. M ü l l e r. Deutsche Geschichte in Kurzfassung. Frankfurt am Main, 1955. История Германии рассматривается в этой книге (объемом в 275 стр.) в связи со всемирной историей, причем трем русским революциям уделено всего 24 строчки.

¹³ O. Z i e g e r. 1917—1954. Das Bild unserer Zeit. München, 1957. Цирер — автор 44-томной (!) «всемирной истории» в нескольких сериях.

¹⁴ Так, например, в статье, посвященной 40-летию Октябрьской революции, в журнале «Neue Politik» (1957, № 44, стр. 11) некий К. Везер развязно пишет, что в России «только революция 1917 г. создала фабричный пролетариат, который, по рецепту К. Маркса, должен был быть освобожден».

большинство из них преувеличивает значение особенностей развития России. Если подобный подход характерен лишь при изучении русской революции, то постановка вопроса: нельзя ли было революцию предотвратить? характерна для буржуазной историографии при изучении любой революции.¹⁵ Действительно, без рассуждений относительно «упущенных возможностей» избежать революции, без смакования вопроса об «ошибках верхов», без «советов» (задним числом) о том, каким образом возможно было бы спасти рухнувший строй, не обошлось у буржуазных историков изучение ни одной революции, но все же применительно к революции в России такой прием (тенденция, подход) используется особенно усердно.

Отвергая домыслы о возможности предотвратить Великую французскую революцию, Ромен Роллан писал, что «истинное величие этой революции заключалось в том, что она была неизбежна».¹⁶ Тем более неизбежной была Великая Октябрьская социалистическая революция, которая привела к гораздо более глубоким общественно-экономическим и политическим переменам всемирно-исторического значения. Россия была подведена к ним всем ходом своего предыдущего развития. Данные, подтверждающие этот вывод, содержатся (как будет показано ниже) во многих работах немецких буржуазных историков, в том числе и в изданной в 1962 г. «Русской истории», написанной «остфоршером» «среднего» поколения, профессором Кельнского университета Гюнтером Штёклем, который, тем не менее, задается вопросом: «была ли гибель империи (в России, — В. Б.) результатом закономерностей внутреннего развития или же она оказалась расплатой за глупость и несостоятельность власть имущих? Был ли этот результат неизбежен или же возможности для оздоровления остались неиспользованными?».¹⁷

Допуская, что такое коренное революционное изменение в жизни общества и государства, которое произошло в России в 1917 г., могло произойти и помимо закономерностей внутреннего развития, без серьезных объективных предпосылок (?),

¹⁵ Излагая воззрения историков Великой французской революции, один из виднейших русских буржуазно-либеральных историков, Н. И. Кареев, писал, что ответ на этот вопрос является основным при изучении истории революции (Н. И. Кареев. Историки французской революции, т. 1, М., 1924).

¹⁶ Ромен Роллан. Неизбежность революции 1789 г. Историк-марксист, 1939, № 3, стр. 37—46.

¹⁷ G. Stöckl. Russische Geschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1962, S. 536. Штёкль родился в 1916 г. в Вене. Изучал историю и славянскую филологию в Австрии и Германии. Им написаны «Die deutschslavisches Südostgrenze des Reiches im 16 Jahrhundert» (Breslau, 1940), «Die Entstehung des Kosakentums» (München, 1953). Он является членом редакции журнала «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas» (G. Stöckl. Russische Geschichte... S. 824).

Г. Штёкль сильно преувеличивает возможную роль случайностей в историческом процессе.

Между тем именно объективными условиями в значительной мере определялись и основные субъективные факторы, несомненно серьезно влиявшие на ход событий, такие как сознательность и организованность борющихся классов и партий, возможность проявления личных дарований (или, наоборот, бездарности) тех, кто возглавлял борющиеся лагеря; точнее, сама возможность появления людей с теми или иными личными качествами на руководящих государственных постах во многом определяется общественными условиями. По сути дела сам Штёкль признает, что «несостоятельность власть имущих» в Российской империи была производной от «закономерностей внутреннего развития», поскольку, как он отмечает, «в России при последних Романовых не было недостатка в способных государственных деятелях, но в условиях самодержавия они редко имели возможность проявить себя».¹⁸

В первые годы после Октября в буржуазной историографии и публицистике преобладало преувеличение экономической отсталости царской России. Тем самым стремились доказать, что путь, избранный Россией, не пригоден для стран Запада и что из попытки построить в России социалистическое общество ничего не выйдет.

В послевоенной немецкой буржуазной историографии нередко отмечается, что экономическую отсталость России не следует преувеличивать, ибо со второй половины, особенно с конца XIX в., в России началась ускоренная индустриализация по западноевропейскому образцу.¹⁹ Западногерманский экономист Тальгейм даже обвинил «большевистскую пропаганду» в преувеличении отсталости царской России.²⁰

Объективно эту вторую тенденцию в буржуазной историографии «питают», с одной стороны, отсутствие революционной ситуации в главных капиталистических странах; что делает не столь злободневным, как в первые годы после Октября, вопрос о революции на Западе «по русскому образцу», с другой стороны — успехи Советского Союза, которые слились с «повестки дня истории» вопрос о возможности построения социализма в России. Теперь буржуазные ученые стоят перед иным социальным заказом: доказать, что уже с конца XIX в. Россия была на пути к тому,

¹⁸ Там же, стр. 561. Штёкль мог задать свой вопрос (была ли революция «результатом закономерностей внутреннего развития?») и риторически, как бы от лица своих читателей, что тем более обязывало его ответить на него, чего он, однако, не делает, хотя в его книге содержится много данных для этого.

¹⁹ Об этом еще в 20-х годах писал В. Зомбарт (см.: В. Зомбарт. Современный капитализм, т. III. М.—Л., 1930, стр. 368).

²⁰ K. Thalheim. Grundzüge des sowjetischen Wirtschaftssystem. Köln, 1962, S. 22.

чтобы и без революции превратиться в высокоразвитую индустриальную державу. Тем самым пытаются умалить значение Великой Октябрьской социалистической революции и последующие успехи Советской власти.

Разумеется, мы не отождествляем «социальный заказ» с грубой сознательной фальсификацией или с сознательной подгонкой итогов исследования к заранее заданному результату, хотя подобную грань при анализе исторических трудов далеко не всегда возможно провести.

Первые работы по истории России и СССР, изданные в Западной Германии после войны и принадлежащие перу виднейших специалистов по русской истории на Западе Отто Хэтчу и Валентину Гитерману, до сих пор являются лучшим и наиболее объективным из всего того, что написано на немецком языке буржуазными авторами о революции в России.

Уже одна личность О. Хэтча — автора «Краткого очерка истории России (842—1946)»,²¹ как историка и политика делает его книгу заслуживающей внимания. О. Хэтч был одним из основателей в 1913 г. «Общества по изучению истории России», а в Веймарской республике возглавлял это общество,²² он был редактором ряда периодических изданий по истории России и Восточной Европы и вел курсы русской истории в Берлинском университете.²³

В 1935 г. Хэтч был отстранен нацистами от научной и преподавательской работы, поскольку в отличие от большинства своих коллег и учеников, подвигающихся и в настоящее время в Западной Германии,²⁴ он не был враждебно настроен по отношению к России и русскому народу. Показательно в этом отношении, что в годы первой мировой войны, когда подавляющее большинство немецкой профессуры было охвачено аннексионистским угаром, Хэтч был против наглых притязаний германских империалистических кругов на восточные области России. Он при-

²¹ O. Hoetzsch. Grundzüge einer Geschichte Russlands. Stuttgart, 1949.

²² В 1918 г. оно было переименовано в «Общество по изучению истории Восточной Европы».

²³ Хэтчем написан ряд работ по истории России XVIII—XX вв. и по вопросам внешней политики. Под его редакцией переведено с русского 11 томов документов — «Международные отношения в эпоху империализма». Хэтч был редактором «Zeitschrift für osteuropäische Geschichte» (1910—1914, 1930—1935), «Osteuropäische Forschungen» (1912—1935), «Osteuropa» (1925—1935).

²⁴ Учениками О. Хэтча были такие влиятельные «остфоршеры», как В. Маркерт, К. Менерт, П. Шайберг, Ф. Эпштейн (с 1937 г. живущий в США), Х. Яблоновский и др. (см.: Russland-Studien. Geddenkschrift für Otto Hoetzsch. Stuttgart, 1957, SS. 109—110).

надлежал к тем видным политикам и публицистам в Веймарской республике, которые понимали, что национальные интересы Германии требуют дружественных отношений с Советским Союзом.²⁵ На посту председателя «Общества по изучению Восточной Европы» Хэтч много сделал для развития культурных связей между Германией и СССР.²⁶

Отдавая дань тенденции преувеличивать значение особенностей исторического развития России, Хэтч писал, что ему «часто кажется, что внутреннее понимание русской истории превосходит духовные силы европейцев старого стиля»²⁷ и что «история русского народа, начиная с Киевской Руси, ставила историков перед многими проблемами и загадками».²⁸ Но разве история любой страны, а не только России, не ставит историка перед «многими проблемами и загадками»?

Однако уточняя свою позицию по проблеме «Россия и Запад», Хэтч в полном противоречии с теми «остфоршерами», которые считают себя его учениками, с удовлетворением подчеркивает, что к числу неизменных на протяжении 47 лет его научной деятельности теоретических и методических положений принадлежит и тезис о том, что «Россия и СССР в своей основе европейское государственное сообщество» (стр. 7). Еще энергичнее высказался Юст, заявивший, что «только тот истинный европеец, кто не воз-

²⁵ Хэтч был депутатом рейхстага от немецкой национальной партии, представителем Германии в Лиге наций и внешнеполитическим обозревателем правой газеты «Kreuzzeitung». Расходясь с председателем партии А. Гугенбергом по вопросу об отношениях с СССР и возражая против поддержки национал-социализма, Хэтч вышел в 1929 г. из немецкой национальной партии и вскоре отошел от политической деятельности.

²⁶ В частности, в 1928 г. «Обществом по изучению Восточной Европы» в Германии была проведена «неделя русской истории», в течение которой ряд советских историков — М. Н. Покровский, В. В. Адоратский, С. М. Дубровский и др., выступали с докладами. Доклады эти были изданы в 1929 г. Пришедшие вскоре после 1933 г. к руководству «остфоршунгом» фашисты обвинили Хэтча в том, что изучение Советского Союза было поставлено им на службу Раппальской политике. Некий погромщик от науки «доктор» Г. Грейфе, изложивший в пасквильной книжонке (H. Greife, «Sowjetforschung», Berlin, 1936) фашистские основы изучения СССР и его истории, заявлял, будто бы «кто не был другом СССР, либералом, масоном или евреем, — тот не мог в Германии заниматься изучением СССР» (там же, стр. 43—45). В действительности среди этих «либералов» оказалось немало усиленно сотрудничавших с нацистами, например Е. Ханин, Г. Аубин, П. Серафим, Г. Кох, Г. Раух (E. Hanisch, H. Aubin, P. H. Seraphim, H. Koch, G. Rauch) и др. Однако несомненно, что «остфоршунг» на отдельных этапах истории Германии имел как общие, так и различные черты. Вопрос об общих чертах частично освещен в статье М. Р. Тульчинского «Возрождаемое прошлое (о преемственности нацистской и боинской историографии Советского Союза)» (История СССР, 1964, № 3, стр. 190—209).

²⁷ O. Hoetzsch. Grundzüge einer Geschichte Russlands, S. 194 (далее на стр. 213—218 текста страницы этой работы указываются в скобках).

²⁸ S. F. Platonov. Geschichte Russlands von Beginn bis zur Jetztzeit. Schlusskapitel von O. Hoetzsch. Leipzig, 1927, S. 437.

двигает искусственного занавеса между Западом и Востоком, — занавеса, которого никогда не было».²⁹

Разумеется, Советский Союз по своему географическому положению, этническому составу населения, по своим историческим, внешнеполитическим, экономическим и культурным связям является государством и европейским, и азиатским. Но враги России и Советского Союза с помощью «тенденциозного и пропагандистского», по словам Хэтча, ярлыка «азиатское» применительно к русскому государству и народу — ярлыка, который Хэтч призывает искоренить (стр. 10), стремились внушить немцам мысль об отсталости России и о правомерности «оттеснения» России на Восток. Хэтч четко формулирует соответствующую бесспорным историческим фактам точку зрения, что общественно-политическое развитие России совершалось в таком же направлении, как и развитие стран Запада: «Как мыльный пузырь развеялось мнение, — пишет он, — что Россия с ее мужиком и общишной собственностью перепрыгнет капиталистическую стадию развития. Капитализм шел в России тем же путем и приводил к тем же безжалостным результатам, что и в Западной Европе» (стр. 147).³⁰ «Россия, — продолжает Хэтч, — отставала от Запада на одно поколение, но принципиально была на том же пути», причем «развитие производительных сил и производственных отношений на протяжении жизни последнего поколения перед первой мировой войной оказало огромное влияние на все социальное здание и на положение внутри государства». «Эра Витте» рассматривается Хэтчем как период усиленной индустриализации России, а сам С. Ю. Витте характеризуется им как наиболее способный из царских министров (стр. 150—152);³¹ вместе с тем Хэтч отмечает, что расчеты С. Ю. Витте с помощью прибылей создаваемой им индустрии представляли собой, пожалуй, азартную игру и иллюзию» (стр. 151).

Хэтч, как и некоторые другие «остфоршеры», понимает, что ускоренное промышленное развитие России в условиях сохранения пережитков крепостничества и реакционнейшего царского самодержавия вело лишь к резкому усилению классовых противоречий. Характеризуя расстановку классовых сил в стране в начале XX в., он констатирует оскудение и ослабление фундамента абсолютизма — дворянства, не сумевшего, в частности, использовать для развития помещичьего хозяйства выкупные платежи после «освобождения» крестьян (стр. 153).³² «Буржуазия в Рос-

²⁹ А. Just. *Russland in Europa*, S. 87.

³⁰ При этом Хэтч ссылается на работы В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» (опубликованную в т. 3 Избр. соч. Ленина, изданных в Вене в 1930 г.) и «Империализм как высшая стадия капитализма» (Гамбург, 1924).

³¹ Перевод межуаров С. Ю. Витте был издан в Германии в 1923 г. с предисловием Хэтча.

³² В качестве иллюстрации Хэтч ссылается на пьесу А. Н. Остролюцкого «Вешние деньги».

сии, — продолжает Хэтч, — не превратилась в третье сословие, как во Франции в конце XVIII века и в Германии в середине XIX века, — русская буржуазия обладала классовым эгоизмом, но не имела настоящего (eigentlichen) классового сознания и классовой воли» (стр. 153). Характеристика эта нуждается в коррективах: в частности, Хэтч и остальные буржуазные авторы не учитывают тех изменений в развитии русской буржуазии как класса, которые происходили в XX в., особенно во время первой мировой войны.

Русская буржуазия, хотя и сознавая в лице своих «талантов» из кадетской партии свои особые классовые интересы, ни в коем случае не была республиканской, ибо она нуждалась в царизме и в его аппарате насилия для борьбы против рабочего класса. Известный вывод К. Каутского (сделанный в период, когда он еще не изменил марксизму) о том, что «чем дальше на восток, тем трусливее буржуазия», вполне подтвердился событиями русской истории XIX—XX вв.

И все же эту особенность русской буржуазии по сравнению с немецкой и даже французской не следует преувеличивать: ведь сложившаяся в недрах феодализма французская крупная буржуазия была преимущественно монархической во время Великой революции конца XVIII в., так же как монархической была и французская крупная буржуазия в XIX в. (вплоть до третьей ее четверти). Хотя в 1848 г. буржуазия возглавила народные революции во Франции и в Германии, но ведь она же их и предала.

Значительно более политически активной и революционной, чем в России, была мелкая (и отчасти средняя) буржуазия во Франции и в Германии, но мелкой буржуазии лишь на короткое время удалось удержать власть во Франции в 1793—1794 гг. Вряд ли оправданно, как делает Хэтч, объединять общей характеристикой третье сословие во Франции в XVIII в. и в Германии в XIX в., противопоставляя их третьему сословию в России в XIX и XX вв. Нет нужды доказывать, что между Франкфуртским парламентом 1848 г. и русской Думой всех четырех созывов гораздо больше общего, чем между Франкфуртским парламентом и Учредительным собранием во Франции в XVIII в., не говоря уже о Конвенте.

Еще в меньшей мере можно говорить о каких-либо существенных различиях между русской и немецкой буржуазией в эпоху империализма в их позиции по отношению к монархии в своих странах. Даже тот трусливый «либерализм», который оставался еще у немецкой буржуазии в 50—80-х годах XIX в., был «сведен империализмом», по удачному выражению А. К. Дживелегова.

Характеризуя русское крестьянство, Хэтч говорит о его тяжелом положении и о том, что «крестьянство было инстинктивно подготовлено к революции, но далеко от сознания своих классовых интересов и не организовано» (стр. 153). Точнее, у крестьян-

ства не было ясного понимания, какими путями и средствами может оно добиться осуществления своих чаяний: получить землю и освободиться от выкупных платежей. «Прошло много времени, — продолжает Хэтч, — прежде чем энергии Ленина удалось установить связи между индустриальным пролетариатом и крестьянством» (там же).

Хэтч констатирует рост численности индустриального городского пролетариата в России и рост с последней четверти XIX в. массового стачечного движения в результате чрезвычайно тяжелых условий труда и совершенно неудовлетворительной социальной политики правительства. «Марксизм целеустремленно работал над организацией и воспитанием воли масс к революции» (стр. 147), для которой, как видно из книги Хэтча, были достаточные объективные условия.

Характеризуя политические партии того времени, Хэтч наибольшее внимание уделяет партии большевиков, сообщая вкратце читателю правильные сведения о ее программе и тактике (стр. 158—163).

Обстановку в России перед войной Хэтч резюмирует следующими словами: «Политическая реакция, возглавляемая ничтожным царем, монархическая конституция без народа и против народа, лихорадочное позднекапиталистическое развитие, глубокие социальные противоречия, милитаризм, национализм, империализм, духовное осуждение буржуазного общества. . . трудно сказать, в какой степени государство могло бы справиться с внутренними трудностями — война уничтожила все возможности» (стр. 173).

Говоря о первой мировой войне, Хэтч впадает в глубокие противоречия: признавая империалистический характер войны (стр. 170), он в то же время утверждает, будто бы для Германии эта война «была оборонительной» (стр. 171),³³ хотя сам же он далее с осуждением пишет о том, что «Германия хотела ограничить Россию Великой Россией и отрезать ее от всех морей. Непостижимо, — продолжает Хэтч, — каким образом эта иллюзия вообще могла иметь место и, более того, несмотря на тотальную неудачу, вновь проявиться во второй мировой войне» (стр. 175). Слова Хэтча звучат актуально и по сей день, ибо то, о чем он пишет как о «непостижимой ошибке», вытекало и вытекает из самой природы хищного и наглого германского империализма.

³³ Таким образом, по вопросу об ответственности за войну (Kriegschuldfrage) позиция Хэтча не отличается от «генеральной линии» германской историографии в период между двумя мировыми войнами. «Линия» эта продолжается и современными историками в ФРГ (см.: F. Klein. Die westdeutsche Geschichtsschreibung über die Ziele des deutschen Imperialismus im ersten Weltkrieg. Zeitschr. Geschichtswiss., 1962, H. 8, S. 1808—1836; К. В. Виноградов. Буржуазная историография первой мировой войны. М., 1962).

Характеризуя отношение русского народа к войне, Хэтч признает его миролюбие, «отсутствие чувства вражды к другим народам» (стр. 173), что и вылилось затем в возмущение против эксплуататорских классов, в интересах которых велась война. Февральскую революцию Хэтч рассматривает как итог всего предшествующего недовольства и кризиса, которые обострились в связи с войной.

Программу Временного правительства Хэтч расценивает как «совершенно неудовлетворительную. Буржуазные доктринеры думали использовать революцию для продолжения войны» (стр. 177). «Ленин терпеливо ждал, — пишет Хэтч (стр. 178), — пока другие не „отхозяйничались“ (abgewirtschaftet waren), т. е. не разоблачили себя в глазах масс. Точнее: Ленин был против преждевременного выступления, но Ленин и руководимая им партия большевиков проводили огромную агитационно-пропагандистскую и организаторскую работу в массах, без чего стихийный рост недовольства и активности масс не мог бы увенчаться победой в Октябре 1917 г.

Восходящую линию развития революции Хэтч резюмирует следующими словами: «. . . бессмысленное наступление на фронте, распад армии, крестьянское движение, демонстрации и уличные бои вели революцию, по закону всех революций, все дальше и дальше. В Петрограде и в Москве большевики завоевали большинство в Советах» (стр. 178).

Позиция Хэтча резко отличается от позиции современных реакционных «остфоршеров» Г. Рауха, О. Анвайлера, Г. Штёкля и др., которые в противоречии даже с данными, содержащимися в их работах, утверждают, будто бы Октябрьское вооруженное восстание происходило в обстановке пассивности (?) народа и означало поэтому якобы лишь «большевистский переворот».³⁴ Хэтч отмечает, что восстание увенчало рост активности народных масс и вело к установлению диктатуры пролетариата, предупредив контрреволюционные намерения Керенского; последнее обстоятельство замалчивается в западногерманской историографии.

Если в 1927 г. Хэтч сравнивал тогдашний период истории Советской России со «смутным временем» начала XVII в., то после разгрома Советским Союзом гитлеровской Германии он лучше понял значение того, что произошло в России, признав, что «в современной России утвердился новый тип пролетарского социалистического государства и культуры». Россия, — пишет Хэтч, — выросла в «историко-политическую формулировку Ранке, — выросла в историко-политическую

³⁴ См.: G. Rauch. Geschichte des bolschewistischen Russland. Wiesbaden, 1955, SS. 91, 115; O. Anweiler. Die Rätebewegung in Russland. 1905—1921. Leiden, 1958, SS. 241—245; G. Stöckl. Russische Geschichte. . . S. 650.

индивидуальность, революционное влияние которой в настоящее время никто даже не может себе представить» (стр. 195).

Хэтч выражает надежду дать в своей книге «немецким читателям более правильную картину русской истории, чем та, которой они до сих пор располагали» (стр. 195). Из сказанного видно, что в части освещения проблем революции в России Хэтч, несмотря на отдельные ошибки и схематизм изложения, свое намерение в основном осуществил успешно, написав вполне объективную работу, которая именно поэтому и замалчивается нынешними «остфоршерами» в Западной Германии.

Наиболее обстоятельной из изданных на немецком языке в послевоенные годы работ по русской истории является трехтомная «История России» швейцарского реформистского историка В. Гитермана,³⁵ которым написан и обширный раздел «Русская революция (1917—1939 гг.)» в IX т. «Процилеев всемирной истории».³⁶ В предисловии редактора этого тома Голо Манна высказано сожаление в связи с тем, что В. Гитерман «проявляет к уму и делу Ленина, пожалуй, совсем не ту антипатию, которой редактор, говоря откровенно, охотно бы поддался и которую Гитерман питает в отношении личности и способа правления Сталина».³⁷ Нам думается, однако, что Гитерман, автор изданной в 1938 г. работы «Историческая трагедия социалистической идеи», в которой он с реформистских позиций пытался опровергнуть марксизм, неповиновен и в «симпатии к делу Ленина».

Излагая свое методологическое кредо, Гитерман, вопреки широко распространенному на Западе негативному отношению к вопросу о полезности истории, утверждает, что из изучения истории можно извлечь уроки для настоящего и будущего.³⁸ Выказываясь за объективную историю против конъюнктурщины, он оговаривается, что в отборе материала и в его интерпретации историк во многом зависит от эпохи, социальных условий, своей национальности, уровня культуры, в результате чего каждое поколение переписывает историю по-своему (т. I, стр. 9—10).

³⁵ V. G i t e r m a n n. Geschichte Russlands. Bd. I—III. Zürich, 1944—1949 (далее по стр. 367—379 текста страницы этой работы указываются в скобках). В. Гитерман родился в России в 1900 г. Учился за границей и натурализовался в Швейцарии, где с 1924 г. начал вести преподавательскую работу. С 1943 г. Гитерман — член Швейцарского национального совета. В 1943—1952 гг. редактировал в Цюрихе социалистический (реформистский) ежемесячник «Rote Revue».

³⁶ Eine Universalgeschichte, Bd. IX. Frankfurt am Main, 1960, SS. 131—230.

³⁷ Там же, стр. 17.

³⁸ При этом Гитерман ссылается на Ф. Шиллера и И. Тэна.

Характеризуя поворот в буржуазной историографии истории России, происшедший после Октябрьской революции, Гитерман пишет, что с 1890 по 1917 г. и марксистские, и буржуазные историки исходили из того, что развитие России повторяет развитие Запада. Таким образом, «новые» тенденции в послевоенной буржуазной историографии (о чем мы писали выше) представляют собой возврат на позиции, господствовавшие в ней до 1917 г.

Ссылаясь на работы Н. П. Павлова-Сильванского, М. В. Довнар-Запольского, П. Н. Милокова, Г. В. Плеханова, Н. А. Рожкова, М. Н. Покровского, Т. Масарика, О. Хэтча, Гитерман пишет, что в историографии по проблеме «Россия и Европа» господствовала теория «тождества в основном» (Wesengleichheit), а у более осторожных историков — теория «сходства в основном» (Wesenähnlichkeit). Полагали, что Россия пойдет по пути высокоразвитого капитализма и демократии, а рабочее движение будет копировать рабочее движение главных стран Запада (т. I, стр. 12—13).

«Октябрьская революция, — пишет Гитерман, — опрокинула эту схему и европейская (буржуазная, — В. Б.) историография растерялась».³⁹ Растерялся и сам Гитерман. «Мы должны освободиться от представления, — призывает он, — будто бы развитие России со времен Петра I было „европейским“». «Не на общности, а на различиях социальной истории России и Запада» надо сосредоточить, по его мнению, внимание историков с тем, чтобы «сплотить силы, которые на всем протяжении русской истории тормозили возникновение, рост и преуспевание буржуазии» (т. I, стр. 15).

Сказанное Гитерманом, однако, вовсе не означает, что в подчеркивании отсталости царской России он стоит на охарактеризованных нами выше позициях буржуазной историографии периода первых лет после Октября. Еще в 1938 г. он писал о том, что, несмотря на скромные размеры русской промышленности по отношению к численности населения и размерам страны, она переросла внутренний рынок.⁴⁰ В «Истории России» Гитерман, используя труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» и работы многих русских и советских историков и экономистов — М. Туган-Барановского, П. Оля, Н. Огановского, Н. Рожкова, П. Лященко и ми. др., уделяет значительное внимание экономическим проблемам. «После 1861 г., — пишет он, — Россия вступила в период лихорадочного грядущества и быстро превратилась в „теплицу (Treibhaus) капитализма“» (т. III, стр. 193), — так и называется восьмая (заключительная) часть его труда, охватывающая события с 1861 по 1917 г.

³⁹ См. сч. 2.

⁴⁰ V. G i t e r m a n n. Die historische Tragik der sozialen Idee, Zürich—N. Y., 1939, S. 186.

Гитерман приводит подробные данные о развитии промышленности в России, причем тот факт, что в конце XIX в. число рабочих росло быстрее количества предприятий, а рост стоимости продукции обгонял увеличение числа рабочих, он комментирует как проявление типичных черт высокоразвитого капитализма. Найдёт читатель в работе Гитермана и данные о том, что русская тяжёлая промышленность развивалась быстрее лёгкой, что темпы роста некоторых ведущих отраслей промышленности в России в 90-е годы превосходили соответствующие данные для США, Германии и Англии и что концентрация русской промышленности значительно превосходила концентрацию германской промышленности (т. III, стр. 331—336).

Утверждая, что крупные предприятия в России в отличие от того, что было на Западе, возникали не в результате многолетней конкуренции и естественного отбора, а были основапы «внезапно» среди сравнительно примитивного народного хозяйства (т. III, стр. 335), Гитерман в то же время полагает, что после 1861 г. экономическая ситуация для крупной буржуазии в России была крайне неблагоприятной (т. III, стр. 209). В подтверждение этого преувеличенного вывода Гитерман совершенно не к месту цитирует слова В. И. Ленина из написанной им в 1897 г. брошюры «Задачи русских социал-демократов» о «неизбежности краха (более или менее крутого), который должен последовать за этим „процветанием“ промышленности».⁴¹ Между тем В. И. Ленин в данном случае говорит лишь об обычном очередном циклическом кризисе капиталистического хозяйства.

Штёкль, оперирующий теми же данными, что и Гитерман, полагает, что «несмотря на повторяющиеся кризисы и депрессии (особенно в 1899—1903 гг.) об экономическом крахе (Verfall) русского государства не могло быть и речи. Но чрезвычайно велик был разрыв между задачами, стоявшими перед страной, и политическими принципами».⁴² Точнее, основным препятствием для развития капитализма в России были пережитки крепостничества и абсолютистский государственный строй с его произволом, косностью и бюрократизмом.

Гитерман правильно отмечает некоторые из причин, тормозивших развитие капитализма в России: узость внутреннего рынка, недостаток собственных капиталов, нерациональное использование иностранных займов и вообще отсутствие планомерной координации инвестиций (т. III, стр. 335).

Но последнее опять-таки общая черта капиталистического хозяйства, так же как не были особенностью развития только России и остальные упомянутые причины. Вместе с тем в каждой стране были свои природные, социально-экономические и поли-

⁴¹ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 466.

⁴² G. Stöckl. Russische Geschichte... S. 566.

тические условия, благоприятствовавшие или, наоборот, тормозившие развитие производительных сил, а следовательно, и развитие буржуазии и пролетариата.

Характеризуя период с 1861 по 1917 г. в истории России термином «теплица капитализма», Гитерман хотел подчеркнуть, что развитие капитализма в России было не столько делом и «заслуженой» буржуазии как класса, сколько результатом меркантилистской политики царского правительства, которое (так получается у Гитермана), с одной стороны, насаждало капитализм, с другой — душило буржуазию. Между тем чтобы доказать, что меркантилизм играл в России большую роль, чем на Западе, следует сопоставить эту политику в различных странах на различных этапах (здесь уместно вспомнить хотя бы Кольбера и «Великого курфюрста»), чего Гитерман не делает.

Обосновывая тезис о слабости и политической ограниченности русской буржуазии в начале XX в., Гитерман пишет, что даже для того, чтобы создать предпринимательские организации и отстаивать свои интересы перед правительством и общественным мнением, буржуазии требовалось «понукание сверху», со стороны ярого поборника индустриализации России С. Ю. Витте. Однако ни цитируемое Гитерманом соответствующее обращение С. Ю. Витте к представителям биржевых комитетов от 20 ноября 1903 г., ни другие имеющиеся в изобилии документы, характеризующие политическую ограниченность и холуйство широких кругов русской буржуазии перед царизмом и полицейской властью, все еще недостаточны для выяснения вопроса о взаимоотношениях между русской буржуазией и государством.

Цитируя упомянутое обращение С. Ю. Витте по книге П. А. Берлина,⁴³ Гитерман обходит молчанием приведенные в той же книге данные, позволившие П. А. Берлину сделать вывод, что русская буржуазия умела не только приспособляться, но и приспособлять: «Она сумела найти пути и средства, не выработывая соответствующих политических европейских форм, оказывать сильное непрерывное давление на правительственную политику в ту сторону и в тех пунктах, как ей это было нужно. При этих условиях сложились чрезвычайно поучительные формы политического воздействия буржуазии на правительственную власть».⁴⁴ Игнорируя эту сторону вопроса, Гитерман преувеличивает значение слабости русской буржуазии.

Рассматривая последствия падения крепостного права, Гитерман на большом и хорошо подобранном фактическом материале показывает, что «положение крестьян после 1861 г. было отчаянное», но что одновременно, несмотря на проведение «крестьян-

⁴³ П. А. Берлин. Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922, стр. 135.

⁴⁴ Там же, стр. 151.

ской реформы» в интересах помещиков, «их экономический упадок был очевиден и положение класса дворян к началу XX в. стало безнадежным» (т. III, стр. 209—211). Последнему обстоятельству как одной из важнейших причин исторической обусловленности падения самодержавия не уделяется должного внимания в трудах западногерманских «остфоршеров».

То, что «крестьянская реформа» 1861 г. и вся последующая аграрная политика царизма обостряли классовые противоречия, создавая условия для союза крестьянства и рабочего класса против царизма, признают с большей или меньшей отчетливостью многие «остфоршеры»,⁴⁵ однако Гитерман обосновывает этот вывод более обстоятельно и четко формулирует, что в результате столыпинской аграрной реформы «повышалась способность сельского пролетариата к союзу с городским пролетариатом в духе ленинской революционной стратегии» (т. III, стр. 438—439).

В то время как в поле зрения подавляющего большинства «остфоршеров», когда они касаются революционной борьбы в России, находятся в основном лишь политические партии, группы и отдельные лица, Гитерман более подробно говорит о массовом рабочем движении в XX в. Рассматривая период непосредственного назревания второй русской революции, он приводит данные, свидетельствующие о том, что рабочее движение накануне войны, а затем и во время войны приобретало все более и более политический характер, вплоть до выдвижения лозунга демократической республики (т. III, стр. 448, 475).

Он отмечает также, что несмотря на репрессии, обрушившиеся на партию большевиков, руководство революционной борьбой рабочих и во время войны, и в ходе Февральской революции находилось в руках большевиков, а не меньшевиков, «в программу которых не входило возглавлять революционное рабочее движение, так как они считали, что на очереди находится буржуазная революция» (т. III, стр. 478).

Все это объясняет тот факт (хотя Гитерман не формулирует этого вывода), что начавшиеся в начале марта 1917 г. стихийные выступления рабочих против дороговизны и голода быстро переросли в революцию, свергнувшую прогнивший царский режим, а то, что этот режим прогнил, не берутся отрицать и самые реакционные буржуазные историки.

Общепризнано в основных работах буржуазных историков и то, что, как пишет Гитерман, «царизм был свергнут не помещи-

⁴⁵ E. Hantsch, Geschichte Russlands, Bd. II, Freiburg, 1941; E. Gruner und E. Slobier, Weltgeschichte des 20. Jahrhunderts, Leipzig—Stuttgart, 1958; H. Rimscha, Geschichte Russlands, Wiesbaden, 1960. О позиции пороченных историков по данному вопросу см. в нашей работе «К вопросу об освещении предисылок и причин победы Октябрьской революции в буржуазной историографии» (в кн: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, М., 1964, стр. 438, 443—444).

ками и капиталистами, а рабочими и солдатами» (т. III, стр. 487). Причинами, в силу которых во главе Временного правительства оказались «кадетско-октябрьские представители крупных помещиков и капиталистов», Гитерман считает то, что массы «не успели еще превратить свое боевое воодушевление в бдительность по отношению к классовому врагу» (т. III, стр. 487—488, 490). Объясняя, почему в Советах в большинстве оказались вначале эсеры и меньшевики, стоявшие за соглашение с буржуазией, Гитерман указывает как на основную причину на изменение состава рабочего класса, среди которого значительно выросла мелкобуржуазная прослойка (т. III, стр. 492).

По мнению Гитермана, высказанному им еще в довоенные годы, «отречение царизма означало, в сущности, и отречение русской буржуазии. Но вначале русский народ не сознавал этого. Власть оказалась в руках русской буржуазии подобно мечу великана в руках лилипута».⁴⁶ Подтверждением этого вывода служит, по его мнению, и то, что военный потенциал России не возрос после Февральской революции, а экономический кризис углубился.⁴⁷ «Правительство, которое приходит к власти в итоге революции, — пишет он, — может закрепить за собой власть в том случае, если оно обладает волей и способностью для решения тех проблем, которые свергнутый режим не хотел или не мог решать. Но Временное правительство не было в состоянии действовать в этом смысле» (т. III, стр. 493).

Тезис о полной несостоятельности Временного правительства давно уже общепризнан в буржуазной историографии.⁴⁸ Однако хотя многие авторы и указывают на то, что политика Временного правительства выражала интересы помещиков и капиталистов, все же его антинародные действия, способствовавшие его

⁴⁶ V. Gittermann, Die Historische Tragik... S. 199.

⁴⁷ Там же, стр. 200.

⁴⁸ Так, например, А. Ходенитрем писал еще в 1922 г., что единственной партией, которая целиком и полностью поддерживала настоящие требования крестьян, была партия Ленина» (A. Hodenitrem, Geschichte Russlands von 1878 bis 1918, Stuttgart und Berlin, 1922, S. 326). В 1922 г. П. Ольберг (по-видимому, социал-демократ) подробно проследил саботаж Временным правительством решения аграрного вопроса (P. Olberg, Die Bauernrevolution in Russland. Die alte und die neue Politik Sowjet-Russlands, Leipzig, 1922, SS. 30—35). Даже в работах, вышедших в Германии во время фашизма и во время войны, признавалась несостоятельность царизма и Временного правительства (см., например: A. Hohfeld, Versailles und die russische Frage, 1918—1919, Hamburg, 1940, S. 76; K. Baumhock, Deutschlands Sieg in Ostern, Berlin, 1942, SS. 9—10; R. Moeller, Von Rurik bis Stalin, Leipzig, 1943, SS. 308—313). Поэтому совершенно неоснователен призыв рецензента книги «Зарубежная литература об Октябрьской революции» (М., 1961) В. С. Рыкалова «наконец включить в сферу нашего рассмотрения буржуазную литературу, посвященную апологии (?), — В. В.) Временного правительства» (История СССР, 1963, № 3, стр. 174).

падению, выглядят во многих работах буржуазных авторов как ошибки, которых могло бы и не быть.⁴⁹

Гитерман более глубоко освещает эту проблему. Так, объясняя причины, в силу которых аграрной реформе сопротивлялись не только помещики, но и представители финансового капитала, Гитерман указывает на то, «что помещики должны были банкам более 3 3/4 миллиарда рублей. Таким образом, аграрный вопрос оставался для Временного правительства табу» (т. III, стр. 495). Разъясняет Гитерман своим читателям и причины, в силу которых Временное правительство упорно цеплялось за политику продолжения войны. «Интересы, толкнувшие Россию к участию в войне, — пишет он, — продолжали действовать и после свержения самодержавия. Буржуазия и помещики боялись, что сепаратный мир, который означал бы, что Россия признает свое поражение, был бы одновременно сигналом к глубокому социальному перевороту, но именно этого-то правящие классы хотели избежать любой ценой; буржуазия и помещики не хотели порывать с Антантой также и потому, что не представляли себе дальнейшего развития России без иностранных капиталов, и, наконец, в 1917 г. победа Антанты над центральными державами казалась близка. Имело ли смысл в такой момент поворачиваться к бывшим союзникам спиной?» (т. III, стр. 493, 494).

Описывая в «Истории России» довольно подробно перипетии политической борьбы в период от февраля до октября и стараясь выяснить таким образом объективные политические предпосылки Октябрьской революции, Гитерман показывает неуклонное падение влияния в массах Временного правительства, меньшевиков и эсеров⁵⁰ и, соответственно, неуклонный рост влияния партии большевиков, заканчивая выводом: «Враги революции мечтали о диктатуре Корнилова, теперь они получили диктатуру пролетариата» (стр. 535). Следует отметить, что в написанной им главе во «Всемирной истории» эта четкая формулировка отсутствует.

В оценке итогов тех изменений, которые произошли в расстановке сил на политической арене после разгрома заговора Корнилова, Гитерман заходит настолько далеко, что пишет, будто бы уже «6 сентября 1917 г. власть *de facto* находилась в руках рабочего класса и его большевистского руководства» (т. III, стр. 522). Вывод этот, однако, преувеличен и представляет собой преуменьшение значения Октябрьского вооруженного восстания. Несмотря на ускоренное изменение соотношения сил в пользу рабочего

⁴⁹ См.: R. Moeller. Von Rurik bis Stalin, S. 312; G. Rauch. Geschichte des bolschewistischen Russland, S. 51; K. Ruffmann. Russland. In: Weltgeschichte der Gegenwart in zwei Bänden. Bd. I. Die Staaten. Bern und München, 1963, S. 322.

⁵⁰ «Правительство Керенского, — пишет он, — плыло на льдине, которая таяла с каждым днем» (V. Giterman. Geschichte Russlands, Bd. III, S. 527; см. также: Eine Universalgeschichte, Bd. IX, S. 161).

класса после разгрома корниловщины, вопрос о власти в столице был решен лишь в Октябрьские дни, и только в течение первых месяцев после победы Октября власть рабочего класса утвердилась фактически в масштабе всей страны.⁵¹ Для того, чтобы ее отстоять от белогвардейцев и интервентов, понадобилось еще три года.

Свою концепцию о слабости русской буржуазии и приводимые им данные о классовой обусловленности политики Временного правительства и о том, что только политическая линия большевиков соответствовала интересам народа, Гитерман доводит до логического конца, заключая, что «Временное правительство с самого начала было обречено на банкротство и, когда это выяснилось, господство большевиков оказалось единственной альтернативой». В отличие от Рауха, сожалеющего, что «судьба отказала России в Кромвеле»,⁵² Гитерман, характеризуя Керенского как пустого и тщеславного человека и плохого политика, добавляет, что «конечный результат ничуть бы не изменился, если бы Керенский был государственным деятелем и сильной личностью». «Нежизнеспособность буржуазной демократии в России, обнаружившаяся вскоре после ее рождения, — подчеркивает Гитерман, — не может быть объяснена тактическими „ошибками“ Милюкова, Керенского или других политиков. Захват власти большевиками при данных обстоятельствах, — повторяет он, — был в гораздо большей степени итогом неотвратимой неизбежности» (т. III, стр. 487, 489).⁵³

В России в 1917 г. в лагере контрреволюции не было недостатка в решительных людях, которые, будь это в их воле и в их силах, решительно расправились бы со своими противниками слева, с народом. Но то, что они не оказались у власти, отнюдь не было случайностью. В решающей мере это определялось соотношением классовых сил, которое исключило возможность «кавеньяковщины» в начале революции и обусловило ее поражение впоследствии.

На такой же позиции, как и Гитерман, относительно предпосылок и неизбежности победы революции в России стоит и другой реформистский автор — В. Стрелевич, работа которого посвящена в основном попытке выяснить (а точнее, запутать) вопрос

⁵¹ См.: Установление советской власти на местах, 1917—1918 гг., Сб. статей, вып. 2, М., 1959.

⁵² G. Rauch. Geschichte des bolschewistischen Russland, S. 90.

⁵³ См. то же самое в «Eine Universalgeschichte», Bd. IX, S. 139. К такому выводу приходит и антикоммунист Ганс Римша (H. Rimscha. Geschichte Russlands, S. 512). Римша (род. 1899 г.) — автор ряда работ по истории России и СССР, в частности, истории Прибалтики, по национальному вопросу и о русской эмиграции.

о влиянии Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР на последующее развитие социализма.⁵⁴

Подобно Гитерману, Стрзелевич считает необходимым для объяснения причин победы Октябрьской революции сосредоточить внимание на различных исторических развитиях России и стран Запада, особенно его занимают различия в развитии российской и западноевропейской социал-демократии.

Повторяя при этом доминирующий в буржуазной историографии тезис о том, что влияние интеллигенции в революционном движении России было значительно большим, чем на Западе, он цитирует сказанное в работе В. И. Ленина «Что делать?» по вопросу о внесении социалистического сознания в рабочее движение и заключает, что именно здесь коренится отличие большевизма от западноевропейской социал-демократии. Но Стрзелевич «забывает», что по данному вопросу в работе «Что делать?» В. И. Ленин соглашался с тем, что писал об этом К. Каутский в 1901 г., критикуя проект программы австрийской социал-демократической партии.⁵⁵

Общезвестно, что научный коммунизм был разработан и «внесен» в западноевропейское рабочее движение К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые были буржуазными интеллигентами. «Самим ходом развития обусловлено то неизбежное явление, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс в 1879 г. в знаменитом «Циркулярном письме», в котором разъяснялся, в частности, вопрос о положении интеллигенции внутри социал-демократической партии, — что к борющемуся пролетариату присоединяются отдельные лица из господствующего до сих пор класса и доставляют ему элементы просвещения. Об этом мы ясно высказывались уже в „Манифесте“.»⁵⁶

Несомненно, что вопрос о роли интеллигенции в рабочем движении различных стран важен и интересен (возможно, что роль интеллигенции в России на некоторых этапах была большей, чем во Франции и в Германии, а в этих странах — большей, чем в Англии и США), он ждет еще добросовестного исследователя, однако ясно, что никакой коренной принципиальной разницы между рабочим движением России и Запада в части внесения социалистического сознания извне нет.

Наряду с внесением интеллигенцией в пролетарское движение социалистического сознания и элементов просвещения многие интеллигенты принесли и остатки буржуазных и мелкобуржуаз-

⁵⁴ W. Strzelewicz. Die russische Revolution und der Sozialismus. Berlin—Hannover, 1956. Стрзелевич более социолог, чем историк. Им написана также книга «Industrialisierung und Demokratisierung der modernen Gesellschaft» (Hannover, 1958).

⁵⁵ K. Kautsky. Die Revision des Programms der Sozialdemokratie in Österreich. Neue Zeit, Stuttgart, 1901—1902, Jg. XX, Bd. 1, SS. 68—82. См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 38.

⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 173.

ных предрассудков, против чего, в частности, предостерегали в «Циркулярном письме» К. Маркс и Ф. Энгельс.⁵⁷ Красной нитью в деятельности Ленина как организатора и руководителя революционной социал-демократии проходит борьба с мелкобуржуазными влияниями на рабочий класс и, соответственно, работа о том, чтобы возможно большее число рабочих находилось во всех звеньях руководства партией. Так, например, в ноябре 1905 г. в статье «О реорганизации партии» Ленин писал: «На III съезде партии я выражал пожелание, чтобы в комитетах партии приходилось, примерно, 8 рабочих на 2 интеллигента. Как устарело это пожелание!

«Теперь надо желать, чтобы в новых организациях партии на одного члена партии из социал-демократической интеллигенции приходилось несколько сот рабочих социал-демократов».⁵⁸

Это пожелание Ленина отражало быстрый рост социал-демократического рабочего движения в России, причем из среды рабочего класса выделилось большое число способных руководителей, игравших в нем выдающуюся роль, а многие рабочие — профессиональные революционеры стали по своему социальному положению интеллигентами, участвуя в качестве таковых и во внесении социалистического сознания в рабочее движение.

Пролетарский характер революционного рабочего движения в России, возглавляемого большевиками, отчетливо проявлялся в том, что влияние партии большевиков было наиболее сильным среди рабочих крупных промышленных центров, в то время как меньшевики поддерживали рабочие мелких предприятий и ремесленники, т. е. те слои, среди которых были особенно сильны мелкобуржуазные тенденции. Это очень важное обстоятельство, отмеченное Гитерманом,⁵⁹ замалчивается в западногерманской буржуазной историографии, в том числе и в специальной работе Ливайлера, который в своем преувеличении роли интеллигенции в русском рабочем движении дошел до того, что говорит о нем, как о «пролетарском» (в кавычках).⁶⁰

Стрзелевич, развивая свои взгляды относительно различий между русскими и западноевропейскими социал-демократами, пишет о том, что если последние выросли в борьбе с либералами, то первые выросли в борьбе с эсерами — продолжателями дела народников, которых Запад якобы не знал.⁶¹

⁵⁷ Там же, стр. 174.

⁵⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 90.

⁵⁹ V. Gittermann. Geschichte Russlands, Bd. III, S. 444.

⁶⁰ O. Anweiler. Die Rätebewegung in Russland, S. 38. Книга Ливайлера, в которой обобщен ряд его опубликованных ранее статей на эту тему, издана в качестве V т. серии «Studien zur Geschichte Osteuropas», в редакции которой принимают участие ведущие буржуазные специалисты: Ливайлер, А. Амман (P. Schubert, M. Karpovitch, A. Ammann) и др.

⁶¹ W. Strzelewicz. Die russische Revolution... SS. 21—22.

Иными словами, наш автор сосредоточивает внимание на различиях второстепенных, а отчасти и мнимых, умалчивая о различиях действительных и основных, из которых он упоминает лишь об отсутствии на Западе выработавшегося в России типа революционера — профессионала подпольщика. Действительно, рабочая, социал-демократическая революционная партия нового типа была создана под руководством В. И. Ленина в России, где не было условий для легального рабочего движения — профсоюзного и политического. Поэтому верно, что социал-демократам в России почти не пришлось бороться за влияние на рабочий класс с русскими либералами — кадетами; борьба за это влияние велась не столько, как пишет Стрезелевич, между социал-демократами и народниками, затем эсерами, которые главное внимание обращали на крестьянство, сколько, в гораздо большей степени, между революционным и оппортунистическим течениями в самой социал-демократии.

Борьба же между марксистами и народниками в России была борьбой прежде всего среди интеллигенции по вопросу о путях дальнейшего развития России и о содержании и формах революционной борьбы, причем неверно утверждение Стрезелевича, будто бы на Западе не было подобной борьбы и Запад вообще не знал течений, аналогичных или сходных с русским народничеством. Одним из идейных течений в Германии, в борьбе с которым формировались взгляды Маркса и Энгельса, был «христианский социализм», возлагавший в 30-х и в начале 40-х годов надежды на то, что Германия минует стадию капиталистического развития.⁶² Многие идеи «немецкого народничества» выросли из французского утопического социализма, научная критика которого — великая историческая заслуга Маркса и Энгельса.

Следует добавить, что в той мере, в какой русским социал-демократам приходилось бороться с народниками-эсерами за влияние на трудящихся, борьба эта имела много общего с борьбой социал-демократических партий Запада против анархистов, предшественниками которых в России были тоже народники, но анархизм в России был относительно слабее, чем в романских странах.

Концентрируя внимание только на отличиях российского рабочего движения от западноевропейского, Стрезелевич и Анвайлер «забыли» о таком важном отличии, как значительно меньшая, не только абсолютно, но и относительно, численность рабочей аристократии в России, что ослабляло влияние оппортунизма в российском рабочем движении и имело существенное значение для победы «революционного варианта» решения стоявших перед Россией исторических задач.

⁶² См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология; Ф. Энгельс. Истинные социалисты. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 455—586; см. также: П. А. Берлин. Очерки общественной жизни и мысли в Германии (30-е и 40-е годы). Ростов н/Д—Краснодар, 1924.

В то время как работа Стрезелевича построена на общих рассуждениях о революции в России и о «русском социализме», Анвайлер оперирует очень большим числом отдельных фактов и документов, претендуя на серьезную научную и, конечно, объективную разработку вопроса о Советах в России — вопрос этот является неотъемлемой частью общего вопроса об объективных политических и субъективных предпосылках революции в России. Обращение Анвайлера к избранной им теме отнюдь не означает, что он действительно признает подлинную роль народных масс в истории. Вывод, к которому он подводит своих читателей, сводится к противопоставлению Советов коммунистической партии⁶³ и к «обоснованию» таким образом тезиса, согласно которому победа Октябрьской революции не означала установления диктатуры пролетариата.

Значительное число привлеченных Анвайлером советских документальных материалов и работ советских авторов, а также широкий круг частных вопросов, по которым он делает иногда правильные замечания и выводы, если только они не противоречат его основной, охарактеризованной выше, предвзятой клеветнической «концепции», должны убедить западногерманских читателей в объективности и научной основательности его книги.⁶⁴ Однако советские источники и литература используются Анвайлером лишь для извлечения некоторых фактических данных, в интерпретации же этого материала он следует в основных вопросах за такими антисоветскими авторами, как Ф. Боркенану, Р. Даниельс, В. Гуриан, В. Маутнер, П. Шайберт, не останавливаясь, как будет показано ниже, и перед неправильным, недобросовестным использованием источников.

Начинает Анвайлер издали, с вопроса о революционных предшественниках Советов, к числу которых он правильно относит солдатские Советы агитаторов в английской революции и парижские Секции в период революции XVIII в. во Франции, а затем Парижскую Коммуну; однако он утверждает, будто бы демократические и федералистские принципы Коммуны, так же как и идеи Прудона и Бакунина, которых он считает «теоретическими предшественниками» Советов, были, якобы, в дальнейшем извращены централистскими идеями Маркса и Ленина. В действительности и Маркс, и Ленин были сторонниками гармоничного сочетания федералистского и централизаторского принципов, как

⁶³ Такую же концепцию развивает и историк рабочих и солдатских Советов во время революции в Германии в 1918 г. В. Тормин (W. T o r m i n. Zwischen Räte-diktatur und Soziale Demokratie. Düsseldorf, 1954). Ветер свое начало эта «концепция» от клеветы контрреволюционеров на Советы в России и в Германии в 1917 и 1918 гг.

⁶⁴ Анвайлером использованы протоколы многих съездов и конференций партии большевиков и съездов Советов; труды М. Н. Покровского, Е. М. Ярославского, А. Г. Ранина, Э. Н. Бурдякова, Е. Н. Горюхицкого, Е. Д. Черменского и ми. др.

того требуют успех борьбы за завоевание и упрочение власти трудящихся и интересы всестороннего развития общества, и это сочетание является основой функционирования Советов.

Называя в качестве непосредственных предшественников Советов в России рабочие кассы взаимопомощи и стачечные кассы, Анвайлер подчеркивает, что для его исследования особенно интересна такая форма рабочего движения, как избранное рабочими своих уполномоченных во время стихийных стачек по предложению властей или предпринимателей для изложения требований забастовщиков. Для его «исследования» подобные факты, действительно, «особенно интересны», ибо таким путем «выясняется» якобы неподготовленность и неспособность рабочих к самостоятельной организации.⁶⁵ Линию эту вместо выявления активной, творческой роли масс Анвайлер проводит в своей работе и дальше с тем, чтобы объяснить своим читателям, каким образом Советы стали «жертвой злокозненных большевиков».⁶⁶

Между тем Анвайлер не учитывает того очевидного обстоятельства, что предложение властей или администрации забастовщикам о выделении представителей для передачи своих требований вовсе не означало отсутствия у рабочих организации (в том или ином виде), подготовившей забастовку, или отсутствия вожakov даже в стихийно возникшем выступлении.

Анвайлер не случайно не уточняет страниц использованных им номеров журнала «Красный Архив», ибо в цитируемом им докладе товарища министра внутренних дел Святополк-Мирского Николаю II о беспорядках на многих заводах Петербурга в 1901 г. лишь в одном случае упоминается о том, что рабочим было предложено избрать уполномоченных, но зато в докладе содержатся данные о революционной организации, руководившей движением,⁶⁷ о чем Анвайлер умалчивает. Казалось бы, именно здесь, в том, что создано активностью самих рабочих, надо искать прежде всего непосредственных предшественников Советов.

В другом номере «Красного Архива», использованном О. Анвайлером, в действительности говорится лишь о том, что во время стачки ткачей в Иваново-Вознесенске в 1895 г. «рабочие послали от себя выборных в количестве 25—30 человек к фабричному инспектору».⁶⁸ Кроме того, в статье содержатся данные об активном участии в руководстве стачкой Ивано-Вознесенского рабо-

⁶⁵ Такой подход к изучению истории рабочего движения в России начинается «доказательство» Гитерманом неспособности к самостоятельной организации русской буржуазии.

⁶⁶ «Духовным отцом» этой концепции является Артур Розенберг, по мнению которого Советы в России были обречены на то, чтобы стать «жертвой большевиков». (A. Rosenberg. Geschichte des Bolschewismus von Marx zur Gegenwart. Berlin, 1932).

⁶⁷ См.: Красный Архив, 1936, т. 3 (76), стр. 49—66.

⁶⁸ Там же, 1935, т. 5 (72), стр. 114.

чего союза,⁶⁹ что опять-таки Анвайлера не заинтересовало. Прошел он и мимо той части донесения полицейских о забастовке ткачей в Твери в 1885 г., где наряду с сообщением о предложении рабочим выделить представителей для изложения своих требований приводятся данные о связях тверских ткачей с участниками известной забастовки в Орехово-Зуево в том же году.⁷⁰

Из поля зрения Анвайлера при характеристике им «ранних форм русского рабочего движения» (чему посвящен специальный раздел его работы) выпали (!) даже такие организации, как «Южно-русский союз рабочих» (1875 г.) и «Северный Союз русских рабочих» (1878—1880 гг.).

Неумение и нежелание Анвайлера сосредоточить внимание на росте сознательности, активности и организованности рабочего движения проявились и в его одностороннем подходе к объяснению причин провала зубатовщины, что произошло, по его мнению, лишь в результате «неподготовленности царского правительства» к тому, чтобы сделать минимум действительных уступок в области рабочего самоуправления и в деле создания эффективного социального законодательства.⁷¹ Но ведь реакционность и косность царизма — это только одна сторона дела. Другая сторона состоит в том, что рабочее движение неизбежно перерастало те рамки, которыми его хотели ограничить с помощью «полицейского социализма». Лучшие Анвайлера понял это Римша, назвавший зубатовщину «опасной игрой с огнем».⁷² Попутно отметим, что попытки создать «рабочее движение», которое контролировалось бы правительством или предпринимателями, характерны для истории классово-борьбы в очень многих странах.⁷³

Анвайлер вынужден признать, что Советы в 1905 г. представляли собой созданные по инициативе народа демократические организации, способные отстаивать права угнетенных слоев, и что они создали прочную революционную традицию, являясь предшественниками Советов 1917 г.⁷⁴ Однако причины появления огромного значения, особенно в 1917 г., этой формы организации масс в России он видит лишь в том, что в России в отличие от Запада не было сильных профсоюзов и парламента. Оба эти обстоятельства, действительно, имели значение, но не следует забывать, что наличие на Западе сильных профсоюзов и парламента не помешало тому, что «русский пример» с организацией Советов оказался весьма «заразительным» для трудящихся За-

⁶⁹ См.: там же, стр. 12.

⁷⁰ См.: там же, 1936, т. 6 (79), стр. 36.

⁷¹ O. Anweiler. Die Rätebewegung in Russland, S. 31.

⁷² H. Rimscha. Geschichte Russlands, S. 479.

⁷³ Гитерман в поисках самых отдаленных предтеч зубатовщины добрался даже до предложенной Гая Красса в Риме в 122 г. до н. э. (V. Gitterman a n n. Geschichte Russlands, Bd. III, S. 383).

⁷⁴ O. Anweiler. Die Rätebewegung in Russland, S. 79.

пада после первой мировой войны, когда власть капитала зашаталась во многих странах. И в дальнейшем максимальное обострение классовой борьбы в той или иной стране не раз приводило к внепарламентским и «внепрофсоюзным» массовым действиям, которые облекались в организационную форму, аналогичную Советам.

Если в работах по дореволюционной истории России буржуазные историки часто и много рассуждают о влиянии Запада на Россию, то в ряде работ по новейшей истории им приходится уже заниматься вопросом о влиянии Великой Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР на весь остальной мир. Однако и в этом случае метод преувеличения и подчеркивания различий между Западом и Востоком остается одним из основных в их идейном арсенале.

«Промежуточную» позицию между Хэтчем и Лембергом в проблеме «Россия и Запад» пытается занять Штёкль, который заканчивает «Русскую историю» словами: «Мучительный вопрос, в какой мере Россия принадлежит Европе, будет решен историками будущего». ⁷⁵ Хотя подобное заключение по сути дела сближает позицию Штёкля с позицией Лемберга, противопоставляющего Россию Западу, в своей работе Штёкль сосредоточивает внимание не на надуманных аналогиях и ошибочных противопоставлениях, а «просто» на многих важнейших событиях и фактах русской истории. По дореволюционному периоду работа Штёкля, значительно уступающая по объему трехтомной истории Гитермана, является после нее самой подробной в немецкой буржуазной историографии, хотя она вышла в научно-популярной «карманной» серии издательства Кронер. ⁷⁶

О внимании Штёкля к проблеме предпосылок революции в России свидетельствуют и названия, и объем соответствующих глав его книги. ⁷⁷ Штёкль пытается даже полемизировать, ломаясь

⁷⁵ G. Stöckl. Russische Geschichte. . . , S. 767.

⁷⁶ Далее на стр. 233—234 текста страницы книги Штёкля (G. Stöckl. Russische Geschichte. . .) указываются в скобках. «Карманная» серия издательства Кронер («Kroners Taschenausgabe») специализирована на литературе преимущественно по гуманитарным наукам (и теологии), причем наряду с книгами современных авторов издаются труды Маркса («Капитал» и ранние работы), Гегеля, Канта, Гейне, Руссо, Песталотти, Аристотеля, Геродота, Платона, Плутарха, Тацита, Эпикура, Макиавелли, но наиболее полно представлен Ницше (10 работ), а «заодно» издано и «Немецкое воинство» («Deutsche Soldaten. Dokumente und Selbstzeugnisse»). «Объективно» скомплектованная «карманная» серия Кронера — пример искусного распространения буржуазной идеологии.

⁷⁷ Главы, охватывающие период с 1861 по 1914 г. («Упадок империи», «Революционное движение» и «От революции к революции»), занимают 90 страниц. Периоду с 1914 по 1921 гг. (главы «Война и революция», «Рево-

при этом «в открытую дверь», с советской историографией, которая с опозданием начинает (по его мнению) «летосчисление периода капитализма» в России лишь с 1861 г., в то время как промышленная революция в России охватывает весь XIX в. (стр. 561). В действительности хотя общепринятая в советской историографии периодизация датирует период капитализма в России со времени падения крепостного права — основного препятствия на пути развития капитализма — одновременно в работах советских историков показано как развитие капитализма в первой половине XIX в., ⁷⁸ так и то, что во второй половине XIX в., и особенно в конце XIX в., оно шло значительно быстрее, чем прежде.

Об этом же говорят немецкому читателю многочисленные цифры, удачно подобранные в работе Штёкля. В отличие от Гитермана Штёкль характеризует русскую буржуазию как «инициативную и щедрую» (стр. 563). Правильное замечание о том, что успехи развития капитализма во второй половине XIX в. не превратили Россию в индустриальную страну, он подтверждает, в частности, данными о русском экспорте, в котором в период с 1861 по 1900 г. доля сельскохозяйственной продукции выросла с 31 до 77% (стр. 565).

Отмечая, что в России 3 млн промышленных рабочих приходилось на 100 млн крестьян, Штёкль одновременно придает особое значение большой концентрации пролетариата в Петербурге и в Москве как факту, благоприятствующему революции (стр. 566). Подобно многим другим западногерманским историкам, положение рабочих в России во второй половине XIX в. (условия труда, размеры и формы заработной платы, жилищные условия, труд женщин и детей и т. д.) он характеризует как чрезвычайно тяжелое, «типичное для ранних стадий развития капитализма», а политику правительства — как близорукую и антинародную (gesellschaftsfreundlich), благоприятствующую революции (стр. 564—565). ⁷⁹

люция и война» отдано 50 страниц. В библиографии к этим главам Г. Штёкль приводит названия нескольких десятков советских документальных публикаций и многих трудов советских авторов. В еще большем количестве использует он работы буржуазных авторов, в подавляющем большинстве американских и английских.

⁷⁸ См.: П. Н. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. 1. М., 1956, раздел VI; С. Г. Струмилин. Промышленный переворот в России. М., 1944; П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX века. М., 1947; В. Н. Яковлевский. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953; В. С. Виргинский. Возникновение железных дорог в России до начала 40-х годов XIX в. М., 1959. (Мы упоминаем лишь небольшую часть тех работ, которые могли быть использованы Штёклем до 1962 г.)

⁷⁹ См. также: E. Hanisch. Geschichte Russlands, Bd. II, SS. 15—17, 116; G. Rauch. Geschichte des bolschewistischen Russland, SS. 25—26, 50; E. Gruner und E. Sieber. Weltgeschichte des 20. Jahrhunderts, SS. 38—39; O. Anweiler. Die Rätebewegung in Russland, SS. 25—31.

Уделяя революции 1905—1907 гг. столько же места в своей книге, сколько и политике Столыпина, что характерно для позиции Штёкля по вопросу о роли народных масс в истории, ничего не сообщая о новом революционном подъеме в предвоенные годы, он упоминает лишь об оживлении рабочего движения во время войны. В противоположность Гитерману он утверждает, будто бы стачечное движение во время войны *утратило* свой целенаправленный политический характер и стало выражением беспокойства и отчаяния в связи с переживаемыми трудностями и лишениями. Мотивирует он это утверждение изменением социального состава рабочего класса и тем, что война и репрессии ослабили социал-демократов (стр. 629—630).

Анализируя положение в стране во время войны, политику царского правительства и деятельность Государственной думы, Штёкль приходит к выводу, что «к середине войны правительство оказалось совершенно изолированным, но и Дума не пользовалась поддержкой народа».

Этими фактами в значительной мере и объясняется легкость свержения самодержавия и возникновение двоевластия. Временный комитет Государственной думы, а затем Временное правительство хотели бы взять всю полноту власти, пишет Штёкль, но не могли без согласия Советов, в то время как Советы вполне могли это сделать, но не хотели, полагая, что революция должна пройти сначала буржуазный этап. «Уж если саму революцию (в феврале, — В. В.) с трудом можно было назвать буржуазной, — пронизывает Штёкль, характеризуя доктринарскую позицию соглашателей, — то по крайней мере пусть хоть правительство будет буржуазным» (стр. 638). Штёкль, как и многие другие буржуазные историки, косвенно показывает, таким образом, решающую роль народных масс в революции, народный характер которой отрицать невозможно. Однако он далек от того, чтобы раскрыть эту проблему во всей полноте.

Книга Штёкля не оставляет у читателя сомнений в том, что политические симпатии ее автора принадлежат тем, кто находился на противоположной большевикам стороне баррикады. Так, Штёкль повторяет клевету врагов социалистической революции в 1917 г., будто бы В. И. Ленин, большевики «любой ценой» стремились к захвату власти, используя для этого тактику Бакунина и Нечаева.

Если Штёкль в качестве «доказательства» ссылается на слова смертельно больного и раздраженного Г. В. Плеханова, то Анвайлер, также повторяющий эту клевету, действует тоньше: на нескольких десятках страниц он «комментирует» надруганные им цитаты из высказываний В. И. Ленина и документов партии большевиков периода 1917 г. по вопросу о завоевании власти, совершенно смазывая остальные программные требования большевиков, т. е. смазывая именно то, во имя чего велась борьба за власть.

Таким образом, он пытается доказать читателям, будто бы для партии большевиков, для В. И. Ленина завоевание власти было самоцелью.

Штёкль вынужден признать, что ход событий 1917 г. все более и более подтверждал правильность оценки политической обстановки, которая дана была В. И. Лениным в «Апрельских тезисах», и что Временному правительству не удалось установить контроль над непрерывно развивающейся революцией. Однако утверждая, будто бы к моменту Октябрьского вооруженного восстания партия большевиков завоевала большинство только (?) в Советах Петрограда и Москвы, он «заключает», что вместо сброшенных с исторической сцены прежних правящих классов на авансцену выступили не «народные массы» (кавычки Штёкля), а русские коммунисты во главе с В. И. Лениным.

Анвайлер и в этом вопросе аргументирует тоньше: он показывает, что накануне Октября партия большевиков пользовалась решающим влиянием в рабочих Советах большинства индустриальных центров и в большинстве гарнизонных солдатских Советов, причем и левые эсеры, имевшие очень сильные позиции в солдатских и крестьянских Советах, и даже максималисты и анархисты поддерживали большевиков. Таким образом, Анвайлер вынужден по существу согласиться с анализом расстановки сил в октябре—ноябре 1917 г., который содержится в ленинской статье «Учредительное собрание и диктатура пролетариата».⁸⁰ Тем не менее Анвайлер пытается противопоставить партию большевиков Советам на том основании, что в отличие от французского Национального собрания, которое «само взяло власть в 1789 г.», Временное правительство было свергнуто большевиками, которые узурпировали власть за спиной большинства Советов, а затем по тактическим соображениям передали ее Советам, сделав их фасадом своей партийной диктатуры.⁸¹

Но если партия большевиков передала Советам власть после октября, то завоевание власти в октябре не могло быть узурпацией. Позиция Анвайлера основывается не на фактах (даже содержащихся в его книге — она им противоречит), а на предвзятом антикоммунизме самого автора. Лучшим опровержением его выводов является напоминание о мощной народной поддержке Октябрьского переворота и о борьбе трудящихся за упрочение и развитие Октябрьской революции.

Если несмотря на решающее влияние большевиков и поддерживающих их левых эсеров в Советах, в том числе и на II съезде Советов,⁸² ЦК партии большевиков по настоянию В. И. Ленина все же принял решение свергнуть Временное правительство,

⁸⁰ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 40, стр. 1—24.

⁸¹ О. Anweiler. Die Rätebewegung in Russland, S. 273.

⁸² См.: Второй Всероссийский съезд Советов. М., 1928, стр. XXIV—XXXVI.

не дожидаясь открытия II съезда, это объяснялось необходимостью предотвратить вторую корниловщину. О ее подготовке Анвайлер, как и многие другие буржуазные историки, в отличие от Хэтча и голландского историка П. Боумана умалчивает.⁸³

Сетуй на то, что победа нового строя не была результатом парламентского решения, буржуазные историки забывают, что в периоды величайших революционных исторических потрясений ход событий определяется не по «правилам», за которые цепляются представители старого мира и их сикофанты (подобные Анвайлеру), ведь революция — результат и выражение несостоятельности прежних правил. Об этом очень ярко свидетельствует и Великая французская революция XVIII в., причем противопоставление Анвайлером Национального собрания 1789 г. II Съезду Советов неудачно не только потому, что политическая обстановка в обоих случаях была существенно различной, но и потому, что Национальное собрание находилось под огромным давлением народа и одновременно во всем, что оно предпринимало против короля и аристократии, оно опиралось на внепарламентские, насильственные действия масс. Но в то время как Национальное собрание вовсе не собиралось уничтожить монархию и отстоять принцип легитимизма, «большевистское октябрьское восстание, — мог бы прочесть Анвайлер у другого антикоммуниста, А. Розенберга, — было направлено против властителей, которые сами себя назначили и которые до сих пор препятствовали созыву парламента».⁸⁴ Таким образом, даже Розенберг разъясняет Анвайлеру, что большевики не нарушали демократию, а наоборот, восстанавливали ее. Даже Римша вынужден признать, что «Временное правительство узурпировало власть».⁸⁵

Но и Анвайлер и Розенберг сходятся на том, что оттяжка выборов в Учредительное собрание была огромной, «невероятной» ошибкой Временного правительства, эсеров и меньшевиков,⁸⁶ подводя, таким образом, своих читателей к выводу, будто бы «случайность» помешала предотвратить Октябрьскую революцию. Но была ли затяжка выборов в Учредительное собрание случайной? Ведь кадеты не пытались форсировать выборы в Учредительное собрание, так как знали, что останутся там в меньшинстве, а эсеры не торопились с выборами, ибо, как отмечает сам Розен-

берг, они просто боялись получить большинство и оказаться у власти.⁸⁷ Так «случайность» при ближайшем рассмотрении оказывается необходимостью, т. е. в данном случае не просто оплошностью отдельных лиц, а действием, обусловленным всей политической линией тех партий, которые находились у власти в период от февраля до октября.

В начале статьи мы отметили, что вопрос о том, нельзя ли было предотвратить революцию, обычно в той или иной форме присутствует в работах буржуазных историков, склонных придумывать различные неиспользованные «возможности» к тому, чтобы ответ на этот вопрос мог быть утвердительным. Нам думается, что историкам-марксистам при критике буржуазной историографии не следует проходить мимо подобных соображений, развиваемых буржуазными авторами перед своими читателями, ибо если поставить вопрос шире, то речь здесь идет по сути дела о соотношении в ходе развития человеческого общества необходимости и случайности, которую в известных пределах марксизм отнюдь не отрицает. Иными словами, марксизм не отождествляет закономерность в истории общества с фатальной неизбежностью хода событий в том или ином месте, на каждом отдельно взятом отрезке времени. Оставлять в этом вопросе последнее слово за буржуазными авторами было бы явно неправильно.

Перечень «ошибок» правящих кругов России, а в дальнейшем всех общественных сил, противостоявших крайней партии революции — большевикам, оказывается очень длинным. Так, например, Лемберг сетует, что «освобождение крестьян было сопряжено с ошибкой (Fehl Schlag), развязавшей в России социальный кризис», называя ошибкой то, что крестьяне не были достаточно обеспечены землей.⁸⁸ Выходит, будь царь и правящие круги умнее, и «ошибки», и социального кризиса можно было бы избежать. Однако Лемберг тут же опровергает подобный вывод, отмечая, что крестьянская реформа в России была произведена «таким же образом, как это обычно делалось в других странах»,⁸⁹ т. е. неблагоприятный для крестьян характер реформы определялся

⁸³ А. Rosen berg. Geschichte des Bolschewismus. . . S. 100.

⁸⁴ E. Lem berg. Osteuropa und die Sowjetunion; S. 143. Далее Лемберг продолжает: «В итоге возникли условия для формирования революционного рабочего класса, которому суждено было в Великой революции стать во главе широких масс крестьянского пролетариата». В данном случае Лембергу удалось более четко, чем многим его коллегам, сформулировать тезис о движущих силах революции.

⁸⁵ Исключением были лишь аграрные реформы в Австрии в конце XVIII в. при Иосифе II (продиктованные, как и в России, страхом, что если не освободить крестьян «сверху», они освободят себя «снизу»), отмененные после его смерти.

⁸³ См.: O. Hoetzsch. Grundzüge einer Geschichte Russlands, S. 178; P. Bouman. Verschwörung der Einsamen. Weltgeschichte unserer Zeit. München, 1954, S. 207. Книга Боумана, изданная в Голландии, выдержала в течение нескольких месяцев 12 изданий и была переведена на немецкий и английский языки. Методологические установки автора во многом вызывают возражения, но проблемы революции в России он освещает объективно.

⁸⁴ A. Rosen berg. Geschichte des Bolschewismus. . . S. 101.

⁸⁵ H. Rimscha. Geschichte Russlands, S. 511.

⁸⁶ A. Rosen berg. Geschichte des Bolschewismus. . . SS. 98—100; O. Anweiler. Die Rätebewegung in Russland, S. 260.

не просто глупостью правящих кругов, а был выражением классовых интересов, классового эгоизма помещиков.

Хэтч также не избежал соблазна порассуждать о возможности предотвратить свержение самодержавия. «Никто не знает, — пишет он, — не привел ли бы путь, избранный в конце концов Александром II, к мирному развитию страны, но путь Александра III и Николая II вел к революции. . . , поскольку с помощью бюрократии и полиции они сделали бесплодными реформы предыдущего царствования». ⁹⁰ Г. Штёкль в данном вопросе занял более правильную позицию, констатируя, что «три последних царя неуклонно придерживались авторитарного курса. Смена лиц означала лишь некоторую смену методов». ⁹¹ Хэтч явно переоценил возможное значение реформ Александра II. Даже по мнению реакционера Римши, их «неудача объясняется их половичностью. . . 1917 год показал русским либералам, в чем должны были заключаться полноценные реформы». ⁹²

Но несколькими страницами ниже сам Римша пустился в рассуждение о том, что «Николай II не использовал возможность, которую открывало шестие рабочих 9 января. Если бы были применены слезоточивый газ и вода, то развитие, возможно, приняло бы другой оборот». ⁹³ Однако кровавое преступление 9 января 1905 г. отнюдь не было случайным, а представляло собой естественное проявление господствовавшего в России антинародного полицейского режима. ⁹⁴

Значительные «возможности» предотвратить революцию открывало, по мнению многих буржуазных историков, длительное осуществление столыпинской аграрной политики. В этом согласны и Хэтч, и Римша и Руффман (автор уже упомянутой обширной главы «Россия» во «Всемирной истории современности»). ⁹⁵ Последний ссылается на Штёкля, который в действительности по данному вопросу пришел к выводу, что хотя «аграрная политика Столыпина была, бесспорно, на правильном пути», однако царизм был неспособен обеспечить необходимого для ее успеха «длительного спокойного развития». ⁹⁶

Руффман усмотрел в «последовательном расширении политических и духовных основ политики Столыпина» не только возмож-

ность эволюционного решения аграрной проблемы, но и путь к созданию парламентских традиций, ⁹⁷ однако Штёкль и здесь «исправляет» Руффмана, называя столыпинские порядки «сомнительными», а цели — «далеко не все благотворными». ⁹⁸ Любезные сердцу Руффмана «духовные основы» столыпинской политики представляли собой жесточайшие репрессии против революционного движения и ликвидацию даже тех ограниченных «парламентских» уступок, которые были вырваны у царизма революцией 1905 г.

Руффман приписывает В. И. Ленину мнение, будто столыпинская аграрная политика уменьшила шансы на социальный взрыв. ⁹⁹ В действительности же В. И. Ленин неоднократно подчеркивал провал тех планов, которые правящие верхи связывали с политикой Столыпина. Так, в 1910 г. В. И. Ленин писал, что «чем больше помогает царь и Дума крестьянам-богачам разорять массу крестьян, тем сознательнее становится эта масса, тем меньше будет она сохранять веру в царя. . . С каждым днем все больше становится в деревне сельских рабочих, — им негде искать спасения, кроме как в союзе с городскими рабочими для общей борьбы». ¹⁰⁰

Предвидение это в точности подтвердилось в 1917 г. Провал столыпинской аграрной политики подробно исследован советскими историками. ¹⁰¹

Как серьезнейшую ошибку царизма, которая привела к революции, рассматривает Руффман вступление России в первую мировую войну, объясняя этот шаг лишь «близорукой политикой престижа». ¹⁰² Умалчивая об основных причинах мировой войны и мощном революционном подъеме в России, который был временно прерван войной (о последнем обстоятельстве пишут многие буржуазные историки), ¹⁰³ Руффман развязно заявляет, что «возникновение новой революционной ситуации обязано не ленинским лозунгам, так как репрессии правительства нанесли большевикам большой урон и дезорганизовали их ряды. . . , а поражением в войне». ¹⁰⁴

Подобно всем контрреволюционерам, Руффман рассматривает революцию как результат подстрекательства злокозненных «сму-

⁹⁰ O. Hoetzsch. Grundzüge einer Geschichte Russlands, S. 147.

⁹¹ G. Stöckl. Russische Geschichte. . . , S. 559.

⁹² H. Rimscha. Geschichte Russlands, S. 468.

⁹³ Там же, стр. 490.

⁹⁴ См.: В. Невский. Январские дни в Петербурге. Красная летопись, 1922, № 1; С. А. Семанов. Кровавое воскресенье. М., 1965.

⁹⁵ O. Hoetzsch. Grundzüge einer Geschichte Russlands, S. 166; H. Rimscha. Geschichte Russlands, SS. 498—499; K. Ruffmann. Russland. In: Weltgeschichte der Gegenwart, Bd. I. Bern—München, 1962, S. 31.

⁹⁶ G. Stöckl. Russische Geschichte. . . , SS. 607—608. Многие буржуазные историки отмечают и обострение классовых противоречий в итоге Столыпинской аграрной политики.

⁹⁷ K. Ruffmann. Russland, S. 317.

⁹⁸ G. Stöckl. Russische Geschichte. . . , S. 608.

⁹⁹ K. Ruffmann. Russland, S. 317.

¹⁰⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, стр. 422—423.

¹⁰¹ См.: Н. И. Карпов. Аграрная политика Столыпина. Л., 1925; С. М. Дубровский. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в. М., 1963.

¹⁰² K. Ruffmann. Russland, S. 318.

¹⁰³ O. Hoetzsch. Grundzüge einer Geschichte Russlands, S. 172; V. Gittermann. Geschichte Russlands, Bd. III, SS. 448, 375; O. Anweiler. Die Rätebewegung in Russland, SS. 120; E. Gruner und E. Sieber. Weltgeschichte des 20. Jahrhunderts, S. 39; G. Rauch. Geschichte des bolschewistischen Russland, S. 48.

¹⁰⁴ K. Ruffmann. Russland, S. 318.

не просто глупостью правящих кругов, а был выражением классовых интересов, классового эгоизма помещиков.

Хэтч также не избегал соблазна порассуждать о возможности предотвратить свержение самодержавия. «Никто не знает, — пишет он, — не привел ли бы путь, избранный в конце концов Александром II, к мирному развитию страны, но путь Александра III и Николая II вел к революции. . . , поскольку с помощью бюрократии и полиции они сделали бесплодными реформы предыдущего царствования». ⁹⁰ Г. Штёкль в данном вопросе занял более правильную позицию, констатируя, что «три последних царя неуклонно придерживались авторитарного курса. Смена лиц означала лишь некоторую смену методов». ⁹¹ Хэтч явно переоценил возможное значение реформ Александра II. Даже по мнению реакционера Римша, их «неудача объясняется их половичатостью. . . 1917 год показал русским либералам, в чем должны были заключаться полиционные реформы». ⁹²

Но несколькими страницами ниже сам Римша пустился в рассуждение о том, что «Николай II не использовал возможность, которую открывало шестие рабочих 9 января. Если бы были применены слезоточивый газ и вода, то развитие, возможно, приняло бы другой оборот». ⁹³ Однако кровавое преступление 9 января 1905 г. отнюдь не было случайным, а представляло собой естественное проявление господствовавшего в России антинародного полицейского режима. ⁹⁴

Значительные «возможности» предотвратить революцию открывало, по мнению многих буржуазных историков, длительное осуществление столыпинской аграрной политики. В этом согласны и Хэтч, и Римша и Руффман (автор уже упомянутой обширной главы «Россия» во «Всемирной истории современности»). ⁹⁵ Последний ссылается на Штёкля, который в действительности по данному вопросу пришел к выводу, что хотя «аграрная политика Столыпина была, бесспорно, на правильном пути», однако царизм был неспособен обеспечить необходимого для ее успеха «длительного спокойного развития». ⁹⁶

Руффман усмотрел в «последовательном расширении политических и духовных основ политики Столыпина» не только возмож-

ность эволюционного решения аграрной проблемы, но и путь к созданию парламентских традиций, ⁹⁷ однако Штёкль и здесь «управляет» Руффмана, называя столыпинские порядки «сомнительными», а цели — «далеко не все благотворными». ⁹⁸ Любезные сердцу Руффмана «духовные основы» столыпинской политики представляли собой жесточайшие репрессии против революционного движения и ликвидацию даже тех ограниченных «парламентских» уступок, которые были вырваны у царизма революцией 1905 г.

Руффман приписывает В. И. Ленину мнение, будто столыпинская аграрная политика уменьшила шансы на социальный взрыв. ⁹⁹ В действительности же В. И. Ленин неоднократно подчеркивал провал тех планов, которые правящие верхи связывали с политикой Столыпина. Так, в 1910 г. В. И. Ленин писал, что «чем больше помогает царь и Дума крестьянам-богачам разорять массу крестьян, тем сознательнее становится эта масса, тем меньше будет она сохранять веру в царя. . . С каждым днем все больше становится в деревне сельских рабочих, — им негде искать спасения, кроме как в союзе с городскими рабочими для общей борьбы». ¹⁰⁰

Предвидение это в точности подтвердилось в 1917 г. Провал столыпинской аграрной политики подробно исследован советскими историками. ¹⁰¹

Как серьезнейшую ошибку царизма, которая привела к революции, рассматривает Руффман вступление России в первую мировую войну, объясняя этот шаг лишь «близоручкой политикой престижа». ¹⁰² Умалчивая об основных причинах мировой войны и мощном революционном подъеме в России, который был временно прерван войной (о последнем обстоятельстве пишут многие буржуазные историки), ¹⁰³ Руффман развязно заявляет, что «возникновение новой революционной ситуации обязано не ленинским лозунгам, так как репрессии правительства нанесли большевикам большой урон и дезорганизовали их ряды. . . , а поражением в войне». ¹⁰⁴

Подобно всем контрреволюционерам, Руффман рассматривает революцию как результат подстрекательства злокозненных «сму-

⁹⁰ O. Hoetzsch. Grundzüge einer Geschichte Russlands, S. 147.

⁹¹ G. Stöckl. Russische Geschichte. . . , S. 559.

⁹² H. Rimsha. Geschichte Russlands, S. 468.

⁹³ Там же, стр. 490.

⁹⁴ См.: В. Невский. Январские дни в Петербурге. Красная летопись, 1922, № 1; С. А. Семанов. Кровавое воскресенье. М., 1965.

⁹⁵ O. Hoetzsch. Grundzüge einer Geschichte Russlands, S. 166; H. Rimsha. Geschichte Russlands, SS. 498—499; K. Ruffmann. Russland. In: Weltgeschichte der Gegenwart, Bd. I. Bern—München, 1962, S. 31.

⁹⁶ G. Stöckl. Russische Geschichte. . . , SS. 607—608. Многие буржуазные историки отмечают и обострение классовых противоречий в итоге Столыпинской аграрной политики.

⁹⁷ K. Ruffmann. Russland, S. 317.

⁹⁸ G. Stöckl. Russische Geschichte. . . , S. 608.

⁹⁹ K. Ruffmann. Russland, S. 317.

¹⁰⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, стр. 422—423.

¹⁰¹ См.: Н. И. Карпов. Аграрная политика Столыпина. Л., 1925; С. М. Дубровский. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в. М., 1963.

¹⁰² K. Ruffmann. Russland, S. 318.

¹⁰³ O. Hoetzsch. Grundzüge einer Geschichte Russlands, S. 172; V. Gittermann. Geschichte Russlands, Bd. III, SS. 448, 375; O. Anweiler. Die Rätebewegung in Russland, SS. 120; E. Gruner und E. Sieber. Weltgeschichte des 20. Jahrhunderts, S. 39; G. Rauch. Geschichte des bolschewistischen Russland, S. 48.

¹⁰⁴ K. Ruffmann. Russland, S. 318.

тьялов», искусно использующих «ошибки» правительства и правящих классов. Не случайно в статье Руффмана обходится вопрос о глубоких классовых противоречиях в России, хотя он и правильно отмечает, что движущими силами революции были рабочие и крестьяне, причем «решающая динамическая сила исходила от рабочего стачечного движения». ¹⁰⁵

Верно, что репрессии в период войны нанесли серьезный урон большевистской партии, однако неправильно утверждать, будто бы ее ряды были дезорганизованы. ¹⁰⁶ Данные об активной и успешной революционной работе большевиков и о новом подъеме рабочего движения во время войны имеются и в ряде работ буржуазных авторов. ¹⁰⁷ В частности, Апвайлер, отмечая оживление рабочего движения с лета 1915 г., приводит к выводу, что уже к осени 1916 г. оно стало опасным для правительства. ¹⁰⁸

Особенно преувеличивает значение войны в качестве основной причины революции Эрвин Хельцле, ¹⁰⁹ хотя этой его позиции противоречит его собственное утверждение, что в решении русских правящих кругов объявить войну Германии сыграло большую роль желание предотвратить назревавшую революцию. ¹¹⁰

Бесспорно, что война резко обострила экономический и политический кризис всей империалистической системы, но ведь не война этот кризис создала. Наоборот, сама война была порождена глубокими коренными империалистическими противоречиями, а в известной мере и кризисными явлениями в ряде европейских стран.

Продолжение войны считается очень многими буржуазными историками «решающей ошибкой» со стороны Временного правительства, в результате которой был упущен «последний шанс» предотвратить революцию. Все же подобное мнение не единодушно. Так, например, Римша в рецензии на упомянутую книгу Хельцле называет спорным утверждение последнего, что Временное правительство не удержалось у власти лишь потому, что стояло за войну. ¹¹¹ Действительно, помимо того, что Временное правительство не могло прекратить войну, не перестав быть «самим собой» (из буржуазных историков это хорошо показал Гитерман), ¹¹²

¹⁰⁵ Там же, стр. 313—314.

¹⁰⁶ См.: Партия большевиков в годы нового революционного подъема. Документы и материалы. М., 1962. Освещается этот вопрос и в литературе прошлых лет, см.: И. А. Ме и и ц к и й. Русское рабочее движение и РСДРП накануне войны (1912—1914 гг.). М., 1923; Ф. А. Андерсон. Партия в годы реакции и подъема. Харьков, 1930; К. А. Остроухова. Партия большевиков в годы нового революционного подъема. М., 1954.

¹⁰⁷ См. стр. 222.

¹⁰⁸ O. Anweiler. Die Rätebewegung in Russland, SS. 119—124.

¹⁰⁹ E. Helzle. Lenin 1917. Die Geburt der Revolution aus dem Kriege. München, 1957.

¹¹⁰ E. Helzle. Das Kriegsproblem in der Russischen Revolution 1917. Osteuropa, 1962, № 7, S. 476.

¹¹¹ Neue Politische Literatur, 1958, № 10, S. 817.

¹¹² См. выше, стр. 224.

оно выражало интересы классов, ожесточенно противящихся тем социальным переменам, которых решительно требовали народные массы, это вынужден признать даже Раух. ¹¹³

В том, что революция в России «выросла» из войны, буржуазные историки усматривают коренное принципиальное различие между предпосылками революции в России и в западноевропейских странах в XIX в. Особенно подробно попытка разработать вопрос о таком различии американский историк, выходец из Германии, Теодор Лауэ в докладе, прочитанном в «Свободном Берлинском университете» в 1956 г. ¹¹⁴ Даже то обстоятельство, что развитие России шло таким же путем, как и развитие стран Запада, что используется Хэтчем в качестве аргумента против попытки «оторвать» Россию от Запада, Лауэ рассматривает как аргумент для обоснования такого отрыва. Каков же ход его рассуждений?

Принципиальное отличие французской революции XVIII в. от Великой Октябрьской революции состоит, по мнению Лауэ, в том, что первая развивалась «изнутри», под влиянием непосредственно французских идей, в России же как революционная идеология (марксизм), так и сама индустриализация страны были заимствованы у Запада. «Критика и подрыв существующих отношений в России, — пишет Лауэ, — были привнесены извне путем сравнения собственных отсталых отношений с западноевропейским образцом».

Хотя Лауэ несколько признает, что «английский пример влиял на подготовку идеалов 1789 г.», но он явно недооценивает это воздействие, а также влияние английской философии XVII в. на французских просветителей и на деятелей Великой французской революции. Однако можно с ним согласиться, что влияние марксизма как цельного мировоззрения, научно воплощающего интересы и задачи рабочего класса, было относительно большим в России в конце XIX и XX в., чем влияние английской философии во Франции в XVIII в.

Но ведь главное состоит в том, что развитие капитализма в России, так же как и во Франции и в остальных странах, было прежде всего проявлением естественного внутреннего закономерного развития производительных сил и производственных отношений. Использование опыта других стран, где капитализм и порожденная им классовая борьба рабочих с буржуазией начали развиваться раньше, чем в России, могло лишь способствовать соответствующему ходу развития России, но никакой «пример» не может

¹¹³ G. Rauch. Geschichte des bolschewistischen Russland, SS. 62, 74, 79.

¹¹⁴ T. Laué. Die Revolution von aussen als erste Phase der russischen Revolution 1917. Jahrb. Geschichte Osteuropas, 1956, Bd. 4, H. 2, S. 138—158. Т. Лауэ выехал из Германии в США в 1937 г., будучи еще студентом. Автор ряда книг по истории СССР, в том числе «Sergei Witte and the Industrialization of Russia» (London—N. Y., 1963).

вызвать к жизни и никогда нигде не создавал произвольно новых общественных отношений. Капиталистический способ производства был «заимствован» Россией у обогнавших ее на этом пути западных стран не в большей мере, чем ранее он был «заимствован» Францией у Англии, а Германией — у Англии и Франции.

«Применение» марксизма на русской почве было также прежде всего проявлением и итогом естественного внутреннего развития общественных отношений в России. Потому-то и первые попытки «применить» марксизм на русской почве отделены от времени формирования марксизма на Западе примерно четырьмя десятилетиями.

Признавая, что Россия повторяла путь развития Запада и что в ней в итоге ускоренной индустриализации был создан рабочий класс («каждый знает, чем революция обязана рабочим», — добавляет Лауэ), он в конце концов приходит к тому, что его «интригующая» формула «революция извне» превращается в формулу «революция извне стала внутренней революцией». Однако формула эта тоже неточна, так же как неправильно и некоторое ее видоизменение у Римши, заявляющего, что революция в России «выросла отчасти из русских отношений, а больше (? — В. Б.) из занесенных из-за границы». В силу сказанного выше дело обстоит как раз наоборот.

Лауэ прав, отмечая, что во Франции «возник новый общественный слой, который уже в 1789 г. был способен стать носителем нового порядка», но он вступает в вопиющее противоречие с исторической правдой и даже со сказанным им самим о роли рабочего класса, когда неожиданно заявляет, будто в России «революционная сила исходила не от нового социального слоя, способного переделывать общество и государство по своему образу и подобию».

Что же в таком случае произошло в России, если не глубочайшее революционное преобразование общественного и государственного строя рабочим классом, ставшим во главе всех трудящихся в их общих интересах? Даже такие реакционные «остфоршеры», как Ханиш, Лемберг, Грунер и Зибер, Руффман и др., признают, что главной движущей силой и гегемоном русской революции был рабочий класс в союзе с беднейшим крестьянством.¹¹⁵

Несомненно, что Февральская буржуазная революция в России имела ряд особенностей по сравнению с буржуазными революциями XIX в. на Западе и что Великая Октябрьская социалистическая революция коренным образом отличается от буржуазных революций. Однако построения Лауэ по этому вопросу явно надуманны и неудачны.

¹¹⁵ E. H. Hanisch. Geschichte Sowjetrusslands. 1917—1941. Freiburg, 1947, S. 5; O. Hoetzsch. Grundzüge einer Geschichte Russlands, S. 154; E. Lemberg. Osteuropa und die Sowjetunion, S. 143; E. Gruner und E. Sieber. Weltgeschichte des 20. Jahrhunderts, SS. 38—39; K. Rufmann. Russland, S. 313.

Вдумчивое сопоставление общего и особенного в развитии отдельных стран очень интересно и может быть весьма плодотворным, однако буржуазные историки преувеличивают значение особенностей развития России, подводя тем самым читателей к выводу об отсутствии закономерной смены общественно-экономических формаций.

Рассматривая с различной степенью полноты и объективности (а зачастую и без последней) и с теми или иными ошибками проблему развития производительных сил и производственных отношений в России, и в частности вопросы о глубоких социально-экономических и политических противоречиях в стране, о несостоятельности «верхов» и о революционном движении, буржуазные историки освещают тем самым в той или иной мере предпосылки и причины падения самодержавия и последующей победы Великой Октябрьской революции, поскольку они признают, что Февральская революция не разрешила тех наиболее важных вопросов, которые стояли перед страной в тот период.

Отличительной особенностью подхода буржуазных историков к выяснению вопроса о предпосылках революции в России, в том числе и в рассмотренных нами более подробно лучших работах — Хэтча и Гитермана — является то, что проблема перерастания капитализма в России в его последнюю стадию, империализм, остается по сути дела вне поля их зрения. Показательно, что в т. 10 (XIX и XX вв.) последнего издания десятитомной Всемирной истории, в разделе «Экономическая и социальная структура», написанном известным в ФРГ историком Вильгельмом Тройе (W. Troje), рассматриваются применительно к России лишь последствия падения крепостного права и вопрос об индустриализации в конце XIX в.¹¹⁶

Буржуазные историки ограничиваются тем, что констатируют наличие в России уже к концу XIX в. высокоразвитого и высококонцентрированного современного промышленного капитализма (Hochkapitalism), удельный вес которого в экономике был все же еще недостаточен для превращения страны в индустриальную.

Буржуазных историков не интересуют такие вопросы, как развитие в России монополий, сращивание банковского и промышленного капитала и возникновение финансового капитала, его взаимоотношение с правительством, соотношение двух форм ввоза иностранного капитала и т. д., являющиеся предметом успешных изысканий советских историков.¹¹⁷ Между тем все эти вопросы

¹¹⁶ Historia Mundi. Ein Handbuch der Weltgeschichte in 10 Bänden, Bd. 10. Das 19 und 20. Jahrhundert. München, 1961, SS. 645—652.

¹¹⁷ См.: К. Н. Тарновский. Советская историография российского империализма. М., 1964.

очень важны для правильного понимания русской экономики в конце XIX и в начале XX в. и для характеристики русской буржуазии (к которой буржуазные авторы проявляют такой большой интерес). Вопрос о монополистическом капитализме — один из основных в общей проблеме предпосылок социалистической революции в России, особенно если подходить к этой проблеме не только с целью выяснения причин политической победы пролетариата в октябре 1917 г., но и с тем, чтобы раскрыть причины последующего успеха социалистических преобразований.

Буржуазная историография не только не дает ответов на этот вопрос, но для нее характерна позиция, наиболее отчетливо изложенная у Римши, который, признав (вслед за Хэтчем и Гитерманом), что «причина краха либеральной демократии в России заключалась не в персональной несостоятельности руководителей (курсив мой, — В. Б.), а в сущности развивающейся через их голову революции»,¹¹⁸ формулирует затем «вывод», что «дальнейший процесс (после Октября, — В. Б.) развивается вопреки большевистским теориям (?), в значительной степени независимо от объективных предпосылок, в противоречии с ними (?), определяясь, в основном, людьми...»¹¹⁹ Далее Римша пишет о величайшем значении В. И. Ленина как «человека, делающего эпоху».

Признавая объективную обусловленность и неизбежность политической победы Октябрьской революции, Римша, как и другие буржуазные авторы, отказывается сделать то же самое в отношении ее экономической победы.

Буржуазные историки отнюдь не преуменьшают роли партии большевиков и ее вождя В. И. Ленина при выяснении причин победы Октябрьской революции. Но в буржуазной историографии не раскрывается то важнейшее обстоятельство, во многом объясняющее последующие успехи Советской власти, что руководящие кадры партии большевиков оказались способными превратиться из профессионалов, революционеров-подпольщиков, в государственных деятелей, стоявших на уровне тех задач, которые перед ними поставила история. Надо отметить, что эта сторона проблемы о субъективных предпосылках победы Октябрьской революции не разработана еще во всей полноте и в советской историографии.

Пробуждение к величайшей творческой активности широких народных масс, из среды которых выдвинулись многие тысячи способнейших руководителей на военном и хозяйственном фронте, также одно из важнейших обстоятельств, обусловивших триумфальное шествие Советской власти после Октября и последующие успехи социалистического строительства. Однако тщетно искать в буржуазной историографии освещения этого вопроса. Активная роль народных масс в Октябрьской революции в качестве

¹¹⁸ Н. Римша. Geschichte Russlands, S. 519.

¹¹⁹ Там же.

условия ее победы рассматривается в буржуазной историографии лишь под тем углом зрения, что побеждала политическая линия той партии (конкретно партии большевиков), которая соответствовала интересам и стремлениям народа. Роль народных масс раскрывается, таким образом, только косвенно.

В буржуазной историографии часто утверждается, что революция в России произошла «не по Марксу».¹²⁰ Данный вопрос тесно связан с проблемой предпосылок и причин победы революции, но все же это отдельные вопросы.¹²¹ Пытаясь доказать, что Октябрьская революция не соответствовала учению Маркса, буржуазные историки ссылаются опять-таки на то, что революция в России «выросла» из войны. Несостоятельность такого аргумента была показана еще в 1918 г. В. И. Лениным в брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский». В. И. Ленин напомнил, что «когда Каутский был еще марксистом, например, в 1909 году... он отстаивал именно идею о неизбежности революции в связи с войной».¹²² Об этом же говорилось и в Базельском манифесте II Интернационала.

Энгельс еще в 1875 г. писал Бебелю о возможности революции в России в связи с «неизбежной войной между Германско-прусской империей и Россией»,¹²³ а в 1879 г. в «Циркулярном письме» Маркс и Энгельс возмущались тем, что оппортунисты — члены «Цюрихской тройки» — *зарекаются* использовать для развязывания революции какое-нибудь крупное событие из области внешней политики и вызванный им революционный подъем.¹²⁴ «Вырастание» революции из войны вовсе не идет вразрез с основным марксистским тезисом о противоречии между производительными силами и производственными отношениями как о главной предпосылке революции, ибо к социальной революции ведет лишь такая война, когда такое противоречие налицо; вместе с тем одного лишь этого противоречия еще недостаточно. Необходимыми условиями революции являются глубокий политический кризис, революционная ситуация и соответствующие субъективные предпосылки, т. е. прежде всего идейная и организационная подготовленность революционных сил.¹²⁵ Империалистические войны

¹²⁰ E. L e m b e r g. Osteuropa und die Sowjetunion, S. 13; W. P h i l i p p. Russland Aufstieg zur Weltmacht 1815—1917. In: Historia Mundi, SS. 248, 252; H. S ü n d e r m a n n. Die Erbe des falschen Propheten. Leoni, 1957, SS. 41, 57; T. B o c h e r t. Von Marx bis Chruschtschow. Godesberg, 1963, S. 531.

¹²¹ В статье В. С. Васюкова «Фальсификация закономерности Октябрьской революции французами реформистами» (Вопр. истории, 1961, № 6, стр. 155—166) оба эти вопроса ошибочно отождествляются.

¹²² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 294.

¹²³ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1948, стр. 304.

¹²⁴ См.: там же, стр. 326.

¹²⁵ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 218—219.

в XX в. были мощными «ускорителями» революции, но это не означает, что политический кризис, революционная ситуация и революция невозможны без войны. Примером может служить кубинская революция 1959 г.

Тезис о противоречии между марксистской теорией революции и действительным ходом революции в России буржуазные историки пытаются обосновать и ссылаются на то, что промышленность в России не была ведущей отраслью народного хозяйства, а промышленный пролетариат составлял сравнительно незначительную часть населения. Однако Маркс и Энгельс вовсе не считали это необходимым для победы пролетарской революции. Наоборот, в то время когда Маркс и Энгельс разрабатывали теорию и тактику пролетарской революции, промышленность Франции и Германии была менее развита, чем промышленность России к 1917 г., и пролетариат далеко не составлял в этих странах большинства населения. В замечательной работе «Письмо ЦК союзу коммунистов», в которой обобщался опыт революции 1848 г. в Германии, Маркс и Энгельс обстоятельно разработали программу и тактику пролетарской партии в ходе углубления перманентной революции, т. е. в ходе перерастания революции буржуазно-демократической в пролетарскую в условиях, когда революция совершается в стране с многочисленной мелкой буржуазией и сильной мелкобуржуазной партией. Маркс и Энгельс имели в виду Германию середины XIX в., в которой они тогда переоценивали перспективы нового подъема революции, но ведь во многом аналогичное положение было и в России в 1917 г.

Правда, в дальнейшем, оценивая перспективы европейской революции, Маркс и Энгельс считали более вероятным, что революция начнется в нескольких более развитых в экономическом отношении странах одновременно. Однако главными положениями теории социалистической революции, созданной Марксом и Энгельсом, является обоснование закономерности революции, выяснение ее общих причин и условий (противоречие между производящими силами и производственными отношениями, классовая борьба, роль пролетариата и его союзников, роль партии, значение остальных субъективных факторов и, наконец, вывод о необходимости диктатуры пролетариата), а не ответы на вопросы, когда и как она произойдет.

Поэтому марксисты-ленинцы считают, что В. И. Ленин, доказав возможность разрыва цепи империализма в ее наиболее слабом звене в результате обострения неравномерности развития отдельных стран¹²⁴ (это и произошло в России в 1917 г.), не «откачался» от теории пролетарской революции Маркса, но создал

¹²⁴ Там же, стр. 354. Разумеется, развитие В. И. Лениным марксистской теории пролетарской революции этим далеко не исчерпывается, однако более подробно рассмотрено данного вопроса не входит в нашу задачу.

совершенно новую теорию, а развил марксистскую теорию в новых условиях.

Рассмотренные нами работы западногерманских историков подтверждают наш вывод, что буржуазные историки отнюдь не отрицают объективной социально-экономической и политической обусловленности Великой Октябрьской социалистической революции, а некоторые из них (Гитерман, Анвайлер, Римма) приходят к заключению о неизбежности ее победы в 1917 г. Однако все это не означает признания ими всеобщей закономерности смены капитализма социализмом.

Буржуазные историки переоценивают значение субъективного фактора в истории, споря между собой по этому вопросу лишь о деталях. Исключением из рассмотренных нами работ является только труд Гитермана.

Преувеличивая значение особенностей развития России (исключению составляют Хэтч и Юст), буржуазные историки очень широко применяют сравнительный метод. Нам кажется, что историкам-марксистам необходимо, не ограничиваясь критикой построений буржуазных авторов, самим активно использовать этот метод.

В. И. КАРДАШОВ

ПРИЕМЫ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ СОВЕТСКОГО ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Вторая мировая война, продолжавшаяся шесть лет, не имела себе подобных в истории человеческого общества. Вовлечение в борьбу многомиллионных народных масс, никогда ранее не участвовавших столь активно в военных действиях, явилось одной из ее закономерных особенностей, определяемых характером нашей эпохи. Эта особенность современной войны проявилась, с одной стороны, в развертывании многомиллионных армий воюющих держав, а с другой стороны, в вовлечении в борьбу с захватчиками гражданского населения оккупированных стран.

В годы второй мировой войны в Европе зародилось и разрослось невиданное до тех пор массовое народное движение — движение Сопротивления против немецко-фашистских захватчиков. От фьордов Норвегии до греческих островов в Средиземном море, от Пиренеев на западе до предгорий Кавказа на востоке население оккупированных немецко-фашистскими войсками стран на протяжении ряда лет вело упорную борьбу за свободу и независимость своей родины, выражавшуюся в самых различных формах — от пассивного сопротивления до вооруженного восстания.

Движение Сопротивления внесло серьезный вклад в победоносную борьбу армий Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании с военной машиной фашистской Германии. Партизаны и подпольщики Югославии, Польши, Франции, Италии, Чехословакии и других стран сумели причинить оккупантам значительный ущерб как в технике, так и в людях. Но особенно грозным для захватчиков явилось сопротивление народа оккупированных районов Советского Союза: именно здесь в борьбу вступили огромные массы населения, именно здесь пожаром партизанской войны были охвачены обширные области, равные по площади некоторым западноевропейским государствам, именно на территории нашей страны фашисты несли особенно большие потери в людях и технике.

Естественно, что такое важное и яркое явление, как европейское движение Сопротивления, породило после окончания второй мировой войны огромную литературу. В послевоенное время за рубежом появилось, в частности, большое число работ о партизанском движении в оккупированных немецко-фашистскими войсками областях Советского Союза. Буржуазных историков интересуют в основном причины зарождения партизанской войны, характер ее и эффективность, участие народных масс в военных действиях, отношение населения к партизанам. Иногда суждения различных авторов по тем или иным вопросам резко противоположны, но, при всем разнообразии мнений можно проследить в оценках и характеристике советского партизанского движения общие тенденции.

Среди работ буржуазных авторов, освещающих партизанское движение в Советском Союзе, в первую очередь следует назвать те, в которых это движение является основным или даже единственным предметом рассмотрения.¹ Особенно обстоятелен и обширен вышедший в 1964 г. в Америке коллективный труд «Советские партизаны во второй мировой войне» под редакцией Джона Армстронга.² Далее необходимо отметить работы авторов; пишущих в основном на английском языке, посвященные фашистской оккупационной политике или истории отдельных областей нашей страны в годы Великой Отечественной войны, где уделяется значительное место партизанам и их борьбе с немецкими оккупантами, а также с украинскими и белорусскими националистами.³

Много внимания уделяется боевым действиям советских партизан и их влиянию на исход войны в общих трудах по истории второй мировой войны, а также в мемуарах бывших гитлеровских генералов.⁴

¹ C. Dixon and O. Heilbrunn. Communist guerilla warfare. London, 1954; O. Heilbrunn. 1) The Soviet secret services. N. Y., 1956; 2) Partisan warfare. London, 1962; E. M. Howell. The Soviet partisan movement, 1941—1944. Washington, 1956; Д. Каров. Партизанское движение в СССР. Мюнхен, 1954; Modern guerilla warfare. Fighting communist guerilla movements, 1941—1961. Ed. by F. M. Osanka. N. Y., 1962; V. Redelis. Partisanenkrieg. Heidelberg, 1958; H. Rentsch. Partisanenkampf. Erfahrungen und Lehren. Frankfurt am/M., 1961.

² Soviet partisans in world war II. Ed. by J. Armstrong. Madison, 1964.

³ J. Armstrong. Ukrainian nationalism. N. Y., 1963; A. Dalin. 1) German rule in Russia, 1941—1945. London, 1957; 2) Odessa, 1941—1944. Santa Monica, California, 1957; G. Fischer. Soviet opposition to Stalin. Cambridge, 1952; B. Ilmitzkyi. Deutschland und die Ukraine, 1934—1945. Bd. 1, 2. München, 1958; I. Kamonetsky. Hitler's occupation of Ukraine, 1941—1944. Milwaukee, 1956; G. Reitlinger. The house built on sand, 1939—1945. London, 1960; N. Vakar. Belorussia. The Making of a Nation. Cambridge, Mass., 1956.

⁴ W. Anders. Hitler's defeat in Russia. Chicago, 1953; Bilanz des Zweiten Weltkrieges. Hamburg, 1953; L. M. Chassin. Histoire militaire de la seconde guerre mondiale. Paris, 1947; H. Dahms. Der Zweite Weltkrieg in Bildern und Dokumenten. Tübingen, 1960; Der Zweite Weltkrieg in Bildern und Dokumenten.

Статьи о советском партизанском движении появляются и в журналах, например, в «Веркунде» и «Вервиссеншафтлихе рундшау»⁶ — органах западногерманской военной, французском журнале «Обозрение истории второй мировой войны». Позицию последнего из названных журналов характеризует гораздо более доброжелательное отношение к движению Сопротивления вообще и к советскому партизанскому движению в частности по сравнению с позицией большинства англо-американских и западногерманских журналов и сборников, помещающих статьи по этой теме. Весь июльский номер «Обозрения» за 1961 г. заполнен материалами Великой Отечественной войны советского народа; среди статей других советских авторов здесь опубликована статья украинского историка Л. Е. Кизи о войне на Украине, в значительной степени посвященная украинскому партизанскому движению.⁷

В работах буржуазных авторов основное внимание уделяется наиболее важным и острым вопросам истории партизанского движения в СССР, таким, как причины его возникновения, размах и эффективность партизанской войны, отношение населения к партизанам и оккупантам. Большое место в этих работах отводится также обоснованию тезиса о «незаконности» партизанской войны. Особый интерес буржуазные исследователи проявляют к попыткам фашистского командования создать антисоветские формирования из советских военнопленных и жителей оккупированных районов для борьбы с партизанами. Настоящая статья

Bd. 1—3. München, 1963; J. Fuller. The Second world war. London, 1948; Geschichte des Zweiten Weltkrieges, Bd. 1. Bonn, 1956; W. Görlich. Der Zweite Weltkrieg, Bd. 1—2. Stuttgart, 1951—1952; H. Guderian. Erinnerungen eines Soldaten. Heidelberg, 1951; A. Guillaume. Pourquoi l'Armée Rouge a vaincu. Paris, 1947; H. Jacobsen. 1939—1945. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Documenten. Darmstadt, 1961; E. Maustein. Verlorene Siege. Bonn, 1955; E. Middeldorf. Taktik in Russlandfeldzug. Dortmund, 1956; J. Porré. Les Mutations de la guerre moderne. Paris, 1962; H. Teske. Die silbernen Spiegel. Heidelberg, 1952; The Soviet Army, ed. by Liddell Hart. London, 1957; K. Tippelskirch. Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Bonn, 1954; Weltkrieg. 1939—1945. Stuttgart, 1957; A. Werth. Russia at war. London, 1964.

⁶ H. Gottberg. Das Wesen des Sowjetischen Partisanenkampfes. Wehrkunde, 1958, № 12, SS. 689—694; H. Schemmel. Einsatzgrundsätze für den Kampf gegen Partisanen. Wehrkunde, 1959, № 8, SS. 421—425; J. Schreiber. Partisanen, Widerstandskämpfer, Saboteure. Wehrkunde, 1961, № 10, SS. 538—541. H. Teske. Über die deutsche Kampfführung gegen russische Partisanen. Там же, 1964, ноябрь, стр. 662—675.

⁷ A. Scherer. Occupation de l'URSS. Rev. hist. deuxième guerre mondiale, 1959, oct., № 36, pp. 121—124; M. Adler-Bresse. Témoignages allemands sur la guerre des partisans. Rev. hist. deuxième guerre mondiale, 1964, Janv., № 53, pp. 51—60.

⁸ L. Kizia. La guerre en Ukraine. Rev. hist. deuxième guerre mondiale, 1961, juil., № 43, pp. 21—33.

имеет своей целью критическое рассмотрение приемов и методов изучения советского партизанского движения в буржуазной историографии.

Из простого перечня работ западных авторов о партизанском движении советских людей в годы Великой Отечественной войны следует, что этот вопрос привлекает их пристальное внимание на протяжении более полутора десятков лет. Столь устойчивый интерес буржуазных историков и военных к партизанскому движению в значительной мере объясняется практическими целями: изучение методов и форм борьбы советских партизан в 1941—1944 гг. может пригодиться для подавления национально-освободительных движений в колониях или полуколониях, а также в случае возможной войны с СССР. «Если мы не подготовим себя в психологическом и организационном отношении к борьбе против партизан, мы можем в будущем совершить те же ошибки, за которые так дорого заплатили немцы», — пишут в своей книге Ч. Диксон и О. Гейльбрунн,⁸ а С. Хантингтон в предисловии к книге «Современные партизанские действия» заявляет, что в будущем Соединенные Штаты могут оказаться вынужденными действовать в таких районах, где они не смогут более применить превосходящую военную силу, и необходимо подготовиться к партизанской войне, хотя это и плохая перспектива.⁹

Руководствуясь сугубо практическими целями, Ч. Диксон и О. Гейльбрунн значительную часть своей книги отводят рассмотрению действий немецко-фашистских войск против партизан и помещают в конце ее немецкое наставление по борьбе с ними. Х. Ренч в своей книге посвящает несколько глав теории и тактике борьбы с партизанами; немало места уделяет этому же вопросу и В. Ределис, а в новейшей и самой обстоятельной работе о советских партизанах под редакцией Дж. Армстронга мы находим детальные описания операций немецко-фашистских войск против партизан, рассматриваемые как образец для подражания.

При изучении работ западногерманских авторов, многие из которых сражались в рядах фашистского вермахта и имели возможность близко познакомиться с активностью партизан, бросается в глаза стремление не только обобщить и осмыслить опыт войны, но и реабилитировать гитлеровские вооруженные силы, отменить справедливые обвинения в чудовищных зверствах, совершенных гитлеровскими войсками на нашей земле. Первым и основным средством, к которому прибегают буржуазные историки, является утверждение, что партизанская война «незаконна»,

⁸ Ч. Диксон, О. Гейльбрунн. Коммунистические партизанские действия. М., 1957, стр. 152.

⁹ Modern guerilla warfare, p. XXII.

что она противоречит международным обычаям ведения войны. При этом они не стесняются сослаться на положения Гаагской конвенции 1907 г., хотя именно в ней закреплено право народов на сопротивление агрессору. Извращая истинное положение вещей, буржуазные исследователи заявляют, что партизаны не соблюдали законы и обычаи войны, а потому они становились людьми «вне закона», против которых позволено все. Так, генерал-полковник бывшего гитлеровского вермахта Лотар Рендулич утверждает, что «борьба партизан противоречила нормам международного права».¹⁰ Юрген Шрайбер, автор статьи в журнале «Веркунде», посвященной правовому положению партизан, приходит к выводу, что, поскольку партизаны не соблюдали правил ведения войны, их нельзя было считать ее законными участниками.¹¹ Такого же взгляда придерживается О. Гейльбрунн: с точки зрения правовых норм все партизаны второй мировой войны не подлежали защите международных конвенций, и оккупационные власти имели право делать с ними все, что угодно.¹²

Соображения буржуазных историков о «незаконности» партизанского движения, о его противоречии международным конвенциям необходимы для оправдания чудовищных репрессий, применявшихся гитлеровскими оккупационными войсками против мирного населения захваченных территорий, подозреваемого нацистами в помощи или просто в сочувствии партизанам.

Именно потому, что гитлеровские войска оказались не в состоянии справиться с народным сопротивлением в оккупированных странах, фашистская пропаганда в период второй мировой войны настаивала на незаконности партизанского способа ведения военных действий. Между тем партизанская война не является чем-то совершенно новым, необычным в истории, ее многократно применяли в освободительных и революционных войнах различные народы, в том числе весьма успешно — и сами немцы в эпоху наполеоновских войн, когда регулярная армия Пруссии была разгромлена и территория ее оказалась оккупированной французскими войсками.

Весьма характерно, что гитлеровские военные руководители не считали методы партизанской войны «незаконными» в том случае, когда они сами применяли их. Широко известны многочисленные акты саботажа, диверсий, заброса диверсионных групп, попытки создания «пятой колонии» в тылу противника, к которым прибегали немецко-фашистские войска перед вторжением в различные страны Европы. Хорошо известно также, что перед нападением на Советский Союз германским командованием были

¹⁰ Лотар Рендулич. Партизанская война. В кн.: Итоги второй мировой войны. М., 1957, стр. 137.

¹¹ J. Schreiber. Partisanen, Widerstandskämpfer, Saboteure, S. 539.

¹² O. Heilbrunn. Partisan warfare. London, 1962, p. 143.

созданы специальные группы для диверсий в тылу Красной Армии и даже был организован специальный полк «Бранденбург-800», состоявший из немцев, хорошо владевших русским языком и использовавших красноармейскую форму и гражданскую одежду. Задачей этого полка являлся захват и удержание до подхода немецких войск наиболее важных объектов — мостов, тоннелей, оборонных предприятий.

Не отказывались от методов партизанской войны гитлеровцы и в дальнейшем ходе войны на территории СССР. Так, в 1942 г. около 200 фашистских диверсантов было заброшено в тыл наших войск с целью провести диверсии на железнодорожном участке Бологое—Старая Русса, Бологое—Торопец. В 1942 г. на Северном Кавказе группа диверсантов из полка «Бранденбург-800» в форме красноармейцев сумела взорвать мост у Минеральных вод, а другая — захватила мост у Пятигорска.¹³ Фашистским руководителям не удалось сколько-нибудь успешно развить партизанские действия в тылу Красной Армии, для этого им не хватало самого главного: не на кого было опереться при проведении подобных операций, так как успешная партизанская война возможна лишь при поддержке местного населения.

Объявив партизанскую войну незаконной, а партизан и поддерживавшее их население — подлежащими суровым репрессиям, западногерманские исследователи партизанской войны идут дальше, обвиняя партизан в том, что они были виновниками тех жестокостей, которыми полна история партизанской войны во всей Европе. По мнению авторов «Истории второй мировой войны», выпущенной издательством «Плоэц» в Бонне в 1956 г., жестокость немецких войск была лишь ответом на партизанские действия.¹⁴ Вальтер Гёрлиц перекладывает ответственность с большой головы на здоровую, когда в своей книге безапелляционно заявляет, что тот, «кто в оккупированной области развязывает партизанскую войну, морально ответственен не только за террор партизан, но также и за вызванные им ответные карательные меры оккупационной власти».¹⁵ Валдис Ределис, офицер фашистских карательных войск, длительное время участвовавший в операциях против белорусских партизан и, очевидно, достаточно хорошо знающий, что творили на белорусской земле носители «нового порядка», обвиняет руководителей советского партизанского движения в том, что они ответственны «за весь этот ужас и за всю пролитую в борьбе кровь».¹⁶ Не ограничиваясь этим, фашистский каратель осмеливается называть массовые расстрелы и казни десятков и сотен тысяч женщин, детей, стариков, сожжение сел и деревень в окку-

¹³ Г. Д. Комков. Советские органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны. Всп. истории, 1965, № 5, стр. 31.

¹⁴ Geschichte des Zweiten Weltkrieges, Bd. 1, S. 48.

¹⁵ W. Görlich. Der Zweite Weltkrieg, Bd. 2, S. 60.

¹⁶ W. Redelis. Partisanenkrieg, S. 8.

пированных районах «жестокими, однако допустимыми между-народным правом контрмерами».¹⁷

Подобных примеров бессовестного извращения истины в книгах западногерманских историков и военных можно привести очень много. Однако иногда авторы их пытаются отмежеваться от обвинения в зверствах и бесчинствах, заявляя, что они были делом рук СД и СС, а гитлеровские солдаты и офицеры вермахта не только не участвовали в карательных мероприятиях, но даже пытались бороться с ними. Немецкий историк Дамс пишет, что «немецкий вермахт мало имел общего со всем этим. Приказ Гитлера о комиссарах был игнорирован, поведение эйнзатцгрупп, когда наблюдали их действия, часто вызывало недовольство».¹⁸ По словам руководителя многочисленных карательных экспедиций против белорусских партизан Готтберга, немецкий солдат сражался согласно традиционным правилам войны и его «чувствительной душе» якобы были противны методы партизанской войны.¹⁹

В попытках извратить истину западногерманские исследователи нередко получают поддержку со стороны своих английских и американских коллег. Известный английский военный историк Фуллер пишет, что «партизаны, а не регулярные войска сделали войну в России, Югославии и повсюду столь жестокой».²⁰ По мнению И. Каменецкого, партизаны сознательно провоцировали немцев на зверства.²¹ Белорусский буржуазный националист Н. Вакар утверждает, что многие уголовники, моральные отбросы общества шли в полицию, организованную немецкими оккупационными властями, по заданию большевиков, чтобы своими зверствами по отношению к населению создать антинемецкое настроение у жителей оккупированных территорий.²²

Очевидная лживость позиции, с которой западногерманские историки и бывшие офицеры гитлеровской армии пытаются оправдать преступления, совершенные фашистскими войсками на территории оккупированных районов СССР, заставляют иногда английских и американских историков осуждать действия захватчиков. По мнению Г. Рейтлинджера, не только СС и СД виновны в зверствах, «именно вермахт и никто иной виновны в избиении военнопленных».²³ Александр Верт в новой книге «Россия в войне» пишет: «Зверства, совершенные как против пленных партизан, так и против подозреваемых в сочувствии партизанам крестьян

и их семей, должны занимать место среди наихудших зверств, совершенных немцами и их марионетками, а это кое-что да значит».²⁴

Однако такие признания очень редки, и гораздо более типичным для американских и английских историков является следующее высказывание в написанной совместно А. Даллиным, Р. Маврогордато и В. Моллем главе книги «Советские партизаны во второй мировой войне»: «Характерные случаи зверств, совершенные которых приписывается немцам, часто использовались как повод для партизанской пропаганды. Такие случаи, если они даже имели фактическое основание, несомненно, изображались в преувеличенном виде, в то время как другие были явно вымышлены».²⁵

Характерно, что даже такие смягченные и завуалированные упреки английских и американских авторов вызывают недовольство у западногерманских защитников гитлеровских методов ведения войны. В рецензии на книгу Ч. Диксона и О. Гейльбрунна, помещенной в журнале «Ост-Европа», подчеркивается, что авторы, несмотря на честные усилия быть объективными, судят о поведении немцев по образу мыслей Нюрнбергского процесса.²⁶ В журнале военицины ФРГ «Вервиссеншафтliche Rundschau» Александра Даллина порицают за то, что он в книге «Немецкое правление в России» осмелился выразить порицание фашистским войскам за их методы борьбы с партизанами, и заявляют, что «нарушение обычаев ведения войны было свойственно только незаконно сражавшимся бандитам и их помощникам».²⁷

Позиция современных защитников фашизма в этом вопросе целиком совпадает с позицией бригаденфюрера СС, начальника штаба Гимmlера Эрнста Роде на Нюрнбергском процессе: «Жестокость, с которой проводилась русскими партизанами война, имела своим результатом применение Гитлером драконовских мер».²⁸ Однако попытка представить вопрос в извращенном виде, поставить его с ног на голову не может достигнуть успеха.

При изложении вопроса о закономерности партизанской войны западные правоведы любят ссылаться на положение 43-й статьи Гаагской конвенции 1907 г., согласно которой командующий армией в оккупированной стране должен восстановить и обеспечить общественный порядок и безопасность,²⁹ и на то, что партизаны не хотели признавать оккупационной власти. Но какой «порядок» несли народам нашей страны, как и народам других оккупированных стран Европы, фашистские завоеватели, о какой

¹⁷ Там же, стр. 87.

¹⁸ H. Dahms. Der Zweite Weltkrieg, S. 350.

¹⁹ H. Gottberg. Das Wesen... S. 690.

²⁰ J. Fuller. The Second world war, p. 122.

²¹ I. Kamenetsky. Hitler's occupation of Ukraine, p. 68.

²² N. Vakar. Belorussia, p. 180.

²³ G. Reitlinger. The house built on sand, p. 94.

²⁴ A. Werth. Russia at war, p. 722.

²⁵ Soviet partisans... p. 279.

²⁶ Ost-Europa, 1959, Bd. IX, № 9, S. 582.

²⁷ Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1961, H. 6, S. 361.

²⁸ Нюрнбергский процесс, т. VI. М., 1960, стр. 274.

²⁹ Законы и обычаи войны. Важнейшие международные конвенции. М., 1942, стр. 14.

«безопасности» для жителей захваченных гитлеровцами территорий может идти речь? Заранее запланированное, систематическое и безжалостное ограбление оккупированных стран, истребление десятков миллионов людей, целых народов — вот тот «порядок» и та «безопасность», которую принесли в нашу страну захватчики.

Гитлеровские войска вели войну, направленную против самого существования «неарийских» наций, причем в ходе этой войны они не соблюдали никаких правил, что неопровержимо доказано на Нюрнбергском процессе. Достаточно поставить вопрос так, чтобы с полным основанием ответить: законным правом советских людей являлось право на сопротивление, право, которым советские люди, и не только они, воспользовались, благодаря чему партизанская война оказалась действенным и грозным средством в борьбе с захватчиками. Поэтому вполне прав французский исследователь Марсель Адлер-Бресс, когда он пишет о западногерманских военных специалистах: «Если национально-освободительная борьба народа против гитлеровской оккупации изображается этими военными специалистами как „незаконная“ и если партизаны квалифицируются как „бандиты“, стоящие „вне закона“, а партизанская армия именуется соединением „бандитских армий“, то тогда, логически, войну, задуманную и развязанную Гитлером, его политику грабежа и захватов следует рассматривать как „справедливую“ и „законную“. Следовательно, война и гитлеровская оккупация оказываются, до некоторой степени, санкционированными, оправданными».³⁰

Порочность методологического подхода буржуазных историков ясно обнаруживается при исследовании одного из наиболее важных вопросов партизанского движения — причин его возникновения. Правильное его разрешение крайне необходимо для понимания сущности всего партизанского движения, и именно в этом вопросе буржуазные историки стремятся всячески извратить истину.

Основной посылкой, используемой ими при изложении хода событий первых месяцев войны, является утверждение о якобы «доброжелательном» отношении советского населения к фашистским войскам. Это клеветническое утверждение встречается как в работе Н. Вакара, так и в книгах И. Каменецкого, Д. Карова. В. Роделис пишет, что немецкие войска «повсюду встречали как освободителей и осыпали настоящим дождем цветов».³¹ По мнению Н. Вакара, среди белорусского народа не было людей, которые считали бы нужным бороться с захватчиками. Все население он подразделяет на четыре группы: 1) меньшинство, настроенное опронемецки, 2) преступники и авантюристы, которые служили

кому угодно за деньги, 3) инертная масса, 4) немощные, считавшие, что нужно использовать немцев против большевиков.³²

Весь этот чудовищный «анализ» Н. Вакара делается только на основании собственных домыслов. Ни одного источника, хоть в малейшей степени подтверждающего его клевету на белорусский народ, у Н. Вакара нет и быть не может. Непредубежденному человеку хорошо известно, что белорусский народ встретил немецко-фашистские войска партизанской войной и что именно в Белоруссии она приняла наибольший размах.

В книге Д. Карова имеется специальная обширная таблица, долженствующая охарактеризовать отношение жителей различных районов нашей страны, оккупированных немцами, к Советской власти.³³ «Достоверность» приведенных в ней цифр Д. Каров пытается доказать ссылкой на труды советских авторов, которые он будто бы использовал при ее составлении. Однако проверка свидетельствует, что почерпнуть «точные» цифры оттуда он не мог. В самом деле, можно ли по материалам книги М. Н. Никитина «Партизанская война в Ленинградской области», изданной в 1943 г. (единственный источник по Ленинградской области, приводимый Д. Каровым), сделать вывод, что в сельской местности Ленинградской области противников Советской власти было 62%, безразличных 24% и противников немцев лишь 14%? Точно так же из книг А. Фадеева, Б. Игнатова, Г. Липькова, И. Козлова и других невозможно почерпнуть приводимые Д. Каровым фальсификаторские цифры об отношении жителей других оккупированных районов к Советской власти.

Американским авторам свойственна некоторая осторожность в оценке настроения жителей оккупированных фашистами районов. Так, А. Даллин, заявляя: «Можно с уверенностью сказать, что отношение населения варьировало от „настороженного выжидания“ (watchful waiting) до обладающего дружелюбия по отношению к новым властям», — тут же замечает, что он не может на этом останавливаться и никаких доказательств в поддержку своей точки зрения не приводит.³⁴ Точно так же Дж. Армстронг в книге «Советские партизаны во второй мировой войне» после безапелляционного заявления об убежденности большей части населения оккупированных властей в слабости советской системы и невозможности ее восстановления пишет, что «нет необходимости останавливаться здесь на определении степени, с какой население приветствовало этот ход событий; несомненно, что большинство готово было молча согласиться с ним».³⁵ Резко противореча самому себе, Дж. Армстронг тут же отмечает, что население помогало

³² N. V a k a r. Belorussia, p. 185.

³³ Д. К а р о в. Партизанское движение в СССР; стр. 12.

³⁴ A. D a l l i n. German rule in Russia, p. 65.

³⁵ Soviet partisans. . . , p. 22.

³⁰ M. A d l e r - B r e s s e. Témoignages allemands. . . , p. 59.

³¹ W. R o d e l i s. Partisanenkrieg, S. 19.

партизанам и что они никогда не жаловались на недостаток помощников для разведки намерений противника.³⁶

Авторы подобных утверждений не в состоянии привести для их подтверждения каких-либо доказательств, в то время как сама мысль заимствована ими из весьма «авторитетного» и «достоверного» источника — из дневников министра пропаганды гитлеровского рейха Геббельса. Последний 25 апреля 1942 г. записал в дневнике: «Вначале население Украины было вполне склонно смотреть на фюрера как на спасителя Европы и сердечно приветствовал немецкую армию».³⁷ Еще одним «убедительным» доказательством справедливости своего утверждения западные исследователи партизанского движения в СССР считают высказывание фашистского генерала Гудериана в книге «Воспоминания солдата». Эти два «доказательства» якобы «доброжелательного» отношения советских людей к захватчикам кочуют из одной книги в другую, и их можно найти как в книге «Советские партизаны во второй мировой войне», так и в сборнике «Современные партизанские действия» или в работах А. Даллина, Дж. Армстронга, И. Каменецкого, Н. Вакара, Ж. Перре.

Уже тот факт, что для доказательства такого важного тезиса буржуазным историкам приходится прибегать к помощи столь мутного источника как дневник Геббельса, говорит сам за себя, причем делают они это без малейшего сомнения в достоверности измышленного Геббельсом тезиса. Между тем фашистская пропаганда и гораздо позже не стеснялась сообщать, что население оккупированных районов относится к фашистской администрации лояльно, а к партизанам враждебно. Именно это, например, утверждается в «Известиях о войне с бандами» (так гитлеровцы называли партизанскую войну) от 6 июня и 10 сентября 1943 г.,³⁸ т. е. в тот период, когда партизанское движение достигло огромного размера, охватив всю территорию, оккупированную немецко-фашистскими войсками.

Упорство, с которым буржуазные авторы отстаивают тезис о «доброжелательности» советского населения по отношению к немецко-фашистским захватчикам, имеет определенный смысл: они хотят доказать, что советские люди не желали защищать свою Родину в 1941 г. и, очевидно, не будут защищать ее в случае новой войны. Именно на это рассчитывали фашистские руководители, когда, подготавливая нападение на Советский Союз, утверждали, что будет достаточно нескольких недель, чтобы Советское государство перестало существовать. Однако события показали, как жестоко они просчитались.

³⁶ Там же.

³⁷ Цит. по кн.: Ч. Диксон, О. Гейльбрунн. Коммунистические партизанские действия, стр. 37.

³⁸ Nachrichten über Bandenkrieg, № 2, § VI 1943, S. 2; № 4, 10 IX 1943, S. 3.

Оклеветав советский народ, приписав ему отсутствие патриотизма, зарубежные историки вынуждены были, чтобы быть последовательными, отрицать существование партизанского движения в первые месяцы войны или утверждать, что оно было крайне незначительным. Таково мнение ряда авторов работ.³⁹ Советские историки доказали вздорность подобных утверждений. Конечно, в первые месяцы войны, внезапно обрушившейся на нашу страну, партизанское движение не смогло достигнуть сразу того размаха, который характерен для него впоследствии. Не последнюю роль в этом сыграло то обстоятельство, что в конце 30-х годов не проводилась работа по подготовке кадров и технических средств для ведения партизанской войны. В те годы полагали, что в случае империалистической агрессии против СССР врагу не удастся осуществить вторжение в пределы нашей страны и Красная Армия будет вести войну на территории противника.

Ход войны, развязанной гитлеровской Германией, оказался иным: в 1941—1942 гг. агрессорам удалось захватить значительную часть территории СССР. Создалась тяжелая обстановка, но советские патриоты во главе с коммунистами и комсомольцами с первых же дней начали борьбу с захватчиками.

На территории оккупированных районов Ленинградской области партизанское движение началось в июле—августе 1941 г., а к сентябрю 1941 г. здесь уже сражалось около 400 партизанских отрядов и групп,⁴⁰ в городах и поселках области начали действовать подпольные райкомы партии, руководившие партизанскими отрядами и группами подпольщиков. Несмотря на тяжелые потери, понесенные партизанами и подпольщиками Ленинградской области в первые месяцы войны, движение все время расширялось, и в октябре—ноябре 1941 г. партизаны сумели очистить от оккупантов свыше 300 селений; восстановив органы Советской власти в ряде районов области. Немецко-фашистские войска, начиная с октября 1941 г., были вынуждены предпринимать против партизан крупные карательные экспедиции.⁴¹

В Белоруссии, территория которой к концу августа 1941 г. была полностью оккупирована фашистскими войсками, первые партизанские отряды Т. П. Бумажкова и М. Н. Шмырева начали борьбу уже в июле 1941 г. Тогда же приступил к работе Минский областной подпольный комитет, действовавший в южных районах Минской области.⁴² К началу августа на территории оккупиро-

³⁹ Modern guerilla warfare, p. 10; Soviet partisans... p. 22. I. Kamonetsky. Hitler's occupation... p. 67; A. Dallin. German rule in Russia, p. 209; J. Ferré. Les Mutations de la guerre moderne, p. 252.

⁴⁰ П. Р. Шенердалкин. Народ взялся за оружие. В кн.: Советские партизаны. М., 1963, стр. 27.

⁴¹ Там же, стр. 46—47.

⁴² История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. II. М., 1961, стр. 120, 124.

важных районов Белорусской ССР сражалось с врагом 230 партизанских отрядов и групп. Белорусские партизаны уже в 1941 г. смогли создать на территории Минской и Полесской областей партизанскую зону, восстановив органы Советской власти.⁴³

Украинский народ, вопреки выдумке Геббельса и его нынешних почитателей, встретил захватчиков партизанской войной. Большую роль в организации сопротивления фашистам играли коммунисты Украины. Из 33 тысяч человек, оставленных партийными организациями Украины для борьбы в тылу врага, более 60% составляли коммунисты и комсомольцы.⁴⁴ С самого начала оккупации советские патриоты на Украине организуют саботаж административно-хозяйственных мероприятий фашистов. По всей республике возникали партизанские отряды; лишь в четырех областях Украины — Киевской, Полтавской, Сумской и Черниговской, за сентябрь—октябрь 1941 г. возникло 115 партизанских отрядов, в которых насчитывалось более 3000 человек.⁴⁵

В конце лета и осенью 1941 г. партизаны начали действовать в других областях РСФСР, подвергшихся оккупации немецко-фашистских войск, в Карелии, Молдавии, на юге Украины, в Крыму. Все эти факты, содержащиеся в работах советских исследователей по истории партизанского движения, должны быть хорошо известны буржуазным историкам. Некоторые западногерманские авторы прямо отмечают, что партизанское движение началось уже летом и осенью 1941 г. Так, в «Истории второй мировой войны», изданной в Бонне в 1956 г., говорится о партизанах в России, начавших действия осенью 1941 г. и достигших успехов к зиме.⁴⁶ Транспортный кризис, имевший место на коммуникациях 17-й фашистской армии во время боев за Полтаву, по свидетельству немецкого офицера Германа Теске, ответственного за работу транспорта, имел причиной налеты партизан.⁴⁷

Автор двухтомного труда по истории второй мировой войны Вальтер Гёрлиц пишет о начале партизанского движения в России: «Уже осенью 1941 г. начались нападения на колонны с подкреплениями, на транспорты с большими и ранеными, на полевые госпитали, на продовольственные команды, начались взрывы на железных дорогах, попытки заминировать пути сообщения, прервать линии связи. . . В Ленинградской области временами партизанская деятельность была такой оживленной, что главно-

⁴³ И. С. Кравченко, А. И. Залесский. Белорусский народ в годы Великой Отечественной войны. Минск, 1959, стр. 44—45.

⁴⁴ П. Тронько. Бессмертие юных. М., 1958, стр. 30—31.

⁴⁵ Л. Н. Бычков. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны. М., 1965, стр. 69.

⁴⁶ Geschichte des Zweiten Weltkrieges, Bd. I, S. 36.

⁴⁷ H. Teske. Die Silbernen Spiegel, S. 123.

командующий группой фельдмаршал Лееб был вынужден прекратить свои поездки на фронт».⁴⁸

Наконец, против утверждения об отсутствии партизанского движения в первые месяцы Великой Отечественной войны свидетельствует не кто иной, как генерал фашистской армии Г. Гудернан: «Уже в 1941 г. появились новые трудности, которые поставили командование перед совершенно неизвестными до этого времени проблемами. Растянутый тыловой районом с малопроходимыми лесами и болотами облегчил русским создание и широкое использование банд, или так называемых партизан. . . Действия этих банд, заключающиеся в нападениях на отдельных солдат и в совершении диверсий (взрывы мостов, полотна железных дорог и других важных объектов в нашем тылу), становились все более неприятными и требовали принятия решительных мер».⁴⁹ Но и принятые фашистским командованием «решительные меры» не могли остановить развития партизанской войны в тылу гитлеровских армий летом и осенью 1941 г., и немецкие захватчики, которые при планировании нападения на Советский Союз никак не рассчитывали встретиться с народной войной в тылу собственных армий, вскоре стали кричать о «незаконности» партизанской войны.

«Не заметить» действий советских партизан летом и осенью 1941 г. могут лишь ослепленные антисоветским настроением предатели родины типа Д. Карова, Н. Вакара, И. Каменецкого и их англо-американские коллеги по изучению советского партизанского движения. Впрочем, последние при переходе от ничем не доказанных общих заверений о «доброжелательности» советских людей по отношению к захватчикам и об отсутствии партизанского движения летом и осенью 1941 г. к конкретному рассмотрению развития партизанской войны в различных районах СССР вынуждены исподволь менять свою точку зрения.

Наиболее убедительный пример такой противоречивости можно найти в книге «Советские партизаны во второй мировой войне», написанной группой американских авторов (А. Даллин, Е. Девитт, Р. Маврогордато, В. Молль и другие под редакцией Дж. Армстронга).⁵⁰ Как выше уже упоминалось, Дж. Армстронг, автор первой главы, утверждает, что вначале большинство советского населения якобы было склонно сотрудничать с фашистскими оккупантами и что партизан не было. К этой мысли он неоднократно возвращается, ничем не доказывая ее. Однако его соавторы, описывая развитие партизанских операций в различных областях СССР, вступают с ним в явное противоречие. Так,

⁴⁸ W. Görlitz. Der Zweite Weltkrieg, Bd. 2, SS. 107—108.

⁴⁹ Г. Гудернан. Опыт войны с Россией. В кн.: Итоги второй мировой войны, стр. 125.

⁵⁰ Эта книга подверглась критике А. А. Курносова, Е. С. Лагутина в журнале «История СССР», 1965, № 4, стр. 173—188.

Г. Вейнберг в главе, посвященной партизанской зоне в районе Ельня—Дорогобуж, на основании немецких документов констатирует, что партизанское движение существовало вокруг Смоленска еще до 2 октября 1941 г., усиливаясь в течение ноября.⁵¹

В. Молль, автор главы о брянских партизанах, сообщает, что первые немецкие сведения о партизанской активности в этом районе появляются уже в октябре и ноябре 1941 г., т. е. сразу же после захвата фашистами территории Брянской области; на протяжении октября 1941 г. в районе Клетни партизаны атаковали 14 немецких грузовиков и машин.⁵² Р. Маврогордато в разделе книги, посвященном белорусским партизанам, цитирует немецкий документ, в котором сообщается, что немецкая пехотная дивизия, предназначенная для прочесывания Полоцко-Витебско-Невельского района, встретила с «партизанскими районами» уже 20 июля 1941 г.; дороги минировались ежедневно; в районе действия 403-й охранной дивизии в августе 1941 г. насчитывалось несколько тысяч партизан.⁵³

Соавторы Дж. Армстронга многократно используют немецкие документы, свидетельствующие о том, что уже в первые месяцы Великой Отечественной войны оккупационные войска столкнулись с многочисленными партизанскими отрядами и были вынуждены разрабатывать контрпартизанские мероприятия. Среди немецких документов можно отметить такие, как «Опыт построения задач выступления и борьбы с партизанскими отрядами», датированный 15 января 1942 г., или «Доклад об опыте борьбы с партизанами в период с 1 августа по 31 октября 1941 г.», составленный во 2-й танковой армии гитлеровского вермахта.⁵⁴

Несмотря на очень «тщательную» обработку немецких источников, американским авторам не удалось устранить из них свидетельства о том, что сразу же вслед за оккупацией какой-нибудь части советской территории захватчики встречались с партизанами, являвшимися, может быть, и не столь грозным противником, как в 1942—1944 гг., но во всяком случае заставлявшими уделять себе достаточно внимания. К такому же выводу на основании немецких документов приходит и Э. Хауэял, который пишет, что уже на третий день войны командование группы немецких армий «Центр» сообщало о том, что красноармейцы и партизаны атаковали пути снабжения, приходя в столкновения с частями охранных дивизий. По немецким же документам между 22 июня и 16 сентября 1941 г. было отмечено 250 нарушений железнодорожных путей и 447 взрывов мостов.⁵⁵

⁵¹ Soviet partisans. . . pp. 403, 410.

⁵² Там же, стр. 461, 500.

⁵³ Там же, стр. 528, 530.

⁵⁴ Там же, стр. 145, 500—501.

⁵⁵ E. M. Howell. The Soviet partisan movement, pp. 43, 50.

Версию об отсутствии партизанского движения в оккупированных областях Советского Союза в первые месяцы Великой Отечественной войны буржуазные историки поддерживают для того, чтобы по мере возможности более логично объяснить возникновение и развитие партизанской войны на территории СССР. Ход их мыслей следующий: советское население было настроено по отношению к оккупантам «доброжелательно», партизанских действий в тылу немецко-фашистских войск не было, возникновение же и развитие партизанской войны большинством буржуазных авторов объясняется жестокой политикой фашистских заправил по отношению к населению и советским военнопленным, «ошибками» немецкой администрации при проведении оккупационных мероприятий; партизанское движение объявляется созданным самими же немцами. Так, например, Н. Вакар пишет, что честь создания партизанского движения следует приписать самим немцам, а В. Якобе в книге «Современное партизанское движение» заявляет: «Партизанское движение не было широко распространенным и не получало активной поддержки, откуда деятельность немецких оккупантов не пришла на помощь осажденным коммунистам в Кремле».⁵⁶

Подобные утверждения можно найти и во многих других работах зарубежных авторов.⁵⁷ Они распространяются на все лады об «ошибках» немецкой администрации; подчеркивая, что только «ошибочная» политика Гитлера и его ближайшего окружения по отношению к советским людям сделала партизанскую войну возможной и успешной. А. Даллин жалеет, что немецко-фашистские оккупанты в первые месяцы войны не сделали попытки завоевать симпатии населения и пишет о населении Украины, что оно «вполне могло бы действовать сообща с новыми властями».⁵⁸ Представляется, однако, маловероятным, чтобы А. Даллин, считающийся на Западе «знатоком советской действительности», всерьез думал, что можно было, «правильно» руководя советским народом, заставить его участвовать в собственном поражении и истреблении. В действительности советские люди разгадали цели и намерения гитлеровских захватчиков и оказали им достойный прием.

Сознание того, что причины партизанской войны на советской земле нельзя сводить к «ошибкам» и террору, установленному гитлеровской администрацией, возникло даже и у такого антисоветски настроенного автора, как Дж. Рейтлинджер, который в книге «Дом, построенный на песке» подвергает критике мнение многих авторов о том, что веди себя оккупанты «хорошо» —

⁵⁶ N. Vakar. Belorussia, p. 192; Modern guerilla warfare, p. 61.

⁵⁷ См., например: A. Dallin. German rule in Russia, p. 74; I. Каменотский. Hitler's occupation. . . p. 52; Д. Каров. Партизанское движение в СССР, стр. 27; Soviet partisans. . . p. 321.

⁵⁸ A. Dallin. German rule in Russia, pp. 65, 168.

не было бы партизан. «Предполагать, что партизанской войны можно было бы избежать, — пишет он, — нереалистично. Призыв Сталина к патриотической войне был даже не нужен, и в действительности он значил очень мало. . . Если бы даже германская оккупация была моментом либерального поведения, партизанская война все равно существовала бы».⁵⁹ Правда, Дж. Рейтлинджер причину партизанской войны видит в состоянии анархии, в котором оказались оккупированные территории, однако его высказывание находится в резком противоречии с мнением большинства исследователей советского партизанского движения, постоянно подчеркивающих «ошибочность» поведения гитлеровцев по отношению к советскому населению.

Между тем режим, установленный оккупантами во временно захваченных ими областях Советского Союза, — отнюдь не результат «ошибок» и «просмотров» гитлеровских руководителей, эта была далеко рассчитанная и безжалостная политика, являвшаяся закономерным проявлением человеконенавистнической сущности фашизма. Задолго до начала второй мировой войны Адольф Гитлер в книге «Майн кампф» требовал для немцев завоевания новых земель, в первую очередь тех, которые входили в состав СССР. При подготовке нападения на Советский Союз с целью его уничтожения, при составлении так называемого плана «Барбаросса» гитлеровское правительство предусмотрело детальные мероприятия, предназначенные для расчленения СССР, экономического ограбления, порабощения и систематического уничтожения советских людей.

За три месяца до начала войны, в середине марта 1941 г., верховное главнокомандование вооруженных сил Германии издало директиву об установлении оккупационного режима на территории Советского Союза. Согласно директиве предусматривалась ликвидация Советского государства, вся власть на оккупированной территории передавалась командованию немецкой армии, а рейхсфюрер СС Гиммлер получал задание «для подготовки политического управления», вытекающее «из идеи борьбы двух диаметрально противоположных политических систем».⁶⁰ На основании этого плана Гиммлер устанавливал жесточайший террор на захваченных территориях. В изданной 2 июня 1941 г. инструкции уполномоченного по продовольствию и сельскому хозяйству статс-секретаря Бакке гитлеровским чиновникам давалось указание «проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия» без «ложного сочувствия» к советским людям; режим нацистов объявлялся «вечным».⁶¹

Гитлеровский министр по делам оккупированных восточных областей Альфред Розенберг в речи 20 июня 1941 г., произнесенной им перед избранным кругом фашистских главарей, подробно развил проект разделения территории Советского Союза и грабежа его богатств; захваченные плодородные земли предназначались для снабжения фашистской Германии. Розенберг и не думал скрывать, что фашисты намеревались полностью ликвидировать всякую государственную независимость советского народа.⁶² Так как большинство населения Советского Союза гитлеровцы считали «излишним» для своих целей, то ими заранее, еще до войны, были разработаны планы уничтожения и «немечивания» советских людей; основной из них — генеральный план «Ост», согласно которому около 31 млн жителей Польши и западных областей СССР следовало выселить с занимаемых ими территорий. «Восточное министерство» А. Розенберга позднее нашло эту цифру недостаточной и предложило увеличить ее до 46—51 млн человек.⁶³

Гитлеровское командование заранее издало ряд директив, предоставлявших оккупационным властям полную свободу в деле уничтожения населения оккупированных территорий. Еще 12 мая 1941 г. была подготовлена директива, согласно которой захваченные в плен комиссары и другие политические военные работники Красной Армии подлежали немедленному расстрелу.⁶⁴ На следующий же день, 13 мая 1941 г., за подписью фельдмаршала Кейтеля появилась директива, предусматривавшая «массовые насильственные меры» по отношению к мирному советскому населению и снимавшая с фашистских солдат всякую ответственность «даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или проступок».⁶⁵

К ограблению захваченных территорий и истреблению мирного населения гитлеровцы приступили немедленно после начала военных действий. Уже в первые дни после занятия какого-нибудь района или города начиналось массовое истребление советских людей. Встретившись с неожиданным сопротивлением, захватчики смогли только еще более усилить репрессии. Один за другим появлялись новые чудовищные приказы и директивы. Здесь можно упомянуть высказывание Гитлера от 16 июля 1941 г., когда в беседе с руководителями фашистского рейха он заявил, что партизанская война предоставляет некоторые преимущества фашистам, так как она дает «возможность истреблять все, что восстает против нас».⁶⁶ Гитлеровские военачальники спешили воплотить в жизнь

⁵⁹ Там же, стр. 41—45.

⁶⁰ Там же, стр. 67—71.

⁶¹ Нюрнбергский процесс, т. III. М., 1958, стр. 94.

⁶² Преступные цели — преступные средства, стр. 27—29.

⁶³ Там же, стр. 50.

⁵⁹ G. Reitlinger. The house built on sand, pp. 23, 229.

⁶⁰ Преступные цели — преступные средства. М., 1963, стр. 19—20.

⁶¹ Там же, стр. 30—35.

указание своего фюрера. Примерами могут быть печально известный приказ Кейтеля от 16 сентября 1941 г., где он заявляет, что «человеческая жизнь в соответствующих странах в большинстве случаев не имеет никакой цены»,⁶⁷ а также «образцовый» приказ командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала фон Рейхенау от 10 октября 1941 г., которым немецким солдатам предлагалось относиться безжалостно к советским людям.⁶⁸

Приведенные факты (а их можно умножить) неопровержимо свидетельствуют о том, что ни о каких «ошибках» со стороны гитлеровских руководителей не могло быть и речи. Террористический режим, установленный ими в оккупированных районах Советского Союза, являлся прямым следствием фашистской идеологии и входил в программу использования захваченных на востоке земель для немецкой колонизации. Вот почему партизанская война, начавшаяся сразу после прихода оккупантов, вскоре приняла широкий народный характер. Вне всякого сомнения, зверства гитлеровцев вызвали ответную оборонительную реакцию народных масс, но основным и решающим фактом для понимания причин возникновения массового движения сопротивления фашистским захватчикам безусловно следует считать советский патриотизм русских, украинцев, белорусов и людей других национальностей нашей страны, сознание ими необходимости взяться за оружие, чтобы защитить свою Родину.

Большое место в работах буржуазных исследователей советского партизанского движения уделяется попыткам фашистского командования применить в борьбе против партизан созданные им антисоветские формирования из военнопленных и жителей оккупированных районов.

Определив отношение советских людей к оккупантам как «доброжелательное», буржуазные историки видят одну из самых крупных ошибок Гитлера в том, что он якобы упустил возможность создания антисоветской армии и при этом указывают на образование так называемой «Русской освободительной армии» — «РОА» — во главе с предателем Родины генералом Власовым. Немецким оккупационным властям удалось с помощью террора, шантажа и провокации организовать некоторое число антисоветских формирований.⁶⁹ Буржуазные авторы, очень скупые на цифры, когда речь идет о количестве участников партизанского движения, чрезвычайно щедрны при подсчете общего числа участников антисоветских формирований и определяют его сотнями

⁶⁷ Там же, стр. 82.

⁶⁸ Там же, стр. 66.

⁶⁹ Советский историк Л. Н. Бычков безусловно прав, когда он пишет о некоторых причинах, позволивших гитлеровцам создать эти формирования. См.: Л. Н. Бычков. Партизанское движение... стр. 30—31.

тысяч и даже миллионами!⁷⁰ Однако и они не могут скрыть того факта, что моральное состояние участников формирований делало их непригодными для борьбы против партизан. Если гитлеровцам и удавалось иногда путем обмана или угрозы мучительной голодной смерти завербовать некоторую часть советских военнопленных в состав антисоветских формирований, то при первой же представившейся возможности они в значительной части переходили на сторону советских партизан, не желая сражаться за ненавистное им дело.

Во многих работах советских историков и книгах участников партизанской войны приводится большое число примеров того, как партизаны вели пропагандистскую работу по разложению антисоветских формирований. Многие участники этих формирований сочувственно воспринимали обращенные к ним призывы и с оружием в руках переходили на сторону партизан.

Так, когда летом 1943 г. на границах партизанского края в Калининской области появились части «РОА», которым немцы доверяли охрану коммуникаций, партизаны сумели установить связь с некоторыми участниками этих формирований, и уже в августе 1943 г. группа в 46 человек перешла к партизанам, предварительно взорвав несколько складов и автомашины и уничтожив немецких командиров. Всего же к калининским партизанам в 1943—1944 гг. перешло до 2 тысяч полицейских и солдат «РОА».⁷¹

То же самое происходило в Орловской области, где некоторые военные части «РОА» обращали данное им оружие против захватчиков. Так, группа бывших участников «РОА» и полицейских, вступив в ряды дятьковских партизан, лишь за период с 23 июня по 9 сентября 1943 г. пустила под откос три вражеских железнодорожных состава, в то время как другая такая же группа взорвала несколько штабелей со снарядами. Общее число бывших полицейских и солдат «РОА», перешедших на сторону орловских партизан и сражавшихся против немцев, составило около 4 тысяч человек.⁷² По свидетельству командира 5-й бригады ленинградских партизан К. Д. Карицкого, солдаты «РОА» «бежали целыми подразделениями к нам и несли оружие».⁷³

Подобных примеров можно привести значительно больше, хорошо известны они и буржуазным исследователям. В. Гёрлиц, сетуя на «ошибочную» политику Гитлера по отношению к населению оккупированных вермахтом территорий, с сожалением

⁷⁰ I. Kamenetsky. Hitler's occupation... p. 60; Д. Каров. Партизанское движение в СССР, стр. 90; Soviet partisans... p. 146.

⁷¹ Советские партизаны, стр. 105—106.

⁷² Там же, стр. 221.

⁷³ С. Н. Семанов. Воспоминания партизан Ленинградской обл. Военно-истор. журн., 1965, № 1, стр. 120.

пишет о дезертирстве и мятежах, распространившихся среди насильно зачисленных в антисоветские формирования военнопленных, и не находит для этого факта никакого объяснения, кроме фразы о пресловутой «загадочности русской души».⁷¹

Дж. Рейтлинджер свидетельствует, что охранный батальон, составленный немецко-фашистским командованием из русских военнопленных и хорошо снабженный оружием, 17 августа 1943 г. захватил важную железнодорожную станцию и передал ее партизанам; в сентябре 1943 г. было несколько таких случаев.⁷² Даже авторы антисоветской книги «Советские партизаны во второй мировой войне» вынуждены констатировать, что гитлеровским властям пришлось в октябре 1943 г. перевести «восточные батальоны» на запад.⁷³ Впрочем, и в оккупированных гитлеровцами странах Западной Европы антисоветские формирования оказались крайне ненадежными: многие их участники при первой возможности переходили на сторону борцов Сопротивления в Европе. Так поступили, например, солдаты легиона, составленного из армян-военнопленных. Известны случаи, когда эти «батальоны» сдавались без сопротивления войскам союзников или поднимали восстания против гитлеровцев, подобно грузинскому батальону, размещенному в качестве гарнизона на острове Тессел у берегов Голландии.

Будучи вынужденными признать ненадежность антисоветских формирований, созданных гитлеровцами, буржуазные историки концентрируют свое внимание на «успехах» деятельности таких воинских частей, как бригада Каминского, составленная из уголовников и классово-враждебных советскому строю элементов, или специальное соединение «Граукопф», возглавлявшееся белогвардейским полковником Сахаровым и состоявшее из белогвардейцев-эмигрантов.⁷⁴ Бригада Каминского пользуется особым уважением у буржуазных авторов, сведения о ней можно найти во многих работах,⁷⁵ ее «деятельность», выражавшаяся в чудовищных зверствах по отношению к мирному населению и безудержном грабеже, провозглашается исследователями партизанской войны образцовым примером борьбы против партизан.

⁷¹ W. Cörlitz. Der Zweite Weltkrieg, S. 113.

⁷² G. Reitlinger. The house built on sand, p. 344.

⁷³ Soviet partisans... p. 238.

⁷⁴ Характерно, что Г. Вейнберг, один из авторов книги «Советские партизаны во второй мировой войне», не колеблется называть результат применения соединения «Граукопф» против дорогобужских партизан в мае 1942 г. «успехом», хотя сам же пишет, что из 350 человек, составлявших этот отряд, после встречи с партизанами осталось только 100 и поставленную фашистским командованием задачу — захват генерала Белова и его штаба — соединение выполнить не смогло (см.: там же, стр. 441—443).

⁷⁵ W. A. H. Hiller's. Hitler's Defeat in Russia, p. 175; H. D. A. H. M. S. Der Zweite Weltkrieg, S. 358; Modern guerilla warfare, pp. 104—105; Soviet partisans... p. 329.

Это делается несмотря на то, что даже немецкие власти были вынуждены в конце концов расстрелять Каминского и расформировать его бригаду.⁷⁶ Уже сам тот факт, что для подтверждения своего тезиса о возможности создания антисоветской армии буржуазным историкам приходится ссылаться на кровавые подвиги бригады Каминского и ей подобных, говорит не в их пользу.

Организацию массовой антисоветской армии из жителей оккупированных областей и военнопленных следует отнести к категории несбывшихся мечтаний немецкого командования. Понимание этого редко встречается среди буржуазных авторов. Как исключение можно упомянуть А. Шерера, который в статье, посвященной книге А. Даллина, пишет, что в СССР не образовалось никакого пронацистского правительства, хотя некоторые районы более трех лет были оккупированы немцами. Сравнивая такое положение с Францией, он пишет, что «это тем более удивительно, если вспомнить, с какой легкостью и быстротой во Франции родился режим Виши. Впрочем, отсутствие в СССР „коллорационистского движения“ — факт, основной по своим последствиям».⁸⁰ Гитлеровским захватчикам просто не на кого было опереться в своих попытках сколотить антисоветские формирования. Подавляющее большинство населения оккупированных фашистскими войсками областей СССР оказалось невосприимчивым к фашистской пропаганде, оно от души ненавидело как оккупантов, так и завербованных ими предателей Родины. Повсеместно население развертывало партизанскую борьбу для того, чтобы помочь Красной Армии и отстоять великие завоевания социализма.

Гитлер и его окружение при подготовке нападения на СССР рассчитывали на непрочность государственного единства Советского Союза, на возникновение противоречий и борьбы между народами нашей страны в случае войны. Желая использовать в своих целях буржуазных эмигрантов-националистов, фашистские руководители в предвоенное время оказывали им существенную поддержку, а после оккупации части советской территории позволили развернуть там оживленную деятельность. Натравливая украинцев на русских, белорусов на поляков и т. д., фашистские оккупанты рассчитывали значительно облегчить себе задачу беспрепятственной эксплуатации оккупированной территории. Однако усилия оккупантов не дали ожидаемых результатов, их расчет на распад многонационального Советского государства не оправдался. К тому же в их намерения не входило предоставлять буржуазным националистам полную свободу действий:

⁷⁶ Весьма красочно описывает гитлеровский офицер Г. Теске свою поездку в бригаду Каминского. Перед окнами здания, занимаемого Каминским, висели четыре казенных человека, в том числе начальник его штаба; повешены они были, по словам Каминского, за то, что он перестал им доверять (см.: H. Teske. Die Silbernen Spiegel, S. 181).

⁸⁰ A. Scherer. Occupation de l'URSS, p. 121.

слуги всегда должны знать свое место. В послевоенное время отношение фашистских руководителей к буржуазным националистам во многих работах по истории войны объявляется одной из «ошибок», за которую западные авторы усиленно порицают Гитлера и его оккупационную политику.

Деятельности националистических групп в оккупированных фашистскими войсками областях и их борьбе с советскими партизанами отводят большое место в своих работах Р. Ильмицкий, И. Каменецкий, Н. Вакар, А. Даллин, Дж. Рейтлинджер и Дж. Армстронг. Однако если все они в целом согласны рассматривать попытки возрождения гитлеровцами националистических групп на Украине, в Белоруссии и других оккупированных территориях Советского Союза как вполне закономерную и естественную линию поведения и порицают Гитлера за «недооценку» буржуазных националистов, то в отношении оценки степени успеха националистов и претензий последних на роль представителей украинского, белорусского или других народов взгляды буржуазных националистов и англо-американских авторов несколько расходятся.

Для первых характерно безудержное хвастовство «успехами» националистических организаций и «размахом» их деятельности, принимающее характер мюнхаузенских рассказов. Так, в книге «Современные партизанские действия» мы находим утверждение, что украинским националистам 30 июня 1941 г. удалось захватить Львов, а влияние националистических групп распространялось на всю Украину вплоть до Донбасса и Крыма; счет украинских буржуазно-националистических формирований ведется на сотни тысяч человек.⁸¹ Гораздо более умеренны и осторожны в оценке размаха националистической деятельности англо-американские авторы. Вольно или невольно они разоблачают смехотворные заявления буржуазных националистов о якобы «независимой» их политике и собственных целях.

А. Даллин, Дж. Армстронг, Дж. Рейтлинджер приводят многочисленные свидетельства того, как до начала Великой Отечественной войны на немецкие деньги и под руководством немецких офицеров готовились кадры буржуазных националистов, уделяют большое внимание междуусобной грызне в стане националистов. Естественно, что перед лицом таких фактов англо-американские авторы предпочитают не говорить о «независимой» политике националистов, как это делают Н. Вакар, И. Каменецкий, Р. Ильмицкий, а Дж. Армстронг без обиняков заявляет: «Действительная судьба националистической деятельности на Украине тем не менее решалась в Берлине».⁸² Он же весьма красочно описывает, как наемные слуги гитлеровских оккупантов — украинские

буржуазные националисты — продвигались вслед за немецко-фашистскими войсками, так сказать, в их обозе, по Украине, пытались распространить свое влияние и обосноваться в Киеве, Харькове и других захваченных городах УССР.⁸³ Но на советской земле буржуазные националисты не нашли подходящих возможностей для развертывания пропаганды, и это вынуждены признать англо-американские авторы. Дж. Армстронг не без сожаления пишет, что белорусы и украинцы «проявляли очень мало признаков сепаратистского национального самосознания»,⁸⁴ а А. Даллин отмечает, что в Белоруссии сепаратизм нашел лишь «слабый отклик», что на Северном Кавказе немецкие оккупанты не обнаружили «никаких свидетельств тесной между русскими и украинцами» и что нигде не было заметно антирусских настроений среди неславянских народностей.⁸⁵ К такому же выводу вынужден прийти по сути дела и Н. Вакар, когда он пишет о неудачной попытке немецких оккупантов организовать в 1944 г. из белорусского населения «самооборону» для борьбы с партизанами. По словам Н. Вакара, большое число мобилизованных белорусов перебежало к партизанам и нет возможности судить, участвовал ли вообще кто-нибудь в военных действиях против партизан.⁸⁶

Советские люди оказались невосприимчивыми к ядовитой пропаганде национализма, пытавшегося пустить корни на территории национальных республик СССР во время оккупации их немецко-фашистскими войсками. Лучшим доказательством этого является участие людей различных национальностей в партизанской войне, давшей пример братской дружбы народов СССР. Из 25 856 орловских партизан русских было 17 493, украинцев — 3999, белорусов — 2570 и людей других национальностей — 1794.⁸⁷ Среди партизан пяти украинских партизанских соединений (Я. И. Мельника, М. И. Наумова, С. А. Ковпака, А. З. Обуха и Сиворонова) сражались люди 19 национальностей, включая украинцев (46% от общего числа), русских (37%), белорусов (6.2%).⁸⁸ Нерушимая дружба народов нашей страны была одним из могучих источников силы и мощи партизанской войны.

Большинство буржуазных авторов, будучи едиными в определении причин, вызвавших партизанскую войну на оккупированных территориях СССР, которыми они считают «ошибки»

⁸¹ Там же, стр. 101—129.

⁸² Soviet partisans... p. 42.

⁸³ A. Dallin. German rule in Russia, p. 215; Soviet partisans... p. 582.

⁸⁴ N. Vaкар. Belorussia, p. 203.

⁸⁵ Н. В. Тронкин. Коммунисты Орловщины в партизанском движении. В кн.: Советские партизаны, стр. 223.

⁸⁶ М. В. Попрощий. Співдружність народів СССР у партизанській боротьбі в роки Великої Вітчизняної війни. Українськ. історич. журн., 1962, № 3, стр. 82.

⁸¹ Modern guerilla warfare, pp. 114—116.

⁸² J. Armstrong. Ukrainian nationalism, p. 104.

гитлеровских оккупационных властей, сходятся также и в том, что советское партизанское движение не было массовым народным движением. Эта тенденция обнаруживается как при определении общего числа бойцов партизанского движения, так и при описании характера партизанских действий, морали бойцов, состава партизанских отрядов, отношения населения к партизанам.

Поскольку население относилось к фашистским захватчикам «доброжелательно», как утверждают буржуазные авторы, численность партизанских отрядов и общее количество бойцов по их мнению не могли быть большими. У разных авторов эти цифры определяются по-разному, но неизменно отвергаются данные советских историков партизанского движения как чересчур завышенные и недостоверные.⁸⁸ Так поступает В. Гёрлиц.⁸⁹ Л. Шапиро считает, что партизан было не более 200 тысяч человек и не упускает возможности сказать по поводу этой с потолка взятой цифры, что общее число партизан «было маленьким по сравнению со всем населением оккупированных территорий».⁹¹ Дж. Армстронг склонен соглашаться с немецкими источниками, значительно преуменьшающими общее число партизан.⁹² Для преуменьшения размаха партизанского движения некоторые авторы заявляют, как, например, Д. Каров,⁹³ что оно могло бы быть еще большим, если бы не политика коммунистов. Одновременно встречаются авторы, которые утверждают, что советское движение Сопротивления не имело характера вооруженного народного восстания потому, что, дескать, «народная масса не принимала в нем участия».⁹⁴

На самом же деле партизанская война на оккупированных гитлеровцами территориях областей и республик СССР носила глубоко народный характер. В работах советских историков имеется огромное количество свидетельств массового участия советских людей в освободительной войне против немецко-фашистских войск в Ленинградской, Калининской, Смоленской, Орловской и других областях РСФСР, подвергшихся вторжению гитлеровских полчищ, а также в Белоруссии и на Украине.

⁸⁸ Следует отметить, что среди советских авторов не существует единого мнения о количестве бойцов партизанских отрядов. Ю. П. Петров считает, что общее число партизан, с оружием в руках боровшихся с врагом, составило 700 тысяч (см.: *Вопр. истории*, 1958, № 5, стр. 42). В новейших работах (История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. VI, М., 1965, книга Л. Н. Бычкова «Партизанское движение...») нет общего количества партизан, однако приводятся данные по различным республикам и областям СССР, в сумме значительно превосходящие вышеназванную цифру.

⁸⁹ W. G ö r l i t z. *Der Zweite Weltkrieg*, S. 109.

⁹⁰ L. S c h a p i r o. *The Communist Party of the Soviet Union*. N. Y., 1960, p. 499.

⁹¹ *Soviet partisans...*, pp. 36—37.

⁹² Д. Каров. *Партизанское движение в СССР*, стр. 109.

⁹³ E. M. N o w e l l. *The Soviet partisan movement*, p. 42.

Только на территории РСФСР партизан, с оружием в руках боровшихся против врага, по неполным данным, насчитывалось 260 тысяч, 220 тысяч — на территории Украины и около 374 тысяч — в Белорусской ССР.⁹⁵ Кроме того, сотни тысяч советских людей участвовали в борьбе подпольщиков в городах и поселках, активно саботировали мероприятия фашистских оккупационных властей. Буржуазные исследователи, подчеркивающие якобы «недостаточно массовый» характер партизанского движения в СССР, либо не представляют, либо сознательно искажают ту обстановку фашистского террора, в которой зарождалось советское партизанское движение, когда любому советскому гражданину и его семье грозила мучительная смерть не только за враждебное действие по отношению к немецким офицерам, солдатам и оккупационным чиновникам, но просто за одно слово, пришедшее не по вкусу носителям «нового порядка». В этих условиях каждый человек, бравшийся за оружие, совершал поступок высокого героизма, жертвовал зачастую своей семьей. И таких людей советское партизанское движение знало не десятки, не сотни, не тысячи; многие сотни тысяч бойцов, мужчины и женщины, стариков и подростков, которые участвовали в прямых военных действиях, переносили необыкновенно тяжелые условия партизанской войны, в то время как сотни тысяч других советских людей вели крайне опасную подпольную борьбу в городах, поселках и деревнях.

Народный, массовый характер партизанской войны в СССР примечателен еще и тем, что в большинстве оккупированных немецко-фашистскими войсками областей значительное количество молодых, активных, наиболее подходящих для партизанской войны мужчин и женщин либо ушло в Красную Армию, либо эвакуировалось вместе с заводами, фабриками и другими предприятиями. Зачастую в городах и селах оставались главным образом женщины, старики и дети. Это не могло не сократить резервы партизанского движения. То, что и при подобных условиях партизанские действия достигли огромного размаха, свидетельствует о полной поддержке советскими людьми героических борцов против захватчиков — советских партизан.

Действия партизан охватили огромную территорию; они воевывали у захватчиков целые районы с сотнями сел и деревень, а иногда и с городами. На территории Ленинградской, Псковской, Калининской, Смоленской, Орловской и других областей РСФСР, на Украине и в Белоруссии возникали обширные партизанские края и зоны. В Ленинградской области в разное время существовало несколько партизанских краев, первый из которых возник осенью 1941 г. на территории пяти районов и простирался

⁹⁵ История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. VI, стр. 255—256.

в длину на 120 и в ширину на 90 км.⁹⁶ Позднее возникли и другие партизанские зоны. К концу 1943 г. партизанская борьба в Ленинградской области приняла характер всенародного вооруженного восстания.

К середине 1942 г. мощные партизанские края возникли в Брянских лесах, где от оккупантов было освобождено около 500 населенных пунктов. В жестоких боях против фашистских захватчиков партизанские соединения сумели отстоять эту территорию до прихода советских войск.⁹⁷ Особенно большую территорию занимали партизанские края и зоны в Белорусской ССР, они существовали здесь дольше, чем в других республиках. Достаточно сказать, что более половины территорий Белоруссии к концу 1943 г. контролировалось партизанами.⁹⁸ Размах партизанской войны в Белоруссии вынуждены признать и англо-американские авторы. А. Даллин, характеризуя положение в Белоруссии в сентябре 1943 г., пишет: «Минск становится осажденной крепостью в партизанской стране; только главные артерии коммуникаций с Германией оставались свободными; поставки сельскохозяйственной продукции сократились; атаки и покушения усилились».⁹⁹ Такую же картину рисует Дж. Рейтлинджер: «Действительная территория, которую немцы контролировали, в любой момент была столь мала и степень знакомства с ней гражданских чиновников столь незначительна, что настоящую историю страны при немецкой оккупации следует искать в аналах партизанской войны».¹⁰⁰

Территория партизанских краев и зон на протяжении 1942—1943 гг. все время увеличивалась, становясь оплотом борьбы советских людей в тылу врага. К лету 1943 г. под контролем партизан находилась площадь более 200 тысяч км², равная территории Англии, Дании и Бельгии вместе взятых.¹⁰¹

Свидетельством массовости советского партизанского движения является и участие в нем людей всех социальных слоев нашего народа. Необходимость организации отпора гитлеровским захватчикам в равной мере была ясна как рабочим и крестьянам, так и советской интеллигенции. Согласно анкетам Центрального штаба партизанского движения, рабочих в составе партизанских отрядов на 15 января 1944 г. было около 30,1%, колхозников 40,5%, служащих 29,4%.¹⁰² Руководимые коммунистами и ком-

⁹⁶ А. И. Залесский. В партизанских краях и зонах. М., 1962, стр. 65.

⁹⁷ Там же, стр. 68.

⁹⁸ История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. VI, стр. 253.

⁹⁹ A. Dallin. German rule in Russia, pp. 221.

¹⁰⁰ G. Reitlinger. The house built on sand, p. 155.

¹⁰¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. VI, стр. 254.

¹⁰² Там же, стр. 256.

сомольцами, советские люди на оккупированной гитлеровцами территории нашей страны вели поистине героическую борьбу.

Особое внимание западные историки уделяют взаимоотношению партизан с населением, поддержке, получаемой ими у советских людей. По мнению многих из них, поддержка объяснялась террором партизан по отношению к населению. Это клеветническое объяснение, заимствованное у фашистской пропаганды времен войны, в некоторых работах принимает характер целой теории. В. Андерс, например, пишет, что партизаны сначала не трогали немцев, а главным их занятием было терроризирование населения; затем партизаны стали красть и убивать немецких солдат и чиновников, чтобы вызвать ответные репрессии оккупационных властей.¹⁰³ По мнению авторов книги «Советские партизаны во второй мировой войне», взаимоотношения партизан с населением можно определить как «насильственный брак без надежд на развод, кроме как путем самоубийства», а партизанское движение было «образцом недобровольного движения Сопротивления».¹⁰⁴ Естественно, что, руководствуясь подобными характеристиками советского партизанского движения, буржуазные авторы не устают беспрестанно заявлять о насильственной мобилизации в партизанские отряды, о том, что большинство членов партизанских отрядов было мобилизовано и не бежало из партизанских отрядов только из страха перед командирами.¹⁰⁵

Желание изобразить героических борцов советского партизанского движения как жертв террора коммунистов, поставить под сомнение искренность побуждений советских людей, обосновывается у буржуазных авторов весьма сомнительными источниками. Все, что они в состоянии привести в доказательство насильственного характера участия народных масс в партизанском движении, — заявления немецких чиновников, пытавшихся как-то объяснить стремительный рост партизанского движения и не находивших ничего более умного, чем обвинять партизан в терроре. Выдумка фашистских пропагандистов, однако, не имеет ничего общего с настоящим положением вещей. Сила и неодолимость партизанского движения прежде всего заключалась в его народном происхождении, в активной поддержке партизан народом. Вряд ли есть необходимость доказывать, что насильственно мобилизованные в партизанские отряды люди не могли быть пригодны к партизанской борьбе, они скорее ослабляли бы отряд. На самом же деле партизаны никогда не имели недостатка в добровольцах, желавших принять участие в вооруженной борьбе с захватчиками, и командирам часто приходилось отказывать им в этом из-за нехватки оружия, а поступавшие в отряды люди проходили строгий отбор.

¹⁰³ W. Anders. Hitler's defeat in Russia, pp. 212—213.

¹⁰⁴ Soviet partisans... pp. 329, 337.

¹⁰⁵ Там же, стр. 152, 167.

Чрезвычайно показательный пример партизанского соединения «Тринадцати» под командованием С. В. Гришнина, которое за период с марта по август 1942 г. выросло с 30 до 663 человек,¹⁰⁶ причем принимали в отряд далеко не всякого; в первую очередь попадал тот, кто уже как-то проявил себя в борьбе с захватчиками. Даже в немецких документах отмечалось, что приток людей в соединение С. В. Гришнина был огромен и отряд его рос так стремительно, что не хватало оружия и много раз группы в 200—300 человек передавались партизанами в Красную Армию.¹⁰⁷ Третья бригада ленинградских партизан под командованием А. В. Германа насчитывала к лету 1943 г. более 2000 бойцов; численность партизан могла быть удвоена и утроена, но не было оружия.¹⁰⁸ В советской исторической и мемуарной литературе о партизанской войне имеется огромное количество подобных свидетельств о неисчерпаемых резервах партизан, однако они игнорируются буржуазными исследователями.

Не веря советским источникам, отвергая их под предлогом недостоверности, буржуазные исследователи советского партизанского движения полностью доверяют цифрам и фактам, заимствованным из гитлеровских документов. Без тени сомнения в современных работах цитируются немецкие данные о результатах карательных экспедиций против партизан, во время которых гитлеровские палачи расстреливали тысячи ни в чем не повинных советских граждан, зачисляя их затем в своих донесениях в графу «убитые партизаны» и похваляясь уничтожением десятков тысяч партизан. Так, в книге «Советские партизаны во второй мировой войне» утверждается, что во время карательной экспедиции «Ганивер» против смоленских партизан в мае—июне 1942 г. было убито и взято в плен свыше 10 тысяч, во время карательной операции «Цыганский барон» против брянских партизан в мае—июне 1943 г. — свыше 4 тысяч, а во время операции «Котбус» против партизан Белоруссии — свыше 10 000 партизан.¹⁰⁹ И эти цифры потерь партизан американские историки считают возможным приводить в качестве достоверных, хотя даже гитлеровский генерал-комиссар Белоруссии Кубе выражал сомнение в их правильности и писал о результатах операции «Котбус»: «Если при количестве 4500 убитых врагов на поле боя было подобрано только 492 винтовки, то из самого этого несоответствия совершенно очевидно, что среди этих убитых было множество местных крестьян». Далее Кубе прямо признает, что в числе 5000 человек, расстрелянных за

¹⁰⁶ С. Ф. Рудич. Непокоренная Смоленская земля. В кн.: Советские партизаны, стр. 158—159.

¹⁰⁷ Nachrichten über Bandenkrieg, № 7, SS. 2—3.

¹⁰⁸ П. Р. Швердакин. Народ встал за оружие, стр. 62—63.

¹⁰⁹ Soviet partisans..., стр. 445, 509, 538.

принадлежность к партизанам, было очень много женщин и детей.¹¹⁰

Одним из основных вопросов, привлекавших особо пристальное внимание со стороны буржуазных авторов, является вопрос об эффективности советского партизанского движения. Нужно сказать, что полного единогласия в этом вопросе у них нет. Одна группа авторов, в основном западногерманских, склонна признавать с бесконечными оговорками большой размах и эффективность партизанского движения. К этой группе относятся и Н. Ваккар, Д. Каров, И. Каменецкий. Для другой группы, в основном английских и американских историков, характерно стремление преуменьшить степень значений массового участия советского населения в сопротивлении фашистским захватчикам, сузить размах партизанской войны, показать ее ограниченность, недостаточность, неэффективность. Наиболее ярко выражена эта тенденция в книге «Советские партизаны во второй мировой войне».

Склонность западногерманских авторов более высоко оценивать успехи, достигнутые партизанами в борьбе с захватчиками; следует объяснить тем, что многие из них имели непосредственную возможность познакомиться с советскими партизанами и впечатления, оставшиеся от этих встреч, не позволяют им относиться к бойцам советского партизанского движения столь пренебрежительно, как делают зачастую англо-американские исследователи. Г. Теске пишет, что «первое сражение, которое проиграл немецкий вермахт во второй мировой войне, было сражение против русских советских партизан зимой 1941—1942 гг. Последовали и дальнейшие поражения в этом виде борьбы».¹¹¹ Гитлеровский каратель Готтберг на основании собственного опыта утверждает, что «партизаны во многом способствовали поражению вермахта на Востоке во второй мировой войне».¹¹² Весьма недвусмысленно и высказывание генерал-полковника Л. Рендулича, который пишет, что партизанское движение «представляет собой нечто совершенно новое в военном искусстве. По тому колоссальному воздействию, которое оно оказало на фронтовые войска и на проблемы снабжения, работы тыла и управления в оккупированных районах, оно стало частью понятия тотальной войны. Партизанское движение, с годами постепенно усиливавшееся в России, в Польше, на Балканах а также во Франции и Италии, повлияло на характер всей второй мировой войны».¹¹³ Признания видных гитлеровских офицеров весьма показательны как свидетельства непосредственных очевидцев.

¹¹⁰ Нюрнбергский процесс, т. VI, стр. 149.

¹¹¹ Н. Teske. Über die deutsche Kampfführung gegen russische Partisanen, S. 662.

¹¹² Н. Gottberg. Das Wesen..., S. 689.

¹¹³ Итоги второй мировой войны, стр. 135.

Но американский историк Дж. Армстронг, рассматривая партизанскую войну как деловое предприятие, приходит к выводу, что вложения в партизанскую войну были больше, чем та прибыль, которую удалось получить. По его мнению, следует считать, «что с узкой точки зрения выигрыша в войне все партизанские достижения были сомнительными».¹¹⁴ После такого вывода, сделанного к тому же на 39-й странице книги, имеющей всего около 800 страниц, остается непонятным, почему Дж. Армстронг и его коллеги не жалели усилий в изучении советского партизанского движения, если его достижения столь ничтожны.¹¹⁵

На самом деле успехи советских партизан в борьбе против гитлеровских захватчиков настолько значительны, что вышеприведенные оценки приходится рассматривать как преднамеренное искажение истины. Советские партизаны сумели внести весьма существенный вклад в общее дело советского народа — разгром фашистской Германии. Во всех сферах своих действий, будь то прямое уничтожение людских и материальных ресурсов противника, отвлечение крупных воинских соединений с фронта, воздействие на коммуникации, срыв экономических планов оккупантов, партизаны достигли весьма крупных успехов.

На территории всех оккупированных областей и республик советские партизаны вели ожесточенные бои, истребляя сотни тысяч солдат и офицеров и уничтожая военную технику гитлеровского вермахта. Они оказывали большую помощь Красной Армии в борьбе с захватчиками тем, что отвлекали с фронта весьма значительные силы. Уже в 1941 г. для действий против партизан в тылу немецко-фашистских войск на Восточном фронте предназначалось девять охранных дивизий.¹¹⁶ Но и этих сил оказалось совершенно недостаточно, так как размах партизанских действий на оккупированной территории далеко превзошел все ожидания гитлеровского верховного командования. Против постоянно возраставших в числе партизанских отрядов приходилось бросать все новые и новые войска. По свидетельству иностранного источника, осенью 1942 г. против советских партизан сражалось 15 полевых дивизий, 10 охранных дивизий, 27 полицейских полков, 144 полицейских батальона (в это число не включаются антисоветские формирования).¹¹⁷ Для того чтобы осознать значение приведенных цифр, достаточно вспомнить, что все немецко-итальянские войска, сражавшиеся летом 1942 г. в Северной Африке, насчитывали 12 дивизий, т. е. были значи-

¹¹⁴ Soviet partisans. . . , p. 39.

¹¹⁵ Такой же точки зрения на эффективность действий партизан придерживается и Э. Хауэлл, см.: E. M. Howell. The Soviet partisan movements, pp. 204—205.

¹¹⁶ В. Мюллер-Гиллебрандт. Сухопутная армия Германии, 1933—1945, т. II. М., 1958, стр. 137.

¹¹⁷ The Soviet Army, p. 157.

тельно меньше тех сил, которые гитлеровское командование бросило уже в 1942 г. против советских партизан.

В 1943 г. гитлеровское верховное командование было вынуждено уделять советскому партизанскому движению еще больше внимания: партизанская война повсеместно принимала характер общенародного вооруженного восстания, и оккупационные войска не в состоянии были с ним справиться. Отто Гейльбрунн приводит весьма показательный пример: в Ленинградской области летом 1943 г., по определению самих немцев, действовало от 25 до 30 тысяч советских партизан, им противостояло более 30 тысяч войск группы армий «Норд», «и тем не менее этой пропорции было совершенно недостаточно потому, что это не мешало партизанам делать свое дело».¹¹⁸ По мнению этого же автора, подобное положение характерно в 1943 г. и для тылового района группы армий «Центр», где, по оценке немецкого командования, на 30 июня 1943 г. было 56 тысяч партизан, к сентябрю 1943 г. их число составило приблизительно 75 тысяч. Против этих 75 тысяч партизан гитлеровское командование было вынуждено бросить до 100 тысяч немецких и союзных им войск.¹¹⁹ Картина та же, что и на севере: партизаны связывали силы больше, чем имели сами. Всего же с лета 1942 г. партизаны оттягивали на себя в среднем около 10% всех сухопутных военных сил гитлеровской Германии, сражавшихся на советско-германском фронте.¹²⁰

Несмотря на столь значительное число немецко-фашистских войск, действовавших против партизан, оккупантам не удавалось сколь-нибудь существенно изменить положение, и советские партизанские отряды продолжали наносить удары по тылам гитлеровской армии. Особенно чувствительны для оккупантов были партизанские действия на коммуникациях в тылу гитлеровской армии: опыт партизанской войны показывал, что хорошо подготовленная и осуществленная диверсия на железной дороге давала эффект, больший, чем боевые действия партизан против военных соединений. Широко известны крупнейшие операции советских партизан, проведенные ими на железнодорожных путях — «Рельсовая война» в августе—сентябре 1943 г. и «Концерт» осенью 1943 г. В результате этих операций перевозки противника, по свидетельству самого фашистского командования, сократились на 35—40%.¹²¹ На охрану железнодорожных путей гитлеровцы бросали все больше сил, иногда охрану каждого 100-километрового участка железнодорожных путей несли два полка противника, как было в Ленинградской области летом

¹¹⁸ O. Heilbrunn. The Soviet secret services, p. 95.

¹¹⁹ O. Heilbrunn. Partisan warfare, p. 184.

¹²⁰ История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. VI, стр. 281.

¹²¹ Там же, стр. 262.

1943 г.¹²² Однако никакая охрана коммуникаций не могла воспрепятствовать партизанам.

Летом 1944 г. белорусские партизаны нанесли сокрушительный удар по коммуникациям врага; о результатах которого Г. Теске пишет: «В ночь перед общим наступлением русских на участке группы армий „Центр“ в конце июня 1944 г. мощный отвлекающий партизанский налет на все важные дороги на несколько дней лишил немецкие войска всякого управления».¹²³ По определению И. Г. Старикова, результаты воздействия советских партизан на коммуникации противника могут быть сравнены с эффективностью сбрасывания более 3 млн т авиационных бомб, что в пять раз превышает результаты бомбардировки авиацией англичан и американцев коммуникаций противника и почти десятикратно превышает эффективность воздействия немецкой авиации на железнодорожные пути в тылу советских войск.¹²⁴

Сопротивление советских людей гитлеровскому оккупационному режиму, партизанское движение во временно захваченных фашистами районах Советского Союза сыграло определяющую роль в срыве одной из главных задач гитлеровцев — экономического ограбления оккупированных территорий. Этот факт признают и зарубежные авторы. Д. Каров считает, что из плодородных областей Украины оккупанты оказались не в состоянии вывозить продовольствие в намечавшемся количестве.¹²⁵ Дж. Рейтлинджер пишет о том, что немцы не достигли своих целей в экономическом отношении и не смогли поставить с Украины много хлеба, руды, угля.¹²⁶ По мнению А. Даллина, немецкая оккупация в экономическом отношении оказалась полной неудачей.¹²⁷

Накопец, в качестве одного из эффектов партизанской войны следует назвать и то состояние страха, неуверенности, в котором постоянно находились немецко-фашистские солдаты, чиновники оккупационного аппарата и их помощники, — страха перед расправой, не покидавшего их ни днем, ни ночью. Советские партизаны, вне всякого сомнения, были в высшей степени эффективной силой, с полным основанием, по нашему мнению, к ним можно отнести слова французского историка М. Адлер-Бресс: «Партизанская война по количеству вовлеченных сил, по своему размаху, успехам, потерям, нанесенным врагу, по своему деморализующему воздействию на немецких солдат, достигла значения второго фронта».¹²⁸

Героическая борьба советских патриотов на оккупированной гитлеровцами территории явилась одной из самых ярких страниц в истории Великой Отечественной войны. Как бы ни пытались буржуазные историки исказить правду о советском партизанском движении, его возникновении, массовом характере и эффективности, они не в состоянии сделать этого.

Борьба советских партизан в тылу немецко-фашистских войск стала свидетельством глубокой веры советских людей в конечную победу их правого дела, свидетельством того, что героизму, мужеству и стойкости советских людей нет предела. Всенародная партизанская война, не имевшая себе подобных в истории освободительных войн по размаху и массовости, была убедительным доказательством того, что народные массы, воспитанные и руководимые Коммунистической партией Советского Союза, полностью сознавали освободительный характер Великой Отечественной войны и стремились, не щадя жизни, ускорить разгром гитлеровской Германии. Борьба советских патриотов в тылу врага стала одним из важнейших факторов, способствовавших победе.

¹²² Там же.

¹²³ Итоги второй мировой войны, стр. 407.

¹²⁴ Советские партизаны, стр. 734.

¹²⁵ Д. Каров. Партизанское движение в СССР, стр. 68—69.

¹²⁶ G. Reitlinger. The house built on sand, p. 194.

¹²⁷ A. Dallin. German rule in Russia, p. 678.

¹²⁸ M. Adler-Brosse. Témoignages allemands... p. 57.

А. Д. ЛЮБЛИНСКАЯ

О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ
НАРОДНЫХ МАСС И СОЦИАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ ЭПОХИ АБСОЛЮТИЗМА

С момента возникновения советская историческая наука поставила историю народных масс и социальных отношений в центр своего внимания, причем в масштабах не только отечественной, но и всемирной историографии. За истекшее полувековье накоплен огромный фонд исследовательских работ, посвященных социально-экономической структуре общества и особенно положению и борьбе угнетенных классов всех исторических эпох вплоть до наших дней. Закономерно и то большое место, которое занимает весь комплекс этих проблем в марксистской зарубежной литературе. За последнее время заметно усилился интерес к ним в среде историков разных направлений в капиталистических странах в связи с возросшей ролью народных масс в современную эпоху, с воздействием марксистской мысли, с углублением социально-экономической тематики вообще, с привлекающими все большее внимание проблемами социальной психологии. Среди объектов такого рода исследований выступают иногда и народные массы эпохи абсолютизма. Характерно, что посвященным им работам (или страницам в трудах с иной тематикой) нередко присуща открытая или скрытая полемика с марксистскими концепциями и оценками.

Медиевистам хорошо известна одна особенность источниковедческого порядка, ставящая особые и значительные трудности при изучении данных проблем. В средневековых источниках крайне редки случаи, когда народные массы непосредственно выступают в том или ином аспекте своего исторического бытия. Нормой является или отражение их положения через явления другой социальной окрашенности (например, жизнь и труд крестьян в документах барского поместья, фиксирующих форму и

характер эксплуатации), или рассказ об их действиях под пером хрониста — представителя другого класса или иной социальной группы.¹ И в том и в другом случае (точнее, в том и другом комплексе случаев) прямое воспроизведение исследователем данных источника может грозить существенным искажением исторической действительности и исторической перспективы. Таким образом, вопросы методологии теснейшим образом переплетаются с методикой источниковедческого анализа и характером привлекаемых источников.

Особенно большую роль играет этот момент при анализе народных движений, когда народ внезапно и самовольно вырывается на передний план, делом и словом заявляя о своих пуждах и требованиях. Не менее важна задача адекватного воспроизведения историком идеологии, чаяний и надежд народных масс. Но если по конкретной истории народных движений советская медиевистика располагает ценными исследованиями, то в изучении народной идеологии она делает первые шаги.² Между тем эти явления неразрывно между собой связаны: в прошлом они были разными формами выражения одной сущности, ныне они связываются методологическим единством исследований, обеспечивающим большую глубину и точность получаемых выводов.³

Из всех стран и периодов западноевропейского абсолютизма мы остановимся на Франции первой половины XVII в., которая по ряду причин привлекла особенное внимание зарубежной науки.

Главной причиной является чрезвычайно большое число восстаний именно в это время. В 1620—1640 гг. они вспыхивали почти ежегодно в разных городах и областях. Порой одновременно приходили в движение и деревни и города. В отдельных провинциях восстания приобретали характерные особенности, и в то же время им были присущи многие общие черты. Все они протекали в сложной социальной и политической обстановке, накладывавшей на них свой отпечаток.

Эти восстания достаточно хорошо освещены источниками, а некоторые из них были в XIX в. детально описаны в локальных

¹ Интересная постановка вопроса дана в ст.: Ц. Бобиньская. Проблемы в источниках. Методологический анализ. *Вопр. истории*, 1965, № 6; см. также: О. Л. Вайштейн. Западноевропейская средневековая историография. М.—Л., 1964.

² А. Я. Гуревич. Некоторые аспекты изучения социальной истории. *Вопр. истории*, 1964, № 10; Е. В. Гутнова. 1) Некоторые проблемы идеологии крестьянства эпохи средневековья. *Вопр. истории*, 1966, № 4; 2) Основные источники и историография по истории крестьянской идеологии в Англии XIII—XIV вв. В сб.: *Средние века*, вып. 29, М., 1966. Следует, однако, заметить, что изучение оретических учений уже дало много ценного материала для разработки проблемы народной идеологии.

³ В указанных статьях Е. В. Гутновой эта связь ярко выступает как в концепции автора, так и при анализе работ буржуазных медиевистов.

исследованиях. В настоящее время в научный оборот введены новые и очень ценные источники: начата систематическая публикация материалов из архива канцлера Серье,⁴ детально рисующих не только народные движения, но и многие стороны жизни французских провинций в 1630—1640 гг., т. е. обстановку, в которой происходили эти движения.⁵

В 1963 г. появился французский перевод книги Б. Ф. Поршнева «Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623—1648)»,⁶ первого сводного исследования по данной теме, вышедшего в Москве в 1948 г. Оно было известно зарубежным читателям по немецкому переводу,⁷ но французское издание значительно расширило их число и вызвало многие отклики, особенно в среде французских историков. Специалисты по истории Франции XVII в. откликнулись еще на немецкий перевод. Они ознакомили читателей с главными тезисами автора⁸ и высказали свои соображения. К их числу принадлежат Р. Мунье⁹ и Р. Мандру.¹⁰ Французский перевод уже вызвал значительное

⁴ Архив канцлера Пьера Серье (1588—1672) ныне хранится в Национальной библиотеке в Париже, в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и в Британском музее в Лондоне. Отдельные документы и сравнительно небольшие группы документов публиковались и ранее, но всегда по какой-либо одной теме.

⁵ *Lettres et mémoires adressés au chancelier Séguier (1633—1649)*, recueillis et publiés par Roland Mousnier, t. 1—2. Paris, 1964 (409 документов из парижской части архива, касающ хся почти всех французских провинций); *Внутренняя политика французского абсолютизма (1633—1649)*. Под ред. А. Д. Люблинской. М.—Л., 1966 (359 документов из ленинградской части архива, относящихся к Лангедоку, Провансу и Дофину, во введении дана общая характеристика архива; наличие в переводах книги Б. Ф. Поршнева имеющегося в русском издании приложения — 79 документов из ленинградской части архива Серье, позволило не включать эти документы в данную публикацию).

⁶ B. Porschnew. *Les soulèvements populaires en France de 1623 à 1648*. Paris, 1963 (École Pratique des Hautes Etudes, VI section, Oeuvres étrangères, IV). Перевод сделан под редакцией и с предисловием Робера Мандру. Автор снабдил перевод кратким предисловием, редактор добавил приложения — хронологическую таблицу восстаний и 24 карты.

⁷ B. F. Porschnew. *Die Volksaufstände in Frankreich vor der Fronde 1623—1648*. Leipzig, 1954. Перевод сделан под редакцией К. Людвиг с предисловием К. Лейна.

⁸ Основные выводы Б. Ф. Поршнева были изложены в статье Ж. Брюа в журнале «Pensée» (1950, №№ 29, 32); там же появился и перевод авторского предисловия к книге (1952, №№ 40, 41).

⁹ R. Mousnier. 1) *Recherches sur les soulèvements populaires en France avant la Fronde. Revue d'histoire moderne et contemporaine*, t. V, 1958, avril—juin; 2) *Les mouvements populaires en France au XVII siècle. Revue des travaux de l'Académie des sciences morales et politiques*, 1962, 2e semestre. Этот доклад Р. Мунье на заседании Академии моральных и политических наук вызвал оживленную дискуссию. Той же теме посвящен доклад Р. Мунье, сделанный 3 октября 1961 г. на франко-советском симпозиуме в Москве.

¹⁰ R. Mandrou. *Les soulèvements populaires et la société française du XVII siècle. Annales E. S. C.*, 1959, № 4.

число рецензий,¹¹ возможно, их будет еще больше. Появилось также несколько интересных статей, посвященных истории отдельных восстаний.¹² Вокруг исследования советского историка возникла и развивается обширная и плодотворная научная дискуссия.¹³ Книга Б. Ф. Поршнева возбудила интерес не только к углубленному исследованию истории народных движений в XVII в., но и к связанным с ними проблемам методологического порядка, что представляет особое значение для целей настоящей статьи. Поэтому именно этой стороне дискуссии мы уделим наибольшее внимание, а затем выскажем и свою точку зрения.

Основные вопросы, поднятые авторами вышеперечисленных статей и рецензий, касаются социальной структуры французского общества первой половины XVII в. и отношения к народным движениям со стороны привилегированных сословий и групп, а также программ восстаний и идеологии их участников. Рассмотрение их в совокупности приводит почти всех участников дискуссии к необходимости высказать свои соображения о характере и значении классовой борьбы во Франции изучаемого периода, причем эти соображения имеют по большей части и более широкий методологический интерес.

Проф. Р. Мунье¹⁴ считает очень характерным для Франции того периода участие в народных движениях иных социальных

¹¹ E. Pitz. *Vierteljahrsh. Sozial und Wirtschaftsgeschichte*, 1964, H. 3, SS. 407—409; W. Church, *Journ. modern hist.*, 1964, № 4, pp. 447—449; C. Vivanti, *Rivista storica italiana*, Napoli, 1964, fasc. 4, pp. 957—981; D. Ligon, *Rev. hist. écon. et soc.*, 1964, № 3, pp. 378—385; G. Lemarchand, *Pensée*, 1965, № 121, pp. 109—119; V. Tapié, *Annales E. S. C.*, 1965, № 6, pp. 1253—1254; H. B.-M., *Rev. synthèse*, 1965, № 40, p. 447; *Intern. rev. soc. hist.*, 1965, P. 3, p. 507; M. Prestwich, *English hist. rev.*, 1966, v. LXXXI, № 320. См. также послесловие Р. Мунье в его публикации документов из архива Серье.

¹² M. Degarne. *Etudes sur les soulèvements provinciaux en France avant la Fronde. La révolte du Rouergue en 1643. XVII siècle*, 1962, № 56; R. Pillorget. *Les «cascaveaux». L'insurrection aixoise de l'automne 1630*. Там же, 1964, № 64; J. Richard. *Autour du Lanturelu. Annales Bourgogne*, 1965, fasc. 2; M. Caillard. *La révolte des va-nu-pieds*. В кн.: *A travers la Normandie des XVII et XVIII siècles*. Caen, 1963. В этих статьях использован гораздо более обширный и разнообразный фонд источников, чем тот, которым располагал Б. Ф. Поршнев; поэтому многие его данные и выводы исправлены или дополнены. Очень интересна обширная программа исследований народных движений во Франции в 1483—1787 гг.; опубликованная Р. Мунье (*Rev. Nord*, 1962, t. XLIV).

¹³ Примером «ответного» исследования можно считать лекции Р. Мандру, прочитанные в 1960 г. в Пизанском университете и опубликованные (в несколько переработанном виде): R. Mandrou. *Classes et luttes de classes en France au début du XVII siècle*. Messina—Firenze, 1965.

¹⁴ R. Mousnier. *Recherches sur les soulèvements populaires...* Проф. Ролан Мунье является крупным специалистом и автором многочисленных

слов. Почти ко всем восстаниям были причастны более или менее значительные группы привилегированных сословий.¹⁵ Дворяне порой защищали своих держателей и арендаторов от притязаний фиска, укрывали восставших в своих замках, иногда даже провоцировали крестьян на восстания (например, «крокано» в 1636—1637 гг.). В городах чиновничество и буржуазия играли аналогичную роль: они зачастую попустительствовали восстаниям, не торопились их подавлять, разжигали ненависть ремесленников и рабочих к агентам фиска. Одним из наиболее ярких тому примеров является восстание 1630 г. в Эксе, где во главе движения стоял президент эксского парламента Корполисе вместе с другими чиновниками и буржуазией.¹⁶

Для объяснения этого явления Мунье выдвигает несколько причин. В деревне еще очень сильны были патриархальные связи сеньоров и крестьян. Первые были обязаны защищать своих держателей, вторые — быть «верными» сеньору. Эти связи «по вертикали» в пределах сеньорий и даже областей в XVII в. еще превалировали над классовым единением отдельных социальных слоев «по горизонтали». Кроме того, дворяне были прямо заинтересованы в сопротивлении крестьян налоговому гнету, ибо, разоряя крестьянство, фиск посягал тем самым и на сеньориальные доходы. Чиновники-землевладельцы занимали ту же позицию, что и дворяне.¹⁷

Имущие слои городского населения — чиновники и буржуазия — также имели основания для оппозиции фискальному гнету и интендантам. Правительство доминировало их бесконечными придирчивыми займами, созданием новых должностей и т. д. и т. п. Интенданты ущемляли функции местных магистратов.¹⁸

Трудов по истории Франции XVI—XVIII вв. Подробнее о них см.: А. Д. Люблинская. 1) Франция в начале XVII в. Л., 1959, гл. II; 2) Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.—Л., 1965, гл. I, II. См. также статьи Р. Мунье, посвященные социальной структуре Франции эпохи абсолютизма: R. Mousnier, J.-P. Labatut, Y. Durand. Deux cahiers de la noblesse (1649—1651). Paris, 1965; 2) Problèmes de méthode dans l'étude des structures sociales des seizième, dix-septième, dix-huitième siècles. В кн.: Spiegel der Geschichte. Festgabe für Max Braubach zum 10 April 1964. Münster, 1964.

¹⁵ В предисловии к французскому переводу своей книги Б. Ф. Поршнев согласился с этим (В. Поршневу. Les soulèvements... p. 14).

¹⁶ R. Mousnier. Recherches sur les soulèvements populaires... pp. 81—106.

¹⁷ Последнее соображение подтверждается выводами, сделанными П. Дейоном на основе источников, рисующих ущемление правительством налоговых привилегий провинциального дворянства (P. Deyon. A propos des rapports entre la noblesse française et la monarchie absolue pendant la première moitié du XVII s. Rev. hist., 1964, т. CCXXXI). Действительно, у французского провинциального дворянства были основания быть недовольным фискальной политикой Ришелье и Мазарини.

¹⁸ См. статьи Мунье о чиновничестве и интендантах: R. Mousnier. 1) Etat et commissaire. Recherches sur la création des intendants des provinces

Эта оппозиция «определяла ритм восстаний и часто создавала революционную ситуацию»,¹⁹ а в период Фронды она достигла апогея.

В докладе на заседании Академии моральных и политических наук²⁰ Р. Мунье развертывает и еще более конкретизирует свои положения. Обрисовав главные черты общей неблагоприятной экономической конъюнктуры (война, налоги, грабежи солдат, эпидемии, низкие цены), он отмечает, что хотя она и создавала условия для непрерывных волнений, но действовала отнюдь не сама по себе, а через посредство социальной структуры французского общества, отличавшейся большой сложностью. Источники свидетельствуют, что в движениях принимали участие самые различные социальные группы, и притом в сложных комбинациях. Не только ремесленники и крестьяне, но и чиновники, дворяне, буржуазия выступали против фиска, министров, короля. Вот несколько примеров.

В 1628—1629 и 1636 гг. в Сентонже и в Ангума (винодельческих областях) волнения вспыхивали всякий раз, как только повышались поборы с вина, экспортируемого по Шаранте. Там совпадали интересы крестьян-виноградарей и дворян-землевладельцев, ибо и те и другие конкурировали и враждовали с бордоскими экспортёрами вина; поэтому дворяне толкали крестьян на восстания.

Схожая обстановка — на юге Гиени в 1664—1675 гг. Область не платила соляного налога, и попытка Кольбера ввести его привела к восстанию. Волнение охватило значительную территорию, и привилегированные сословия во главе с вице-королем Беарна и Наварры маршалом Грамоном фактически поддержали восставших крестьян. Вождь их Одижо был дворянином и воплощал собой борьбу дворянства и области за сохранение вольностей.

В Эксе в 1630 г. восстание было спровоцировано чиновниками, защищавшими налоговые привилегии Прованса. Но парламент раздирался борьбой партий, и это парализовало движение.

Восстание 26 августа 1648 г. в Париже — начало парламентской Фронды — возникло в буржуазной среде и было поддержано народом.

Восстание в Бретани в 1675 г. представляет собой настоящую Жакерию, направленную против новых сеньориальных поборов и некоторых акцизных сборов. Крестьяне грабили и жгли замки, убивали дворян, нападали на города. Причина движения ясна: сеньориальный режим был в Бретани особенно тяжелым и, кроме

(1634—1648). В кн.: Forschungen zu Staat und Verfassung. Festgabe für Fr. Hartung. Berlin, 1958; 2) Serviteurs du roi. Quelques aspects de la fonction publique dans la société française du XVII s. XVII siècle, 1959, №№ 42—43; 3) Recherches sur les syndicats d'officiers pendant la Fronde (там же).

¹⁹ R. Mousnier. Recherches sur les soulèvements populaires... p. 113.

²⁰ R. Mousnier. Les mouvements populaires en France...

того, сеньоры увеличили поборы примерно на треть. Крестьяне требовали уничтожения десятины, барщины, шампара, баналитетов, сеньориальной юстиции, но об отмене феодального ценза речи не было. Они не восставали против политического строя, признавали провинциальные штаты. Даже в данном случае, когда классовая борьба несомненна, восставшие не стремились к сокрушению феодального строя и монархии, не требовали они и отмены феодальной собственности.²¹

Общей чертой всех восстаний являлся страх (*hougeur*) перед унифицирующей деятельностью правительства. Эти стремления сохранить прежнее положение или даже вернуться к далекому прошлому реакционны. Мунье считает, что революционерами были в ту пору король и его совет (в XVIII в. положение изменилось). Основную задачу историка, исследующего народные движения, он видит в изучении социальной структуры во всей ее сложности.²²

В своей статье Р. Мандру²³ касается главным образом вопросов, связанных с определением хронологических циклов восстаний, с их территориальным распределением, основными причинами возникновения и поражений. Он не считает восстания 1623—1648 гг. каким-либо определенным и законченным циклом.

²¹ Там же, стр. 34.

²² При обсуждении доклада Мунье выступавшие наметили некоторые интересные конкретные пути для более углубленного исследования проблемы. Некоторые высказывались о возможной связи специфики аграрной структуры южных и западных провинций — преобладание мелкого крестьянского хозяйства — с особенностями происходивших там восстаний (надо иметь в виду, что известная экономическая и социально-политическая отсталость этих районов еще и поныне играет немаловажную роль в жизни Франции). Может оказаться плодотворным предложение учитывать особенности социальной структуры не только целых провинций, но даже их отдельных частей, специфика которых опять-таки нередко сохранилась до наших дней, а для XVII в. различия в пределах одной провинции вполне поддаются определению: например, горный Лангедок (а в нем в свою очередь несколько районов) не похож на приморский; в Гизни также насчитывается не менее десятка соседних областей с выраженным своеобразием и т. д. Интересна мысль о возможной связи между попытками правительства ограничить до известной степени привилегии дворянства и чиновничества и причастностью этих сословий к народным движениям с целью использовать их в своих интересах. Привилегированным сословиям приходилось вести упорную борьбу с абсолютизмом за сохранение в полном объеме своих «вольностей» и прав, и в народных движениях они видели одно из средств, которое можно было применить для достижения своих целей.

²³ R. Mandrou. *Les soulèvements populaires...* Робер Мандру является крупным специалистом по истории Франции XVI—XVII вв. Его перу принадлежит вторая часть в кн.: G. Duby et R. Mandrou. *Histoire de la civilisation française*, тт. 1—2. Paris, 1958, а также интересные исследования по социальной психологии (R. Mandrou. *Introduction à la France moderne. Essai de psychologie historique 1500—1640*. Paris, 1961) и по народной идеологии (R. Mandrou. *De la culture populaire aux 17e et 18e siècles*. La bibliothèque bleue de Troyes. Paris, 1964), а также многие статьи за последние годы.

Таковым мог бы считаться период с 1580 (если не раньше) вплоть до 1676 г., поскольку он действительно имеет определенную и постоянную характеристику. К тому же и территориально почти все восстания разыгрывались в тех провинциях, которые послужили ареной для наиболее напряженных событий религиозных войн XVI в.²⁴ Соответственно в этих же хронологических и территориальных пределах следует искать основные причины восстаний. Налоговое обложение должно быть поставлено в зависимость от общей экономической конъюнктуры, а не просто рассматриваться как единственная и непосредственная причина восстаний. «Только тогда, — пишет Мандру, — можно будет лучше установить реальное своеобразие этих восстаний, точнее определить их повторяемость».²⁵

Мандру подчеркивает важность вопроса о причинах поражения восстаний: «Эта революционная сила, постоянно готовая к действию, не смогла ничего изменить ни в социальной, ни в политической структуре Франции».²⁶ Чего же недоставало во всех восстаниях XVII в., в том числе и во Фронде? Классового самосознания буржуазии, т. е. политического сознания необходимости связать воедино революционную силу народа со своими социально-политическими устремлениями. Мандру заключает свою статью словами: «Чтобы прийти к пониманию этих движений и их поражений, нужно внимательно изучить не только экономику, структуру общества и учреждения, но и особенно — коллективную психологию с ее многообразными связями и ее весьма удивительными резонансами».²⁷

Разработке этих проблем Мандру и посвятил цикл своих лекций, представляющих очень большой интерес и заслуживающих детального анализа.²⁸ Автор ставит перед собой задачу: выяснить, можно ли говорить о классовой борьбе во Франции в начале XVII в. В соответствии с этим он рассматривает положение почти всех социальных слоев: старого дворянства, нового дворянства (чиновничества), буржуазии и народа. Выводам придан характер предположений (*conclusions provisoires*).

Все эти социальные силы Мандру распределяет по двум лагерям: народ — в один, все остальные — в другой. Долгое время три привилегированных сословия со своими конфликтами привлекали главное внимание исследователей. «Народные движения выводят на сцену четвертого актера, чей голос полон мощи, хотя он и пребывал долго в забвении».²⁹ Францию первой половины

²⁴ В целом это наблюдение Мандру хорошо прослеживается на картах, приложенных им к французскому переводу книги Б. Ф. Поршнева (В. Р о с с е н о в. *Les soulèvements...*).

²⁵ R. Mandrou. *Les soulèvements populaires...* стр. 760.

²⁶ Там же, стр. 761.

²⁷ Там же, стр. 765.

²⁸ R. Mandrou. *Classes et luttes des classes...*

²⁹ Там же, стр. 13.

XVII в. Мандру сравнивает с многократерным вулканом: ежегодно вспыхивают десятки конфликтов социальных и политических. По его мнению, интерес труда В. Ф. Поршнева в том и заключается, что он напомнил об участии в этих столкновениях народных масс, игравших весьма существенную роль.

Автор отмечает не только разнообразие и чрезвычайную сложность социальных конфликтов, но и прихотливые политические союзы — в зависимости от обстановки — различных социальных сил. Например, в период Фронды торговая буржуазия сперва объединяется с чиновничеством против старого дворянства, но через два месяца она уже оказывается союзницей старого дворянства против чиновников, а те пользуются поддержкой городских народных масс и т. д. и т. п. Для таких сложных явлений нельзя дать какое-либо единое объяснение. Большая сложность социальной структуры Франции в XVII в. — распад старых средневековых классов и начало формирования новых — не позволяет применить к ней четкое и ясное классовое деление, присущее развитому буржуазному обществу XIX—XX вв. или хотя бы кануну революции 1789 г. Поэтому в XVII в. далеко не все социальные столкновения (хотя и существовали огромные различия между имущими и немущими) принимали форму классовой борьбы, если понимать под ней — а Мандру именно так ее понимает — социально-политическую борьбу, преследующую определенную и достаточно четко осознанную цель политического порядка, что возможно лишь при достаточно развитом классовом самосознании.³⁰ Поскольку эти восстания спонтанны и не имеют определенной политической цели, можно ли говорить о классовой борьбе?

Дальнейшее исследование Мандру и посвящено определению классов, сословий, прослоек и т. д. в их реальном историческом бытии и с присущим им сознанием своих интересов.

Господствующим классом в тот период продолжало оставаться родовитое дворянство. Однако оно отчетливо сознавало опасности, угрожавшие ему со всех сторон. Наиболее тяжелый ущерб был нанесен ему как землевладельческому классу: к чиновникам и богатым купцам перешла значительная часть дворянских фьефов. Старое дворянство утратило господствующее положение в экономике. Этим объясняется участие дворян в конфликтах между крестьянами и агентами фиска, причем на стороне первых: дворяне защищали свои доходы (*matière imposable*), например в 1623 г. в Керси или в 1643 г. в Дофинэ. Ущерб, нанесенный старому дворянству в социальном плане (а следовательно, и в политическом), выражался в появлении рядом с ним нового и богатого «параллельного» дворянства. Острое и болезненное сознание своего упадка толкало родовитое дворянство на защиту прав и привилегий любыми способами и чаще всего сталкивало его с бур-

жуазией и с новым дворянством. Борьба имела уже немалую давность, но в XVII в. приобрела особую остроту. Старое дворянство можно бесспорно назвать классом; оно обладало обостренным классовым самосознанием именно в силу того, что почти во всех областях утрачивало свое прежнее господство.

Буржуазии нельзя дать такое определение, она еще не являлась классом. Средневековый термин «буржуа» в XVII в. включал и купцов, и «дельцов» (*hommes d'affaires*, т. е. финансистов), и цеховых мастеров, и мануфактуристов, и интеллигенцию — врачей, юристов и т. д. Вчерашними буржуа были и аноблированные чиновники. «Почти столь же гетерогенная, как и само третье сословие, буржуазия — точнее, буржуазии — составляет во французском обществе противоречивую и двойственную группу».³¹ Внутренние противоречия буржуазии отчетливо проявлялись в отношении к дворянству, но еще яснее — в отношении к народным восстаниям. Ее позиция была неодинаковой: порой она выражалась в пассивности, окрашенной солидарностью на тот срок, пока движение имело антицарственный характер, но не больше и не дальше (например в Эксе в 1630 г., в Ниме в 1644 г., в Мулене в 1640 г.). Однако гораздо чаще наблюдается разделение буржуазии на почти равные и нейтрализующие друг друга группы, что временно шло на пользу восставшим (например в 1640 г. в Руане муниципалитет и парламент были враждебны друг другу и восстание продолжалось неделями). В этих случаях отчетливо проявляется неоднородность буржуазии и отсутствие у нее идеологии, определяющей ее социальные и политические реакции.³²

Но бывало и так, что буржуазия с самого начала выступала против восставших и участвовала в «восстановлении порядка». Нередко буржуазия прямо переходила от пассивности или солидарности к репрессиям — в тех случаях, когда антицарственное в начале движение оборачивалось против богачей или когда крестьяне присоединялись к плебейству. В таких случаях, действительно, появлялся «классовый фронт»: с одной стороны все народные и бедные элементы, с другой — богатые и привилегированные. Однако, отмечает Мандру, не существовало полного автоматизма в принятии буржуазией той или иной позиции, и в целом ей был присущ глубокий монархизм. События Фронды дают немало примеров неспособности французской буржуазии координировать движения протеста, подвести под них какую-либо иную политическую базу. Она очень быстро сама вновь целиком подчинялась королю. Это своеобразие поведения буржуазии нуждается в более глубоком и точном объяснении. «Классовый фронт» появлялся лишь в одном из перечисленных типичных случаев, а ведь нередко целый город мог за месяц или неделю

³¹ Там же, стр. 49.

³² Там же, стр. 51.

³⁰ Там же, стр. 17.

пройти все три стадии. Ответ, по мнению Мандру, надо искать в отношении буржуазии к другим социальным слоям, в ее экономическом возвышении (что хорошо известно) и в ограниченности ее возможностей (что известно меньше).

В XVI в. французская буржуазия сделала значительный шаг вперед в экономическом отношении. В социальном плане она быстро приобрела на службе в королевском аппарате особый престиж и отстранила старое дворянство от административных функций. Итогом возвышения было появление дворянства мантши. Однако в первые десятилетия XVII в. развитие буржуазной экономики замедлилось в силу общеевропейской неблагоприятной конъюнктуры. Одновременно и в положении чиновничества появились первые трещины: правительство создало институт постоянных провинциальных интендантов, контролировавших действия местных властей. Чиновничество восприняло это как уменьшение своей власти (первым же требованием парижских верховных судов в 1648 г. было уничтожение института интендантов). Тем не менее «второсортное» дворянство продолжало быть притягательным для торгово-промышленной буржуазии, стремившейся вложить свои капиталы в покупку судебно-административных должностей.

Было ли дворянство мантши вторым господствующим классом, уже оторвавшимся от деловой буржуазии и существующим наряду с родовитым военным дворянством? Оно было достаточно богато, подавляющее большинство его членов обладалось обширными поместьями. Для всего населения (в том числе и для родовитого дворянства) оно воплощало королевскую власть — суд и администрацию. Это был самый культурный слой французского общества того времени; именно из его среды вышли ученые, члены первых академий и т. п. Но «второсортное» дворянство не составляло класса в том смысле, в каком этот термин приложим к родовитому дворянству. Оно еще только недавно и еще не полностью оторвалось от торговой буржуазии, продолжая принимать в свою среду выходцев из нее. При помощи скупки дворянских земель оно стремилось слиться со старым дворянством, но враждовало с ним в социальной сфере. В политическом плане верхи чиновничества — члены парламентов и в особенности парижский парламент — претендовали на контроль над законодательной деятельностью монарха, но их притязания не выходили за рамки монархии как таковой; неудивительно, что они потерпели неудачу. Иными словами, политическое сознание дворянства мантши отставало от его экономического и социального преобладающего положения. «Этот авангард буржуазии укрепляет монархию и более всего стремится полностью заместить старое дворянство; отсюда и отсутствие у него самосознания».³² Из-за феодализации

³² Там же, стр. 60—61.

части буржуазии путем приобретения многими ее членами дворянских земель и должностей у нее отсутствует классовое самосознание; оно появится лишь через столетие, в середине XVIII в.

Затем Мандру переходит к анализу народных движений. Обстановку во Франции того периода он обозначает как своего рода социальный парадокс: попытки высших классов добиться от абсолютизма выполнения своих требований (речь о них шла выше) не достигают цели. Между тем рядом с ними существует всегда готовая к действию народная масса. Впрочем, отмечает Мандру, такой она была также и до начала XVII в., и после. «На деле следует говорить о настоящей непрерывности народных восстаний, об их традиции».³⁴ Начало было положено средневековыми жакериями, конец можно до известной степени приурочить к XVIII в. Важно, что память о восстаниях никогда не исчезала в народном сознании, и вплоть до революции они представляли собой основное явление в материальной и психической жизни народа. Историю этого еще предстоит написать.

Мандру считает, что в исследуемый период бросаются в глаза две характерные черты народных движений: сила этой всегда готовой к действию революционной армии, восстающей против королевской власти или каких-либо социальных групп, и ее слепота (aveuglement), точнее, непонимание социального и политического значения своей борьбы.

Что же конкретно представляют собой крестьянство и плебейство того времени? Наиболее многочисленная часть народа — крестьяне — находится, действительно, в тяжелейшем положении, но не по причинам, связанным с изменением землевладения (т. е. с переходом земель в руки буржуа), а из-за малоземелья. Крестьянское хозяйство слишком мало по размерам, слишком обременено сеньориальными платежами, десятиной, налогами. В этом смысле крестьянство все время находится под угрозой гибели. Плохая погода выбивает его из колеи, два-три неурожая уже представляют собой катастрофу.³³

Лишь немногим лучше положение городского плебейства. Экономические трудности, возникшие в XVII в., обрушились на ремесленников и работников мануфактур главным образом в форме безработицы. По мере усиления депрессии в городах устанавливается длительный экономический маразм.

Наиболее ярким выражением экономических трудностей являются антиналоговые восстания. В девяти из десяти случаев движение в начале направлено против агентов фиска, однако смысл его глубже. Налоги представляют собой лишь окончатель-

³³ Там же, стр. 64.

³⁴ Особенно сильно и наглядно это проявилось зимой 1709—1710 гг., но и ранее, в 1634—1636 гг. и в 1661—1664 гг., положение пострадавших провинций было катастрофическим.

ную перегрузку налогоплательщиков; основной же причиной надо считать очень плохую общую экономическую конъюнктуру.

Чем объясняется солидарность крестьянства и плебейства, настолько доминирующая в восстаниях, что ни одной из этих групп нельзя отдать приоритета? Отчасти бродяжничеством обезземеленных крестьян, оседающих в пригородах, но главным образом экономической и социальной солидарностью обездоленных людей. Необходимо учитывать также и быстроту, с которой в такой обстановке распространялись слухи об опасности, вызывая одну и ту же реакцию — восстание. Поэтому городские власти — если они были верны правительству — в первую очередь закрывали городские ворота, чтобы преградить крестьянам доступ в город. Трудную экономическую конъюнктуру и солидарность крестьянства с плебейством Мандру считает главными причинами большого числа и силы народных движений. Они представляли собой огромную потенциальную политическую силу и, будучи используемыми другими классами, могли до известной степени стать силой реальной, как, например, в 1639—1640 гг. в Нормандии.³⁶

После этих соображений Мандру переходит к главному вопросу: чем же объяснить бессилие народной массы, ее «слепоту»? По его мнению, главная причина заключалась в полном отсутствии политического сознания. Крестьяне и ремесленники не обладали достаточной политической зрелостью (ее не было и у буржуазии). Доказательством тому служит проявлявшийся в большинстве восстаний поразительный монархизм.³⁷ Однако лозунги «Да здравствует король без габел!» (или «без талли») пусты в том смысле, что они были обращены к символизировавшей существующий порядок персоне с просьбой отказаться от этого порядка. Надо отметить и полное отсутствие выступлений против церкви — нет движений против десятины, ее сборщиков, кюре и т. д.³⁸

Лояльность по отношению к монархии и церкви сочеталась с наличием лишь краткосрочных конкретных целей восстаний — требованием отмены нового налога или новой системы налогообложения и т. п. В движениях не прощупываются мотивы, способные придать им длительность, смысл и соответствующую идеологию. Они почти всегда очень кратковременны и редко длятся более десяти дней. Гнев и недовольство накапливаются годами, но вспышка недолга, и большей частью движение стихает само

³⁶ Мандру подчеркивает, что наибольший гнев и репрессии правительства вызвала именно попытка руанского парламента использовать движение в своих интересах (там же, стр. 72—73).

³⁷ Следует учесть, что почти всем социальным движениям во Франции в XVI в. была присуща антимонархическая идеология (гугеноты, Католическая Лига и т. д.), см. стр. 313.

³⁸ По этой причине Мандру вообще исключает духовенство при рассмотрении социальной структуры Франции первой половины XVII в.

по себе. Это спорадические кризисы, а не организованное и координированное, т. е. политическое, движение.³⁹

Выводы Мандру таковы: народные восстания во Франции в XVII в. не могут быть рассматриваемы как борьба классов, как форма классовой борьбы, существовавшая наряду с борьбой между дворянством и буржуазией. Эти движения были направлены против всех без различия господствующих классов и лишены классового самосознания. Еще меньше можно говорить о классовых фронтах, ибо они в соответствии с обстоятельствами то формировались, то распадались. Народные массы не могут стремиться к революции до той поры, пока они сами не осознали этого стремления. Класс, который, возможно, и стремится к революции, но еще не понимает, что может ее совершить, не является революционным классом.⁴⁰

Кроме этих соображений, Мандру предлагает также выводы общеметодологического порядка. Прежде всего он подчеркивает необходимость детального изучения социально-экономической структуры «трагического» XVII века. Он требует — ради восстановления правильной исторической перспективы — большего внимания историков к кризисной ситуации, к расширению диапазона исследований. Мандру считает острые социальные конфликты (особенно в 1630—1640 гг.) далекими предшественниками событий 1789 г., ибо утрата социального равновесия, столь острая уже в начале XVII в., в дальнейшем еще более усилилась,⁴¹ приобретя характер долговременного явления (*de longue durée*).

В качестве другой важной методологической проблемы Мандру выдвигает необходимость максимально точного определения того или иного явления, в данном случае классовой борьбы. Оно должно иметь свое социологическое объяснение. «Утверждение, что нет классовой борьбы, если нет классового самосознания, выдвинуто не для того, чтобы с лукавым удовольствием ограничить классовую борьбу немногими конфликтами».⁴² Необходимо отличать слепую силу от силы целенаправленной. Поэтому понятие классовой борьбы вводит исследователя в область изучения коллективной психологии, становления самосознания общества как следствия всех условий его исторического бытия.

Из этого вытекает третья методологическая проблема — изучение «мировоззрения» каждой из социальных групп, т. е. сте-

³⁹ Исключение составляет лишь Нормандия в 1639—1640 гг., где движение поддерживалось буржуазией некоторых городов и некоторыми дворянами. Но это исключение лишь подтверждает правило.

⁴⁰ Там же, стр. 78.

⁴¹ В качестве одной из черт этого отсутствия равновесия он отмечает, что дворянская реакция началась отнюдь не в XVIII в. — она налицо уже при Генрихе IV.

⁴² Там же, стр. 84.

пени и уровня ее классового самосознания и ее отношения к другим слоям общества. Если, например, у всего французского крестьянства отсутствует в начале XVII в. идея борьбы против какой-либо другой социальной группы, нельзя говорить о классовой борьбе крестьянства в национальном масштабе. Такого рода проблематика требует от историков огромной, но очень важной исследовательской работы, охватывающей все стороны человеческого существования — экономическую, социальную, культурную. «Лишь диалектически целостная история достойна называться историей» — заключает автор.⁴³

Отметим также постановку интересующих нас методологических вопросов в некоторых рецензиях.⁴⁴

Питц считает, что для воссоздания полной картины народных движений необходимо учитывать политику правительства в целом. Оно могло избежать восстаний — надо было отказаться от дорогостоящей внешней политики (т. е. от войны и помощи союзникам), что позволило бы облегчить налоговое бремя. В этом и заключалась политическая программа канцлера Мариляка, выдвигнутая им в противовес планам Ришелье и отвергнутая кардиналом.

Виванти обращает внимание на необходимость разработки таких вопросов, как налоговая политика в целом, определение стадии в развитии экономики (переход от аграрной по преимуществу к появлению предпосылок для промышленного переворота), реальное экономическое положение народных масс и буржуазии, еще не составлявшей в ту пору самостоятельной и сильной социальной группы, и т. д.

Лемаршан намечает пути для дальнейшего изучения проблемы, призывая к значительному расширению источниковедческой базы и к уточнению основных понятий в области социальной структуры, в особенности понятия «народные массы». Подходя к проблеме с марксистских позиций, он выдвигает интересные и важные в методологическом плане соображения.

Так, по вопросу о «феодализации» буржуазии Лемаршан занимает совершенно правильную, по нашему мнению, позицию.⁴⁵ Он последователен в оценке высшего чиновничества как дворянства, подчеркивая, что у аноблированной буржуазии изменялся и экономический характер имущества. Высшее чиновничество стало дворянством по источнику своих доходов; поэтому и произошло постепенное слияние дворянства мантис (чиновничества) с дворянством ипаги (родовитым дворянством). Процесс этот полностью завершился в XVIII в. Следовательно, правительство управляло государством при помощи дворян, а не буржуазии.

Лемаршан возражает против тенденции искать главную причину народных восстаний в изменившейся экономической конъюнк-

туре, повлиявшей также и на демографические явления, причем классовая борьба не отрицается, но зачисляется в разряд второстепенных факторов. Критикуя эту концепцию, Лемаршан считает необходимым обратиться к взглядам Маркса и Энгельса. Они указывали, что противоречия между классами отнюдь не исключают внутриклассовой борьбы различных групп и лиц. Государство в классовом обществе защищает не интересы отдельных слоев господствующего класса, но его самые общие интересы. Отсюда проистекают противоречия второстепенного порядка между коллективными интересами класса и стремлениями его отдельных членов, что иногда приводит к их выступлениям против правительства.

Лемаршан признает, что во Франции XVII в. классовая борьба происходила без отчетливого классового самосознания, которое имело еще незаконченную, неотлившуюся форму, представляя собой результат лишь действия социальной практики. Народ обрадал гнев на непосредственного виновника своей нищеты — налогового сборщика и т. п., но в большинстве случаев восстание быстро расширяло круг виновников и тогда направлялось уже против всех богачей. Восстания в XVII в. терпели поражения также и из-за того, что народные массы не обладали развитым классовым сознанием и полным пониманием эксплуатирующей их системы. Отсутствовало у них и понятие общеклассовой солидарности, тем более, что сам «народ» представлял собой не какой-то единственный класс, а коалицию различных классов.⁴⁶ Их объединяло другое: все они были объектами эксплуатации со стороны сеньоров, купцов, городских властей или фиска.

Что касается роли и значения изменившейся в 1630—1650 гг. экономической конъюнктуры, то Лемаршан подчеркивает диалектический характер марксистского понятия причинности. Нельзя считать какой-либо фактор полностью неизменным в своем действии, нельзя и все причины восстаний воплощать лишь в особенностях той или иной экономической конъюнктуры, забывая, что социальные конфликты феодализма присущи самой его структуре и не являются чем-то случайным. Существует непреодолимое противоречие между теми, кто берет и наказывает, и теми, от кого берет; оно может исчезнуть лишь с исчезновением самой системы. Поэтому Мандру правильно говорит о «традиции народных движений». Кроме того, во Франции было немало восстаний еще до изменения экономической конъюнктуры к худшему (например, в 1589—1595, 1598—1602, 1616—1618 гг. и т. д.). Возможно, ухудшение легло на народ новыми тяготами, но это обстоятельство

⁴³ Там же, стр. 88.

⁴⁴ См. сн. 11.

⁴⁵ См. стр. 302—303.

⁴⁶ Лемаршан ссылается при этом на исследование А. Собуля о санкюлотах и считает, что установленную для конца XVIII в. гетерогенность этого социального слоя можно до известной степени отнести и к XVII в.

может объяснить лишь рост числа восстаний, но не сами движения как таковые. Разумеется, надо учитывать циклическое движение цен и дороговизну: голод может стать причиной восстаний, однако поведение при этом народных масс определяется также борьбой классов.

Подведем некоторые общие итоги полемики, а в связи с ними изложим и наши соображения, которым мы хотели бы придать позитивную форму как обеспечивающую большую компактность и стройность построения и критики.

Разнообразие взглядов, высказанных в разобранной нами дискуссии, весьма значительно, и знаменателей большой интерес к наиболее важным проблемам, можно даже сказать к самой сути проблемы классовой борьбы во Франции XVII в. и к методологии ее изучения. Влияние марксистской теории на некоторых участников полемики не подлежит сомнению даже в тех случаях, когда они исходят из других методологических основ. Важно и то, что многие из предлагаемых ими конкретных путей дальнейшего исследования проблемы могут оказаться плодотворными.

При анализе полемики мы стремились показать, как отдельные взгляды тесно переплетаются, имеют определенную взаимосвязь. Так, например, отрицание «классового фронта» заставило Мулье обратить особое внимание на участие в движениях привилегированных сословий, на значение общей экономической конъюнктуры (поскольку она воздействовала также на политику правительства и на положение господствующего класса). Все вместе взятое привело Мулье к выводу о реакционности устремлений не только дворянства и чиновничества, но и народных масс (поскольку те требовали отмены новых налогов, т. е. возврата к прошлому) и о революционности в XVII в. лишь одного абсолютизма, что вызывает возражения. Гораздо более мотивированная и тонкая аргументация Мандру, в которой многие положения представляются правильными, приводит, однако, автора к отрицанию классовой борьбы народных масс лишь в силу отсутствия у них в XVII в. развитого классового самосознания. Вместе с тем он считает классовой борьбой столкновения отдельных групп *внутри* господствующего класса. Таким образом, концепции обоих главных участников полемики упираются в методологию исследования социальной структуры, определения классов и классовой борьбы, роли народных масс и характера народных восстаний. К рассмотрению этих важнейших вопросов мы и перейдем.

Трудности, возникающие при исследовании общества, находящегося в стадии разложения прежней социально-экономической формации и формирования новой, действительно, чрезвычайно

велики. Мандру правильно их подчеркивает, а Лемаршан ему вторит, призывая к большей нюансировке определений, касающихся классовой структуры.

Нам представляется необходимым исходить из того положения, что изучение старых классов феодального общества, т. е. родовитого дворянства и крестьянства, должно быть построено по иному принципу, чем изучение возникающих классов нового, еще только в *будущем* буржуазного общества.

Прежде всего в силу того, что первые — действительно классы с устойчивой основной характеристикой, с длительной историей не только социально-экономической жизни, но и политического господства дворянства и политического же подчинения крестьянства, наконец, с многовековой историей именно классовой борьбы. Мандру прав, подчеркивая длительную традицию во Франции народных восстаний. В XIV в. Жакерия и восстание тюшенов — если брать лишь самые яркие проявления — носили характер крестьянских войн. Крестьяне с оружием в руках встречались с феодалами на поле боя, а лозунг восставших жаков требовал истребить всех дворян и самим стать господами. Но такая четкость противопоставления себя именно классу феодалов (еще не государству или королю, о чем ниже) возможна была в XIV в. при соответствующей классовой структуре. Тогда она означала наличие у феодального крестьянства не только ненависти к еще единственному в ту пору эксплуататорскому классу, но и достаточного уровня классового сознания (с теми ограничениями, которые вообще свойственны крестьянству). Тогда эта ненависть имела прямой и точный адрес и выражалась в соответствующих действиях.

Однако в дальнейшем эта ясность замутилась, и чем дальше, тем больше. Государство развивалось и постепенно становилось главным эксплуататором крестьянства. Уже во второй половине XV в. оно — по самым осторожным подсчетам — брало от крестьян в два-три раза больше, чем феодальный сеньор. Родовитое дворянство оскудело, утратило добрую долю своих политических и судебных прав и т. д. В деревню явился горожанин — ростовщик и скупщик крестьянской земли. В качестве нового землевладельца (а затем и сеньора) он навязал бывшему держателю более тяжелые условия краткосрочной аренды. В городах обосновался развитый королевский аппарат, судивший крестьян и облагавший их налогами. Враг стал многоликим, и фактически все социальные слои, кроме городской бедноты, немалая часть которой относительно недавно пришла из деревни, оказались крестьянству враждебными. Оно лишь постепенно пришло к сознанию, что *всякий* богатый уже тем самым его враг (вспомним, что в XIV в. богатый Этьен Марсель еще не был врагом крестьян), а в конце XVIII в. оно смогло уже отчетливо осознать свою враждебность всему общественному строю, воплощенному в короле и

в дворянстве (весьма несхожем с дворянством не только XIV, но и XVII в.).

В XVII в., в эпоху упадка родовитого дворянства и зарождения капитализма, крестьянство не могло выработать столь же четкого сознания, как в XIV и в XVIII вв. Нельзя забывать и о хорошо известных общих особенностях крестьянской идеологии, об ее ограниченности, проистекавшей из условий материального существования массы распыленных мелких хозяйств, о забитости и темноте крестьян, наконец, об иллюзорности их конечного социального и политического идеала, заключающегося в несбыточной мечте установления общества свободных и равноправных собственников-товаропроизводителей. В силу этого крестьянство могло быть союзником буржуазии и движущей силой буржуазной революции (в другую эпоху — союзником пролетариата), но само по себе не могло стать *ведущим* революционным классом.

Однако все присущие крестьянству особенности не мешали ему быть классом и вести почти непрерывную борьбу по имя своих классовых интересов, борьбу революционную в том смысле, что она была направлена против разнообразных форм феодальной эксплуатации и в защиту крестьянского хозяйства. Ленин подчеркивал, что «крестьянское хозяйство, свободное от всяких средневековых стеснений, не реакционно, а прогрессивно».⁴⁷

Должны ли эти соображения приниматься в расчет при анализе крестьянских движений? На наш взгляд, должны непременно. Трудно сомневаться в том, что детальная конкретная история крестьянских движений (или участия крестьян в слитных крестьянско-плебейских движениях) не даст целой гаммы разнообразных оттенков целей, характера и идеологии борьбы крестьян. Уже и сейчас ясно, что бретонская жакерия была определена не только комплексом местных условий, но и реакцией именно этих условий на процессы, общие для всей страны. При изучении восстания в Руэрге в 1643 г. также начинают (пока еще только начинают) проступать его индивидуальные черты и т. д. В дальнейшем можно будет проследить и такие процессы, как синхронность — или асинхронность — циклов народных движений не только с экономической конъюнктурой (учет которой необходим), но и с крупнейшими событиями политической жизни, ибо политическое «воспитание» масс, в том числе и крестьянства, играет огромную роль в созревании у них классового самосознания и т. д.

Другая группа соображений касается класса, антагонистичного крестьянству, — дворянства, причем многие из них имеют непосредственное отношение к характеру и целям крестьянской борьбы. В характеристике, данной Мандру родовитому дворянству, почти все нам представляется правильным, и лишь один ее элемент

нуждается в уточнении. Мандру считает, что родовитое дворянство обладало в XVII в. особенно отчетливым классовым самосознанием, в силу того, что оно остро ощущало свой упадок. Думается, что последнее обстоятельство могло привести в это самосознание значительную дозу горечи, но не более. Классовое самосознание французского дворянства выработалось в полной мере задолго до XVII в., и наличие его уже в XIII в. не вызывает сомнений. Может быть, нигде в Европе господствующий класс не обладал столь ярко выраженным сознанием своей классовой исключительности, своего «прирожденного» права господствовать и владеть всеми богатствами страны и т. п. Четкости этой классовой «программы» вполне соответствовала и четкость лозунга жаков, о котором уже была речь.

Эти два уже старых к XVII в. класса феодальной Франции были неразрывно между собой связаны. Соответственно и исследование их истории, в том числе борьбы между ними, должно вестись совокупно. Какие-либо изменения в статусе одного из них непосредственно отражались на положении другого, и обратно. Упадок родовитого дворянства начался не в XVII, а уже в XIV в. и растянулся на ряд этапов. Сперва оно понесло ущерб в политическом плане от централизации государства, а в материальном отношении — от роста государственных налогов, платимых крестьянами. В первой половине XVI в. оно искало выхода во внешней войне, кончившейся поражением, во второй половине — в яростной междоусобице. Междоусобица 1610—1620 гг. также оказалась безуспешной.

Важно отметить, что начиная с 1560 и вплоть до 1632 г. (с перерывом в 1598—1610 гг.), т. е. почти 70 лет, Франция была ареной вооруженной борьбы родовитого дворянства с правительством (или правительством с дворянством). Поучительное зрелище для крестьянства? Бесспорно. Это была очень своеобразная «школа» его политического воспитания, имевшая к тому же — в силу разнообразия местных условий страны — немало различных вариантов, от осуждения крестьянством разорительных гражданских войн до поддержки своего местного сеньора в его борьбе с политической и иной централизацией. В первом варианте усиливался монархизм, во втором — местный партикуляризм, а в промежутке между этими полюсами находилось множество стадий и форм сознания, оказывавших самое непосредственное воздействие на характер как отношений между двумя антагонистичными классами, так и восстаний. Следует еще добавить специфику реформационной эпохи: хотя французское крестьянство в целом осталось в стороне от кальвинизма, все же в некоторых экономически отсталых областях (например, в Дофине, Севеннах, Беарне и т. д.) оно его приняло почти поголовно, что создало порой новые связи религиозно-патриархального характера между сеньором-гугенотом и населением округи.

⁴⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 235.

Участие дворянства в некоторых народных движениях на стороне восставших засвидетельствовано источниками. В других случаях несомненна их антисенъориальная направленность. Было бы неправильно обобщать ту или иную картину в масштабах всей страны или замалчивать те или иные факты. Объяснение должно быть адекватным всему их разнообразию и, следовательно, исходить из учета как общего социально-экономического положения обоих классов и их политической программы (ибо и у крестьянства XVII в. была таковая, при всей ее неизбежной ограниченности, о чем ниже); так и специфики местных условий, отражавших в конечном счете специфику эволюции данной области на пути к капитализму.

Следующей задачей является классовое определение нового дворянства — «второсортного», «параллельного» и т. п. — дворянства мантши. Мы уже отмечали свое согласие с точкой зрения Лемаршана по данному вопросу. В исследуемый период дворянство мантши — достаточно оформившийся социальный слой. По социально-экономической сущности он представляет собой отнюдь не новый класс, а лишь новую группу в господствующем классе. Ее исторические судьбы в XVIII в. в этом плане вполне ясны, но для середины XVII в. они несколько затуманены некоторыми обстоятельствами (борьбой родовитого дворянства с дворянством мантши, борьбой последнего с интендантами и т. д.).

Мандру считает, что дворянство мантши еще не обладает достаточной социальной обособленностью, ибо лишь недавно оторвалось от буржуазной деятельности и продолжает впитывать в себя буржуазные элементы. Его замечание справедливо лишь отчасти, ибо сама по себе «молодость» новой социальной группы еще ничего не доказывает; кроме того, в это время доступ новых членов в состав высшего чиновничества был уже очень затруднен. Сам факт некоторого социального пополнения не отнимает от той или иной группы ее отличительных признаков. Главное же, речь может идти не о новом классе, для которого нужна была бы достаточно четкая и определяющая экономическая характеристика, а лишь о новой части господствующего класса, что Мандру и признает в конечном счете, говоря об обновлении французского дворянства в результате слияния старой и новой его частей. Следовательно, в данном случае можно упрекнуть его лишь в известной непоследовательности и в нечетливой терминологии; один и тот же социальный слой для одного и того же периода фигурирует и как дворянство мантши, и как буржуазия. Разумеется, переходные этапы наиболее трудны для отчетливых определений, однако новое дворянство было в 1620—1650 гг. уже достаточно оформлено, и притом по главным своим классовым показателям.⁴⁸ Мунье не считает верхи чинов-

ничества настоящим дворянством, поскольку знать и родовитое дворянство отказывались считать его своей равней.

Мы подробно остановились на классовой принадлежности к дворянству высшего (отчасти и среднего) чиновничества в силу того, что она определяет во многом ход и течение народных движений. Последние протекают в обстановке напряженной борьбы не между классами как таковыми (дворянством и буржуазией), а внутри господствующего класса, когда различные его слои (а не только отдельные придворные группировки) оспаривают друг у друга власть, материальные блага, социальный престиж и т. д. Правительство до известной степени представляет собой равнодействующую этих сил, для которых политический вес является гарантией их имущественных интересов. Именно поэтому использование любой группой господствующего класса силы народных движений не могло привести ни к чему серьезному, о чем еще будет речь.

Какова же роль подлинной, т. е. торгово-промышленной буржуазии, ее отношение к народу и народным движениям? Пытается ли она их использовать, возглавить, внушить им соответствующую идеологию? Если участие чиновничества или родовитого дворянства в народных восстаниях представляется нам бесплодным в том отношении, что в лучшем случае оно выражало лишь оппозицию той или иной части господствующего класса, то не обстояло ли дело иначе с буржуазией? На все эти вопросы можно дать пока лишь отрицательный ответ, хотя, возможно, в будущем, в итоге более тщательного и методологически более обоснованного исследования, обнаружатся и в XVII в. какие-то зачатки того, что пыльным цветом распухнет в XVIII в.

В связи с этим перейдем к рассмотрению методологии исследования и определения классов нового, еще только рождающегося общества. Самый характер новых явлений требует иного к ним подхода. Новые классы рождаются не на пустом месте. Они имеют предков в лице тех или иных групп городского населения, которые в феодальном обществе не составляли классов (ни даже класса), но являлись несколько расчлененным изнутри городским сословием. Для того чтобы начать постепенное развитие в класс будущего буржуазного общества, они должны были пережить коренную ломку, в то время как для старых феодальных классов дело заключалось — на данном этапе — в приспособлении к меняющимся условиям. Соответственно пока они были лишены (или почти лишены) идеологического наследия и до поры до времени, т. е. пока не выработали своего классового самосознания и своей идеологии, обречены оставаться в тени.

Вопрос о торгово-промышленной буржуазии является первым составным элементом данной проблемы, причем речь должна идти только о торгово-промышленной буржуазии, ибо лишь она определяла основное направление эволюции общества к новой

⁴⁸ См. стр. 306—307.

общественной формации. Гетерогенность буржуазии в XVII в., о которой говорит Мандру, объясняется отчасти терминологией современников (для них слово «буржуа» имело более широкое значение), отчасти непоследовательностью в применении терминологии историками наших дней. Наличие в составе буржуазии рантье, финансистов, интеллигенции ни тогда, ни теперь не придает ей гетерогенности в точном смысле слова.

Мы имели возможность обрисовать специфику положения французской буржуазии в начале XVII в. в других работах⁴⁸ и здесь коснемся лишь некоторых ее черт. Разумеется, класса буржуазии в национальном масштабе в ту пору еще не было; существовала лишь буржуазия отдельных городов, что особенно ярко сказывалось в экономическом плане, так как почти всегда она отстаивала лишь свои местные интересы.

Следует также учесть такое своеобразное явление, как наличие двух групп буржуазии — гугенотской и католической, отличавшихся друг от друга экономическим и политическим положением. Гугенотская торгово-арматорская буржуазия западных и юго-западных городов была в ту пору наиболее богата и имела тесные связи с передовыми странами Европы — Англией и Голландией. Она обладала также значительными фискальными привилегиями и вплоть до 1629 г. фактически не подчинялась политическому контролю центральной власти. Католическая буржуазия северных и юго-восточных городов была теснее связана с внутренним рынком и не имела (за исключением марсельских купцов) фискальных и политических привилегий. Характерно, что в XVI в. даже в таких крупных конфедерациях городов, как Лига и гугенотская республика, доминировали местные (городские) интересы буржуазии. В изучаемый период обе группы буржуазии не только были конкурентами в экономическом отношении, но и враждовали в политическом плане, что также затрудняло формирование класса буржуазии.

В социальном плане дело обстоит несколько иначе, ибо буржуазия начинала осознавать себя в масштабах крупного национального государства. Однако для полного развития этих элементов сознания в качественно новое, классовое самосознание, равно как и для распространения его на область политической мысли, не существовало еще главных объективных условий — достаточного уровня развития капиталистического уклада.⁵⁰ Неудивительно, что у французской буржуазии не было в ту пору ни общей для обеих конфессиональных групп буржуазной идеологии, ни своей особой и притом антимонархической политической программы. Буржуазия была монархична не просто по традиции,

а в силу того, что без помощи абсолютизма ее развитие и даже существование встречало серьезные препятствия, которые она сама еще не могла преодолеть.⁵¹

Поэтому невозможен был союз буржуазии городов с более широкими по масштабам народными восстаниями и не могла буржуазия осуществлять даже то ограниченное руководство, которое иногда и временно осуществляли родовитые или новые дворяне, обладавшие классовым самосознанием и определенной политической программой (хотя и не вполне идентичной для двух групп господствующего класса). Крайне слабо изученная роль торгово-промышленной буржуазии в народных восстаниях интересующего нас периода свидетельствует, вероятно, в первую очередь о незаметности этой роли. Буржуазия еще оставалась в тени, за шумными и активными чиновниками и дворянами ее не видно. В то же время она была богата или зажиточна, и восставший народ с основанием зачислял ее в ряды тех, «кому было что терять», т. е. в ряды своих врагов. На это его толкала также длительная традиция. Если противоположность в городах между богатыми и бедными восходила к XIII в., то не моложе была и постоянная внутригородская борьба между основной массой населения и верхушкой. Городские восстания во Франции старше Жакерии на целое столетие, и характернейшей их особенностью является почти полная непрерывность.

Однако положение буржуазии в XVII в. изменилось также и в том отношении, что она, притом лишь сравнительно недавно, перестала быть в городах хозяйкой. Формирование в XVI в. многочисленного королевского аппарата и его аноблирование привели к тому, что (за исключением нескольких гугенотских крупных городов) самыми богатыми и самыми влиятельными людьми в городе стали члены дворянства мантии, оторвавшиеся от торгово-промышленной деятельности. Их родичи, как правило, заполнили муниципалитеты. Французские города «одворянились». Как в гугенотской республике, так и в городах Лиги местная буржуазия в последней четверти XVI в. временно взяла верх, но в первой половине XVII в. ей снова пришлось отступить на второй план.

В связи с этими обстоятельствами законно поставить вопросы: боролась ли вообще буржуазия в ту пору против феодального строя? Может быть, дворянство мантии в своей оппозиции к абсолютизму, наличие которой сомнений не вызывает, отражало и ее интересы? Может быть, оно действительно было авангардом буржуазии и вело ее за собой?

Социальная структура Франции того времени, полная противоречий, не позволяет дать единый ответ на совокупность этих вопросов. Несомненно, что буржуазии пришлось бороться за

⁴⁸ А. Д. Л ю б л и н с к а я. 1) Франция в начале XVII в. . . . , гл. II; 2) Французский абсолютизм. . . , гл. III.

⁵⁰ Подробнее см.: А. Д. Л ю б л и н с к а я. Французский абсолютизм. . . , гл. III.

⁵¹ О монархичности в XVII в. гугенотской буржуазии см. там же, гл. IV.

свое место под солнцем, за возможность развиваться. Ясно также, что борьба была нелегкой по всех отношениях и прежде всего — в области наиболее важной, экономической.⁶² Кроме того, реакционность политических требований феодальной знати и родовитого дворянства, снова проявившаяся в междоусобицах 1614—1629 гг., заставила буржуазию определить также и свою политическую линию, и это была поддержка абсолютизма, иными словами, отказ от борьбы с существующим политическим строем.

Однако нельзя забывать, что не только для буржуазии, но и для национальных интересов страны в целом абсолютизм был единственной из возможных в то время форм прогрессивного государственного развития. Не только знать и родовитое дворянство, но с 30-х годов XVII в. уже и дворянство мантии стремилось ограничить мощь центральной власти лишь в своих сословных интересах и вернуть политический строй к стадии XVI в. и даже более ранней, что неизбежно повлекло бы за собой и экономический регресс. Против этого и боролась буржуазия. Ее постепенная эволюция в класс прошла несколько этапов, и прежде чем она нашла в этом изменявшемся — благодаря ее деятельности — обществе адекватное себе место, она должна была, также постепенно, отдаляться от своих бывших союзников XVI в. и приобретать новых. Печальный исход Лиги способствовал разрыву союза католической буржуазии с феодальными сословиями. То же фактически произошло в XVII в. и в гугенотском «государстве в государстве».⁶³ От дворянства мантии французская буржуазия стала отходить после Фронды и благодаря Фронде; немало ей помог в данном плане Кольбер. Но и до Фронды у буржуазии были противоречия с дворянством мантии. Чем больше парламенты тянули назад, чем энергичнее защищали они свои привилегии, тем менее это правилось торгово-промышленной буржуазии, ибо дворянство мантии протестовало против дальнейшей централизации и стремилось сохранить провинциальные вольности, так как благодаря им оно держало провинции под своей властью. Буржуазии это уже мешало.

Существовал лишь один стимул для ее объединения с дворянством мантии — протест против налогов, но он был единственным. Кроме того, следует учесть, что парламенты располагали политическими средствами воздействия — отказом в регистрации фискальных эдиктов, ремонстрациями. Сами они были не только судебно-административными, но и политическими учреждениями, на чем и базировались их права ремонстраций и регистрации. Буржуазия не имела никаких своих политических организаций (даже власть в муниципалитетах уже уплыла из ее рук) и политических прав. Она могла лишь представлять правительству пети-

⁶² См. там же, гл. III,

⁶³ Там же, гл. IV,

ции и докладные записки от имени отдельных городов, что она и делала. Нельзя, однако, забывать еще об одной стороне дела. Жалуясь и негодуя, буржуазия все же развивалась и богатела, хотя не так быстро, как хотела. Объективно военные успехи Франции больше всего шли на пользу именно буржуазии: они расчищали ей дорогу на европейские и заморские рынки. Поэтому вызванный войной тяжелейший налоговый гнет⁶⁴ истощал ее накопления, но выигранная война принесла ей много выгод. Больше того, все выгоды достались только буржуазии. Старые сословия уже были бессильны экономически ими воспользоваться.

Некоторое совпадение интересов буржуазии с дворянством мантии не позволяет, по нашему мнению, считать его авангардом буржуазии. Однако политического разрыва между ними в ту пору еще не было; можно говорить лишь о некоторых его симптомах.⁶⁵

Самой гетерогенной частью французского общества были городские массы: мелкая буржуазия (торговцы и мастера, эксплуатировавшие наемный труд), а также самостоятельные ремесленники (цеховые и внецеховые), подмастерья и ученики (фактически наемные рабочие), наемные рабочие в точном смысле слова, мелкие рабье, мелкие чиновники и т. д. От прежних средневековых социальных групп еще оставались целые пласты, удельный вес которых в небольших и мелких центрах был значительным. В крупных городах развивавшаяся мануфактура поставляла качественно новые группы. Все это находилось в непрерывном брожении и брожении. Для понимания сложной внутригородской борьбы надо помнить, что в исследуемый период гугенотские города еще только-только (после 1629 г.) перестали быть независимыми от центральной власти, а католические окончательно утратили свои вольности всего за 30 лет до этого. Разумеется, неблагоприятная экономическая конъюнктура усиливала безработицу и нищету. Поэтому причин для городских движений было более чем достаточно.

Сложнее обстоит дело с определением характера городских движений и их идеологии.

Антиналоговые городские движения имели во Франции к XVII в. многовековую давность — не менее 300 лет они были явлением, отнюдь не спорадическим (особенно в военные годы). Уже в XIV в. они начинались как антиналоговые, но быстро переходили в борьбу городских масс против городских властей и богачей. Но в XVI в., особенно после 1560 г., они приобрели новое и странное на первый взгляд качество: внутригородская

⁶⁴ Мы не можем согласиться с В. Ф. Поршневым в его анализе государственного бюджета Франции XVII в. и в его трактовке данных, заимствованных из «Политического записания» Ришелье (см.: А. Д. Юблинский, Французский абсолютизм..., гл. V).

⁶⁵ Они были заметнее в больших портах, например в Марселе, Бордо и т. п.

борьба (напомним, что она возникла еще в XIII в.!) временно затихла, и город в целом восстал — в составе гугенотской или католической федерации — против королевской власти. Единение социальных сил в городе принесло успех: возродились средневековые городские польности и сократились королевские налоги. Так по крайней мере казалось горожанам на первых порах. Время, однако, показало иллюзорность этого: в итоге гражданской войны страна и города были разорены больше, чем от налогового гнета.

Политический опыт междоусобиц XVI и начала XVII в. можно было бы определить для городских масс таким образом. Феодалная знать и родовитое дворянство были в их глазах сильно дискредитированы (однако, как показали события Фронды, еще не окончательно), а лагерь политических противников этих сословий — чиновничество и буржуазия — продолжал сохранять известный авторитет. Капиталистические отношения не были еще столь развиты, чтобы только на предпринимателях мог сосредоточиться весь гнев городского населения, весьма к тому же неоднородного. Неудивительно, что протест городских верхов против налогового гнета находил широкий отклик в низах. Немалое значение имел и тот факт, что сперва протест облекался, как правило, в легальную форму — переговоры городских властей с интендантом, отправка депутации ко двору и т. п.; иногда эти меры давали известные результаты. Защита провинциальных вольностей имела для народных масс тот же смысл.

Таким образом, наибольшая для той поры социальная гетерогенность именно городских масс; отсутствие в их среде не только пролетариата, но в большинстве городов даже и предпролетариата, множественность противостоявших им в городе социальных верхов (новое чиновное дворянство, а частично и родовитое, буржуазия, интенданты и агенты фиска), политическая обстановка, выражавшаяся в борьбе, зачастую вооруженной, привилегированных сословий между собой и с правительством, — все это и многое другое ставило перед городскими народными массами сложнейшие вопросы: каким образом и с чьей помощью уберечься от новых налогов и тягот? С кем бороться и во имя чего?

Цель могла быть для них ясна лишь в наиболее конкретной форме. Объединяющим всю эту массу моментом был гнет налогов, причем именно последний по времени налог воспринимался как совершенно невыносимый. В остальном условия жизни и труда ремесленников и рабочих, с одной стороны, мелких торговцев, рантье и мелких чиновников — с другой, разъединяли их гораздо больше, чем сближали. Кроме того, у каждого слоя были свои особые требования, традиции, представления. В городах Франции еще нередко были стычки между цехами, цеховыми и нецеховыми ремесленниками, ремесленниками и чернорабочими и т. д. Восстание же против налога, откупщика, интенданта

охватывало всю — или почти всю — массу; других более действенных в ту пору причин для ее единения не было.

Были ли подобные движения политически осмысленными и целенаправленными? Прежде всего рассмотрим их результаты. Почти никто из историков не интересовался этим вопросом, хотя он заслуживает большого внимания.

Очень часто конечным итогом восстания была — наряду с репрессиями — известная уступка правительства: сумма налога сокращалась или же он видоизменялся, порой вовсе отменялся и т. п. Для восстаний 1620—1640 гг. это объяснялось общим трудным положением правительства, необходимостью маневрировать. Бывали и такие случаи, когда именно восстания толкали власть на некоторые реформы, на более действенный контроль над своим аппаратом и т. п.

Возьмем в качестве примера восстание в Эксе в 1630 г. Пошло ли оно на пользу провинции и парламенту? Месяц изгнания — вот что заплатил парламент, а провинция уплатила полтора миллиона ливров. Однако фискальная реформа не была в Провансе введена, т. е. цель восстания была достигнута.

Для имущих слоев и особенно для чиновного дворянства многие восстания имели прямую политическую цель и материальную выгоду. Иначе трудно понять то странное упорство, с каким они снова и снова пускались в, казалось бы, опасные и рискованные авантюры. Во всяком случае они почти всегда рассчитывали на то, что восстание заставит фиска умерить требования, тем самым сохранит их доходы и ущемит функции интенданта, а это опять-таки пойдет им на пользу. В какой мере в каждом отдельном случае такие надежды сбывались, покажут дальнейшие исследования, но и теперь ясно, что они нередко осуществлялись в той или иной степени.

Определить степень материальной пользы для неимущих слоев гораздо труднее, но отмена или изменение суммы налога могли и для них быть, хотя бы на короткое время, некоторым облегчением. Налоговая политика правительства не отличалась единообразием: в разных провинциях еще сохранялись свои особенности налогообложения (этим в значительной мере объясняется преобладание восстаний в провинциальном масштабе). Нередко случалось, что, сделав уступку какой-либо провинции, правительство увеличивало налоги в другой и т. д.⁵⁶ Что касается целей политических, т. е. сдвигательного намерения изменить что-либо в существующем строе в своих интересах, то у городских масс их в ту пору быть не могло. Отдаленность большинства провинций от столицы, очень смутное представление о структуре государственной власти, монархистские иллюзии — все это мешало появиться какому-то

⁵⁶ Следует отметить, что динамика налоговой политики в исследуемое время еще не изучена.

своему и новому (отличному от традиционного) понятию о правительственной власти.

Значит ли это, что народные движения изучаемого периода совсем не были осмысленны и не обладали признаками классовой борьбы?

Осознанная и целеустремленная борьба классов в преддверии революции (в данном случае буржуазной революции), т. е. высшая форма классовой борьбы, отсутствовала во Франции в XVII в. Но была другая ее форма, менее осознанная и не столь зрелая; однако в основе ее лежали именно противоречия классов, хотя и не столь ярко выраженные, как в 1789 г.

Отметим прежде всего, что не было классовой борьбы буржуазии с дворянством. Причина заключалась не в том, что часть буржуазии «изменила» своему классу и «ослабила себя», перейдя в состав дворянства (нет нужды снова повторять, насколько незрелы были в ту пору капиталистические отношения во Франции). Даже если бы она того хотела, ее созданные в торговле капиталы не могли быть в полной мере реализованы в мануфактуре в силу стечения целого ряда обстоятельств экономического и политического порядка. Именно поэтому она их частично употребляла на иные цели.⁵⁷ Потенциально буржуазия была антагонистична знати и родовитому дворянству, но в то время не она вела борьбу с их реакционными политическими стремлениями, но абсолютизм, который и возник именно потому, что существовала буржуазия. Она его поддерживала за то новое и ей необходимое, что он вносил в государственную структуру — за централизацию, а также за его отпор политическим притязаниям реакционных феодальных сословий, не говоря уже о протекционизме, рабочем законодательстве и т. п.

Борьба беспорядная и зачастую очень наглядная происходила внутри господствующего класса между двумя его группами. Но она никак не может быть определена как борьба классов. Отличия между старым и новым дворянством, в XVI в. еще довольно значительные, в XVII в. все более и более сглаживались по мере постепенного социального и политического слияния этих групп.

Иначе обстояло дело с борьбой крестьянства. Несмотря на все происшедшие в этом классе изменения и на его некоторую социально-экономическую дифференциацию, оно все же представляло собой класс, и притом самый многочисленный. Оно боролось против обеих групп дворянства, а те — против него. Крестьянские восстания нередко были жакериями. Причастность дворян к некоторым из них — явление сравнительно редкое. Вообще крестьянские движения изучены еще далеко не достаточно, и в сущности их надо исследовать заново, на иной источниковедческой базе и с другой проблематикой.

⁵⁷ См.: А. Д. Жюблинская, Французский абсолютизм. . . , гл. III.

Было ли крестьянство «слепое» в своей борьбе? Нет, его идеологию нельзя назвать слепой или несмысленной. В XVII в. оно представляло собой класс лично свободных товаропроизводителей и фактических собственников земельных участков (слои арендаторов, не имевших своей земли, был еще относительно невелик), отягощенных феодальными поборами и особенно государственными налогами. Снижение тех и других (в первую очередь налогов) до какого-то «справедливого» уровня лишь внешне означало возвращение к «добрым старым временам». По существу это была самая настоящая программа крестьянства, стремившегося укрепить свое самостоятельное хозяйство, освободив его от феодальных поборов и государственных налогов. Прогрессивность этой программы заключалась в том, что она стимулировала крестьянство, т. е. класс, давно уже располагавший средствами для такого самостоятельного хозяйствования, к борьбе со всеми формами феодального гнета. Данная программа соответствовала реальному положению вещей и была затем осуществлена в ходе буржуазной революции. Об иллюзорности социально-политического идеала крестьянства мы уже говорили.

В развитии крестьянской идеологии важным переломным моментом является переход от борьбы с феодалами в XIV в. к борьбе с феодальным государством сперва в масштабе провинции (или группы провинций), затем, в конце XVIII в., — страны. Крестьянские восстания XVI в. изучены столь недостаточно, что трудно определить, какое именно место занимает в них борьба с государством. Но в XVII в. борьба в масштабах провинций и групп провинций налицо.

Для городских движений мы предпочли бы выбрать более осторожные формулировки. Плебейство не составляло класса. Это была смесь самых разнородных старых и новых элементов с еще значительным численным и качественным преобладанием именно старых. Те зачатки классовой борьбы наемных рабочих с предпринимателями,⁵⁸ которые во Франции явственно проступили в стачках XVI в., имели место и в первой половине XVII в., но они изучены крайне мало, и трудно сказать, поднялась ли эта борьба в то время на какую-либо более высокую ступень. Во всяком случае в обществе, еще далеком даже от буржуазной революции, она еще не могла занимать главенствующего положения.

⁵⁸ В. И. Ленин писал: «Когда рабочие отдельной фабрики, отдельного ремесла вступают в борьбу со своим хозяином или со своими хозяевами, есть ли это классовая борьба? Нет, это только слабые зачатки ее. Борьба рабочих становится классовой борьбой лишь тогда, когда все передовые представители всего рабочего класса всей страны сознают себя единым рабочим классом и начинают вести борьбу не против отдельных хозяев, а против всего класса капиталистов и против поддерживающего этот класс правительства» (В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 187—188).

Очень характерно, что в XVII в. городские восстания почти никогда не начинались с выступлений бедноты против богачей. Движущим моментом оставалась борьба с фиском, представлявшая собой в условиях Франции лишь первичную и еще малоосознанную стадию борьбы с правительством. Кроме того, лозунги «Да здравствует король без элю!» (или «без габели») ⁵⁹ нельзя назвать пустыми даже в том смысле, как считает Мандру. В ту пору король действительно мог «здравствовать» без элю или без габели не только в сознании народных масс, но и в реальности: ведь он в тот период так и остался королем «без элю» в Провансе или «без габели» на юге. Следовательно, борьба с фиском, в которой народные восстания играли главную роль, отнюдь не была бессмысленной. Она не раз (может быть, чаще, чем можно сейчас думать на основании имеющихся исследований) приводила к каким-то положительным результатам, т. е. восставшие достигали до известной степени поставленных ими целей. Поэтому такие действия, как убийство агентов фиска или изгнание их из города, также не были бессмысленными вспышками народного гнева. Они являлись одним из средств для достижения цели.

Но характерно, что после этих действий, т. е. отказа от уплаты налога, изгнания или убийства агентов фиска и т. п., восставшим — если это было восстание в одном каком-либо городе — действительно ничего не оставалось делать в политическом плане. Восстание стихало не просто в силу исчерпания энергии восставших: оно или пресекалось властью вооруженной рукой или же кончалось вследствие отмены налога (либо сокращения его суммы и т. д.). Для того чтобы восстание охватило всю провинцию или группу провинций, нужно было, чтобы увеличение старого налога либо введение нового коснулось более или менее значительной территории (или ощущалось болезненнее именно на данной территории). Тогда вся провинция действовала такими же способами, как и отдельный город, но уже в провинциальном масштабе, что нередко приводило к вооруженным столкновениям с правительственными войсками. В подобных случаях осознание цели восстания охватывало большие массы народа и принимало до некоторой степени политический оттенок. Это была важная ступень в длительном процессе выработки политического и классового сознания народных масс. Но до намерения свергнуть существующий строй и политический порядок было еще очень далеко.

Вернемся к городским движениям. Борьба с богачами обычно следовала за борьбой с фиском, но сама по себе она еще не поднимала движение и сознание его участников на более высокую ступень в социальном или политическом плане.

⁵⁹ Лозунги восстаний, направленных против введения податных округов (элю — члывник податного округа) или против соляного налога (габел).

Городские восстания во Франции в XVII в. представляют собой один из этапов социальной борьбы в городах в период развития капитализма в недрах феодального общества. Они постепенно расчищали почву для появления более высоких форм классовой борьбы в эпоху подготовки и победы буржуазной революции. В этом же направлении действовали и восстания, развертывавшиеся в провинциальном масштабе.

Подведем некоторые итоги.

Прежде всего нам представляется — к этому подводит весь ход дискуссии — что необходимы самые точные определения всех составных элементов классовой структуры общества. Критерием должно служить марксистское определение класса по занимаемому месту в системе общественного производства, по отношению к средствам производства, по роли в общественной организации труда и по способам получения доли общественного богатства. Для переходного периода, каким был XVII в. во Франции (особенно его первая половина), очень важны также определения стадии восходящего или нисходящего развития класса, равно как и различных социальных слоев, характерных именно для этой переходной эпохи.

Классовую борьбу данного периода надо рассматривать как особую фазу, которая еще не может иметь ярко выраженных и зрелых форм не только сознания, но и самой классовой борьбы как таковой. Однако в основе ее лежат столкновения интересов различных классов и сословий. Буржуазная революция и свойственная ей зрелая ступень классового самосознания не рождаются на пустом месте, но подготовляются веками. Дальнейшие исследования покажут, к какому именно этапу в этом длительном процессе следует отнести первую половину XVII в., однако и сейчас уже ясна вся важность данного периода в истории Франции.

Основная специфика народных движений именно в XVII в. и отношение к ним (участие в них) различных групп господствующего класса и буржуазии могут быть определены с достаточной обоснованностью лишь при определении того места, которое эти движения занимают во всей истории средневековой Франции, чрезвычайно богатой такого рода событиями. В частности, нельзя пройти мимо весьма показательной истории предшествующего столетия, а именно гражданских войн XVI в., когда взаимосвязь между движениями народных масс (главным образом в городах) и выступлениями привилегированных сословий приняла форму довольно длительного политического союза, направленного против абсолютизма. В первой половине XVII в. эта взаимосвязь еще не исчезла, хотя политический союз уже распался.

Особого внимания требует изучение результатов восстаний, так как с ними тесно связаны проблемы целей народных движений и социальной психологии их участников.

Идеология народных масс в исследуемый период представляет особые трудности для изучения. По нашему мнению, народные движения нельзя определять как «слепую силу». Это значило бы полностью обесмысливать борьбу народа как в объективном, так и в субъективном планах. Объективно, т. е. независимо от сознания самих народных масс, они выполняли крайне важное дело борьбы с феодальным строем и притом в эпоху, когда буржуазия еще не была способна на открытую борьбу с ним. Они пока что делали за нее ее дело, разумеется, не понимая конечных целей своих усилий. Но и субъективно народ не был слеп в своей борьбе. В особенности это касается крестьянства, у которого был уже вековой опыт классовой борьбы с феодалами и которое переходило в стадию борьбы не только с феодалами, но и с поддерживавшим их государством. Крестьянство имело конкретные цели в борьбе и частично могло их добиваться. В городских движениях в силу большой социальной пестроты основной массы городского населения и отсутствия значительных контингентов наемных рабочих труднее уловить элементы осознанных и широких по масштабу целей. Однако в борьбе с налоговым гнетом городские низы все же ставили себе определенные цели и нередко добивались хотя бы частичного их достижения.

Очень интересной задачей представляется нам исследование политической истории восстаний 1620—1640 гг. Что именно вызвало тогда усиление налогового гнета? Могло ли правительство избежать войны и связанных с ней огромных расходов? Какова была в целом его фискальная политика и каковы в данном плане результаты восстаний? Изменяли ли они в какой-либо мере налоговую политику, вызвали ли какие-либо реформы? В чем состояло значение восстаний в общем курсе политики абсолютизма? Выяснение также и этих проблем будет во многом способствовать уточнению смысла, роли и значения борьбы народных масс в первой половине XVII в., а следовательно, и во всей истории Франции.

В. С. ДЯКИН

«ВЕК МАСС» И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КЛАССОВ (ВОПРОС О КЛАССОВОЙ СУЩНОСТИ ФАШИЗМА В ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)

Прошло уже более двадцати лет с тех пор, как под ударами Советской Армии рухнуло здание фашистского режима, установленного в Германии гитлеровской «национал-социалистической» партией. Однако проблема фашизма, его классовой характеристики, его социальной структуры не стала достоянием только историков. Опасность фашизма существует и в наши дни, проявляясь и в деятельности неонацистов в ФРГ и многих странах Западной Европы и Америки, и в тенденциях фашизации в ряде государств. Режимы фашистского типа по-прежнему находятся у власти в Испании и Португалии. Понятен поэтому интерес историков и социологов к изучению фашизма в его «классических» — итальянской и германской — формах, стремление понять (или, наоборот, затемнить) причины, порождающие фашистское движение и создающие условия для захвата фашистами власти.

Принципиальная марксистская позиция по этому вопросу была сформулирована еще в 1920—1930 гг. В программе Коммунистического Интернационала, принятой в 1928 г., указывалось, что условиями, в которых возникает и развивается фашистское движение, являются «неустойчивость капиталистических отношений, наличие значительных деклассированных социальных элементов, обнищание широких слоев городской мелкой буржуазии и интеллигенции, недовольство деревенской мелкой буржуазии, наконец, постоянная угроза массовых выступлений пролетариата».¹ После прихода Гитлера к власти XIII пленум Исполкома Коммунистического Интернационала (ИККИ) дал определение фашизма как «открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее левых фашистских и наиболее импе-

¹ Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932. М., 1933, стр. 11—12.

риалистических элементов финансового капитала». При этом в резолюции XIII пленума было подчеркнуто отличие фашистской диктатуры от других форм капиталистической реакции: «Фашизм пытается обеспечить за монополистическим капиталом массовый базис среди мелкой буржуазии, апеллируя к выбитому из колен крестьянству, ремесленникам, служащим, чиновникам, и в частности к деклассированным элементам крупных городов, стремясь проникнуть также в рабочий класс». Наконец, в резолюции XIII пленума ИККИ подчеркивалась сложность и неоднозначность процессов, происходящих в самом лагере финансового капитала в период, предшествующий установлению фашистской диктатуры, и указывалось, что «стремление фашизма к политической монополии усиливает в рядах господствующих классов раздоры и конфликты». Годом позже VII конгресс Коминтерна подтвердил характеристику природы фашизма, данную на XIII пленуме ИККИ, и одновременно исправил содержащиеся в решениях пленума ошибки, облегчая этим деятельность коммунистических партий, направленную на создание единого антифашистского фронта. VII Конгресс отметил особую реакционность германского фашизма, прикрывавшего националистической и социальной демагогией свою роль «прислужника крупной буржуазии».³

Но как раз определение фашизма как наиболее реакционной формы диктатуры финансового капитала, четко и недвусмысленно возлагающее ответственность за преступления фашизма на буржуазную реакцию, оказывается неприемлемым для буржуазной историографии. Поэтому все изучение истории фашистских движений и фашистских режимов ведется буржуазными историками и социологами под знаком открытого или косвенного спора с марксистским анализом классовой сущности фашизма. В то же время неумолимая логика фактов заставляет тех историков, которые исходят не из желания обелить финансовую олигархию путем заведомой фальсификации, а из стремления действительно разобраться в существе явления, если и не принимать целиком марксистскую характеристику фашизма, то все в большей и большей степени учитывать ее.

В момент, последовавший непосредственно за крахом гитлеровского режима, в обширной литературе исторического, а чаще публицистического характера наибольшее распространение получил тезис о «коллективной вине» немецкого народа за преступления фашизма, выведивший причины установления фашистской диктатуры из особого «национального духа» немцев и трактованный «национал-социализм» как чисто германское явление,

² XIII пленум ИККИ. Тезисы и постановления. М., 1934, стр. 6—7.

³ Резолюция VII Всемирного конгресса Коммунистического интернационала. М., 1935, стр. 11.

не имеющее аналогий в истории других стран. Этот тезис, идеологически близкий к теориям самих фашистов, имел целью растворить в «коллективной вине» народа действительную вину господствующих классов. Но научная и политическая несостоятельность такого рода концепции была настолько очевидна, что даже реакционные историки типа Ф. Майнеке и Г. Риттера выступили против нее и стали рассматривать фашизм как «феномен XX века», подчеркивая общеевропейские моменты социальной истории.

Начавшаяся «холодная война» наложила свой отпечаток на изучение истории фашизма. С одной стороны, усиливается влияние американской концепции «тоталитаризма». С работами этого направления мы еще столкнемся в дальнейшем изложении. С другой стороны, выпячивается личная роль Гитлера. Если в предшествующих работах по истории фашизма Гитлер выступал сначала как проявление особой «немецкой сущности», а затем как олицетворение «европейского кризиса», то после 1948 г. растет число книг и статей, на страницах которых Гитлер фигурирует уже как самостоятельная сила, и тезис о «коллективной вине» немцев смещается тезисом о личной вине Гитлера и его ближайшего окружения.

Концепция, рассматривающая фашистский режим в Германии как дело рук только одного Гитлера, которая, кстати сказать, соответствует официальной фашистской доктрине,⁴ и по сей день оказывает большое влияние на западногерманскую историографию. Ее разделяют не только такие реакционные историки, как О. Вестфаль,⁵ называющий себя экс-фашистом, или Ф. Глум, для которого и сейчас еще Ноябрьская революция остается ненавистным «голодным бунтом», совершенным «праздными матросами»,⁶ и который считает, что идея национал-социализма могла бы стать направляющей для ближайших веков германской истории, если бы не «маленькая группа людей, которая в расовом ослеплении низвела обоснованный лозунг национального социализма до понятия, означающего насильственное господство». Решающую причину победы Гитлера Глум видит в «демонических» свойствах его натуры, которой якобы никто не мог противостоять.

Эта концепция оказывает влияние и на историков, считающихся в ФРГ демократами, таких, как Г. Гизевиус⁸ или В. Хофер. «Если,— утверждает Хофер,— принять во внимание все причины и условия общего порядка, может ли это в конечном счете объяснить взлет национал-социализма? Без роковой лично-

⁴ См.: Der Neue Brockhaus. Bd. II, 1938, S. 147; Bd. III, 1939, S. 341.

⁵ O. Westphal. Weltgeschichte der Neuzeit. Stuttgart, 1953.

⁶ F. Glum. Der Nationalsozialismus. Werden und Vergehen. München, 1962, SS. 84, 105.

⁷ Там же, стр. 435.

⁸ H. B. Gisevius. Adolf Hitler, Versuch einer Deutung. München, 1963.

сти Гитлера он был... немислим.⁹ Такой подход определяет интерес к мельчайшим подробностям личной биографии Гитлера, наполняющим объемистую монографию Гизевнуса, буквально смакующего пикантные подробности о вероятном чешском или еврейском происхождении предков фашистского фюрера и подробно разбирающего возможные причины самоубийства его любовницы (и одновременно племянницы) Гели Раубаль. О степени научной значимости подобных исследований можно судить по утверждению Глума, будто первая попытка Гитлера добиться от Гинденбурга своего назначения канцлером потерпела неудачу потому, что Гитлер был «не в форме» из-за самоубийства Гели Раубаль, а Геринг в момент переговоров находился в Швеции у постели умирающей жены.¹⁰

Хотя преувеличение личной роли Гитлера в ряду причин, обусловивших появление на исторической арене фашизма и его приход к власти, типично для многих, если не для всех западногерманских историков, все же главное внимание в серьезных работах сосредоточивается на характеристике объективных предпосылок, сделавших возможной победу фашизма в Германии. Поскольку, однако, буржуазные историки отказываются при этом от марксистского метода классового анализа явлений, результаты их исследования объективных исторических условий, существовавших в Германии в период 1920—1930 гг., выливаются чаще всего в пользуемую большим распространением в ФРГ концепцию «века масс».

Самый термин «век масс» вошел в употребление западногерманских историков еще на рубеже 40—50-х годов. В 1952 г. К. Миш назвал свою книгу «Германская история в век масс. От французской революции до сегодняшнего дня».¹¹ Позднее в работах реакционных философов, социологов и историков группы Ротфельса были разработаны основные положения этой концепции. Мы имеем, в частности, в виду монографии Г. Фрейера «Теория сегодняшнего века»,¹² В. Конце «История структуры технико-индустриального века как задача исследования и преподавания»,¹³ Т. Шидера «Государство и общество в изменениях нашего века»,¹⁴ К. Ясперса «Атомная бомба и будущее людей».¹⁵

⁹ Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933—1945. Frankfurt am/M., 1957, S. 366.

¹⁰ F. Glum. Der Nationalsozialismus, S. 169.

¹¹ K. Mich. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Massen von französischer Revolution bis zum Gegenwart. Stuttgart, 1952.

¹² H. Freyer. Theorie des gegenwärtigen Zeitalter. Stuttgart, 1956.

¹³ W. Conze. Die Strukturgeschichte des technisch-industriellen Zeitalter als Aufgabe für Forschung und Unterricht. Köln—Opladen, 1957.

¹⁴ T. Schieder. Staat und Gesellschaft in Wandel unserer Zeit. München, 1958.

¹⁵ K. Jaspers. Die Atombombe und die Zukunft des Menschen. München, 1958.

Концепция «века масс» исходит из реально существующей тенденции возрастания роли народных масс в общественном развитии. В соответствии с этим период после Французской революции рассматривается как «век масс», когда решающее значение для исторических событий приобретает не воля отдельных «просвещенных» и занимающих высокое положение личностей, а воля больших социальных, национальных, конфессиональных и иных групп населения. Сторонники концепции «века масс» обходят, однако, вопрос о классах, предпочитая говорить о «бесструктурном массовом обществе». Это дает им возможность подменить вопрос о социальной революции вопросом об изменении внутри социальной структуры для того, чтобы объединить капитализм и социализм в понятие «индустриального общества».

Тем самым подводится методологическая основа под понятие «тоталитаризма», занимающее видное место в политических и исторических концепциях ФРГ. Под «тоталитаризмом» западногерманские (как и американские) историки подразумевают однопартийный государственный строй. Жонглируя термином «тоталитаризм», они отрывают фашистскую диктатуру от того строя, который ее породил, конструируя «принципиальную» разницу между фашизмом и империализмом. Одновременно, сознательно не желая видеть, интересы каких классов выражает государство в каждом конкретном случае, они пытаются подвести и фашизм, и коммунизм под понятие «тоталитарного режима», стремясь направить ненависть широких масс к фашизму на социалистические государства.

Причины установления «тоталитарных» режимов реакционные западногерманские историки видят в присутствии «веку масс» росте влияния народных масс на общественное развитие, причем такое влияние рассматривается ими как вторжение слепой, стихийной силы, легко оказывающейся орудием злой воли того или иного лица или группы лиц. Именно в таком плане подаются в западногерманской историографии предпосылки установления гитлеровской диктатуры. Историки, считающие себя демократами, возлагают при этом ответственность на «антидемократические потенции масс»,¹⁶ в то время как реакционные авторы выводят фашистскую идеологию из самого существа демократических идей коллективизма и равенства (или, как они предпочитают выражаться, «уравненок»). Этот тезис является основным в книге католического монархиста Э. фон Кухельт-Леддина под характерным названием «Свобода или равенство. Вопрос судьбы для Запада»,¹⁷

¹⁶ E. Faul. Hitlers über-Machiavellismus. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1954, H. 4, S. 351.

¹⁷ E. von Kuchelt-Leddihn. Freiheit oder Gleichheit. Schicksalsfrage des Abendlandes. Salzburg, 1953 SS. 327, 366, 395.

а также у В. Мартини, названного Гитлера наиболее последовательным демократом.¹⁸

Одним из наиболее активных приверженцев доктрины «тоталитаризма» является видный западногерманский историк, профессор университета в Бонне К. Д. Брахер, опубликовавший недавно книги «Национал-социалистский захват власти» (написанную в соавторстве с В. Зауэром и Г. Шульцем)¹⁹ и «Германия между демократией и диктатурой».²⁰ Рассматривая «тоталитарное движение» как «дети демократического века»,²¹ Брахер выводит его истоки из Французской буржуазной революции, положившей начало, по его словам, веку массовых движений и массовых идеологий.

При анализе конкретно-исторических причин, вызвавших особенное распространение того, что Брахер именует «тоталитарным движением» в Германии, он высказывает целый ряд совершенно здравых мыслей. Он связывает особую реакционность германского буржуазного национализма с тем, что он зародился в обстановке борьбы против французского господства в эпоху наполеоновских войн и сочетался в результате этого с отрицанием идей французской революции, и с тем, что после поражения германской буржуазии в 1848 г. германское единство было осуществлено в форме прусско-юнкерского псевдоконституционного государства. Под влиянием успехов Бисмарка германская буржуазия, как отмечает Брахер, восприняла циничную идею «реальной политики», опирающейся на голую силу. Во внутренней политике бисмарковская система не дала развиваться нормально функционирующему парламентаризму, помешала буржуазии приобрести опыт сотрудничества с социал-демократией и профсоюзами. Во внешней политике Германия была «запоздавшей нацией», стремившейся к захвату колоний и господству в Центральной Европе. Без прусских военных и государственных традиций, подчеркивает Брахер, нельзя себе представить создание в Германии «тоталитарного» государства.²²

Подчеркивание реакционности прусских традиций имеет, бесспорно, положительное значение, хотя, видя причины победы фашизма в особенностях германского развития в XIX в., Брахер тем самым смазывает принципиальное отличие этой эпохи от периода общего кризиса капитализма, породившего фашизм как социальное явление. Но дело, однако, заключается не только

¹⁸ W. Martini. Des Ende aller Sicherheit. Eine Kritik des Westens. Stuttgart, 1954, S. 94.

¹⁹ K. D. Bracher, W. Sauer, G. Schulz. Die nationalsozialistische Machtergreifung. Studie zur Errichtung des totalitären Herrschaftsystems in Deutschland 1933/1934. Köln, 1960.

²⁰ K. D. Bracher. Deutschland zwischen Demokratie und Diktatur. Beiträge zur neueren Politik und Geschichte. München, 1964.

²¹ Там же, стр. 146.

²² Там же, стр. 153—156, 160.

в этом. Указанные выше причины рассматриваются Брахером лишь как дополнительные по отношению к общевропейским предпосылкам «тоталитаризма», вырастающим из открытого Французской революцией «века масс». Такими предпосылками Брахер считает «социализацию» и «политизацию» всех граждан, т. е. втягивание все более широких слоев населения в классовые и политические конфликты современного общества, усиление идеологической пропаганды, появление воинствующего национализма, распространение милитаристского духа в массах с образованием народных армий в результате всеобщей воинской повинности.²³

С таким участием широких масс в политической жизни, с одной стороны, и с распространением в Германии в силу особенностей ее исторического развития антидемократических идей²⁴ — с другой, Брахер и связывает появление «тоталитарного» национал-социализма, определяя его как «большое всемирно-историческое контрдвижение против Французской революции со всеми ее последствиями, движение против либерализма и свободной демократии, против гражданских и человеческих прав, против западной цивилизации и международного социализма». При этом в соответствии со своей концепцией Брахер отодвигает антисоциалистический характер фашизма на задний план и утверждает, что «смысл национал-социалистской революции в первую очередь в уничтожении либерализма и индивидуализма».²⁵

В приоритете присущего якобы фашистской идеологии «духа коллективизма» над индивидуальной свободой видит существо фашизма и католические историки, отождествляющие его в этом отношении не только с коммунизмом, но и с социализмом вообще. Уже упоминавшийся Кухельт-Леддин находит общее между фашизмом, социализмом и этическим национализмом в том, что все эти идеологии, выводимые им из наследия Французской революции, были враждебны католической церкви, материалистичны, антимонархичны, ставили своей целью построение нового общества, основанного на коллективизме.²⁶ Аналогичные позиции занимает иезуитский историк И. Лотц в статье «Современные диктатуры с философско-исторической точки зрения».²⁷ Католические историки упрекают в подготовке фашистской идеологии своих лютеранских противников. В ряде работ акцент делается на общем ослаблении позиций христианства как на причине распространения фашистских идей.²⁸

²³ Там же, стр. 146.

²⁴ Там же, стр. 154.

²⁵ Там же, стр. 147.

²⁶ E. von Kuchelt-Leddihn. Freiheit oder Gleichheit, S. 327.

²⁷ J. B. Lotz. Die moderne Diktatur in philosophisch-geistesgeschichtlicher Sicht. Stimmen der Zeit, 1953, Mai, SS. 81—96.

²⁸ Grosso Herder, Bd. VI, S. 988; Golo Mann, Deutsche Geschichte in 19 und 20 Jahrhundert. Frankfurt am/M., 1958, S. 6; Nationalsozialismus, SS. 17—18.

Концепция «века масс» пронизывает и всю книгу Г. Франц-Виллинга «Гитлеровское движение. Происхождение. 1919—1922».²⁹ Переключившись с изучения культуркампфа в Германии и немецкого либерализма в Австро-Венгрии на историю первых лет гитлеровского движения автор излагает эту концепцию следующим образом: «Век мировых войн и мировых революций есть век масс. Вследствие изменившегося в результате промышленной революции и все еще измеющегося образа жизни и вследствие тесно связанного с промышленной революцией скачкообразного прироста населения массы играют постоянно возрастающую роль. . . Век масс есть век безбожия, идеологий и больших сильных личностей, в которых олицетворяется воля масс к власти. . . Они (массы, — В. Д.) хотят не думать, а верить, не разговаривать, а действовать, не дискутировать, а повиноваться. Господство масс осуществляется в господстве личностей».³⁰ Исходя из этого, Франц-Виллинг рассматривает фашизм как «современное массовое движение», теснейшим образом связанное с судьбой Гитлера, который «был вызван, создан, сформирован массами» и являлся их выразителем (медиумом).³¹

С аналогичными утверждениями выступают и многие другие западногерманские историки. В недавно вышедшей книге «Непреодоленная история. Этапы немецкой судьбы после 1763 г.» Г. Шёпс (специалист по историко-религиозным сюжетам) заявляет, что «национал-социализм как народное движение был . . . самым типичным проявлением века масс».³² Автор большой и во многих частных выводах очень интересной книги «Антидемократические идеи в Веймарской республике» К. Зонтеймер также считает, что «национал-социализм поднялся из антидемократических, антилиберальных, антикапиталистических настроений в немецком народе» и «как народное движение, охватывающее широкие массы, был в этом смысле движением этих масс».³³ Со своей стороны, Г. Мау и Г. Краусник видели причину успеха фашизма в том, что после краха привычных представлений о мире, вызванного поражением Германии в войне и революцией, «мир снова, казалось, становился обозримым и понятным в больших упрощенных национал-социалистической концепции. Она устанавливала простые мерилы для того, что есть добро и что зло, что ценно и

²⁹ G. Franz-Willing. Die Hitlerbewegung. Der Ursprung. 1919—1922. Hamburg—Berlin, 1962.

³⁰ Там же, стр. 5—6.

³¹ Там же.

³² H. J. Schoeps. Unbewältigte Geschichte. Stationen deutschen Schicksals seit 1763. Berlin, 1964, S. 175.

³³ K. Sontheimer. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918 und 1933. München, 1962, S. 376.

что не имеет цены, что черное и что белое. Именно это люди снова хотели знать».³⁴

Антидемократический характер концепции «века масс» проявляется в том, что она ведет к попыткам подменить ответственность монополистического капитала коллективной виной масс, протекающей, правда, не из национальных особенностей немцев, как утверждали авторы первых послевоенных работ, а из социально-психологических и идеологических особенностей развития массовых движений в современную эпоху. Уже в 1948 г. «неолиберал» В. Рёнке прямо говорил о виновности народных масс в победе фашизма и выступал против «легенды о злых капиталистах»³⁵ а сын лидера брауншвейгских националистов, образовавшихся уже в 1930 г. коалиционное земельное правительство с участием фашистской партии, Э. А. Ролоф в книге «Буржуазия и национал-социализм» заходит еще дальше в этом противопоставлении, заявляя: «В демократии решают настроения и образ мысли масс, с их помощью Гитлер одержал победу, в том числе победу над буржуазией, ибо бюргер всегда является первым объектом нападения массы».³⁶

Всякая попытка возложить ответственность за установление фашистской диктатуры и за агрессивную политику гитлеровской Германии на монополию встречается в ФРГ в штыки и объявляется «пособничеством ульбрихтовской пропаганды». Именно так была охарактеризована вышедшая в 1960 г. в США и получившая широкое распространение книга В. Ширера «Подъем и падение третьей империи»³⁷ автора которой боннский журнал «Politisch-soziale Korrespondenz» немедленно обвинил в пользовании «московским жаргоном».³⁸ В резких нападках на Ширера выступил и глава наиболее реакционной группировки западногерманских историков Г. Ротфельс.³⁹ Такая же судьба постигла в прошлом книгу Уиллер-Беннета «Возмездие власти».⁴⁰ Западногерманские историки, возлагающие на народные массы вину за победу гитлеризма, обвиняют в «травле немцев» и «нарушении западного единства» тех своих европейских и американских коллег, которые ищут корни фашизма в политике буржуазной реакции.

При всем том концепция «века масс» в приложении к конкретным историческим исследованиям означает некоторый шаг вперед

³⁴ H. Mau, H. Krausnick. Hitler und der Nationalsozialismus. Rasse Deutsche Geschichte im Überblick. Stuttgart, 1962, S. 680.

³⁵ W. Röpke. Die deutsche Frage. 1948, S. 38.

³⁶ E. A. Roloff. Bürgertum und Nationalsozialismus 1930—1933. Braunschweiger Weg ins Dritte Reich. Hannover, 1961, S. 18.

³⁷ W. Shirer. The Rise and the fall of the Third Reich. N. Y., 1960.

³⁸ Politisch-soziale Korrespondenz, 1962, № 1, S. 12.

³⁹ Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1962, H. 1, S. 96.

⁴⁰ J. W. Wheeler-Bennet. Die Nemesis der Macht. Düsseldorf, 1954.

в западногерманской буржуазной историографии, требуя от своих сторонников более глубокого изучения явлений, прежде всего массовых идеологий и социальной психологии. Здесь историки ФРГ, занимающиеся проблемами фашизма, добились определенных результатов, ценность которых нельзя отрицать, несмотря на неверность схем, ради построения которых используются эти результаты. Большое внимание уделяется в западногерманской историографии изучению идейной атмосферы, сделавшей значительные массы населения страны восприимчивыми к фашистской демагогии. При этом явно намечены два направления в таком изучении.

Одно, представленное среди недавно опубликованных работ уже цитированной книгой Ф. Глума «Национал-социализм. Возникновение и исчезновение» и книгой В. Конце «Немецкая нация — результат истории»,⁴¹ сосредоточивает внимание на националистических корнях фашизма. Оба автора подчеркивают связь особой остроты развития национализма в Германии с поздним образованием единого германского национального государства, созданного в конечном итоге не в результате буржуазно-освободительного демократического движения, а в результате бисмарковской политики «железа и крови». Из затянувшейся борьбы за создание единого государства Глум выводит присущий реакционным идеологическим течениям в Германии культ государства,⁴² а Конце — различие в трактовке понятия «нация» и «народ» в националистических теориях германского и «европейского» происхождения. Конце считает, что в отличие от «европейского» (под которым он подразумевает французское и английское) понятия «нация», рассматривавшего ее как совокупность населения данной страны, германское понятие «народ», легшее в основу националистических идей, обнимало всех людей, говорящих на немецком языке, независимо от государственных границ. Это обстоятельство сыграло большую роль в распространении фашизма среди немецких меньшинств в других странах Европы.⁴³

Хотя и Глум, и Конце подчеркивают большую роль, которую сыграли в усилении националистических идей мировая война и поражение Германии, они рассматривают фашизм как явление, непосредственно вытекающее еще из довоенного национализма. Для обоих авторов характерно стремление не только объяснить, но и оправдать германский национализм. Конце открыто объявляет несправедливым решение в 1918 г. вопроса о восточных границах Германии, в особенности о Судетской области.⁴⁴ Показательно, что все без исключения западногерманские авторы,

пишущие о роли националистических идей в возникновении и распространении фашизма после 1918 г., избегают термина «реваншизм», более точно определяющего существо дела, но зато и слишком актуально звучащего в нынешних условиях ФРГ.

Другое направление в западногерманской историографии подчеркивает связь фашизма с политическими идеями Веймарского периода. Здесь прежде всего следует назвать уже упоминавшуюся книгу К. Зонтеймера «Антидемократические идеи в Веймарской республике». Автор подробно исследует мировоззрение основных антидемократических течений в Веймарской республике — традиционного национализма, уходящего корнями в кайзеровскую империю, младоконсерватизма, или идеологии «консервативной революции», расистских теорий и национал-социализма. Подчеркивая, что фашистская идеология не представляла собой связной системы и что фашизм нельзя рассматривать как «идейный феномен», поскольку для Гитлера главным были не идеи, которыми он манипулировал ради привлечения масс, а стремление к власти,⁴⁵ Зонтеймер в то же время указывает на большую роль взглядов идеолога «консервативной революции» А. Мёллера ван ден Брука (название книги которого «Третий рейх» было затем подхвачено фашистами в качестве лозунга), способствовавших принятию фашизма реакционной частью немецкой интеллигенции. Зонтеймер подчеркивает, что несмотря на колебания консервативной интеллигенции (перед ее переходом на фашистские позиции) и несмотря на последовавшую затем гибель многих представителей младоконсерватизма в гитлеровских концентрационных лагерях, созданный Гитлером фашистский режим был наиболее последовательным выражением тех идей, которые вынашивались теоретиками «консервативной революции».⁴⁶

В отличие от Зонтеймера Г. Швиерскотт в своей диссертации «Артур Мёллер ван ден Брук и основы младоконсерватизма в Веймарской республике»⁴⁷ подчеркивает отличие взглядов идеолога «консервативной революции» от официальной доктрины фашистской партии.

Один из основных методологических пороков исследований, посвященных идейным истокам и компонентам фашизма, заключается в отрыве идеологических явлений от социально-экономического базиса, стремление рассматривать развитие идей как самодовлеющий процесс. Эта тенденция достаточно ясно видна во всех упомянутых выше работах, а Зонтеймер прямо декларирует ее в качестве принципа, положенного в основу его книги.

⁴⁵ K. Sontheimer. Antidemokratisches Denken..., SS. 169—170, 179.

⁴⁶ Там же, стр. 359, 370—371.

⁴⁷ H. J. Schwierskott. Artur Moeller van den Bruck und der Jungkonservatismus in der Weimarer Republik. Eine Studie über Geschichte und Ideologie des revolutionären Nationalismus. Erlanger, 1960.

⁴¹ W. Conze. Die deutsche Nation. Ergebnis der Geschichte. Göttingen, 1963.

⁴² F. Glum. Der Nationalsozialismus, S. 435—436.

⁴³ W. Conze. Die deutsche Nation..., SS. 111—113.

⁴⁴ Там же, стр. 120, 142—143.

«В центре внимания этой работы, — предупреждает он читателей, — стоят не антидемократические группы, но антидемократические идеи».⁴⁸ Слабость позиции Зонтеймера немедленно обнаруживается, как только он связывает гибель Веймарской республики не с обострением классовых противоречий в ней, а с «существованием антидемократических идей», обусловленность которых социальной структурой республики остается вне его поля зрения.

Большое внимание в целом ряде работ уделяется социальной структуре фашистского движения, его массово-психологической характеристике. Много интересных наблюдений в этом плане содержится в вышедшей в 1955 г. книге Брахера «Разложение Веймарской республики»,⁴⁹ а также в работах В. Шефера,⁵⁰ В. Клозе,⁵¹ Г. Гофмана,⁵² В. Герлица.⁵³ Во всех этих книгах высказывается ряд верных мыслей о психологии мелкой буржуазии, об особенностях настроений германской молодежи, о большой роли, которую сыграли в привлечении молодежи на сторону фашизма мифы об «ударе в спину», нанесенном якобы германской армии революцией 1918 г., о «без боя побежденной армии». В то же время для них характерно стремление рассматривать фашизм как чисто мелкобуржуазное движение. Поэтому делается чрезмерный упор на «антикапиталистические» моменты мелкобуржуазной психологии и по возможности стирается отличие фашистского движения от мелкобуржуазных течений XIX — начала XX в.

Так, Франц-Виллинг считает фашизм продолжением существовавшего еще до войны движения среднего сословия, в котором оно «начало объединяться против опасности, угрожавшей его существованию и вытекавшей из промышленной революции».⁵⁴ Справедливо отметив промежуточное положение мелкой буржуазии в капиталистическом обществе, Франц-Виллинг, однако, видит главное отличие фашизма от довоенных мелкобуржуазных течений в том, что «антикапиталистические стремления... искали в нем нового пути для своего выражения после того, как социал-демократия в этом решающем вопросе оказалась неспособной».⁵⁵

Бесспорно, что в головах мелкобуржуазных приверженцев фашизма, в особенности на его раннем этапе, реваншистско-на-

⁴⁸ K. Sonthheimer. Antidemokratisches Denken... S. 13.

⁴⁹ K. D. Bracher. Die Auflösung der Weimarer Republik. Stuttgart, 1955.

⁵⁰ W. Schäfer. NSDAP. Entwicklung und Struktur der Staatspartei des Dritten Reiches. Hannover, 1956.

⁵¹ W. Klose. Hitler. Ein Bericht für junge Staatsbürger. Tübingen, 1961.

⁵² H. Hofmann. Der Hitlerputsch. Krisenjahre deutscher Geschichte. 1920—1924. München, 1961.

⁵³ W. Gerlich. Adolf Hitler. Göttingen, 1960.

⁵⁴ G. Franz-Willing. Die Hitlerbewegung, S. 136.

⁵⁵ Там же, стр. 235.

ционалистические идеи и ярая враждебность по отношению к рабочему движению уживались с недовольством против господства крупного капитала, подавлявшего и мелкую буржуазию. Отсюда вытекали лозунги борьбы против «процентного рабства» и т. п. Это обстоятельство сыграло немалую роль в распространении влияния фашизма. Но подчеркивание «антикапиталистических» моментов во взглядах приверженцев фашистской партии ведет, сознательно или неосознанно, к затуманиванию основного вопроса: чьим интересам служило фашистское движение.

Подобно тому как Глум и Конце не только объясняют, но и оправдывают немецкий национализм, Франц-Виллинг стремится не только объяснить, но и оправдать психологические мотивы, толкавшие определенные круги германской молодежи (Франц-Виллинг говорит о молодежи вообще) к фашизму. Проигранная война, утверждает он, отняла у германской молодежи будущее. В результате утраты после войны 1914—1918 гг. немецких колоний и восточных областей, продолжает он, молодежь была лишена возможности приложить свои способности, а так как государство не находило силы решительно ответить «нет» французской политике, молодежь устремилась в различные военные союзы. Потеряв веру в вождя государства, молодежь искала своего вождя и нашла его в Гитлере. Он пришел из миллионных масс, «он пришел как пролетарий, как безымянный фронтовик, как человек народа», «он выражал их чувства, их желания, их надежды».⁵⁶ Так концепция «века масс» выступает как оправдание реваншизма, распространяющего свои устремления далеко за пределы границ 1937 г., составляющих предмет официальных притязаний боннских властей.

Чрезмерное увлечение психологическими характеристиками и подмена ими анализа объективных социально-экономических предпосылок фашизма сказываются и на работах историков, старающихся честно разобраться в природе фашистской диктатуры, например на книге бывшего руководителя популярной в ФРГ либеральной телевизионной программы «Панорама» И. Феста «Облик третьей империи. Профили тоталитарного господства». Фест не смог освободиться от влияния концепции «века масс».⁵⁷

Хотя все западногерманские историки указывают на поражение Германии в войне и на Ноябрьскую революцию как на факторы, сыгравшие большую роль в возникновении фашистского движения, теоретические построения, связывающие фашизм с процессами, порожденными Великой французской революцией, или с падением христианской веры, концентрируют внимание не на том новом, что внесла в социальную структуру буржуазного общества эпоха общего кризиса капитализма, а на чертах, присущих периоду капитализма в целом. Кроме названных выше

⁵⁶ Там же, стр. 236—237.

⁵⁷ J. Fest. Das Gesicht des Dritten Reiches. Profile einer totalitären Herrschaft. München, 1963, SS. 11, 339.

работ Брахера, Кухельт-Леддина, Лотца и др., такая же тенденция характерна для Г. Гофмана⁵⁸ и многих других. Это позволяет историкам уйти от анализа специфических социальных условий Веймарской республики, породивших фашизм и сделавших его орудием финансовой олигархии.

Но непосредственная связь фашизма именно с периодом новейшей истории настолько бросается в глаза, что и буржуазные историки, если только они не заморожены жупелом «тоталитаризма», должны были поставить перед собой вопрос, в чем же именно состоит такая связь. Интересную попытку ответить на этот вопрос в рамках концепции «века масс» предпринял Г. А. Рейн в брошюре «Бонапартизм и фашизм в немецкой истории», выпущенной в серии «Историко-политические тетради общества Ранке».⁵⁹ Он проводит различие между антиреволюционными (консервативными) и контрреволюционными силами, к последним он относит бонапартизм и фашизм. Подобное разграничение, часто встречающееся у западногерманских историков, имеет и реальные исторические, и политические основания, о которых еще будет идти речь. Разницу между консервативными и контрреволюционными силами Рейн видит в том, что первые стремятся к сохранению или реставрации старого порядка, тогда как вторые, выступая против революции, не исключают принятия отдельных ее элементов. Когда, пишет Рейн, революция идет к концу, когда затронутые ею массы не могут больше переносить нужду, насилие, отсутствие безопасности и т. п., тогда приходит час контрреволюции. Поскольку, однако, успешная революция уже создала новое общество, «для легитимизма не остается больше возможности, реставрации удаются редко. Так появляется возможность для восхождения первого и третьего Наполеонов как контрреволюционеров, так же как Муссолини, Гитлера и других авторитарных диктаторов».⁶⁰

Рассматривая и бонапартизм, и фашизм как контрреволюционные движения, предпосылками которых являлись страх масс перед анархией, их стремление к восстановлению порядка, авторитета и благосостояния,⁶¹ Рейн указывает и на их отличие, характеризуя бонапартизм как контрдвижение, направленное против «буржуазно-либеральной», а фашизм — против «пролетарско-социальной» революции.⁶² Отсюда Рейн выводит основные признаки, отличающие, по его мнению, фашизм от бонапартизма, — коллективистский принцип, порожденный необходимостью борьбы против хорошо организованных рабочих партий

⁵⁸ H. Hofmann. Der Hitlerputsch, S. 29.

⁵⁹ G. A. Rein. Bonapartismus und Faschismus in der deutschen Geschichte. Göttingen, 1960.

⁶⁰ Там же стр. 5—6.

⁶¹ Там же, стр. 6.

⁶² Там же, стр. 1.

и профсоюзов, создание всепроникающей единой партии, необходимой для подготовки гражданской войны против «рабочих батальонов» и овладения государственным аппаратом, корпоративизм, приспособление идеологии к эпохе социалистических революций (спекуляция на понятиях «социализм» и «пролетариат»);⁶³ Сосредоточив внимание на массовом характере фашистского движения, Рейн ни слова не говорит о буржуазии.

Подобно Рейну, Э. Нольте в статье «К феноменологии фашизма»,⁶⁴ являющейся как бы авторефератом изданной им затем книги «Фашизм в его эпоху», ставит перед собой задачу выделить признаки фашизма, отличающие его от других реакционных режимов. Он отбрасывает как недостаточные определения, связывающие существо фашизма с антисемитизмом или антипарламентаризмом.⁶⁵ Анализируя фашистскую идеологию и подчеркивая, что социальный мотив в фашистской демагогии в каждом случае занимает подчиненное место по сравнению с национальным, Нольте в то же время выступает против трактовки фашизма как обостренного национализма, прослеживая его международный характер.⁶⁶ Главным в фашизме Нольте считает его антимарксистскую направленность,⁶⁷ а хронологически связывает возникновение фашизма с периодом новейшей истории, подчеркивая, что все фашистские группировки во всех странах выросли из первой мировой войны и революции.⁶⁸

При характеристике фашизма Нольте, с одной стороны, обращает внимание на те моменты организации фашистской партии, методы ее проникновения в массы, которые вызваны необходимостью борьбы против высокоорганизованного рабочего движения. С другой стороны, Нольте, несмотря на все оговорки, придает чрезмерно большое значение элементам социальной демагогии фашизма и позволяет себе называть фашистскую идеологию «противопоставленной и все же смежной» по отношению к марксизму.⁶⁹ Такое заведомое искажение истины нужно ему потому, что он уже не косвенно, путем умолчаний, а в открытую ополчается против марксистского определения классовой сущности фашизма и заявляет, что фашизм нигде не выступает как дело рук крупной буржуазии.⁷⁰

То обстоятельство, что именно Нольте выступил с прямыми возражениями против определения фашизма, данного XIII пленумом ИККИ, не случайно. Историки, выводящие сущность

⁶³ Там же, стр. 23—24.

⁶⁴ E. Nolte. Zur Phänomenologie des Faschismus. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1962, H. 4.

⁶⁵ Там же, стр. 386, 402.

⁶⁶ Там же, стр. 394, 397—398.

⁶⁷ Там же, стр. 402.

⁶⁸ Там же, стр. 378.

⁶⁹ Там же, стр. 402.

⁷⁰ Там же, стр. 384, 400.

фашизма из националистической идеологии, из государственно-правовых концепций и др., считают себя вправе обходить вопрос о роли финансового капитала и ограничиваться общими заявлениями об «узости» марксистского социально-экономического анализа, не учитывающего, дескать, иррациональной и антирациональной идеологии XIX и XX вв., «революционных» компонентов фашизма и т. п.⁷¹ Но признание взаимосвязи между вступлением Европы в эпоху социалистических революций и появлением фашизма как контрреволюционного движения, присущего именно этой эпохе, вплотную подводит к проблеме ответственности финансового капитала, заставляя или признавать ее, или вступать в открытую полемику.

Отдельные аргументы, обычно выдвигаемые буржуазной историографией против марксистского определения фашизма, встречаются во многих из называвшихся выше работ, специально же развернутой полемике посвящены статья И. Фетшера «Фашизм и национал-социализм. К критике советско-марксистского понятия фашизма»⁷² и диссертация Р. Бека «История Веймарской республики в зеркале историографии советской зоны»⁷³ (как автор именуется ГДР).

Аргументация западногерманских историков сводится в общих чертах к следующему.

1. Для того чтобы определить сущность фашизма, нужно анализировать начальный этап его развития, а не период, когда он находится у власти.⁷⁴

2. Главное в фашизме — массовый характер движения и применение новейших способов и средств пропаганды.⁷⁵ «Современные средства транспорта и связи, автомобиль, самолет, громкоговоритель, радио, — пишет Гёрлиц, — без этих технических средств нельзя объяснить успех Гитлера».⁷⁶

3. Фашизм резко противостоит традиционному консерватизму (буржуазно-юнкерский характер которого признается западногерманскими историками). Победа фашизма стала возможной не благодаря союзу с консервативными элементами, а из-за того, что они были ослаблены в результате Ноябрьской революции. Отсюда распространённые у западногерманских авторов сожаления по поводу падения монархии, которая якобы была в глазах немцев гарантией правовых принципов и могла предотвратить победу

⁷¹ См.: Der Nationalsozialismus, S. 364; K. D. Bracher. Deutschland zwischen Demokratie und Diktatur, S. 39.

⁷² J. Fetscher. Faschismus und Nationalsozialismus. Zur Kritik des sowjetmarxistischen Faschismusbegriff. Politische Vierteljahresschrift, 1962, II, 1.

⁷³ R. Beck. Die Geschichte der Weimarer Republik im Spiegel der sowjetischen Geschichtsschreibung. Stuttgart, 1963.

⁷⁴ E. Nolte. Zur Phänomenologie des Faschismus, S. 382.

⁷⁵ F. Glum. Der Nationalsozialismus, S. 162.

⁷⁶ W. Görlich. Adolf Hitler, S. 75.

фашизма.⁷⁷ Рейн в этой связи даже позволил себе заявить, будто «то, кто несет ответственность за свержение монархии в Германии, несет также существенную часть вины за возвышение и единовластие Гитлера».⁷⁸

4. Крупный капитал не играл существенной роли в развитии фашистского движения. Оно финансировалось не классом капиталистов, а его отдельными представителями, действовавшими по заблуждению.⁷⁹ При этом имеются определенные различия в аргументации. Глум решается попросту отрицать тесные связи между фашистами и крупной буржуазией, по крайней мере в 20-х годах,⁸⁰ а Ф. Лютге вообще утверждает, что крупная буржуазия не играла значительной роли в формировании общественной структуры в Германии.⁸¹ В. Трейе и Хофер заявляют, что большая часть буржуазии была либо враждебна фашизму, либо апатична и лишь безвольно последовала затем за гитлеровскими планами.⁸²

Фетшер и Бек не могут себе позволить спорить против очевидных фактов и признают связи между фашистской партией и крупными капиталистами. Бек, однако, пишет, что хотя факты финансирования НСДАП крупным капиталом бесспорны, магнаты тяжелой индустрии тем не менее не подготовляли прихода фашистов к власти.⁸³ Кроме того, он пытается найти противоречие между характеристикой фашизма как диктатуры финансового капитала и тем обстоятельством, что наиболее тесные связи с гитлеровской партией существовали лишь у определенной группы монополий — угольных и металлургических, тогда как электротехнические и химические концерны в большей степени поддерживали Веймарскую республику. На этом основании Бек старается «уличить» историков ГДР, признающих такое различие позиций германских монополий, в том, что они отошли от определения, данного XIII пленумом ИККИ, и поставили под сомнение ответственность крупной буржуазии как класса в целом.⁸⁴

Аналогичным образом поступает и Фетшер, заявляющий, что «эпоха добровольной и лояльной совместной работы между либеральной крупной буржуазией и фашизмом в Германии едва ли

⁷⁷ F. Glum. Der Nationalsozialismus, SS. 106—107; H. J. Schoeps. Unbewältigte Geschichte. . . , S. 181; W. Görlich. Adolf Hitler, SS. 100—101.

⁷⁸ G. A. Rein. Bonapartismus und Faschismus. . . , SS. 31—32.

⁷⁹ H. B. Gisevius. Adolf Hitler. . . , S. 140.

⁸⁰ F. Glum. Der Nationalsozialismus, S. 155.

⁸¹ F. Lütge. Deutsche Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Berlin—Göttingen, 1960, S. 469.

⁸² W. Treue. Deutsche Geschichte von den Anfängen bis zum Ende des zweiten Weltkrieges. Stuttgart, 1958, S. 722; W. Hofer. Die Diktatur Hitlers bis zum Beginn des zweiten Weltkrieges. Konstanz, 1960, SS. 120—121.

⁸³ R. Beck. Die Geschichte der Weimarer Republik. . . , S. 316.

⁸⁴ Там же, стр. 306—309, 317—319.

существовала. Поддержка следовала большей частью исключительно от известных представителей тяжелой индустрии.⁸⁵ Он также имеет в виду чисто денежную поддержку, а вину за расчистку Гитлеру пути к власти возлагает не на предпринимателей, а на «влиятельных лиц» в армии и в государственном управлении, «образ мыслей которых был еще докапиталистическим».⁸⁶

5. Буржуазия не нуждалась в фашизме для борьбы с угрозой социалистической революции, поскольку ни в Италии в 1922 г., ни в Германии в 1933 г. такой угрозы не существовало.⁸⁷ Напротив, победа фашизма опасна для самой буржуазии, поскольку ей неминуемо угрожает нападение поддерживающих фашизм масс⁸⁸ и поскольку представители высших социальных слоев при любом режиме в большей степени подвергаются угрозе террора, чем массы простого населения.⁸⁹

6. С победой фашизма его партийная элита образует совершенно новый господствующий класс,⁹⁰ опирающийся не прямо на владение средствами производства на основе частной собственности, а на административную, военную и идеологическую власть.⁹¹

Опираясь на эту аргументацию, Фетшер противопоставляет марксистскому определению фашизма свое, заключающееся в утверждении, будто «фашизм в своей идеальной форме есть господство радикального меньшинства, состоящего из милитаризованной и деклассированной мелкой буржуазии, люмпен-пролетариата и недоучек, которое использует страх имущих классов перед большевизмом и социализацией, а также враждебность консерваторов парламентской системе».⁹²

Все аргументы западногерманских историков не выдерживают критики, они находятся в противоречии с исторической действительностью, в том числе с теми фактами и наблюдениями, которые сами же эти историки вынуждены приводить.

Любое историческое явление следует рассматривать как единое целое, поэтому нельзя отрывать историю фашизма до его прихода к власти от периода фашистской диктатуры. Качественной разницы в характеристике классового содержания фашизма на этих двух этапах не существует. Определение фашизма, данное XIII пленумом ИККИ, не только не отрицает, а наоборот, подчеркивает наличие у фашистского движения, там, где оно получило развитие, массовой базы, состоящей в основном из предста-

вителей мелкой буржуазии и деклассированных элементов. Массовая база является, безусловно, одним из основных отличительных признаков фашистской диктатуры по сравнению с другими формами классового господства капитала. Создание же массовой базы в современных условиях невозможно без применения новейших способов и технических средств пропаганды.

Но здесь немедленно возникает вопрос о финансировании фашистской партии, поскольку без огромных финансовых затрат она не могла бы получить в свое распоряжение «современные средства транспорта и связи, автомобиль, самолет, громкоговоритель, радио». Западногерманские историки, подчеркивающие в один голос, что без новейших методов пропаганды гитлеровская партия не стала бы тем, чем она была, должны были бы как раз поэтому признать, что гитлеровская партия не смогла бы превратиться в массовую и прийти к власти без тех денег, которые она получала от своих покровителей.

Откуда же шли эти деньги? Франц-Виллинг, исследовавший, как мы видели, с очень реакционных позиций первые годы истории фашистской партии, констатирует: «Буржуазное общество в Восточной и Центральной Европе, находившееся под угрозой свержения, финансировало под лозунгом борьбы с большевизмом все, что только могло служить вспомогательным войском в борьбе против угрозы собственности со стороны социализма». Поэтому, отмечает Франц-Виллинг, легче ответить на вопрос, кто не финансировал Гитлера, чем кто его финансировал.⁹³

Он указывает на целый ряд источников, из которых денежные средства поступали в кассу НСДАП в самые первые годы ее существования. Это, во-первых, местные баварские капиталисты, чьи имена были известны и раньше — Бештейн, Брукман, Ханфштенгель, Кете Бирбеймер. Не было бы ничего удивительного, если бы в первые годы существования гитлеровской партии, когда она была лишь одной из многочисленных организаций фашистского и полуфашистского типа и распространяла свою деятельность лишь на некоторые районы Баварии (Франц-Виллинг считает, что только в 1922 г. она стала заметным фактором в политической жизни Мюнхена), гитлеровцы и свои финансовые средства черпали только из баварских источников.

Но Франц-Виллинг называет и другие источники. Через своих ближайших помощников тех лет Федера и Шейбнер-Рихтера Гитлер установил связи с «Сименс-Верке», «Реш-Гангел», дворянскими и церковными кругами, русской белой эмиграцией и т. п.⁹⁴ Общеизвестна финансовая поддержка гитлеровцев в эти годы крупнейшим дельцом инфляционного времени Стайнесом. Франц-Виллинг вынужден признать и то, что средства на покупку

⁸⁵ J. Fetscher. Faschismus und Nationalsozialismus, S. 54.

⁸⁶ Там же, стр. 55.

⁸⁷ Там же, стр. 59.

⁸⁸ E. A. Roloff. Bürgertum und Nationalsozialismus. . . , S. 18.

⁸⁹ J. Fetscher. Faschismus und Nationalsozialismus. . . , S. 59.

⁹⁰ R. Beck. Die Geschichte der Weimarer Republik. . . , S. 326.

⁹¹ J. Fetscher. Faschismus und Nationalsozialismus. . . , S. 62.

⁹² Там же.

⁹³ G. Franz-Willings. Die Hitlerbewegung, S. 178.

⁹⁴ Там же, стр. 184—187, 191.

в 1920 г. «Фелькишер Beobachter» были получены Гитлером частью от Кете Бирбеймер, а частью — от рейхсвера.⁹⁵ На огромную роль, сыгранную рейхсвером в финансировании гитлеровцев на начальной фазе существования НСДАП, указывает в своей книге Г. Гофман.

Характеризуя силы, способствовавшие подъему гитлеровской партии в период до 1923 г., В. Герлиц выделяет четыре основные группы: представители крупной промышленности, видевшие в фашизме средство борьбы с рабочим профсоюзным движением, русская белая эмиграция — гетман Скоропадский, генерал Бискупский и др., пользовавшиеся финансовой поддержкой матери Николая II Марии Федоровны, офицерство и мелкобуржуазные приверженцы, составлявшие массу членов партии. Решающую роль на этом этапе Герлиц отводит офицерству.⁹⁶ Можно, наконец, вспомнить, что еще в начале 30-х годов К. Гейден привел немало фактов о финансовой связи крупной промышленности с гитлеровской партией с самого момента ее возникновения.⁹⁷

Что противопоставляет всем этим фактам Франц-Виллинг для спасения своей концепции, отрицающей ответственность крупного капитала за возникновение и подъем фашизма? По сути дела ничего, если не считать бездоказательных утверждений, что не деньги, полученные от предпринимателей, а «идеализм и беспримерный жертвенный дух основателей и старейших приверженцев» были главной движущей силой партии и что «в основном партия должна была финансировать себя за счет обязательных взносов и добровольных пожертвований».⁹⁸ И это говорится применительно к 1923 г., когда инфляция достигла невиданных размеров! Можно ли всерьез утверждать, что фашистская партия содержала свой пропагандистский аппарат, свою прессу и свои штурмовые отряды на членские взносы разорившихся лавочников и безработных, составлявших основную массу ее членов?

Разумеется, нельзя сводить дело только к финансовой поддержке со стороны крупного капитала. Гитлеровская НСДАП была лишь одной из многочисленных организаций, существовавших в Германии в 20-х годах и получавших деньги от реакционной буржуазии. Можно вспомнить группы, действовавшие в Северной Германии и долгое время соперничавшие с Гитлером за руководство в фашистском лагере. Можно назвать «Генеральный секретариат для изучения и борьбы с большевизмом» и «Антибольшевистскую лигу»⁹⁹ или общество «Ринг-Бовеунг» Мёллера ван ден

⁹⁵ Там же, стр. 180—181.

⁹⁶ W. G ö r l i t z. Adolf Hitler, SS. 36—40.

⁹⁷ См., например: К. Гейден. История германского фашизма. М.—Л., 1935, стр. 119—120.

⁹⁸ G. Franz-Willing. Die Hitlerbewegung, SS. 178, 198.

⁹⁹ G. A. Rein. Bonapartismus und Faschismus. ..., S. 30.

Брука,¹⁰⁰ которое, кстати сказать, в 1920 г. устанавливало личный контакт с Гитлером. В том, что не эти группы, а именно НСДАП стала центром фашистского движения, сыграли роль личные качества Гитлера как демагога и организатора, большее умение его и его ближайшего окружения повести за собой обманутые и деморализованные массы.

Но никакая «сильная личность» не способна вызвать к жизни социальное явление, оказавшее влияние на судьбы миллионов людей, если в самом строе общества, в котором она действует, не заложены объективные предпосылки такого явления. То, что во главе фашистской партии и государства оказался именно Гитлер, было случайностью, но она отражала закономерность возникновения фашистского движения в условиях общего кризиса капитализма. Его объективными предпосылками были положение мелкой буржуазии в капиталистическом обществе, делавшее ее восприимчивой к националистической и социальной демагогии фашизма, с одной стороны, и заинтересованность крупного капитала в превращении мелкобуржуазного по составу фашистского движения в опору своего классового господства, с другой стороны. Эта заинтересованность проявлялась в финансировании фашистской партии.

Приведенные выше факты показывают теснейшую связь фашистской партии с крупным капиталом на раннем этапе существования НСДАП, когда, по утверждению Нольте, проявляется подлинный характер движения. Что же, он действительно в полную меру проявился уже в эти годы. В книгах К. Гейдена, Г. Халльгартена,¹⁰¹ а также авторов, чьи работы рассматриваются в данной статье, приводятся многочисленные факты, свидетельствующие о финансовой поддержке гитлеровской партии крупным капиталом и в последующие годы (мы сознательно ссылаемся именно на работы буржуазных историков, приводящих все эти сведения вопреки собственным концепциям). Речь идет не о помощи со стороны отдельных финансовых магнатов, а о связи фашистской партии с широкими кругами крупного капитала. Достаточно назвать совещание Гитлера с 400 предпринимателями Рура в Эссене в апреле 1927 г.¹⁰² или еще более представительные совещания 27 января 1932 г. и 5 января 1933 г.¹⁰³

Совершенно несостоятельно утверждение, будто фашистская элита образовала новый господствующий класс в гитлеровской Германии. Бывший чиновник военной администрации США в Западной Германии Д. Мартин в связи с подобными утверждениями писал: «После того как мы ознакомились с архивами на вилло

¹⁰⁰ H. J. Schwierskott. Artur Moeller. ..., S. 117.

¹⁰¹ G. Hallgarten. Hitler, Reichswehr und Industrie. Frankfurt am/M. 1955.

¹⁰² К. Гейден. История германского фашизма, стр. 184.

¹⁰³ R. Beck. Die Geschichte der Weimarer Republik. ..., SS. 320—321.

Хюгель и порасспросили Альфреда Круппа и директоров его заводов, от этого впечатления не осталось и следа. Гитлеру и его партии никогда не давали забывать, что своим приходом к власти они обязаны промышленникам и что они смогут добиться успеха только с помощью промышленников.¹⁰⁴ Не случайно в первые же дни после прихода к власти Гитлер выступил со специальной речью, в которой успокаивал промышленников, заявляя, что он не собирается проводить никаких экспериментов в области экономики.¹⁰⁵

То обстоятельство, что ряд капиталистов (преимущественно еврейского происхождения) потерял в гитлеровской Германии свои предприятия, а фашистские лидеры (Геринг, Амман и др.) стали владельцами крупных концернов, ничего не меняет в существе капиталистической эксплуатации. Точно так же не меняется сущность капиталистического строя в Германии при Гитлере и от того, что часть полученной от эксплуатации рабочего класса прибавочной стоимости перераспределялась среди фашистской верхушки через партийный и государственный аппарат. Сам Фетшер, защищающий тезис о фашистской элите как новом классе, вынужден, правда только в отношении Италии, признать, что политика фашизма соответствовала интересам крупного капитала.¹⁰⁶

Одним из наиболее важных вопросов является вопрос об альтернативе фашизму и об ответственности за него класса капиталистов в целом. Было бы ошибкой считать единственной альтернативой пролетарскую революцию. Ни Италия в 1922 г., ни Германия в 1933 г. не стояли непосредственно перед пролетарской революцией. Но именно страх перед такой революцией двигал буржуазию и тогда, когда она в 1918—1919 гг. поддерживала любые реакционные движения, чтобы противостоять «угрозе большевизма», и тогда, когда она в условиях острой классовой борьбы в послевоенной Италии или тяжелейшего экономического кризиса в Германии делала ставку на фашистскую диктатуру, стремясь опередить революционный пролетариат. Стремление разгромить своего классового противника — социалистический рабочий класс — как причину, побуждавшую буржуазию поддерживать фашистскую партию, отмечают и многие западногерманские историки.¹⁰⁷

Фашизм у власти является диктатурой не всей буржуазии вообще, а «наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала». Ни XIII пленум ИККИ, ни тем более VII конгресс Коминтерна не закрывали глаза на противоречия внутри буржуазного лагеря.

¹⁰⁴ Д. Мартин. Братство бизнеса. М., 1951, стр. 115.

¹⁰⁵ K. D. Bracher, W. Saueger, G. Schulz. Die nationalsozialistische Machtergreifung, S. 630.

¹⁰⁶ J. Fetscher. Faschismus und Nationalsozialismus..., S. 50.

¹⁰⁷ См., например: B. Gruner, E. Sieber. Weltgeschichte des 20 Jahrhunderts. Stuttgart, 1961, S. 199.

Поэтому конкретизация историками ГДР вопроса о группировках немецкого капитала, непосредственно несущих ответственность за установление фашистской диктатуры, ни в коей мере не является отходом от марксистского определения классовой сущности фашизма. Но ответственность за приход фашистов к власти лежит и на тех кругах монополистической буржуазии, которые непосредственно не участвовали в его подготовке, поскольку и они поддержали фашизм после 1933 г. и пользовались плодами его диктатуры. Подобно тому как многие современные западногерманские историки видят в «традиционных» формах буржуазно-юнкерского консерватизма, и в частности в монархии, возможную альтернативу фашистскому господству, эти круги буржуазии перед 1933 г. искали пути предотвращения открытой фашистской диктатуры в усилении «традиционно консервативных» методов своего господства — усилении власти президента, отходе от парламентаризма и т. п. Между тем подлинная альтернатива фашизму заключалась в последовательной защите демократии, в объединении всех сил, стремящихся не допустить победы фашизма.

Вопрос о классовой сущности фашизма и об ответственности монополистического капитала имеет отнюдь не только исторический характер. «Хотя оголтелый германский и итальянский фашизм, — подчеркивается в Программе КПСС, — потерпел крах, фашистский режим еще удерживается в одних странах и возрождается в новых формах в ряде других».¹⁰⁸ Зловещим признаком возрождения фашистской угрозы в ФРГ является все большая активность, которую проявляет на западногерманской политической арене неонацистская национал-демократическая партия. Для того чтобы вовремя распознать опасность фашизма, нужно четкое представление о том, откуда такая опасность исходит. Между тем усилия западногерманских буржуазных историков направлены на то, чтобы уйти от правильного ответа на этот вопрос, снять с немецкого монополистического капитала вину за победу фашизма в 1933 г. и усиление реакционных тенденций в ФРГ. Ученник Брахера Г. Кшоттер прямо посвятил свою книгу «Идеологии правого радикализма в послевоенной Германии» попыткам преуменьшить угрозу неонацизма в ФРГ¹⁰⁹ и подменить вопрос о его объективных предпосылках в современной Западной Германии психологическими рассуждениями в стиле концепции «века масс».¹¹⁰

Антикоммунистическая по своему происхождению, антидемократическая по своим проявлениям концепция «века масс» не только не способствует выяснению истинной природы фашизма,

¹⁰⁸ Программа КПСС. М., 1962, стр. 34.

¹⁰⁹ H. Knüttler. Ideologien des Rechtsradikalismus im Nachkriegs-Deutschlands. Eine Studie über die Nachwirkungen des Nationalsozialismus. Bonn, 1961, S. 12.

¹¹⁰ Там же, стр. 132, 187, 190.

но напротив, была создана именно для того, чтобы затемнить его природу. Антикоммунизм уже толкнул однажды в объятия фашизма тех, кто считал себя «демократами». Именно из антикоммунизма, по образному выражению прогрессивного австрийского историка И. Хиндельса, Гитлер черпал свои силы, как миллионер из своих миллионов.¹¹¹ На путях антикоммунизма нельзя добиться успеха ни в изучении фашизма недавнего прошлого, ни в предотвращении угрозы неонацизма в будущем.

¹¹¹ J. H i n d e l s. Hitler war kein Zufall. Ein Beitrag zur Soziologie der Nazibarbarei. Wien, 1962, S. 121.

А. А. ФУРСЕНКО

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭВОЛЮЦИИ КАПИТАЛИЗМА США

В названиях книг и статей о современном капитализме, вышедших за последние годы в США, часто встречаются слова «революция», «перемены», «уравновешивающие силы», «трансформация» и т. п. Никогда за всю предыдущую историю американская буржуазная историография, политикономия и социология не проявляли такой активности в защите и рекламировании капиталистического строя США, как теперь. В последние полтора десятилетия в Америке ведется целенаправленная и тщательно планируемая кампания, ставящая целью «обосновать» жизнеспособность американской системы и подвести фундамент под тезис об «исторической миссии» монополистического капитала США. В этой кампании наряду с представителями «чистой» науки принимают участие различного рода псевдонаучные школы вроде «истории бизнеса» и совсем не имеющие отношения к науке представители свободных профессий — журналисты, а также профессиональные политические деятели и бизнесмены. В совокупности действий этих различных отрядов и заключается особенность новых попыток защиты капиталистического строя.

В 1945 г., сразу после окончания мировой войны, один из представителей классической буржуазной историографии США Джеймс Траслоу Адамс опубликовал книгу «Большой бизнес в системе демократии». Основной тезис этой работы в изложении автора заключается в том, что монополии являются «особой формой демократии», которая, подобно горе Арарат, призвана остаться после всемирного потопа» в качестве «символа свободной цивилизации».¹

Доказательству аналогичного рода взглядов были посвящены и вышедшие в начале 50-х годов книги известных экономистов и социологов «Американский капитализм» Джона Голбрейса, «Капиталистическая революция XX в.» Адольфа Берла, а также

¹ J. T. A d a m s. Big business in a democracy. Boston, 1945, p. 9.

«Постоянная революция», подготовленная редакцией журнала «Форчун», и «Большие перемены» — популярным публицистом Ф. Алленом.² Несмотря на разницу в стиле и уровне профессионального исполнения, все эти книги служили одной цели — показать, что экономическая система США представляет собой динамический, развивающийся организм, лишенный существенных пороков и непреодолимых противоречий. Говоря о значении названных работ, один из наиболее апологетических американских журналов «Обозрение по истории бизнеса» отмечал, что они направлены против марксистской концепции капиталистического строя. Давая им высокую оценку, журнал делал вывод, что «перемены», которым подвергся капитализм США, поставили его на новую ступень развития. Поскольку и в нынешних условиях решающая роль остается за корпорациями, «Обозрение по истории бизнеса» вслед за авторами рецензируемых книг заявляет, что монополии — эмбрион «свободного мира», основа прогресса современной американской системы.³

Доказательству этого положения посвящены не только указанные работы, но и многие другие сочинения. Наряду со специальной литературой вроде книги У. Л. Уорнера «Корпорация в развивающемся американском обществе»⁴ выпущены книги по истории отдельных крупнейших монополий.

Истории нефтяных, химических и автомобильных концернов, банков, страховых компаний и торговых фирм, а также биографии представителей делового мира заняли прочное положение в американской литературе. Даже беглое знакомство с известным американским справочником «Биографический указатель» приводит к выводу, что поток литературы о «капитанах индустрии», как именуют в США магнатов капитала, растет в прогрессирующей пропорции и в настоящее время представляет одно из характерных явлений на книжном рынке США. Даже «отцы» американской нации Вашингтон, Франклин, Джефферсон и Гамильтон ныне отступили на задний план и уже не в состоянии конкурировать с миллиардерами-монополистами, количество книг и статей о которых стремительно возрастает.

Авторы многих работ отмечают влияние, которое оказал на мировоззрение американцев писатель конца XIX в. Орейшо Олджер, перу которого принадлежит более сотни книг для детей. Главным героем Олджера — мальчик-сирота, отданный прозябшему большому городу, обычно Нью-Йорка. В результате различного

² J. K. Galbraith. American capitalism. The Concept of countervailing power. London, 1957; A. A. Berle. 20th century capitalist revolution. N. Y., 1954; USA: The Permanent Revolution. N. Y., 1951; F. L. Allen. Big change. America transforms itself: 1900—1950. N. Y., 1952.

³ Business Hist. Rev., 1959, № 4, p. 549 etc.

⁴ W. L. Warner. Corporation in the emergent American society. N. Y., 1962.

рода случайностей, удачных комбинаций и предприимчивости он в конце концов выбивается в люди. Дешевые иллюстрированные издания этих книг разошлись огромными тиражами. Можно согласиться с американским журналистом Ф. Алленом в том, что Олджер оказал в свое время «более широкое влияние», чем «все профессора экономики, вместе взятые».⁵ Его книги пропагандировали капиталистическое предпринимательство и «ранние возможности» для каждого стать богатым.

Однако одновременно в Америке существовала другая литература, исключавшая в то время появление таких сочинений, которыми спустя полвека заполнились книжные прилавки страны. Никто не мог предположить, что одиозные тогда имена Моргана, Рокфеллера, Карнеги и других будут причислены к лику святых. В 1894 г. вышла книга прогрессивного американского публициста Генри Демареста Ллойда.⁶ Ее автор на основе колоссального материала о деятельности рокфеллеровского треста «Стандард ойл» раскрывал преступные действия, в результате которых было сколочено гигантское состояние основоположника династии Рокфеллеров Джона Д. I. По отзывам прессы книга Ллойда получила резонанс, который сравнивали с откликами на роман Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома».

Вслед затем в печати появилась двухтомная «История Стандард ойл К^о», составленная Айдой Тарбел.⁷ Дочь мелкого нефтепромышленника, испытавшего на себе все ужасы монополии, Тарбел сумела получить доступ к материалам, опубликование которых произвело сенсацию. Напечатанные сначала частями в одном из самых популярных в то время журналов «Мак-Клурс мэгэзин» разоблачения Тарбел приобрели широкую известность. Поэтому не приходится удивляться, что для целого поколения американцев, как признает один из нынешних биографов семейства нефтяных королей, Рокфеллер был «пугалом», имя которого ассоциировалось со злом и насилием. «Не будешь спать — тебя заберет Рокфеллер», — эти слова были хорошо знакомы американским детям.⁸

Ллойд и Тарбел начали движение, которое получило наименование «разгребателей грязи». К нему примкнули такие известные публицисты, как Лоусон, автор книги «Взбесившиеся финансисты» и Л. Стеффенс, автор «Позора американских городов». Все они бичевали пороки монополистического капитала, а их настроения питала мелкобуржуазная оппозиция наступлению трестов-гринбекеров, популистов и т. п. — тех, кто испытал разорение и произвол, вызванные действиями монополий.

⁵ F. L. Allen. Big change, p. 63.

⁶ H. D. Lloyd. Wealth against commonwealth. N. Y., 1894.

⁷ I. Tarbell. History of the Standard Oil Co., vv. 1, 2. N. Y., 1902.

⁸ W. Manchester. Portrait of a family. From John D. to Nelson. N. Y., 1959, p. 85.

Главной трибуной «разгребателей грязи» стал уже названный «Мак-Клюре мэгэзин», «Арена» и др. Их издатели отнюдь не добивались этими публикациями политических целей: они помогали им сильно поднимать тираж журнала и давали хороший заработок. Но объективно разоблачения «Мак-Клюре мэгэзин» и других журналов наносили удар по монополиям. Впоследствии традиции «разгребателей грязи» были подхвачены Эптоном Сниклером в серии романов о капиталистической Америке, а также в знаменитой трилогии Т. Драйзера, прототипом главного героя которой Каупервуда явился известный филаделфийский и чикагский делец в области городского транспорта Чарльз Джеркс. Позднее, в 20-е годы, вышли книги Л. Корей «Дом Морганов»⁹ и ряд работ о Рокфеллере, Карнеги и др.

Новая волна разоблачительной литературы появилась в годы после кризиса 1929—1933 гг., когда были изданы нашумевшие работы М. Джозефсона «Бароны-Разбойники», «Политиканы» и «Делатели президентов».¹⁰ Однако буржуазная критика монополий в этот период пошла на убыль. Показательна судьба ее прежних представителей. Наиболее последовательные из них перешли на позиции социализма-коммунизма (Л. Стеффенс и Т. Драйзер), остальные отступили от старых взглядов или даже перешли на противоположные позиции, как Айда Тарбел, выстулившая в 1936 г. с панегириком в адрес Рокфеллера.¹¹

Огромная пропагандистская машина, щедро питаемая деньгами монополий, к этому времени уже немало сделала, чтобы вытравить из памяти американца разоблачения «разгребателей грязи». В 1940 г. вышла двухтомная биография Рокфеллера, составленная известным американским историком А. Невинсом. Само название книги говорило за себя: «Джон Д. Рокфеллер. Героическая эпоха американского предпринимательства».¹² Это была серьезная вежа на пути идеологического оправдания деятельности монополий. Работа Невинса завершила определенный этап, начало которому было положено в первые годы после первой мировой войны, когда было создано «Общество истории бизнеса» и начата планомерная работа по реабилитации монополистического капитала США.

После второй мировой войны эти попытки были возобновлены с удвоенной силой. Цель заключалась в том, чтобы «счистить» всю «грязь», которая налипла на репутацию монополистов и «добелая» отмыть ее. Были ассигнованы миллионные средства. Только на

составление четырехтомной «Истории Стандард ойл Ко оф Нью-Джерси» выделили полмиллиона долларов.¹³ Одновременно была развернута работа по написанию книг о Форде, Меллонах, Моргане и др. Даже Компания универсальных магазинов Мейси была удостоена специального исследования, а биография учредителя так называемых «магазинов-центофиков» известного магната Вулворта была подготовлена как «бест-селлер», в популярном издании, рассчитанном на широкого читателя.¹⁴

Под пером авторов этих книг бывшие «бароны-разбойники», как называли магнатов капитала, превратились в «гениев-промышленников», «героев» экономического прогресса. Их идеализированные портреты явились конкретным воплощением сказочных образов Орейшо Олджера. Апологетическая литература стремилась затоптать все, что сделали «разгребатели грязи» и другие авторы анtimoнополистических произведений. «Обозрение по истории бизнеса» объявило, что концепция «барона-разбойника» необъективна, надуманна и не подтверждается фактами.¹⁵ Когда один из американских историков Ч. М. Дестлер поместил на страницах «Американ Хисторикал Ревью» хвалебную статью о книге Ллойда в связи с 50-летием со времени ее выхода, он подвергся резкому отпору со стороны Невинса, который обвинил Ллойда, а вместе с ним и Дестлера в невежестве и искажении фактов.¹⁶

«Ревизионисты», как именуют тех, кто занимается в США пересмотром истории монополий, часто повторяют, что только они получили доступ к архивам и постигли всю совокупность фактов. А потому, утверждают они, только им и дано нарисовать объективную картину. Однако доступ к архивным документам получают очень немногие, только те, кто уже зарекомендовал себя в надлежащем духе. Кроме того, за хозяевами монополий всегда остается право наложить вето на публикацию той или иной работы, если она почему-либо им не понравится: им принадлежат архивы и они, как правило, финансируют написание этих работ. Поэтому история бизнеса может служить образцом крайней предвзятости и необъективного подхода. Разработана даже методология использования архивов частных предпринимателей, принципы которой изложил в ряде статей один из ведущих представителей школы по истории бизнеса Р. Хайди. Его главная рекомендация заключается в том, что следует использовать только то, что не может принести вреда корпорациям и американской политике.¹⁷

⁹ Л. Корей. Дом Морганов. Пер. с англ. М.—Л., 1933.

¹⁰ M. Josephson. Robber barons. The Great American capitalists (1861—1901). N. Y., 1934; Politicos. N. Y., 1938; President makers. N. Y., 1940.

¹¹ См.: Fortune, 1952, apr., p. 165.

¹² A. Nevins. John D. Rockefeller. Heroic age of American enterprise. Vv. 1, 2. N. Y., 1940.

¹³ Fortune, 1951, oct., p. 109.

¹⁴ J. K. Winkler. Five and ten, Fabulous life of F. W. Woolworth. N. Y., 1957.

¹⁵ J. Tipler. Anatomy of prejudice: origins of the robber baron legend. Business Hist. Rev., 1959, № 4, pp. 510—523.

¹⁶ См.: Amer. Hist. Rev., 1944, oct., pp. 49—69; 1945, apr., pp. 676—689.

¹⁷ R. Hidy. Problems in collaborative writing of business history. Bull. Business Hist. Soc., 1949, june, pp. 69—70; Some implications of the re-

Неудивительно, что деятельность «ревизионистов» встречает недоверие и многие представители классической буржуазной науки отказываются признавать историю бизнеса за науку.¹⁸ Однако справедливость требует отметить, что это «предубеждение» постепенно рассеивается. История бизнеса быстро развивается, и на сегодняшний день она — одно из самых влиятельных направлений в американской буржуазной историографии. А для придания авторитетности в его ряды вербуют уже зарекомендовавших себя известных представителей классической школы. Именно в этом смысле привлечения Д. Т. Адамса, а также еще более авторитетного в академических кругах А. Невинса, который через 13 лет после издания первой книги подготовил ее второй, еще более усовершенствованный в смысле апологии Рокфеллеров вариант¹⁹ и, кроме того, в соавторстве с Хиллом выпустил столь же идеализированную биографию автомобильного короля Форда.²⁰ В этом заключается и смысл привлечения к работе над историей монополий известных историков Л. Дженкса и Л. Хэккера, одного из ведущих экономистов С. Чейза и др.

Взяв на себя задачу пересмотреть историю монополистического капитала США, «ревизионисты» не скрывают стремления «реабилитировать» его. Наоборот, они начинают с того, что объявляют это своей целью и подводят соответствующий философский фундамент. Исходя из прагматической посылки о том, что критерием истины могут служить только задачи сегодняшнего дня, они требуют и к прошлому относиться только в свете сегодняшних интересов. Об этом многократно и настойчиво заявлял А. Невинс. Летом 1951 г., выступая перед большой аудиторией в Станфордском университете, он призывал пересмотреть всю историю монополистического капитала. Его призыв активно поддержал известный специалист в области историографии Е. Н. Сейвет, поместивший в апрельском номере 1952 г. журнала «Форчун» статью «Как следует преподавать историю бизнеса?».²¹

В конце 1953 г., выступая перед съездом американских архивистов, Невинс снова требовал «переоценки» роли магнатов капитала, и журнал «Сатдей ревью» опубликовал его выступление.²² Каждое поколение, по словам Невинса, нуждается в пересмотре истории, чтобы «приспособить» ее к своим «воззрениям, идеям и взглядам». «Каждая эпоха, — говорит он, — имеет свой собст-

cent literature on the history of the petroleum industry. Business Hist. Rev., 1956, № 3, pp. 330-339.

¹⁸ См.: Г. А. Птукер. Лауреаты имперализма. М., 1955, стр. 77—79.
¹⁹ A. Nevins. Study in power. John D. Rockefeller — industrialist and philanthropist. Vv. 1, 2. N. Y., 1953.

²⁰ A. Nevins, F. E. Hill. 1) Ford: the times, the man, the company. N. Y., 1940; 2) Ford: expansion and challenge. N. Y., 1949.

²¹ E. N. Saveth. What historians teach about business? Fortune, 1952, apr.

²² Saturday Rev., 1954, febr. 6, pp. 7, 9, 47—49.

венный климат мнения», которым следует руководствоваться, оценивая прошлое. Америка превратилась в военную державу и обладает экономической мощью, которая находится в руках монополистического капитала. Значит, рассуждает Невинс, Рокфеллеров, Фордов, Карнеги и прочих нельзя считать больше «баронами-разбойниками». Они — «архитекторы нашего материального роста».²³

Однако такой подход приходит в противоречие с либерально-буржуазной трактовкой эволюции американского капитализма, в которой важное место отводится демократической традиции начиная с Джефферсона и кончая антимонополистическими выступлениями. Поэтому Невинс и его единомышленники настаивают на пересмотре всей схемы исторического прошлого. Они, в частности, подвергают жестоким нападкам известного американского историка Ч. Бирда, перу которого (в соавторстве с его женой) принадлежит один из самых интересных и широко распространяемых курсов по истории США.²⁴ Книга Бирдов оказалась неприемлема не только из-за оценок, которые даны в ней магнатам американского капитала, но также и из-за ее либеральной направленности в целом. Этот объемистый и ярко написанный труд, а также две другие богато документированные работы Ч. Бирда о происхождении Конституции 1787 г. и джефферсоновской демократии²⁵ вызвали такую критику еще потому, что в них проводится мысль об объективном характере исторического развития, подчеркивается решающая роль экономических факторов в истории.

Как представители субъективистской философии Невинс, Сейвет и историки бизнеса отрицают действие объективных законов в общественной жизни. Они часто говорят о необходимости усилить внимание к экономической истории, требуют «показать важность и возможно даже приоритет институтов бизнеса», т. е. крупного капитала, но только за последнее столетие, но и на протяжении всей американской истории, начиная с колониальных времен.²⁶ В то же время они решительно выступают против «экономического детерминизма» Бирда и обвинили его даже в марксизме, хотя на самом деле Бирд марксистом никогда не был.

Казалось бы, вопросы происхождения Конституции 1787 г., равно как и джефферсоновской демократии, далеки от предмета занятий историков монополистического капитала. Но и они попадают под обстрел с их стороны, поскольку противоречат идеализированным схемам эволюции американского капитализма. По-

²³ Там же, стр. 8, 47—48.

²⁴ Ch. Beard and M. Beard. Rise of the American civilization, vv. 1, 2. N. Y., 1927.

²⁵ Ch. Beard. Economic interpretation of the constitution of the United States. N. Y., 1913; Economic Origins of Jeffersonian democracy. N. Y., 1915.

²⁶ См.: Business Hist. Rev., 1959, № 2, pp. 207—208; 1962, № 1, p. 56.

этому наряду с критикой взглядов на монополии современные апологеты капитализма ополчились против его работ, посвященных раннему периоду истории США, в которых раскрывается реакционный, антинародный характер политики крупного капитала и крупных земельных собственников. Впервые исследовав большой архивный материал, Бирд пришел к выводу, что именно представители указанных классов пытались лишить американский народ завоеваний, которых он добился в результате революции 1776—1783 гг. Этот взгляд подвергли критике в своих статьях и Невинс, и Сейвет.²⁷ А «Обозрение по истории бизнеса» поместило даже специальную статью, подвергающую разносу работы Бирда о происхождении Конституции 1787 г.²⁸

Наряду с Бирдом одним из объектов нападок со стороны апологетов монополистического капитала в последние годы стал известный историк А. Шлезингер мл. Сам он далек от радикализма, не принадлежит к числу противников капиталистического строя, а наоборот, является активным и изощренным его защитником. Широко известно, что в правительстве Кеннеди этот человек занимал пост одного из наиболее влиятельных советников, наводнив Белый дом бесчисленными проектами, призванными укрепить капиталистический строй США. Шлезингер — сторонник критического (хотя и в условном смысле) подхода. В 50-х годах он выступал против произвола маккартизма и требовал прекратить преследования буржуазной интеллигенции, что не мешало ему поддерживать гонения на коммунистов и быть одним из деятельных участников этих гонений. Шлезингер принадлежит к числу «яйцоголовых — интеллектуалов», которые вызывают нескрываемое раздражение в кругах большого бизнеса, требующего со стороны интеллигенции безоговорочной поддержки и восхваления своей деятельности. Именно о таких, как Шлезингер, один из руководителей школы истории бизнеса Хайди писал, что «либералам» лучше бы следовало «поднять голос» в защиту «хозяев американского бизнеса», чем приходить в «возбуждение» по поводу расследований Маккарти, которому пришлось действовать «в очень сложной обстановке».²⁹ Самых же критиков Шлезингера приводят в «возбуждение» не только его выступления и взгляды, но и принадлежащие его перу книги «Эпоха Джексона» и «Эпоха Рузвельта».³⁰

Первая из этих книг появилась в 1946 г. и посвящена президенту США, который провел в годы своего правления (1829—

²⁷ Saturday Rev., 1954, febr. 6, p. 8; Fortune, 1952, apr., p. 166.

²⁸ P. I. Coleman Beard, McDonald and economic determinism in American historiography. Business Hist. Rev., 1960, № 1, pp. 113—121.

²⁹ R. Hidy. Some implications of the recent literature on the history of the petroleum industry. Business Hist. Rev., 1956, № 3, pp. 330.

³⁰ A. M. Schlesinger. 1) Age of Jackson. Boston, 1946; 2) Age of Roosevelt, vv. 1—3. Boston, 1957—1960.

1837) ряд преобразований, в результате чего в Соединенных Штатах укрепился буржуазно-демократический строй. Придя к власти при поддержке блока южных плантаторов и фермеров Запада при оппозиции банкиров и промышленников Северо-Востока, Джексон провел некоторые меры, ущемляющие интересы крупного капитала, в частности против монополии Банка США. Анализируя шаг за шагом деятельность Джексона, Шлезингер представляет его одним из основоположников «американской демократии», вызвав недовольство консервативных историков. Не случайно в уже упоминавшейся статье Сейвета, излагающей программу пересмотра истории США в интересах реабилитации крупного капитала, вопрос о «ревизионизме» взглядов Шлезингера о Джексоне стоит в числе основных.³¹

Однако несравненно большие нападки вызвала многотомная работа Шлезингера о Ф. Д. Рузвельте, посвященная восхвалению «нового курса». Хотя политика Рузвельта в целом была призвана сохранить и укрепить существующий строй, введенная им регламентация в какой-то мере задевала интересы монополий. Крупный капитал оказался перед лицом «тревожных проблем», «самой важной» из которых была, по словам одного из заправил «ревизионистского» направления Л. Хэккера, сделать так, чтобы «помешать функционерам из бюрократии нового курса осуществить полученную ими власть».³²

Тщательно документированные и выделяющиеся литературным исполнением работы Шлезингера привлекли к себе внимание, заслужив восторженные отзывы со стороны многих представителей классической школы. «Ревизионисты» же встретили их в штыки. «Обозрение по истории бизнеса» поместило отрицательные рецензии, а «Американский журнал по экономике и социологии» в статье Чалмерса заклеил Шлезингера как одного из виновников враждебного и подозрительного отношения общественного мнения к крупному капиталу. Заслуга историков бизнеса, по его словам, заключается в том, что они помогают ликвидировать эту «враждебность и подозрение».³³ Апологеты монополий откровенно призывают бороться против традиции Джефферсона—Джексона—Рузвельта.³⁴ В этом они видят одну из своих важнейших задач, стремясь представить в переделанном виде весь процесс развития капитализма США.

Таким образом, в угоду определенной классовой цели апологеты монополий готовы перечеркнуть и выбросить из истории все, что не подходит для составленной ими схемы. «Ревизионизм»

³¹ E. N. Saveth. What historians teach about business?, pp. 167 etc.

³² Там же, стр. 172.

³³ D. Chalmers. From robber barons to industrial statesmen. Amer. Journ. Econ. and Sociol., 1960, oct., pp. 47—48.

³⁴ Там же, стр. 48; E. N. Saveth. What historians teach about business?, p. 174.

подвергаются оценки событий, которые, казалось бы, не имеют отношения к предмету занятий историков монополистического капитала. Но они вызывают нападки, так как демократические традиции прошлого продолжают питать оппозицию крупному капиталу. Поэтому даже седая старина, относящаяся к периоду становления США, становится подчас предметом самых злободневных и острых споров.

Попытки исторического оправдания капиталистической системы включают в качестве неизменной части экскурсы в отдаленное прошлое. Однако справедливость требует отметить, что они занимают сравнительно небольшое место в усилиях апологетов современного капитализма. Основное внимание в их работах принадлежит истории нескольких последних десятилетий, точнее, периоду, когда появились современные корпорации — тресты — и началась эпоха империализма. Огромная «ревизионистская» литература по истории монополистического капитала в США подчинена одной главной цели: доказать, что монополии являются первоосновой исторического прогресса. Наряду с работами общего характера в этой литературе, как уже отмечалось, большое место занимают книги и статьи по истории отдельных монополий. А из последних особо выделяются многочисленные «труды» по истории первого американского треста, гигантской нефтяной монополии «Стандард ойл К^о» и всей колоссальной империи Рокфеллеров, которая, по справедливому выражению прогрессивного американского экономиста В. Перло, «представляет собой наиболее эффективно действующую монополию в капиталистическом мире».³⁵

Не будет преувеличением сказать, что в современной американской историографии существует своеобразный культ Рокфеллеров. В значительной мере это объясняется тем, что представители данной династии финансового капитала в числе первых вырвались на арену активной политической деятельности. Обладая фантастической властью в мире денег и распространив влияние на многие ключевые отрасли экономики, Рокфеллеры выступили с претензиями на высшие политические должности в стране.

В 1958 г. Нельсон Рокфеллер, верховный представитель третьего поколения династии, стал губернатором второго по населению американского штата Нью-Йорк. Эта должность по раз служила трамплином в Белый дом, и Нельсон не замедлил продемонстрировать заинтересованность в кресле президента. Правда, его попытки в 1960 и 1964 гг. не увенчались успехом, и невозможно представить, сумеет ли он в конечном итоге чего-нибудь добиться. Однако бесспорно, что клан Рокфеллеров на этом не остановится, свидетельством чему могут служить недавнее избрание другого

³⁵ В. Перло. Империя финансовых магнатов. М., 1958; стр. 231.

из братьев — Уинтропа Рокфеллера — губернатором штата Арканзас и выдвижение одного из представителей четвертого поколения, Джона Д. IV, в законодательное собрание штата Виргиния. Особенность нынешнего исторического этапа в том и заключается, что представители могущественных монополий, когда-то довольствовавшиеся ролью «незримого правительства», теперь претендуют на непосредственное участие в управлении государством. Рокфеллеры — один из многочисленных и наиболее убедительных тому примеров.

Выход на арену активной политической деятельности, интересы предвыборной агитации, задачи «воспитания» и «перевоспитания» общественного мнения — все это само по себе способно было породить статьи в газетах и журналах, книги и биографии. Действительно, за последние годы о Нельсоне Рокфеллере написано несколько специальных книг и сотни, если не тысячи, статей в периодической печати. Однако случай с Рокфеллером выпадает из того, что происходит обычно в сфере идеологической подготовки при выдвижении той или иной фигуры на высшую государственную должность. Обо всех последних президентах США написаны книги. О некоторых из них, например о Ф. Д. Рузвельте, создана большая литература, рекордное количество статей и книг принадлежит Джону Кеннеди, имя которого после злодейского убийства в Далласе оказалось окружено ореолом великомученичества. Немалая литература существует также о Трумэне и Эйзенхауэре. Однако большинство книг о Рузвельте и всех его преемниках появилось после их избрания президентами или даже после ухода с этого поста. Нельзя предсказать, что бы произошло в случае избрания Рокфеллера в Белый дом. Но можно с полным основанием утверждать, что ни об одном из кандидатов в президенты не было такой обширной литературы при попытке добиться избрания, как о Нельсоне Рокфеллере. А еще более важно, что никогда за всю историю США предвыборная агитация не была связана в такой степени с пропагандой существующего строя и его основы, монополистического капитала и современных корпораций — трестов, как в данном случае.

Еще в 1951 г. журнал «Форчун» поместил серию статей о крупнейшей нефтяной компании Рокфеллеров «Стандард ойл К^о оф Нью-Джерси», которая была избрана им в качестве «примера, иллюстрирующего трансформацию американского капитализма».³⁶ Назвав «крупные корпорации» «одним из главных инструментов свободного мира», журнал заявил о намерении «дать оценку одного из самых крупных в мире промышленных гигантов, его отделений и филиалов». «Едва ли можно найти, — писал „Форчун“, — компанию, которая так иллюстрирует эволюцию капитализма США, как „Стандард ойл К^о оф Нью-Джерси“». Правда, автор

³⁶ Fortune, 1951, oct., nov.

статей — один из редакторов журнала Г. Берк — вынужден был признать, что основоположник династии Рокфеллеров Джон Д. I «действовал почти точно, как предсказал Маркс» и что компания допускала злоупотребления, но в настоящее время пороки изжиты и компания руководствуется «ответственностью перед обществом».³⁷

Статьи Берка носили апологетический характер, но поскольку заключали признание некоторых ошибок в прошлом, со временем оказались недостаточными. В особенности после выхода в 1953 г. нового издания биографии Джона Д. I, подготовленной Невинсом, которая, как уже указывалось, в еще большей степени, чем первоначальный вариант, идеализировала основоположника династии. В прессе была устроена шумная реклама этой книге, причем акцентировалось внимание на том, что найдены новые документы и факты.³⁸ В действительности же эффект, которого достиг Невинс, был результатом самой откровенной тенденциозности и игнорирования неугодных фактов. События, не укладывавшиеся в составленную им схему, просто не учитывались и были оставлены за бортом. Например, если в первом издании 1940 г. еще что-то и было сказано о стачке 1914 г. в Колорадо, в ходе которой рабочие были подвергнуты зверскому расстрелу, то во втором издании 1953 г. этот эпизод только упоминался.

Спустя три года после опубликования нового варианта книги Невинса вышла в свет объемистая биография его сына, Джона Д. II, составленная Р. Б. Фоздиком, который был в общей сложности около 40 лет близко знаком с объектом своего описания и в его идеализации превзошел всех своих предшественников.³⁹ Выпущенная в начале 50-х годов явно рекламная работа журналиста Д. А. Морриса о представителях третьего поколения династии миллиардеров «Вот они, братья Рокфеллеры»,⁴⁰ сильно уступала в этом смысле сочинению Фоздика.

В 50-х годах «Общество по истории бизнеса» выпустило два тома по истории «Стандард ойл К° оф Нью-Джерси»,⁴¹ а также отдельные тома по истории этой компании в Индиане и Калифорнии.⁴² Все они были составлены в духе неприкрытой апологии Рокфеллеров, и хотя организаторы издания всячески подчеркивали, что использовали новый архивный материал, знакомство с ха-

рактером его использования может убедить лишь в самой откровенной тенденциозности.

Появление указанной литературы дало «Обозрению по истории бизнеса» повод пересмотреть «концепцию» «Форчуна». В предпоследнем выпуске за 1959 г. журнал опубликовал статью «Американский капитализм: трансформация?».⁴³ Поставленный автором статьи Р. В. Игли вопрос означал, что вывод Берка подвергнут сомнению. Он солидаризировался с издателями «Форчуна» в том, что капитализм США находится в состоянии «перманентной революции» и что нефтяной трест Рокфеллера является наилучшим примером эволюции американской системы. Формально поддерживая «Форчуна», Игли, однако, подверг пересмотру положения, касавшиеся начального этапа истории «Стандард ойл К°», и в частности злоупотреблений, к которым прибегал Джон Д. I.

Если в статье Берка содержались признания того, что в свое время трест Рокфеллера действительно являлся «символом зла», то из публикации Игли такого рода формулировки были исключены. Вслед за Невинсом «Обозрение по истории бизнеса» хвалило личные качества Джона Д. I, его «пуританизм, спокойствие и трезвость», а также утверждало, что вся его деятельность была продиктована сознанием «ответственности перед обществом».⁴⁴ Что же касается преемников Джона Д. I, то их действия характеризовались не иначе, как «просвещенная промышленная политика», «народный капитализм» и т. п. Вслед за «Форчуном» «Обозрение по истории бизнеса» утверждало, что изменился характер собственности, а вместе с тем и цели, преследуемые трестом Рокфеллеров. Исходя из того, что резко возросло количество акционеров «Стандард ойл К°» (до 200 тысяч), а размеры отдельных пакетов акций пропорционально сократились, «Форчуна» выдвинул тезис о постепенной «демократизации капитала» и утрате прежними собственниками компании, Рокфеллерами, контроля над ней. Этот тезис был с энтузиазмом подхвачен «Обозрением по истории бизнеса». А для дальнейшего «обоснования» журнал прибег даже к фальсифицированным заимствованиям из марксизма.

Буржуазная наука, учитывая популярность марксизма, стала широко применять этот прием. Достаточно напомнить известную теорию «единого индустриального общества» У. Росту, изложенную в его книге «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест». С одной стороны, автор книги подчеркивает свою враждебность марксизму, а с другой, путем эквилибристики с цитатами из Маркса, — пытается подкрепить попытки апологии капитализма.⁴⁵ Так же поступает и «Обозрение по истории

³⁷ G. B u r c k. Story of the Standard Oil C° of New Jersey as a case illustrating the transformation of American capitalism. Fortune, 1951, oct., pp. 98—99.

³⁸ См.: Newsweek, 1953, may 18, p. 114.

³⁹ R. B. Fosdick. John D. Rockefeller. Jr. A Portrait. N. Y., 1956.

⁴⁰ J. A. Morris. Those Rockefeller brothers. N. Y., 1952.

⁴¹ R. H i d y and M. H i d y. Pioneering in big business. N. Y., 1955;

G. S. G i b b, E. H. K n o w l t o n. Resurgent years. N. Y., 1956.

⁴² P. H. G i d d e n s. Standard Oil C° (Indiana). N. Y., 1955;

G. T. W h i t e. Formative years in the Far West. N. Y., 1962.

⁴³ R. V. E a g l y. American capitalism: a transformation? Business Hist. Rev., 1959, № 4, pp. 549—568.

⁴⁴ Там же, стр. 553 сл.

⁴⁵ W. W. R o s t o w. Stages of economic growth. Non-communist manifesto. Cambridge, 1960. В советской литературе критика теории Росту дана

бизнеса». Тенденциозным цитированием Маркса оно стремится подтвердить один из самых распространенных тезисов буржуазной пропаганды об «изменяющемся характере руководителя бизнеса». Правда, автор статьи выразил сожаление в том, что Маркс «упустил из вида» вопрос о постепенной «демократизации» капитала, но эту «лакуну», как он с удовлетворением отмечает, «восполнил» «Форчун».⁴⁶

Если же рассмотреть вопрос о «демократизации» капитала по существу, то окажется, что все построение «Форчуна», а заодно и «Обзорника по истории бизнеса» не выдерживает критики. Во-первых, «демократизация» капитала вовсе не означает, как утверждают пропагандисты, «народного капитализма», что «через владение акциями народ осуществляет собственность на средства производства». По подсчетам прогрессивного американского экономиста В. Перло, в масштабах всей страны общая стоимость такого рода акций, находившихся в руках полумиллиона рабочих семей, составляла в 1955 г. всего 0.2% общей стоимости акций (при постоянной тенденции к снижению).⁴⁷ Никакого реального участия в управлении делами предприятий акционеры-рабочие принимать не могут, а получаемый ими дивиденд настолько ничтожен, что в среднем составляет примерно двухдневный заработок рабочего. Командует же делами корпораций, в том числе и рокфеллеровской «Стандард ойл», небольшая группа крупных акционеров и связанных с ними банков, которым достается львиная доля всей прибыли. Рокфеллеры владеют от 3 до 17% всех акций «Стандард ойл», а по подсчетам специалистов в нынешних условиях для контроля над корпорацией оказывается достаточным от 3 до 10% акций, поскольку действует целая сложная система, позволяющая крупным акционерам держать предприятие в своих руках.⁴⁸ По данным известного прогрессивного экономиста Г. О'Коннора, Рокфеллеры и связанные с ними семейства в общей сложности контролируют около 50% акций «Стандард ойл».⁴⁹

В американской буржуазной литературе много пишут о «революции управляющих». Тот факт, что во главе большинства корпораций ныне стали наемные администраторы, также интерпретируется как одна из «революционных» перемен в капиталистической системе, как доказательство ее рационализации и обновления. В действительности же речь идет о закономерной для капиталистического общества передаче чисто управленческих функций группе наемных служащих, действующих в полном соответствии с предсказанным еще Марксом и Лениным неизбежным отделе-

нием капитала-функции от капитала-собственности. Однако и в этих условиях капиталист-собственник сохраняет за собой власть и контроль над собственностью, управление которой он передает наемным и действующим в соответствии с его волей администраторам. Именно в этом и заключается смысл «революции управляющих», значение которой не раз рассматривалось в прогрессивной американской и советской литературе.⁵⁰

Кроме того, американские журналы исказили истину и с чисто формальной точки зрения. Вопрос о «демократизации» капитала и его значении рассмотрен в произведениях классиков марксизма. Этой проблемы касались еще К. Маркс и Ф. Энгельс. А В. И. Ленин применительно к периоду империализма показал, что «крупный капитал, присоединяя к себе по мелочам небольшие капиталы разбросанных по всем концам мира акционеров, стал еще могущественнее». Ленин подчеркивал, что тысячи людей приобретают акции предприятий и благодаря этому «миллионер распорядится теперь не только своими миллионами, но и добавочным капиталом».⁵¹ Таким образом, утверждения «Форчуна», «Обзорника по истории бизнеса» и им подобных построены на искажении фактов и являются плохо замаскированной фальсификацией.

Вместе с тем следует решительно подчеркнуть, что фальсифицированные «заимствования» из марксизма используются одновременно с критикой марксистской теории, против которой и направлена вся деятельность апологетов монополистического капитализма. Особенно сильным нападкам подвергается марксистское положение о том, что институт частной собственности будет изменен не иначе, как путем революции, и что капиталистическая частная собственность будет заменена социалистической собственностью.⁵² Именно стремлением доказать, что Соединенные Штаты исключаются из этого правила, можно объяснить частое употребление слов «революция» и «революционный» в работах о современном капитализме США. Кроме того, апологеты монополий стремятся доказать, что американская система развивается гармонически, что она преодолела противоречия и достигла классового мира. Подобным вопросам посвящены в значительной мере и указанные статьи о нефтяном тресте Рокфеллеров, и написанная по заказу «Стандард ойл» известным американским экономистом С. Чейзом специальная брошюра, и целый ряд других публикаций. Авторы книг и статей приводят данные о зарплате рабочих в нефтяной промышленности, самой высокой по сравнению с другими отраслями. Они подчеркивают, что за четыре по-

в работе: Е. Б. Черняк. Историография против истории. М., 1962, стр. 187 сл.

⁴⁶ R. V. E a g l y. American capitalism, p. 550.

⁴⁷ В. Перло. Империя финансовых магнатов, стр. 30

⁴⁸ Там же, стр. 50 сл.

⁴⁹ Г. О'Коннор. Империя нефти. М., 1958, стр. 50.

⁵⁰ В. Перло. Империя финансовых магнатов; Р. Миллс. Властвующая элита. М., 1959; Д. Гвишиани. Социология бизнеса. Критический очерк американской теории менеджмента. М., 1962; С. М. Мольников. Миллионеры и менеджеры. М., 1965.

⁵¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 185.

⁵² R. V. E a g l y. American capitalism, p. 551.

следних десятилетия на предприятиях «Стандард ойл» не было ни одной забастовки, похвально отыскав о характере взаимоотношений между компанией и профсоюзами.⁵³

Однако все эти утверждения пужаются в серьезных поправках. Верно, что зарплата на предприятиях «Стандард ойл» выше, чем в других отраслях промышленности. Но не менее верно и то, что нефтяные компании имеют дополнительные источники доходов, которые позволяют держать зарплату рабочих-нефтяников на более высоком уровне. Во-первых, на них распространяются льготы по подоходному налогу, так называемая скидка на истощение недр, достигающая 27,5% от общей суммы обложения. Во-вторых, они извлекают колоссальные прибыли от эксплуатации предприятий за границей, рабочие которых получают зарплату в несколько раз ниже, чем американцы. Все это дает возможность создать рабочим в нефтяной промышленности несколько лучшее положение, чем в других отраслях и является в сущности не чем иным, как одной из форм подкупа, к которому капиталисты прибегают с целью разобщения рабочего класса.

В сравнительно высоком уровне зарплаты также причина того, что за последние несколько лет на предприятиях «Стандард ойл» не было забастовок. Однако до классового мира и здесь далеко. Отсутствие серьезных проявлений недовольства объясняется в значительной мере рамками, в которые поставлено рабочее движение. Известно, что на предприятиях Рокфеллеров в числе последних были разрешены профсоюзы, да и разрешены они были условно, так как не должны были быть связаны с профсоюзными объединениями. Такое положение сохранилось по сей день: из 37 тысяч рабочих «Стандард ойл К° оф Нью-Джерси», входящих в профсоюзы, только 1 тысяча имеет отношение к АФТ-КПП. Остальные 36 тысяч рабочих входят в состав «независимых» профсоюзов, послушно выполняющих волю предпринимателей.

Впрочем, в самое последнее время, даже по свидетельству «Форчун», обстановка несколько изменилась. В начале 50-х годов правление «Стандард ойл» вынуждено было согласиться на посторонний арбитраж в случае трудовых споров, разбирательство которых до этого производилось только самой компанией. В ответ руководители профсоюза рабочих нефтеперерабатывающих заводов обязались в течение некоторого времени не устраивать забастовок. Сами руководители компании вынуждены признать, что «по мере того как старые и более лояльные рабочие уходят в отставку, их заменяют более молодые, которые впитывают в себя „национальную атмосферу“ и не имеют тех же теплых чувств к компании».⁵⁴ Несмотря на всю ограниченность, это признание свидетельствует о том, что даже на предприятиях, где рабочие

практически лишены возможности участвовать в забастовках, положение обстоит далеко не так благополучно, как хотят изобразить апологеты капитализма.

Чтобы доказать прочность и стабильный характер капиталистической системы США, буржуазная литература изобрела «теорию уравнивающих сил», в наиболее полном виде изложенную в книге Д. Голбрейса «Американский капитализм».⁵⁵ Элементарное содержание этой теории заключается в схеме «большой бизнес» — «большой труд» (профсоюзы) — «большое правительство» (big business—big labor—big government). «Бизнес» и «труд» представляют собой, по мысли авторов теории, взаимобалансирующие силы, которые в случае нарушения равновесия координируются «правительством».

«Теория уравнивающих сил» является идеалистической концепцией, призванной оправдать классовое господство крупного капитала. Ее авторы пытаются доказать, что в настоящее время стимул капиталистического производства изменился и заключается не в получении прибыли, представляющей якобы «второстепенный интерес», а в желании создать максимум услуг.⁵⁶ Оказывается, монополии стремятся к снижению цен на потребительские товары, а рабочее движение препятствует этому, и потому происходит удорожание жизни. Отсюда вполне естественный вывод: правительству необходимо поддерживать монополии против рабочего движения. В принципе в этом нет ничего нового, так как известно, что еще в конце прошлого века принятый под давлением масс антитрестовский закон Шермана на деле сплошь и рядом применялся не против трестов, а против рабочих забастовок на том основании, что забастовки якобы создавали угрозу нормальному ходу торговли между штатами. Что же касается политики правительства в отношении трестов, то сторонники «теории уравнивающих сил» заявляют, что «нет необходимости опасаться усиления монополий, и предостерегают, что «правительственное вмешательство» способно уменьшить «эффективность» экономической системы.⁵⁷ Констатируя прогрессирующую концентрацию капитала, они выступают против ущемления власти монополий. «Полагать, что имеются основания для антитрестовского преследования в том случае, когда на рынке господствуют 3, 4 или полдюжины фирм, значит считать, что вся система американского капитализма противозаконна»,⁵⁸ — так пишет Голбрейс, аргументация которого является типичным образцом презентистского, прагматического подхода.

Таким образом, правительство, которому в схеме «уравнивающих сил» отводится роль арбитра между бизнесом и тру-

⁵³ S. C h a s e. Generation of industrial peace. N. Y., 1956.

⁵⁴ Fortune, 1951, oct., p. 107.

⁵⁵ J. K. Galbraith. American capitalism.

⁵⁶ Там же, стр. 25.

⁵⁷ Там же, стр. 28.

⁵⁸ Там же, стр. 55.

дом, призывая, по замыслу авторов указанной теории, вмешаться буржуазности американской капитализма. Именно так и произошло в США. Однако не следует, что в отдельных случаях вмешательство правительства не может нарушать интересы тех или иных монополистических или групп монополистического капитала. Вполне ясно, подобно рода явления закономерны и стали регулярными для современного этапа развития государственно-монополистического капитализма. Однако и на ранних стадиях, и теперь правительство вмешательство в конечном итоге осуществляется и осуществляется в интересах класса капиталистов.

Именно в условиях государственно-монополистического капитализма вмешательство государства и его совместные действия с монополиями приобрели широкий размах и стали характерной особенностью. Усиление государственного вмешательства неразрывно связано с дальнейшим сращиванием монополий и государственным алтарата, процессом формирования так называемой «властвующей элиты», которая, по словам прогрессивного американского социолога Р. Миллса, узурпировала руководство экономической, политической и военной жизнью страны.⁵⁹ Никогда за всю историю США в состав правительства не входило такого количества представителей большого бизнеса, как теперь. О развитии этой тенденции говорит и стремление Рокфеллеров приблизиться к активной политической деятельности, и заполнение ответственных министерских постов служащими крупнейших корпораций. Одна из наиболее важных особенностей современного капитализма заключается в том, что его эволюция происходит в условиях «холодной войны» и милитаризации внутренней жизни, способствующих росту явлений государственно-монополистического характера. В политической сфере это ведет к тоталитаризму, ликвидации «мыслящего гражданина» и дальнейшему идеологическому подавлению массы американцев, которые превращаются, по выражению Миллса, в «инертное общество».⁶⁰

Процесс этот стал органически присущ современному капитализму США, а его обсуждение — одна из центральных тем американской буржуазной науки. Апологетическая литература выдвинула различного рода объяснения, заявляя, что Америка практически достигла «бесклассового общества», что интересы внешней политики США требуют «единства нации» и т. д. Подобные рассуждения получили широкое распространение и стали стандартными для идеологов империализма США. Однако они вызывают критику со стороны либерально-буржуазных кругов, представители которых заявляют, что «единство нации» — не что иное, как стремление избавиться от инакомыслящих и подавить

⁵⁹ Р. Миллс. Властвующая элита, стр. 27—31.
⁶⁰ Там же, гл. XIII; W. Mills. Causes of the world war III. N. Y., 1958, p. 25.

интеллектуальную свободу. Наряду с Миллсом к этому направлению относятся социолог Л. Гурко, автор книги «Кризис американского духа», известный историк Р. Хофстедер, выпустивший за последние два года две книги — «Антиинтеллектуализм в американской жизни» и «Параноидный стиль в американской политике», У. Ледерер, автор книги «Нация баранов», и др.⁶¹

Подобные работы начали появляться со второй половины 50-х годов как реакция на маккартизм, который подвел Соединенные Штаты вплотную к фашистским порядкам. Гл. I книги Л. Гурко так и называется — «Кошмар маккартизма». С того же начинается свое изложение Р. Хофстедер. Однако значение указанных работ заключается не в описании ужасов маккартистского произвола, а в попытке осмыслить причины традиционно враждебного отношения к «мыслящему гражданину» — интеллигенту, выявить исторические корни этого явления, а также обрисовать методы формирования общественного мнения и пути развития культуры США.

«Под каким бы углом зрения мы ни стали рассматривать дело, — пишет Миллс, — мы почти во всех случаях различим, что мы прошли уже значительное расстояние по пути к политически инертному обществу. Этот путь ведет к тоталитарному государству».⁶² Американское общество отдано произволу всепоглощающей пропагандистской машины, управление которой осуществляется могущественными центрами. «Система общенациональной рекламы», пресса, радио и телевидение заняты «бизнесом по формированию общественного мнения». «В дополнение к расширившимся и централизованным средствам государственной власти, эксплуатации и насилия, — говорит Миллс, — современная элита овладела небывалыми еще в истории орудиями управления умами и их обработки, включая систему всеобщего образования и массовые средства общения».⁶³

Американский социолог отмечает, что попытки монополистического контроля в сфере идеологии возникают по мере перехода от мелкого производства к крупному. Доказательства этого положения могут быть найдены и в работе Хофстедера «Антиинтеллектуализм в американской жизни». В отличие от Миллса автор старается избегать социологических обобщений и следует методу конкретно-исторического анализа на материале истории США с колониальных времен до сегодняшних дней. Вскрывая исторические предпосылки «антиинтеллектуализма», он приводит материалы, свидетельствующие о подчинении интеллигенции интересам монополистического капитализма США. Хофстедер во мно-

⁶¹ Л. Гурко. Кризис американского духа. М., 1958; R. Hofstadter. 1) Anti-intellectualism in american life. N. Y., 1964; 2) Paranoid style in american policy. N. Y., 1965; W. Lederer. Nation of sheep. N. Y., 1962.
⁶² Р. Миллс. Властвующая элита, стр. 416.
⁶³ Там же, стр. 417—418.

гом неоследователен и проявляет осторожность в выводах, но и то, что он вынужден сказать, подтверждает положение, что современный капитализм ведет к подавлению свободы личности и насаждению тоталитарных порядков.

Специальная глава книги Хофстедера называется «Бизнес и интеллект». Несмотря на половичатость суждений и уклончивый характер формулировок, автор заявляет, что вынужден «поставить» крупный капитал — «бизнес» — в «авангард антиинтеллектуализма».⁶⁴ Соглашаясь с этим выводом, нельзя, однако, не выразить удивления по поводу аргументации автора, которую он черпает не из реальной американской жизни, изобилующей подобными рода примерами, а из произведений художественной литературы.

Как бы интересны ни были подобные произведения, убедительность выводов автора страдает от таких приемов. Выгодно отличаются от работы Хофстедера уже названная книга Л. Гурко и выпущенная еще в 30-х годах в США книга историка и социолога Д. Дэвиса «Капитализм и его культура».⁶⁵ Достоинство этих работ в привлечении обширного фактического материала, убедительно раскрывающего состояние культуры США и «кризис американского духа». Оба автора подробно останавливаются на роли крупного капитала в фабрикации идей и представлений, в формировании стандартной личности, готовой отказаться от критики во имя «интересов нации». Однако и указанные работы далеко не во всем последовательны и не претендуют на исчерпывающее освещение вопроса.

Один из наиболее существенных недостатков всех перечисленных книг (за исключением книги Р. Миллса) — отсутствие анализа деятельности благотворительных фондов, созданных крупнейшими корпорациями Рокфеллера, Карнеги, Форда и др. Располагая миллиардными средствами, они приобрели колоссальное влияние на систему образования, высшие учебные заведения и научные центры, религиозные организации, литературу, кино и другие средства массового общения. Деятельность благотворительных фондов нуждается в специальном анализе не только потому, что они являются мощным рычагом управления общественным мнением и формирования идей, но также вследствие того, что они представляют весьма характерную для нынешнего этапа развития капитализма форму идеологического воздействия. Кроме того, именно филантропическая деятельность магнатов капитала стала одним из главных аргументов в попытках их оправдания.

Историки монополистического капитала заявляют, что «благотворительность» — такое свойство руководителей американ-

⁶⁴ R. Hoistador. Anti-intellectualism in American life, p. 237.

⁶⁵ Д. Дэвис. Капитализм и его культура. М., 1949.

ского бизнеса, которое следует рассматривать в неразрывной связи с их промышленной и финансовой деятельностью. Не случайно в заглавии второго издания написанной Невинсом биографии Джона Д. Рокфеллера I значится «Промышленник и филантроп». Благотворительности посвящена в значительной степени и биография Джона Д. II, принадлежащая перу Р. Б. Фоздика, а также специально написанная им книга о фонде Рокфеллера,⁶⁶ директором которого он являлся в течение ряда лет. Кроме того, в 1956 г. выпущена работа Ф. Эндрюза обо всех благотворительных организациях. Особенно же следует отметить изданную в 1964 г. книгу Р. Шаплена в связи с 50-летием «Рокфеллеровского фонда».⁶⁷ Богато оформленная и выполненная в духе рекламных изданий, она превосходит все, что было написано до сих пор своей открыто пропагандистской направленностью.

30 лет назад в США существовало около 250 благотворительных фондов, а в настоящее время их несколько тысяч. Но главную, ведущую роль по-прежнему играют фонды крупнейших корпораций, значительно усилившиеся в финансовом отношении и расширившие свою деятельность. Апологеты монополий превозносят благотворительность магнатов капитала, но умалчивают о том, что передача денег фондам является вот уже в течение многих лет одной из самых распространенных форм сокрытия доходов, так как по закону филантропические пожертвования не облагаются налогом. Еще 30 лет назад американский публицист Ф. Ландберг писал, что филантропия в сущности есть «капиталовложения некоммерческого характера».⁶⁸ А по меткому выражению Р. Миллса, «благотворительные фонды», став «удобным способом уклонения от налогов», превратились для «жертвователей» в своего рода «частные банки».⁶⁹ Значение же подобного рода вкладов-пожертвований станет особенно ясно, если учесть, что крупные корпорации сохраняют контроль над благотворительными фондами, управляя их финансовой деятельностью. Кроме того, большинство вкладов состоит из пакетов акций,⁷⁰ вследствие чего позиция жертвователя в той или иной корпорации практически остается неизменной. Такова экономическая подоплека «филантропии» магнатов американского бизнеса.

Не менее важной стороной «благотворительности» является и практическая деятельность фондов. Если в сегодняшней Америке существует «система общенациональной рекламы», пронизывающая буквально все области интеллектуальной жизни, то в этом немалый вклад «благотворительных фондов», под растущим воздей-

⁶⁶ R. B. Fosdick. History of the Rockefeller foundation. N. Y., 1952.

⁶⁷ R. Shaplen. Toward the well-being of mankind. Fifty years of the Rockefeller foundation. N. Y., 1964.

⁶⁸ Ф. Ландберг. 60 семейств Америки. М., 1948, стр. 381.

⁶⁹ Р. Миллс. Властвующая элита, стр. 212.

⁷⁰ F. E. Andrews. Philanthropic foundations. N. Y., 1956; p. 110.

ствием которых находятся и образование, и наука, и культура, и религиозные учреждения. Никогда за всю предшествующую историю капитализм не прибегал к такой «осознанной» деятельности с целью оправдать существующий строй, как в последние годы, в условиях растущего могущества социалистической системы и развивающегося национально-освободительного движения в колониях. Крупным корпорациям и контролируемым ими фондам принадлежит в этой сфере ведущая роль. Для решения поставленных ими «проблем» ассигнуются средства и привлекаются «специалисты».

Несколько лет назад, выступая перед собранием историков в Гарвардском университете, представитель Дюпона изложил целую программу, выполнения которой крупный капитал ожидает от представителей общественных наук. Он заявил, что представляемая им корпорация извлекала большую пользу из работ ученых, физиков и химиков, а теперь нужно наладить «более тесные связи и лучшие отношения» с экономистами, социологами, историками и даже лингвистами. Он призывал представителей общественных наук активно защищать капиталистический строй от «радикалов» и «коммунистов». «Мы не претендуем на особую эрудицию, — говорил он, — однако наше знакомство с историей сделало для нас абсолютно ясным, что все крупные революционные движения рождались в умах мыслителей». И хотя представитель Дюпона далек от истинного понимания исторического процесса, ему нельзя отказать в классовом чутье, когда он заявляет, что революционные идеи чреваты опасностью революционных потрясений. А «для положения вещей в Америке» это, по его словам, — «не тривиальная проблема». Нужно торопиться, чтобы противопоставить свои усилия критикам монополий и ликвидировать антимонополистические настроения в народе. Нельзя терять время, ибо «если человек умирает от рака, — пояснил свою мысль оратор, — вряд ли будет иметь значение, если его вылечат от гриппа».⁷¹

Реализации этих замыслов в значительной мере посвящена деятельность «благотворительных» организаций. Одна из самых крупных и влиятельных из них — «Фонд Рокфеллера». Ему принадлежит ведущая роль в самых разнообразных сферах. Первым солидным пожертвованием Рокфеллеров был взнос в пользу церкви размером в 600 тысяч долларов, как отмечает В. Перло, «задолго до наступления эры специалистов по обработке общественного мнения».⁷² С тех пор благотворительная деятельность выросла в целую систему, руководит которой признанные «гении рекламы». Общеизвестно, что на деньги фондов ведется значительная работа в области медицины, физики, химии

и других наук. Субсидиями фондов пользовались многие крупные ученые, которым принадлежат важные открытия. Но нельзя согласиться с Невинсом, Фоздиком и Шапленом, что пожертвования на науку продиктованы идеалистическим мотивом человеколюбия.

Во-первых, направление научных исследований в организациях фондов всегда подчинено тем или иным интересам корпорации и ее руководителей. Лаудберг, Перло и другие приводят данные, свидетельствующие, что деятельность рокфеллеровского «Института медицинских исследований», например, в значительной степени была продиктована интересами семьи Рокфеллеров. Что же касается исследовательской работы этого института в зарубежных странах, то она, как правило, распространялась на области наиболее интенсивных действий рокфеллеровских компаний, прежде всего «Стандард ойл». На средства «Фонда Рокфеллера» производились обширные исследования по атомной энергии, и чистейшим лицемерием является заявление Шаплен о том, что фонд глубоко сожалел об изобретении атомной бомбы.⁷³ Известно, что исследования, субсидируемые фондом, связаны с военным производством, а в числе ближайших и наиболее доверенных советников семейства Рокфеллеров находится один из самых ярких приверженцев гонки ядерных вооружений Э. Теллер.

Во-вторых, говоря о мотивах субсидий на науку, нельзя не отметить, что сам по себе факт пожертвований на научные исследования нужен корпорациям в пропагандистских целях. Это — реклама для крупного капитала, и специально нанятые люди заняты тем, что активно и регулярно прославляют «просветительскую» роль американского бизнеса.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что немалая доля средств, ассигнуемых благотворительными фондами, идет на идеологию, на работы, прямо или косвенно связанные с обработкой общественного мнения, пропаганду за рубежом, борьбу против коммунистических идей и защиту капиталистических порядков. Достаточно сказать, что фонды Рокфеллера и Форда выделяют миллионные средства на финансирование исследовательских центров по изучению СССР, которые поставляют основные кадры специалистов по «русскому вопросу» для госдепартамента, разведки и других учреждений США.

Широкая сеть просветительных и культурных организаций основана фондами в США и за их пределами. Так, например, после второй мировой войны «Фондом Рокфеллера» были созданы многочисленные организации в странах Латинской Америки, Азии и Африки. Что же касается самих Соединенных Штатов, то там существуют сотни подобного рода организаций, в том числе такие влиятельные во внешней политике, как Совет по вопросам

⁷¹ G. P o r g y. Communication between the academic and the businessman. Business Hist. Rev., 1962, № 2, pp. 87—97.

⁷² В. П е р л о. Империя финансовых магнатов, стр. 241.

⁷³ R. S h a p l e n. Toward the well-being of mankind, p. 79.

международных отношений, Ассоциация внешней политики и др. И здесь решающая роль принадлежит Рокфеллерам. Наряду с «Фондом Рокфеллера», созданным еще Джоном Д. I совместно с сыном, в настоящее время организован дополнительно «Фонд братьев Рокфеллеров», главной задачей которого являются политическая пропаганда и вопросы внешней политики.

Одна из целей этой организации — составление программы «Будущее Америки» на ближайшие 10—15 лет. Для работы над этим документом было привлечено около 100 человек, профессора университетов, известные издатели, видные дипломаты и военные, конгрессмены и руководители корпораций. Во главе был поставлен специальный комитет, руководимый сначала Нельсоном, а затем Лоуренсом Рокфеллерами.⁷⁴ За четыре года работы, с 1956 по 1960 г., исследовательская группа подготовила документ, который по праву можно было бы назвать программой современного капитализма США. Популяризация его идей и положений занимает важное место в американской пропаганде.

Подобные примеры являются свидетельством невиданного размаха агитационной, пропагандистской деятельности, направленной на оправдание и защиту капиталистических порядков. В этом заключается одна из особенностей нынешнего этапа развития капитализма США, при котором власти гигантских монополий соответствует «система общенациональной рекламы» в самом широком смысле слова, включая рекламу современного капиталистического строя Соединенных Штатов.

В одной из последних книг Р. Миллс отмечал, что особенность развития Америки в последние 20 лет заключается в том, что «в центре внимания общественности стоят уже не внутренние проблемы, в основном связанные с борьбой против опасности надвигающегося кризиса, а международные проблемы, связанные в основном с подготовкой к войне».⁷⁵ «Военный» фактор стал одним из главных в современной Америке. В экономической сфере он помогает временно избежать кризисных явлений, поддерживая бум в военной промышленности, которая стала играть решающую роль в системе национальной экономики. В политике этот фактор привел к возвышению военной касты; высшие представители которой представляют ныне влиятельную и многочисленную часть американской «властвующей элиты». Военный фактор способствует и концентрации власти, в результате чего правящая верхушка все более объединяется в одну монолитную группу, а ее власть, как пишет Миллс, не имеет себе равной в мировой истории.

В достижении этой цели важную роль играет пропаганда во всех ее формах и проявлениях. Доминирующую роль и в ней

приобретает военный фактор. «Коммунистическая угроза», «вызов Советов», «единство наций», «интересы безопасности» — такие словосочетания и лозунги являются неизменным атрибутом большинства выступлений идеологов нынешнего капитализма США. Военный фактор служит предлогом для гонений на прогрессивных деятелей и ликвидации демократических свобод. Он парализует интеллект, скрывает «мыслящего гражданина». Вот почему совершенно обоснованно Миллс кончает свою книгу призывом к интеллигенции не поддаваться дурману пропаганды. «Когда у интеллигентов есть возможность говорить, — пишет он, — по они все же молчат, тем самым они присоединяются к силам, которые стараются лишить людей способности думать и заглядывать вперед, смотреть на вещи с нравственных и политически правильных позиций».⁷⁶ Эти слова имеют и более широкое значение. Они направлены против апологетов современного капитализма, которые стремятся представить Соединенные Штаты Америки как образцовое общество и идеальный политический строй.

⁷⁶ Там же, стр. 117.

⁷⁴ См.: Prospect for America. N. Y., 1961.

⁷⁵ W. Mills. Causes of the world war III, p. 27.

А. М. ИОСКОВ

НОРВЕЖСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ В 1940—1945 гг.

За послевоенные годы в Норвегии напечатано много мемуаров политических деятелей и исторических исследований, посвященных движению Сопротивления в период гитлеровской оккупации страны в 1940—1945 гг. Все эти книги освещают события военных лет с различной широтой обобщений, достоверностью и исторической объективностью. Условно их можно подразделить на три группы.

К первой группе можно отнести мемуары и воспоминания непосредственных участников движения Сопротивления. Эти книги вышли вскоре после окончания второй мировой войны и носят, как правило, узколичный характер. К таким произведениям можно отнести «Христиан Стейн и его друзья»,¹ воспоминания бывшего ректора университета в г. Осло Дидрика Арупа Сейпа «На родине и в стране врага»² и Рейдара Аасе «В концлагере Грини»,³ книгу Йона Лунга «Эпоха предательства»,⁴ написанную на основе показаний на суде некоторых норвежских предателей родины, и т. п.

Как правило, авторы этих книг, за исключением Йона Лунга, не претендуют на широкие обобщения и рассказывают о событиях, в которых они в той или иной мере участвовали сами. Некоторые факты, приводимые в них, были еще недостаточно проверены и поэтому несут отпечаток субъективности, односторонней оценки. Несколько выделяется книга Йона Лунга «Эпоха предательства»: ее автор, проявляя антисоветскую тенденциозность, пытается теоретически «обосновать» определенную политическую «преемственность» между царской Россией и Советским Союзом. Однако произведения подобного рода явились источниками для ряда исторических исследований по движению Сопротивления в Нор-

вегии, в частности по вопросам участия в нем различных общественных слоев населения, деятельности профсоюзов и т. д.

В 1945 г. решением норвежского правительства была создана специальная комиссия, в задачу которой входило расследование причин, которые привели к оккупации страны гитлеровской Германией. В 1947 г. комиссия опубликовала результаты своего расследования и высказала ряд критических замечаний в адрес некоторых в прошлом видных государственных и политических деятелей страны. Это послужило толчком к опубликованию в печати книг с целью самооправдания. Бывший премьер-министр Норвегии Нюгордсволь выступил с книгой «Отчет о деятельности норвежского правительства с 9 апреля 1940 г. по 25 июня 1945 г.»,⁵ бывший министр иностранных дел Трюгве Ли опубликовал мемуары «Жить или умереть»,⁶ член правительства Нюгордсволя П. Хартманн издал воспоминания «За фронтом»⁷ и т. д.

Эти книги содержат немало обвинений, выдвигаемых одним министром против другого, в них очень заметно стремление авторов показать себя в более выгодном свете. Таким образом, фигура автора подчас заслоняет само движение Сопротивления, особенно его первый этап, когда норвежское правительство было в Северной Норвегии, а большая часть страны уже находилась под властью гитлеровских оккупантов, и начали зарождаться первые очаги будущего движения Сопротивления. Однако эти произведения представляют для исследователя интерес, так как они показывают отношение правительства и отдельных его членов к движению Сопротивления, особенно к его активным формам — партизанскому движению, диверсионным актам против гитлеровских оккупантов и квислинговцев и т. п. Эмигрировавшее в Лондон норвежское правительство сначала совместно с Административным советом (подобие временного правительства при гитлеровских оккупационных властях), а затем и буржуазным подпольным руководством движения Сопротивления приложили все силы к тому, чтобы не допустить развития в Норвегии вооруженной борьбы патриотов против гитлеровских захватчиков.

Ко второй группе произведений, освещающих движение Сопротивления в Норвегии, можно отнести коллективную трехтомную работу «Норвежская война 1940—1945 гг.»,⁸ книгу А. Захарьясена «От Маркуса Тране до Мартина Транмэля»,⁹ т. IX «Истории нашего народа»,¹⁰ написанный Х. Христенсеном и

⁵ J. Nygaardsvold. Beretning om den norske regjeringens virksomhet fra 9 april 1940 til 25 juni 1945. Oslo, 1947.

⁶ T r y g v e L i e. Live eller dø. Oslo, 1955.

⁷ P. H a r t m a n n. Bak fronten, Fra Oslo og London 1939—1945. Oslo, 1955.

⁸ Norges krig 1940—1945, bnd. I—III. Oslo, 1947—1950.

⁹ A. Z a c h a r i a s s e n. Fra Marcus Thrane til Martin Tranmæl. Oslo, 1962.

¹⁰ Chr. A. R. C h r i s t e n s e n. Vårt folks historie, bnd. IX. Oslo, 1963.

¹ Kristian Stein og hans menn. Bergen, 1948.

² D. A. S e i p. I hjemmet og i fiendeland, 1940—1945. Oslo, 1946.

³ R. A a s e. Fra fengselstida på Grini. Oslo, 1945.

⁴ J. L y n g. Forræderiets epoke. Oslo, 1948.

посвященный полностью истории движения Сопротивления в Норвегии, и ряд других произведений.

Примечательная особенность этих официальных исторических изданий, претендующих на абсолютную правдивость выводов, состоит в том, что они написаны не историками, а политическими деятелями, которые так или иначе участвовали в руководстве движением Сопротивления, проводя политику свертывания активных форм борьбы против гитлеровских оккупантов и проповедуя тактику «пассивного выжидания».

Раздел «Период Административного совета» в трехтомнике «Норвежская война 1940—1945 гг.», например, был написан бывшим членом этого совета крупным финансовым деятелем и буржуазным политиком Гуннаром Яном.¹¹ Раздел «Спортивный фронт» написал генерал Улав Хельсет, который сам руководил сначала спортивными подпольными организациями, а затем возглавлял подпольную военную организацию, так называемый «Милорг», и приложил немало усилий к тому, чтобы эти организации, следуя «тактике выжидания», бездействовали в течение всей войны.¹² В редакционный комитет трехтомника вошли премьер-министр Норвегии того времени Э. Герхардсен, бывший верховный судья П. Берг — один из главных инициаторов «умеренного сотрудничества» с оккупантами, и т. п.¹³

На первый план в этих трудах обычно выступают политические взгляды авторов, а исторические факты освещаются в соответствии с современными политическими интересами правящих кругов Норвегии. В годы выхода в свет трехтомника (1947—1950) норвежское правительство, возглавлявшееся тогда Э. Герхардсеном, меняло внешнеполитический курс страны. Отказываясь от политики традиционного нейтралитета, Норвегия (в 1949 г.) вступила в НАТО — агрессивный блок, направленный против Советского Союза.

Естественно, что Э. Герхардсен проводил одну и ту же политическую линию и как премьер-министр, и как член редакционного комитета трехтомника «Норвежская война 1940—1945 гг.».

В исторических произведениях, относящихся ко второй группе, ясно вырисовывается несколько тенденций.

1. Замалчивание влияния борьбы советского народа с гитлеровской Германией на ход и развитие движения Сопротивления в Норвегии. Когда, например, читаешь названный выше трехтомник, в котором рассматриваются мельчайшие подробности движения Сопротивления в стране на протяжении всех военных лет, создается впечатление, что Советский Союз вообще не участвовал

в войну вплоть до 1944 г., когда Красная Армия, разгромив фашистскую армию в Заполярье, вступила в Северную Норвегию.

2. В последнее время некоторые норвежские историки от замалчивания перешли к решительному отрицанию влияния борьбы Советского народа на развитие движения Сопротивления в Норвегии. Например, норвежский историк С. Хелстадди, выступавший в 1961 г. в Милане с докладом на Международной конференции истории движения Сопротивления в странах Европы, прямо заявил: «Русские, ввиду географического положения и по другим причинам, не могли оказать какую-либо помощь норвежскому движению Сопротивления».¹⁴

3. В то же время в этих исторических трудах всячески подчеркивается «решающее» влияние на норвежское движение Сопротивления Англии и США — сегодняшних союзников Норвегии по НАТО. Цель подобной идеологической диверсии в истории совершенно ясна: показать «исторические корни дружбы» между Норвегией и ведущими странами НАТО и умалить симпатии простых норвежцев к Советскому Союзу, против которого направлен Северо-атлантический блок.

4. Характерным для упомянутых произведений является и то, что они совершенно замалчивают тот огромный вклад, который внесла Коммунистическая партия Норвегии в борьбу против гитлеровских оккупантов и квислинговцев и вообще в движение Сопротивления. И это не случайно, так как именно компартия являлась организатором, душой активных форм борьбы норвежских патриотов, а ведущие политические деятели того времени, такие, как Трюгве Ли, Торп, Нюгордсволь, Пол Берг и др., придерживались тактики свертывания активных форм борьбы. Они доказывали «невозможность и нецелесообразность» организации в Норвегии широкого партизанского движения и массовых диверсионных актов, направленных против гитлеровских войск в Норвегии и их приспешников — квислинговцев. Замалчивая деятельность коммунистов, авторы тем самым зачеркивают самую яркую и героическую страницу в борьбе норвежского народа против гитлеровцев. А между тем о деятельности коммунистов говорил в 1944 г. с уважением даже норвежский король Хо-кон VII.¹⁵

Естественно, что такой тенденциозный подход к событиям недавнего прошлого помешал авторам создать полноценные науч-

¹⁴ S. Kjøldstadli. The Resistance movement in Norway and the allies 1940—1945, European Resistance Movements 1940—1945. London—N. Y., 1964, p. 324.

¹⁵ Обращаясь из Лондона по радио к норвежскому народу в октябре 1944 г., король Хокон VII говорил: «В нашей национальной борьбе норвежские коммунисты стояли в первых рядах мобилизации сил народа против насильников и тех, кто не стремился к развитию Норвегии на основе конституции» (см.: М. Искри. В борьбе против гитлеровских оккупантов Норвегии. Новая и новейшая история, 1962, № 6, стр. 126—127).

¹¹ G. Jahn. Administrasjonsråd-tiden, Norges krig 1940—1945, bnd. II. Oslo, 1948, s. 515.

¹² O. Hølsøt. Idrettsfronten, Norges krig 1940—1945, bnd. III. Oslo, 1950, s. 7.

¹³ Там же.

ные работы, которые в настоящем виде представляют собою скорее пропагандистскую литературу, нежели солидные, объективные исторические исследования.

В третью группу произведений, посвященных движению Сопротивления в Норвегии, можно условно зачислить работы и материалы, подготовленные и опубликованные учеными-историками, экономистами, юристами. Это прежде всего книги Т. Вюллера «Новый порядок и движение Сопротивления»,¹⁶ «Из истории борьбы за власть в годы оккупации»,¹⁷ «Политика освобождения»,¹⁸ работа С. Хелстадди «Подпольные патриотические силы»,¹⁹ исследование Х. Луина «Незаконные газеты»,²⁰ анализ состояния экономики страны периода оккупации профессора Эрлинга Петерсена «Экономическое положение»,²¹ книга юриста А. Визенера «Норвежцы перед немецким судом в 1940—1942 гг.»²² и т. д.

Эти работы написаны авторами на основе изучения архивных документов, личных бесед с участниками движения Сопротивления, обобщения фактического материала в уже вышедшей литературе, освещающей период борьбы норвежского народа с гитлеровскими оккупантами. Кроме того, авторы этих работ, как правило, не являлись ни членами бывшего правительства, ни руководящими деятелями в подпольном движении Сопротивления. Поэтому в их книгах нет ни попыток самооправдания, ни описания личных заслуг, что в значительной степени типично для произведений первых двух групп.

Поистине огромное количество документального материала использовано в замечательной работе историка С. Хелстадди «Подпольные патриотические силы». Автор, по его словам, поставил перед собой задачу «показать основные черты военного сопротивления в стране в период с 10 июня 1940 г. по 8 мая 1945 г.»²³ Но С. Хелстадди фактически выходит за рамки этой задачи и дает широкую картину движения Сопротивления. Описывая историю создания в стране подпольных военных организаций («милорги»), Хелстадди показывает, как на определенных этапах, особенно в начале 1943 г., после разгрома гитлеровских войск под Сталинградом, буржуазное руководство движением Сопротивления во главе с П. Бергом предпринимало отчаянные усилия, чтобы не допустить развития в стране вооруженной борьбы норвежских патриотов с оккупантами и оградить созданные подпольные военные организации от влияния левых сил, которые звали народ

¹⁶ Th. W y l l e r. Nyordning og motstand. Os l o, 1958.

¹⁷ Th. W y l l e r. Fra okkupasjonsårenes maktkamp. Os l o, 1954.

¹⁸ Th. W y l l e r. Frigjøringspolitikk. Os l o, 1963.

¹⁹ S. K j e l d s t a d d i. Hjemmestyrkene. Os l o, 1959.

²⁰ H. L u i n n. De illegale avisene. Os l o, 1960.

²¹ A. W. E. P e t e r s e n. Økonomiske forhold, Norges krig 1940—1945, bnd. III. Os l o, 1950, s. 495.

²² A. W i s e n e r. Normann for tysk krigsrett 1940—1942. Os l o, 1954.

²³ S. K j e l d s t a d d i. Hjemmestyrkene, s. 21.

к усилению борьбы с оккупантами и квислинговцами. Хотя С. Хелстадди об этом прямо и не говорит, но из приведенных им официальных документов становится ясно, что начиная с 1943 г. правые силы, захватившие руководство в движении Сопротивления, направляли основное острие своей борьбы прежде всего против коммунистов и возглавляемых ими патриотических организаций.

Однако в целом С. Хелстадди не решается пойти вразрез существующей официальной политической линии и продолжает замалчивать героическую борьбу норвежских коммунистов с гитлеровскими захватчиками и их норвежскими пособниками.

В период оккупации подпольная пресса являлась одним из основных средств борьбы с человеком ненавистнической пропагандой Квислинга и гитлеровских оккупантов, которые были настолько уверены в действенности своей идеологии, что серьезно рассчитывали привлечь норвежский народ на свою сторону в основном с помощью идеологического воздействия. Поэтому работа Х. Луина «Незаконные газеты», содержащая богатый фактический материал, представляет определенный интерес. Х. Луин прослеживает развитие подпольной прессы от возникновения первых незаконных газет, изданных небольшим тиражом и примитивным способом, до создания широкого «фронта прессы», в котором участвовало около 20 тысяч патриотов.²⁴ Большой интерес представляют приводимые автором многочисленные выдержки из подпольных газет, принадлежавших различным политическим группировкам в движении Сопротивления. Эти выдержки дают возможность в какой-то степени почувствовать остроту борьбы не только с оккупантами, но и внутри самого движения Сопротивления. Но автор, как правило, уходит от глубокого анализа внутренних противоречий в патриотическом движении, видимо, не желая показывать авангардную роль компартии в борьбе против гитлеровцев.

Достоинство работ Т. Вюллера заключается в том, что автор стремился проанализировать внутриполитическую обстановку, показать развернувшееся соперничество за власть между консервативной группировкой руководства движением Сопротивления в стране, так называемым «Кретсен» (круг), и эмигрировавшим в Лондон правительством Нюгордсволя. Эта схватка за власть с особой силой развернулась на заключительном этапе войны и движения Сопротивления в стране. Т. Вюллер показывает, что в 1944—1945 гг. «Кретсен» и лондонское правительство основное внимание уделяли уже не борьбе с гитлеровскими оккупантами, а мелким дрызгам и грызне за власть. Однако несмотря на разницу в политических платформах, обе соперничавшие группировки преследовали одну цель: не допустить в послевоенной

²⁴ H. L u i n n. De illegale avisene, s. 230.

Норвегии преобладания прогрессивных сил. «На заключительном этапе, — пишет Т. Вюллер, — среди множества вопросов доминировал один: как будет проходить в Норвегии последняя фаза? Спокойно, под воздействием разгрома немцев, или же через ожесточенную борьбу и, может быть, даже через гражданскую войну».²⁵

Но развернувшаяся борьба за власть в правящих кругах Норвегии изображается Т. Вюллером в отрыве от борьбы народных масс против гитлеровских оккупантов, квислинговцев и крупной буржуазии, сотрудничавшей с гитлеровской администрацией. Это делает работы Т. Вюллера односторонними.

В них не показаны в достаточной мере движущие силы самого движения Сопротивления в народе, которые обусловили острую борьбу в верхах, а также боязнь правящих кругов возможной гражданской войны.

В целом же исследования норвежских историков, которые мы условно относим к третьей группе, представляют наибольший интерес. Однако и в них авторы не смогли преодолеть тенденцию замалчивания роли компартии в борьбе против гитлеровских оккупантов и преуменьшения влияния борьбы советского народа с гитлеровской Германией на движение Сопротивления в Норвегии.

За послевоенный период в Норвегии практически не вышло ни одной работы, в которой бы была дана вполне объективная и всесторонняя картина развития норвежского Сопротивления. Отсутствие таких работ позволяет буржуазным историкам навязывать читателям свое освещение событий, весьма далекое от подлинной исторической действительности.

²⁵ Th. W y l l o r. Frigjørings politik, s. 11.

ВЫБОРОЧНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ ПО ТЕОРИИ ИСТОРИИ

Библиографию произведений классиков марксизма-ленинизма по этой тематике см. в кн.: А с л а н я н Г. Идея прогресса в буржуазной философии истории. Ереван, 1965.

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Общий отдел

- Основы марксизма-ленинизма, под ред. Куусинена. Госполитиздат, М., 1962, 783 стр.
Основы научного коммунизма. Политиздат, М., 1966.
Строительство коммунизма и духовный мир человека: «Наука», М., 1966, 639 стр. (АН СССР, Инст. филос.).
Чесноков Д. И. Исторический материализм. «Мысль», М., 1964, 496 стр.

Историография методологии

- Г о в о р к о в А. А. Проблема соотношения истории и современности в произведениях М. Н. Покровского советского периода. — В кн.: Методологические и историографические вопросы исторической науки, Сб. статей, вып. 3, Изд. Томск. ун-ва., 1965, стр. 66—85 (Труды Томск. гос. ун-ва., 1965, т. 178, сер. ист.).
И в а н о в В. В. К характеристике идейно-методологических взглядов Марка Блока. — В кн.: Методологические и историографические вопросы исторической науки, Сб. статей, вып. 3, Изд. Томск. ун-ва., 1965, стр. 95—107 (Труды Томск. гос. ун-ва., 1965, т. 178, сер. ист.).
Марк Блок — прогрессивный французский историк.
И в а н о в В. В. Методологические проблемы истории в трудах Н. К. Стефанова. Вопр. истории, 1966, № 1, стр. 196—200.
К о н И. С. Анри Берр и теория исторического синтеза. Вопр. филос., 1955, № 6, стр. 118—129.
Проблема соотношения общего и единичного в историческом развитии. Соотношение истории, философии и социологии. Буржуазная эклектика.
К о н И. С. Неопозитивизм в социологии. — В кн.: Диалектический материализм и современный позитивизм. М., 1961, Межвузовская партийная конференция, стр. 159—166.
К о н И. С. Позитивизм в социологии. Исторический очерк. Изд. Ленингр. ун-ва., 1964, 207 стр.
Очерк истории позитивизма. Критика буржуазных концепций.
Критика методологии позитивизма.

К о н И. С. Страх перед законами истории. Соцэкгиз, М., 1958, 80 стр. (Критика наших критиков).

Буржуазная социология. Отрицание объективных исторических закономерностей.

Печуро Е. Э. «History and Theory», 's-Gravenhage. [Обзор международного журнала, посвященного вопросам методологии истории]. — Вопр. истории, 1964, № 3, стр. 195—201.

Смоленский Н. И. О некоторых теоретико-методологических принципах исторической концепции Леопольда фон Ранке. — В кн.: Методологические и историографические вопросы исторической науки, Сб. статей, Изд. Томск. ун-в., 1963, стр. 137—167 (Труды Томск. гос. ун-в., 1963, т. 166, сер. ист.).

Критика буржуазной идеалистической методологии.

Методологии истории

Андреева Н. С. и А. В. Гулыга. Проблемы остаются нерешенными. — Вопр. филос., 1963, № 10, стр. 174—177.

Вопросы методологии исторической науки в журнале «History and Theory».

Ашин Г. К. О гносеологических корнях и методологических основах современных реакционных теорий о роли народных масс и личности в истории. — Труды Моск. инст. инженеров ж.-д. трансп., 1962, вып. 165, стр. 67—96.

Березкин А. и К. Кузнецова. История и современная борьба идеологий. — Коммунист, 1960, № 17, стр. 85—96.

Столкновение двух мировоззрений на Стокгольмском конгрессе 1960 г. Материалистический и идеалистический взгляд на развитие общества.

Вербин А. и А. Фурман. Место исторического материализма в системе наук. Изд. Моск. ун-в., 1965, 191 стр.

Гл. 4. Исторический материализм — методологическая основа исторической науки.

Гольцман М. Т. Об использовании историками статистических материалов. — История СССР, 1962, № 6, стр. 222—223.

Городецкий Е. И. Вопросы методологии исторического исследования в послеоктябрьских трудах В. И. Ленина. — Вопр. истории, 1963, № 6, стр. 16—34.

Горьский В. С. Деякі питання методології дослідження Історії культурних взаємовідносин. — Українськ іст. журн., 1965, № 9, стр. 47—54.

Гулыга А. В. О характере исторического знания. — Вопр. филос., 1962, № 9, стр. 28—38.

Методика исторического исследования.

Гуревич А. Я. Общий закон и конкретная закономерность в истории. — Вопр. ист., 1965, № 8, стр. 14—30. Резюме на англ. яз. Библиогр. и подстр. прим.

Рассматривается вопрос о существовании специфических исторических закономерностей.

Данилов А. И. О некоторых вопросах дальнейшего изучения теоретико-методологических проблем исторической науки. — Вопр. ист., 1961, № 3, стр. 210—217.

Дилигонский Г. Г. Марксистско-ленинская теория и конкретно-историческое исследование. (По поводу статей А. Мамильяно и П. Росси). — Вопр. ист., 1963, № 3, стр. 88—100.

Статья посвящена методологическим принципам советской историографии.

Дубов Г. В. Семинар по философским проблемам исторической науки. — Вопр. истории, 1964, № 7, стр. 159—162.

Семинар в Институте философии Академии наук СССР.

Здравосмыслов А. Г. Методологические вопросы этнографии. — Вопр. филос., 1965, № 1, стр. 36—44.

Взаимодействие этнографии с исторической наукой. Вопросы методологии. Роль исторического материализма.

Иванов В. В. К вопросу о принципе историзма в ленинской методологии научного исследования (по работам 1893 г.). — В кн.: Вопросы международных отношений, историографии и источниковедения, Сб. статей, вып. 1, Изд. Томск. ун-в., 1965, стр. 83—105. (Труды Томск. гос. ун-в., 1965, т. 180, сер. ист.).

Иванов В. В. Принцип историзма в ленинской критике либерального народничества и легального «марксизма» (по работам 90-х годов XIX в.). — В кн.: Методологические и историографические вопросы исторической науки, Сб. статей, вып. 3, Изд. Томск. ун-в., 1965, стр. 3—34 (Труды Томск. гос. ун-в., 1965, т. 178, сер. ист.).

1. Антинаучный характер исторического субъективизма. Обоснование В. И. Лениным принципа историзма. 2. Последовательный историзм — характерная черта ленинской методологии исследования. 3. Ленин об ограниченности буржуазного историзма. (Партийность и историзм).

Иванов Г. М. К вопросу о своеобразии исторического познания. — В кн.: Методологические и историографические вопросы исторической науки, Сб. статей, Изд. Томск. ун-в., 1963, стр. 3—26 (Труды Томск. гос. ун-в., 1963, т. 166, сер. ист.).

Необходимость изучения современных исторических процессов для правильного освещения прошлого.

Иванов Г. М. Марксистская методология истории о предпосылках познания социально-экономических явлений. — Уч. зап. Томск. гос. ун-в., 1958, № 34, стр. 3—12.

История и социология. [Доклад академиком П. И. Федосеева и Ю. П. Францева «О разработке методологических вопросов истории» на совещании Секции общественных наук, проини по докладу и постановление Президиума АН СССР]. «Наука», М., 1964, 341 стр. (АН СССР).

Кечекьян С. Ф. Методологические вопросы истории политических учений. — Вопр. филос., 1962, № 2, стр. 86—98.

Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. Соцэкгиз, М., 1959, 403 стр.

Критика основных направлений современной буржуазной философии истории. Отрицательное влияние реакционной философии на методологические проблемы истории.

Рец.: Б. Чагин и Ю. Лессов. Страх перед прогрессом. — Коммунист, 1960, № 9, стр. 155—158.

Крандновский С. И. К критике методологии буржуазной экономической истории конца XIX века. — Уч. зап. Харьковск. ун-в., 1962, т. 129, Труды ист. фак., т. 10, стр. 70—84.

Идеализм в основе буржуазной методологии. Ценность фактического материала, собранного буржуазными учеными. Критический подход к буржуазной экономической статистике, ее методологии и пр.

Куманён В. А. Методологические проблемы исторической науки. [По материалам заседания Секции общественных наук Президиума АН СССР, Москва, янв. 1964 г. 1. — Новая и новейшая история, 1964, № 2, стр. 175—179.

Ладенко И. С. История науки в свете теории мышления. — Вопр. филос., 1964, № 1, стр. 55—64.

Логико-методологическое исследование истории науки; теория мышления — общая и теории конкретных типов мышления.

Ланно-Данилевский А. С. Методология истории. Пособие к лекциям. . . Тип. В. Безобразова, СПб., 1910—1913. Вып. (часть) 1, Теория исторического знания, 1910, стр. 1—291; вып. (часть) 2, 1913, стр. 292—802.

Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории, вып. 1. Посмертное изд. Пгр., 1923, 278 стр.

Ленинизм — наше боевое методологическое оружие. — *Вопр. филос.*, 1964, № 4, стр. 3—15, Передовая статья.

Маркарян Е. С. О значении сравнительного метода в культурно-историческом познании. — *Вестн. истории мировой культуры*, 1957, № 4, стр. 23—39.

Сравнительный метод как система исследовательских приемов, которые приводят к познанию истины.

Медушевская О. М. Буржуазный учений о методологических задачах исторической науки. [Рец.: А. Коббей. Размышления об историческом методе. *La table ronde*, 1964, juin]. — *Вопр. истории*, 1965, № 1, стр. 189—190.

Критика буржуазной методологии истории.

Медушевская О. М. Некоторые проблемы методологии истории в современной французской историографии. — *Вопр. филос.*, 1965, № 1, стр. 107—115.

Могильницкий Б. Г. Объективность и партийность в историческом исследовании. — В кн.: *Методологические и историографические вопросы исторической науки*, Сб. статей, вып. 2, Изд. Томск. ун-ва, 1964, стр. 3—34 (Труды Томск. гос. ун-ва, 1964, т. 173, сер. ист.).

Мошков Ю. А. Кибернетика и методы исторического исследования. — *История СССР*, 1965, № 6, стр. 214—220.

Нечкина М. В. История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки). — В кн.: *История и историки*, *Историография истории СССР*, Сб. статей, «Наука», М., 1965, стр. 6—26.

Осьмова Н. И. О некоторых «технологических» теориях социального прогресса. — *Вестн. истории мировой культуры*, 1960, № 4, стр. 22—31.

Прициснов В. И. О соотношении исторического материализма и исторической науки. — *Вопр. филос.*, 1961, № 1, стр. 103—113.

Исторический материализм как метод исследования исторической действительности, методологическая основа периодизации всемирной истории.

Семенин С. А. О методологических функциях исторических наук. — *Научн. докл. высш. школы*, *Филос. науки*, 1964, № 6, стр. 72—78.

Значение коллективных трудов историков. Установление исторических закономерностей. Систематизация материала. Применение счетных машин.

Суворов Л. Н. Методологические проблемы обществознания — в центр внимания философских наук. — *Научн.-докл. высш. школы*, *Филос. науки*, 1964, № 4, стр. 3—8.

Уваров А. И. Структура теории в исторической науке. — В кн.: *Методологические и историографические вопросы исторической науки*, Сб. статей, вып. 3, Изд. Томск. ун-ва, 1965, стр. 35—65 (Труды Томск. гос. ун-ва, 1965, т. 178, сер. ист.).

Федосеев П. Н. и Ю. П. Францев. История и социология. [О методологических вопросах исторической науки]. — *Коммунист*, 1964, № 2, стр. 61—74.

Федосеев П. Н. и Ю. П. Францев. О разработке методологических вопросов истории. Изд. «Наука», М., 1963, 30 стр. (АН СССР).

Федосеев П. (Н.) и Ю. (П.) Францев. О разработке методологических вопросов истории. — *Вопр. истории*, 1964, № 3, стр. 4—23.

Хмылев П. Н. Карл Маркс и проблема партийности исторического познания. — В кн.: *Методологические и историографические вопросы исторической науки*, Сб. статей, вып. 3, Изд. Томск. ун-ва, 1965, стр. 86—94 (Труды Томск. гос. ун-ва, 1965, т. 178, сер. ист.).

Критика буржуазной методологии истории.

Хмылев П. Н. Проблема актуальности в историческом познании. — В кн.: *Методологические и историографические вопросы исторической науки*,

Сб. статей, вып. 2, Изд. Томск. ун-ва, 1964, стр. 35—47 (Труды Томск. гос. ун-ва, 1964, т. 173, сер. ист.).

Шарифжанов П. И. К вопросу о релятивистском истолковании методологии истории в англо-американской историографии 40—50-х гг. XX века. — В кн.: *Методологические и историографические вопросы исторической науки*, Сб. статей, Изд. Томск. ун-ва, 1963, стр. 27—61 (Труды Томск. гос. ун-ва, 1963, т. 166, сер. ист.).

Критика буржуазной методологии истории.

Шафф А. Объективный характер законов истории. Некоторые проблемы марксистской методологии историографии. Пер. с польского А. П. Еремидова и А. А. Якушева. Общая ред. и вступит. статья Д. Ф. Козлова. Изд. иностр. лит., М., 1959, 495 стр. Библиогр.: стр. 480—494.

Теоретическая социология

Аллахвердян С. Д. Неопозитивизм в современной социологии. Изд. АН АрмССР, Ереван, 1964, 101 стр. (АН АрмССР, Сектор философии и права [Сер.] Против буржуазной идеологии, 7).

Социологический эмпиризм. Методология неопозитивизма. Критика эмпиризма.

Ананьев В. С. и М. П. Ларонов. Методы подбора и анализа документов в конкретном социальном исследовании. — *Научн. докл. высш. школы*, *Филос. науки*, 1965, № 2, стр. 67—75.

Андреев Г. М. Методологическая роль теории на разных этапах социального исследования. — *Вопр. филос.*, 1964, № 7, стр. 14—25.

Асеев Ю. А. и И. С. Кош. Основные направления буржуазной философии и социологии XX века. Изд. Ленингр. ун-ва, 1961, 108 стр. Библиогр.: стр. 106—107.

Асмус В. Ф. Маркс и буржуазный историк. Соцэктвизм, М.—Л., 1933, 270 стр.

Ашин Г. К. Основные направления современной буржуазной социологии, вып. 1. «Высш. школа», М., 1960, 60 стр.

Ашин Г. К. Современная буржуазная социология. (Критический очерк идеалистических теорий о роли народных масс и личности в истории). «Высш. школа», М., 1965, 205 стр.

Беккер Г. и А. Босков. Современная социологическая теория в ее преемственности и ее изменении. Пер. с англ. В. М. Корзинкина и Ю. В. Семенова. Общая ред. и послесл. проф. Д. И. Чеснокова. Изд. иностр. лит., М., 1961, 895 стр.

Различные социологические теории. Основные течения в теории и методологии социологии.

Богомолов А. и др. Журнал советских философов. — *Коммунист*, 1965, № 2, стр. 60—69.

Обзор журнала «Вопросы философии» с подробным анализом проблем методологии социологии.

Вербин А. И., В. Ж. Колле и М. Я. Ковальзон. Исторический материализм и социология. — *Вопр. филос.*, 1958, № 5, стр. 151—155.

Разбор статьи Кучинского «Социологические законы». Социология и исторический материализм. Их взаимоотношение.

Гагарин А. П. Американская буржуазная философия и социология на службе империализма. Изд. 2, доп. Госполитиздат, М., 1953, 207 стр.

Гальдяев П. К. Критика современной буржуазной социологии. «Мысль», М., 1965, 93 стр.

Характерные черты современной буржуазной социологии (идеализм, метафизика, эмпиризм). Антимарксизм — реформизм и ревизионизм.

Гвишиани Д. М. Исторический материализм и частные социологические исследования. — *Вопр. филос.*, 1965, № 5, стр. 47—56. Резюме на англ. яз.

Исторический материализм — социология марксизма. Исторический материализм исследует закономерности в целом, частные социологические исследования изучают отдельные закономерности.

Глезерман Г. Общее и особенное в историческом развитии. — Коммунист, 1957, № 14, стр. 13—27.

Гулыга А. В. О предмете исторической науки. — Вопр. ист., 1964, № 4, стр. 20—31.

Догужиев М. У. Проблема единства изменчивости и устойчивости в общесоциологических законах. — Уч. зап. Шахтинск. гос. пед. инст., Ростов н/Д., 1961, т. 3, вып. 3, стр. 33—51.

Здравомыслов А. Г. Проблема интереса в социологической теории. Изд. Ленингр. ун-в., 1964, 74 стр.

Категория интереса в социологии. Связь категории интереса с проблемами общественной жизни.

Грицкий Ю. И. Буржуазный социолог о причинах революции. [Рец.: Г. Экстин. О причинах внутренних войн. History and Theory, 's-Gravenhage, 1965, v. 4, № 2]. — Вопр. истории, 1965, № 10, стр. 189—190.

Новчук М. Т. и Г. В. Осипов. О некоторых теоретических принципах, проблемах и методах социологических исследований. — Вопр. филос., 1962, № 12, стр. 23—24.

V Международный социологический конгресс в США. Дискуссия о методах социологических явлений.

Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии. [Сб. статей, Под общ. ред. Ю. П. Францева], Соцэкгиз, М., 1960, 583 стр.

Исхаков И. Современная буржуазная социология — оружие антикоммунизма. «Узбекистан», Ташкент, 1964, 286 стр.

Карваев Г. Р. Исторический материализм и конкретно-социологические исследования. — Вести. ЛГУ, 1962, № 11, сер. экономики, философии и права, вып. 2, стр. 52—62.

Келло В. Ж. и М. Я. Ковальзон. О классификации общественных наук. — Вопр. филос., 1964, № 11, стр. 15—26.

Колбановский В. В. О предмете марксистской социологии. — Вопр. филос., 1958, № 8, стр. 126—130.

Предмет марксистской социологии. Методы социологических исследований.

Кои Н. С. Ощущение обреченности капитализма. — Проблемы мира и социализма, 1961, № 5, стр. 90—93.

Константинов Ф. В. Социология и политика. — Вопр. филос., 1962, № 11, стр. 3—18.

Анализ работы V Всемирного социологического конгресса в Вашингтоне.

Константинов Ф. и В. Келло. Исторический материализм — марксистская социология. — Коммунист, 1965, № 1, стр. 9—23.

Марксистская социология в системе общественных наук. Социальные и социологические исследования и их методика. Методологическое значение исторического материализма.

Критика современной буржуазной философии и социологии. [Сб. работ, Ред. коллегия: М. М. Григорьян (главн. ред.) и др.], Изд. ВПШ и АОН, М., 1963, 214 стр.

Кугель С. А. и О. И. Шкаратан. Некоторые методологические проблемы изучения социальной структуры общества. — Научн. докл. высш. школы, Филос. науки, 1965, № 1, стр. 55—64.

Кучинский Ю. Социологические законы. — Вопр. филос., 1957, № 5, стр. 95—100.

Маркарян Э. С. О концепции локальных цивилизаций. Изд. Акад. наук АрмССР, Ереван, 1962, 179 стр.

Марксистская и буржуазная социология сегодня. «Наука», М., 1964, 480 стр.

Рец.: В. А. Карпушин и И. С. Кош. — Вопр. филос., 1965, № 1, стр. 173—175.

Марксистско-ленинская философия и социология в СССР и европейских социалистических странах. Ист.-филос. очерки. [Ред. коллегия: М. Т. Иовчук (отв. ред.) и др.]. «Наука», М., 1965, 550 стр. (АН СССР. Инст. философии).

Михоов В. И. и М. И. Зайцева. Проблемы социальных изменений XX века. (Обзор докладов Третьего международного социологического конгресса. Амстердам, авг. 1956 г.). «Сов. наука», М., 1957, 100 стр.

Изменения в экономике, в структуре классов, в семьях, в образовании. Социологические проблемы.

Немчинов В. С. Проблемы современной социологии. — Новое время, 1956, № 44, стр. 5—9.

III Международный конгресс социологов в Амстердаме. Анализ социальных изменений XX века. Установление понятия социологии.

Новиков И. В. О некоторых тенденциях и проблемах современной буржуазной социологии. (По страницам американских социологических журналов последних лет). — Вести. истории мировой культуры, 1960, № 3, стр. 125—136.

Отрицание объективных законов общественного развития. Отказ от теории.

Осипов Г. В. Некоторые черты и особенности буржуазной социологии XX века. — Вопр. филос., 1962, № 8, стр. 120—131.

Психологизация. Эмпиризм.

Осипов Г. В. Современная буржуазная социология. (Критический очерк). [Вступ. статья М. П. Баскина]. «Наука», М., 1964, 416 стр. (АН СССР, Инст. филос.). Библиогр.: стр. 378—401.

Методология в социологии. Социологический метод. Моделирование в социологии.

Персов М. С. О соотношении общесоциологических и специфических законов формаций. — Вопр. истории, 1955, № 2, стр. 84—86.

Плотников В. И. и И. М. Шорохов. Новые веяния в зарубежной социологии в решении вопроса о взаимоотношении личности и общества. — Научн. докл. высш. школы, Филос. науки, 1962, № 2, стр. 66—75.

Подмена массы личностью в современной буржуазной социологии. Изменение личности определяет социологические изменения.

Попова И. М. Теория социального контроля в американской социологии. Вопр. филос., 1965, № 6, стр. 104—112. Резюме на англ. яз.

Поршнев В. Ф. Состояние пограничных проблем биологических и общественно-исторических наук. — Вопр. филос., 1962, № 5, стр. 116—129.

Проблема социальной психологии. Методология социальных исследований.

Рожин В. П. Введение в марксистскую социологию. Изд. Ленингр. ун-в., 1962, 159 стр.

Семенов Ю. Н. Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии. Критический очерк американской и английской теорий. «Наука», М., 1965, 297 стр. (АН СССР, Инст. филос.). Библиогр.: стр. 290—296.

Новые социальные теории. Теории циклов, социальной деградации, социальных изменений и др. Вопросы марксистской теории общественного прогресса.

Семенов Ю. Н. Проблема общественного прогресса и социальная философия современной буржуазии. Автореф. докт. дисс. М., 1964.

Современная философия и социология в странах Западной Европы и Америки. (Ист.-филос. очерки). «Наука», М., 1964, 474 стр.

Созни П. В. О соотношении истории и социологии. [Рец.: А. Кло-

Сковская. Социология и история. Кwartalnik historyczny, 1964, № 3]. —
Вопр. истории, 1965, № 2, стр. 190—191.

Украинцев Б. С. Новый тип общественного прогресса. — Вопр.
филос., 1962, № 1, стр. 13—24.

Украинцев Б. С. Формы диалектического единства в обществен-
ном развитии. — Вопр. филос., 1961, № 7, стр. 49—51.

Закон единства и борьбы противоположностей при социализме.
Федосеев П. [П.] и Ю. [П.] Францев. История и социоло-
гия. — Коммунист, 1964, № 2, стр. 61—74.

Хоменко Е. А. О соотношении общих и специфических законов
общественного развития. — Вопр. филос., 1954, № 4, стр. 39—47.

Специфические законы, присущие каждой формации.
Хоруж Л. Б. Критика теоретических основ буржуазной «социологии
познания». — Вопр. филос., 1964, № 3, стр. 106—117.

Шевелево А. Я. Микросоциология Ж. Гурвича и французская
буржуазная историография. — Вопр. истории, 1964, № 4, стр. 61—77.

Философия истории

Александров В. А., Б. С. Попов и С. О. Шмидт. Ра-
бота секции истории Конференции Московского ордена Ленина государствен-
ного университета имени М. В. Ломоносова, посвященной современным проб-
лемам науки (11—20 XII 1944). — Докл. и сообщ. Ист. фак. Моск. гос. ун-в.
им. Ломоносова, 1945, вып. 3, стр. 53—59.

Асланян Г. Г. Банкротство буржуазной философии истории. —
Ист.-филос. журн. АН АрмССР, 1964, № 2 (25), стр. 43—54. На арм. яз.

XIII конгресс философов в Мехико в 1963 г. Задачи философии
истории рассматривались с идеалистических позиций. Реакционность
буржуазных учений (эмпиризм, субъективизм, идеализм, религия и пр.).

Асланян Г. [Г.]. Идея прогресса в буржуазной философии истории.
Изд. АН АрмССР, Ереван, 1965, XVI, 395 стр. (АН АрмССР, Сектор филос.
и права). Библиогр.: стр. 386—393 (242 назв.).

Ганочка М. П. и В. А. Куманев. Философия и история.
[Обсуждение на секции общественных наук Президиума Акад. наук СССР
доклада П. Н. Федосеева и Ю. П. Францева «О разработке методологических
вопросов истории»]. — Вопр. филос., 1964, № 5, стр. 138—145.

Дубов Г. В. Полезный опыт сотрудничества философов и истори-
ков. — Вопр. филос., 1964, № 11, стр. 169—171.

Разработка философских проблем исторической науки.
Жуков Е. М. Понятие прогресса в мировой истории. — Вести.
АН СССР, 1961, № 4, стр. 7—18.

Кои И. С. Буржуазная философия истории в тупике. — Вопр. исто-
рии, 1960, № 12, стр. 30—54.

Кои И. С. О понятии исторического прогресса. — В сб.: Проблемы
развития в природе и обществе. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958.

Кои И. С. О современной буржуазной философии истории. Ж., 1957,
64 стр. (Общ. по распространению полит. и научн. знаний РСФСР,
Ленингр. отд.).

Кои И. С. О современной буржуазной философии истории. — Научн.
докл. высш. школы, Филос. науки, 1965, № 2, стр. 76—84.

Проблемы, стоящие перед современными буржуазными истори-
ками: методология общественно-исторических наук.

Кои И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической
мысли. Соцэкиз, М., 1959, 403 стр.

Койрад П. И. Заметки о смысле истории. — Вести. истории ми-
ровой культуры, 1961, № 2, стр. 3—33.

Кулина А. Е. Методологические поиски в американской буржуазной
историографии. (По страницам американских журналов). — Новая и новей-
шая история, 1964, № 2, стр. 132—139.

Маркари Е. С. Концепция общественного круговорота в филосо-
фии истории. — Вести. истории мировой культуры, 1957, № 2, стр. 17—32.
Резюме на франц. яз.

Медушевская О. М. Социальная история и философия истории.
[Рец. на статью франц. ученого-марксиста П. Вилара. — Pensée, 1964, déc.,
№ 118]. — Вопр. истории, 1965, № 8, стр. 193—194.

Мишин В. И. Марксистская философия истории. [К дискуссии по
поводу статьи Д. П. Чеснокова «О структуре исторического материализма»,
опубл. в журн. «Вопр. филос.» 1963, № 7]. — Вопр. филос., 1965, № 7,
стр. 154—156.

Схема курса исторического материализма, предлагаемая в дис-
куссионном порядке. Преобладание коренных философских проблем
развития мировой истории.

Момджян Х. Философия общественного развития. — Коммунист,
1965, № 4, стр. 65—77.

О методологической функции исторического материализма.

Нечкина М. В., В. Т. Пашуток Е. В. Черняк. Эволюция
исторической мысли в середине XX века. (Доклад, прочитанный на XII
Международном конгрессе исторических наук в Вене в сентябре 1965 г.). —
Вопр. истории, 1965, № 12, стр. 3—10.

Орлеанский А. И. К вопросу о закономерностях общественного
развития. — Вопр. истории, 1955, № 10, стр. 67—73.

Стокляло В. А. Несостоятельность неомитических концепций
исторического процесса. — Научн. докл. высш. школы, Филос. науки, 1965,
№ 4, стр. 60—67.

Стремление к примирению классов. Социальные реформы.
Человеческое общество — божественное установление.

Ядов В. А. Актуальные вопросы конкретных социологических ис-
следований. — Научн. докл. высш. школы, Филос. науки, 1965, № 5,
стр. 3—11.

Логика исторического исследования, познания, мышления

Грушин Б. А. Логические и исторические приемы исследования
в «Капитале» К. Маркса. — Вопр. филос., 1955, № 4, стр. 41—53.

Грушин Б. А. Маркс и современные методы исторического иссле-
дования. — Вопр. филос., 1958, № 3, стр. 11—25.

Грушин Б. А. Очерки логики исторического исследования. (Про-
цесс развития и проблемы его научного воспроизведения). «Вышш. школа», М.,
1961, 214 стр.

Ерофеев Н. А. Обсуждение английскими историками-марксистами
вопросов периодизации истории. — Вопр. истории, 1962, № 11, стр. 204—207.

Дискуссия, организованная редакцией журнала «Marxism today»
и группой историков-марксистов Великобритании.

Жуков Е. М. О принципах написания «Всемирной истории» (о ра-
боте советских историков над составлением «Всемирной истории»). — Вести.
истории мировой культуры, 1957, № 1, стр. 17—23.

О принципах периодизации, принятых при написании труда.

Иванов Г. М. Свообразие процесса отражения действительности
в исторической науке. — Вопр. истории, 1962, № 12, стр. 18—35.

Килунов А. Ф. Про природу историчного факту. — Украинськ.
ист. журн., 1965, № 8, стр. 52—58.

Коган С. Я., К. Д. Петряев и И. М. Попова. [Рец.:
В. А. Грушин. Очерки логики исторического исследования (процесс
развития и проблемы его научного воспроизведения). «Вышш. школа», М.,
1961]. — Вопр. истории, 1963, № 6, стр. 110—114.

Копини П. В. Диалектическая логика и научное исследование. —
Вопр. филос., 1962, № 10, стр. 3—9.

Значение диалектического метода в научном исследовании.
Коплин П. В. Логика научного исследования и ее основные понятия. — Вопр. филос., 1964, № 3, стр. 59—68.

Логика научного исследования. Симпозиум. Киев, 1962. Тезисы докладов симпозиума «Логика научного исследования» и семинара логиков. Изд. Киевск. ун-ва, 1962, 61 стр. (Мин. высш. и средн. спец. образования УССР, Киевск. ордена Ленина гос. ун-в. им. Т. Г. Шевченко).

Петров И. Г. Конкретность в историческом познании. — Труды Сухумск. гос. пед. инст., 1964, т. 17, стр. 3—9.

Необходимость изучения вещей и процессов во всех их связях.
Печуро Е. Э. О проблеме единичного и ее значимости для исторической науки. [Ред.: К. Б. Джойнт и Н. Рескер. Проблема единичного в истории. History and Theory, 's-Gravenhage, 1961, v. 1, № 2]. — Вопр. истории, 1962, № 11, стр. 193—194.

Подкорытов Г. А. Соотношение диалектического метода с частно-научными методами. — Вопр. филос., 1962, № 6, стр. 36—47.

Родный Н. П. Соотношение истории и логики науки. — Вопр. филос., 1965, № 3, стр. 37—46.

Рассматривается круг вопросов логики и методологии науки, решение которых предполагает историко-научный анализ.

Розенталь М. О категориях исторического и логического. — Коммунист, 1956, № 7, стр. 84—99.

Сухотин А. К. и Б. В. Сазонов. Конференция по проблемам методологии и логики науки. [Томск, окт. 1963 г.]. — Научн. докл. высш. школы, Филос. науки, 1964, № 5, стр. 116—120.

Резюме докладов. Большое количество материала по проблемам диалектической логики.

Таванец П. В. Логика научного познания и современная формальная логика. — Вопр. филос., 1964, № 3, стр. 69—77.

Таванец П. В. и В. С. Швыров. Некоторые проблемы логики научного познания. — Вопр. филос., 1962, № 10, стр. 10—21.

Туровский М. Б. Диалектика как метод построения теории. — Вопр. филос., 1965, № 2, стр. 45—56. Резюме на англ. яз.

Штаерман Е. М. О повторяемости в истории. — Вопр. истории, 1965, № 7, стр. 3—20. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстр. прим.

ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

Beiträge zur Kritik der gegenwärtigen bürgerlichen Geschichtsphilosophie. Deutsche Verl. d. Wissenschaften, Berlin, 1958, 543 S.

Bury J. The Idea of Progress. An Inquiry into its Origin and Growth. Dover, N. Y., 1955, 357 p.

Cairns G. E. Philosophies of history. Meeting of East and West in cycle — pattern theories of history. Philos. library, N. Y., [cop. 1962], XXIV, 496 p. Библиогр.: стр. 478—483.

Cantimori D. Studi di Storia. Einandi, Torino, 1959, XX, 867 p.

Collingwood R. G. The Idea of History. Oxford univ. press, N. Y., 1956, XXVIII, 339 p.

D'Arcy M. C. The Sense of history. Secular and sacred. Faber and Faber, London, 1950, 309 p.

Durkheim E. Les règles de la méthode sociologique. 10e éd. Presses univ. de France, Paris, 1947, XXIV, 151 p.

Le Développement sociale. Symposium, dirigé par R. Aron, B. F. Hoselitz. Mouton, Paris—La Hague, 1965, 340 p.

Fay V. The Idea of Progress. — Amer. Hist. Rev., 1947, v. 52, № 2, pp. 231—246.

Filozofia i sociologia XX wieku. Cz. 1—2. Wyd. 2, rozs. i uzup. Wiedza powszechna, Warszawa, 1965, cz. 1 434 s., cz. 2 420 s.

Friedmann G. La crise du progrès. Gallimard, Paris, 1956, 347 p.

Gallie W. B. Philosophy and the historical understanding. Chatto and Windus, London, 1964, 236 p.

Ginsberg M. The Idea of Progress. A Reevaluation. Beacon Press, London, 1953, 82 p.

Gottschalk L. Understanding history. A primer of historical method. Knopf, N. Y., 1954, XIX, 290 p.

Hofer W. Geschichtswissenschaft und Geschichtsphilosophie. Oldenbourg, München, 1950, 552 S.

Keller A. C. The Meaning of Progress. — Social Studies, 1951, v. 42, № 2, pp. 51—57.

Marrou H. De la connaissance historique. Ed. du Seuil, Paris, 1954, 301 p.

Oppenheimer F. Allgemeine Soziologie. T. 1—2. 2. unveränd. Aufl. Fischer, Stuttgart, 1964, T. 1 XXVIII, 442 S. T. 2 X, 1122 S.

[Oshavkov G.] Ошавков Ж. Исторический материализм и социология. Българската Академия на науките, София, 1958, 294 стр. (Българска Академия на науките, Инст. по философия).

Parsons T. Essays in sociological theory. Free press, N. Y., 1954, 459 p.

Philosophy and history. A symposium. Ed. by S. Hook. Proc. of the fifth ann. New York univ., Inst. of Philosophy, New York, May 11—12 1962. Univ. press, N. Y., 1963, XII, 403 p.

Renier G. J. History, its Purpose and Method. Beacon press, London, 1950, 272 p.

Rostow W. W. The process of economic growth. Clarendon press, Oxford, [1962], XII, 372 p.

Rothacker E. Logik und Systematik der Geschichtswissenschaften. Bouvier, Bonn, 1948, 171 S.

Sociological theory. Present-day sociology from the Past. Ed. E. F. Borgatta and H. I. Meyer. Knopf, N. Y., 1956, XVIII, 547 p.

[Stephanov N. K.] Стефанов Н. К. Вопросы на методологията на историческата науки. Изд. на Българ. акад. на науките, София, 1962, 252 стр.

Wagner F. Begegnungen von Geschichte und Soziologie bei der Deutung der Gegenwart. — Hist. Zeitschr., 1960, Bd. 192, H. 3, SS. 607—624.

Walsh W. H. Philosophy of History. An introd. Harper, N. Y., 1960, 176 p. (Harper torchbooks, The Acad. libr.).

Библиографию составили

А. Н. Велицкий и Р. Е. Рутман

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	3
Проблемы методологии истории.	
О. Л. Вайнштейн. Теоретические дисциплины истории	7
В. И. Рутенбург. Прогресс и его противники	30
И. С. Кои. Вильгельм Дильтей и его «критика исторического разума»	57
Г. И. Соболев. Проблемы общественной психологии в исторических исследованиях	91
Проблемы историографии истории СССР.	
И. П. Шаскольский. Вопрос о происхождении имени <i>Русь</i> в современной буржуазной науке	128
А. Л. Гольдберг. История России в кругу «локальных цивилизаций» (концепция русской истории в трудах А. Тойнби)	177
В. И. Билик. Предпосылки и причины победы Февральской и Великой Октябрьской социалистической революции в работах немецких буржуазных и реформистских историков послевоенного периода (1946—1963 гг.)	206
В. И. Кардашов. Приемы и методы изучения советского партизанского движения в буржуазной историографии	248
Проблемы историографии всеобщей истории.	
А. Д. Люблинская. О методологии исследования истории народных масс и социальных отношений эпохи абсолютизма	282
В. С. Дякин. «Век масс» и ответственность классов (вопрос о классовой сущности фашизма в западногерманской историографии)	315
А. А. Фурсенко. Некоторые вопросы эволюции капитализма США	339
А. М. Носков. Норвежская историческая литература о движении Сопротивления в 1940—1945 гг.	364
Приложение.	
Выборочная библиография работ по теории истории	371

Критика новейшей буржуазной историографии
Труды. Выпуск 10

Утверждено к печати
Институтом истории
Академии наук СССР

Редактор издательства Д. И. Тихонов
Художник М. И. Разулесич
Технический редактор Н. М. Татаринова
Корректоры В. В. Вичар, Э. В. Коваленко
и Ф. Я. Петрова

Сдано в набор 5/IV 1967 г. Подписано к печати
14/VIII 1967 г. РИСО АН СССР № 95—101В. Формат
бумаги 69×90¹/₁₆. Бум. л. 12. Печ. л. 24=24 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 26,79. Изд. № 3233. Тип. зак. № 238.
М-27915. Тираж 2500. Бумага типографская № 2.
Цена 1 р. 81 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1
1-я тип. издательства «Наука», Ленинград, В-34,
9 линия, д. 12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Имеются в продаже книги

Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. 1964. 484 стр. Цена 2 р. 27 к.

Первое фундаментальное исследование по западноевропейской средневековой историографии, основанное на обширном материале первоисточников.

Автор глубоко и убедительно показывает процесс превращения исторического знания в науку истории.

Обильная библиография, включившая и новейшие публикации, делает книгу необходимым справочником для историка.

Внешнеполитические проблемы современности. Ответ зарубежным авторам. 1964. 253 стр. Цена 77 к.

Кан С. В. Немецкая историография революции 1848—1849 гг. в Германии. 1962. 288 стр. Цена 92 к.

Против фальсификации истории второй мировой войны. Сборник статей. 1964. 399 стр. Цена 1 р. 76 к.

Заявки на книги издательства «Наука» направляйте в магазины копторы «Академкнига»

Адреса магазинов:

Москва, В-463, Мичуринский пр., 12,
«Академкнига», магазин «Книга — почтой»;

Ленинград, Д-120, Литейный пр., 57,
«Академкнига», магазин «Книга — почтой»

Заказы выполняются наложенным платежом

ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
218	10 снизу	367—370	218—225
373	1 сверху	Здравосмыслов	Здравомыслов

Критика буржуазной историографии